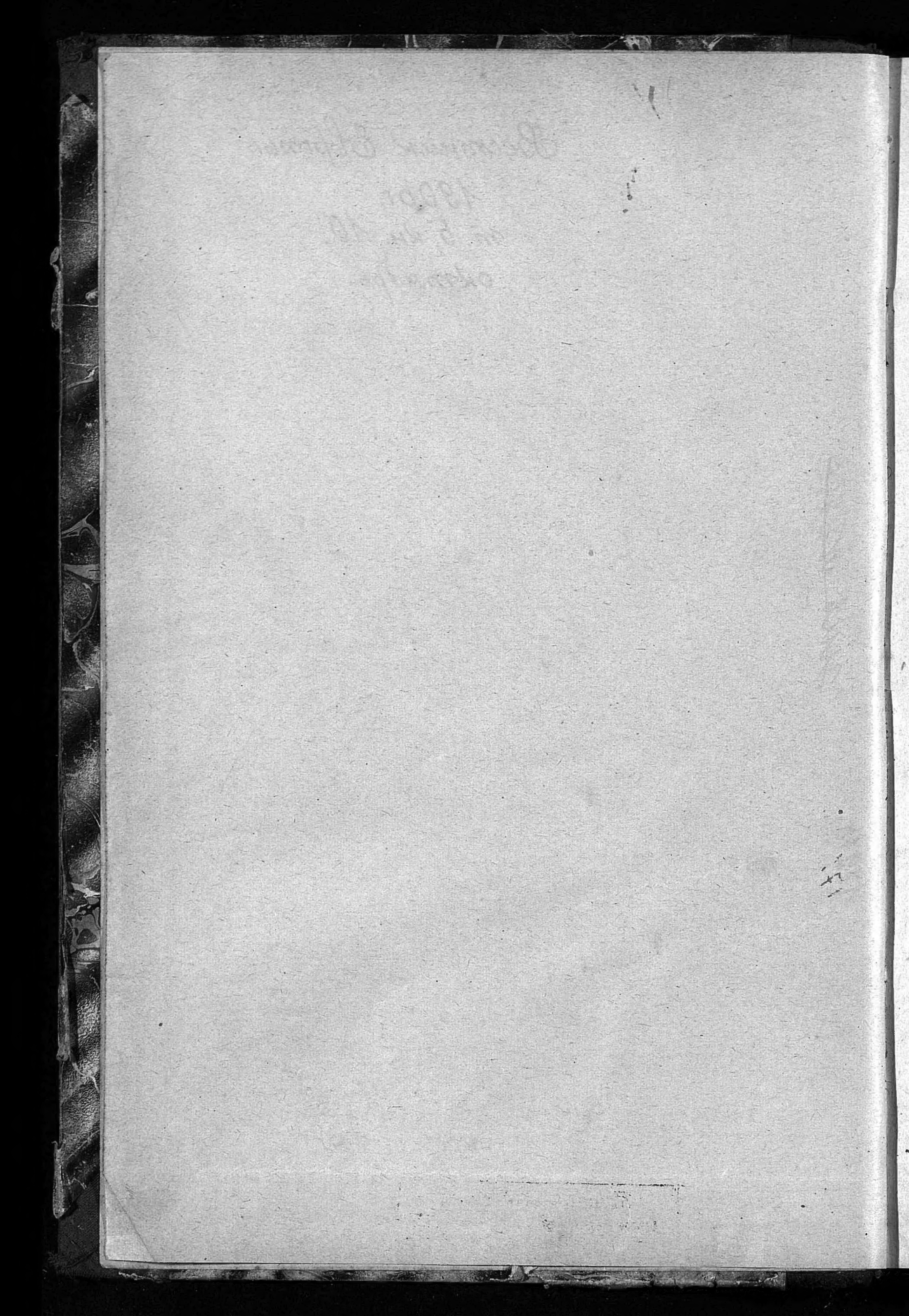


Вестник Европы.

1906 г.

т. 5, кн. 10.

октябрь.



ОБЩЕСТВЕННОЕ МНѢНІЕ

и

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВЪ АНГЛІИ

A. V. Dicey, Lectures on the Relation between Law and Public Opinion in England during the Nineteenth Century. London, 1905.



А. В. Дайси пользуется и у насъ широкою и заслуженною извѣстностью, какъ глубокій и блестящій истолкователь основныхъ началъ англійской конституціи. Сочиненіе его по этому предмету въ русскомъ переводѣ выдержало два изданія, что рѣдко выпадаетъ на долю ученыхъ произведеній. Новый трудъ знаменитаго оксфордскаго профессора, изданныя имъ „Лекціи о соотношеніи между законодательствомъ и общественнымъ мнѣніемъ въ Англіи въ теченіе XIX-го вѣка", представляетъ также огромный интересъ и отличается тѣми же достоинствами, глубиною и ясностью анализа сложныхъ явленій и вопросовъ, которыя такъ ярко выступаютъ въ его „Основахъ англійскаго конституціоннаго права".

Задача лекцій профессора Дайси, какъ то видно и изъ заглавія книги, состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить связь или соотношеніе между развитіемъ англійскаго законодательства въ XIX вѣкѣ и эволюціею англійской общественной мысли, какъ она выразилась въ тѣхъ теченіяхъ общественнаго мнѣнія, которыя послѣдовательно смѣняли другъ друга. Въ предисловіи авторъ указываетъ, что книга его не есть изслѣдованіе, а скорѣе рядъ выводовъ и размышленій. „Она написана не съ цѣлью раскрытія новыхъ фактовъ, а съ тѣмъ, чтобы изъ многихъ хорошо извѣстныхъ

фактовъ политической, соціальной и правовой исторіи извлечь заключенія, которыя нерѣдко, при всей очевидности ихъ, проходятъ незамѣченными, и которыя не лишены большого значенія".

Въ исторіи Англіи XIX-й вѣкъ представляется знаменательнымъ періодомъ первостепенныхъ политическихъ реформъ и важныхъ соціальныхъ преобразованій. Изъ страны съ аристократическимъ управленіемъ она постепенно превратилась въ демократію; широкое преобладаніе индивидуалистическихъ началъ въ ея законодательствѣ мало-по-малу уступило мѣсто инымъ теченіямъ въ духѣ развитія государственнаго вмѣшательства въ различныя стороны соціальной жизни. Глубокій переворотъ въ строѣ управленія и въ направленіи законодательства совершился безъ какихъ-либо катастрофъ и потрясеній, путемъ спокойной эволюціи общественнаго сознанія. Важнѣйшіе моменты и проявленія этой эволюціи находятъ себѣ яркое и разностороннее освѣщеніе въ книгѣ проф. Дайси.

I.

Разсмотрѣніе главныхъ теченій общественнаго мнѣнія, повліявшихъ на развитіе англійскаго законодательства въ XIX-мъ вѣкѣ, профессоръ Дайси предваряетъ нѣкоторыми общими замѣчаніями. На нихъ необходимо остановиться, такъ какъ въ нихъ выясняется основная точка зрѣнія автора на соотношеніе между общественнымъ мнѣніемъ и законодательствомъ, а также указываются главныя особенности, характеризующія развитіе и значеніе общественнаго мнѣнія въ Англіи.

Зависимость законодательства отъ измѣняющихся теченій общественнаго мнѣнія пользуется широкимъ признаніемъ. „Всѣ мы, — говоритъ Дайси, —такъ привыкли надѣлять общественное мнѣніе таинственною и почти сверхъестественною силою, что мы упускаемъ изъ вида необходимость отдать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ именно разумѣемъ мы подъ общественнымъ мнѣніемъ, а также измѣрить настоящіе предѣлы его вліянія и опредѣлить способы его воздѣйствія".

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что устойчивость человѣческихъ учрежденій находится, вообще, всюду и всегда въ тѣсной зависимости отъ убѣжденій и чувствъ того общества, въ которомъ создались эти учрежденія. Но это обстоятельство еще не даетъ возможности утверждать, что законодательство каждой страны

само представляетъ собою результатъ того, что мы разумѣемъ подъ „общественнымъ мнѣніемъ". Этимъ терминомъ, въ примѣненіи его къ законодательству, обозначается наличность въ данномъ обществѣ господствующаго убѣжденія въ томъ, что такіе-то законы благодѣтельны и потому должны быть сохраняемы, или—что они пагубны и потому должны быть измѣнены или отмѣнены. Утвержденіе, что въ такой-то странѣ законодательство направляется общественнымъ мнѣніемъ, означаетъ, что законы въ ней сохраняются или отмѣняются въ соотвѣтствіе съ взглядами или желаніями обитателей этой страны. Между тѣмъ, это утвержденіе, будучи вѣрнымъ по отношенію къ современной Англіи, не всегда можетъ быть признано вѣрнымъ для всѣхъ странъ и для всѣхъ временъ, при чемъ и для Англіи оно не всегда было вѣрнымъ.

Во-первыхъ, во многихъ обществахъ едвали даже можно признать наличность общественнаго мнѣнія,—если подъ этимъ терминомъ разумѣть сознательные взгляды населенія на измѣненіе или улучшеніе его учрежденій. Члены такихъ обществъ живутъ скорѣе подъ вліяніемъ привычекъ, чѣмъ сознательнаго мышленія, и обнаруживають традиціонную вѣрность укоренившимся обычаямъ и нежеланіе какихъ-либо перемѣнъ. Таковы восточныя страны. Въ нихъ, какъ и на Западѣ, также господствуетъ общественное мнѣніе, въ широкомъ смыслѣ этого слова; но присущее имъ нежеланіе перемѣнъ въ отношеніи къ вѣковымъ устоямъ представляетъ собою нѣчто совершенно отличное отъ общественнаго мнѣнія, которое въ Англіи XIX-го и XX-го вѣковъ постоянно требуетъ улучшеній въ законодательствѣ страны.

Во-вторыхъ, возможно указать на государства, въ которыхъ законы и учрежденія подвергались коренному измѣненію не подъ вліяніемъ идей или стремленій населенія или значительной части его, а въ силу убѣжденій, исповѣдуемыхъ небольшимъ числомъ людей и даже отдѣльными лицами, въ рукахъ которыхъ оказывалась власть. Реформы Петра Великаго въ Россіи и Фридриха Великаго въ Пруссіи проведены были не подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія русскаго народа или пруссаковъ, а силою убѣжденій этихъ отдѣльныхъ личностей, давшихъ новое направленіе законодательству и учрежденіямъ двухъ великихъ государствъ.

Въ-третьихъ, законодательство страны можетъ не отражать общественнаго мнѣнія вслѣдствіе отсутствія законодательнаго органа, который соотвѣтствовалъ бы требованіямъ времени. Скопленіе тѣхъ злоупотребленій, которыя вызвали французскую революцію, обусловливалось въ значительной степени отсутствіемъ

законодательнаго учрежденія, которое обладало бы достаточною силою и волею, чтобы осуществить реформы, давно выдвигавшіяся французскимъ образованнымъ обществомъ. Съ другой стороны, можно признать, что замедленіе въ области необходимыхъ реформъ въ Англіи конца XVIII и начала XIX вѣковъ обусловливалось не только реакціонными теченіями подъ впечатлѣніемъ французской революціи, но и несовершенствомъ законодательнаго органа, какимъ являлся до-реформенный парламентъ.

Тѣсная и непосредственная связь, существующая въ современной Англіи между общественнымъ мнѣніемъ и законодательствомъ, представляетъ собою своеобразный и заслуживающій вниманія фактъ, подобнаго которому трудно найти въ другомъ мѣстѣ. Нигдѣ перемѣны въ народныхъ убѣжденіяхъ и желаніяхъ не получали такого быстраго выраженія въ измѣненіяхъ законодательства, какъ въ Великобританіи въ XIX-мъ вѣкѣ и особенно во второй половинѣ его. Францію называютъ страною революцій, Англія славится консерватизмомъ; но бѣглаго взгляда на законодательную исторію обѣихъ странъ достаточно, чтобы убѣдиться въ ошибочности ходячаго противоположенія между французскою перемѣнчивостью и англійскою неизмѣнностью. Не взирая на рядъ революцій, происходившихъ въ Парижѣ, основныя постановленія кодекса Наполеона сохраняются неизмѣнными со времени его изданія въ 1804 году. Въ Англіи въ 1804 г. престолъ занималъ Георгъ III, и англійское общественное мнѣніе въ ту пору не было склонно къ какимъ-либо законодательнымъ или политическимъ перемѣнамъ; и однако едвали можно указать какую-либо часть англійскаго собранія статутовъ, которая между 1804 г. и настоящимъ временемъ не подверглась измѣненіямъ по существу или по формѣ, при чемъ сверхъ измѣненій, проведенныхъ черезъ парламентъ, нужно имѣть въ виду не менѣе важныя нововведенія, явившіяся въ результатѣ правотворческой дѣятельности судовъ. Съ другой стороны, Соединенные Штаты Сѣверной Америки живутъ подъ режимомъ чистой демократіи, и ни въ одной странѣ нѣтъ такой свободы выраженія мнѣній; между тѣмъ, вся исторія Соединенныхъ Штатовъ показываетъ, что, во всякомъ случаѣ, федеральное законодательство не легко поддается широкимъ и внезапнымъ перемѣнамъ, да и въ законодательствѣ отдѣльныхъ штатовъ не обнаруживается глубокихъ или рѣзкихъ перемѣнъ.

Общественное мнѣніе, находящее выраженіе въ законодательствѣ, представляетъ собою весьма сложное явленіе и часто принимаетъ форму компромисса, возникающаго изъ борьбы между

идеями правительства и чувствами или привычками населенія. „Верховная власть,—говоритъ Дайси,—можетъ находить извѣстную законодательную мѣру цѣлесообразною, но въ то же время не желать или даже не быть въ состояніи осуществить такое свое убѣжденіе, и это изъ опасенія оскорбить чувства подданныхъ, которые, хотя вообще и не принимаютъ активнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ, могутъ проявить неодолимое противодѣйствіе законамъ, нарушающимъ ихъ привычки или возмущающимъ ихъ нравственное чувство".

Сказанное примѣнимо ко всѣмъ странамъ, какова бы ни была форма правленія, но особенно рѣзко это выражается въ такой странѣ, какъ Англія, гдѣ законодательство, проходящее черезъ парламентъ, постоянно носитъ на себѣ слѣды компромисса „между просвѣщеніемъ и предразсудкомъ". Дайси отмѣчаетъ рядъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что въ XVIII-мъ вѣкѣ и позднѣе законодательство нерѣдко считалось съ невѣжествомъ и предразсудками населенія. Вальполь и его сотрудники-виги были свободны отъ ханжества, однако Вальполь никогда не согласился бы освободить диссентеровъ отъ дѣйствія Test Act'а (присяги въ отреченіи отъ папской власти), хотя диссентеры были его надежными сторонниками. Актъ 1753 года, облегчавшій натурализацію евреевъ, былъ—во вниманіе къ народному ропоту—отмѣненъ въ ближайшую сессію послѣ его изданія. Скромная мѣра 1778 г. о смягченіи уголовныхъ законовъ противъ католиковъ вызвала въ 1780 г. вспышку революціоннаго насилія; происшедшій въ этомъ году бунтъ лорда Гордона объясняетъ, если не оправдываетъ, замедленіе на долгое время эмансипаціи католиковъ. Да и самый актъ 1829 года объ эмансипаціи католиковъ является весьма интереснымъ памятникомъ законодательнаго компромисса. Мѣра эта была проведена реформистами, желавшими полнаго устраненія политическихъ ограниченій, подъ которыми находились католики въ Соединенномъ Королевствѣ; однако, въ этотъ актъ были внесены (ст. 28—36) суровыя постановленія объ изгнаніи изъ королевства „всякаго іезуита и всякаго члена какого-либо другого ордена, союза или общества римской церкви, связанныхъ монашескими или религіозными обѣтами". Какимъ образомъ случилось, что въ законъ о возстановленіи гражданскихъ правъ католиковъ внесены были уголовныя кары противъ іезуитовъ и монаховъ?—спрашиваетъ Дайси. „Отвѣтъ ясенъ. Общій характеръ закона отражаетъ просвѣщенные взгляды правящаго класса, который, пользуясь благопріятными обстоятельствами, провелъ мѣру религіозной терпи-

мости, въ разрѣзъ съ предразсудками народа. Уголовныя постановленія, грозящія іезуитамъ и монахамъ изгнаніемъ, которое никогда, однако, ни въ единомъ случаѣ не было примѣнено, являются памятникомъ уступки, сдѣланной народному ханжеству государственнымъ тактомъ парламентскихъ дѣятелей".

Положенію, по которому развитіе законодательства зависитъ отъ общественнаго мнѣнія, можетъ быть противопоставлено указаніе, что въ вопросахъ законодательства люди руководствуются главнымъ образомъ своимъ интересомъ, а не убѣжденіемъ въ хорошихъ качествахъ того или другого закона. Внимательный анализъ показываетъ, однако, что между этимъ указаніемъ и приведеннымъ положеніемъ нѣтъ никакого противорѣчія.

Совершенно вѣрно, что въ законодательствѣ люди руководствуются болѣе всего своимъ дѣйствительнымъ или кажущимся интересомъ. Это до такой степени вѣрно, что изъ обозрѣнія законовъ страны часто нетрудно догадаться, какому классу принадлежала или принадлежитъ господствующая власть въ данное время. Стóитъ бросить бѣглый взглядъ на законы и учрежденія въ эпоху среднихъ вѣковъ, чтобы сейчасъ же замѣтить, что господствующая власть была связана съ землевладѣніемъ. Кто, ознакомившись съ сборникомъ законовъ Ямайки или Южной Каролины, не обнаружитъ, что въ извѣстное время бѣлые были деспотическими владыками надъ черными? Кто изъ контраста между англійскимъ земельнымъ правомъ и современнымъ земельнымъ законодательствомъ Франціи не усмотритъ, что въ Англіи политическая власть сосредоточивалась въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, а въ современной Франціи она находится въ рукахъ мелкихъ собственниковъ? Законы о свободѣ торговли 1846 г. и позднѣйшихъ годовъ показываютъ намъ, что политическая власть въ Англіи перешла въ то время въ руки промышленниковъ и торговцевъ. Даже незнакомому съ исторіею парламентскихъ реформъ въ Англіи легко было бы, по важнѣйшимъ изъ новыхъ статутовъ, замѣтить, что въ теченіе XIX-го вѣка усилилась политическая власть сначала среднихъ классовъ, затѣмъ городскихъ рабочихъ и наконецъ сельскихъ рабочихъ. Словомъ, связь между законодательствомъ и интересами законодателей вполнѣ очевидна.

На указанное выше противопоставленіе Дайси отвѣчаетъ слѣдующими словами Юма: „Хотя люди въ значительной степени управляются интересомъ, однако самый интересъ и всѣ человѣческія дѣла всецѣло управляются *убѣжденіемъ*". Слѣдовательно, если мы и допустимъ, что люди, имѣющіе власть въ дѣлѣ изда-

нія законовъ, всецѣло руководствуются желаніемъ обезпечить свои личные и эгоистическіе интересы, то все-таки пониманіе ими своего интереса и, стало быть, самое законодательство ихъ опредѣляются ихъ взглядами, ихъ убѣжденіями; и потому тамъ, гдѣ общество имѣетъ вліяніе, развитіе законодательства направляется общественнымъ мнѣніемъ.

Въ связи съ этимъ Дайси высказываетъ нѣсколько глубокихъ соображеній о соотношеніи между интересомъ и убѣжденіемъ.

Граждане цивилизованной страны, какъ Англія, большею частью вовсе не проявляютъ узкаго эгоизма въ обычномъ смыслѣ этого слова. Они, безъ сомнѣнія, стремятся обезпечить свои интересы, т.-е. увеличить свои удобства и уменьшить свои неудобства, но они вовсе не имѣютъ въ виду принести въ жертву своимъ частнымъ выгодамъ благополучіе своихъ ближнихъ или благосостояніе государства. Правда, отдѣльныя лица и еще чаще классы постоянно поддерживаютъ законы и учрежденія, которые они считаютъ благодѣтельными для себя, но которые на дѣлѣ оказываются вредными для другихъ. Однако, такой образъ дѣйствій, въ девяти случаяхъ изъ десяти, находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что люди легко приходятъ къ убѣжденію, что мѣры, выгодныя для нихъ, благодѣтельны и для другихъ. Англійскіе мануфактуристы искренно вѣрили въ протекціонизмъ, пока считали его благодѣтельнымъ для промышленности, и стали такъ же искренно вѣрить въ свободу торговли съ тѣхъ поръ, какъ въ нихъ окрѣпло убѣжденіе, что свобода хлѣбной торговли окажется благопріятной для торговли вообще и принесетъ дополнительныя выгоды для мануфактурной промышленности. Крупные землевладѣльцы и фермеры, извлекавшіе выгоды отъ высокихъ цѣнъ на хлѣбъ, были вообще совершенно честными протекціонистами; они были убѣждены, что протекціонизмъ, вынуждая страну обходиться собственными средствами и расширяя сферу земледѣлія, составлялъ большое благодѣяніе для націи. Въ настоящее время рабочій, думающій, что благосостояніе рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его собственное благополучіе, развивается благодаря трэдъ-юніонизму, добросовѣстно убѣжденъ въ томъ, что нѣтъ ничего худого въ тѣхъ пріемахъ дѣятельности, которые, хотя ими и стѣсняется личная свобода отдѣльныхъ рабочихъ, увеличиваютъ вліяніе рабочихъ союзовъ.

Дайси находитъ нужнымъ подчеркнуть, что изъ разнообразныхъ видовъ общественнаго мнѣнія онъ въ своей работѣ имѣетъ дѣло только съ тѣми проявленіями общественнаго мнѣнія, которыя отражаются въ законодательствѣ,—съ тѣмъ, что онъ назы-

ваетъ „законодательнымъ общественнымъ мнѣніемъ" (law-making or legislative public opinion). Поэтому теченія общественной мысли, какъ индивидуализмъ и соціализмъ, получаютъ у него лишь общее освѣщеніе, при которомъ не приходится вникать въ такіе оттѣнки, какъ, напр., различіе между абсолютнымъ индивидуализмомъ Герберта Спенсера и практическимъ или утилитарнымъ индивидуализмомъ Д. С. Милля и Г. Сиджвика. Съ другой стороны, ему не приходится касаться также и крайнихъ формъ индивидуализма и соціализма. „Крайнія и логически послѣдовательныя теоріи,—говоритъ Дайси,—не оказывали существеннаго воздѣйствія на развитіе англійскаго права въ теченіе XIX вѣка. Только умѣренный индивидуализмъ, хотя бы и непослѣдовательный, какъ, съ другой стороны, только умѣренный соціализмъ, хотя бы и непослѣдовательный, повліяли на выработку англійскихъ законовъ и потому могутъ быть признаны законодательнымъ общественнымъ мнѣніемъ. Намъ нечего касаться того индивидуализма, который требуетъ даже уничтоженія государственной организаціи почтоваго дѣла, какъ и того соціализма, который требуетъ націонализаціи земли".

Говоря объ общественномъ мнѣніи, не слѣдуетъ забывать, что оно можетъ проявляться и отрицательнымъ образомъ,—вліять не только на созданіе законовъ, но и на остановку въ ихъ развитіи, какъ это было въ Англіи въ началѣ XIX вѣка. Впрочемъ, въ Англіи,—замѣчаетъ Дайси,—періоды оживленной законодательной дѣятельности всегда были исключительными. Ихъ можно свести къ четыремъ, а именно: эпоха Эдуарда I, вѣкъ Тюдоровъ, періодъ реставраціи и эпоха, слѣдовавшая за актомъ о реформѣ 1832 г. и начавшаяся немного раньше. „Не слѣдуетъ и удивляться,—говоритъ Дайси,—что отсутствіе оживленнаго законодательства было общимъ правиломъ, а не исключеніемъ. Во всякой странѣ, управляемой согласно съ желаніями населенія, вообще не существуетъ особеннаго стремленія къ перемѣнамъ. И это соображеніе заслуживаетъ вниманія, такъ какъ законодательная дѣятельность, болѣе или менѣе преобладавшая въ послѣднія семьдесятъ лѣтъ, вызываетъ въ англичанахъ иллюзію, что народное чувство всегда благопріятствуетъ дѣятельному законодательству. Во всякомъ случаѣ, опытъ демократическихъ странъ, въ которыхъ конституція обезпечиваетъ регулярный способъ апелированія отъ законодательнаго собранія къ народу, показываетъ, что голосъ народа можетъ быть одинаково склоненъ къ задержанію, какъ и къ возбужденію энергіи парламентскихъ законодателей. По крайней мѣрѣ, возможно, что въ Англіи за-

конодательная дѣятельность парламента снова ослабѣетъ и страна вступитъ въ новый періодъ законодательнаго затишья".

Въ общественномъ мнѣніи Англіи, въ соотношеніи его съ развитіемъ законодательства XIX вѣка, можно усмотрѣть нѣсколько характерныхъ особенностей, которыя могутъ быть сведены къ пяти пунктамъ: наличность въ каждый данный періодъ преобладающаго теченія общественнаго мнѣнія; происхожденіе такого теченія; непрерывность въ развитіи его; сдержки, встрѣчаемыя имъ отъ теченій противныхъ и перекрестныхъ; вліяніе самихъ законовъ на развитіе общественнаго мнѣнія.—Разсмотримъ эти особенности.

1) Въ каждый данный моментъ существуетъ совокупность вѣрованій, убѣжденій, чувствъ, усвоенныхъ принциповъ или укоренившихся предразсудковъ, которые вмѣстѣ образуютъ общественное мнѣніе извѣстной эпохи. Вліяніе такого господствующаго или преобладающаго теченія прямо или косвенно опредѣляетъ въ Англіи развитіе законодательства.

Такія теченія общественнаго мнѣнія пріобрѣтаютъ свою силу и размахъ постепенно и сами въ свою очередь задерживаются или замѣняются другими теченіями, которыя получаютъ силу лишь по прошествіи извѣстнаго промежутка времени.

2) Теченіе общественнаго мнѣнія, оказывающее вліяніе на законодательство, возникаетъ нерѣдко, по крайней мѣрѣ въ современной Англіи, подъ воздѣйствіемъ какого-нибудь одного мыслителя или какой-либо школы. Хотя и говорятъ иногда, и не безъ основанія, что такое-то убѣжденіе „носится въ воздухѣ" и составляетъ какъ бы общее достояніе, однако рѣдко бываетъ, что такое убѣжденіе развивается въ массахъ самопроизвольно.

Вотъ какъ обыкновенно складываются теченія общественнаго мнѣнія въ Англіи. У какого-нибудь оригинальнаго или геніальнаго мыслителя зарождается новая и, допустимъ, совершенно вѣрная идея; онъ самъ, или восторженный послѣдователь его, проповѣдуетъ ее своимъ друзьямъ или ученикамъ; послѣдніе въ свою очередь также проникаются убѣжденіемъ въ важности и истинности идеи, и мало-по-малу ее принимаетъ уже цѣлая школа. Апостолы новой вѣры производятъ, наконецъ, впечатлѣніе либо на публику въ широкомъ смыслѣ, либо на какого-нибудь выдающагося государственнаго дѣятеля, который своимъ вліяніемъ обезпечиваетъ новой идеѣ поддержку націи. Однако, конечный успѣхъ новой идеи, религіозной, экономической или политической, лишь въ слабой степени зависитъ отъ силы аргументаціи, съ которою защищается идея, или даже отъ энтузіазма

ея сторонниковъ. Перемѣна въ убѣжденіяхъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ стеченія обстоятельствъ, которыя склоняютъ большинство отнестись благопріятно къ идеямъ, являвшимся прежде нелѣпостями или парадоксами въ глазахъ людей здравомыслящихъ. Ошибочно было бы думать, что, напримѣръ, доктрина о свободѣ торговли восторжествовала благодаря тому, что она была усвоена большинствомъ населенія путемъ логическихъ разсужденій. Какъ ни велика была роль такихъ людей, какъ Кобденъ и Брайтъ, которые съ удивительною энергіею выполнили свою задачу по распространенію идей свободной торговли,—послѣдняя замѣнила протекціонизмъ больше всего подъ воздѣйствіемъ внѣшнихъ и почти случайныхъ обстоятельствъ.

3) Развитіе общественнаго мнѣнія характеризуется медленностью, иногда весьма значительною. „Богатство народовъ" Адама Смита, давшаго систематическое изложеніе ученію о свободѣ торговли, было издано въ 1776 году; между тѣмъ, политика свободной торговли была усвоена Англіею только въ 1846 году. Всѣ главные доводы въ пользу эмансипаціи католиковъ были высказаны Боркомъ между 1760 и 1797 годами, но законъ объ эмансипаціи католиковъ изданъ былъ лишь въ 1829 году. Рядъ фабричныхъ законовъ начинается съ 1802 года; движеніе, осязательнымъ результатомъ котораго являются они, достигло своего перваго рѣшительнаго торжества въ 1847 году и свое систематическое, хотя, разумѣется, и не окончательное, развитіе получило въ сводѣ рабочаго законодательства подъ названіемъ „Factory and Workshop Act" 1901 года.

Благодаря обычному консерватизму, свойственному даже горячимъ реформистамъ въ Англіи, и пріемамъ англійскаго парламентскаго управленія, развитіе законодательнаго общественнаго мнѣнія становится еще болѣе медленнымъ вслѣдствіе укоренившагося предпочтенія къ законодательству частичному и постепенному. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ и подъ давленіемъ какого-нибудь кризиса англійскіе законодатели склоняются къ осуществленію сразу какого-либо широкаго начала и его логическихъ и необходимыхъ послѣдствій. Уже въ концѣ XVIII вѣка въ средѣ образованныхъ англичанъ окрѣпло убѣжденіе въ несправедливости ограниченія правъ католиковъ. Но уголовные законы противъ католиковъ отмѣнялись постепенно; они были смягчены въ 1778 и затѣмъ въ 1791 годахъ. Въ политическихъ правахъ католики были уравнены лишь въ 1829 году, при чемъ и послѣ этого не одинъ актъ парламента понадобилось издать для устраненія остатковъ прежнихъ уголовныхъ законовъ. Общій

принципъ, что религіозное вѣрованіе или отсутствіе религіозныхъ убѣжденій не должно лишать человѣка политическихъ правъ, былъ наконецъ признанъ, но понадобился длинный рядъ актовъ, между 1721 и 1888 годами, чтобы принципъ этотъ получилъ полное осуществленіе даже по отношенію къ праву засѣдать въ парламентѣ. Сводъ рабочаго законодательства есть результатъ болѣе сорока мѣръ, изданныхъ въ XIX вѣкѣ. Смягченіе уголовнаго законодательства Англіи совершилось путемъ изданія серіи отдѣльныхъ актовъ, изъ которыхъ каждый касался отдѣльныхъ видовъ преступленій. Если число преступныхъ дѣяній, караемыхъ смертною казнью, упало съ 160 до 2, то эта гуманизація англійскаго права составляетъ результатъ многихъ актовъ, проведенныхъ главнымъ образомъ между 1827 и 1861 годами.

Рядомъ съ медленностью развитіе англійскаго общественнаго мнѣнія характеризуется безпрерывностью, которая въ рѣдкихъ случаяхъ нарушается какими-либо отклоненіями. Въ связи съ этимъ Дайси отмѣчаетъ нѣсколько характерныхъ свойствъ англійскаго общественнаго мнѣнія.

Общественное теченіе, вызывающее измѣненіе въ законодательствѣ, есть, въ извѣстномъ смыслѣ, теченіе того момента, когда совершается дѣйствительная перемѣна въ законодательствѣ; въ другомъ смыслѣ оно нерѣдко являлось въ Англіи теченіемъ, господствовавшимъ лѣтъ двадцать или тридцать передъ тѣмъ; въ дѣйствительности оно является теченіемъ не сегодняшнимъ, а вчерашняго дня.

Законодательное теченіе, конечно, должно быть теченіемъ дня, потому что, когда измѣняются законы, измѣненіе осуществляется законодателями, дѣйствующими въ убѣжденіи, что эта перемѣна есть исправленіе; но такое теченіе является также и теченіемъ вчерашняго дня, потому что убѣжденія, укоренившіяся настолько, чтобы вызвать измѣненіе закона, созданы были мыслителями и писателями, которые проявляли свое вліяніе задолго до совершившейся перемѣны въ законодательствѣ. Вполнѣ возможно, что какое-либо нововведеніе осуществляется уже тогда, когда люди, ратовавшіе въ пользу него, покоятся въ могилахъ, или даже когда обнаружилось уже движеніе противъ идей, получающихъ осуществленіе въ законодательствѣ.

„Нѣтъ ничего мистическаго, — говоритъ Дайси, — въ томъ пути, которымъ вчерашняя мысль или чувство направляетъ сегодняшнюю политику или законодательство. Законодательная работа совершается въ Англіи людьми пожилыми; политическіе дѣятели, руководящіе палатою общинъ, не говоря уже о пэрахъ,

руководящихъ палатою лордовъ, имѣютъ очень немногіе менѣе тридцати лѣтъ, а большинство изъ нихъ свыше сорока лѣтъ. Ихъ убѣжденія и, что еще важнѣе, ихъ предубѣжденія сложились въ пору ранней молодости, которая является единственнымъ періодомъ жизни, когда люди легко поддаются новымъ идеямъ. Поэтому англійскіе законодатели сохраняютъ предразсудки или привычки мышленія, усвоенные ими въ юности, и когда въ болѣе пожиломъ возрастѣ имъ приходится принимать активное участіе въ законодательствѣ, они ведутъ свою законодательную работу въ соотвѣтствіи съ доктринами, господствовавшими вообще или въ кругу, къ которому они принадлежали, въ дни ихъ молодости. Слѣдовательно, законодатели 1850 года могутъ осуществлять теченія 1830, а законодатели 1880 могутъ внести въ книгу статутовъ убѣжденія 1860 гг., или, скорѣе, тѣ идеи, которыя привлекали юношей—въ первомъ случаѣ 1830-хъ годовъ, во второмъ—1860-хъ".

4) Рядомъ съ господствующимъ направленіемъ общественнаго мнѣнія обыкновенно существуютъ теченія противныя и теченія перекрестныя (counter-currents and cross-currents of opinion).

Подъ теченіемъ противнымъ разумѣется совокупность взглядовъ, вѣрованій и чувствъ, болѣе или менѣе противоположныхъ господствующему направленію. Съ одной стороны, такія теченія являются отраженіемъ идей и убѣжденій, утрачивающихъ свое вліяніе на данное поколѣніе, особенно на юную часть его. Съ другой стороны, они могутъ быть выраженіемъ новыхъ идеаловъ, начинающихъ оказывать вліяніе на молодежь; надежды и мечты поколѣнія, вступающаго въ жизнь, подрываютъ силу господствующаго направленія.

Теченія противныя, каковъ бы ни былъ ихъ источникъ, имѣютъ одно непремѣнное и одно возможное послѣдствіе.

Непремѣннымъ послѣдствіемъ является то, что теченія противныя оказываются тормазомъ для проявленій господствующаго направленія. Такъ, въ періодъ отъ 1830 до 1850 гг. тогдашній либерализмъ бентамовскій, въ ту пору достигшій высшаго авторитета, встрѣчалъ тормазъ въ старомъ торизмѣ, терявшемъ свое значеніе. Этимъ тормазился процессъ парламентской реформы, движеніе въ сторону демократіи. Первый актъ о реформѣ (1832 г.) оставался безъ измѣненія болѣе тридцати лѣтъ, хотя онъ далеко не удовлетворялъ ни радикаловъ, желавшихъ тайной подачи голосовъ, ни рабочихъ-демократовъ, ратовавшихъ за „народную хартію". Реформисты не въ меньшей степени, чѣмъ

тори, испытали на себѣ вліяніе противнаго теченія. Нѣкоторые изъ выдающихся членовъ министерства, проведшаго реформу 1832 г., въ 1834 г. сдѣлались консерваторами и въ 1841 г. вошли въ составъ консервативнаго кабинета.

Возможнымъ, но не необходимымъ послѣдствіемъ сильнаго противнаго теченія можетъ быть отсрочка реформы на столь значительное время, что или ее оказывается невозможнымъ провести, или она получаетъ характеръ совершенно отличный отъ первоначально задуманной мѣры. Напримѣръ, когда въ 1785 г. вліяніемъ торизма было отвергнуто предложеніе Питта о лишеніи избирательныхъ правъ 36 „гнилыхъ" мѣстечекъ, съ вознагражденіемъ ихъ владѣльцевъ, и о предоставленіи дополнительныхъ мѣстъ графствамъ и Лондону, то это имѣло своимъ результатомъ далеко не одну отсрочку парламентской реформы почти на пятьдесятъ лѣтъ. Актъ 1832 года о реформѣ по существу явился мѣрою совершенно отличною отъ предложенія Питта. Въ свою очередь въ самый разгаръ торжества либерализма 1830 года вліяніе его встрѣтило противодѣйствіе со стороны отживавшаго торизма, и движеніе въ сторону демократіи задержалось до 1867 года. Но эта задержка была не простою отсрочкою либеральныхъ реформъ. Старый торизмъ погибалъ медленно. Успѣлъ возникнуть новый торизмъ, въ которомъ демократическое чувство, съ сильнымъ оттѣнкомъ соціализма, сочеталось съ тою вѣрою въ „попечительный деспотизмъ государства" (paternal despotism of the State), которая входила въ составъ убѣжденій стараго торизма. Въ самомъ либерализмѣ въ концѣ концовъ видное мѣсто заняла увѣренность въ благодѣтельномъ значеніи государственнаго вмѣшательства—черта, совершенно чуждая либерализму 1832 года.

Подъ терминомъ „перекрестныя" теченія общественнаго мнѣнія Дайси разумѣетъ совокупность убѣжденій и чувствъ, которыя, будучи достаточно сильными, чтобы оказывать воздѣйствіе на законодательство, являются, однако, до извѣстной степени независимыми отъ господствующаго направленія, хотя, быть можетъ, и не прямо враждебными ему.

Такія перекрестныя теченія являются часто, если не всегда, отраженіемъ особеннаго положенія или предубѣжденій отдѣльныхъ классовъ, каковы духовенство, армія или рабочіе, въ міровоззрѣніи которыхъ выступаетъ ихъ особенная точка зрѣнія. Такое теченіе отличается отъ теченія противнаго тѣмъ, что оно не столько прямо противодѣйствуетъ господствующему направленію, сколько вызываетъ отклоненіе или видоизмѣненіе въ его проявле-

ніяхъ. Такъ, чтобы надлежащимъ образомъ понять церковное законодательство послѣ 1832 года, историку необходимо принять въ соображеніе какъ главное теченіе общественнаго мнѣнія, съ характеромъ болѣе или менѣе антиклерикальнымъ, такъ и сильное перекрестное теченіе клерикальное, которое, будучи благопріятнымъ авторитету установленной церкви, повліяло на законодательство не только по чисто церковнымъ дѣламъ, но и въ такой области, какъ народное образованіе, которое на первый взглядъ стоитъ внѣ воздѣйствія религіозныхъ вѣрованій.

5) Законы, развивающіеся подъ воздѣйствіемъ общественнаго мнѣнія, сами въ свою очередь могутъ быть факторомъ въ развитіи теченій общественной мысли.

Въ каждомъ законѣ въ основѣ лежитъ какой-либо общій принципъ, который становится предметомъ общественнаго вниманія и можетъ оказать значительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе законодательныхъ теченій. Нерѣдко значеніе законовъ выражается не столько въ непосредственныхъ результатахъ ихъ, сколько въ томъ воздѣйствіи, которое они оказываютъ на чувства и убѣжденія населенія.

Актъ о реформѣ 1832 года лишилъ нѣкоторые бурги избирательныхъ правъ и надѣлилъ извѣстное число гражданъ, принадлежавшихъ главнымъ образомъ къ среднимъ классамъ, правомъ участвовать въ избраніи членовъ парламента. Но дѣйствительное значеніе этого акта выразилось въ томъ вліяніи, какое онъ оказалъ на общественное мнѣніе. Съ этой точки зрѣнія реформа явилась революціею. Она измѣнила народное воззрѣніе на государственный строй и показала англичанамъ, разъ навсегда, что учрежденія, которыя по традиціи представлялись какъ бы неизмѣнными, могутъ быть, легко и безъ насилія, измѣнены. Она придала авторитетность демократической доктринѣ и содѣйствовала укрѣпленію убѣжденія или иллюзіи, что воля народа можетъ быть выражаема только черезъ избранныхъ представителей.

Актъ о разводѣ 1857 года, повидимому, только облегчалъ возможность полученія развода. На самомъ дѣлѣ онъ далъ національную санкцію воззрѣнію на бракъ, какъ на договорное отношеніе, и укрѣпилъ убѣжденіе въ томъ, что брачный договоръ, подобно всякому соглашенію, можетъ подлежать расторженію, когда онъ не достигаетъ своей цѣли. Этотъ актъ и порожденныя имъ теченія находятся въ тѣсномъ соотношеніи съ актами 1870—1893 гг. объ имущественныхъ правахъ замужнихъ женщинъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что эти мѣры въ свою очередь содѣйствовали укрѣпленію того взгляда, что женщины должны

быть передъ закономъ въ одинаковомъ съ мужчинами положеніи, и помогли развитію законодательства въ духѣ такого уравненія. Въ этомъ отношеніи законы оказали глубокое воздѣйствіе не только въ области законодательныхъ теченій, но и въ области соціальныхъ воззрѣній страны на положеніе женщинъ.

Вліяніе законовъ на общественное мнѣніе есть лишь одно изъ проявленій того соотношенія, какое существуетъ между развитіемъ политическихъ идей и политическими фактами; въ ряду такихъ фактовъ законы представляются важнѣйшими, и потому совершенно естественно ихъ вліяніе на общественное мнѣніе.

Для уясненія факторовъ развитія законодательства заманчивой и правдоподобной является теорія, въ силу которой ходъ англійскаго законодательства опредѣлился подъ вліяніемъ тенденціи въ сторону демократіи. Этотъ тезисъ Дайси подвергаетъ внимательному разсмотрѣнію, высказывая рядъ весьма существенныхъ и интересныхъ соображеній.

Въ 1800 году государственный строй Англіи представляется аристократическимъ. Господствующее положеніе занималъ классъ землевладѣльцевъ и крупныхъ промышленниковъ; общественныя условія, чувства и взгляды англичанъ 1800 года были еще болѣе аристократическими, чѣмъ сами политическія учрежденія. Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что въ 1900 году, и даже значительно раньше, англійская конституція превратилась въ своего рода демократію. Преобладающее положеніе землевладѣльцевъ исчезло; уничтоженіе великимъ актомъ о реформѣ „гнилыхъ“ мѣстечекъ было основою и признакомъ глубокой перемѣны въ системѣ управленія. Избирательныя права, принадлежавшія прежде главнымъ образомъ землевладѣльцамъ, были расширены, такъ что преобладающее положеніе перешло къ среднему классу и промышленникамъ. Въ 1867 г. избирательныя права были предоставлены городскимъ рабочимъ. Послѣдующее законодательство, завершившееся актами 1884—1885 гг., надѣлило тѣми же правами домохозяевъ въ графствахъ, и въ концѣ концовъ въ Англіи установилась система, при которой она управляется демократіею домохозяевъ. Эти измѣненія въ политическихъ учрежденіяхъ сопровождались еще болѣе замѣчательными перемѣнами, въ демократическомъ направленіи, общественныхъ чувствъ.

Такимъ образомъ, переходъ отъ аристократіи къ демократіи представляется несомнѣннымъ. Не кроется ли именно въ этомъ переходѣ главная причина всѣхъ существенныхъ измѣненій въ законодательствѣ страны?

На этотъ вопросъ нужно отвѣтить, прежде всего, указаніемъ,

что выраженіе „успѣхи демократіи“ или, скорѣе, идея, вкладываемая въ это и подобныя ему выраженія, представляется неясною и неопредѣленною, и что, каковъ бы ни былъ смыслъ термина „успѣхи демократіи“, развитіе новѣйшаго законодательства Англіи можетъ быть объяснено этими успѣхами въ гораздо меньшей степени, чѣмъ то кажется на первый взглядъ.

Терминомъ „демократія“ обозначается или извѣстный общественный строй, или форма правленія. Такъ, въ сочиненіяхъ Токвилля подъ словомъ „демократія“ разумѣется не государственная форма, а совокупность общественныхъ условій, при которыхъ существуетъ общее равенство въ правахъ и общность мыслей, чувствъ и идеаловъ. Демократія въ такомъ смыслѣ не имѣетъ необходимой связи ни съ индивидуальною свободою, ни съ народнымъ управленіемъ; съ послѣднимъ она совмѣстима въ такой же степени, какъ и съ деспотизмомъ или имперіализмомъ. При такомъ пониманіи термина „демократія“, какъ совокупности общественныхъ условій, развитіе демократіи не можетъ быть ключомъ къ объясненію особенностей въ развитіи англійскаго права. Допустимъ, въ интересахъ аргументаціи (хотя въ дѣйствительности это предположеніе требуетъ значительныхъ ограниченій), что въ исторіи англійской, какъ и вообще европейской цивилизаціи проявляется постоянное, хотя и безсознательное движеніе въ сторону созданія условій равенства и общности, и что всякая перемѣна, въ томъ числѣ и измѣненія въ законодательствѣ, связана съ ростомъ демократіи или составляетъ его проявленіе,—и мы придемъ къ совершенно вѣрному, но безплодному заключенію, что развитіе англійскаго права и вообще англійскихъ учрежденій въ XIX вѣкѣ обусловливается общимъ состояніемъ англійскаго общества. Это одно изъ тѣхъ объясненій, которыя, объясняя все, именно поэтому не объясняютъ въ сущности ничего.

Въ томъ болѣе тѣсномъ смыслѣ, который англійскими писателями обыкновенно связывается со словомъ „демократія“, подъ нею разумѣется не общественное состояніе, а форма государственнаго устройства, въ которой верховная власть принадлежитъ численному большинству гражданъ мужескаго пола. Въ этомъ смыслѣ „успѣхи демократіи“ означаютъ переходъ верховной власти отъ одного лица или отъ привилегированнаго и немногочисленнаго класса къ большинству гражданъ.

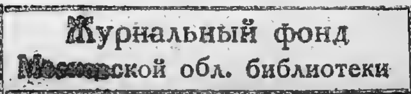
Въ такомъ пониманіи формулы „успѣхи демократіи“ ими дѣйствительно объясняются измѣненія въ англійской конституціи, хотя опять-таки до извѣстной степени. Нѣкоторыя замѣчательныя явленія, даже въ области конституціоннаго права, не полу-

чаютъ объясненія въ самомъ фактѣ демократическаго прогресса. Почему, напр., конституція Англіи, податливой къ воздѣйствію общественнаго мнѣнія въ большей степени, чѣмъ какая-либо другая страна, не сдѣлалась вполнѣ демократическою и во всякомъ случаѣ представляется не столь демократическою, какъ конституціи Франціи, Швейцаріи, Соединенныхъ Штатовъ, или (что еще замѣчательнѣе) самоуправляющихся англійскихъ колоній, каковы Канада и Австралійскій союзъ? Не даетъ движеніе въ сторону демократіи объясненія и тому, какимъ образомъ о требованіи всеобщаго избирательнаго права, которое такъ рѣшительно заявлялось въ эпоху чартистскаго движенія въ срединѣ XIX вѣка, теперь почти не слышно вовсе.

Въ еще меньшей степени въ успѣхахъ демократіи можно почерпнуть объясненіе развитію тѣхъ отраслей законодательства, которыя не имѣютъ отношенія къ распредѣленію политической власти. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго.

Мысль о томъ, что уже самымъ фактомъ существованія въ извѣстной странѣ демократическихъ учрежденій объясняется ходъ развитія законодательства въ ней, опирается на признаніе, что демократія повсюду влечетъ за собою появленіе однородныхъ законовъ и учрежденій. Это признаніе, весьма распространенное, не имѣетъ, однако, достаточнаго фактическаго обоснованія. Правда, мы съ большимъ вѣроятіемъ можемъ допустить, что въ демократической странѣ не можетъ быть проведенъ или, по крайней мѣрѣ, оставаться долговѣчнымъ ни одинъ законъ, противный желаніямъ народа или, другими словами, тѣмъ чувствамъ, которыя преобладаютъ въ большинствѣ гражданъ. Однако больше этого отрицательнаго заключенія нельзя извлечь изъ соотношенія между успѣхами демократіи и развитіемъ законовъ, не касающихся распредѣленія политической власти. Эта невозможность выступаетъ изъ того очевиднаго обстоятельства, что хотя въ демократической странѣ издаваемые законы должны соотвѣтствовать желаніямъ и вкусамъ народа, безусловно невозможно по апріорнымъ соображеніямъ предсказать, изданія какихъ законовъ пожелаетъ народъ въ данное время.

Объясненіе того, что это положеніе, при всей его основательности, не пользуется общимъ признаніемъ, Дайси усматриваетъ въ странной иллюзіи, которой подвержены одинаково какъ сторонники, такъ и противники демократическихъ перемѣнъ. Демократія представляетъ собою сравнительно новую государственную форму. Реформисты, стремящіеся къ проведенію извѣстныхъ перемѣнъ, какъ, напр., отдѣленіе церкви, созданіе кресть-



янской собственности или регулированіе труда государствомъ въ интересахъ рабочихъ, находятся въ положеніи, похожемъ на положеніе людей, ожидающихъ великихъ для страны благъ отъ возведенія на престолъ новаго монарха; они предполагаютъ, что новый суверенъ — въ данномъ случаѣ демократія—осуществитъ тѣ идеи благодѣтельнаго законодательства и хорошаго управленія, которыя исповѣдуются реформистами, обезпечившими за сувереномъ государственную власть. Виги 1830 г. полагали, что реформированный парламентъ осуществитъ идеи, которыя проводились на страницахъ главнаго органа ихъ — „Edinburgh Review". Фритредеры 1846 г., несмотря на бывшій передъ ними примѣръ Франціи и Америки, отожествляли прогрессъ демократіи съ принятіемъ свободы торговли. Противники демократическихъ новшествъ также не были свободны отъ заблужденія, подобнаго тому, въ которомъ пребывали демократы со своими обманутыми ожиданіями. Тори и консерваторы, съ ужасомъ и отвращеніемъ наблюдавшіе успѣхи демократіи, полагали, что суверенный народъ непремѣнно будетъ поддерживать законодательство, ненавистное людямъ съ консервативными склонностями. Во время дебатовъ по биллю о реформѣ 1832 года тори, въ своихъ нападкахъ на него, предрекали развитіе несправедливыхъ законовъ. Люди, ненавидѣвшіе революцію, были не въ силахъ повѣрить, что демократы могутъ быть консервативны. Вообще, въ основѣ всѣхъ разсужденій о послѣдствіяхъ развитія демократіи постоянно лежитъ предположеніе о существованіи, такъ сказать, спеціальнаго демократическаго законодательства, которое непремѣнно будетъ проводиться во всякой демократической странѣ. Однако уроки исторіи не подтверждаютъ основательности этого предположенія.

Въ развитіе этой мысли Дайси останавливается на нѣкоторыхъ особенностяхъ, выступающихъ въ жизни двухъ великихъ демократическихъ государствъ нашего времени—Англіи и Франціи.

Демократія въ современной Англіи проявила характерную терпимость, чтобы не сказать — почтеніе, къ тому соціальному неравенству, какое выступаетъ въ существованіи короны и наслѣдственной и титулованной пэріи. Народъ англійскій не проявилъ никакой враждебности ни къ большимъ помѣстьямъ, ни къ крупнымъ состояніямъ и въ теченіе XIX вѣка не обнаружилъ особенно горячаго желанія къ созданію большого класса крестьянъ-собственниковъ, въ чемъ передовые либералы видѣли средство облагодѣтельствовать страну. Въ самомъ дѣлѣ, раздѣленіе имущества поровну между дѣтьми или ближайшими родственниками умершаго, представляющее собою существенное условіе для сохраненія мел-

кой собственности, находится въ рѣшительномъ противорѣчіи съ абсолютною свободою завѣщательныхъ распоряженій, къ которой англичане привыкли съ давнихъ поръ до такой степени, что она представляется имъ какъ бы естественнымъ правомъ. Съ другой стороны, англійское церковное устройство, какъ ни противорѣчитъ оно многимъ демократическимъ началамъ, не подвергалось существеннымъ нападкамъ, и установленная церковь оказывается въ 1904 г. болѣе вліятельною и болѣе популярною, чѣмъ въ 1830 г. Характерно также, что Англія, одна изъ всѣхъ демократій, сохраняетъ полную свободу торговли. Особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что настроеніе и склонности англійскаго народа (и это примѣнимо ко всякому другому великому народу) опредѣляются не столько однимъ развитіемъ демократіи, сколько историческими и даже, такъ сказать, случайными обстоятельствами. Отношеніе судебной власти къ власти исполнительной, къ парламенту и къ народу остается и теперь такимъ же, каково оно было въ началѣ XIX вѣка, и никому и въ голову не придетъ утверждать, чтобы правительство и администрація не были подчинены законному контролю и законному вмѣшательству судей. Наконецъ, англійская система управленія представляется, со временъ 1689 года, всецѣло парламентарною. А верховенство парламента предполагаетъ въ Англіи постоянное измѣненіе законодательства страны. Англійскій парламентъ является въ настоящее время законодательнымъ механизмомъ, который, какая бы партія ни стояла у власти, находится постоянно въ дѣйствіи.

Франція представляетъ собою нѣчто совершенно иное.

Французская демократія относится отрицательно къ различіямъ по положенію, влекущимъ за собою политическое неравенство. Самую основу французскаго политическаго и общественнаго строя составляетъ обширный классъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ. Завѣщательной свободы, въ англійскомъ смыслѣ слова, французы не знаютъ. Раздѣленіе имущества умершаго поровну между членами его семьи вполнѣ соотвѣтствуетъ французскимъ понятіямъ справедливости и препятствуетъ тому образованію большихъ наслѣдственныхъ имѣній, которое въ теченіе долгаго времени составляло замѣчательную особенность англійской соціальной жизни. О личной свободѣ и о томъ, что̀ англичане разумѣютъ подъ религіозною свободою, означающею дѣйствительное право каждаго человѣка защищать и проповѣдывать любую религіозную догму, которую онъ пожелаетъ принять, и о свободѣ ассоціаціи вообще — французская демократія до сихъ поръ мало заботилась. Отношеніе, существующее въ ней между

судами и исполнительною властью, англичанамъ трудно понять; начало раздѣленія властей, которое, надо замѣтить, до сихъ поръ остается однимъ изъ священныхъ принциповъ 1789 года, оказывается, въ толкованіи, какое это начало получаетъ во Франціи, безусловно несовмѣстимымъ съ вмѣшательствомъ судей въ дѣятельность правительства или администраціи. Въ области промышленности и торговли французская демократія держится столь же ревностно протекціонизма, какъ англійская демократія—свободы торговли. Въ общемъ, французская демократія унаслѣдовала и восприняла традиціи монархіи и еще болѣе наполеоновской имперіи; и демократическая Франція, переживая революціи, едва затрогивающія обычную жизнь народа, оказывается, по сравненію съ Англіею, страною законодательнаго консерватизма.

Такимъ образомъ, въ успѣхахъ демократіи, какъ таковыхъ, какъ бы ни было велико значеніе ихъ во многихъ отношеніяхъ и болѣе всего въ области распредѣленія суверенной власти, нельзя найти объясненія развитію англійскаго законодательства. Это объясненіе слѣдуетъ искать въ тѣхъ различныхъ теченіяхъ общественнаго мнѣнія, которыя господствовали въ тѣ или другіе періоды XIX вѣка въ Англіи. Сообразно съ этими теченіями Дайси находитъ возможнымъ раздѣлить исторію XIX вѣка въ этой странѣ на три періода.

1) Первый періодъ—эпоха стараго торизма или затишья въ законодательствѣ (1800—1830 гг.). Въ этомъ періодѣ политическія и иныя реформы встрѣчаютъ задержку, съ одной стороны, въ чувствѣ удовлетворенности существующимъ строемъ, нашедшей себѣ наилучшее выраженіе въ ученомъ оптимизмѣ Блэкстона, и съ другой стороны—въ реакціонномъ настроеніи, которое развилось подъ впечатлѣніемъ крайностей французской революціи. Вторая часть этого періода характеризуется усиленіемъ реакціи: торизмъ 1815 и 1817 гг. менѣе разуменъ и болѣе суровъ, чѣмъ торизмъ 1800 г. Законы, изданные въ эти десятилѣтія, проникнуты реакціоннымъ духомъ и направлялись главнымъ образомъ къ подавленію якобинизма и агитаціи въ пользу реформъ. Наличность такого рода законовъ не нарушаетъ, однако, преобладающей особенности этого періода, выразившейся въ затишьѣ или даже застоѣ въ области правового развитія.

2) Второй періодъ (1825—1870 гг.) Дайси называетъ періодомъ бентамизма или индивидуализма. Это — эпоха реформъ на основахъ утилитаризма. Законодательство направляется доктриною, съ которою обыкновенно — и въ общемъ правильно — связывается имя Бентама. Движеніе, имѣвшее въ немъ если не

творца, то во всякомъ случаѣ вдохновителя и выразителя, было прежде всего движеніемъ въ области правовыхъ реформъ, проникнутыхъ духомъ широкой индивидуальной свободы.

3) Третій періодъ—періодъ коллективизма (1865—1900 гг.). Подъ терминомъ „коллективизмъ", —говоритъ Дайси,—здѣсь разумѣется доктрина, нерѣдко именуемая (обыкновенно людьми, относящимися болѣе или менѣе враждебно къ ней) соціализмомъ,—доктрина, благопріятствующая вмѣшательству государства, хотя бы и съ нѣкоторымъ ущербомъ для индивидуальной свободы, въ цѣляхъ обезпеченія интересовъ народныхъ массъ [1]). Это теченіе общественной мысли, по крайней мѣрѣ въ Англіи, не связывается съ какимъ-либо именемъ или даже съ названіемъ какой-нибудь опредѣленной школы. Оно усилилось и получило большее распространеніе во второй половинѣ XIX вѣка, и едвали, по наличнымъ признакамъ, можно думать, что сила этого теченія исчерпана или что вліяніе его клонится къ упадку. Практическія тенденціи этого движенія общественной мысли въ Англіи лучше всего выступаютъ въ рабочемъ законодательствѣ и въ количественномъ развитіи правовыхъ нормъ, направленныхъ къ урегулированію экономическихъ отношеній въ интересахъ рабочихъ классовъ и, какъ полагаютъ коллективисты, ко благу націи.

Въ дальнѣйшихъ частяхъ книги своей Дайси подвергаетъ тщательному анализу отмѣченныя теченія общественнаго мнѣнія въ ближайшемъ соотношеніи ихъ съ развитіемъ законодательства. Послѣдуемъ за талантливымъ авторомъ въ эту интересную и поучительную область и постараемся извлечь изъ его изложенія и разсужденій все наиболѣе существенное. Предварительно отмѣтимъ нѣкоторыя общія замѣчанія Дайси объ отношеніи къ правовому развитію каждаго изъ трехъ теченій.

Застой въ законодательствѣ, въ началѣ XIX вѣка, не былъ вызванъ какою-либо правовою теоріею. Какимъ бы то ни было реформамъ противодѣйствовало чувство консерватизма, проистe-

[1]) Дайси подчеркиваетъ, что въ его работѣ съ терминомъ „коллективизмъ" связывается смыслъ нѣсколько иной сравнительно съ тѣмъ, какой усвоенъ ему въ соціалистической литературѣ, какъ наименованію извѣстнаго направленія соціалистическаго ученія. Онъ употребляется имъ въ качествѣ удобнаго противоположенія индивидуализму въ области законодательства. „Извѣстное лицо можетъ быть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ коллективистомъ,—т.-е. держаться взглядовъ, не гармонирующихъ съ идеями индивидуализма,—и однако не раздѣлять тѣхъ общихъ убѣжденій, которымъ усвоено названіе соціализма. Впрочемъ, хотя болѣе туманный терминъ „коллективизмъ" для моихъ настоящихъ задачъ представляется болѣе предпочтительнымъ, чѣмъ „соціализмъ", я буду иногда пользоваться и этимъ послѣднимъ, какъ болѣе привычнымъ и распространеннымъ, въ смыслѣ эквивалентномъ „коллективизму".

кавшее отъ оптимизма въ отношеніи къ существующимъ условіямъ и отъ возмущенія передъ революціею.

Бентамизмъ являлся опредѣленною доктриною, прямо направленною къ реформамъ въ правовой области. Отсюда ея непосредственное и огромное вліяніе на развитіе англійскаго права.

Коллективизмъ, въ XIX вѣкѣ, является скорѣе чувствомъ, чѣмъ доктриною, и, поскольку онъ можетъ быть отожествленъ съ соціализмомъ, представляетъ собою совокупность скорѣе экономическихъ и соціальныхъ положеній, чѣмъ правовыхъ.

Выясненіе характера и вліянія коллективизма представляетъ извѣстныя трудности сравнительно съ изученіемъ стараго торизма или бентамовскаго индивидуализма, который, въ соотвѣтствіе съ привычнымъ словоупотребленіемъ, можно назвать либерализмомъ.

Эпоха торизма, въ своихъ особенностяхъ, выражается въ хорошо извѣстныхъ историческихъ фактахъ. Бентамизмъ является опредѣленнымъ ученіемъ, формулы котораго легко можно раскрыть въ сочиненіяхъ Бентама и его учениковъ, а практическіе результаты его выступаютъ въ длинномъ рядѣ статутовъ. Съ другой стороны, коллективизмъ даже теперь остается скорѣе чувствомъ, чѣмъ доктриною; онъ, если и отнестись къ нему какъ къ доктринѣ, никогда не былъ, по крайней мѣрѣ въ Англіи, формулированъ какимъ-либо мыслителемъ съ дарованіями и авторитетностью Бентама. Его принципы не сведены къ опредѣленнымъ положеніямъ политическаго или соціальнаго credo, и еще въ меньшей мѣрѣ были они примѣнены, хотя бы теоретически, къ правовой области съ тою ясностью и тою глубиною, какія были обнаружены Бентамомъ и его послѣдователями въ дѣлѣ примѣненія утилитаризма къ реформѣ въ законодательствѣ. Отсюда своеобразный контрастъ въ способахъ распознанія законодательнаго вліянія, съ одной стороны, бентамизма, съ другой— коллективизма. Въ первомъ случаѣ для объясненія измѣненій въ англійскомъ законодательствѣ изслѣдователю достаточно обратиться къ извѣстнымъ идеямъ или положеніямъ бентамовскаго либерализма; между тѣмъ наличность коллективистическихъ идей онъ можетъ доказать лишь путемъ обнаруженія соціалистическаго характера или тенденцій тѣхъ или другихъ парламентскихъ мѣръ.

II.

Первыя десятилѣтія XIX вѣка представляются годами застоя въ развитіи англійскаго законодательства — застоя, вызваннаго, съ одной стороны, оптимизмомъ, господствовавшимъ въ общественномъ настроеніи въ отношеніи ко всему англійскому, съ другой—реакціонными теченіями, сложившимися подъ впечатлѣніями крайностей французской революціи.

Въ концѣ XVIII вѣка, въ эпоху, которую Дайси называетъ вѣкомъ Блэкстона, — „въ англійскомъ обществѣ выступали рѣзкіе, хотя и поверхностные политическіе конфликты, но общею характерною чертою времени, несмотря на ударъ, нанесенный англійскому престижу успѣшнымъ возмущеніемъ тринадцати американскихъ колоній, являлось чувство самодовольства и патріотической гордости передъ величіемъ Англіи и политическими и соціальными результатами второй революціи (1688 г.)“.

Типическимъ выразителемъ этого чувства можно признать Блэкстона, въ „Комментаріяхъ“ котораго рѣзко сказывается преклоненіе передъ англійскими учрежденіями, „представляющими собою, въ гармоническомъ сочетаніи отдѣльныхъ частей,—по выраженію Блэкстона,—изящное цѣлое“.

Столь же оптимистическое отношеніе встрѣчается и у другихъ авторитетныхъ писателей того времени, и даже въ области организаціи представительства, реформа котораго становилась одною изъ главныхъ потребностей. Интересна слѣдующая выдержка, приводимая у Дайси изъ трактата Палея: „Нравственная философія“, причемъ Дайси обращаетъ особенное вниманіе на то, что Палей высказалъ свои взгляды на представительство въ Англіи въ 1785 г., такъ что въ его сужденіяхъ не могли отразиться впечатлѣнія отъ французской революціи. „Прежде чѣмъ стремиться къ чему-нибудь большему,—говоритъ Палей, — посмотримъ хорошенько, что уже есть у насъ. У насъ есть палата общинъ, состоящая изъ 548 членовъ, въ числѣ которыхъ находятся наиболѣе значительные землевладѣльцы и коммерсанты королевства, выдающіеся представители арміи, флота и юриспруденціи, высшія должностныя лица государства, вмѣстѣ со многими частными лицами, выдающимися по своимъ знаніямъ, краснорѣчію или дѣятельности. Если интересы страны не безопасны въ такихъ надежныхъ рукахъ, то кому же она можетъ ввѣрить ихъ? Если такіе люди въ столь значительномъ числѣ

подвержены вліянію нечистыхъ побужденій, то какое собраніе окажется свободнымъ отъ подобной опасности? Можетъ ли какая-нибудь новая схема представительства обезпечить бо̀льшую опытность или безкорыстіе? Съ этой точки зрѣнія и озабочиваясь не стремленіемъ къ гармоніи и пропорціональности (чѣмъ увлекаются многіе), а единственно практическими результатами, мы можемъ найти разумныя оправданія тѣмъ элементамъ теперешняго представительства, которые поверхностному наблюдателю кажутся въ высшей степени предосудительными и нелѣпыми".

Такіе взгляды на старинную систему представительства раздѣлялись большинствомъ государственныхъ дѣятелей того времени. И объясненіе или оправданіе оптимизма въ отношеніи къ политическому строю Англіи, — говоритъ Дайси, — нетрудно найти, если принять во вниманіе условія той эпохи.

На долю XVIII вѣка выпала задача умиротворенія. Проблема, выдвинутая обстоятельствами времени передъ мыслителями и государственными дѣятелями, состояла въ томъ, чтобы найти наилучшій способъ положить конецъ распрямъ, порожденнымъ болѣе всего религіозными раздорами, и по возможности открыть путь къ мирному развитію. Эта проблема была разрѣшена въ Англіи раньше и полнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ европейскомъ государствѣ. Революція 1688 года нанесла смертельный ударъ произвольной власти и прочно обезпечила индивидуальную свободу. Съ другой стороны, актомъ о вѣротерпимости (въ 1689 г.) было положено основаніе широкой свободы мысли и обсужденія. А установленіе религіознаго мира послужило базисомъ для національнаго величія; оно сдѣлало возможнымъ соединеніе съ Шотландіею, что̀ удвоило могущество Великобританіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ теченіе XVIII вѣка развились гуманитарныя теченія, вызвавшія значительное смягченіе на практикѣ многихъ суровыхъ положеній устарѣвшаго законодательства. Все это порождало въ умахъ англичанъ горделивое сознаніе своего превосходства передъ другими странами; англійская свобода, хотя и не достигшая всей полноты своего развитія, вызывала преклоненіе по разительному контрасту съ нетерпимостью и деспотизмомъ, которые губили Францію.

Подъ впечатлѣніемъ ужаса, возбужденнаго крайностями французской революціи, мягкій и оптимистическій консерватизмъ въ первыя десятилѣтія XIX-го вѣка преобразился въ суровый и реакціонный торизмъ. Послѣдствіемъ этого были, съ одной стороны, задержка въ проведеніи преобразованій, необходимыхъ для устраненія многочисленныхъ злоупотребленій, съ другой — изданіе ряда законовъ въ реакціонномъ духѣ.

Въ 1819 году появилась знаменитая „Черная Книга“ (Black Book), которая произвела сильное впечатлѣніе и содѣйствовала возбужденію требованій реформъ и экономности въ государственныхъ расходахъ—требованій, въ 1830 году ставшихъ непреодолимыми. Въ этой книгѣ фактами и цифрами доказывалось, что всѣ отрасли государственнаго и церковнаго управленія полны злоупотребленій, что государственныя средства, извлекаемыя при помощи налоговъ, обременявшихъ народъ, тратятся непроизводительно на пенсіи, синекуры и т. под.

Застой въ законодательствѣ получилъ характерное выраженіе въ равнодушномъ отношеніи къ тѣмъ злоупотребленіямъ, о которыхъ говорилось въ „Черной Книгѣ“. Еще болѣе выразительно сказался онъ въ индифферентизмѣ, который проявлялся и законодателями, и обществомъ въ отношеніи ко многимъ законамъ и обычаямъ, затрогивавшимъ частные интересы и причинявшимъ немалый вредъ и несправедливость. Землевладѣльцы, напр., широко пользовались пружинными ружьями и волчьими ямами для охраны дичи на своихъ земляхъ, отъ чего могли серьезно пострадать даже и невинные прохожіе. Однако пользованіе такими опасными смертоносными орудіями санкціонировалось англійскими судами (въ Шотландіи оно было признано преступнымъ) и было воспрещено парламентомъ только въ 1827 году. Еще примѣръ. За обвиняемымъ въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи (felony), напр., въ убійствѣ или кражѣ, не признавалось право имѣть защитника. Это правило поражаетъ своею жестокостью и несправедливостью. Оно не отличалось и послѣдовательностью, такъ какъ законъ разрѣшалъ имѣть защитника обвиняемому и въ легкомъ уголовномъ проступкѣ (misdemeanor), и въ государственной измѣнѣ (treason). Однако въ 1824 и 1826 годахъ палата общинъ отказала въ разрѣшеніи внести билль объ устраненіи этой несправедливости, и только въ 1836 г., черезъ четыре года послѣ акта о парламентской реформѣ, изданъ былъ законъ, предоставляющій каждому обвиняемому имѣть защитника.

Періодъ законодательнаго застоя ознаменовался, однако, изданіемъ нѣсколькихъ законовъ двоякаго рода: одни носятъ характеръ реакціонныхъ мѣръ, отражая теченія напуганнаго торизма; другіе являются реформами, либо вызванными непреодолимыми требованіями времени, либо навѣянными вліяніемъ гуманитаризма, который съ 1800 года получалъ все болѣе широкое распространеніе.

Рѣзкимъ примѣромъ реакціоннаго законодательства представляется актъ 1800 года о коалиціяхъ въ промышленной области.

Главною задачею его было воспрещеніе всякаго рода коалицій, временныхъ или постоянныхъ, среди рабочихъ, въ цѣляхъ добиться увеличенія заработной платы или другихъ требованій въ отношеніи къ условіямъ найма. Онъ направлялся противъ стачекъ и рабочихъ союзовъ (трэдъ-юніоновъ). Правда, этотъ статутъ воспрещалъ, подъ угрозою наказаній, и коалиціи хозяевъ съ цѣлью пониженія заработной платы или увеличенія продолжительности работы и количества послѣдней. Для историка направленій общественной мысли это обстоятельство имѣетъ значеніе, такъ какъ изъ него видно, что въ 1800 г. парламентъ былъ противъ всякаго рода коалицій. Но практическаго вліянія эта мѣра въ отношеніи къ предпринимателямъ не имѣла.

Для рабочихъ тяжесть запретовъ акта 1800 г. увеличивалась особенно тѣмъ, что онъ долженъ былъ примѣняться въ связи съ нормами о преступномъ соглашеніи (conspiracy). При широкомъ толкованіи послѣдняго въ результатѣ оказывалось, что всякій рабочій, который изобличался въ организаціи стачки или въ участіи въ трэдъ-юніонѣ, признавался преступникомъ и подлежалъ тюремному заключенію; стачка считалась преступленіемъ, а трэдъ-юніонъ—противозаконнымъ союзомъ.

Съ точки зрѣнія идей XX-го вѣка, — замѣчаетъ по этому поводу Дайси,— такое положеніе вещей представляется малопонятнымъ и нестерпимымъ. „Кто, спросимъ мы, были тиранами, лишившими рабочихъ всякой свободы, и каково было состояніе общественнаго мнѣнія, санкціонировавшаго такую тиранію? Придется отвѣтить, что люди, проведшіе актъ о коалиціяхъ, не были деспотами и что этотъ актъ вполнѣ отвѣчалъ господствовавшимъ теченіямъ времени. Парламентъ 1800 г. дѣйствовалъ подъ руководствомъ Питта. Въ числѣ его членовъ были Фоксъ и Вильберфорсъ, и такое собраніе, конечно, нельзя назвать равнодушнымъ къ чувствамъ гуманности. Могутъ замѣтить, что идеи рабочихъ классовъ не были въ немъ представлены. Это вѣрно, но рабочіе были представлены и въ парламентѣ 1824 года не лучше, чѣмъ въ парламентѣ 1800 г., однакоже парламентъ 1824 г. отмѣнилъ актъ о коалиціяхъ и освободилъ экономическіе союзы отъ дѣйствія законовъ о преступныхъ соглашеніяхъ. Уже одинъ тотъ фактъ, что законы о коалиціяхъ 1799 и 1800 гг. прошли черезъ парламентъ безъ обсужденія, отъ котораго остался бы слѣдъ, имѣетъ рѣшительное значеніе. Въ законѣ 1800 года отразилось господствующее теченіе дня“.

Это теченіе опредѣлялось, прежде всего, страхомъ передъ союзами, обусловленнымъ свѣжими еще воспоминаніями о цар-

ствѣ террора во Франціи. Со стороны англичанъ, бывшихъ свидѣтелями деспотизма якобинскаго клуба, который въ послѣднемъ періодѣ своего владычества отправлялъ на гильотину, въ одномъ Парижѣ, около двухсотъ гражданъ въ недѣлю, довольно понятенъ этотъ страхъ передъ клубами или союзами. Такого рода опасенія сказались и въ нѣсколькихъ другихъ актахъ (1797, 1729 и 1817 гг.), направленныхъ противъ обществъ съ мятежными замыслами.

Съ другой стороны, въ то время выступала традиція попечительнаго управленія, которая была унаслѣдована отъ предшествующей эпохи и которая вполнѣ гармонировала съ торизмомъ. Эта традиція выразилась въ двухъ проявленіяхъ. Однимъ было убѣжденіе, что рабочіе обязаны довольствоваться разумнымъ, т.-е. обычнымъ вознагражденіемъ. Другимъ проявленіемъ той же традиціи было обезпеченіе государствомъ (на средства состоятельныхъ классовъ и особенно землевладѣльцевъ) поддержки рабочимъ, которые не могли найти работы. Поддержка эта оказывалась въ видѣ пособій, которыя выдавались рабочимъ изъ сборовъ въ пользу бѣдныхъ, въ соотвѣтствіи съ составомъ ихъ семей, если ихъ заработокъ не достигалъ установленной въ данной мѣстности нормы.

Что касается реформъ, проведенныхъ въ періодъ законодательнаго застоя, то въ нихъ Дайси усматриваетъ разительное подтвержденіе зависимости законодательства отъ господствующихъ теченій общественнаго мнѣнія. Большинство этихъ реформъ носитъ гуманитарный характеръ; таковы, напр., воспрещеніе торга рабами (1806), частичная отмѣна примѣненія позорнаго столба (1816), отмѣна тѣлесныхъ наказаній женщинъ (1820), первая попытка воспретить жестокое обращеніе съ животными (1822), упраздненіе государственныхъ лотерей (1826—1827).

Всѣ эти мѣры были вызваны требованіями гуманитаризма, который получалъ все болѣе широкое распространеніе среди представителей самыхъ разнообразныхъ политическихъ, религіозныхъ и философскихъ воззрѣній. Свободомыслящихъ послѣдователей Бентама, виговъ-филантроповъ вродѣ Фокса, тори-гуманитаристовъ, какъ Питтъ, послѣдователей евангелизма, съ Вильберфорсомъ во-главѣ,— всѣхъ объединяло одинаковое стремленіе устранить жестокости и страданія физическія или нравственныя.

„Эти факты, — говоритъ Дайси, — имѣютъ безграничное значеніе для всѣхъ интересующихся изученіемъ общественнаго мнѣнія; они напоминаютъ намъ, что въ эпоху, омраченную общею грубостью, реформисты разныхъ направленій объединились въ кре-

стовомъ походѣ противъ жестокости; они говорятъ намъ также, что періодъ политической реакціи можетъ быть эпохою постояннаго возрастанія гуманныхъ чувствъ. Между 1800 и 1830 годами бентамизмъ заложилъ основы своего будущаго господства. Еще не достигнувъ преобладающаго положенія, онъ уже оказывалъ около 1830 г. замѣтное вліяніе въ государственной жизни". А вмѣстѣ съ тѣмъ въ области религіозной выступило движеніе евангелизма, которое въ не меньшей степени, чѣмъ бентамизмъ, проводило идеи гуманности.

Типичнымъ образчикомъ филантропическаго законодательства Дайси признаетъ первый фабричный законъ 1802 года (Health and Morals Act).

До того времени не было вовсе фабричнаго законодательства. Этотъ первый актъ въ данной области былъ проведенъ сэромъ Робертомъ Пилемъ (отцомъ знаменитаго министра), который самъ былъ мануфактуристомъ по профессіи и тори по политическимъ убѣжденіямъ. Мѣра эта была выраженіемъ не какого-либо общаго принципа, а практическихъ потребностей момента. Въ Манчестерѣ появилась эпидемія, жертвами которой погибли многіе изъ подростковъ на бумагопрядильной фабрикѣ. Распространеніе болѣзни объяснялось плохимъ питаніемъ и дурными условіями, въ которыхъ приходилось работать этимъ подросткамъ,—большею частью находившимся на попеченіи приходскихъ органовъ призрѣнія, помѣстившихъ ихъ на фабрику въ обученіе. Актомъ 1802 г. регулировалась, до извѣстной степени, работа такихъ учениковъ на бумажныхъ и шерстяныхъ фабрикахъ. Онъ установилъ нѣкоторыя нормы санитарнаго и нравственнаго характера; напр., помѣщенія должны два раза въ годъ вымываться негашеною известью съ водою; каждому ученику должны быть выданы двѣ смѣны платья; ученики не могутъ быть занимаемы работою болѣе двѣнадцати часовъ въ сутки; ученикамъ разныхъ половъ должны быть отводимы отдѣльныя помѣщенія; на одной кровати могутъ спать не болѣе двоихъ; по воскреснымъ днямъ ученики должны быть обучаемы въ теченіе часа началамъ христіанской религіи. Этотъ законъ, заслуживающій особеннаго вниманія по связи съ фабричнымъ законодательствомъ послѣдующей эпохи, о которомъ намъ придется много говорить въ дальнѣйшихъ главахъ, не находится ни въ малѣйшемъ несоотвѣтствіи съ теченіями, господствовавшими въ ту пору. Онъ былъ дѣломъ благожелательныхъ тори и являлся моральнымъ протестомъ противъ жестокости; онъ возникъ изъ потребностей момента и ни въ чемъ не былъ обязанъ ни росту демократіи, ни идеямъ соціализма.

Конецъ періода стараго торизма можетъ быть пріуроченъ къ 1830 году, когда съ особенною силою проявилось движеніе, въ результатѣ котораго затишье въ области законодательства смѣнилось оживленною и энергичною работою по реформѣ различныхъ отраслей англійскаго права. Потребность въ этой реформѣ была порождена тѣмъ несоотвѣтствіемъ, которое обнаруживалось между быстро измѣнявшимися соціальными условіями и неизмѣнностью правовыхъ нормъ и которое становилось все болѣе нестерпимымъ для тѣхъ слоевъ населенія, которые въ новыхъ условіяхъ выступали все болѣе замѣтными факторами общественной и государственной жизни.

Первыя десятилѣтія XIX-го вѣка, бывшія въ области законодательства періодомъ застоя, въ жизни народа явились эпохою знаменательныхъ соціальныхъ перемѣнъ. Особенно рѣзко проявились эти послѣднія въ ту пору, когда, по успѣшномъ завершеніи долгой борьбы съ Франціею, для Англіи начался періодъ расцвѣта ея промышленнаго развитія. Рядъ замѣчательныхъ изобрѣтеній въ машинномъ дѣлѣ, прорытіе каналовъ, широкое примѣненіе пара, открытіе залежей каменнаго угля,—все это, вызывая ростъ промышленныхъ предпріятій, содѣйствовало тому, что Англія изъ страны земледѣльческой быстро превращалась въ страну промышленную. Количество населенія росло, а вмѣстѣ съ тѣмъ совершалось и перемѣщеніе центровъ населенія. До конца XVIII вѣка наиболѣе населенными частями Англіи были южныя и западныя графства. Съ начала XIX вѣка происходятъ отливъ населенія и сосредоточеніе богатствъ на сѣверѣ; возникаютъ новые центры въ Ланкаширѣ и въ сѣверныхъ графствахъ, которыя прежде представляли собою пустынныя пространства съ кое-гдѣ разбросанными маленькими городками и селеніями. Города, какъ Манчестеръ, Бирмингамъ и Ливерпуль, получали все большее значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе промышленныхъ предпринимателей росло и отодвигало прежде столь вліятельные классы землевладѣльцевъ и коммерсантовъ.

Между тѣмъ, измѣнявшимся соціальнымъ условіямъ совершенно не отвѣчали нормы устарѣвшаго законодательства, и прежде всего система парламентскаго представительства. Палата общинъ, до соединенія съ Ирландіею, состояла изъ 548 членовъ, изъ которыхъ 200 избирались не болѣе какъ 7.000 избирателей. Большинству этихъ 7.000 человѣкъ принадлежалъ голосъ, перевѣшивавшій взгляды и желанія многихъ милліоновъ. Доля политической власти, которою располагалъ человѣкъ, опредѣлялась въ зависимости отъ весьма случайныхъ обстоятельствъ. Если его

владѣніе находилось въ такой-то части королевства, ему принадлежала одна десятитысячная доля вліянія при избраніи одного представителя; въ другой части—одна тысячная; въ какой-либо другой мѣстности онъ могъ оказаться однимъ изъ двадцати лицъ, избирающихъ двухъ представителей, а въ другомъ мѣстѣ онъ самъ могъ располагать правомъ назначить двухъ членовъ. Живя въ такомъ-то городѣ, онъ могъ вовсе не имѣть права участія въ выборахъ; тогда какъ Корнваллисъ оказывался щедро надѣленнымъ правомъ избрать 42 представителей,—ни Бирмингамъ, ни Манчестеръ не имѣли ни одного представителя.

Эти несообразности въ системѣ представительства, вызывавшія попытки измѣненія ея уже во второй половинѣ XVIII вѣка, становились все болѣе чувствительны для населенія по мѣрѣ того, какъ совершались указанныя перемѣны въ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ. Наиболѣе сильный аргументъ въ защиту до-реформеннаго парламента, а именно—что въ немъ были представлены всѣ болѣе значительные элементы въ государствѣ, съ каждымъ годомъ терялъ свое значеніе. Классъ промышленный и городскіе рабочіе получили большое значеніе въ странѣ, а между тѣмъ въ парламентѣ они не имѣли надлежащаго представительства. Реформа послѣдняго становилась поэтому неотложною потребностью времени.

Рядомъ съ этимъ все болѣе ощущалась необходимость въ преобразованіи и другихъ отраслей управленія и законодательства, совершенно не отвѣчавшаго новымъ условіямъ и запросамъ.

Проведенію этихъ преобразованій не могло уже препятствовать одно изъ главныхъ основаній, вызывавшихъ отрицательное отношеніе торизма къ какимъ-либо реформамъ. Ужасы французскаго террора отошли въ прошлое и являлись простымъ преданіемъ для людей, которые вступили въ общественную жизнь между 1815 и 1830 годами. Эти люди ознакомились на опытѣ съ узкостью взглядовъ тори, тѣмъ болѣе, что торизмъ, по странной случайности, становился все менѣе разсудительнымъ и все болѣе реакціоннымъ какъ разъ въ то время, когда Ватерлоо и прочный миръ, за нимъ послѣдовавшій, лишили противодѣйствіе реформамъ и ограниченіе свободы того оправданія, какое они имѣли въ эпоху рѣшительной борьбы за національную независимость.

Въ еще бо́льшей мѣрѣ дѣлу преобразованій помогла наличность новаго, вполнѣ сложившагося направленія общественной мысли. Это направленіе нашло своихъ учителей въ лицѣ Бентама и его учениковъ. Ими была обезпечена пріемлемая про-

грамма реформъ. „Утилитарный индивидуализмъ, — говоритъ Дайси,—который, подъ названіемъ либерализма, на многіе годы опредѣлилъ ходъ развитія англійскаго законодательства, былъ не чѣмъ инымъ, какъ бентамизмомъ съ тѣми модификаціями, которыя вносимы были опытностью, благоразуміемъ или осторожностью практическихъ политиковъ. Созданіе этого либерализма было смертельнымъ ударомъ старому торизму; имъ положенъ былъ конецъ періоду законодательнаго застоя".

III.

Второй изъ тѣхъ трехъ періодовъ, на которые Дайси дѣлитъ исторію законодательства въ Англіи въ XIX вѣкѣ, онъ называетъ эпохою индивидуализма или бентамизма.

Эпохою индивидуализма этотъ періодъ, обнимающій время между 1825 и 1870 годами, можетъ быть названъ потому, что въ развитіи законодательства здѣсь выступаетъ, въ качествѣ преобладающаго теченія, стремленіе обезпечить за личностью возможно болѣе широкую индивидуальную свободу; а „бентамизмомъ" онъ можетъ быть названъ потому, что преобладавшее въ области законодательства теченіе общественной мысли имѣло главными своими вдохновителями и выразителями—Бентама и его учениковъ.

„Бентамъ,—говоритъ Дайси,—родился въ 1748 г., два года спустя послѣ крушенія послѣдней попытки возвратить престолъ Стюартамъ; умеръ онъ въ 1832 году, передъ самымъ проведеніемъ акта о парламентской реформѣ. Такимъ образомъ, восемьдесятъ-четыре года его жизни покрываютъ періодъ, отдѣляющій послѣднюю попытку установить дѣйствительное верховенство короны отъ начала современнаго демократическаго правленія въ Англіи. Этотъ періодъ выходитъ за предѣлы XVIII вѣка, но хотя Бентамъ и прожилъ почти до конца первой трети XIX вѣка, однако по духу онъ былъ всецѣло сыномъ XVIII вѣка и въ Англіи является лучшимъ представителемъ гуманитаризма и просвѣтительныхъ стремленій этого столѣтія".

Бентамъ съ юныхъ лѣтъ сосредоточился на изученіи англійскаго права. Отецъ его, богатый стряпчій (атторней) въ Лондонѣ, подмѣтивъ выдающіяся дарованія сына, мечталъ сдѣлать изъ него блестящаго юриста, который современемъ могъ бы занять со славою положеніе Мансфильда или Эльдона въ должности лорда-канцлера. Честолюбивые замыслы отца были для

сына источникомъ немалыхъ мученій, но въ результатѣ изученія дѣйствующаго права Іеремія Бентамъ явился замѣчательнымъ знатокомъ англійскаго законодательства, что весьма пригодилось ему въ его дальнѣйшей ученой и литературной дѣятельности. Сильный логическій умъ, весьма выдающіяся критическія способности и умѣнье схватывать общіе принципы направили работу Бентама въ сторону обнаруженія многихъ существенныхъ недостатковъ англійскаго права и отысканія способовъ наилучшаго и наиболѣе цѣлесообразнаго устраненія ихъ. Не сдѣлавшись самъ практическимъ юристомъ, Бентамъ оказалъ, однако, огромныя услуги проведенію многихъ важныхъ реформъ въ различныхъ отрасляхъ законодательства. Онъ находилъ, что эти реформы должны быть проводимы по извѣстному плану, на основахъ твердыхъ принциповъ. Въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ Бентамъ развилъ и этотъ планъ, и эти принципы, создавъ систематическое ученіе, нашедшее многихъ послѣдователей въ средѣ писателей и политическихъ дѣятелей.

Принципами, легшими въ основу ученія Бентама, были принципы утилитаризма. Примѣненіе начала полезности къ законодательству приводило къ установленію коренного положенія, по которому главною задачею каждаго закона является обезпеченіе возможно бо̀льшаго благополучія возможно бо̀льшаго числа людей [1]). Въ виду же того, что каждый человѣкъ самъ можетъ быть признанъ наилучшимъ судьею своего счастья, законодательство должно стремиться къ устраненію всѣхъ тѣхъ ограниченій свободной дѣятельности индивида, которыя не представляются необходимыми для обезпеченія такой же свободы за другими.

Этотъ послѣдній принципъ, обозначаемый обыкновенно формулою „laissez faire“, занялъ въ правовой доктринѣ Бентама очень видное мѣсто и оказалъ огромное вліяніе и на интенсивность, и на характеръ движенія въ области законодательныхъ реформъ [2]). Для Бентама и его послѣдователей съ принципомъ „laissez faire“

---

[1]) Эту формулу Бентамъ воспринялъ, въ самомъ началѣ своихъ работъ, отъ Пристлея изъ брошюры, въ которой цѣль жизни опредѣлялась какъ обезпеченіе „возможно бо̀льшаго счастья за возможно бо̀льшимъ числомъ людей“. „Этою брошюрою и этою формулою,—говорилъ Бентамъ,—опредѣлились мои принципы въ области морали публичной и частной. Изъ этой брошюры я заимствовалъ формулу, слова и смыслъ которой получили такое широкое распространеніе въ цивилизованномъ мірѣ. При видѣ ея я пришелъ въ экстазъ и, какъ Архимедъ при открытіи закона гидростатики, воскликнулъ—Εὕρηκα“.

[2]) Дайси оговариваетъ, что не слѣдуетъ забывать о вліяніи Адама Смита и его послѣдователей въ области правовыхъ реформъ, но въ ту пору экономисты и бентамисты составляли одну школу.

вовсе не была связана готовность мириться съ наличными условіями жизни. Это былъ боевой кличъ протеста противъ всякаго ограниченія въ отношеніи къ свободѣ человѣческаго существованія и развитія индивидуальныхъ свойствъ, — противъ всякаго ограниченія, не оправдываемаго какимъ-нибудь опредѣленнымъ требованіемъ полезности.

Изъ указанныхъ положеній англійскіе индивидуалисты выводили существенное для практики заключеніе: — законодательство должно расширить область договорныхъ отношеній и обезпечить обязательность выполненія договорныхъ условій. Признавая, что вообще А, В и С могутъ каждый лучше кого-либо другого судить о своемъ интересѣ, естественно придти къ заключенію, что, при условіи отсутствія насилія или обмана, имъ должна быть предоставлена полная возможность связывать себя другъ передъ другомъ всякими соглашеніями, какія они считаютъ желательными, т.-е. которыя въ ихъ глазахъ благопріятствуютъ ихъ интересамъ или, другими словами, обезпечиваютъ ихъ благополучіе. Въ свободѣ договоровъ индивидуалисты видѣли лучшее средство уничтожить рядъ старинныхъ институтовъ, представлявшихъ серьезное препятствіе гармоническому развитію общества. Поэтому они энергически возставали противъ всего того, что̀ ослабляло обязательную силу договоровъ или что̀ ограничивало свободу индивидовъ вступать въ договорныя отношенія. Не случайными обстоятельствами было то, что Бентамъ, въ самомъ началѣ своей дѣятельности, возставалъ противъ законовъ о ростовщичествѣ, или что свобода денежнаго обращенія, свобода торговли и труда являлись лозунгами для государственныхъ людей, которые держались идей Бентама. Съ другой стороны, индивидуализмъ обезпечилъ легализацію развода, которая представляется не чѣмъ инымъ, какъ расширеніемъ области договорной свободы.

Однако самое стремленіе къ обезпеченію договорной свободы, будучи проявленіемъ индивидуализма, приводитъ къ возникновенію ряда вопросовъ, на которые не легко дать отвѣтъ съ точки зрѣнія индивидуализма. Между индивидуальною свободою и свободою договорною возможна рѣзкая коллизія, на которую Дайси находитъ нужнымъ обратить особенное вниманіе въ интересномъ анализѣ.

Должно ли быть признано за заемщикомъ право получить извѣстную сумму, которой онъ настойчиво требуетъ, предлагая уплатить самые ростовщическіе проценты? Должна ли быть признана за человѣкомъ возможность заключить договоръ, обязывающій его быть всю жизнь чьимъ-либо слугою? Въ болѣе общей

формѣ вопросъ можетъ быть поставленъ такъ: должно ли быть признано право налагать на себя обязательство по договору за всякимъ совершеннолѣтнимъ, который дѣйствуетъ сознательно и не подъ вліяніемъ обмана, но который однако находится въ такомъ положеніи, при которомъ, подъ давленіемъ своихъ нуждъ, онъ не можетъ вступить въ выгодную для себя сдѣлку?

Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта на эти и имъ подобные вопросы за индивидомъ обезпечивается полная свобода вступать въ договоры, но онъ въ силу самаго договора, который ему предоставляютъ заключить, находится въ опасности потерять всю свою дѣйствительную свободу. Если же, напротивъ, указанные вопросы рѣшаются отрицательно, то, конечно, многіе окажутся защищенными отъ извѣстныхъ проявленій жестокости или несправедливости, но договорная свобода будетъ принесена въ жертву, при чемъ теряетъ свое значеніе основная идея индивидуалистическаго законодательства о томъ, что люди сами лучшіе судьи своего интереса. Во всѣхъ этихъ случаяхъ и во многихъ другихъ, которые легко себѣ представить, затрудненіе заключается въ наличности постоянной опасности того, что неограниченная договорная свобода, признаваемая проявленіемъ и какъ бы развитіемъ индивидуальной свободы, можетъ однако оказаться для индивида, ее осуществляющаго, источникомъ лишенія его той самой свободы, проявленіемъ которой она признается. Вопросъ объ опредѣленіи надлежащей границы договорной свободы представляетъ собою проблему большой практической важности.

Желательно ли установить извѣстные предѣлы осуществленія права ассоціаціи или права союзовъ, которое есть не что̀ иное, какъ право двухъ или болѣе гражданъ вступать въ соглашеніе о совмѣстномъ преслѣдованіи какой-либо общей цѣли?

Это право отличается той особенностью, что оно имѣетъ двѣ различныя и даже противоположныя стороны, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія оно разсматривается. На него можно, съ одной стороны, смотрѣть какъ на дальнѣйшее развитіе индивидуальной свободы каждаго гражданина—права его распоряжаться своими дѣлами по своему усмотрѣнію, поскольку онъ не затрогиваетъ законныхъ правъ своихъ ближнихъ, откуда слѣдуетъ, что тому образу дѣйствій, котораго могутъ законно держаться X, Y или Z, дѣйствуя каждый въ отдѣльности, они могутъ законно слѣдовать и дѣйствуя совмѣстно въ силу соглашенія между собою. Но, съ другой стороны, право ассоціаціи можетъ быть разсматриваемо какъ право весьма своеобразное въ томъ отношеніи, что осуществленіе его можетъ, при извѣстныхъ обстоя-

тельствахъ, сильно ограничивать свободу индивидовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, можетъ угрожать авторитету государства. Это обусловливается тѣмъ, что люди, дѣйствуя совмѣстно въ преслѣдованіи какой-либо общей задачи, имѣютъ склонность создать сообщество, которое, не по какой-нибудь юридической фикціи, а по самому существу своему отличается отъ индивидовъ, изъ которыхъ оно составилось. Корпоративный духъ есть реальное и сильное чувство, понуждающее людей въ своихъ дѣйствіяхъ или подниматься выше, или—еще чаще—опускаться ниже обычнаго нравственнаго уровня, которымъ они сами, какъ отдѣльныя лица, регулируютъ свое поведеніе. Кромѣ того, сообщество, созданное соглашеніемъ,—естественная корпорація, если можно такъ выразиться,—будетъ ли то политическая лига, церковь или рабочій союзъ, уже самымъ существованіемъ своимъ ограничиваетъ свободу своихъ членовъ и постоянно тяготѣетъ къ ограниченію свободы постороннихъ лицъ. Комбинированная сила общества создается вслѣдствіе отказа отъ извѣстной доли индивидуальной свободы со стороны каждаго изъ его членовъ, и въ результатѣ такого отказа общество можетъ располагать силою гораздо большею, чѣмъ та, которую могли бы проявить всѣ его члены, дѣйствуя въ отдѣльности; дисциплинированный полкъ въ тысячу человѣкъ, дѣйствующихъ подъ командою, обладаетъ силою нападенія гораздо болѣе грозною, чѣмъ когда тысяча человѣкъ, хотя и вооруженныхъ, дѣйствуютъ безъ дисциплины и порознь. Такимъ образомъ, ассоціація можетъ постоянно пріобрѣтать новыя силы, которыя ограничиваютъ свободу третьихъ лицъ. Для отдѣльнаго гражданина часто оказывается невозможнымъ не подчиниться велѣніямъ какой-либо политической ассоціации или церковнаго союза. Поэтому право ассоціаціи, разсматриваемое даже съ чисто теоретической точки зрѣнія, имѣетъ какой-то парадоксальный характеръ. Право, которое представляется, повидимому, необходимымъ развитіемъ индивидуальной свободы, можетъ, какъ оказывается, стать фатальнымъ для индивидуальной свободы, проявленіемъ которой оно должно бы быть. И этотъ теоретическій парадоксъ приводитъ къ практическому вопросу, который въ Англіи запутывалъ все законодательство о союзахъ.

Могутъ ли X, Y и Z законно обязаться другъ передъ другомъ дѣйствовать совмѣстно ради достиженія того, что каждый изъ нихъ можетъ совершить, дѣйствуя отдѣльно и безъ уговора съ другими?

Если этотъ вопросъ разрѣшается въ утвердительномъ смыслѣ, договорная свобода и, слѣдовательно, индивидуальная свобода дѣй-

ствій получаетъ законное, повидимому, развитіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу вещей, непосредственно появляются два результата. Свобода дѣйствій X, или Y, или Z ставится на будущее время, въ силу заключеннаго ими соглашенія, въ ограниченные предѣлы, а ихъ комбинированная дѣятельность можетъ сильно затронуть свободу какого-либо третьяго лица T. Такъ, если X, Y и Z, будучи предпринимателями, обяжутся никогда не принимать какого-нибудь рабочаго, участвовавшаго въ стачкѣ, или же если они, будучи рабочими, обяжутся никогда не работать вмѣстѣ съ какимъ-либо лицомъ, которое не состоитъ членомъ рабочаго союза,—то и свобода индивида X вести свои дѣла или работать на желательныхъ для него условіяхъ, и свобода T, бывшаго лидеромъ стачки или отказавшагося примкнуть къ рабочему союзу, могутъ быть сведены на нѣтъ, при чемъ онъ можетъ лишиться средствъ къ существованію.

Если, съ другой стороны, поставленный выше вопросъ разрѣшается отрицательно и, въ интересахъ индивидуальной свободы, законъ воспрещаетъ X, Y и Z объединяться для цѣлей, которыя каждый изъ нихъ, дѣйствуя порознь, можетъ законно преслѣдовать, то договорная свобода X, Y и Z, или, другими словами, свобода ихъ дѣйствій подвергается существенному стѣсненію.

Какое же рѣшеніе указанной преблемы представляется болѣе правильнымъ съ точки зрѣнія принциповъ индивидуализма? По мнѣнію Дайси, бентамиты не дали на этотъ вопросъ удовлетворительнаго отвѣта. Въ сущности они никогда не отдавали себѣ яснаго отчета ни въ значеніи, ни въ трудности тѣхъ проблемъ, которыя въ теченіе послѣднихъ 50—60 лѣтъ возникали по вопросу о тѣхъ предѣлахъ, въ которые должно быть поставлено право ассоціаціи. Этотъ недочетъ въ доктринѣ бентамитовъ имѣетъ весьма большое значеніе. Онъ,—говоритъ Дайси,—тѣсно связанъ съ тенденціею всѣхъ индивидуалистовъ пренебрегать соціальною стороною человѣческой природы. Въ области же законодательства, какъ и вездѣ, неясность мысли приводила—и всегда будетъ приводить—къ неясности въ дѣйствіяхъ.

Затѣмъ Дайси указываетъ, что изъ основныхъ положеній утилитаризма выводилось заключеніе, которое образуетъ соединительное звено между бентамизмомъ и демократіею. Оно состоитъ въ признаніи, что каждому человѣку должна быть предоставлена одинаковая доля участія въ политической власти; логическое же развитіе этого положенія приводило къ установленію, что наилучшею формою государственнаго устройства является демокра-

тія. Мэнъ въ своей монографіи о демократіи слѣдующимъ образомъ характеризуетъ взгляды бентамитовъ въ этомъ отношеніи. „Каждый человѣкъ преслѣдуетъ свой собственный интересъ такъ, какъ онъ понимаетъ его, и, слѣдовательно, та часть общества, которой принадлежитъ политическая власть, будетъ пользоваться ею въ своихъ собственныхъ цѣляхъ. Для того, чтобы предотвратить это, нужно надѣлить политическою властью все общество. Невозможно, чтобы оно злоупотребляло ею, такъ какъ интересъ, который оно будетъ стараться преслѣдовать, есть интересъ всѣхъ, а интересъ всѣхъ и является настоящею цѣлью всякаго законодательства“.

Стоя на почвѣ строгихъ утилитарныхъ принциповъ, нельзя ожидать, чтобы какое-либо другое правленіе, кромѣ демократіи, могло проводить законы въ интересахъ общаго благополучія: настоящій монархъ будетъ преслѣдовать свой собственный интересъ; олигархія будетъ управлять въ интересахъ не всѣхъ, а лишь части гражданъ. Значеніе этихъ логическихъ соображеній усиливалось дѣйствительнымъ положеніемъ вещей въ ту эпоху въ Европѣ вообще и въ частности въ Англіи. Во всѣхъ отрасляхъ права, какъ публичнаго, такъ и частнаго, обнаруживалось преобладаніе извѣстныхъ классовъ, вліяніе узкихъ интересовъ. Вотъ почему бентамиты вообще являлись демократами и, обратно, демократы того времени — бентамитами.

Переходя къ анализу причинъ того успѣха, который имѣли доктрины бентамизма, Дайси говоритъ, что онъ объясняется отчасти переходными обстоятельствами той эпохи, отчасти же нѣкоторыми постоянными свойствами англійской общественной мысли.

Бентамизмъ, прежде всего, отвѣчалъ непосредственнымъ запросамъ времени. Около 1825 года въ Англіи широко распространилось убѣжденіе въ необходимости коренныхъ измѣненій въ учрежденіяхъ страны; но англичане всѣхъ классовъ, виги и реформисты не въ меньшей степени, чѣмъ тори, относились съ недовѣріемъ къ теоріи естественныхъ правъ и остерегались усвоенія какихъ-либо якобинскихъ принциповъ. Догматизмъ и реторика французской революціи потеряли свою прелесть даже въ глазахъ радикаловъ англійскихъ. Тотъ, кто могъ бы повести Англію по пути реформъ, не долженъ былъ говорить ни объ общественномъ договорѣ, ни о естественныхъ правахъ, ни о правахъ человѣка, ни о свободѣ, равенствѣ и братствѣ. Этимъ условіямъ вполнѣ отвѣчали Бентамъ и его ученики. Они ненавидѣли и подвергали насмѣшкамъ туманныя обобщенія, сантиментализмъ

и реторику; они отвергали ученіе объ общественномъ договорѣ, а революціонный догматизмъ никогда не вызывалъ такой рѣзкой критики, какъ та, которой Бентамъ подвергъ „Декларацію правъ человѣка и гражданина“.

„О чемъ всего болѣе нужно напоминать народу, — писалъ онъ,—такъ это объ его обязанностяхъ; что касается его правъ, то, каковы бы они ни были, онъ достаточно склоненъ самъ позаботиться о нихъ...; великими врагами общественнаго мира являются своекорыстныя и антисоціальныя страсти... Какова была цѣль, цѣль постоянная и очевидная, этой деклараціи такъ называемыхъ правъ? По возможности еще болѣе усилить эти страсти, безъ того слишкомъ сильныя, разорвать то, что сдерживало ихъ, сказать корыстнымъ страстямъ: „смотрите, все это ваша добыча!“ и — страстямъ раздраженнымъ: „смотрите, всюду враги ваши!“

Бентамъ былъ не агитаторомъ, а глубокимъ и систематическимъ мыслителемъ, который поставилъ передъ собою не туманные и неопредѣленные идеалы, а совершенно ясный и опредѣленный планъ реформъ съ цѣлью практическаго улучшенія англійскаго законодательства — реформъ, отвѣчавшихъ лучшимъ стремленіямъ англійскихъ среднихъ классовъ.

Однако въ еще большей степени сила утилитаризма обусловливалась соотвѣтствіемъ его нѣкоторымъ постояннымъ тенденціямъ англійской общественной мысли, традиціонному консерватизму англичанъ.

Большинство бентамитовъ были демократы, но наиболѣе демократическіе изъ утилитаристовъ не покушались на основы англійскаго общественнаго строя. Они оставались вѣрными господствующимъ представленіямъ объ индивидуальномъ благополучіи и національномъ благосостояніи. Къ соціализму всякаго рода они относились вполнѣ отрицательно; съ неодобреніемъ смотрѣли они на проявленія государственнаго вмѣшательства; къ мѣрамъ скрытаго соціализма они относились гораздо болѣе враждебно, чѣмъ тори-филантропы, представителемъ которыхъ въ литературѣ былъ Соути, а въ области частной благотворительности—лордъ Шефтсбери. „Философскіе радикалы“ предлагали реформировать англійское законодательство не посредствомъ коренной революціи, а путемъ обезпеченія за всѣми англичанами тѣхъ правъ собственности и индивидуальной свободы, которыя теоретически принадлежали всѣмъ англичанамъ, но которыми, вслѣдствіе недостатковъ законодательства, цѣлые классы не могли пользоваться. Въ видѣ примѣра Дайси указываетъ, что за каждымъ признавалось

право на возвращеніе долговъ, но до созданія судовъ графства (County Courts) бѣдному человѣку часто было трудно, если не невозможно, взыскать слѣдуемое ему по причинѣ страшной дороговизны судебнаго процесса.

Утилитаризмъ въ примѣненіи къ законодательству являлся не чѣмъ инымъ, какъ систематизированнымъ индивидуализмомъ, а индивидуализмъ всегда былъ присущъ англичанамъ.

Въ теченіе долгихъ конфликтовъ, которыми ознаменовалась конституціонная исторія Англіи, индивидуализмъ означалъ ненависть къ произвольной прерогативѣ короны или, другими словами, къ коллективной и самодержавной власти государства; онъ питалъ и осмысливалъ инстинктивное и упорное стремленіе обезпечить за каждымъ англичаниномъ, безъ различія положенія, господство закона. Бентамизмъ былъ логическимъ и систематическимъ развитіемъ этихъ индивидуальныхъ правъ, и особенно права индивидуальной свободы, которая была всегда такъ дорога англійскому общему праву (common law).

Въ какой мѣрѣ прочно и глубоко былъ усвоенъ бентамизмъ или индивидуализмъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ совершенно опредѣленно и точно. Начиная съ 1832 года, преобладаніе индивидуализма въ средѣ классовъ, имѣвшихъ вліяніе на законодательство, представляется въ теченіе многихъ лѣтъ безспорнымъ и очевиднымъ.

Со времени проведенія акта 1832 г. о парламентской реформѣ политическая жизнь развивалась подъ руководствомъ лидеровъ, которые, несмотря на различія въ партійныхъ оттѣнкахъ, были прежде всего индивидуалисты и утилитаристы. Философскіе радикалы, Гротъ, Ребукъ и Молесвортъ были ревностными послѣдователями Бентама. Брумъ, Россель, Маколей и другіе виги, называли ли они себя бентамитами или нѣтъ, были убѣжденными сторонниками утилитаризма.

Лидеры манчестерской школы не могутъ быть причислены къ философскимъ радикаламъ; это были просвѣщенные дѣловые люди, которые стремились скорѣе къ реформамъ въ области промышленности, чѣмъ политическимъ или соціальнымъ. Но въ области политики они слѣдовали идеямъ Бентама въ большей степени, чѣмъ какая-либо другая группа либераловъ.

Бентамизмъ не былъ монополіею либераловъ. Консерваторы, слѣдовавшіе за Пилемъ, иронически улыбнулись бы передъ наименованіемъ ихъ утилитаристами, но вмѣстѣ съ людьми своего поколѣнія они въ значительной степени восприняли доктрины

Бентама. Они примыкали къ старымъ тори въ противодѣйствіи дальнѣйшимъ конституціоннымъ измѣненіямъ, но подъ руководствомъ Пиля они признавали, что постепенныя реформы и умѣлое завѣдываніе внутреннимъ управленіемъ, въ связи съ обезпеченіемъ внѣшняго мира, приведутъ къ національному благополучію.

Наконецъ, даже руководители рабочихъ классовъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, были бентамитами. Сами трэдъюніонисты восприняли формулы, если не принципы экономистовъ того времени, и надѣялись, что начало „laissez faire", при правильномъ его истолкованіи, обезпечитъ за рабочими надлежащія средства соціальнаго и политическаго усовершенствованія. Среди чартистовъ можно встрѣтить нѣсколькихъ приверженцевъ соціалистическихъ идеаловъ, но чартизмъ не былъ движеніемъ соціалистическимъ. Народная хартія, формулированная въ 1838 году, была чисто политическою программою, которая соотвѣтствовала доктринѣ демократическаго бентамизма.

Либерализмъ бентамовскаго типа не только былъ господствующимъ теченіемъ въ эпоху реформъ, но вплоть до второй половины XIX вѣка не обнаруживалъ, по крайней мѣрѣ въ парламентѣ, серьезныхъ признаковъ упадка. Въ этомъ вполнѣ убѣждаетъ направленіе общественнаго мнѣнія, напр., въ 1850 или 1852 году. Философскіе радикалы (которымъ суждено было быть защитниками народнаго дѣла и никогда не снискать народнаго довѣрія или расположенія) почти уже исчезли, какъ партія, но практическій индивидуализмъ былъ господствующимъ теченіемъ времени. Если въ ту пору оставалось мало ревностныхъ учениковъ Бентама, какими были Джонъ Милль и его друзья, когда за двадцать или тридцать лѣтъ передъ тѣмъ они горячо пропагандировали утилитаризмъ, то въ дѣйствительности то время было торжествомъ Бентама и умѣренный утилитаризмъ являлся общепринятымъ политическимъ credo. Пореформенный парламентъ, хотя его законодательство и не удовлетворило всѣхъ стремленій философскаго радикализма, оказался надлежащимъ орудіемъ для постепеннаго проведенія утилитарной реформы. Крупнымъ политическимъ перемѣнамъ насталъ, повидимому, конецъ. Чартизмъ рушился 10 апрѣля 1848 года, и со стороны рабочихъ прекратились требованія демократическихъ нововведеній. По соображеніямъ партійной борьбы, въ 1852, 1854, 1859 и 1860 гг. вносились билли о парламентской реформѣ, но они не возбуждали общаго интереса. Въ 1859 году Брайтъ предпринялъ агитацію въ пользу распространенія политическихъ

правъ на всѣхъ домохозяевъ; его краснорѣчіе собирало обширныя аудиторіи, но не зажгло народнаго энтузіазма, и ораторъ, какъ говорятъ, сравнилъ свои усилія съ безплоднымъ „стеганіемъ палой лошади“.

Событія 1848 года и непосредственно за нимъ слѣдовавшихъ дискредитировали республиканизмъ и въ Англіи затормазили успѣхи демократіи. Они имѣли даже болѣе значительныя послѣдствія: въ глазахъ англійскаго здраваго смысла они изобличили соціализмъ не только во вредоносности, но и въ абсурдности. Бокль въ 1857 году восхищалъ всю Англію своими красивыми періодами, въ которыхъ излагались принципы и общія мѣста царившаго въ ту пору либерализма, а Джонъ Милль, наслѣдственный представитель бентамизма, два года спустя издалъ свой трактатъ „О свободѣ“, въ которомъ тысячи его горячихъ послѣдователей видѣли окончательное развитіе безусловной истинности индивидуализма и твердое обоснованіе доктрины о томъ, что охрана свободы есть единственно великая задача мудраго законодательства и здравой политики. Въ качествѣ характернаго признака времени можно отмѣтить, что единственнымъ значительнымъ законодательнымъ актомъ, который проведенъ былъ Пальмерстономъ, былъ законъ 1857 г. о разводѣ—законъ, отвѣчавшій всецѣло доктринѣ бентамизма. Ко всему этому нужно прибавить огромное нравственное и умственное воздѣйствіе, которое было оказано непрерывнымъ развитіемъ законодательства въ духѣ бентамизма, и болѣе всего отмѣною хлѣбныхъ законовъ и тѣмъ ростомъ благосостоянія, причиною котораго считалась эта отмѣна. Эта непрерывность въ развитіи законодательства въ духѣ бентамизма является главнымъ проявленіемъ, а съ извѣстной точки зрѣнія и главною причиною господства индивидуализма въ теченіе почти всего періода существованія реформированнаго парламента (т.-е., до второй крупной реформы его въ 1867 г.).

Самый обзоръ законодательства въ періодъ бентамизма Дайси производитъ не въ порядкѣ его хронологическаго развитія, а сообразно съ тѣми главными задачами, осуществленіе которыхъ составляло цѣль вдохновителей и выразителей этого направленія. Такихъ задачъ было четыре: 1) переходъ политической власти въ руки того класса, который признавался достаточно обширнымъ и интеллигентнымъ для того, чтобы интересы его могли быть отождествлены съ интересами наибольшаго числа; 2) проведеніе началъ гуманности; 3) развитіе и расширеніе области индивидуальной свободы; 4) созданіе правового механизма, со-

отвѣтствующаго задачѣ охраненія равныхъ правъ всѣхъ гражданъ.

1) *Переходъ политической власти.*—Актъ о реформѣ 1832 года, проведенію котораго энергически содѣйствовали послѣдователи Бентама, не представляется, съ современной точки зрѣнія, очень широкою демократическою реформою. Цѣлью его было уменьшить власть джентри и сосредоточить преобладающую политическую власть въ рукахъ среднихъ классовъ. Эта цѣль и была вполнѣ достигнута. Но, можно спросить, почему демократы-бентамиты такъ ревностно содѣйствовали проведенію закона, который представлялъ собою такой скромный шагъ на пути развитія демократіи? Отчасти на этотъ вопросъ можно отвѣтить, что виги не имѣли ни желанія, ни возможности пойти далѣе въ демократическомъ направленіи; но болѣе полное объясненіе указаннаго заключается въ томъ, что актъ о реформѣ въ значительной мѣрѣ удовлетворялъ желанія и стремленія бентамовскаго либерализма. Бентамизмъ былъ по существу своему выраженіемъ міровоззрѣнія среднихъ классовъ, и именно средніе классы болѣе, чѣмъ какой-либо другой слой общества, были склонны осуществить стремленія утилитаризма.

Реформа городского управленія актомъ 1835 года является дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи демократическаго бентамизма. Она устранила массу практическихъ недочетовъ, которые были особенно ненавистны утилитаристамъ. Она, вмѣстѣ съ тѣмъ, передала управленіе городовъ среднимъ классамъ и даже тѣмъ обывателямъ бурговъ, которые принадлежали къ болѣе низкимъ слоямъ.

2) *Проведеніе началъ гуманности.*—Эта задача вытекала изъ основныхъ принциповъ философіи Бентама, которые побуждали утилитаристовъ выступить съ рѣшительнымъ протестомъ противъ жестокости и ненужныхъ страданій. Къ этой области относится рядъ реформъ въ уголовномъ законодательствѣ: отмѣна тѣлесныхъ наказаній женщинъ; упраздненіе позорнаго столба (1837); постепенное (за время между 1827 и 1861 годами) сокращеніе числа преступленій, караемыхъ смертною казнью, которая оставлена лишь для случаевъ убійства; реформированіе тюремъ; почти полная отмѣна тѣлесныхъ наказаній, какъ кары за преступленіе; упраздненіе публичности смертной казни убійцъ. Результатомъ того же гуманитарнаго движенія были различныя мѣры защиты дѣтей, рядъ законовъ (начиная съ 1828 г.), составившихъ цѣлый кодексъ мѣръ защиты душевно-больныхъ и обезпеченія людей здоровыхъ отъ незаконнаго помѣщенія въ дома для умалишен-

ныхъ. Къ этой же области относятся законы о воспрещеніи жестокаго обращенія съ животными.

Побужденіями гуманности вызвана была также эмансипація негровъ, но эта мѣра относится скорѣе къ другой области индивидуалистическаго законодательства, предметомъ которой является—

3) *Расширеніе области индивидуальной свободы.*—Терминъ „индивидуальная" или „личная свобода" понимается здѣсь въ очень широкомъ смыслѣ. Развитіе индивидуальной свободы, какъ объектъ бентамовскаго законодательства, безъ сомнѣнія, включаетъ въ себя ту свободу личности или то право безпрепятственнаго распоряженія собою, которое защищается институтомъ Habeas Corpus и привлеченіемъ къ отвѣтственности за противозаконное лишеніе свободы, но оно включаетъ въ себя также и устраненіе всякихъ ненужныхъ ограниченій, которымъ законъ или обычай подвергаетъ свободу дѣйствій индивидуальнаго гражданина. Цѣлью реформистовъ-бентамитовъ было обезпечить за каждымъ лицомъ всю ту свободу, которая совмѣстима съ предоставленіемъ такой же свободы каждому другому гражданину. Въ этихъ видахъ въ теченіе сорока лѣтъ, слѣдовавшихъ за актомъ о реформѣ, въ различныя области права внесены были соотвѣтственныя измѣненія.

Однимъ изъ главныхъ руководящихъ началъ въ этихъ реформахъ было обезпеченіе свободы договора. Во имя этого принципа перестали (1844) считаться преступными скупка и барышничество, отмѣнены (1833—1854) законы о ростовщичествѣ, навигаціонные законы (1846 и 1849). Актомъ 1835 г. и позднѣйшимъ законодательствомъ бракъ сталъ считаться договоромъ, могущимъ подлежать расторженію (1857 г.), подобно всякимъ другимъ договорамъ, съ соблюденіемъ однако нѣкоторыхъ особенныхъ условій и черезъ высшій судъ.

Стремленіемъ расширить свободу договоровъ вызвана была также реформа законовъ о коалиціяхъ и союзахъ рабочихъ, въ силу актовъ 1824 и 1825 гг.

Актомъ 1824 года были отмѣнены всѣ существовавшія, въ силу статутовъ и общаго права, ограниченія въ отношеніи къ возможности для рабочихъ соединеній предъявлять требованія о сокращеніи рабочаго времени, увеличеніи заработной платы и о другихъ условіяхъ труда, а также вынуждать другихъ къ отказу отъ работы. Такого рода коалиціи не подлежали уголовному преслѣдованію и освобождались отъ примѣненія къ нимъ карательныхъ нормъ за преступное соглашеніе (conspiracy). Одинаковыя права предоставлялись и соединеніямъ предпринимателей.

Съ другой стороны, актъ 1824 года установилъ наказаніе (двухмѣсячное тюремное заключеніе) за насиліе, угрозы и умышленное причиненіе вреда.

Въ этомъ актѣ выразились два характерныхъ убѣжденія бентамитовъ и экономистовъ: 1) трудъ долженъ быть столь же свободно предметомъ обмѣна, какъ всякій другой товаръ, и 2) рабочіе и предприниматели должны подлежать дѣйствію одинаковыхъ правовыхъ нормъ.

Немедленное измѣненіе акта 1824 года было вызвано слѣдующими обстоятельствами. „Рабочіе, впервые получившіе обезпеченіе права коалицій,—говоритъ Дайси,—воспользовались своимъ новымъ правомъ неблагоразумно, чтобы не сказать несправедливо. Произошли многочисленныя стачки, и эти стачки сопровождались актами насилія и давленія. Въ Глазго рабочіе „бойкотировали“, какъ сказали бы мы теперь, одного непопулярнаго мануфактуриста и старались разорить его. Классы, имѣвшіе вліяніе въ парламентѣ, были объяты паникою, и тревога ихъ не была безосновательною. Отсюда требованіе отмѣны акта 1824 года“.

Въ 1825 году изданъ былъ новый актъ по тому же предмету. Онъ поставилъ свободу соединеній въ болѣе тѣсныя рамки и установилъ мѣры предосторожности противъ давленія со стороны рабочихъ массъ на предпринимателей и на тѣхъ рабочихъ, которые не находили для себя желательнымъ примкнуть къ движенію. За рабочими, какъ и за предпринимателями, актъ 1825 г. признавалъ право, при посредствѣ коалицій, устанавливать условія рабочаго времени и заработной платы, но осуществленіе этого права въ формахъ острыхъ могло вызвать уголовное преслѣдованіе участниковъ по обвиненію ихъ въ преступномъ соглашеніи (conspiracy). При такихъ условіяхъ стачка, не будучи сама по себѣ явленіемъ преступнымъ, могла при извѣстныхъ условіяхъ быть признана „conspiracy“; съ другой стороны, принадлежность къ рабочему союзу сама по себѣ не являлась преступленіемъ, но рабочій союзъ не пользовался признаніемъ закона и не могъ разсчитывать на какую-либо юридическую защиту.

При всемъ различіи обоихъ актовъ въ нихъ въ сущности нѣтъ коренного противорѣчія. „Закономъ 1824 года бентамиты и экономисты расширили право соединеній въ цѣляхъ расширенія области индивидуальной свободы; актомъ 1825 года искренніе индивидуалисты, къ числу которыхъ, конечно, можетъ быть отнесенъ Пиль, ограничили право соединеній въ цѣляхъ охранить договорную свободу рабочихъ и хозяевъ. Люди, проведшіе актъ 1824 г., имѣли въ виду примѣнить въ отношеніи къ труду

начало свободной торговли; они не хотѣли ограничивать договорную свободу тѣхъ, которые предпочитали не присоединяться къ трэдъ-юніонамъ или противодѣйствовали имъ. Оба акта, повидимому противоположные, въ дѣйствительности являются лишь различными выраженіями того принципа „laissez faire“, который былъ однимъ изъ жизненныхъ убѣжденій утилитаристовъ“.

Къ области расширенія индивидуальной свободы должны быть отнесены также многочисленные статуты, задачею которыхъ было обезпечить свободу распоряженія собственностью, въ частности земельною собственностью. Сюда же можетъ быть отнесена реформа (1834) системы призрѣнія бѣдныхъ въ томъ ея значеніи, какое она имѣла для охраненія права собственности отъ тѣхъ жертвъ, которыя это право несло при прежнихъ порядкахъ въ области общественнаго призрѣнія, когда на счетъ сборовъ съ состоятельныхъ людей давались обязательныя пособія людямъ, уклонявшимся отъ работы и предпочитавшимъ жить подачками.

Дайси упоминаетъ, наконецъ, о тѣхъ актахъ, которые расширяли сферу свободы мнѣній и свободу религіозную, подчеркивая въ особенности отмѣну тѣхъ ограниченій, которыя закрывали доступъ въ парламентъ представителямъ тѣхъ или другихъ исповѣданій, не допускавшихъ принесенія присяги въ формулѣ установленной для членовъ англиканской церкви.

4) *Надлежащее охраненіе правъ.*—Бентамъ и его послѣдователи проявили большую энергію въ обезпеченіи за каждымъ дѣйствительной возможности защитить свои права. Въ этихъ видахъ они старались преобразовать судебную процедуру и, освободивъ ее отъ устарѣлыхъ пріемовъ, поставить ее въ уровень съ современными потребностями: сдѣлать суды болѣе доступными, удешевить процессъ и упростить его. Судебная процедура, со всѣми техническими деталями ея, составляла излюбленный предметъ вниманія и изученія Бентама, который видѣлъ въ ея усовершенствованіи средство обезпечить за каждымъ правовую защиту. Право, не получающее защиты, не имѣетъ реальнаго существованія; медленность и дороговизна суда, недостаточная доступность его порождаютъ несправедливости не менѣе значительныя, чѣмъ формальное отрицаніе правъ. „То увлеченіе,—говоритъ Дайси,—съ какимъ относился Бентамъ къ улучшенію процедуры, было проявленіемъ желанія его дать защиту индивидуальной свободѣ, и результатомъ этого увлеченія, возбужденнаго Бентамомъ, было то, что въ теченіе семидесяти лѣтъ постоянно дѣлались усилія въ цѣляхъ улучшенія правового механизма—усилія, увѣнчавшіяся замѣтнымъ успѣхомъ“.

Обозрѣніе періода бентамизма или индивидуализма Дайси заканчиваетъ слѣдующими соображеніями:

„Чѣмъ глубже вникаешь въ изученіе того обновленія, которому подверглись англійскія учрежденія подъ вліяніемъ Бентама, тѣмъ болѣе рѣзко выступаетъ вліяніе, оказываемое на развитіе права общественнымъ мнѣніемъ. Ничто не дѣлается путемъ насилія; всякая перемѣна производится или задерживается или предотвращается подъ вліяніемъ,—и вліяніемъ, повидимому, непреоборимымъ,—какой-то невидимой силы. Старанія обструкціонистовъ или реакціонеровъ не приводятъ ни къ чему; торизмъ Эльдона, военная суровость герцога Веллингтона, разумный консерватизмъ Пиля и, позднѣе, гораздо менѣе разумный консерватизмъ лорда Пальмерстона, все это на самомъ дѣлѣ задерживаетъ движеніе перемѣнъ лишь на такіе періоды времени, которые въ жизни народовъ являются простыми моментами. Съ другой стороны, стремительность демократовъ и пылкость энтузіастовъ достигаютъ немногаго въ дѣлѣ ускоренія перемѣнъ. Въ XVIII вѣкѣ одинъ герцогъ былъ склоненъ рекомендовать всеобщее избирательное право. Его требовали чартисты, которымъ, казалось, между 1830 и 1848 годами, суждено было довести парламентскую реформу до ея логическаго заключенія. И однако теперь, когда Англія представляется гораздо болѣе демократическою, чѣмъ въ серединѣ XIX-го вѣка, избиратели, которые могли бы легко добиться любого желательнаго для нихъ измѣненія, довольствуются условіями значительно менѣе демократическими, чѣмъ даже предоставленіе избирательныхъ правъ всѣмъ домохозяевамъ безъ ограниченія извѣстнымъ цензомъ; можно даже найти доказательства (хотя не слѣдуетъ забывать, что не все доказуемое оказывается вѣрнымъ), что реформы или измѣненія, произведенныя за послѣднія шестьдесятъ лѣтъ, значительно увеличили популярность короны, пэріи и церкви. Вникнувъ въ тѣ измѣненія, которыя осуществились, и—что столь же важно—въ тѣ измѣненія, которыя не осуществились въ законодательствѣ страны, мы всюду замѣтимъ воздѣйствіе общественнаго мнѣнія, и чудится намъ, что мы въ рукахъ какого-то таинственнаго вліянія, которое дѣйствуетъ съ неизбѣжностью рока. Но это суевѣрное чувство исчезнетъ, если мы вспомнимъ, что общественное мнѣніе есть не что иное, какъ мнѣніе общества,—т.-е. господствующіе взгляды неопредѣленнаго числа англичанъ".

Владиміръ Дерюжинскій.



ГРАФЪ А. К. ТОЛСТОЙ

ЕГО

ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ

25-го сентября прошедшаго года исполнилось тридцать лѣтъ со дня смерти графа Алексѣя Константиновича Толстого. Много прошло времени съ тѣхъ поръ, а все же у насъ не пришли еще къ соглашенію въ оцѣнкѣ его личнаго характера и творческаго таланта, и даже встрѣчаются, или, по крайней мѣрѣ, встрѣчались прямо противоположныя воззрѣнія какъ на то, такъ и на другое.

Если вѣрить цифрамъ, т.-е. числу изданій, которое въ послѣднее время выдержали его сочиненія, и безчисленному числу представленій его „Трилогіи", то можно констатировать, какъ несомнѣнный фактъ, именно то, что графъ А. К. Толстой сдѣлался теперь однимъ изъ самыхъ популярныхъ нашихъ поэтовъ. Но, съ другой стороны, и теперь можно встрѣтить въ печати слѣды старой непріязни къ нему. Въ виду того, мы и предприняли, въ настоящемъ очеркѣ, собрать во-едино тѣ данныя, которыя разбросаны на страницахъ разныхъ журналовъ, и представить картину жизни покойнаго поэта, характеристику его личности и оцѣнку богатой, разносторонней его работы.

I.

Графъ А. К. Толстой родился 24-го августа 1817 г. въ Петербургѣ, въ богатой дворянской семьѣ. Его мать, Анна Алексѣевна Перовская, которая славилась въ высшемъ обществѣ

столицы своимъ умомъ и красотою, вышла въ 1816 г. замужъ за графа Константина Петровича Толстого, брата извѣстнаго скульптора и вице-президента академіи художествъ. Бракъ этотъ не былъ счастливъ, и, вскорѣ послѣ рожденія сына, супруги разъѣхались. Графъ К. П. Толстой, женившись во второй разъ, былъ значительно старше своей молодой жены; онъ уступалъ ей и по уму, и по образованію. По крайней мѣрѣ, братъ его, Ѳ. П. Толстой, цѣнившій свою невѣстку, высказался по поводу этого разрыва въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Братъ Константинъ никогда и не долженъ былъ жениться на Аннѣ Алексѣевнѣ. Она слишкомъ умна для него... Тутъ ладу и ожидать было трудно...“ [1]).

Немедленно послѣ разрыва съ мужемъ, графиня Анна Алексѣевна съ шестинедѣльнымъ ребенкомъ покинула Петербургъ и поселилась на югѣ, въ имѣніи Красный-Рогъ, мглинскаго уѣзда, черниговской губерніи. Съ этого времени всѣ связи съ семьей Толстыхъ, съ которыми ранѣе графиню соединяла самая тѣсная дружба, были порваны [2]).

Анна Алексѣевна была не только умная, но и безпредѣльно добрая женщина [3]), которая всю свою любовь сосредоточила на своемъ сынѣ и сумѣла сдѣлать изъ него хорошаго человѣка. Въ трудной работѣ воспитанія „Алеши“ графиня нашла полную поддержку въ своемъ братѣ, Алексѣѣ Алексѣевичѣ Перовскомъ, который всей душой привязался къ ребенку и замѣнилъ ему отца. Въ виду того вліянія, которое этотъ интересный человѣкъ оказалъ на всю дальнѣйшую судьбу гр. А. К. Толстого, необходимо нѣсколько остановиться на немъ и на той семьѣ, въ которой онъ родился [4]).

Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій и его сестра были побочныя дѣти извѣстнаго вельможи Александровскаго времени, графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, и дѣвицы Марьи Михайловны Соболевской. Семья эта была очень многочисленна: кромѣ Алексѣя и Анны, у графа было еще два сына—Василій и Левъ—и пять дочерей: Прасковья, Елизавета, Ольга, Марія и Софія [5]). Въ 1807 г. всѣ эти дѣти, по Высочайшему повелѣнію, были уза-

---

[1]) Воспоминанія его дочери, М. Ѳ. Каменской („Историческій Вѣстникъ“ 1894 г., т. 55, стр. 307).

[2]) Воспоминанія Ек. Ѳ. Юнге, второй дочери гр. Ѳ. П. Толстого („Вѣстникъ Европы“ 1905 г., т. II, стр. 801).

[3]) Воспоминанія Льва Жемчужникова („Вѣстникъ Европы“ 1899 г., № 11).

[4]) А. Кирпичниковъ. Былыя знаменитости русской литературы. Антоній Погорѣльскій (А. Перовскій). „Истор. Вѣстн.“ 1870 г., октябрь.

[5]) Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, II, стр. 113.

конены, получили дворянское званіе и фамилію Перовскихъ, отъ подмосковнаго имѣнія ихъ отца, которое называлось Перово. Благодаря вліянію, средствамъ и обширнымъ связямъ графа Алексѣя Кирилловича, который при Александрѣ I былъ министромъ народнаго просвѣщенія, дѣти его получили прекрасное образованіе и блестяще пошли по службѣ; его сынъ Василій былъ генералъ-губернаторомъ въ Оренбургѣ, другой—Левъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ; даже Алексѣй, который не отличался усердіемъ къ службѣ, а увлекался литературой и искусствомъ, былъ назначенъ попечителемъ харьковскаго учебнаго округа и состоялъ въ этой должности съ 1825 по 1830 г. Помимо связей, гр. А. К. Разумовскій оставилъ дѣтямъ большія средства, которыя достались ему въ видѣ обширныхъ помѣстій его отца, Кирилла Разумовскаго, послѣдняго гетмана Малороссіи. Главное изъ этихъ имѣній было мѣстечко Почепъ, мглинскаго уѣзда, гдѣ до своей смерти, которая послѣдовала въ 1822 г., жилъ самъ гр. Алексѣй Кирилловичъ; по сосѣдству были расположены помѣстья его дѣтей: Погорѣльцы, въ которомъ поселился А. А. Перовскій, и Красный-Рогъ, гдѣ въ старой гетманской усадьбѣ, въ красивомъ охотничьемъ домѣ, построенномъ знаменитымъ архитекторомъ Растрелли, жила графиня Анна Алексѣевна Толстая.

Дворецъ этотъ, какъ и всѣ загородные дома гетмана, былъ деревянный, но отличался красотой фасада и удобствомъ расположенія комнатъ. Онъ стоялъ вдали отъ крестьянскихъ хатъ, и широкія липовыя аллеи вели къ его главному подъѣзду; съ другой стороны къ дому примыкалъ обширный садъ, спускавшійся къ красивой рѣкѣ. Средину зданія занимала большая столовая, надъ которой былъ устроенъ бельведеръ, откуда открывался прекрасный видъ на всю усадьбу, рѣку и безграничныя лѣсныя дали. Не было здѣсь лишней роскоши, но весь домъ производилъ впечатлѣніе барской усадьбы, въ которой все красиво, просто и удобно.

Мы такъ подробно остановились на описаніи усадьбы Краснаго-Рога потому, что въ этомъ имѣніи маленькій Алеша провелъ свое счастливое дѣтство. Мальчикомъ онъ бѣгалъ по саду и по окружающимъ лѣсамъ, а юношей—читалъ и мечталъ, сидя подъ тѣнистыми деревьями парка. Недаромъ онъ всю жизнь любилъ этотъ клочокъ земли всѣми фибрами своей души.

Домъ А. А. Перовскаго находился, какъ мы сказали, въ его имѣніи Погорѣльцахъ [1]). Тамъ онъ устроилъ себѣ садъ въ ан-

---

[1]) Послѣ смерти Перовскаго, это имѣніе перешло къ гр. А. К. Толстому, а теперь принадлежитъ Н. М. Буддѣ-Жемчужникову.

глійскомъ вкусѣ и собралъ обширную библіотеку, которою впослѣдствіи часто пользовался гр. А. К. Толстой. Хозяинъ этой усадьбы былъ для своего времени человѣкъ весьма образованный. Въ 20-хъ годахъ Перовскій занялся литературой и написалъ, подъ псевдонимомъ Антона Погорѣльскаго, цѣлый рядъ фантастическихъ разсказовъ: „Лафертова мельница", „Двойникъ или вечера въ Малороссіи", „Монастырка" и др. Всѣ эти разсказы написаны бойко, талантливо и безъ малѣйшей тенденціозности. „Монастырка", по крайней мѣрѣ ея первая часть, не лишена интереса и въ настоящее время; въ особенности, описаніе жизни и быта Малороссіи заслуживаетъ, по живости красокъ, полнаго вниманія. Нельзя не упомянуть еще о прелестной сказкѣ „Черная Курица, или Подземные жители", которая, по преданію, написана Перовскимъ для „Алеши" [1]).

Но возвратимся къ біографіи самого гр. А. К. Толстого.

Проживъ лѣтъ шесть въ деревнѣ, графиня Анна Алексѣевна вернулась въ Петербургъ. Зимой 1826 года мы ее снова видимъ среди столичнаго свѣта, двери котораго были ей широко открыты. Благодаря знакомству гр. Василія Алексѣевича Перовскаго съ воспитателемъ наслѣдника-цесаревича Александра Николаевича, Жуковскимъ [2]), девятилѣтній Алеша Толстой былъ представленъ наслѣднику и допущенъ въ число дѣтей, которыя по воскресеньямъ составляли общество цесаревича Александра Николаевича. Съ этого времени его соединяли съ будущимъ государемъ самыя теплыя, дружескія отношенія.

Въ 1827 году графиня вмѣстѣ съ братомъ и сыномъ отправилась заграницу. Обширныя связи и большія средства повсюду открывали имъ двери. Въ своей автобіографіи гр. Толстой вспоминаетъ, что они были приняты въ Веймарѣ, при дворѣ великаго герцога, и въ домѣ Нестора европейской литературы, Вольфганга Гёте, къ которому въ тѣ годы стекались со всего міра поклонники его генія. Величественный старикъ принялъ своихъ гостей очень привѣтливо и, обласкавъ мальчика, посадилъ его къ себѣ на колѣни.

Западъ съ его высокой культурой чрезвычайно понравился нашимъ путешественникамъ, и съ тѣхъ поръ поѣздки заграницу предпринимались ими очень часто. Наибольшее впечатлѣніе на мальчика произвело путешествіе по Италіи, которое они предпри-

---

[1]) „Монастырка" и „Черная Курица" изданы А. А. Суворинымъ въ его „Дешевой библіотекѣ".

[2]) Языковъ. Гр. А. К. Толстой. М., 1901 г., стр. 14.

няли въ 1831 г. Изъ дневника, сохранившагося въ семейномъ архивѣ [1]), видно, съ какимъ интересомъ четырнадцатилѣтній Алексѣй Толстой воспринималъ богатыя впечатлѣнія, интересовался природой, людьми и упивался искусствомъ. Теперь, когда желѣзныя дороги прорѣзали всю страну, трудно себѣ представить путешествіе того времени. Но въ богатыхъ помѣщичьихъ усадьбахъ можно изрѣдка найти старинную карету, въ которой ѣздили наши магнаты. Этотъ экипажъ былъ такъ помѣстителенъ, что на ночь въ немъ дѣлали постель; сзади были устроены особыя мѣста для прислуги, а на крышѣ привязывались сундуки; его везли 4—6 лошадей, при перевалахъ черезъ горы впрягали быковъ, а при путешествіи по Италіи въ Апеннинахъ, а также между Римомъ и Неаполемъ, иностранцевъ эскортировалъ пикетъ папскихъ карабинеровъ. Недаромъ маленькій Толстой такъ подробно описываетъ въ своемъ дневникѣ продѣлки разбойниковъ, которые, опустошая карету, клали путешественниковъ лицомъ къ землѣ.

Это маленькое общество ѣхало необычной теперь дорогой: они посѣтили Венецію, Верону, Миланъ, Геную, Пизу, Лукку, Флоренцію, Фолинью, Civita Castellana и черезъ Piazza del Popolo въѣхали въ Римъ. Оттуда они черезъ Гаэту проѣхали въ Неаполь и моремъ вернулись въ Геную.

Поѣздка была роскошная въ полномъ смыслѣ этого слова. Перовскій и его сестра всюду останавливались, разыскивали знакомыхъ, посѣщали художниковъ и дѣлали большія покупки. Въ Римѣ они познакомились съ К. П. Брюлловымъ, которому маленькій Толстой такъ понравился, что знаменитый художникъ нарисовалъ ему картинку въ альбомъ.

Изъ этого періода сохранился акварельный портретъ будущаго поэта [2]). Неизвѣстный живописецъ изобразилъ на немъ прелестнаго мальчика, въ короткой курточкѣ, вродѣ той, которую носятъ ученики англійскихъ школъ. Милое выраженіе овальнаго лица и привѣтливая улыбка объясняютъ, почему этотъ ребенокъ пользовался всеобщей симпатіей.

На Толстого это путешествіе имѣло громадное вліяніе. „Изобразить всю силу моихъ впечатлѣній и весь переворотъ, совершившійся во мнѣ, когда открылись сокровища искусствъ душѣ моей, предчувствовавшей ихъ еще до той минуты, когда довелось ихъ видѣть — было невозможно“, — пишетъ онъ въ своей автобіографіи [3]). „Въ Венеціи мой дядя купилъ во дворцѣ Гримани

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1905 г., № 1.

[2]) „Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ“. Сезонъ 1900—1901 г.

[3]) Полное Собраніе сочиненій. Т. I, стр. XII.

бюстъ молодого фавна, приписываемый Микель-Анджело,—одна изъ великолѣпнѣйшихъ вещей, какія я только знаю... Когда бюстъ принесли въ отель, гдѣ мы жили, я не отходилъ отъ него. Ночью я вставалъ посмотрѣть на него, и нелѣпѣйшій страхъ мучилъ мое воображеніе. Я задавалъ себѣ вопросъ, что мнѣ дѣлать, если вспыхнетъ пожаръ въ отелѣ, и пробовалъ, могу ли я въ такомъ случаѣ унести статую на своихъ рукахъ... По мѣрѣ переѣзда на югъ, росли во мнѣ энтузіазмъ и любовь къ искусству, такъ что, по возвращеніи въ Россію, я впалъ по Италіи въ настоящую тоску по родинѣ, въ какое-то отчаяніе, вслѣдствіе котораго я днемъ ничего не хотѣлъ ѣсть, а по ночамъ рыдалъ, когда сны мои уносили меня въ мой потерянный рай"...

Эти впечатлѣнія остались у Толстого на всю жизнь. Недаромъ онъ до гробовой доски остался вѣренъ поклоненію прекраснаго и такъ охотно возвращался въ Римъ.

Въ 1834 году мы застаемъ всю семью въ Москвѣ. А. А. Перовскій жилъ здѣсь бариномъ и меценатомъ. Онъ даже залучилъ къ себѣ въ домъ К. П. Брюллова, надѣясь заставить его работать и написать за крупный гонораръ семейные портреты. Но своеобразная натура художника взяла свое. Брюлловъ закутилъ и, къ великому огорченію мецената, чуть не тайкомъ убѣжалъ изъ его дома [1]). Въ это время были написаны К. П. Брюлловымъ портреты А. А. Перовскаго [2]) и гр. А. К. Толстого [3]); портрета графини Анны Алексѣевны Брюлловъ даже не начиналъ. Графъ А. К. Толстой изображенъ стройнымъ юношей, въ охотничьемъ костюмѣ, съ ружьемъ и лягавой собакой. По мнѣнію А. В. Мещерскаго, портретъ этотъ вполнѣ удался художнику, который „достигъ разительнаго сходства и опоэтизировалъ тѣ черты, которыя заслуживали художественной отдѣлки". Недаромъ все семейство было отъ этого портрета въ восторгѣ.

Въ это время Толстой поступилъ на службу въ московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Служба едвали была утомительная, потому что онъ одновременно числился студентомъ университета. Черезъ годъ, по Высочайшему повелѣнію, онъ получилъ отпускъ заграницу, вернулся 4-го ноября 1835 г. и почти тотчасъ же подалъ прошеніе о допущеніи его къ экзамену. Вѣроятно, требованія были въ то время не особенно строгія, или Толстой былъ достаточно хорошо подготовленъ. Экзаменъ онъ

[1]) Письма Пушкина. (Сочиненія. Изд. Литературнаго Фонда. 1884 г., т. VII, стр. 399 и 402).

[2]) Музей Александра III. „Историч. Вѣстн.", 1870 г., октябрь.

[3]) „Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ". Сезонъ, 1900—1901 г.

выдержалъ, и 4 января 1836 г. совѣтъ университета выдалъ ему аттестатъ на вступленіе въ первый разрядъ чиновниковъ государственной службы [1]).

Изъ этого періода сохранились воспоминанія кн. А. В. Мещерскаго, который особенно подружился съ Толстымъ и говорилъ о немъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ: „подобной ясной и свѣтлой души, такого отзывчиваго и нѣжнаго сердца, такого вѣчно присущаго въ человѣкѣ высокаго нравственнаго идеала, какъ у Толстого,—пишетъ кн. Мещерскій,—я въ жизни ни у кого не видалъ“. Изъ умственныхъ его качествъ авторъ отмѣчаетъ необыкновенную память. Толстой всѣхъ поражалъ тѣмъ, что, бѣгло прочитавъ большую страницу прозы, онъ могъ, закрывъ книгу, дословно и безъ ошибки передать прочитанное.

13-го іюня Толстой вновь получилъ заграничный отпускъ на четыре мѣсяца для поѣздки въ Ниццу, куда онъ долженъ былъ сопровождать больного А. А. Перовскаго. Пользуясь этимъ разрѣшеніемъ, гр. Алексѣй Константиновичъ выѣхалъ изъ Москвы, но не попалъ заграницу. Болѣзнь А. А. Перовскаго неожиданно обострилась такъ сильно, что пришлось прервать путешествіе и остановиться въ Варшавѣ. Старанія врачей были тщетны, и 9-го іюля 1836 г. Перовскій умеръ на рукахъ своего Алеши.

Для Толстого это былъ большой ударъ, такъ какъ Перовскій любилъ и ласкалъ его, какъ родного сына, и назначилъ его наслѣдникомъ своего большого состоянія.

II.

Въ Москву гр. А. К. болѣе не вернулся. Похоронивъ дядю, онъ поспѣшилъ къ матери, которую смерть брата очень опечалила. Чтобы остаться при ней, онъ перевелся на службу въ Петербургъ, въ департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ, потомъ числился при нашей миссіи во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, а вернувшись въ Россію, служилъ при II отдѣленіи Собственной его величества канцеляріи. Кромѣ того, онъ состоялъ сначала камеръ-юнкеромъ, а съ 1851 г. церемоніймейстеромъ двора его императорскаго величества. Къ наслѣднику гр. Толстой, какъ

---

[1]) С. Казанскій. Замѣтка о службѣ гр. А. К. Толстого въ Московск. Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ („Русская Старина“, т. 104, стр. 685—7).

[2]) „Изъ моей старины“ („Русскій Архивъ“ 1900 г., № 370). Языковъ. Гр. А. К. Толстой, стр. 17.

мы видѣли, былъ очень близокъ и имѣлъ право во всякое время входить къ нему безъ доклада [1]).

По словамъ В. Д. Давыдова, Толстой въ 40-хъ годахъ жилъ общею всѣмъ молодымъ людямъ свѣтскою жизнью, влюблялся съ увлеченіемъ, волочился съ настойчивостью, плясалъ на балахъ, билъ на охотѣ медвѣдей и лосей,—словомъ, участвовалъ во всѣхъ развлеченіяхъ молодежи [2]). Свѣтская жизнь была для него не безъ обаянія, но часто онъ убѣгалъ отъ нея, чтобы по цѣлымъ недѣлямъ пропадать въ лѣсахъ, иногда съ товарищемъ, но обыкновенно—одинъ [3]).

Внѣшность его въ значительной степени содѣйствовала его свѣтскимъ успѣхамъ. В. А. Инсарскій, встрѣчавшій его нерѣдко у кн. Барятинскаго, описываетъ его наружность слѣдующимъ образомъ: „Графъ Толстой былъ красивый молодой человѣкъ съ бѣлокурыми волосами и румянцемъ во всю щеку". „Нѣжность и деликатность настолько проникали всю его фигуру, что онъ похожъ былъ на красную дѣвицу". Но въ то же время Толстой славился среди товарищей своей силой: онъ „свертывалъ въ трубку столовыя ложки и вилки, вгонялъ пальцемъ въ стѣну гвозди и разгибалъ подковы" [4]).

Однако, несмотря на веселую свѣтскую жизнь, Толстой въ 40-хъ годахъ принялся уже серьезно за литературный трудъ. Въ своей автобіографіи Толстой сообщаетъ, что онъ „съ шести лѣтъ маралъ бумагу и писалъ стихи, а затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ продолжалъ упражняться и совершенствоваться въ версификаціи". Тѣмъ не менѣе, первымъ его опытомъ была повѣсть „Упырь", написанная прозой. Это фантастическій разсказъ въ стилѣ Гофмана. Вліяніе А. А. Перовскаго чувствуется настолько, что Толстой даже выбралъ псевдонимъ по его примѣру. Перовскій извѣстенъ въ литературѣ подъ именемъ Погорѣльскаго, такъ какъ свою фамилію онъ замѣнилъ названіемъ своего имѣнія „Погорѣльцы"; а Толстой, идя той же дорогой, назвался „Красногорскимъ", въ честь своего любимаго имѣнія Красный-Рогъ.

Къ разбору этой повѣсти мы еще вернемся, но пока приведемъ только письмо, при которомъ молодой авторъ, 11-го мая 1841 года, передалъ свой трудъ цензору, профессору А. В. Никитенкѣ.

„Препровождая къ вамъ мою рукопись „Упырь", я васъ по-

---

[1]) Записки Инсарскаго. „Русская Старина" 1894 г., т. 81, стр. 4.

[2]) „Русскій Архивъ" 1879 года, т. II, стр. 331.

[3]) Автобіографія, стр. XIV.

[4]) А. В. Мещерскій. „Изъ моей старины". Воспоминанія. („Русскій Архивъ" 1900 г., № 7, стр. 3731).

корнѣйше прошу принять на себя трудъ оную разсмотрѣть. Не полагая, что она въ себѣ заключаетъ что-либо противное законамъ цензуры, я почти увѣренъ, что вы, милостивый государь, какъ опытный и просвѣщенный цензоръ, не найдете нужнымъ въ ней дѣлать перемѣны. Впрочемъ, еслибы сверхъ моего чаянія, что-нибудь отъ меня ускользнуло, то я въ скоромъ времени буду имѣть честь просить васъ, дабы вы сообщили мнѣ свои замѣчанія".

Повѣсть была весьма дружелюбно встрѣчена критикой, и Бѣлинскій, обратилъ вниманіе на талантливаго автора и высказалъ, что, „отъ него можно въ будущемъ надѣяться многаго".

Въ это приблизительно время возникли, вѣроятно, и произведенія „Козьмы Пруткова", потому что сотрудники по этому изданію, его двоюродные братья Владиміръ и Алексѣй Жемчужниковы, служили въ 40-хъ годахъ въ Петербургѣ и удивляли весь столичный міръ своими веселыми шутками, которые и въ наши дни еще не забыты.

Въ 1849 году мы находимъ Толстого въ Калугѣ; онъ былъ командированъ туда въ качествѣ чиновника при сенаторѣ кн. Давыдовѣ, которому было поручено ревизовать калужскую губернію. Здѣсь онъ близко сошелся съ семьею мѣстнаго губернатора Смирнова; его жена Александра Іосифовна, урожденная Росетти, была женщина выдающагося ума и хорошо извѣстна въ нашей литературѣ по своимъ отношеніямъ къ Пушкину, Гоголю, Вяземскому и И. С. Аксакову. Толстому, повидимому, очень понравилось въ Калугѣ; онъ гостилъ въ имѣніи Смирновыхъ Бѣгичевѣ, охотился вмѣстѣ съ хозяиномъ, читалъ хозяйкѣ своей стихи и бесѣдовалъ съ ея друзьями [1]). Зиму 1850 г. Толстой цѣликомъ провелъ въ Калугѣ, послѣ того, какъ онъ съѣздилъ въ Почепъ провѣдать больного дядю, Василія Алексѣевича Перовскаго.— Исполняя разныя порученія для кн. Давыдова, Толстой находилъ время заниматься литературой и много работалъ надъ „Княземъ Серебрянымъ" [2]). Въ 1850 г. онъ читалъ лицамъ избраннаго калужскаго общества первыя главы этого романа, а также рядъ своихъ стихотвореній, былинъ и даже планъ „Трилогіи".

Въ числѣ лицъ, гостившихъ у Смирновыхъ, былъ и Гоголь, который очень полюбилъ молодого поэта. Съ нимъ Толстой встрѣтился впервые въ концѣ 30-хъ годовъ [3]), но только въ Калугѣ у Смирновой они познакомились и оцѣнили другъ друга.

---

[1]) „Русская Старина" 1888 г., т. 58, стр. 67 и 1890 г., т. 68, стр. 654.
[2]) Воспоминанія Н. М. Колмакова. „Русская Старина" 1886 г., т. 52, стр. 519—520.
[3]) Кулишъ. Записки о жизни Гоголя, т. 1, стр. 231—233.

Въ это время Гоголь сталъ хлопотать о полученіи паспорта для поѣздки на Востокъ. Толстой совѣтовалъ ему прямо обратиться къ наслѣднику Александру Николаевичу и составилъ ему даже черновикъ письма. Съ отъѣздомъ изъ Калуги, отношенія эти не порвались, и во время тяжкой болѣзни Гоголя графъ А. К. Толстой принималъ горячее въ немъ участіе [1]).

Такъ шла жизнь его въ теченіе 40-хъ и начала 50-хъ годовъ. Жилось ему весело и беззаботно, какъ богатому, независимому человѣку, для котораго занятіе службой и литературой является пріятной забавой, а не средствомъ въ борьбѣ за кусокъ хлѣба. Но грянулъ громъ, который заставилъ встрепенуться все русское общество. Настало грустное время крымской войны. Рядъ дипломатическихъ и военныхъ неудачъ убѣдилъ русское общество въ томъ, что въ нашей странѣ творится неладное. Въ то же время любовь къ родинѣ и сознаніе своихъ обязанностей предъ отчизной заставили многихъ молодыхъ людей стать въ ряды ополченія. Въ числѣ послѣднихъ былъ и гр. Толстой. Сначала онъ вздумалъ навербовать и вооружить на свои средства отрядъ добровольцевъ; потомъ, когда эта затѣя не удалась, онъ носился съ мыслью купить корабли и повести каперскую войну противъ Англіи. Но всѣ его планы разбились, ибо нельзя частному лицу вести борьбу со всемірной державой. Тогда Толстой пошелъ прямой дорогой и перешелъ на военную службу. Получивъ чинъ маіора, онъ вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ и близкимъ другомъ, Владиміромъ Жемчужниковымъ, поступилъ въ стрѣлковый полкъ Императорской Фамиліи. Въ это время подъема патріотическаго чувства Толстой написалъ двѣ пѣсни: „Слава" и „Чарочка", которыя очень понравились царю и царицѣ и вскорѣ были приняты для пѣнія въ полковыхъ хорахъ. Особенно распространена „Слава", появившаяся въ печати подъ заглавіемъ: „Пѣсня стрѣлковъ Императорской Фамиліи" [2]). Неизвѣстно, почему эти двѣ пьесы не попали въ „Полное Собраніе сочиненій" нашего поэта [3]).

Въ сентябрѣ 1855 г. Толстой выступилъ съ своимъ полкомъ въ походъ [4]). Въ дорогѣ онъ написалъ небольшое стихотвореніе, которое прекрасно рисуетъ настроеніе его и тогдашняго общества:

Въ колоколъ, мирно дремавшій, съ налета тяжелая бомба
Грянула. Съ трескомъ кругомъ отъ нея разлетѣлись осколки,

[1]) Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. Т. IV, стр. 780.

[2]) Языковъ. „Гр. А. К. Толстой", стр. 28.

[3]) Онѣ напечатаны въ „Отечеств. Запискахъ" 1855 г., т. 51, кн. 8, стр. 315—316.

[4]) „Вѣстникъ Европы", 1897 г., IV, стр. 624.

Онъ же вздрогнулъ—и къ народу могучіе мѣдные звуки
Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой призывая.

Гр. А. К., какъ и всѣ лучшіе люди того времени, стремился въ Севастополь, чтобы грудью стать противъ врага. Но полкъ его былъ направленъ не въ Крымъ, а для защиты Одессы. Несмотря на то, что общество офицеровъ было для Толстого чужимъ, онъ скоро освоился съ своимъ положеніемъ и пріобрѣлъ общія симпатіи. С. М. Загоскинъ отзывается о немъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ [1]. „Умнѣйшимъ и интереснѣйшимъ изъ всѣхъ офицеровъ,—говоритъ онъ,—былъ, безспорно, гр. А. К. Толстой. Несмотря на свое видное уже тогда общественное положеніе, онъ былъ, какъ и во всю свою остальную жизнь, скромнымъ и привѣтливымъ человѣкомъ, чрезвычайно мягкаго характера и рѣдкаго остроумія. Товарищи его искренно любили, а его появленіе въ обществѣ доставляло не только молодежи, но и людямъ пожилымъ не одно простое удовольствіе, а какое-то отрадное чувство, превращающееся въ поклоненіе его уму и сердцу".

Однако судьба чуть не сыграла съ нимъ очень злой шутки. Англійскихъ пуль и штыковъ онъ подъ Одессой не видалъ; но зато появился врагъ самаго предательскаго свойства. Въ полку развился сильный тифъ. Заболѣваемость и смертность стали усиливаться съ ужасающей быстротой, и къ январю 1856 года чуть не половина полка лежала уже въ лазаретѣ. Здоровая и крѣпкая натура Толстого долго боролась съ надвигавшейся опасностью, но, наконецъ, въ началѣ февраля и онъ свалился. Болѣзнь оказалась настолько серьезной и къ началу марта такъ обострилась, что врачи стали опасаться за жизнь паціента. Зная, насколько государь императоръ интересовался судьбой своего сверстника и друга, командиръ полка ежедневно доносилъ ему по телеграфу о состояніи больного. Къ счастью, молодыя силы взяли свое, и Толстой выздоровѣлъ.

Надо сказать, что и уходъ за больнымъ былъ совершенно исключительный. Года за три до войны, гр. Толстой познакомился въ петербургскомъ обществѣ съ женой полковника Софьей Андреевной Миллеръ, урожденной Бахметьевой. Одно изъ его лучшихъ стихотвореній говоритъ объ ихъ первой встрѣчѣ:

Средь шумнаго бала случайно,
Въ тревогѣ мірской суеты,
Тебя я увидѣлъ, но тайна
Твои покрывала черты.

---

[1] „Историческій Вѣстникъ", 1900 г., № 6.

Судя по письмамъ, съ 1851 или 1852 года между ними установились сердечныя отношенія, и Толстой всей душой отдался обаянію этой женщины. Когда онъ заболѣлъ, Софья Андреевна, презрѣвъ всѣ свѣтскія условности, пріѣхала въ зараженный тифомъ городъ, чтобы ходить за дорогимъ человѣкомъ.

Прошла болѣзнь, миновала опасность, кончилась кровопролитная война. Желая возстановить свои силы, гр. Толстой, Владиміръ Жемчужниковъ, который также проболѣлъ тифомъ, и Софья Андреевна [1]) отправились на нѣсколько недѣль въ Крымъ.

Этой поѣздкѣ мы обязаны „Крымскими очерками" [2]). Читая эти стихотворенія, увлекаешься картинами южной природы и поддаешься обаянію автора, юморъ котораго бьетъ ключомъ. Да это и понятно: человѣкъ, который всталъ съ одра болѣзни, счастливъ, когда онъ дышетъ полной грудью и можетъ двигаться до усталости.

Эти стихотворенія уже въ 1856 г. появились въ печати, только самое граціозное и самое интимное изъ нихъ,—

„Ты помнишь ли вечеръ, какъ море шумѣло"...

—было напечатано три года позднѣе.

Вернувшись изъ Крыма, наши путешественники остановились въ Кіевѣ, а затѣмъ Толстой, вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Львомъ Жемчужниковымъ, уѣхалъ въ Красный-Рогъ, гдѣ ждала его мать.

Несмотря на радость свиданія послѣ долгой разлуки и миновавшей опасности, между Анной Алексѣевной и ея сыномъ произошли рѣзкія объясненія: „она не только не сочувствовала тѣмъ отношеніямъ, которыя установились между ея Алешей и Софьей Андреевной, но была прямо возмущена ими и относилась съ полнымъ недовѣріемъ къ искренности его невѣсты. Не разъ между ней и Львомъ Жемчужниковымъ [3]), тайно отъ сына, шли бесѣды. Графиня была до того взволнована, что во время рѣчи слезы такъ и капали изъ ея глазъ. Съ другой стороны, у сына сердце разрывалось на части. Толстой обожалъ свою мать, но и любилъ Софью Андреевну самымъ искреннимъ образомъ. Однажды у него завязалось горячее объясненіе съ Львомъ Жемчужниковымъ... Забравшись въ березнякъ, они усѣлись на травѣ, и Толстой сталъ говорить о томъ, что наболѣло у него на душѣ.

---

[1]) Воспоминанія Льва Жемчужникова. „Вѣстн. Европы", 1899 г., кн. 12.

[2]) „Вѣстн. Европы", 1897 г., кн. 5, стр. 269.

[3]) Его воспоминанія („Вѣстн. Европы", 1899 г., № 11, стр. 260).

„Сколько въ его глазахъ и словахъ выражалось любви къ Софьѣ Андреевнѣ, которую онъ называлъ умной, милой, талантливой, доброй, образованной и—прекрасной души! Его глубоко огорчало, что мать безконечно грустить, ревнуетъ и предубѣждена противъ Софьи Андреевны, несправедливо обвиняя ее въ лживости и разсчетахъ. Такое обвиненіе должно было перевернуть все существо такого добраго, честнаго и рыцарски-благороднаго человѣка, какимъ былъ Толстой“...

Нельзя не сознаться, что въ этихъ недоразумѣніяхъ играла значительную роль материнская ревность графини. Много лѣтъ тому назадъ, Толстой увлекся сестрою своего университетскаго товарища, княжной Мещерской, и хотѣлъ сдѣлать ей предложеніе, но графиня Анна Алексѣевна безъ всякой уважительной причины этому воспротивилась. Алексѣй Константиновичъ, который обожалъ свою мать, подчинился ея волѣ и почти до сорока лѣтъ оставался холостякомъ [1]).

Но всякой борьбѣ и колебаніямъ бываетъ конецъ. Прошло нѣсколько времени, и горячая любовь взяла верхъ. Въ 1857 г. Софья Андреевна, получивъ разводъ отъ своего мужа, Л. Ф. Миллера, сдѣлалась женой гр. А. К. Толстого [2]),—и вся ихъ жизнь доказала, насколько онъ былъ правъ, настоявъ на своемъ выборѣ.

Прошла „гроза военной непогоды“, наступило свѣтлое царствованіе императора Александра II. Толстой былъ обласканъ и приближенъ къ особѣ государя. Въ коронацію 26-го августа онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ; его старались втянуть въ административную машину, давая ему разныя порученія, и назначили, напримѣръ, членомъ коммиссіи о сектантахъ. Но Толстой исполнялъ эти работы весьма неохотно. Онъ тяготился своимъ положеніемъ при дворѣ, обязанностью носить мундиръ, порученіями, для исполненія которыхъ у него не хватало спеціальныхъ свѣдѣній, наконецъ—своимъ отношеніемъ къ сослуживцамъ, среди которыхъ многіе косились на него за его прямой характеръ, чуждый всякой корысти и интриги. Въ то же время, безсиліе устранить злоупотребленія, которыя онъ видѣлъ на каждомъ шагу, вызывало у него самыя грустныя мысли: „государь всѣмъ желаетъ добра, но ему такъ дурно служатъ“,—пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ.

---

[1]) А. В. Мещерскій. „Изъ моей старины“ („Русск. Архивъ“ 1900 г., № 7, стр. 370).

[2]) Языковъ, стр. 27. „Русскій Архивъ“ 1896 г., I, стр. 132.

Нелюбовь къ службѣ сидѣла у него въ душѣ уже много лѣтъ; только вліяніе матери и старшихъ родственниковъ удерживало его отъ рѣзкаго поступка. Еще въ 1851 г. онъ жалуется въ одномъ изъ своихъ писемъ, что ему противны „люди, которые подъ предлогомъ, что они служатъ, — живутъ интригами, одна грязнѣе другой". Въ томъ же письмѣ у него вырывается слѣдующая фраза: „Помоги мнѣ жить внѣ мундировъ и парадовъ. Съ ранняго дѣтства я чувствовалъ влеченіе къ художеству и отвращеніе къ чиновничеству и капрализму" [1]). Столь сильное чувство не можетъ заглохнуть въ груди; сколько бы его ни удерживали, оно рано или поздно вырвется наружу.

1-го іюня 1857 г. умерла Анна Алексѣевна, которую гр. Алексѣй Константиновичъ любилъ самымъ искреннимъ образомъ. При ея жизни онъ не рѣшался отказаться отъ службы. Но когда ея смерть уничтожила это препятствіе, Толстой, собравшись съ духомъ, подалъ государю просьбу объ отставкѣ, изложивъ въ пространномъ письмѣ тѣ соображенія, которыя побудили его къ этому поступку. Письмо это настолько интересно, что мы считаемъ своимъ долгомъ привести его цѣликомъ [2]).

„Ваше Величество.

„Долго думалъ я о способѣ, какимъ слѣдовало бы мнѣ изложить Вашему Величеству одно дѣло, близкое моему сердцу, и пришелъ къ заключенію, что прямой путь, какъ и во всемъ, самый лучшій. Служба, какова бы она ни была, глубоко противна моей природѣ. Я сознаю, что всякій, по мѣрѣ силъ, долженъ быть полезенъ своему отечеству, но есть разные способы быть полезнымъ. Способъ, указанный мнѣ Провидѣніемъ, — мое литературное дарованіе, и всякій другой путь для меня невозможенъ. Я всегда буду плохимъ администраторомъ, плохимъ чиновникомъ, но думаю, что безъ самообольщенія могу сказать, что я хорошій писатель. Это призваніе для меня не ново, я бы слѣдовалъ ему давно, еслибъ въ продолженіе нѣкотораго времени (до сорока лѣтъ) не почиталъ себя обязаннымъ насиловать своего влеченія изъ уваженія къ моимъ родителямъ, которые не раздѣляли моихъ взглядовъ на этотъ счетъ. Такимъ образомъ, я сперва служилъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Когда разразилась крымская война, я, какъ всѣ, сдѣлался военнымъ. Когда война окончилась, я собирался бросить службу, чтобы всецѣло посвятить себя литературѣ. Вашему Величеству угодно было увѣдомить меня че-

---

[1]) „Вѣстн. Европы" 1897 г., IV, стр. 593—5.

[2]) „С.-Петербургскія Вѣдомости" и „Южный Край".

резъ дядю моего, графа Перовскаго, о намѣреніи Вашемъ назначить меня состоять при Вашей Особѣ. Я изложилъ моему дядѣ мои сомнѣнія и колебанія въ письмѣ, которое онъ Вамъ представилъ, но такъ какъ онъ повторилъ мнѣ Высочайшую Вашего Императорскаго Величества Волю, то я подчинился и сдѣлался флигель-адъютантомъ. Я надѣялся тогда побѣдить мою природу—художника, но опытъ доказалъ мнѣ, что я боролся съ ней напрасно. Служба и искусство несовмѣстимы. Одно вредитъ другому, и нужно выбирать одно изъ двухъ. Конечно, большаго одобренія заслуживало бы дѣятельное участіе въ государственной машинѣ, но въ способности къ службѣ судьба мнѣ отказала, между тѣмъ какъ другое призваніе мнѣ дано.

„Ваше Величество, меня смущаетъ мое положеніе, ибо я ношу мундиръ, связанныя же съ нимъ обязанности достойно исполнять не могу.

„Благородное сердце Вашего Величества проститъ мнѣ, если я теперь умоляю его окончательно уволить меня въ отставку, не для того, чтобы удалиться отъ Вашего Величества, но чтобы вступить на ясно начертанный путь и перестать быть птицей, наряженной въ чужія перья.

„Что же касается Васъ, Государь, котораго я никогда не перестану любить и уважать,—я имѣю способъ служить Вашей Особѣ, и я счастливъ предложить его Вашему Величеству: это быть безстрашнымъ сказателемъ правды—единственная должность, которая мнѣ подходитъ, и къ счастью не требуетъ мундира. Я не былъ бы достоинъ этой должности, Ваше Величество, еслибы я въ моемъ настоящемъ положеніи что-нибудь скрывалъ или искалъ предлоговъ. Я открылъ Вашему Величеству все мое сердце, какъ я всегда готовъ это сдѣлать, потому что предпочитаю навлечь на себя неудовольствіе, чѣмъ потерять уваженіе Вашего Величества. Еслибы, тѣмъ не менѣе, Ваше Величество рѣшило предоставить право приближаться къ Особѣ Вашего Императорскаго Величества лишь тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ оффиціальное положеніе, позвольте мнѣ опять скромно сдѣлаться камеръ-юнкеромъ Двора Его Императорскаго Величества, каковымъ я былъ до войны, ибо единственное честолюбіе мое оставаться Вашего Императорскаго Величества самымъ преданнымъ подданнымъ.—Графъ А. Толстой".

Отставка была принята нѣсколько холодно [1]), но государь, желая, чтобы другъ его дѣтства оставался въ придворномъ зва-

---

[1]) „Вѣстн. Европы" 1897 г., V, стр. 287.

ніи, назначилъ его егермейстеромъ. Это званіе гр. Алексѣй Константиновичъ носилъ до конца своей жизни.

Выходъ въ отставку является краеугольнымъ камнемъ въ жизни Толстого. Только съ этого времени онъ могъ отдаться всецѣло творчеству и въ короткій періодъ—менѣе двадцати лѣтъ—обогатить нашу литературу цѣлымъ рядомъ крупныхъ произведеній. Еслибы у него не хватило характера, и онъ остался на службѣ, то о такой производительной работѣ не было бы и рѣчи.

Неоднократно было указано критикой, что поэма „Іоаннъ Дамаскинъ" содержитъ массу автобіографическихъ чертъ. Дѣйствительно, параллель напрашивается сама собою. Та же близость къ престолу, та же милость монарха, и въ то же время полное презрѣніе къ власти и желаніе отдаться всецѣло своему призванію. Вторая глава этой поэмы начинается съ слѣдующихъ восторженныхъ строфъ:

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса!
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И степь отъ края и до края,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей нищій я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду...

Князь Церетелевъ [1]) безусловно правъ, утверждая, что это замѣчательно красивое и сильное мѣсто—не объективная передача стариннаго преданія, а выраженіе того радостнаго чувства, которое охватило Толстого, когда онъ вырвался на свободу и вздохнулъ полной грудью.

Однородный мотивъ мы находимъ въ прелестномъ лирическомъ стихотвореніи:

Звонче жаворонка пѣнье,
Ярче вешніе цвѣты,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвавъ тоски оковы,
Цѣпи пошлыя разбивъ,
Набѣгаетъ жизни новой
Торжествующій приливъ.

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ" 1900 г., № 11.

И звучитъ свѣжо и юно
Новыхъ силъ могучій строй,
Какъ натянутыя струны
Между небомъ и землей...

III.

Съ выходомъ въ отставку, отношенія гр. Толстого къ государю стали нѣсколько холоднѣе, хотя государь попрежнему уважалъ его, какъ честнаго и искренняго человѣка. Зато съ государыней Маріей Александровной у него установилась самая сердечная дружба. Онъ всегда былъ любимымъ гостемъ, котораго она цѣнила, какъ веселаго и любезнаго собесѣдника. Поэтому онъ подолгу гостилъ у нея въ Ливадіи, Швальбахѣ, Сорренто и С.-Ремо. Всѣ его произведенія: лирическія вещи, „Донъ-Жуанъ", „Трилогія" и даже сатирическія поэмы, „Исторія Россіи" и „Сонъ Попова", читались ей прежде, чѣмъ они появлялись въ печати. Ея полное вниманіе было достойной наградой поэта, а ея остроумныя замѣчанія доказывали, что она умѣла понимать и цѣнить достоинства художественнаго произведенія. Когда гр. Толстой прочелъ свои „Колокольчики", государыня выразила желаніе, чтобы онъ посвятилъ ей весь сборникъ; при этомъ она прибавила: „Я не хочу, чтобы цензура скромсала его" [1]). Понятно, что, при такомъ отношеніи къ нему, гр. А. К. преклонялся передъ своей державной покровительницей. „Императрица все дѣлаетъ, что ей позволяетъ ея добрый и мягкій характеръ,—писалъ онъ [2]).—Это женщина, которую я люблю и уважаю всѣмъ сердцемъ... Я нахожу, что ее не умѣютъ цѣнить достаточно". Онъ чрезвычайно охотно читалъ ей свои произведенія: „Какое удовольствіе имѣть государыню [3]) своей слушательницей! Изъ всѣхъ слушателей, настоящихъ и прошедшихъ, я ей читаю съ наибольшимъ удовольствіемъ. Ничто отъ нея не ускользаетъ. Она все понимаетъ, все отгадываетъ, и ея подвижное лицо отражаетъ всѣ оттѣнки и подбодряетъ чтеца вносить выраженіе въ его чтеніе".

Приведенные факты чрезвычайно важны, такъ какъ они объясняютъ намъ тѣ чувства, которыя вылились у поэта въ его прекрасномъ посвященіи. Это стихотвореніе настолько тепло,

---

[1]) „Вѣстн. Европы" 1897 г., V, стр. 273.
[2]) „Вѣстн. Европы" 1897 г., V, стр. 271.
[3]) Тамъ же 1895 г. № XI, стр. 170.

красиво и искренно, что оно занимаетъ видное мѣсто среди многочисленныхъ его произведеній.

Выйдя въ отставку, гр. А. К. Толстой поселился въ деревнѣ и только временами заглядывалъ въ столицу. Ему достались отъ дяди два имѣнія: Пустынка, близъ Любани, и большое помѣстье Красный-Рогъ въ мглинскомъ уѣздѣ, т.-е. въ сѣверномъ углу Малороссіи.

Пустынка имѣла ту прелесть, что она находилась вблизи Петербурга и давала возможность столичнымъ жителямъ воспользоваться на короткій срокъ гостепріимствомъ любезныхъ хозяевъ. По словамъ А. Никитенки [1]), который гостилъ тамъ въ маѣ 1876 г., „барскій домъ былъ построенъ на берегу рѣки Тосны въ родѣ роскошнаго замка. Все въ домѣ было изящно, удобно и просто. Самая мѣстность усадьбы интересна. Ѣдешь къ ней по гнусному ингерманландскому болоту и вдругъ неожиданно натыкаешься на рѣку Тосну, окаймленную высокими и живописными берегами. На противоположномъ ея берегу стоитъ домъ, который, такимъ образомъ, представляетъ красивое и поэтическое убѣжище“. Здѣсь гостили нерѣдко многіе изъ петербургскихъ литераторовъ и ученыхъ, Гончаровъ, Полонскій, Маркевичъ, Костомаровъ, Благовѣщенскій; здѣсь Каролина Павлова переводила „Трилогію“, и сюда въ 1867 г. Толстой привезъ актера Васильева, чтобы онъ „вдали отъ шумнаго свѣта“ могъ заняться изученіемъ роли Грознаго. Въ 1865 г. въ Пустынку пріѣзжали великіе князья Александръ Александровичъ, впослѣдствіи государь Александръ III, и Владиміръ Александровичъ. Болеславъ Маркевичъ, который имѣлъ репутацію прекраснаго декламатора, читалъ имъ только-что оконченную трагедію „Смерть Іоанна Грознаго“.

Лично для Толстого Пустынка имѣла большую прелесть въ тѣ годы, когда онъ постоянно жилъ въ столицѣ. Сюда онъ убѣгалъ отъ свѣтскихъ удовольствій, дышалъ въ лѣсахъ полной грудью и билъ медвѣдей и лосей.

Съ выходомъ въ отставку, его резиденціей сдѣлался Красный-Рогъ. Тамъ онъ въ кругу семьи, съ 1859 по 1875 г., закончилъ почти всѣ свои крупныя произведенія. Жизнь Толстого въ это время можно назвать прямо завидной, потому что графиня Софья Андреевна дала своему мужу все счастье, которое женщина можетъ подарить любимому человѣку. „Графиня была некрасива, но сложена превосходно, и всѣ движенія ея были до такой сте-

[1]) Дневникъ А. Никитенки, т. 2, стр. 153.

пени мягки, женственны, а голосъ ея былъ такъ симпатиченъ и музыкаленъ, что очаровывалъ собесѣдника". — По словамъ Е. Ю. Хвощинской, изъ воспоминаній которой мы заимствуемъ эти строки [1]), Софья Андреевна живая встаетъ передъ нашими глазами, когда читаешь поэтическія произведенія гр. А. Толстого. Особенно хорошо она описана въ слѣдующихъ строкахъ его извѣстнаго стихотворенія:

Лишь очи печально глядѣли,
А голосъ такъ дивно звучалъ,
Какъ звонъ отдаленной свирѣли,
Какъ моря играющій валъ.

Мнѣ станъ твой понравился тонкій
И весь твой задумчивый видъ,
А смѣхъ твой, и грустный, и звонкій,
Съ тѣхъ поръ въ моемъ сердцѣ звучитъ.

Въ чемъ бы ни состояла причина обаянія, но Толстой любилъ эту женщину всю жизнь и любилъ искренно только ее одну. Какъ она ему была дорога, насколько онъ былъ къ ней привязанъ до послѣднихъ дней своихъ, видно изъ слѣдующихъ писемъ, въ которыхъ страсть бьетъ ключомъ. „Я крѣпко увѣренъ, что предназначенъ написать что-нибудь хорошее,—пишетъ онъ ей изъ Курска 8-го декабря 1857 г. [2]);—я это чувствую, какъ какую-то вѣру, какое-то убѣжденіе, но еслибы ты для меня исчезла, священный огонь бы потухъ самъ собою. Я все отношу къ тебѣ: славу, счастье, существованіе; безъ тебя ничего мнѣ не остается и я себѣ сдѣлаюсь отвратительнымъ". Другое письмо, еще болѣе сердечное, написано въ 1876 г. [3]), т.-е. девятнадцать лѣтъ спустя: „Вотъ я опять въ Дрезденѣ, и мнѣ тяжело на сердцѣ, когда вижу опять эти улицы, эту гостинницу и эту комнату безъ тебя. Я только-что пріѣхалъ въ 3¼ ч. утра и не могу лечь, не сказавъ тебѣ то, что говорю тебѣ уже двадцать лѣтъ,—что я не могу жить безъ тебя, что ты—мое единственное сокровище на землѣ, и я плачу надъ этимъ письмомъ, какъ плакалъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Кровь застываетъ въ сердцѣ при одной мысли, что я могу тебя потерять. Думая о тебѣ, я въ твоемъ образѣ не вижу ни одной тѣни, *ни одной*, все лишь свѣтъ и счастье"...

Секретъ такой сильной и постоянной привязанности кроется, конечно, въ умѣ и сердцѣ гр. Софьи Андреевны. Понятно, что

---

[1]) „Русская Старина" 1894 г., т. 94, стр. 642.
[2]) „Вѣстникъ Европы" 1897 г., V, стр. 283.
[3]) Тамъ же 1897 г., VII, стр. 65.

это была женщина недюжинная. Будущему біографу предстоитъ выяснить степень вліянія С. А. на творчество мужа. Но уже и теперь видно изъ цѣлаго ряда писемъ, что это вліяніе существовало въ сильной степени. Графъ читалъ ей свои произведенія и прислушивался къ ея указаніямъ, зная, что въ ея лицѣ онъ имѣетъ безпристрастнаго и дѣльнаго критика [1]). Съ неменьшимъ уваженіемъ относился къ гр. Софьѣ Андреевнѣ старый другъ ихъ семьи, Болеславъ Маркевичъ. „Если вы пріѣдете одни, то я требую, чтобы вы оставались у меня,—пишетъ онъ графу 3-го декабря 1870 г. [2]);—для меня было бы счастье читать и бесѣдовать съ вами среди глубокой ночи. Правда, отсутствіе графини будетъ очень чувствительно,—безъ нея нѣтъ настоящей бесѣды, нѣтъ магнита, нѣтъ почвы подъ ногами".

Софья Андреевна не только критически относилась къ работамъ своего мужа, указывая ему замѣченные недостатки и подбодряя его своей похвалой, но и разыскивала для него матеріалы. Это особенно ясно установлено относительно „Посадника", такъ какъ въ письмѣ отъ 10-го іюля 1870 г. Толстой набросалъ ей цѣлую программу для собиранія свѣдѣній о новогородской жизни XVI вѣка.

Однимъ словомъ, между графомъ А. К. Толстымъ и его женою установились самыя хорошія и теплыя отношенія: они жили общей жизнью, и жена была лучшимъ другомъ, помощникомъ и совѣтникомъ своего мужа.

Кромѣ самихъ супруговъ, семью Толстого составляла дѣтвора. Своихъ дѣтей у нихъ не было; поэтому гр. А. К. воспитывалъ племянниковъ жены и привязался къ нимъ всей душой. Объ его тепломъ и сердечномъ отношеніи къ дѣтямъ можно судить по слѣдующему письму. „Дѣти чувствуютъ, что я ихъ люблю; какъ только я вхожу въ комнату, всѣ кричатъ и бросаются мнѣ на шею. Андрейка первый. Они всѣ на меня садятся и дергаютъ во всѣ стороны. Андрейка мнѣ разсказываетъ длинныя исторіи о звѣряхъ. Онъ видитъ во снѣ, что я ему привожу ихъ и что мы вмѣстѣ путешествуемъ по Америкѣ... Я обѣщалъ ему вскорѣ, что я его во снѣ поведу въ пальмовый лѣсъ, въ которомъ на всякомъ деревѣ будетъ сидѣть обезьяна и играть на скрипкѣ... и онъ ждетъ этого путешествія съ большимъ нетерпѣніемъ"... Необходимо добавить, что Андрейка, о которомъ идетъ рѣчь, былъ племянникомъ Софьи Андреевны. Когда онъ подросъ, то

---

[1]) „Вѣстн. Европы" 1895 г., X, стр. 656; XI, стр. 179.

[2]) Письма Б. М. Маркевича къ гр. А. К. Толстому. Спб. 1888 г., стр. 122.

Толстой очень имъ гордился, считая его за честнаго и отличнаго малаго. Андрейка былъ его товарищъ по шахматной игрѣ и по охотѣ [1].

Кромѣ семьи, графа А. К. Толстого удерживала на югѣ его страстная любовь къ охотѣ и къ мѣстной природѣ.

Если въ Пустынкѣ, среди сѣверныхъ сосенъ, онъ билъ медвѣдей и лосей, то здѣсь, на югѣ, его любимая охота была на глухарей. Какъ онъ обожалъ южную природу и какъ благотворно она дѣйствовала на его душу, видно изъ слѣдующихъ писемъ, которыя полны поэзіи.

„Еслибы вы знали, дорогой Яковъ Петровичъ, какое это великолѣпіе Красный-Рогъ лѣтомъ и осенью!—пишетъ онъ Полонскому [2].—Лѣса кругомъ на пятьдесятъ верстъ и болѣе, луга и лощины такіе красивые, какихъ я нигдѣ не видалъ, а осенью, особенно въ эту осень, не выѣзжаешь изъ золота и пурпура. Это было до того торжественно, что слезы навертывались на глаза“...

„Я радуюсь, какъ ребенокъ,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ Маркевичу,—случаю угостить Андрея новой охотой на глухарей, которую и вы, не будучи охотникомъ, все-таки бы оцѣнили ради ея поэтической обстановки. Вообразите себѣ весеннюю ночь, теплую, темную, звѣздную посреди лѣсовъ. Вы сидите у костра; сухой хворостъ пламенѣетъ, кричатъ цапли въ болотѣ... и потомъ, прыжокъ за прыжкомъ, вы подходите къ глухарю, поющему свою таинственную, возбуждающую пѣснь. А если ночь лунная, то вамъ видно, какъ глухарь распускаетъ хвостъ и охорашивается на вѣткѣ ели... Чтò можетъ быть поэтичнѣе на свѣтѣ?“

Третье письмо [3]: „Сегодня суббота, и звонъ колоколовъ нашей маленькой церкви сливается съ соловьинымъ пѣніемъ и иволгой... Ничто не молчитъ кругомъ, все поетъ и радуется веснѣ... Я самъ чувствую, что готовъ запѣть. Всѣ деревья зелены; глухари болѣе не токуютъ, но лѣсные бекасы еще лучше запѣли... Господи, какая красота весна!... Неужто мы на томъ свѣтѣ будемъ еще счастливѣе, чѣмъ здѣсь весной?“

Кто можетъ говорить съ такимъ восторгомъ о лѣсѣ и природѣ, тому легче живется въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ. Но, поселившись въ своемъ помѣстьѣ, графъ не терялъ связи съ міромъ. Онъ почти ежегодно пріѣзжалъ въ столицу, въ особен-

---

[1]) „Вѣстн. Европы“ 1897 г., V, стр. 280; 1895 г., XI, стр. 181.

[2]) „Русская Старина“ 1884 г., т. I, стр. 197.

[3]) „Вѣстн. Европы“ 1895 г., X, стр. 645 и 661.

ности если этого требовали дѣла; всю зиму 1867 года, когда ставилась на Александринской сценѣ „Смерть Іоанна Грознаго“, онъ прожилъ въ Петербургѣ; нерѣдко гостилъ въ Крыму у государыни и каждый годъ ѣздилъ заграницу. Благодаря своимъ связямъ, онъ во время этихъ поѣздокъ знакомился съ цѣлымъ рядомъ интересныхъ личностей; напримѣръ, съ историкомъ Грегоровіусомъ и съ его пріятелями Сабатье и Гильдебрантомъ, которые постоянно жили во Флоренціи и немало потрудились надъ ознакомленіемъ своихъ земляковъ съ жизнью и бытомъ Италіи. Съ ними онъ особенно сошелся зимой 1872 г., когда онъ самъ жилъ въ столицѣ Тосканы.

Очень интересно было для Толстого посѣщеніе Веймара. Великій герцогъ Карлъ-Александръ встрѣтилъ его какъ родного и напомнилъ ему тѣ годы, когда они были дѣтьми и вмѣстѣ играли въ паркѣ. По его желанію, въ 1868 г. „Смерть Іоанна Грознаго“ была поставлена въ мѣстномъ придворномъ театрѣ, въ переводѣ г-жи Павловой.

Но помимо герцога, Толстой нашелъ въ Веймарѣ рядъ другихъ лицъ, которыя ему были очень близки. Тамъ проживала княгиня Каролина Сайнъ-Витгенштейнъ, и черезъ ея посредство онъ познакомился и подружился съ Листомъ. Съ тѣхъ поръ между этимъ послѣднимъ и Толстымъ установились самыя сердечныя отношенія. Знаменитому піанисту чрезвычайно нравились стихотворенія нашего поэта, которыя онъ прочелъ въ переводѣ Павловой, а баллада „Слѣпой“ произвела на него такое впечатлѣніе, что онъ написалъ къ ней музыку.

Такимъ образомъ Толстому удалось видѣть въ Веймарѣ оба періода расцвѣта этой скромной резиденціи: въ 20-хъ годахъ, когда его украшеніемъ былъ великій поэтъ Гёте, и въ 60-хъ— когда, благодаря Листу, онъ сдѣлался центромъ музыкальной жизни Германіи.

IV.

Живя у себя въ деревнѣ, гр. Толстой велъ оживленную переписку съ своими друзьями. Кругъ его сторонниковъ былъ не великъ, такъ какъ онъ стоялъ внѣ партій и не участвовалъ въ журнальной работѣ. Но люди, которые держались одинаковыхъ съ нимъ воззрѣній на задачи искусства, были ему очень дороги. Къ числу ихъ мы должны отнести И. А. Гончарова, Я. П. По-

---

[1]) „Вѣстн. Европы“ 1895 г., X, стр. 645 и 661.

лонскаго и въ особенности Б. М. Маркевича. Къ сожалѣнію, корреспонденція Гончарова, по его личному желанію, не появилась въ печати. Но мы и при теперешней скудости матеріаловъ имѣемъ возможность указать нѣкоторые факты, характеризующіе отношенія обоихъ писателей. Въ своихъ письмахъ Толстой постоянно упоминаетъ Гончарова, прислушивается къ его указаніямъ и дорожитъ его похвалой. По его просьбѣ, гр. А. К. перевелъ для „Обрыва" одно изъ стихотвореній Гейне; а когда „Смерть Іоанна Грознаго" была готова, то авторъ выслалъ рукопись Гончарову, который и хлопоталъ о помѣщеніи ея въ „Отечественныхъ Запискахъ". Отрывки писемъ къ Полонскому мы уже привели и приведемъ еще нѣкоторые. Какъ ни малочисленны эти выдержки, но онѣ доказываютъ, что между обоими поэтами существовали сердечныя и дружественныя отношенія. Зато переписка съ Маркевичемъ издана довольно подробно. Она для насъ особенно интересна, потому что Толстой писалъ ему изъ деревенской глуши всякій разъ, когда ему хотѣлось побесѣдовать о задачахъ художественнаго творчества или поспорить о политическихъ вопросахъ [1]. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, какъ мы увидимъ ниже, онъ рѣзко расходился съ своимъ другомъ. Отношенія у нихъ были очень старыя и близкія. Маркевичъ многократно и подолгу гостилъ у Толстого въ деревнѣ; одна изъ его повѣстей, „Марина изъ Алаго Рога", посвященная гр. Софьѣ Андреевнѣ, была задумана въ Красномъ-Рогѣ. Въ ней описана мѣстная усадьба, природа и лѣса, а главное лицо повѣсти, графъ Завальскій, во многомъ напоминаетъ самого хозяина. По этому поводу Маркевичъ пишетъ: „я и не думалъ описывать васъ въ моемъ Завальскомъ, но еслибы я васъ не зналъ, то едва ли создалъ бы его" [2]. Когда Толстой заканчивалъ свои произведенія, то онъ обыкновенно посылалъ ихъ Маркевичу, который пользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы блеснуть въ петербургскомъ обществѣ своимъ мастерскимъ чтеніемъ и заинтересовать великосвѣтскіе салоны новыми произведеніями своего друга. Такимъ путемъ онъ даже проникъ въ интимный кружокъ государыни и читалъ тамъ „Донъ-Жуана" въ началѣ мая 1861 г.

Причина ихъ дружбы вполнѣ понятна. Оба писателя были воспитаны на Пушкинѣ, оба они увлекались Шиллеромъ и вмѣстѣ читали „Валленштейна" [3]; эта общность художественныхъ вкусовъ

---

[1]) „Вѣстн. Европы" 1895 г., XI, стр. 180.

[2]) Письма Маркевича, стр. 129.

[3]) Тамъ же, стр. 131.

соединяла ихъ и сглаживала рознь ихъ воззрѣній. А рознь эта несомнѣнно существовала, потому что Толстой былъ поэтъ чистой воды, а Маркевичъ, несмотря на свой несомнѣнный литературный талантъ, нерѣдко впадалъ въ тенденціозность, которая портила прекрасно задуманную вещь. Лучшимъ примѣромъ этого положенія можетъ служить та же „Марина изъ Алаго Рога", гдѣ рядомъ съ художественными страницами встрѣчаются мысли, годныя для руководящей статьи ретроградной газеты.

Изъ переписки Толстого заслуживаютъ особаго вниманія его письма къ кн. Сайнъ-Витгенштейнъ. Они замѣчательно содержательны и затрогиваютъ цѣлый рядъ самыхъ серьезныхъ художественныхъ вопросовъ. Онъ бесѣдуетъ съ ней какъ съ близкимъ другомъ о многихъ изъ своихъ произведеній. Толстой не даромъ поддерживалъ эту переписку, ибо княгиня была личность замѣчательная во многихъ отношеніяхъ. Гергардъ Ролфсъ [1]), знаменитый изслѣдователь Африки и другъ Листа, говоритъ, что княгиня была одна изъ самыхъ остроумныхъ женщинъ, какихъ онъ встрѣчалъ на своемъ вѣку. Даже въ послѣдніе годы ея жизни, когда болѣзнь приковала ее къ креслу, она отличалась большой живостью и умомъ; княгиню особенно интересовали вопросы искусства и литературы, и въ ея скромной квартирѣ на Via Babuino въ Римѣ встрѣчались художники и ученые всѣхъ странъ и народовъ [2]).

Мы такъ подробно остановились на этихъ лицахъ, потому что знакомство съ ними облегчаетъ чтеніе переписки, столь интересной для пониманія произведеній поэта и его личности. Затѣмъ намъ важно сохранить эти имена, такъ какъ одобреніе и участіе друзей поддерживали гр. А. К. Толстого въ его работѣ. Со стороны критики онъ всю жизнь слышалъ одну брань. Еслибы не было теплаго участія близкихъ, перо навѣрное выпало бы изъ его рукъ.

Толстой былъ, прежде всего, человѣкъ прямой, у котораго не существовало разлада между словомъ и дѣломъ. То, что̀ онъ высказывалъ въ дружеской бесѣдѣ или въ письмахъ, то онъ и печаталъ, хотя бы пришлось плыть противъ теченія. То, что̀ онъ проповѣдывалъ другимъ, то онъ дѣлалъ самъ; и доказалъ на дѣлѣ, что онъ готовъ на жертвы, когда отечество находится въ опасности. Поэтому ему были противны политическіе дѣльцы

---

[1]) Erinnerungen an Franz v. Liszt. Westermann's Monatshefte. Band 87. S. 677.

[2]) La Mara. Fr. Liszt's Briefe an die Fürstin Caroline Sayn-Wittgenstein. Leipzig. 1899.

вродѣ Луи Блана, который другимъ проповѣдывалъ бѣдность, а самъ жилъ въ роскоши [1]). Относительно друзей и знакомыхъ Толстой былъ крайне доброжелателенъ и всегда пользовался своими отношеніями къ сильнымъ міра сего, чтобы помочь ближнимъ, а въ особенности собратамъ по литературѣ. Примѣры такого образа дѣйствій очень многочисленны. Извѣстной писательницѣ Каролинѣ Павловой, которая сильно нуждалась въ деньгахъ, онъ выхлопоталъ пенсію отъ государя и великой княгини Елены Павловны [2]). Тургеневъ, составляя свой сочувственный некрологъ Гоголя, назвалъ его „великимъ"; за это онъ былъ посаженъ на одинъ мѣсяцъ на гауптвахту, а послѣ этого высланъ въ деревню [3]). Толстой, который въ день ареста обѣдалъ съ Тургеневымъ, былъ возмущенъ такимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ образованнымъ и порядочнымъ человѣкомъ. Его взволновалъ до глубины души этотъ грубый произволъ въ особенности потому, что всѣмъ было понятно желаніе шефа жандармовъ унизить въ лицѣ Тургенева литературнаго дѣятеля съ крупнымъ именемъ. Гр. А. К. пустилъ въ ходъ свои связи и, наконецъ, добился, что позволили Тургеневу вернуться въ столицу [4]). Въ 1859 году ему пришлось хлопотать за И. С. Аксакова, который навлекъ на себя гнѣвъ смѣлыми статьями, появлявшимися въ его „Парусѣ". Петербургскіе громовержцы возымѣли намѣреніе сослать его въ Вятку, а журналъ запретить [5]). Толстой опять-таки поставилъ на ноги всѣхъ своихъ друзей и родню. Журналъ спасти не удалось, но, по крайней мѣрѣ, онъ избавилъ своего друга отъ незаслуженнаго наказанія. Подобной просьбой Толстой даже навлекъ на себя неудовольствіе императора Александра II. Зимой 1864—65 г., во время его пребыванія въ столицѣ Толстой былъ приглашенъ на царскую охоту въ новгородской губерніи. Егермейстеръ, распоряжавшійся охотой на медвѣдя, разставляя полукругомъ стрѣлковъ, поставилъ гр. А. К. рядомъ съ государемъ. Въ ожиданіи, пока всѣ займутъ свои мѣста, а собаки и загонщики поднимутъ звѣря, Александръ II подозвалъ Толстого и сталъ съ нимъ разговаривать въ полголоса и безъ постороннихъ свидѣтелей. Пользуясь этимъ моментомъ, гр. А. К. рѣшился за-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1897 г., IV, стр. 612.

[2]) „Русскій Архивъ" 1894 г., т. I, стр. 120. „Вѣстникъ Европы" 1897 г., V, стр. 288.

[3]) Дневникъ Никитенки, т. I, стр. 532.

[4]) „Вѣстникъ Европы" 1897 г., IV, стр. 604. Дневникъ Никитенки, т. II, стр. 126.

[5]) „Вѣстникъ Европы" 1895 г., X, стр. 631.

молвить свое слово за Чернышевскаго. На вопросъ государя, что дѣлается въ литературѣ и не написалъ ли онъ чего-либо новаго, Толстой отвѣтилъ, что „русская литература надѣла трауръ по поводу несправедливаго осужденія Чернышевскаго"... Но Александръ II не далъ ему даже и окончить этой фразы: „Прошу тебя, Толстой, мнѣ никогда не напоминать о Чернышевскомъ", проговорилъ онъ недовольнымъ и непривычно строгимъ голосомъ и затѣмъ, отвернувшись въ сторону, далъ понять, что бесѣда ихъ кончена" [1]).

Подводя итогъ изложеннымъ фактамъ, мы можемъ съ смѣлостью сказать, что жизнь графа А. К. Толстого представляетъ собою нѣчто чистое и цѣльное. Нѣтъ лжи ни передъ обществомъ, ни передъ друзьями, ни передъ самимъ собою.

V.

Быть можетъ, кто-нибудь удивится, что, желая дать характеристику творчества А. К. Толстого, мы перенесли центръ тяжести нашей работы въ его біографію и сообщаемъ подробныя свѣдѣнія о его жизни, личности и литературныхъ отношеніяхъ. Но въ біографіи поэта можно найти ключъ для пониманія также и его произведеній.

Описаніе Краснаго-Рога и его лѣсовъ имѣетъ существенное значеніе, такъ какъ природа этого живописнаго уголка Малороссіи отражается во многихъ произведеніяхъ Толстого. Красотѣ юга посвящено его первое стихотвореніе „Колокольчики". Жизни въ Красномъ-Рогѣ мы обязаны тѣми чудесными картинами природы, которыми такъ богатъ „Князь Серебряный". Припомните весенній вечеръ и первую встрѣчу съ станичниками, или осенній вечеръ въ монастырѣ, когда Серебряный пришелъ прощаться съ Еленой. Какъ все полно гармоніи: умирающая природа и конецъ ихъ любви!

Толстой былъ „мажорный" поэтъ и самъ признавалъ, что онъ этимъ качествомъ и своимъ юморомъ обязанъ южной природѣ и солнцу. Чтобы доказать правильность нашего положенія, мы позволимъ себѣ нѣкоторую параллель. Толстой и Некрасовъ были страстные охотники. Такъ какъ они цѣлые дни проводили на лонѣ природы, то понятно, что описанія родныхъ лѣсовъ и

---

[1]) Воспоминанія графини А. А. Толстой. (Статья Ив. Захарьина. „Вѣстникъ Европы" 1905 г., IV, стр. 634).

полей часто встрѣчаются въ ихъ стихотвореніяхъ; но картины природы у нихъ прямо противоположны.

Для примѣра возьмемъ отрывокъ изъ „Коробейниковъ“:

Хороша наша губернія,
Славенъ городъ Кострома,
Да лѣса, лѣса дремучіе,
Да болота къ ней ведутъ,
Да пески, пески сыпучіе.

Или отрывокъ изъ другой поэмы:

Но вы, поля весенія!
На ваши всходы бѣдные
Не весело глядѣть.

Обѣ картины правдивы и сильны, но онѣ сѣры и грустны; такъ и кажется, что у поэта въ голосѣ дрожатъ слезы и что онъ скорбитъ о бѣдности земли родной.

У Толстого мы находимъ иныя впечатлѣнія:

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
Волчій голосъ въ полѣ!
Гой ты, родина моя!
Гой ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья!
Вѣтеръ, степь да тучи!

Какая удаль, мощь и радость слышатся въ этихъ стихахъ!

Вторая біографическая подробность, которой мы придаемъ особое значеніе, это—ежегодныя поѣздки графа заграницу, прекрасное знаніе иностранныхъ литературъ. Широкое и разностороннее образованіе отразилось прежде всего на разносторонности его творчества. Онъ бралъ сюжеты для поэмъ и балладъ не только изъ прошлаго своего отечества, но также изъ исторіи Испаніи и Италіи, какъ, напр., „Донъ-Жуанъ“ и „Драконъ“.

Затѣмъ, живя на Западѣ или у себя въ имѣніи, гр. Алексѣй Константиновичъ имѣлъ полную возможность сравнивать условія жизни у насъ, гдѣ письма отъ Петербурга до Краснаго-Рога шли двѣ недѣли, а иногда и совсѣмъ пропадали,—съ тѣмъ, что онъ видѣлъ за рубежомъ. Благодаря этому, онъ проникся полнымъ уваженіемъ къ западной культурѣ и не могъ сойтись съ славянофилами, несмотря на то, что они его усиленно манили въ свои объятія [1]). Толстой былъ близокъ по своей религіоз-

[1]) Письма Маркевича, стр. 47.

ности и любви къ родинѣ къ А. С. Хомякову и И. С. Аксакову. Ю. Ѳ. Самаринъ и кн. В. А. Черкаскій были его товарищами по московскому университету [1]). Но онъ мало сочувствовалъ ихъ одностороннимъ взглядамъ на необходимость усиленной руссификаціи окраинъ, какъ этого требовали Ю. Ѳ. Самаринъ и М. Н. Катковъ. Толстой считалъ, что если окраины ушли впередъ, то центръ не въ правѣ задерживать ихъ развитіе и тянуть ихъ въ свое болото, а долженъ самъ стремиться къ тому, чтобы поднять свою культуру на уровень окраинъ [2]).

По этому вопросу между Толстымъ и Маркевичемъ завязалась преинтересная переписка. Гр. А. К. произнесъ въ 1869 г. въ Одессѣ тостъ „за всѣхъ подданныхъ Государя Императора, какая бы ни была ихъ нація“. Маркевичъ пришелъ въ ужасъ и сталъ заклинать его „отказаться отъ тостовъ и писать баллады“ [3]). Но Толстой отвѣтилъ довольно твердо, что это его искреннее убѣжденіе, отъ котораго онъ не можетъ отречься, такъ какъ высказывалъ его неоднократно въ личной бесѣдѣ и въ печати. При этомъ графъ сослался на то объясненіе, которое Лепорелло даетъ предъ судомъ инквизиціи:

— Итакъ, сеньоръ, я долженъ вамъ сказать,
Что донъ-Жуанъ говаривалъ не разъ:
„Святые братья глупы. Человѣкъ
Молиться воленъ, какъ ему угодно.
Не влѣзешь силой въ совѣсть никому
И никого не вгонишь въ рай дубиной.
Онъ говорилъ, что мавры и мориски
Народъ полезный былъ и работящій;
Что ихъ не слѣдовало гнать, ни жечь,
Что коль они исправно платятъ подать,
То этого довольно королю;
Что явный мусульманинъ, иль еретикъ,
Не столько вреденъ, сколь сокрытый врагъ;
Что если бы сравняли всѣхъ правами,
То не было-бъ ни отъ кого вражды.
Поэтому, такъ говорилъ мой баринъ,
Святые братья глупы“...

Настоящей выпиской можно было бы покончить этотъ споръ, но сохранилось еще стихотвореніе [4]), не вошедшее въ собраніе

[1]) А. В. Мещерскій. „Русскій Архивъ“ 1900 г., № 7, стр. 376.
[2]) „Вѣстн. Европы“ 1895 г., X, стр. 659.
[3]) Письма Маркевича, стр. 115.
[4]) „Русская Старина“ 1887 г., № 2.

сочиненій гр. А. К. Толстого, въ которомъ онъ съ удивительнымъ юморомъ возвращается къ тому же вопросу. Эта небольшая сатирическая пьеса заслуживаетъ, чтобы ее не забыли въ пыли старыхъ журналовъ, поэтому мы приводимъ ее цѣликомъ.

ЕДИНСТВО.

Друзья! ура единство!
Сплотимъ Святую Русь!
Различій, какъ безчинства,
Народныхъ я боюсь.

Катковъ сказалъ, что, дескать,
Терпѣть ихъ—это грѣхъ,
Ихъ надо тискать, тискать
Въ московскій обликъ всѣхъ.

Ядро у насъ славяне,
Но есть и вотяки,
Башкиры и армяне,
И даже калмыки.

Есть также и грузины
(Конвоя цвѣтъ и честь),
И латыши, и фины,
И шведы также есть.

Недавно и ташкентцы
Живутъ у насъ въ плѣну,
Признаться-ль?—есть и нѣмцы,
Но это entre nous!

Страшась съ Катковымъ драки,
Я на ухо шепну:
У насъ есть и поляки,
Но также entre nous!

И многими иными
Обиленъ нашъ запасъ.
Какъ жаль, что между ними
Араповъ нѣтъ у насъ!

Тогда бы князь Черкаской,
Усердіемъ великъ,
Имъ мазалъ бѣлой краской
Ихъ неуказный ликъ.

Съ усердіемъ столь смѣлымъ
И съ помощью воды
Самаринъ теръ бы мѣломъ
Ихъ черные зады.

Катковъ, нашъ герцогъ Альба,
Имъ удлиннялъ бы носъ,
Маркевичъ восклицалъ бы:
Осанна! Аксіосъ!

Отъ вопроса о насильственномъ обрусеніи окраинъ — всего одинъ шагъ къ общему вопросу о политическихъ убѣжденіяхъ графа А. К. Толстого. На него легче всего отвѣтить ссылкой на извѣстное стихотвореніе:

„Двухъ становъ не боецъ, а только гость случайный" [1]),

—которое упоминаютъ всѣ критики, когда они желаютъ доказать, что нашъ поэтъ не принадлежалъ ни къ одной партіи. Это отчасти правда, потому что Толстой, какъ человѣкъ самостоятельный, шелъ своей дорогой и презиралъ ложь, которою нерѣдко прикрываютъ свои недостатки политическіе и литературные кружки. Но мы думаемъ, что этой лаконической ссылки нѣсколько мало, такъ какъ произведенія гр. Алексѣя Константиновича даютъ богатый матеріалъ для опредѣленія его воззрѣній на цѣлый рядъ существенныхъ вопросовъ. Стòитъ расположить баллады въ систематическомъ порядкѣ, чтобы понять его политическій идеалъ.

Онѣ распадаются на два цикла: кіевскій („Сватовство", „Илья Муромецъ", „Садко", „Алеша Поповичъ) и московскій („Кн. Репнинъ", „Старицкій воевода", „Василій Шибановъ"). „Потокъ богатырь" сопоставляетъ оба періода русской исторіи и переноситъ насъ въ третій—въ петербургскій. О томъ же государственномъ строѣ современной Россіи говорятъ „Сонъ Попова" и „Русская Исторія".

Если вѣрить поэту, то въ Кіевѣ княжилъ ласковый Владиміръ князь по правдѣ и закону, управляя страной при участіи народа и вѣча. Въ московскій же періодъ законъ исчезъ и былъ замѣненъ произволомъ московскаго хана; наконецъ, въ С.-Петербургѣ появился чиновникъ-министръ, говорящій либеральныя рѣчи и готовый при малѣйшемъ поводѣ пустить въ ходъ тотъ же произволъ.

Насколько правильны были воззрѣнія Толстого на кіевскій періодъ, мы разбирать не будемъ. Но нельзя не сказать, что нашъ поэтъ, какъ и всѣ романтики, будучи недоволенъ совре-

[1]) Полное Собраніе Стихотвореній, изд. 1886 г., т. I, стр. 260.

меннымъ строемъ, искалъ лучшаго въ добромъ старомъ времени. Этой дорогой шли нѣмецкіе романтики A. W. Schlegel, Tieck, Graf Stollberg, Brentano, Fouqué и др., которыхъ такъ любилъ А. А. Перовскій. По тому же пути пошелъ и Толстой. Онъ остановился на кіевской Руси, такъ какъ московскій періодъ, полный произвола, казней и злодѣяній, глубоко его возмущалъ. „Моя ненависть къ московскому періоду есть моя идіосинкразія... Моя ненависть къ деспотизму—это я самъ"... Эта фраза, извлеченная изъ его письма, дала Вл. С. Соловьеву основаніе утверждать, что [1]) Толстой „стоялъ за живую силу свободной личности". Слѣдовательно, онъ боролся за свободу совѣсти, вѣры и національности. А если такъ, то между его воззрѣніями и взглядами лучшихъ людей 60-хъ годовъ, Ростовцева, Н. Милютина, Замятина, Ровинскаго, Ив. Аксакова, не было существенной разницы: всѣ они стремились къ тому, чтобы въ русской странѣ водворился законный порядокъ. Толстой никогда не былъ ретроградомъ, но считалъ, что либерализмъ есть законность, а не своеволіе. Недаромъ онъ вложилъ посаднику Глѣбу Мироновичу въ уста опредѣленіе, что̀ есть воля и что̀ неурядье:

Вотъ наша воля. Правъ своихъ держаться,
Чужія чтить, блюсти законъ и правду,
Не прихоти княжія исполнять,
Но то чинить безропотно и свято,
Что государь нашъ Новгородъ велитъ—
Вотъ воля въ чемъ! А чтобы всякій дѣлать
Воленъ былъ то, что̀ въ голову взбредетъ,
Нѣтъ, то была-бъ не воля—неурядье
То было бы!..

Поэтому Толстой отъ души ненавидѣлъ тѣхъ фальшивыхъ людей, которыхъ онъ называлъ „les parvenus de la science et du libéralisme".

При наличности такихъ фактовъ, многіе съ удивленіемъ спросятъ, отчего же критика 60-хъ годовъ вела такую упорную борьбу противъ гр. А. К. Толстого и его произведеній?

Отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно: ихъ разъединяли воззрѣнія на задачи искусства. Публицисты того времени не признавали „искусства для искусства" и желали сдѣлать изъ поэзіи орудіе для соціальной борьбы. Вслѣдствіе этого 60-е годы, столь знаменательные въ исторіи Россіи, были неблагопріятны для развитія поэзіи. Мей погибъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1895 г., V, „Поэзія гр. А. К. Толстого".

А между тѣмъ это былъ крупный талантъ, лирическія и драматическія произведенія котораго не потеряли прелести и въ наши дни. Фетъ началъ печатать первыя свои стихотворенія, но, встрѣченный общимъ холодомъ, онъ замолкъ надолго. Правда, въ это время жилъ и писалъ Некрасовъ. Но это былъ человѣкъ другого лагеря; его муза не чужда тенденціи и злободневныхъ вопросовъ, и только въ лучшихъ вещахъ она вводитъ насъ въ свѣтлый міръ поэзіи. Необходимо добавить, что Некрасовъ находился въ исключительныхъ условіяхъ; какъ редакторъ „Современника" и „Отечественныхъ Записокъ", онъ имѣлъ полную возможность дать надлежащій отпоръ зазнавшемуся критику. Поэтому бороться съ нимъ было небезопасно.

Положеніе А. К. Толстого было иное; во-первыхъ, онъ стоялъ въ сторонѣ отъ журнальныхъ партій, а во-вторыхъ, и это главное, онъ былъ глубоко убѣжденъ, что искусство и прекрасное имѣютъ право на существованіе сами по себѣ. Между тѣмъ этого основного положенія публицисты того времени не признавали; поэтому они поносили не только Толстого, но и всѣхъ его друзей.

По настоящему вопросу сохранилось два интересныхъ письма, въ которыхъ гр. Толстой горячо отстаиваетъ свое credo. Первое изъ нихъ написано по поводу разбора „Обрыва" въ „Зарѣ".

„Такъ чернить Гончарова нельзя. Странный фактъ—вся наша критика находится въ рукахъ одной клики, за рѣдкими и робкими исключеніями; девизъ этой клики—война искусству. Будемъ обходиться и безъ ихъ мнѣнія" [1]).

Другое адресовано его старому другу, Якову Петровичу Полонскому, и написано 20 декабря 1868 г. [2]): „Мы съ вами не послѣдніе могиканы искусства; оно не умретъ и не можетъ умереть, какъ бы тамъ ни старались разные Чернышевскіе, Писаревы, Стасовы, Корфы и т. п., кто прямо, кто косвенно. Убить искусство такъ же легко, какъ отнять дыханіе у человѣка подъ тѣмъ предлогомъ, что оно роскошь и отымаетъ время даромъ, не вертитъ мельничныхъ колесъ и не раздуваетъ мѣховъ".

Вообще, публицисты шестидесятыхъ годовъ, занимавшіеся критикой художественныхъ произведеній, далеко не стояли на высотѣ своего положенія. Тонкій вкусъ и любовь къ истинно-прекрасному, которыми отличался Бѣлинскій, у нихъ отсутствовали. Поэтому слабость серьезныхъ доводовъ они нерѣдко прикрывали рѣзкими нападками на своихъ противниковъ. Не только

---

[1]) „Вѣстникъ Европы", 1895 г., XI, стр. 166.

[2]) „Русская Старина", 1884 г., т. 41.

писатели, испытавшіе на себѣ всю прелесть грубой полемики, но даже лица, которыя стояли въ сторонѣ отъ борьбы, возмущались безцеремонностью публицистовъ. Такъ, напримѣръ, въ дневникѣ А. Никитенки мы находимъ слѣдующія строки: „Нынѣшніе крайніе либералы со своимъ повальнымъ отрицаніемъ и деспотизмомъ просто страшны. Они въ сущности тѣ же деспоты, только навыворотъ. Въ нихъ тотъ же эгоизмъ и та же нетерпимость, какъ и въ ультра-консерваторахъ... Они не допускаютъ свободу мнѣній".

Какъ бы то ни было, но подъ вліяніемъ вѣчныхъ глумленій у Толстого образовалось желчное настроеніе, и въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ, что сталъ „посмѣшищемъ критики" [1]).

Подъ впечатлѣніемъ этой непрекращавшейся брани онъ и написалъ свои полемическія вещи: „Потокъ богатырь", „Порой веселой мая" (баллада съ тенденціей) и „Противъ теченія". Эти стихотворенія принято называть тенденціозными, но мы видимъ въ нихъ скорѣе антитенденціозныя вещи, въ которыхъ поэтъ въ шутливой формѣ отвѣтилъ на постоянныя нападки ультра-либеральнаго лагеря. Они вызвали бурю негодованія. Когда Толстой послалъ первое изъ этихъ стихотвореній въ „Русскую Бесѣду", то редакція отказалась ее напечатать, и „Потокъ" появился на страницахъ „Русскаго Вѣстника" [2]). Всѣ громы либеральной печати посыпались на поэта, который сумѣлъ подшутить надъ своими противниками. Про Толстого кричали, что онъ до того отсталъ, что глумится надъ реформами Александра II и надъ судомъ присяжныхъ. Но близорукіе критики забыли, что онъ смѣялся не надъ судомъ присяжныхъ, а надъ тѣми ограниченными людьми, которые всю мудрость новаго суда видѣли въ оправдательныхъ вердиктахъ. Наконецъ, если даже допустить, что въ пылу спора Толстой хватилъ черезъ край, то это не даетъ права считать его ретроградомъ. Чтобы опредѣлить его политическія убѣжденія, необходимо изучить его шедёвры и сопоставить ихъ съ письмами, а не судить по полемическимъ стихотвореніямъ, которыя написаны для осмѣянія противника. По нашему мнѣнію, въ его полемическихъ стихахъ слышится болѣе голосъ оскорбленнаго эстетика, чѣмъ политическаго дѣятеля. Въ этомъ легче всего убѣдиться, прочитавъ балладу

---

[1]) 17 октября 1869 г. Княгинѣ Сайнъ-Витгенштейнъ. „Вѣстникъ Европы", 1895 г., XII.

[2]) Захарьинъ. „Жизнь Москвы". („Историческій Вѣстникъ", 1902 г., № 11).

„Порой веселой мая", которая является парафразой приведеннаго нами письма Полонскому.

Во всемъ этомъ спорѣ Толстой стоитъ безконечно выше своихъ враговъ, ибо въ его стихотвореніяхъ чувствуется смѣхъ, а не желчь; онъ обладалъ тонкимъ юморомъ и не могъ избавиться отъ прирожденнаго ему добродушія.

По поводу современной ему полемики гр. Алексѣй Константиновичъ прислалъ кн. Церетелеву слѣдующее стихотвореніе [1]:

Боюсь людей передовыхъ,
Страшуся милыхъ нигилистовъ,
Ихъ судъ правдивъ, ихъ натискъ лихъ,
Ихъ гнѣвъ губительно неистовъ.

Но все жъ подъ-часъ бываетъ мнѣ
Пріятно, въ званьѣ ретрограда,
Когда ихъ хлещетъ по спинѣ
Моя былина иль баллада.

Насколько этотъ „натискъ былъ лихъ и гнѣвъ неистовъ", мы можемъ убѣдиться изъ слѣдующаго отрывка [2]). „Графъ А. Толстой врагъ просвѣщенія, поклонникъ и проповѣдникъ беззавѣтнаго холопства, а какъ поэтъ, посредственно даровитый дилеттантъ, вымучивающій риѳмованныя строки и склонный ради баловства сочинять безсмысленныя баллады".

Этотъ критикъ не дожилъ до того дня, когда цензура разрѣшила представленіе „Царя Ѳедора". Въ одинъ годъ эта трагедія обошла сцены всѣхъ большихъ городовъ. Всѣ поняли, что „Царь Ѳедоръ"—шедёвръ, которымъ должна гордиться русская литература.

А. Левенстимъ.



[1]) „Русскій Вѣстникъ" 1900 г., XI, стр. 201.

[2]) Изъ статьи Павлова: „Судьи Поэта" („Русскій Вѣстникъ", 1876 г., VIII).

МАЦѢЙ БОРЫНА

ЭСКИЗЪ

По польскому роману Реймонта: „Сhłopi".

I.

Солнце уже склонялось къ западу и, какъ бы разгорѣвшись на лету, краснѣло; прячась за высокій, черный лѣсъ, оно выростало въ огромный огненный шаръ. На поляхъ темнѣло. Мракъ сгущался и ползъ по холмамъ впередъ, притаивался во рвахъ, крѣпчалъ въ тѣсно поросшихъ долинахъ и мало-по-малу заливалъ землю, охватывалъ и гасилъ всѣ краски. Вотъ, уже однѣ только вышки деревьевъ, башенки и крыша костела догорали въ лучахъ.

Люди стали собираться съ полей ко дворамъ. Въ тихомъ сумрачномъ воздухѣ громче звучали голоса, ржанье, рычанье и случайное бряцанье колесъ о камень. Съ костела пронесся тихій звонъ на „Ангелъ Господень", а люди пріостанавливались, и слышался шопотъ молитвы, будто шелестъ ниспадающихъ листьевъ въ потемкахъ.

Но, вотъ, раздались бойкіе окрики, веселыя пѣсни. Это сгоняли съ пастбищъ скотину. Она проходила кучками въ облакахъ пыли, среди которыхъ, то тутъ, то тамъ, проглядывало остріе роговъ, а иногда высовывалась и цѣлая могучая голова.

Кое-гдѣ слышалось блеянье овецъ, а въ иномъ мѣстѣ согнанные съ луга гуси взлетали вверхъ гурьбой и неслись ко дворамъ, озолоченные послѣднимъ лучомъ солнца, разсѣкая воздухъ своимъ пронзительнымъ крикомъ.

— Да, случилась бѣда у Борыны. Важная такая, тельная корова и ни за что пропала.

— Хозяйки у него, у Борыны-то, нѣтъ, ну и просѣивается все, какъ въ рѣшето.

— А Ганка что-жъ? Чѣмъ ему не хозяйка?

— Развѣ что для себя, а не для него. Сноха ему, сидитъ у него съ мужемъ на хлѣбахъ, да оба смотрятъ, какъ бы себѣ что урвать, а отцово добро пусть песъ стережетъ.

— Могъ бы Борына землю отдать сыну, Антку. Пора...

— А самому пойти къ сыну на кормёжъ что-ли? Посмотрю на васъ, Лаврентій, стары вы, а глупы,—живо вступилась злая баба Ягустинка.—Охъ! Крѣпокъ еще онъ, Борына, того гляди женится; а дуракъ бы былъ, кабы свое отписалъ на дѣтей.

— Чего ему, уже двухъ женъ похоронилъ.

— А пусть бы похоронилъ и третью. Помоги ему Богъ, а дѣтямъ, пока живъ, нехай не даетъ ни загона, ни обрѣзка, ни хоть бы столько земли, сколько подошвой накроетъ. Обдѣлали бы они его, канальи, какъ мои дѣти меня. Дали бы ему кормёжку такую, что на поденщину бы онъ пошелъ или на выпрошенный хлѣбъ, какъ нищій, а то и съ голоду подохъ бы. Только отдай дѣтямъ, что у тебя есть... а ужъ они тебѣ воздадутъ, какъ же! Какъ разъ хватитъ на веревочку да на камень къ шеѣ...

Хозяинъ Мацѣй Борына считался въ селѣ Липцахъ первымъ богачомъ. Такому жить хорошо, но и для богача не всегда бываетъ торная дорога. То то, то другое станетъ поперекъ, а порой бываетъ и не одна забота, особливо для семейнаго да еще вдовца. Въ домѣ не все въ порядкѣ, а тутъ вдругъ надорвалась лучшая корова и пришлось ее дорѣзать. Вдобавокъ Борына получилъ въ то же время вызовъ въ гминный судъ, по жалобѣ Евки, которая прежде служила работницей у него, затяжелѣла и, по подговору злыхъ людей, предъявила послѣ родовъ искъ къ Борынѣ, требуя денегъ на содержаніе ея и ребенка...

Надо было переговорить съ гминнымъ войтомъ. Подъ-вечеръ Борына пріодѣлся въ новый бѣлый суконный кафтанъ, обшитый по всѣмъ швамъ черной тесьмой, окрутился широкимъ краснымъ поясомъ и, накрывшись высокой черной шляпой, пошелъ степеннымъ шагомъ по дорогѣ вдоль пруда къ мельницѣ.

— Сколько еще работы, хотя и осень... Озимей не докончили обсѣивать, капуста — въ полѣ... подстилки еще не накопили... подпахать бы должно подъ картофель... хорошо бы и подъ ярь... Нужно еще лѣсъ свозить на дрова... а тутъ поѣзжай судиться... Подлая лохмотница... Это будто я-то съ ней спалъ, мерзавка! Чтобъ тебѣ языкъ присохъ, тряпка поганая!..

Плюнувъ со злости, Борына остановился, набилъ короткую

трубку и долго чиркалъ спичкой о портки, пока закурилъ. Пошелъ онъ еще тише... Кости еще побаливали отъ дневной работы, да и коровы было жаль. А еще припомнилась ему и жена-покойница, при которой хозяйство шло ладнѣе. Хоть и шибко озорная была на словахъ, и съ другими бабами вѣчно грызлась, но все-таки жена и хозяйка, какъ слѣдовало. Онъ вздохнулъ набожно и шелъ далѣе, продолжая жалѣть самого себя.

Сынъ, Антекъ, тянетъ на свою сторону; кузнецъ-зять только и глядитъ, какъ бы что̀ стащить, а Юзя дочурка, еще ребенокъ,— какая отъ нея помога... Сноха Ганка, и та ни къ чему; то больна, то лазитъ, какъ муха по патокѣ, и за день не больше сработаетъ, чѣмъ песъ наплачетъ.

Вотъ, все и валится. Сейчасъ корову зарѣзали, а на жатву здохъ поросенокъ... Гусенятъ развѣ что половина осталась, другую растаскали вороны... Все летитъ, сыплется, какъ сквозь рѣшето.

— А все-таки, не дамъ вамъ!—почти громко произнесъ онъ про себя.—Пока ногами ворочаю, не отпишу ни одного морга и на кормёжъ къ вамъ не выйду... Какъ только мой Гржеля вернется изъ арміи, отошлю Антка на женину его долю... Пусть себѣ... Шалишь, не дамъ!

— Слава Іисусу Христу!—поздоровался кто-то съ Борыной изъ окна.

— Во вѣки вѣковъ! —отвѣчалъ онъ машинально и вошелъ въ длинный проходъ между двумя заборами, направляясь къ войтовой усадьбѣ. Вскорѣ пришелъ и войтъ.

— Эй, жена, ѣсть! Я голоденъ какъ волкъ... Присядьте, Мацѣй, съ нами къ ужину.

— Заплати вамъ Богъ, а я изъ лѣсу вернулся, такъ ужъ здорово поѣлъ.

Войтъ сѣлъ за блюдо только-что натертаго горячаго картофеля, обильно осдобленнаго поджареннымъ свинымъ саломъ. Рядомъ, въ мискѣ, стояла простокваша.

— Откушайте что̀ есть!—упрашивала войтова жена, положивъ ложку. — Примитесь, не во вредъ будетъ... Вечера нынѣ долги стали.

Борына еще отнѣкивался, но сало сильно било ему въ ноздри, такъ что онъ рѣшился присѣсть на скамью и сталъ ѣсть медленно, деликатно, какъ велитъ обычай. А войтиха по временамъ вставала и подбавляла имъ то картофеля, то простокваши.

— Я къ вамъ по дѣлу...

— Да, это по Евкиной жалобѣ, знаю..

— По ея и есть... Будто я ее на заслуженномъ обсчиталъ! А я, вотъ какъ Богъ въ небѣ, выплатилъ ей все, да еще по добротѣ сердца, ксендзу далъ мѣшокъ овса за крестины.

— Но она баетъ, будто ребенокъ-то у ней отъ...

— Во имя Отца и Сына! Взбѣсилась она, что-ли?

— Ну, ладно, стары вы, Мацѣй, а еще мастеръ! — Войтъ и войтиха засмѣялись.

— Цыганитъ она, какъ песъ послѣдній... И не дотронулся я до ней, до лохмота этакого... Вѣдь подъ заборомъ издыхала и просилась принять ее хоть за одни харчи, за уголъ, такъ какъ зима подходила. Я бы и не принялъ, да жена-покойница вступилась... Ну, дѣвка осталась, отъѣлась себѣ и постаралась о приплодѣ.

— Все-таки вамъ судиться.

— Буду, что дѣлать! Вамъ спасибо, что сказали. Я только слышалъ, что она жалуется на разсчетъ. А что уплачено ей— поставлю свидѣтелей. Столько заботъ, а тутъ еще этакая подлая лгунья...

— У вдовца—все какъ межъ волковъ овца.

— Дѣло о коровѣ это съ усадьбой, потому, какъ ихъ лѣсникъ гналъ мою корову съ лужайки, она и надорвалась. Злотыхъ триста — цѣна ей. Тяжела была и стряслась на бѣгу, такъ что я зарѣзалъ. Ну, на усадьбу я подамъ въ судъ.

Войту, который обыкновенно держалъ сторону помѣщика, это не понравилось, и, попытавшись уговорить Борыну не начинать судебнаго дѣла, онъ далъ разговору иной оборотъ.

— Вамъ бы жениться, Мацѣй, и былъ бы присмотръ за домомъ.

— Смѣетесь, что-ли? Вѣдь мнѣ на Внебовзятіе [1]) пятьдесятъ-восемь стукнуло. Что вы... и покойная давно ли остыла.

— Подберите жену подъ свои лѣта, — совѣтовала войтова жена, убирая со стола,—и все поправится.

Призадумался Борына. Никогда еще это ему не приходило въ голову.—Вотъ бы люди языки распустили...

— Пускай. А что, вамъ люди возвратятъ корову-то или иной какой убытокъ, или хоть пожалѣютъ они васъ?

— Да и постели вамъ не согрѣютъ. А мало ли дѣвушекъ на селѣ. Идешь промежъ хатъ, ажъ жаромъ оттуда валитъ.— Войтъ засмѣялся.

---

[1]) Успеніе. По-крестьянски—Богоматери „въ зелени", такъ какъ въ этотъ день святятся травы, цвѣты и овощи.

— Ишь, развратникъ, о чемъ думаетъ!—пошутила войтиха.

— Вотъ хоть бы Григорія Зоська, напримѣръ; и собой красива, и не безъ приданаго.

— Да на что Мацѣю приданое? Первый у насъ хозяинъ.

— Или Андржея Кася?

— Сговорена,—заявила войтиха.—Вчера отъ Рохова Адама ходили сваты съ водкой.

— Ну, Вероника, Стахова дочь.

— Брюзга-дѣвка, гуляка и одно бедро у ней толще.

— Мало ли у насъ этого сѣмени. Я вѣдь подбираю только, какія бы годились для Мацѣя.

— А вотъ ты и забыла о той, что въ самый разъ къ нему подошла бы. Покойнаго Доминика Пачеся дочь, Ягна... Важная дѣвка, рослая, жерди подъ ней трещатъ. И краса же у ней... Лицомъ бѣлая, а кругомъ—что твоя тёлка...

Борына слушалъ со вниманіемъ.—Ягна? гм... О ней говорятъ, къ парнямъ ужъ очень ласкова.

— А кто былъ при этомъ? Такъ, мелютъ себѣ, пока перемелютъ, больше изъ зависти.

— Ну, однако, мнѣ пора!—Борына всталъ, поправилъ поясъ и, воткнувъ въ трубку уголекъ, раза два курнулъ.—Въ которомъ же часу на судъ?

— Написано въ повѣсткѣ—въ девять; вамъ до зари вставать, ежели пѣшкомъ.

— Зачѣмъ пѣшкомъ! Запрягу молодку, проѣдусь потихоньку. Оставайтесь съ Богомъ. Благодарю за угощеніе и сосѣдскій совѣтъ.

— Идите съ Богомъ, да и подумайте, о чемъ говорилось... Пожелаете, самъ пойду отъ васъ къ ея пани-матери съ водкой и свадьбу еще до Рождества справимъ.

Борына только моргнулъ глазами и вышелъ. Назадъ выбралъ другую дорогу. „Что и говорить, — думалъ онъ, безъ бабы или разоришься, или дѣтямъ хозяйство надо отдать... А что она крупная, шельма, и какъ бы писаная, это тоже вѣрно. Пожалуй, оно и слѣдовало бы поискать жены... Послѣ покойницы сколько одёжи осталось, пригодилась бы... Правда, мать, вдова Доминика — ухъ! зелье! Ну, у нихъ своя хата и земля, на своемъ бы и осталась. Трое ихъ, дѣтей, а морговъ пятнадцать; значитъ, на Ягну пять. Опять же выкупа съ нихъ за часть въ хатѣ и левентарѣ. А ихъ пять морговъ—земля акуратъ за моимъ картофелемъ. Рожь лѣтось сѣяли, да. Пять морговъ къ моимъ—было бы почти что тридцать-пять, здоровый кусокъ поля!“

Идя дальше, Борына уже велъ хозяйственный разсчетъ, какъ бы на тотъ годъ подвезти навозу, да все поле въ тридцать-пять морговъ и пустить подъ пшеницу. И лошадь еще прикупить, и корову. Правда, корова будетъ дана за Ягной.

„Что дѣти подняли бы содомъ, это ужъ не иначе"... Но вдругъ онъ ощутилъ, какъ въ него, словно бы волной, ударила сила и увѣренность, и влилась въ сердце.—Земля моя, никому другому не отдамъ... А то...—Онъ вдругъ остановился передъ домомъ Ягны.

У нихъ было еще свѣтло. Горѣла лампадка, а изъ печи шелъ красный свѣтъ. Старая Доминикова вдова, нагнувшись надъ печью, что-то громко читала, а Ягна, возлѣ, сидѣла лицомъ къ окну и подщипывала гуся. Она была въ рубашкѣ, съ рукавами, засученными высоко для работы.

„Хороша, шельма"!—думалъ Борына, стоя въ тѣни. И отошелъ не сразу, а только когда ему какъ бы ударило въ голову. Онъ почесался, подтянулъ поясъ. „Красивая женщина!" рѣшилъ онъ въ умѣ и затѣмъ пошелъ быстро, но, подходя къ своему забору, обернулся на ту сторону пруда, на домъ Пачесей, домъ Ягны. Какъ разъ кто-то изъ него вышелъ; видно было, какъ въ открытую дверь блеснулъ свѣтъ, заколебался и упалъ даже на воду. Послышались тяжелые шаги, потомъ плескъ зачерпнутой воды. Наконецъ, изъ-за полумрака и тумана, который шелъ съ полей, донеслось нараспѣвъ и вполголоса:

За широкой, за водой
Тамъ стоитъ голубчикъ мой.
И далеко — не достать —
Мнѣ его поцѣловать.
Я листочекъ поцѣлую,
Къ берегу тому пошлю я...
Вотъ, плыветъ къ тебѣ листокъ,
Поцѣлуй лови, дружокъ!

Обойдя свое хозяйство, когда всѣ уже спали и даже собаки на селѣ утихли, Борына раздѣлся, снялъ осторожно сапоги и самъ легъ. Но долго не могъ заснуть. Разныя мысли и заботы ходили у него въ головѣ. То простокваша пучила ему животъ, то воспоминанія о Ягнѣ и о нѣкоторыхъ про нее слухахъ смущали его, такъ что онъ самъ уже не зналъ, что дѣлать. Въ просонкахъ онъ даже, по давней привычкѣ, слегка приподнялся на локтѣ къ другой кровати, какъ будто бы могъ еще спросить совѣта у покойной жены. Но на этой кровати лежала теперь дочь его, маленькая Юзя, и слегка похрапывала. Вздохнувъ тяжко,

Борына перекрестился и забормоталъ: „Ave Maria“ — за покойницу и всѣ души, что въ чистилищѣ пребываютъ.

Дѣло въ судѣ съ Евкой Борына выигралъ, по отсутствію уликъ. Да впрочемъ онъ и былъ правъ, а Евку, должно быть, Борынинъ же зять-кузнецъ подговаривалъ начать дѣло. Но смѣху въ судѣ было немало. Ну, одной заботой меньше.

Сидѣли за обѣдомъ всей семьей. Въ воскресенье выпалъ теплый осенній день и обѣдали на крыльцѣ. Обѣдъ былъ сытный: мясной супъ съ картофелемъ, особо—мясо, капуста съ горохомъ, а въ концѣ миска ячневой каши, поджаренной на салѣ. Ѣли степенно и молча, пока были голодны, а ужъ потомъ стали смаковать и поговаривать. Юзя, хотя еще дѣвочка, была хозяйкой и, сидя на концѣ скамейки, часто вскакивала, взглянуть, не стекаетъ ли наваръ, и, вынося изъ горницы горшки, докладывала кушанья, чтобы на блюдѣ не показалось дна.

— Куропатокъ носилъ добродѣю? — спросилъ Борына работника Кубу.

— Носилъ, носилъ!—И, положивъ ложку, Куба сталъ разсказывать, какъ у ксендза въ домѣ хорошо, сколько тамъ однѣхъ книгъ и всякаго добра.

— Когда ему всѣ тѣ книги прочитать?—спросила Юзя.

— А по вечерамъ—ходитъ себѣ по покоямъ, чай попиваетъ, а самъ все съ книгой... Онъ еще и газету держитъ.

— Еще бы!—замѣтилъ старшій сынъ Борыны, Антекъ.—Въ газетѣ пишутъ, что на свѣтѣ дѣлается.

— Кузнецъ съ мельникомъ, тѣ тоже газету получаютъ.

— Ну, таковская она ужъ и есть, кузнецова газета!—отозвался хозяинъ съ пренебреженіемъ.

— Совсѣмъ такая же, какъ и ксендзова!—рѣзко возразилъ Антекъ.

— А ты, что же, читалъ, значитъ?

— Да и не разъ.

— А все же не поумнѣлъ, хотя и съ кузнецомъ водишься.

— У отца только тотъ уменъ, у кого есть хоть полъ-волоки земли [1]) или съ десятокъ коровьихъ хвостовъ.

— А ты заткни глотку, пока я добръ. Вотъ, вѣдь только и глядитъ, къ чему бы придраться! Видно, это хлѣбъ тебя распираетъ... мой хлѣбъ...

— Коломъ онъ у меня въ горлѣ стоитъ, какъ есть коломъ.

---

[1]) Włóka—15 десятинъ.

— Такъ поищи лучшаго. Попробуй на Ганкиныхъ трехъ моргахъ [1]... Будешь булки кушать.

— Картофель жрать буду, но ужъ никто имъ меня не попрекнетъ.

— Не попрекаю и я...

— А кто же? Работай какъ волъ, а еще и добраго слова не дождешься.

— На бѣломъ свѣтѣ лучше,—работать не надо, а получишь все.

— Съ голыми руками я не пойду.

— Палочку тебѣ дамъ, чтобы отъ собакъ отмахиваться.

— Отецъ!—вскрикнулъ Антекъ, вскочивъ со скамьи, но охватила его Ганка и усадила назадъ.

Старикъ взглянулъ грозно, перекрестился послѣ обѣда и, уходя въ горницу, произнесъ съ удареніемъ:

— На кормёжъ къ тебѣ я не выйду.

II.

Пришла осень. Уже не слышно было болѣе пѣсенъ, ни веселыхъ возгласовъ, ни птичьяго щебетанья, ни громкихъ сосѣдскихъ зазывовъ. Только вѣтеръ подвывалъ надъ соломенными кровлями, а то дождь хлесталъ по стекламъ. Да еще днемъ раздавался глухой стукъ цѣповъ на гумнахъ.

Село Липцы замирало, какъ и вся окру́га его полей, истощенныхъ послѣ жатвы, сѣрыхъ, ободранныхъ и уже стягиваемыхъ по утрамъ заморозками.

Осень пришла, родная мать земли. Люди тѣшились только тѣмъ, что дороги пока еще не размокли насквозь, что, авось, перестанетъ и дождь, хоть бы на день св. Кордуліи, день ярмарки въ сосѣдствѣ,—ярмарки знатной и послѣдней передъ Рождествомъ. Каждому было нужно на ярмарку. Кому прикупить на зиму нѣчто изъ одежды, кому что̀. Да и подати взимались въ ту пору, требовалось денегъ на гминныя раскладки, на разные платежи между собой, хоть бы и по займамъ, сдѣланнымъ весной, а то и на разсчетъ со своими паробками, за службу.

Лишнихъ денегъ ни у кого не было, да и добывать-то ихъ становилось все труднѣе. И вотъ, одни молотили по цѣлымъ днямъ, изо всѣхъ силъ, чтобы поспѣть на ярмарку съ зерномъ,

[1]) Полторы десятины.

а другіе выбирали, что̀ бы такое продать изъ инвентаря или приплода.

Борына также снарядилъ возъ съ пшеницей, а Ганка и Юзя подкормили супоросную свинью и кое-что изъ оставшейся гусятины. Антекъ съ Виткомъ-найденышемъ, чуть выдалась погода, свозили изъ лѣса хворостъ, а съ полей подготовленную солому, которая шла въ хлѣвъ, на подстилку.

Въ день ярмарки на зарѣ ударилъ сильный дождь, а уже по всѣмъ дорогамъ тянулись люди. Однако дождь скоро пересталъ, только день вышелъ сѣрый. Ганка съ Юзкой погнали свинью съ выкормленнымъ уже поросенкомъ. Антекъ поѣхалъ на возу съ десятью мѣшками пшеницы и съ запасомъ краснаго клевера. Дома остались Куба съ найденышемъ и старая Ягустинка, для присмотра. Самъ Борына пошелъ пѣшкомъ, разсчитывая присѣсть къ кому-либо на пути. Какъ разъ его догналъ органистъ съ женой.

— Да будетъ препрославленъ...

— Навѣки... Садитесь къ намъ!—сказала органистиха.

— Заплатѝ вамъ Богъ!—Борына сѣлъ на передней скамьѣ, задомъ къ лошадямъ, и завязалась сосѣдская бесѣда. Между прочимъ, коснулись и Ягны, которая ѣхала съ матерью и братомъ, въ повозкѣ съ гусями, вытягивавшими шеи, и съ коровой, привязанной за рога. На недружелюбное замѣчаніе органистихи о Ягнѣ, Борына заступился.

— Когда она вамъ такъ нравится, то посылайте сватовъ,—возразила та. Борына же ничего больше не сказалъ, потому что не стоило. Этакой, вѣтромъ занесенной, городской тряпицѣ, которая, только знай, подглядываетъ хозяйскимъ курамъ подъ хвостъ, не несутъ ли для нея яицъ, или людямъ смотритъ на ладонь, не подаютъ ли за свадьбу или похороны,—нѐчего ей подсмѣиваться надъ родовитыми хозяйскими семьями.

На ярмаркѣ Борына пошелъ по своимъ дѣламъ, нашелъ Ганку съ Юзей, узналъ, что̀ даютъ за свинью, назначилъ крайнюю цѣну—тридцать-пять бумажекъ, купилъ Юзѣ шолковый платокъ, зашелъ къ деревенскому адвокату и велѣлъ при себѣ написать прошеніе въ судъ за корову. а послѣ, встрѣтивъ Ягну, сталъ провожать ее по лавкамъ. Дѣвушку, конечно, особенно тянуло къ матеріямъ, лентамъ и платкамъ. Одну ленту она уже было выбрала, но, сдѣлавъ усиліе, отошла, даже не спросивъ о цѣнѣ, зная, что она обойдется не меньше рубля, а то и десять злотыхъ. Въ другой лавкѣ Ягна не вытерпѣла и стала примѣрять

платокъ „мѣнявшагося цвѣта, какъ бы на водѣ подъ заходящимъ солнцемъ“. А еврейка держала передъ ней зеркальце.

Словно зарю намотала она платкомъ на мягкихъ и свѣтлыхъ, какъ ленъ, волосахъ. А синіе ея глаза такъ разгорѣлись радостью, что отъ нихъ отбивался какъ бы фіалковый оттѣнокъ на покраснѣвшемъ ея лицѣ. И улыбалась она сама себѣ,—одно слово, такъ была хороша, что прохожій прошепталъ:—Барышня переодѣтая, что-ли?

Платокъ стоилъ пять рублей, такъ что дѣвушка со вздохомъ отошла, да и самъ Борына ея не задерживалъ. Она хотѣла отыскивать свою мать, но Борына просилъ ее сѣсть и подержать купленный имъ платокъ и еще что-то, завернутое въ бумагу, пока онъ провѣдаетъ Антка.—И онъ здѣсь?—спросила Ягна, причемъ глаза ея заблистали опять.—Онъ остался при возѣ, тамъ, за угломъ. И видя, что дѣвушка водила глазами по платку, Борына прибавилъ:

— Возьми это себѣ, Ягуся.

— Дарите? Въ самомъ дѣлѣ? Іисусе, прелесть какая!—воскликнула она, вынувъ изъ бумаги понравившуюся ей раньше ленту.—Да вы это смѣетесь надо мной,—за что же бы вамъ мнѣ дарить?.. Чисто вѣдь шолковые, какихъ денегъ стоютъ.

— Бери, Ягусь, это я для тебя купилъ. А вотъ, какъ придутъ къ тебѣ отъ какого хлопца съ водкой, такъ ты не отпивай... Чего тебѣ спѣшить!—И Борына пошелъ къ Антку.

Потомъ онъ зашелъ въ корчму, гдѣ засталъ зятя-кузнеца, и тотъ началъ приставать, когда же ему наконецъ будетъ выплата за женой, Борыниной дочерью.

— Сказано тебѣ, въ могилу съ собой не унесу, а раньше не выпущу ни одного морга.

— Они третьей жены для себя высматриваютъ,—замѣтилъ подвыпившій сосѣдъ,—а не то, что, напримѣръ, для дѣтей, того-сего.

— Должно быть, что такъ,—сказалъ кузнецъ.

— А захочу, то и женюсь. Запретишь ты мнѣ, что-ли?

— Запретить—не запрещу, а все же...

— Моя воля. Вотъ, захочу, такъ хоть завтра пошлю съ водкой.

— Ну, и посылайте!—смирился хитрый кузнецъ, видя, что ничего не подѣлаетъ.—А мнѣ хоть дайте того теленка, что у васъ остался по павшей коровѣ. У васъ свой разумъ есть, сами вѣдаете, что̀ для васъ лучше.—Не разъ я и женѣ своей говорилъ, что вамъ нужна хозяйка для порядка.

— Въ самомъ дѣлѣ, Михалъ, говорилъ ты ей?

— Да пусть я исповѣди святой не дождусь, если неправда.

— Ну, врать-то ты, шельмецъ, гораздъ, ажъ паръ отъ тебя идетъ. Но такъ и быть, добромъ просишь, приходи завтра за теленкомъ. А судиться со мной захочешь — сучокъ ломаный возьмешь или еще похуже того...

Продавъ на ярмаркѣ все пригнанное и привезенное, и купивъ, что̀ нужно, Борыновы дѣти сошлись съ нимъ въ корчмѣ. А старикъ, хотя скупъ былъ и надъ грошомъ дрожалъ, но такъ ихъ сегодня угостилъ и ѣдой, и питьемъ, да и добрымъ словомъ, что даже было удивительно. И ѣхали они домой ужъ къ ночи, ѣхали шибко, потому что пронималъ уже холодъ, да и подгулявшій Антекъ подстегивалъ коней, такъ что только комья и брызги летѣли въ стороны отъ разбухшей дороги.

Дожди шли постоянно, и передъ домами мокли бочки, назначенныя для капусты. Скоро все село занялось подсѣканьемъ и свозкой ея. Работала и Ягна съ братомъ, и промокла насквозь.

— Скорѣй, Шимекъ, торопись, вѣдь ночь! — Она и сама взваливала себѣ на спину огромныя торбы съ капустой и высыпала ихъ въ корзинки, выстланныя соломой.

— Остальное свеземъ завтра!—скомандовала она, и наполненная ихъ телѣга двинулась къ дому, мимо Ганки и Юзи Борыновыхъ, занятыхъ тѣмъ же.

Юзя пропищала Ягнѣ изъ тумана:—Слыхали, Ягна? Завтра Юзефовъ Валекъ посылаетъ сватовъ къ Марысѣ.

— Рано. Давно ли она коровъ пасла.

— Къ ней спѣшатъ, за ней морговъ сколько...

— Поспѣшатъ и къ тебѣ, Юзя.

— Да, если раньше тата не женится на третьей,—отозвалась откуда-то Ягустинка.

— Что̀ вы, что̀ вы!—сказала Ганка;—только что по веснѣ мать похоронили.

— А хлопу что̀? Каждый хлопъ—тотъ же боровъ; какъ бы нажравшись ни былъ, а къ новому корыту рыло таки воротитъ... Вотъ, хоть бы Сикора. Въ три недѣли по смерти первой, женился на другой.

— Такъ вѣдь тамъ было пятеро малыхъ ребятъ.

— Это вы такъ говорите... А не вѣрится, что онъ для дѣтей женился. Женился, просто потому, что скучно было одному подъ одѣяломъ... Хлопы—это тоже собачій народъ.

— А мы такъ отцу бы не позволили! — энергично заявила дѣвочка Юзя.

— Глупа ты еще... Отцова земля, отцова и воля.

— Однако и дѣти что-нибудь значатъ,—серьезно отозвалась Ганка:—у нихъ есть и свои права.

— Ну, ладно... Съ чужого-то воза слѣзай и средь мороза.

Ягна не вмѣшивалась въ этотъ разговоръ. Только усмѣхнулась про себя, вспомнивъ о ярмаркѣ.

Шимекъ возжами тронулъ лошадь впередъ.

— Мы также сейчасъ. Ягна! А придешь къ намъ обирать капусту?

— Хорошо, Юзя. Скажешь, когда будете.

— А въ воскресенье хлопцы устраиваютъ музыку у Клэмбовъ,—слышали?

— Знаю, Юзя.

Ганка, сказавши Ягнѣ на дорогу: „съ Богомъ“, прибавила:

— Антка съ телѣгой встрѣтите, такъ скажите, чтобы шелъ скорѣй. — Ягна пустилась бѣгомъ за своимъ возомъ, который зарывался въ мокрую землю по оси и колыхался на стороны, такъ что Шимку и Ягнѣ приходилось мѣстами подпирать его.

Но совсѣмъ уже трудно было въѣхать на гать, тѣмъ болѣе, что сильно стемнѣло. Братъ съ сестрой подталкивали, но съ передышкой, разъ даже едва только сдержали возъ, чтобы онъ не скатился назадъ.

— Вотъ, говорилъ я, не валите столько на одну лошадь!— послышалось спереди.

— Это вы, Антоній?

— Да, я.

— Торопитесь, васъ Ганка ждетъ. Только сперва намъ подмогите, очень тяжело.

— Дайте сойти, ишь темень какая.—Но когда Антекъ подперъ возъ, то лошадь прошла безъ остановки на самый верхъ гати.

— Заплати вамъ Богъ. Но и сильны же вы, Боже мой! — Ягна протянула ему руку. И оба замолкли. Возъ ѣхалъ далѣе, а они шли подлѣ, не зная, что сказать и точно въ смущеніи. Молчаніе прервала она:—Опять назадъ пойдете?

— Я провожу тебя, Ягусь, до мельницы,—тамъ на дорогѣ вода размыла яму... Будешь въ воскресенье на музыкѣ у Клэмбовъ?

— Развѣ мнѣ мать позволятъ...

— Приди, Ягусь, приди!—просилъ онъ тихимъ голосомъ.

— А вы хотите этого?—также сказала она и заглянула ему въ глаза.

— О, Боже, вѣдь для тебя я и уговорилъ Клэмба, чтобы

вечеринку устроить у него, нанялъ скрипача изъ Воли, все для того же?—шепталъ Антекъ.

Онъ такъ приблизился лицомъ къ ея лицу, что она встрепенулась и немножко отодвинулась отъ него.

— Идите ужъ себѣ... васъ ждутъ... да еще увидятъ насъ...

— А придешь?

— Приду... Приду,—повторила она, оглядываясь, но онъ уже исчезъ. По ней минутку прошла какъ бы дрожь, а сквозь сердце и мозгъ будто бы обожгло огнемъ. Безсознательно она развела руками, точно обхватить ими что̀ хотѣла, и такъ что-то ее мутило, что она безъ нужды стала сильно подталкивать возъ. А сама все еще видѣла его горѣвшіе глаза и лицо.

„Драконъ, будто, какой, да не хлопъ... Другого такого, кажется, и на всемъ свѣтѣ нѣтъ",—такъ думалось Ягусѣ.

Когда они дотащились наконецъ до дому, а Ягна переодѣлась и стала налаживать къ ужину, неожиданно вошелъ Ямброзій, старый повстанецъ, лишившійся ноги, а теперь сторожъ при костелѣ. И выпить онъ, при случаѣ, былъ не глупъ.

Онъ воздалъ хвалу Богу и повелъ разговоръ издали.

— Тошно мнѣ одному у себя сдѣлалось, вотъ и вышелъ дѣвицъ провѣдывать, да съ тебя, Ягуся, и началъ.

— Вашу-то дѣвицу Костюхой зовутъ.

— Нѣтъ, та тоже молодыхъ больше любитъ, а про меня забыла.

— Присядьте къ мискѣ, покушайте, что̀ есть,—пригласила мать Ягны, Доминикова вдова. Сыновья ея—Ендржей и Шимекъ—также сѣли за столъ. Рослые были ребята, подъ потолокъ хаты, но у старухи въ строгомъ состояли повиновеніи. Бывало, скамейку она подставитъ да за волосья и хватитъ, а то по рожѣ. Она ихъ и къ женскимъ работамъ приневоливала, которыя дѣвки дѣлаютъ. Все—чтобы свою Ягусю поберечь.

Послѣ ѣды Ямброзій закурилъ трубку, но дымъ пускалъ въ трубу, а самъ поглядывалъ на женщинъ.

— Сваты-то у васъ уже бывали?

— Не одинъ разъ.

— Прислалъ бы и еще кто-то, только что маленько они опасаются,—проговорилъ онъ въ полголоса.—Хозяинъ, какъ есть, на всю деревню и вдовецъ.

— Чужихъ дѣтей качать я не стану,—отвѣтила Ягна.

— Возрастныя, не бойся, Ягуся, возрастныя.

— На что ей старика?.. По ея лѣтамъ можетъ подождать и молодого, который понравится.

— Они могли бы и земли кусокъ отписать.

— А у Ягны и своей довольно,—возразила Доминикова вдова уже не совсѣмъ рѣшительно.

— Они, полагать надо, побольше бы ей отписали, чѣмъ бы получили за ней.

— Такъ вы говорите, таково ваше слово...

— Вѣстимо, не самъ я выдумалъ, не отъ себя и пришелъ.

Помолчали. Старуха лѣвой рукой вытягивала изъ кудели волокна льна, а правой пускала веретено, которое вертѣлось по полу и жужжало, какъ волчокъ.

— Ну, такъ какъ же? Присылать ему?

— Да о комъ говорите-то?

— Будто не знаете: о комъ же, какъ не о немъ?..— Ямброзій указалъ на свѣтъ въ окнахъ Борыны, видный за прудомъ.

— У него дѣти взрослыя, не скажутъ ей добраго слова, и опять же права у нихъ на свои части.

— Такъ вѣдь онъ изъ своего бы отписалъ... А хозяинъ какой... И въ себѣ крѣпокъ... мѣшокъ ржи на спинѣ тащитъ, вѣрно! Самъ я видѣлъ.

— Ты что же скажешь, Ягуся?—обратилась къ ней мать.

— А мнѣ все одно; прикажете, такъ и пойду... вашего ума это дѣло, не моего,—тихо проговорила она, приглядываясь къ огню. Ей и были всѣ равны, а только жутко подумалось о женатомъ Анткѣ.

— Такъ какъ же?

— Что-жъ, пускай, вѣдь и сговоръ еще не свадьба,—отвѣчала Доминикова вдова. Ямброзій всталъ и тотчасъ пошелъ къ Борынѣ.

Ягна сидѣла молча. А мать стала ей объяснять, что хочетъ только ей добра. Старъ-то Борына, старъ, зато уважать ее будетъ больше. А мать ужъ постарается, чтобы онъ на нее записалъ морговъ съ шесть.

— Да и пора тебѣ идти за хлопа, чтобы перестали на языкахъ-то тебя обносить по деревнѣ.

Но Ягна едвали и слышала родительскія слова. Ей что... Развѣ худо было и при матери? Чего ей было думать о моргахъ и записяхъ, да хотя бы и о мужѣ? Мало ли хлопцевъ за ней ухаживаютъ? Только махнуть, такъ всѣ прибѣгутъ... А если мать велитъ, то хотя и за Борыну; пожалуй и лучше другого... Вѣжливый, ленту ей и платокъ подарилъ... Но, конечно, подарилъ бы и Антекъ, и всякій другой, лишь бы деньги у него были.

Увядшія, почернѣвшія георгины, нагнутыя вѣтромъ, заглянули въ окно и привлекли ея вниманіе. Но продолжала она

смотрѣть не на нихъ и ни на что... Забыла обо всемъ, даже о себѣ самой, впала въ такое же безчувствіе, какъ сама земля родная въ темныя осеннія ночи. По правдѣ, и душа Ягуси была какъ эта земля: лежала въ глубинахъ никому невѣдомыхъ— велика и безсознательна, могуча и безъ воли, мертвенна, но безсмертна. И ее, какъ ту землю, охватывалъ любой порывъ вѣтра, кружилъ и несъ, куда хотѣлъ... И какъ землю весной будитъ теплое солнце, оплодотворяетъ жизнью, потрясаетъ желаніемъ, любовью—и она родитъ, потому что должна, живетъ, творитъ и губитъ—по велѣнію судьбы... Такъ и съ Ягниной душой—она была какъ та земля святая, какъ та земля.

III.

На другой день дочери и сыновья болѣе достаточныхъ хозяевъ сошлись у Борыны, чтобы обирать капусту. Было и нѣсколько старшихъ женщинъ, въ томъ числѣ Ягустинка. Былъ странникъ Рохъ, учившій дѣтей и всѣми уважаемый, добровольный посредникъ и ходатай по крестьянскимъ дѣламъ. Былъ Петрекъ, Рафаловъ сынъ, со скрипкой, и игралъ онъ разныя разности. Такъ пальцами перебиралъ и смычкомъ проводилъ по струнамъ, что пѣсня какъ бы сама выходила. Игралъ онъ напѣвы набожные, видимо для странника, а потомъ и простыя пѣсни, которыя распѣваются дѣвушками въ полѣ, хоть бы о Ясѣ, напримѣръ, какъ онъ на войну шелъ, пѣсни жалостливыя: отъ нихъ многихъ разбирало, а у Ягуси даже потекли слезы.

Но, вотъ, скрипачъ перешелъ на танцы, жарилъ отъ уха до уха залихватскія мазурки и обертасы такіе задорные, что дѣвушки едва не срывались съ мѣстъ, съ дрожью въ колѣняхъ, и помахивали рукой, хлопцы же притоптывали ногой въ ладъ съ музыкой, весело подпѣвая.

Вдругъ въ сѣняхъ жалобно завизжала собака, а потомъ завыла протяжно, такъ что все вокругъ замолчало. Рохъ бросился къ дверямъ, и скоро собака стала утихать. Оказалось, что кто-то, выходя, защемилъ ей хвостъ дверью. Рохъ поучалъ, что и пса обижать не слѣдуетъ, и разсказалъ по этому случаю былину, какъ въ то время, когда Господь Іисусъ еще ходилъ по землѣ и самъ правилъ своимъ народомъ, у него также была собака, и онъ не позволялъ мучить ее; и будто съ тѣхъ-то поръ собака и приласкалась къ людямъ, стала съ ними жить.

Уже подъ самый конецъ вечеринки къ Борынѣ вошли гминный

войтъ и сельскій солтысъ, которые обходили хаты, наказывая, чтобы завтра люди выходили на повинность—поправлять за мельницей дорогу, размытую дождями. Войдя въ горницу, войтъ развелъ руками и сказалъ:

— Ага, старый хрычъ, небось, что ни-на-есть первѣйшихъ дѣвокъ къ себѣ собралъ.

И сказалъ онъ вѣрно: все были дочери хозяйскія, родовыя — и приданницы. Да и какъ же бы иначе? Борына слылъ первымъ хозяиномъ на все село, такъ не созывать же ему было дѣвокъ служебныхъ, нахлѣбницъ или хотя бы такихъ, что вдесятеро съ братьями за одинъ коровій хвостъ держались.

Стали расходиться, благодаря за угощеніе, и Борына благодарилъ каждаго особо, а старшимъ женщинамъ отворялъ двери и провожалъ за двери. Такую минуту улучилъ Антекъ, накинулъ свитку и вышелъ потихоньку въ другую дверь. А Ягна возвращалась домой одна, онъ въ темнотѣ и высунулся изъ-за какого-то забора.

— Ягуся!—шепнулъ онъ.—Провожу тебя.—Онъ обернулся; темно было и звѣздъ не видно, вѣтеръ шумѣлъ деревьями. Онъ крѣпко ее обнялъ, и такъ, прижавшись другъ къ другу, они исчезли въ потемкахъ.

Между тѣмъ, въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, тѣ же войтъ и солтысъ, взявъ съ собой араку, пошли къ Доминиковой вдовѣ сватами отъ Борыны. А Борына остался поджидать ихъ въ корчмѣ.

Воздавъ хвалу Богу, сваты повели разговоръ, какъ водится, вокругъ да около, и будто зашли себѣ случайно. Потомъ перешли къ дѣлу. Сперва Доминикова вдова, по обычаю, отговаривалась, что Ягнѣ только девятнадцатый годъ пошелъ, могла бы она еще посидѣть у матери, и затѣмъ спросила, отъ кого они пришли, потому что о женихѣ не принято догадываться. А узнавъ, отъ кого, она стала его хулить, что старъ и вдовецъ, и что если онъ отойдетъ на тотъ свѣтъ, то дѣти мачиху выгонятъ. Но сваты подтвердили о записи, и, на усиленную просьбу войта, Ягна, наконецъ, отпила изъ рюмки, отвернувшись къ стѣнѣ, а остальное пролила на полъ. Тогда подана была закуска, и сваты стали приглашать всю семью въ корчму, гдѣ ихъ ожидалъ Борына.

Борына бросился обнимать и цѣловать ихъ, понявъ, что Ягна уже какъ бы его. Ей онъ сейчасъ отвѣсилъ поклонъ, а всѣхъ, кто былъ въ корчмѣ, сталъ угощать водкой, аракомъ и еще особой „эссенціей“, которую рекомендовалъ еврей-корчмарь. Не откладывая дѣла, Доминикова вдова уговорила Борыну

записать на Ягну шесть морговъ, потому что и за ней онъ возьметъ пять морговъ земли, да еще моргъ лѣса.

По нѣкоторомъ времени, всѣ они уже изрядно подвыпили. А Борына ходилъ какъ въ чаду, пилъ, угощалъ, упрашивалъ, говорилъ столько, какъ никогда, и часто подходилъ къ Ягусѣ со сладкими словами. Онъ гладилъ ее по щекамъ, потому что просто охватить ее за шею и цѣловать при всѣхъ было неприлично. Доминикова вдова съ Ягной вышли, и въ корчмѣ оставались уже одни мужчины, когда вошелъ туда мельникъ.

— Гуляете, хозяева! Ага, вотъ и войтъ, и солтысъ, и Борына. Свадьба, что-ли?

— Вродѣ того. Выпейте съ нами, пане мельникъ!—пригласилъ Борына. И они выпили всѣ еще одну очередь.

— Когда такъ, то скажу вамъ новость, отъ которой хмель съ васъ сразу соскочитъ... Не далѣе, какъ часъ назадъ, нашъ дѣдичъ (помѣщикъ) продалъ вырубку на Волчьихъ-Ямахъ.

— Охъ, мошенникъ, песъ плюгавый! Нашъ вырубъ продалъ!—крикнулъ Борына и въ ярости хватилъ бутылкой о полъ.

— Продалъ... продалъ...—бормоталъ пьяный Шимонъ.—Есть законъ и на дѣдича, и на всякаго, все же есть законъ.

— Да это неправда! Когда я, войтъ, увѣряю васъ, что неправда, вы ужъ мнѣ вѣрьте.—Но Борына сталъ бить кулакомъ по столу.

— Продать, онъ продалъ! А только-что мы—вотъ какъ Богъ на небѣ—взять не дадимъ! — Мельникъ вышелъ, а они еще до поздней ночи держали совѣтъ и выкрикивали угрозы „дѣдичу".

Вѣсть о сговорѣ стараго Борыны съ Ягной облетѣла село въ одинъ мигъ. Одинъ изъ сватовъ, войтъ, на другой день сказалъ своей женѣ, запретивъ впрочемъ ей разсказывать о томъ другимъ. Но она, разумѣется, тотчасъ забѣжала къ сосѣдкѣ за какой-то надобностью и сообщила. А тамъ ужъ, на бабьихъ языкахъ, извѣстіе пронеслось стрѣлой. Затѣмъ, въ воскресенье, состоялось и первое оглашеніе въ костелѣ. А наканунѣ Борына съ невѣстой и ея матерью ѣздили въ городъ, гдѣ у нотаріуса составленъ былъ актъ, которымъ на Ягну были отписаны шесть морговъ земли.

Дѣти Борыны были пришиблены этимъ происшествіемъ, кромѣ кузнеца, который недаромъ выпросилъ у Борыны теленка. Но сильнѣе всѣхъ былъ пораженъ Антекъ. Жаловался и онъ, вмѣстѣ съ другими, на отпись земли.—Мы, вотъ, съ женой, служимъ у него, почитай, что за работниковъ, а онъ землю даритъ чужой, кому попало. — Но еще хуже для него было нѣчто другое: —

Какъ же это, потерять ему Ягну! И кто ее беретъ — родной отецъ! Послѣ всего, что̀ было... Вѣдь это и грѣхъ смертный.

Мысль объ этомъ легла ему на душу тяжкимъ бременемъ. Ни о чемъ другомъ онъ и думать не могъ, не могъ и работать. Руки у него повисли по бокамъ, и ходилъ онъ какъ полоумный, тяжелыми шагами, усталый, не находя покоя, — ходилъ, самъ забывая, куда и зачѣмъ, не уклоняясь передъ мокрыми вѣтвями деревъ, которыя били ему по лицу.—Отцова она, Ягна, отцова!—повторялъ онъ себѣ втихомолку, точно молитву какую заучивалъ на память.

Сходилъ къ ксендзу, спросить совѣта. Но попалъ не во̀время. У ксендза, какъ разъ, заблудилась куда-то старая, слѣпая кобыла, и онъ тужилъ о ней, разославъ всѣхъ искать ее, да и Антка просилъ о томъ же. А впрочемъ, напомнилъ ему, что злиться на отца, или еще, не дай Богъ, возставать противъ него—грѣхъ великій, что у него самого, у Антка—жена и дѣти, и онъ долженъ думать о нихъ, долженъ на нихъ работать.

— Отцова она уже, отцова!—повторялъ себѣ Антоній.—А тоже и этотъ ксендзъ!... Нашелъ что̀ сказать; работать его учитъ... Самъ-то ничего не дѣлаетъ, ни горя, ни хлопотъ никакихъ у него не бываетъ, такъ легко ему другихъ погонять. О женѣ ему и дѣтяхъ напомнилъ... Не забылъ ее и самъ онъ, Антекъ; довольно ее видитъ; омерзѣло ему ужъ ея хныканье, и смиреніе это постылое, и ея нищенскіе, словно собачьи глаза... Не забылъ онъ ее, какъ же! Вотъ еслибы не она... Еслибы онъ былъ волёнъ!

Ходилъ онъ и къ кузнецу спрашивать, какъ тотъ думаетъ поступить. Но и кузнецъ совѣтовалъ ему не идти противъ отца, такъ какъ насильно ничего съ нимъ не сдѣлаешь, а лучше всѣмъ дѣтямъ собраться вмѣстѣ и напрямки переговорить съ отцомъ. Кузнецъ совѣтовалъ Антку, чтобы ни въ какомъ случаѣ не противиться женитьбѣ отца, такъ какъ это дѣло уже проигранное, а говорить имъ всѣмъ только о землѣ. Что̀ онъ на Ягну записалъ, то, пока живъ, онъ всегда и обратно къ себѣ отписать воленъ. А не захочетъ, такъ пусть всю остальную землю отпишетъ теперь же на Антка и на сестру его, кузнецову жену. Юзѣ и младшему брату Антка, Гржелѣ, солдату, они сами выплатятъ слѣдуемыя части. Кузнецъ напиралъ на то, что самой этой слабостью отца къ Ягнѣ и слѣдуетъ воспользоваться, чтобы Антку съ сестрой, женой кузнецовой, добыть формальное обѣщаніе, при свидѣтеляхъ, о передачѣ имъ остальной земли. А тамъ, если послѣ отецъ и упрется, такъ вѣдь судъ есть, было бы за что̀ уцѣпиться.

Все это Антекъ слушалъ недовѣрчиво.

Но когда кузнецъ прибавилъ, что Ягной пусть ужъ старикъ натѣшится, а такъ какъ съ Антеомъ Ягна дружитъ, то она и сама можетъ имъ помочь въ томъ, чтобы прибрать остальную землю, — это Антка окончательно взорвало. Онъ обругалъ зятя Іудой и воромъ, схватилъ косу и бросился на него, такъ что кузнецъ удралъ.

„Будь что̀ будетъ! — рѣшилъ Антоній, самъ съ собой: — а слѣдуетъ мнѣ имѣть разговоръ съ отцомъ на прямоту... Вотъ Іуда нашелся, цыганъ, этакая бестія, совѣтчикъ! А что переговорить съ отцомъ должно, это онъ сказалъ вѣрно“.

На другой день, рано утромъ, когда Борына осмотрѣлъ лошадей, коровъ, даже свиной хлѣвъ и, ругнувъ по-хозяйски работниковъ Кубу и Витка, вошелъ назадъ въ горницу, онъ засталъ тамъ и кузнецову жену, и прочихъ своихъ дѣтей, только самого кузнеца не было.

— Ладно!—замѣтилъ Борына, снимая кожухъ.—Всѣ какъ есть, словно на судъ собрались!

— Не на судъ, а съ просьбой къ вамъ, отецъ,—робко начала кузнечиха.—Вотъ о чемъ... Скажи ты, Антекъ... Мы вѣдь только насчетъ той записи...

— Запись уже сдѣлана, а въ воскресенье — свадьба, вотъ что̀ я вамъ скажу,—твердо отвѣчалъ Борына.

— Отписали вы цѣлыхъ шесть морговъ...

— Отписалъ; а захочу, сейчасъ отпишу ей же и всю остальную землю.

— Отпишете, когда вся она будетъ ваша!—возразилъ Антекъ.

— А теперь-то чья же она? Чья, говори!

— Дѣтская она, наша.

— Ну и баранъ же ты, какъ есть баранъ! Вся земля моя по закону, а ты мнѣ, что-ли, запретишь?

— И я, и всѣ мы... да и судъ вамъ не дастъ!—прикрикнулъ Антекъ, который уже терялъ силу надъ собой.

— Ты мнѣ судомъ грозишь, что̀? Судомъ! Прикуси языкъ, не то пожалѣешь!—закричалъ Борына, бросаясь къ сыну съ сжатымъ кулакомъ.

Тутъ Антковая жена, Ганка, поднялась на ноги и развела ихъ рѣзкимъ голосомъ:—А обижать мы себя не дадимъ!

— Ты чего? Три морга песку за собой принесла, да старую тряпку, а тоже языкъ распустила... Коли обижаю васъ,—пошли всѣ прочь—искать, гдѣ лучше!

— Никуда мы искать не пойдемъ,—громко произнесъ Ан-

текъ.—Искать намъ нечего, здѣсь—наше. Наше по дѣдамъ и прадѣдамъ!

Старикъ не отвѣтилъ ничего, только словно обжёгъ сына взглядомъ. Присѣлъ къ печи и, взявъ короткую кочергу, онъ такъ заворочалъ головнями, что разлетѣлись искры... Сдерживалъ, значитъ, себя.

Наступило молчаніе. Только Ганка слегка всхлипывала, покачивая заплакавшаго ребенка.—Женитесь, коли ваша воля, мы этому не противимся.

— А противьтесь себѣ,—очень мнѣ это важно!

— Только запись-то отберите назадъ,—проговорила Ганка сквозь слезы.

Борына метнулъ кочергой въ печь такъ, что головни выпали.—Молчать, дурища!

— Ну, что̀ записали, такъ записали,—вставила кузнецова жена,—а зато остальное ужъ запишите на насъ... Мы хотимъ только справедливости.

— Вотъ какъ возьму я палку, такъ и дамъ вамъ справедливость.

— Попробуйте,—возразилъ Антекъ,—тогда и свадьбы своей не дождетесь.

И поднялся въ горницѣ общій крикъ, причемъ Антекъ подходилъ къ отцу и хваталъ его то за руку, то за одёжу; но Борына избѣгалъ драки, чтобы не послужить потѣхой сосѣдямъ. Женщины ревѣли, дѣти малыя также, а Ганка громко завопила рѣзкимъ, плаксивымъ голосомъ:

— По-міру намъ идти, по-міру... И за что̀? Мы ли не работали на васъ дни и ночи, какъ паробки,—накажи васъ Богъ... Цѣлыхъ шесть морговъ... А бусы-то, а одёжа по матери,—кому пойдетъ все это? Свиньѣ этакой... А, чтобъ она издохла подъ заборомъ, сволочь, потаскуха подлая...

— Какъ ты сказала?!—Борына подскочилъ къ Ганкѣ:—Молчать, а не то...—Онъ сталъ трясти ее.

Но Антекъ загородилъ ее собой и началъ самъ кричать:

— И я подтвержу, что потаскуха она, сволочь! А спалъ съ ней кто только хотѣлъ... И я самъ!—прибавилъ онъ, почти потерявъ сознаніе. И еще хотѣлъ продолжать. Но отецъ, выведенный наконецъ изъ себя, такъ его хватилъ съ размаха по лицу, что онъ ударился головой въ шкапикъ съ полустеклянной дверцой и вмѣстѣ со шкапомъ повалился на полъ. Онъ всталъ въ крови и бросился на отца. Они схватились, какъ дикіе звѣри, и кружились по горницѣ, толкали другъ друга изо всей силы, били

другъ друга о кровать, объ стѣны, объ сундуки, только головы ихъ стучали. Крикъ еще усилился, женщины бросились ихъ разнимать. Но отецъ съ сыномъ повалились на полъ и тутъ вертѣлись, давили, душили другъ друга.

Наконецъ сбѣжались сосѣди и оторвали, отгородили ихъ одного отъ другого. Антка перенесли въ комнату по той сторонѣ двора и обливали водой, такъ какъ онъ ослабъ отъ усталости и потери крови. На лицѣ его были порѣзы отъ стекла. А у стараго Борыны только потрепана была куртка и на лицѣ виднѣлись ссадины. Онъ тотчасъ всѣхъ выслалъ изъ горницы, а на слѣдующее утро рано зашелъ на другую половину дома, гдѣ помѣщались Антекъ съ женой:

— Убираться вонъ, въ одинъ мигъ, изъ хаты! — крикнулъ онъ. — Чтобъ духа отъ васъ не осталось. Хочешь суда, жалуйся! Что ты посѣялъ, то лѣтомъ сожнешь, а теперь — вонъ отсюда! Слышишь! — прибавилъ Борына, такъ какъ Антекъ, съ обвязаннымъ тряпкой лицомъ, поднялся съ кровати, но ничего не отвѣтилъ. — Чтобы до полудня васъ тутъ уже не было! — закричалъ Борына, выходя въ сѣни. Антекъ и на это не отозвался ни однимъ словомъ.

Онъ занялъ лошадь у Клэмба, — отцовской онъ запрягать не хотѣлъ, — положилъ на повозку свои вещи и повелъ возъ, подпирая его, чтобы не упало что-нибудь. Ганка, плача, шла за возомъ, держа на рукахъ грудного ребенка, а старшій шелъ за ней, держась рукой за куцавейку матери. Ганка гнала передъ собой двухъ своихъ коровъ, двухъ поросятъ, нѣсколько гусей и по временамъ такъ ревѣла и вмѣстѣ проклинала, что по сторонамъ собирались люди и даже шли за ними, точно на процессіи.

Вдругъ со двора выскочила собака и также погналась за ними, подобравъ хвостъ.

— И Лапа ушелъ съ ними, — сказала отцу плакавшая Юзя.

— Прибѣжитъ назадъ, не бойся, когда тамъ проголодается. Полно ревѣть, дура. Пойди, прибери, замети на той половинѣ, — тамъ Рохъ будетъ съ нами жить. Позови Ягустинку, она тебѣ поможетъ... И хозяйствомъ займись, ты хозяйка теперь... Ну, ладно, не реви же. — Отецъ положилъ ей на голову свои руки и сталъ ее гладить, прижималъ ее къ себѣ и голубилъ. — Вотъ, поѣду въ городъ, башмаки тебѣ куплю.

— Купите, татуся, въ самомъ дѣлѣ купите?

— Куплю, куплю и еще что-нибудь, только будь доброй дочкой и по хозяйству старайся, какъ слѣдуетъ... Теперь все на тебѣ...

Юзя вытерла глаза и повеселѣла.

— Такъ вы мнѣ уже и на кафтаникъ купите, на такой, знаете, какъ у Настуси Голэмбянки.

— Хорошо, дочка, куплю...

— И лентъ... Только этакихъ, знаете, длинныхъ, а то у меня ничего не будетъ на вашу свадьбу.

— Все, что тебѣ требуется, ты скажи, и получишь все.

IV.

Пришла зима. Спустилась на землю такая тишина, что ни одинъ листокъ не дрожалъ, ни одинъ звукъ не пробивался сквозь сыпавшійся съ неба пухъ. Будто подъ нимъ все замолчало, заглохло, онѣмѣло, точно передъ какимъ невиданнымъ чудомъ, и молча созерцало тихій полетъ снѣга, эту мертвую бѣлизну, что безконечно опускалась книзу и падала, падала...

Такъ шелъ снѣгъ кряду два дня и двѣ ночи и сразу завалилъ стѣны хатъ, даже загородки совсѣмъ покрылъ. Въ хатѣ Ганкина отца, куда переселился Антекъ съ своей семьей, было сыро и холодно. Отецъ обѣднѣлъ и остался безъ вліянія въ домѣ. Убогое хозяйство взяли въ руки Вероника и мужъ ея Стахъ. И Анткова семья тотчасъ начала испытывать нужду. Вотъ, прошло уже три недѣли, какъ отецъ ихъ выгналъ изъ своего дома, а уже приходилось продавать одну изъ коровъ. Антекъ не брался за работу, а все сидѣлъ, курилъ и молча глядѣлъ куда-то. Давно уже отпраздновали Борынину свадьбу, отпраздновали на славу, съ плясками, пѣніемъ, угощеніемъ всѣхъ знатнѣйшихъ въ селѣ, съ торжественными „переносинами“ движимаго имущества молодой къ мужу и проводомъ ея самой.

А Антекъ даже не искалъ работы. Горько плакала Ганка, когда евреи уводили ея корову за сорокъ рублей, но нечего было дѣлать: нужда докучала, было холодно, дѣтей надо было пожалѣть. Работу Антку предлагали, но онъ былъ гордъ; не хотѣлъ работать у органиста, который самъ у людей побирается, а почитаетъ себя выше хозяевъ и сына готовитъ въ ксендзы. Но не хотѣлъ также работать и у кого-либо изъ хозяевъ-односельцевъ, потому что видѣлъ кругомъ общее осужденіе своей ссоры съ отцомъ.

Напрашиваться къ сосѣдямъ онъ не будетъ, но и избѣгать ихъ не станетъ, и дороги имъ нигдѣ не уступитъ. За что? Что онъ подрался съ отцомъ? Велика важность, развѣ этого не бы-

ваетъ? Нѣтъ, одному только ему вышла такая судьба! На кого Господь, на того и всѣ святые. Стариково это дѣло, стариково, но и отплатитъ же онъ ему!

Разъ собрался-было Антекъ идти въ міръ, искать работы, но, какъ нарочно, на дорогѣ встрѣтилъ отца, ѣхавшаго съ Ягной въ саняхъ. Она и Антекъ на мгновеніе впились другъ въ друга глазами, и сани проѣхали. Образъ ея подошелъ Антку подъ самое сердце. Онъ свороти́лъ къ корчмѣ и потребовалъ водки, усѣлся въ темномъ углу, и видѣлъ передъ собою только темно-голубые глаза, какъ васильки во льну. А смотрѣли они испуганно и жалобно, удивленно, но и радостно, горѣли живымъ огнемъ и насквозь проникали его душу. Долго и много пилъ Антоній, а все ихъ видѣлъ передъ собой, тѣ глаза... Не заплативъ денегъ и оттолкнувъ еврея, онъ вернулся въ избу.

Наконецъ, Ганка выпросила ему работу на лѣсопильнѣ у мельника, по три злотыхъ на день. Выпросила, но мужу сказала, что мельникъ самъ предложилъ. Антекъ, когда хотѣлъ, то работалъ дюже, силачъ былъ и ко всему способный. Скоро мельникъ поставилъ его десятникомъ, а Антекъ выторговалъ за это четыре злотыхъ въ день и обѣдъ на работѣ.

Но и Ягнѣ—хотя она жила въ изобиліи, а старикъ, какъ говорится, свѣта изъ-за нея не видѣлъ и, оставаясь жесткимъ, требовательнымъ для всѣхъ, ей во всемъ уступалъ—все-таки было не по себѣ. Любовное приставанье только сердило ее, и она на всѣхъ огрызалась, работу сваливала на мать, на Юзю и на мужа, котораго часто провожала рѣзкимъ словомъ. Уже три мѣсяца она не видѣла Антка, котораго на свадьбѣ, разумѣется, не было. А тутъ кто-то, въ разговорѣ, случайно упомянулъ, что у Антка—нужда, дѣти болѣютъ, а самъ онъ такъ изъ себя перемѣнился, похудѣлъ, что его не узнать.

Когда ей случалось оставаться одной—а она искала такихъ случаевъ—Антекъ, какъ живой, являлся передъ ней, только исхудалый, печальный и съ укоромъ въ глазахъ.—„Ничѣмъ я передъ тобой не виновата, ничѣмъ, такъ зачѣмъ ты становишься передо мной, какъ душа на покаяніи, и страшишь, словно привидѣніе?“—И почему не являлись ей такъ ни Матеушъ, ни Стахъ, никто другой изъ тѣхъ, кто прежде ухаживали за ней? Удивительно это ей было—почему онъ одинъ, Антекъ?

„Что онъ тамъ, бѣдняга, дѣлаетъ? что думаетъ? Поговорить съ нимъ нельзя... да и не должно. Въ самомъ дѣлѣ, не должно, Іисусе дорогой, вѣдь это былъ бы грѣхъ великій, смертный грѣхъ... Такъ и ксендзъ на исповѣди сказывалъ... Хотя... почему бы и

не поговорить разочекъ, пусть и при свидѣтеляхъ, пусть... А то ужъ ни сегодня, ни завтра и никогда! Борыны она,—Борыны жена, на вѣки вѣковъ, аминь".

И такъ зима дошла до Рождества. Вотъ заблистала и виѳлеемская звѣзда, за которой шли три восточныхъ царя.

Борынова семья сѣла за ужинъ, самъ Борына, Доминика вдова съ сыновьями, странникъ Рохъ, работникъ Петрекъ, Витекъ рядомъ съ Юзей, а Ягна присаживалась только по временамъ, заботясь по хозяйству. Ужинъ былъ постный: борщъ съ грибами и картофелемъ, селедки, вываленныя въ мукѣ и жаренныя на конопляномъ маслѣ, клёцки изъ пшенной крупы съ макомъ, а за ними капуста съ грибами, осдобленная тѣмъ же масломъ. Подъ конецъ подала имъ Ягна прямое уже лакомство—блинчики изъ гречневой муки, тертой съ медомъ, поджаренные на маковомъ маслѣ. Хлѣбъ ѣли простой, не трогая приготовленныхъ на праздникъ лепешекъ и сдобной булки—струцли, такъ какъ сочельникъ—день строгаго поста, когда запрещено даже и то, что дѣлается на молокѣ.

Но передъ самымъ приступомъ къ кушаньямъ всѣ они ломали другъ съ другомъ и съѣдали кусочки облатокъ—твердыхъ и прозрачныхъ листковъ освященнаго опрѣснока, носившихъ на себѣ изображенія креста и Христова имени. Послѣ ужина Рохъ читалъ имъ изъ книги о рожденіи младенца-Спасителя, о ясляхъ, о звѣздѣ, объ ангелахъ и о восточныхъ царяхъ, пришедшихъ на поклоненіе. А къ чтенію онъ прибавлялъ еще и свои слова, съ жалобами нараспѣвъ, о томъ, что божественному Дитятку пришлось родиться въ такой нуждѣ и униженіи, среди жидовъ, еретиковъ жестокихъ, родиться въ хлѣвѣ, въ такой морозъ! Юзя громко расплакалась надъ такой долею сладчайшаго Младенца, да и у Ягны потекли слезы. Потомъ вдова Доминика сказала:

— Витекъ, зажги фонарь, въ коровникъ пойдемъ. Въ эту рождественскую ночь и скотина каждая понимаетъ человѣческое слово и сама можетъ отозваться людскимъ голосомъ, если къ ней проговоритъ человѣкъ безгрѣшный; вѣдь между ними родился Господь, и сегодня животныя эти равны людямъ и съ нами могутъ чувствовать. Мы должны пойти къ нимъ и подѣлиться съ ними облатками.

Обязанность эта падала на Ягну, какъ на хозяйку дома. Ягна раздѣлила одну облатку на пять частей и, наклоняясь надъ каждой изъ лежавшихъ въ хлѣвѣ коровъ, крестила ее между рогами и всовывала имъ по кусочку въ ротъ на ихъ широкіе, жесткіе языки. Коровъ это оберегаетъ отъ болѣзней и прибавляетъ имъ

молока. Но доить ихъ нельзя завтра поутру, — только вечеромъ.

— А лошадкамъ, что-жъ, не дадите?—спросила Юзка.

— Не было ихъ въ ту пору при рожденіи Господнемъ, такъ имъ и нельзя.

Когда онѣ возвратились, Рохъ сталъ читать другую набожную былину. Но Витекъ, который въ первый разъ въ жизни понялъ, почему коровамъ дается въ эту ночь облатка, поманилъ съ собой Юзку, и оба они пошли къ коровамъ, послушать, не проговорятъ ли онѣ.

Витекъ наклонился надъ одной и не безъ дрожи прошепталъ ей въ самое ухо:—„Сивýша, Сивýша!"—Но она не произнесла ни одного слова, а только порыгивала и жевала губами.

— Ей, можетъ быть, не дано.—И оба они присѣли подлѣ другой.—Пѣгушка, а Пѣгушка! — воззвалъ къ ней Витекъ, и наклонивъ ухо къ ея мордѣ, они прислушивались, сдерживая дыханіе. Но опять ни слова не услышали.

— Такъ, вѣрно, это мы грѣшны,—сказала Юзя.—Онѣ отвѣчаютъ тому, кто безъ грѣха. — Имъ стало жалко себя, и они признались себѣ въ своихъ грѣхахъ, а потомъ шмыгнули опять въ горницу, гдѣ никто не замѣтилъ ихъ отсутствія.

Въ то же время вошелъ и переодѣвшійся, чтобы идти въ костелъ, работникъ Петрекъ. Онъ недавно вернулся изъ солдатчины и все донашивалъ свою шинель. А люди удивлялись, какимъ онъ сталъ говорить страннымъ языкомъ, — „будто и по нашему, а словно не-божья тварь, такъ что иной разъ и не уразумѣешь".

На праздникъ Янка приготовила ему крестьянское облаченіе и всѣ ахнули, когда онъ вошелъ.

— Смѣялись надо мной, буркомъ называли, вотъ я и переодѣлся!—весело сказалъ Петрекъ.

— Говоръ-то свой перемѣни, а не то что одёжу.

— Пробылъ пять лѣтъ на далекомъ свѣтѣ, не диво.

Вдругъ услышали далекій, но внятный звонъ колокола.—На пастэрку [1]) звонятъ, пора собираться.—И скоро всѣ они пошли въ костелъ, оставя стеречь домъ одну Ягустинку.

Ночь была морозная, звѣздная, синеватая. А маленькій колоколъ все звонилъ, чиликалъ, подобно птичкѣ, созывая людей. И люди шли отовсюду, изъ окрестныхъ селъ и деревень, шли то въ разбродъ, а то и толпами, такъ что слышно было топанье ногъ, раздававшееся по сухому воздуху. Кто могъ—шли всѣ, по

[1]) Полунощная месса на Рождество Христово.

домамъ остались только больные или калѣки, или совсѣмъ уже дряхлые.

Издали уже видны были горѣвшія жаромъ окна костела и главный входъ, раскрытый настежъ, изъ котораго также билъ сильный свѣтъ. И народъ наплывалъ туда, наполняя внутренность храма, украшенную елками, точно лѣсъ выросъ въ костелѣ, отражался на побѣленныхъ стѣнахъ, обросталъ алтарь, подымался и изъ-за скамей, шелъ кверху, чуть не до сводовъ и колыхался подъ напоромъ притекавшей людской толпы.

Наконецъ, костелъ наполнился биткомъ, а кто приходилъ послѣ, оставался уже за дверями, на морозѣ и молился оттуда. Ксендзъ вышелъ на первую мессу, и съ органа раздались густые, но тихіе и столь задушевные звуки, что они сразу пробирали насквозь. Порой ксендзъ оборачивался къ народу, а то снова къ алтарю; то вздымалъ руки, произнося латинскія молитвы. А въ народѣ нѣкоторые также простирали руки къ алтарю; иные глубоко вздыхали и молились усердно.

Когда месса кончилась, ксендзъ взобрался на амвонъ и долго поучалъ объ этомъ святомъ днѣ, остерегалъ отъ зла, руками встряхивалъ, грозилъ, пробиралъ словомъ, такъ что иные ударяли себя въ грудь или просто призадумывались, а кто помягче, особливо женщины—и до слезъ доходилъ.

Только передъ второй мессой, когда уже народъ былъ чувствительно растроганъ, по случаю такого дня, органъ ударилъ снова съ силой, а ксендзъ началъ гимнъ стихомъ:

Въ ясляхъ лежитъ, кто-жъ побѣжитъ...

Тогда народъ заколебался, весь поднялся съ колѣнъ и сразу подхватилъ согласнымъ гуломъ:

Колендовать малому,
Іисусу, Христу,
Днесь намъ нарожденному...

И такъ всѣ слились душою, вѣрой и голосами, что раздавался точно одинъ голосъ и гудѣлъ огромной пѣсней, которая вырывалась и неслась въ высоту.

Ягна молилась по книжкѣ и не глядѣла по сторонамъ, уже потому, что ея восковая свѣчка едва освѣщала страницы, да и вѣтви загораживали народъ. Только при возношеніи, когда она, опустившись на колѣни и ударяя себѣ въ грудь, наклонила голову, то почему-то взглянула въ бокъ... И въ ней замерло сердце: ей будто привидѣлось, что рядомъ съ ней, опустивъ голову ниже ея, стоялъ на колѣняхъ Антекъ.

Долго она не имѣла духа подняться, но наконецъ сѣла на скамью и прямо посмотрѣла туда... Да, это былъ Антекъ, только исхудавшій совсѣмъ, и въ потертомъ сукманѣ. Но глаза его, эти большіе, гордые и задорные глаза, глядѣли на нее такъ сладко и такъ жалостливо, что по ней прошла дрожь, а на глазахъ навернулись слезы.

Страхъ, радость, любовь, воспоминанія, обѣщанія разгорались въ нихъ обоихъ, шли изъ сердца въ сердце, жгли ихъ однимъ огнемъ. Антекъ приблизился къ ней еще и, стоя на колѣняхъ, уперся локтемъ въ ея колѣно. А когда Ягна преклонила колѣни, онъ шепнулъ ей горячими губами въ самое ухо:

— Ягуся, Ягуся! — И, наклонясь въ другой разъ, прибавилъ: — Выдь за навѣсъ... Буду ждать каждый вечеръ... Ты не бойся... Поговорить мнѣ спѣшно съ тобой... Выдь...

Ягна ничего не отвѣтила, но на страстный шопотъ Антка сердце ея забилось такъ, что сосѣди на скамьѣ могли услышать... Она и себѣ не отвѣчала на просьбу милаго, но, не сознавая того сама, чуть-чуть привстала со скамьи, словно чтобъ бѣжать сейчасъ туда, за навѣсъ...

А Антекъ, незамѣтно выйдя изъ костела, постоялъ на морозѣ, освѣжился и почувствовалъ въ себѣ такую радость, такой вихрь силы, что для него стало вдругъ неслышнымъ набожное пѣніе и какъ бы пересталъ существовать весь свѣтъ. Онъ схватилъ горсть снѣгу, съ жадностью глоталъ его и вдругъ пустился бѣжать, перескочилъ низкую стѣнку ограды и понесся на поля.

Борына всячески угождалъ молодой женѣ и не неволилъ ее ни къ какой работѣ. Что она приказывала, то и дѣлалось въ домѣ. Старикъ, скупой и строгій ко всѣмъ, сталъ ей уступать, въ чемъ только она хотѣла. Такъ что Ягна повадилась прикрикивать иной разъ и на него самого. А ужъ Юзю, Петрека и Витка она муштровала постоянно.

Вотъ, раскричалась она на нихъ, такъ что даже Борына сталъ ее успокаивать.

— Что съ тобой, Ягуся, чего ты? — И онъ погладилъ ее по щекѣ.

Но она грубо его оттолкнула.

— Ничего мнѣ!.. А вы бы не приставали... Нѣжится при людяхъ! — И думала она со злостью, что этакой старикашка, а тоже лѣзетъ. Въ первый разъ Ягна почувствовала прямо отвращеніе къ мужу, почти-что ненависть. А Борына, въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время вдругъ постарѣлъ, сталъ горбиться и даже иногда руки у него тряслись.

Сѣнной навѣсъ, о которомъ ей говорилъ Антекъ, стоялъ недалеко, черезъ дорогу, въ полѣ. Это было любимое мѣсто воробьевъ, которые скакали и чиликали на крышѣ навѣса и цѣлыми кучками влетали въ продѣланную въ сѣнѣ большую дыру. А продѣлалъ эту дыру работникъ, которому было лѣнь влѣзать каждый разъ по лѣстницѣ и сбрасывать сѣно сверху. Мало-помалу и образовалось широкое отверстіе, которымъ можно было пролѣзть въ самую глубь навѣса.

Каждый вечеръ Ягну брали и страхъ, и томленіе при мысли, что Антекъ теперь, вѣрно, тамъ—за навѣсомъ. Однажды, когда Борына, узнавъ, что евреи уже приступили къ рубкѣ лѣса на Волчьихъ-Ямахъ, собирался ѣхать съ жалобой къ коммиссару по крестьянскимъ дѣламъ и велѣлъ ожидать себя только подъ-вечеръ, ей пришло въ голову, что сегодня, можетъ быть, и выйти бы туда. Однако страхъ овладѣлъ ею, и она упросила мужа взять ее съ собой.

Въ Липцахъ весь народъ былъ согласенъ въ томъ, чтобы рубки на Волчьихъ-Ямахъ не допускать, такъ какъ крестьянамъ принадлежалъ тамъ сервитутъ. А землевладѣлецъ, не обративъ вниманія на доводы крестьянъ и заявивъ имъ, что лѣсъ онъ и тамъ воленъ рубить по закону, разсердился на липчанъ и рѣшилъ никого изъ нихъ не нанимать для свозки лѣса, вообще, гдѣ бы порубка у него ни производилась. Для слабыхъ хозяевъ это было чувствительной потерей, такъ какъ никакихъ заработковъ зимой не имѣлось. Борына, конечно, не нуждался въ этомъ, но и ему все-таки досадно было потерять нѣсколько десятковъ рублей, которые онъ могъ бы заработать своими лошадьми на свозкѣ лѣса. Лошадей все равно надо было кормить и работника держать.

Къ этому времени назначено было въ гминномъ судѣ дѣло по иску Борыны къ тому же „дѣдичу“ за падёжъ тельной коровы, которая была загнана полѣсовщикомъ и надорвалась. Къ Борынѣ пріѣхалъ войтъ съ повѣсткой отъ суда на завтра, и кстати сталъ его уговаривать, чтобы онъ не противился рубкѣ лѣса, а лучше вступилъ бы въ компанію съ нимъ, войтомъ, и съ мельникомъ, по свозкѣ лѣса. Войтъ увѣрялъ его, что въ такомъ случаѣ и дѣло въ судѣ, по иску за корову, можетъ наладиться въ его пользу, потому что „дѣдичъ“ не станетъ упираться изъ-за мелочи. Борына согласился, а самъ про себя держалъ въ умѣ, что уплата за корову и свозка дерева, на которой можно была хорошо заработать, это—одна статья, а рубка лѣса на Волчьихъ-Ямахъ—другая статья; что пустяками его не подкупятъ и отъ обороны

крестьянскаго права онъ не отступится, вмѣстѣ съ войтомъ, этимъ панскимъ холуемъ и съ ростовщикомъ-мельникомъ. Нѣтъ, это ужъ—держи карманъ; онъ, Борына, стоять будетъ за народъ.

Покончивъ съ войтомъ, онъ въ веселомъ расположеніи пошелъ къ женѣ, предварить ее, что завтра поѣдетъ въ судъ. Но долго нигдѣ не находилъ Ягны. Ему сказали, что она пошла кормить свиней. Однако ея не было ни въ хлѣвѣ, ни въ конюшнѣ, ни въ коровникѣ. Наконецъ, проходя дворъ, онъ замѣтилъ тѣнь, проскользнувшую сквозь пролазъ въ изгороди.

— Гдѣ жъ ты это была?—крикнулъ онъ на Ягну, почувствовавъ подозрѣніе. Она сперва испугалась, но потомъ отвѣтила насмѣшливо:

— А была гдѣ-нибудь! Подите по вѣтру, можетъ, и найдете.

Но когда они уже укладывались спать, Борына проговорилъ уже примирительно:

— У Клэмбовъ опять вечерница съ музыкой, пойдешь?

— Если не запретите, такъ мы съ Юзкой пойдемъ.

— Хочешь, я не задержу... А мнѣ въ судъ ѣхать надо, домъ останется на божьемъ промыслѣ; лучше бы тебѣ посидѣть дома.

— Неужто вы не вернетесь до сумерекъ?

— Развѣ что поздно ночью, должно быть; далеко, не успѣю... А ужъ очень хочется, такъ иди себѣ, я запрету не кладу.

V.

Было холодное зимнее утро, когда Борына пустился въ дорогу. Не такъ донималъ морозъ, какъ вѣтеръ, который не мѣшалъ идти мелкому, но сухому и жесткому снѣгу, похожему на недомолотую крупу и сѣкшему людей въ лицо. Несмотря на докучливую погоду, бѣдные люди около полудня пошли въ лѣсъ за хворостомъ, такъ какъ запаса топлива они не имѣли, потому что имъ нечѣмъ было возить его, и приходилось таскать на себѣ. Пошла и Ганка со своимъ отцомъ, старымъ Былицей, и съ нѣсколькими безземельными крестьянами. По полямъ била и крутилась метель. Но въ лѣсъ она пробивалась только порывами...

Лѣсъ былъ могучій, большой, высокорослый, густой. Сосна стояла при соснѣ, однѣ ели располагались шире. Въ лѣсу снѣгъ уже не билъ, но валилъ ровно и густо, такъ что за входившими людьми скоро не оставалось и слѣдовъ. Тихо было въ самомъ нутрѣ лѣса и темновато, потому и день-то былъ хмурый.

Порою слышалось, однако, какъ вѣтеръ ломился въ лѣсъ, взывая издали. Но потомъ и затихалъ, словно уставши, а въ самую гущу прорваться онъ не могъ. Въ такіе тихіе перерывы слышались издали отзвуки глухого учащеннаго гула.

— Лѣсъ рубятъ на Волчьихъ-Ямахъ, — сказалъ Былица и, наклонившись ухомъ къ землѣ, прибавилъ:—Густо валится.

Натерпѣлись бѣдные люди и холода, и усталости тащить на спинѣ тяжелыя вязанки хвороста, который концами ударялся о стволы или упирался въ гущѣ и не давалъ пройти, да еще больно кололъ въ спину. Ганка разошлась съ отцомъ, когда они сбились съ дороги, и спѣшила изо всѣхъ силъ, чтобы выйти изъ лѣса, пока не совсѣмъ стемнѣло. Но уже на придорожной полянкѣ ее такъ осилила метель, что она теряла надежду донести вязанку. Съ плачемъ, проклиная Ягну, въ которой она видѣла причину своей злой доли, и напрягая послѣднія силы, тащилась бѣдная женщина и вдругъ услыхала приближавшееся сзади побрякиванье бубенцовъ.

Ее догналъ возвращавшійся съ суда, съ Виткомъ и Ямброзіемъ, Борына. Ѣхали они тихо, такъ какъ снѣга мѣстами навалило груды, и громко калякали, посмѣиваясь. Знать, были навеселѣ. Ганка посторонилась съ дороги и насунула головной платокъ на глаза. Однако Борына узналъ ее.

— Свали дерево въ кузовъ за санями и присядь, подвезу.— Ганка такъ привыкла прежде безпрекословно слушаться свекра, что тотчасъ исполнила его приказъ.—А отца твоего мы нашли подъ деревомъ; старикъ сидѣлъ и плакалъ. Его везетъ Бортекъ за нами.

Борына присмотрѣлся къ снохѣ. Исхудалая, съ лицомъ синимъ, съ бѣлыми пятнами на щекахъ отъ мороза, съ красными отъ слезъ вѣками, дрожавшая отъ стужи... Нельзя было смотрѣть на нее безъ жалости. А Борынѣ еще было извѣстно, что она беременна.

— Чего жъ ты, въ экую-то пору—въ лѣсъ?

— А кто же за меня пойдетъ?.. Дровъ не стало... варить не на чемъ.

— А хлопцы твои здоровы?

Тогда Ганка разсказала ему, какъ одинъ изъ нихъ былъ боленъ и, уже сдвинувъ платокъ съ лица, говорила смѣло, отвѣчала на всѣ разспросы свекра ясно и твердо, безъ прежней робости, но и безъ хныканья, ровно бы чужому и не о себѣ сказывала, точно чувство въ ней все уже замерло. Борына удивлялся; такою онъ Ганки не видалъ.

— Вижу, перемѣнилась ты.

— Перекуетъ бѣда человѣка лучше, чѣмъ кузнецъ желѣзо...

На это Борына не нашелся, что отвѣтить. Они заѣхали въ корчму выпить и обогрѣться, потомъ Борына довезъ сноху до дома ея отца.

— А заходи когда ко мнѣ, хоть бы и завтра... Вижу, дѣло-то ваше дрянь: твой негодяй все пропиваетъ, а тебѣ съ дѣтьми голодать, видно, пришлось.

— Выгнали вы насъ, какъ же бы я смѣла приходить?

— Не твое, дура, дѣло; сказано тебѣ, заходи; найдется что и для тебя.

— Заплати вамъ Богъ! Приказываете, такъ приду.

Послѣ этого Ганка и стала хаживать въ домъ къ Борынѣ и приносила оттуда разные припасы. Увидя это въ первый разъ, Антекъ раскричался на жену и велѣлъ ей тотчасъ все нести назадъ къ отцу. Но Ганка уперлась; хоть убей ее мужъ, она будетъ стоять за своихъ дѣтей, не дастъ имъ умирать съ голоду.

А въ тотъ вечеръ, когда Борына вывезъ изъ лѣса Ганку и ея отца, а самъ зашелъ въ корчму въ своемъ селѣ, отославъ лошадей домой, у Клэмбовъ шла веселая вечерница, гдѣ сошлась молодежь изъ достаточныхъ крестьянскихъ домовъ, да и изъ пожилыхъ нѣкоторые, особенно изъ женскаго пола. Иныя женщины принесли съ собой веретена и пряли, слушая музыку или былины, а то и сказки. На дворѣ была февральская метель, а въ свѣтлой горницѣ было даже жарко отъ народу. И сказывали хорошо, особливо Рохъ: о королѣ великомъ, какъ онъ любилъ крестьянъ, о пресвятой дѣвицѣ, какъ она спасла душу грѣшника и покарала жаднаго ксендза. И другіе, кромѣ Роха, сказывали. Ягна съ Юзей были съ самаго начала, а подъ конецъ вошелъ и Антекъ, чего никто, кромѣ Ягны, не замѣтилъ, потому что Валентова жена очень ужъ интересную повела сказку о заколдованной королевнѣ, такъ что даже и веретена журчать перестали.

Вошелъ кто-то и сказалъ, что видѣлъ въ корчмѣ Борыну; вернулся онъ изъ суда и подкрѣпляется. Тогда Ягна потихоньку вышла, оставивъ Юзку досиживать вечерницу. Вслѣдъ за Ягной вышелъ украдкой и Антекъ, догналъ ее въ сѣняхъ, у порога, крѣпко ухватилъ за руку и повелъ черезъ другую дверь на огородъ, а оттуда за гумно и сараи. Мало кто примѣтилъ выходъ ихъ: загадки стали разгадывать. „Липовое дерево весело спѣ-

ваетъ, а конь на баранѣ хвостомъ киваетъ“ [1]). И другія были загадки, совсѣмъ легкія.

А тѣ двое пропали въ темнотѣ, шли второпяхъ, прижавшись другъ къ другу, забывая о божьемъ мірѣ, въ радости и въ страхѣ.

— Ягуся!

— Чего?

— Ты, вѣдь?

— А кто же?

— Боишься?

— Съ тобой прошла бы я цѣлый свѣтъ, да хоть на смерть.

— Ждала меня?

— Еще бы!.. Только и глядѣла—не ты ли, когда кто входилъ.

— А я вошелъ, такъ ты и не посмотрѣла.

— Глупый, какъ же мнѣ себя выдавать? А подъ сердцемъ такъ мнѣ сперло, что испугалась, пожалуй упаду.

— Милая ты моя! Я такъ и думалъ, что застану тебя у Клэмбовъ, и мы выйдемъ вмѣстѣ.

— А я домой хотѣла... да, вотъ, ты приневолилъ.

— Тебѣ развѣ не хотѣлось быть со мной, Ягуся, а?

— Какъ же... Не разъ думала и я, что пусть бы ужъ...

— Думала и ты!.. Думала! — страстно шепталъ онъ. — А теперь, вотъ, мы одни—и ночь такая...

— Одни!—шепнула и она ему, бросаясь на шею, и обняла его изо всей силы своей страсти и своего безпамятства.

— Ахъ, что̀ со мной... Я съ ума сойду...

— Не кричи, Ягуся... Тише...

— Сгорю вся, ей Богу... дай вздохнуть...

— У меня самого... какъ только сердце не лопнетъ!

— О, Антекъ, пусти... не могу, право...

— Одна ты, одна во всемъ свѣтѣ...

— Антось мой, Антось!

Они все шли. Вдругъ Ягна заплакала.

— Что̀ съ тобой?

— Не знаю... такъ придушило что-то до слезъ.

Онъ пожалѣлъ ее. Они присѣли за сараемъ. Антекъ придвинулъ ее и крѣпко прижалъ къ себѣ, какъ ребенка, и отиралъ ей слезы то рукой, то рукавомъ.

— Надо бѣжать домой, ужъ поздно,—шепнула Ягна, приподнимаясь.

---

[1]) Скрипка—изъ липоваго дерева, струны—бараньи, смычокъ—съ конскимъ волосомъ.

— Не бойся, еще не спятъ... Голоса слышны; это расходятся отъ Клэмбовъ.

— Я кадки оставила, когда доила; ноги себѣ еще коровы поломаютъ.

Они вдругъ замолчали, потому что послышался скрипъ снѣга подъ шагами и мелькнула чья-то высокая тѣнь.

— Тамъ кто-то есть, за заборомъ, притаился!—со страхомъ прошептала Ягна.

— Спрячемся въ сѣнѣ подъ навѣсомъ.—Они осторожно подошли къ сараю и влѣзли въ глубокую нору, вырытую въ сѣнѣ и чернѣвшую немного выше надъ сѣномъ.

На снѣгу, между тѣмъ, послышались, теперь уже ясно, осторожные, словно волчьи шаги. И тѣнь оторвалась отъ какой-то стѣны и поползла по снѣгу, то выростая, то останавливаясь... Потомъ мигнула въ пролазѣ и исчезла за деревьями.

Но не прошло и пяти минутъ, какъ тѣнь показалась снова, а тутъ же, за ней, тащилась по снѣгу большущая вязанка соломы. То былъ Борына. Онъ пріостановился, прислушался и, подскочивъ къ сараю, запихалъ соломой дыру, продѣланную въ сѣнѣ. Чиркнула спичка, и вмигъ солома занялась пламенемъ. Огонь затрепеталъ, блеснулъ сотнями языковъ и, охвативъ стѣну сарая, поднялся кверху, какъ какая-нибудь широкая кровавая масса. А Борына, страшный какъ мертвецъ, нагнулся и, съ вилами въ рукахъ, ожидалъ...

Они скоро поняли опасность. Сарай сталъ наполняться ѣвшимъ глаза дымомъ, а сквозь солому пробился блескъ огня. Не находя выхода, они бились по стѣнамъ и уже едва могли дышать, когда Антекъ нащупалъ бокъ щита, прикрывавшаго сѣнникъ спереди, уперся въ него изо всѣхъ силъ и, вмѣстѣ со щитомъ, упалъ. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ вскочить на ноги, старикъ бросился на него и нанесъ вилами такой ударъ, что онѣ воткнулись въ землю. Но онъ промахнулся; едва задѣтый, Антекъ вскочилъ, хватилъ отца кулаками въ грудь и бросился бѣжать.

Борына ринулся къ сараю, но и Ягна успѣла уже промелькнуть мимо. Тогда онъ закричалъ бѣшенымъ голосомъ:—Пожаръ! Горитъ!—и сталъ бѣгать, съ вилами въ рукахъ, точно злой духъ, вокругъ столповъ огня, пожиравшихъ весь сарай... По селу пошли крики, кто-то ударилъ въ набатъ, народъ сталъ сбѣгаться, а огонь разлетался во всѣ стороны и сѣялъ дождь искръ на другія постройки.

Пожаръ взбуторажилъ все село. На другой день мѣсто

пожарища еще тлѣло. Отъ сѣнника остались только два обгорѣвшихъ столба, но еще дымилось подъ остатками крышъ, сбитыхъ съ хлѣва и другого сарая, а также изъ-подъ нѣкоторыхъ грудъ сѣна, разбросанныхъ вокругъ. Сосѣди разбивали эти остатки баграми и палками, а новыя тлѣвшія мѣста притаптывали. Хлопецъ отъ Клэмбовъ вытащилъ изъ сѣна обгорѣлую тряпку.

— Ягусинъ фартукъ!—крикнула одна изъ сосѣдокъ.

— Поищите-ка еще, хлопцы... не найдутся ли и портки!

— Куда! На себѣ вынесъ, развѣ что по дорогѣ свалились!..

Всѣ приписывали пожаръ самому Антку и проклинали его за этакое дѣло противъ родного отца, да еще и за то, что погорѣть могло все село. Пріѣхали стражники и составили о пожарѣ протоколъ.

О Борынѣ же знали только то, что онъ здорово побилъ жену. Но ни онъ, ни Ягна, ни Антекъ, нѣкоторое время не показывались въ народѣ, а на селѣ тоже много бываетъ новаго, такъ что и о нихъ стали говорить меньше. Пришелъ послѣдній „жирный“ вторникъ на мясопустѣ, когда всѣ занялись печеньемъ „пончковъ“, отъ которыхъ запахъ расходился по улицамъ. На другой день, въ „попелецъ“, шли въ костелъ, посыпать главы пепломъ.

Въ домѣ вдовы Доминиковой собрались войтъ съ солтысомъ и, пригласивъ Борыну, уговаривали его помириться съ Ягной. Какъ ни какъ, она—хозяйка, и все равно вѣкъ надо жить вмѣстѣ. Долго ночью, до вторыхъ пѣтуховъ, виденъ былъ тамъ свѣтъ: это они все судились, и войтъ съ солтысомъ уговаривали Борыну принять жену къ себѣ въ домъ, такъ какъ послѣ того пожара Ягна перешла жить къ матери.

Антекъ, между тѣмъ, не принимался за работу, продалъ послѣднюю корову и пропивалъ ее въ корчмѣ съ немногими хлопцами, которые еще рѣшались держать съ нимъ компанію. Но и отъ Ягны онъ также не отсталъ. Еще не прошли на ней синяки отъ мужнина наказанья, а они ужъ стали опять сходиться, потихоньку отъ вдовы Доминиковой, въ ея сараѣ, о чемъ зналъ братъ Ягны, Шимекъ. Ягна выходила къ Антку теперь уже неохотно, изъ страха передъ мужемъ. Но боялась она и Антка, который сказалъ ей, что если она посмѣетъ разъ не придти по его приказу, то онъ войдетъ къ нимъ въ домъ среди бѣла-дня, при всѣхъ, и вздуетъ ее еще получше, чѣмъ Борына.

Когда послѣ „попельца“ Шимекъ сообщилъ Антку, что Ягну съ мужемъ примирили и что она опять перешла въ мужнинъ домъ, то Антка это ударило какъ бы шкворнемъ по башкѣ.

— Скрыла отъ меня!—сказалъ онъ себѣ, такъ какъ вчера еще видѣлся съ ней.

Вечеромъ ходилъ онъ вокругъ отцовой хаты, ждалъ около пролаза, а когда Ягна не вышла, вырвалъ изъ ограды колъ и пошелъ-было къ двери, готовый на все, какъ вдругъ видъ отца представился ему такъ, какъ будто бы тотъ сталъ передъ нимъ. Не хватило духа у молодца, ни въ тотъ вечеръ, ни до конца недѣли, хотя цѣлые вечера онъ простаивалъ за пролазомъ, укрываясь при каждомъ звукѣ. Ягна не приходила. Не встрѣтилъ онъ ее и въ воскресенье утромъ, даромъ-что простоялъ всю службу передъ костеломъ. Тогда онъ рѣшилъ идти къ вечернѣ и ужъ какъ-нибудь найти средство шепнуть ей.

Но когда онъ вошелъ, вечерняя служба уже началась. Народъ пѣлъ подъ органъ „горькія скорби" о страстяхъ Господнихъ:

Вбитъ на крестѣ Творецъ самъ неба;
Намъ надъ грѣхами плакать треба...

Ксендзъ скоро замѣтилъ Антка, который былъ ростомъ выше всѣхъ, и ксендзъ нѣсколько разъ пронизывалъ его взглядомъ. Но, вотъ, затихло народное пѣніе, закончившее вечерню, замолчалъ органъ, а ксендзъ, ставъ передъ алтаремъ, обратился къ народу съ поученіемъ. Всѣ начали тѣсниться впередъ, и Антку нельзя было выйти изъ костела иначе, какъ еслибы онъ сталъ проталкиваться изо всѣхъ силъ. Онъ остался.

Ксендзъ говорилъ о страстяхъ, объ искупленіи, о любви къ людямъ Бога, ниспославшаго Сына на земную смерть за нихъ. А потомъ сталъ укорять грѣшныхъ, грозно взмахивая руками, и порою останавливалъ взглядъ на Антькѣ, придвинутомъ толпою ближе. Ксендзъ разгорался въ своихъ укорахъ за грѣхи; въ народѣ и памяти не стало о заповѣдяхъ Божіихъ, а живутъ они какъ тѣ же язычники поганые, въ вѣчныхъ между собою ссорахъ и дракахъ, и въ пьянствѣ, и во всѣхъ грѣхахъ тяжкихъ. Ксендзъ говорилъ все грознѣе, глаза его блестѣли, самъ онъ точно выросъ выше прежняго.

Въ толпѣ послышались тяжелые вздохи, послѣ раздался и громкій плачъ съ призывомъ Іисусова имени. А ксендзъ вдругъ наклонился въ сторону Антка и громкимъ голосомъ обличалъ сыновей-выродковъ, поджигателей отцовскаго добра, соблазнителей и столь тяжкихъ грѣшниковъ, что не минуютъ ихъ ни земная кара, ни огонь вѣчный.

При этихъ словахъ страхъ обуялъ весь народъ; всѣ притаили дыханіе, и взгляды всей толпы ударяли въ Антка точно

градъ во время грозы. И нельзя было не понять, на кого падало слово осужденія. А онъ стоялъ прямо, но совсѣмъ поблѣднѣлъ и только оглядывался иногда по сторонамъ и замѣчалъ, какъ на него глядѣли испуганно и вмѣстѣ злобно, а кто былъ поближе, даже отодвигался отъ отверженнаго. Но ксендзъ еще не кончилъ; онъ сталъ уже прямо кричать на Антка, не называя его, впрочемъ, по имени, грозилъ ему проклятіемъ и звалъ къ покаянію, а потомъ, обратившись къ народу, протянулъ руки и приказывалъ, чтобы всѣ оберегались такого разбойника, сторонились отъ него, не дѣлились съ нимъ ни хлѣбомъ, ни водой, ни огнемъ, отгоняли бы его отъ своихъ жилищъ, какъ оскверненнаго грѣхомъ, такого, который все заражаетъ и гадитъ, и если онъ не покается, не загладитъ винъ, то чтобы вырвали его, какъ злую крапиву, и выбросили вонъ отъ себя, на погибель.

Антекъ отвернулся отъ алтаря и медленно пошелъ къ выходу; люди отодвигались отъ него по пути, а во слѣдъ за нимъ раздавался бичевавшій его голосъ ксендза. Шелъ онъ, самъ не зная куда, лишь бы уйти отъ того голоса и тѣхъ глазъ. Потопольей дорогѣ къ лѣсу, по лѣсу вглубь... Пріостанавливался, а въ ушахъ его звонилъ колоколомъ все тотъ же голосъ.

Совсѣмъ стемнѣло и пошелъ дождь, холодный въ мартѣ мѣсяцѣ. Но Антекъ не замѣчалъ ничего, а весь жилъ только въ своей страшной бѣдѣ и обидѣ.

„Хуже ужъ и быть не можетъ!—думалось ему.—Онъ схватился за голову, какъ будто теперь только понялъ вины свои.—Такъ мнѣ и надо... А все черезъ него, черезъ отца.—Погоди же... Всего, что̀ ты со мной сдѣлалъ, не прощу тебѣ, нѣтъ!“

Возвратясь въ село, Антекъ зашелъ въ корчму и смѣло подошелъ къ кучкѣ знакомыхъ. Но мало кто подалъ ему руку, прочіе отшатнулись и стали выходить вонъ. И онъ самъ вышелъ, не допивъ шкалика.

— Ладно, — повторялъ онъ себѣ. — Правильно говорилъ ксендзъ. Онъ говорилъ свою правду... а я не прощу своей обиды... Не прощу, пёсья кровь! Пусть околѣю, если прощу...

VI.

Спустя нѣкоторое время, по селу стало расходиться, что дѣдичъ принялся рубить уже не свой только лѣсъ, а и крестьянскій. Сперва этому не вѣрили. Дѣдичъ былъ себѣ, извѣстно, какъ дѣдичъ; не лучше другихъ. Но глупымъ онъ не считался. А

вѣдь развѣ что глупый сталъ бы рубить лѣсъ къ веснѣ, когда дерево начнетъ приходить въ сокъ. Къ Борынѣ съ вѣстью этой прибѣжала Ягустинка, да еще добавила отъ себя. Но старикъ ни словомъ не отозвался на это, а только сказалъ Ягнѣ:

— Лопату возьми и иди помогать Петрку, воду спускать съ огорода... вишь, натаяло... Да скорѣй мнѣ, слышала?—прикрикнулъ онъ.

— Что онъ, все еще такой сварливый?—спросила Ягустинка Юзю.

— А все!—Дѣвочка со страхомъ прислушивалась.

Такой онъ и былъ въ самомъ дѣлѣ. Съ самаго того дня, какъ его помирили съ Ягной, да еще дивовались, что онъ согласился на это такъ скоро,—Борына вдругъ перемѣнился. И всегда-то онъ былъ жёстокъ, а съ той поры словно камнемъ сталъ. Жену принялъ назадъ, въ свой домъ, и даже не попрекалъ ее прямо, но зато обходился съ ней просто какъ съ дѣвкой. И хотя Ягна пробовала иной разъ подступать къ нему съ угожденьемъ и лаской, подлаживалась къ нему, но это ничуть не помогло. Борына не хотѣлъ и примѣчать этого, даже пересталъ слѣдить за женой, хотя навѣрное зналъ, что она все-таки сходится съ Антекомъ.

Дня черезъ два по примиренiи съ женой, старикъ поѣхалъ въ городъ и вернулся только на другой день, а въ селѣ шептали, что въ городѣ онъ былъ у нотарiуса и подѣлалъ какiя-то записи,—должно быть, отобралъ у Ягны назадъ то, что̀ отписалъ-было ей. Но такъ ли это было, не зналъ навѣрное никто, конечно, развѣ что одна Ганка, которая теперь въ такой была у свекра милости, что онъ во всемъ довѣрялся ей и съ ней совѣтовался. А она, конечно, ни слова никому о томъ не говорила, въ домѣ у старика бывала каждый день, а ужъ дѣти ея—тѣ почти изъ хаты не выходили, а часто и спали у дѣдушки,—такъ онъ ихъ ласкалъ.

Послѣ этой перемѣны Борына даже какъ-то поздоровѣлъ, выпрямился и опять поглядывалъ на свѣтъ гордо,—но только и озлился же онъ немало, сталъ тяжелъ для всѣхъ, особливо для Ягны. Никогда добраго слова ей не сказывалъ и къ работѣ такъ ее подгонялъ, какъ иную лукавую лошадь, и ни въ чемъ ей не уступалъ, такъ что дня не проходило безъ ссоры, а частенько пускался въ ходъ и ремень или даже что̀ потверже, потому что и Ягуся не молчала. Что̀ онъ велѣлъ, то она должна была дѣлать, какъ же иначе: мужнинъ хлѣбъ, мужнина и воля. А только на его обидное слово у нея въ отвѣтъ бывало десять; иной разъ такой

поднимала крикъ, что на всю деревню было слышно. Словомъ, въ домѣ постоянно кипѣлъ адъ. Не разъ она уходила опять къ матери и хотѣла остаться у нея. Но вдова Доминикова ни за что не соглашалась и даже угрожала силою доставить ее къ мужу на веревочкѣ.

Хуже всего было, что Ягна и къ Антонію охладѣла. Она винила его въ своей нестерпимой жизни, боялась его вѣчной хандры, завзятости и угрозъ; онъ сталъ похожъ будто на лѣсного лиходѣя. Подѣйствовало и то, что ксендзъ пригрозилъ ему въ костелѣ проклятіемъ, что всѣ на него показывали пальцемъ, вродѣ какъ бы въ него вселился нечистый. Правда, она все-таки выходила къ нему, потому что боялась угрозъ, и отдавалась ему со всей силы, когда закипала молодая кровь. Но она уже не была счастлива, а иной разъ ей даже думалось, — отпустилъ бы онъ ее скорѣй и самъ пошелъ бы прочь. Антекъ сталъ замѣчать ея холодность и упрекалъ ее, напоминалъ, что все его несчастье пришло отъ любви къ ней, разъ даже чуть было не прибилъ ее, а только толкнулъ объ стѣну и ушелъ поспѣшно.

Ягна заплакала навзрыдъ и шла домой, не скрывая плача, а въ сѣняхъ встрѣтилась съ Клэмбовымъ сыномъ, который только просунулъ голову въ дверь хаты и крикнулъ:—Рубятъ лѣсъ, нашъ, крестьянскій!—и побѣжалъ дальше объявлять о томъ же всѣмъ хозяевамъ.

Какъ молнія, вѣсть эта облетѣла все село. Узнали, что Клэмбъ нарочно выслалъ двоихъ сыновей верхомъ на объѣздъ порубки, чтобы разузнать дѣло навѣрняка. И вотъ, разузнали. Хотя былъ поздній вечеръ, но народъ сталъ собираться передъ домомъ Клэмбовъ; одинъ изъ его хлопцовъ былъ поставленъ на дорогу—смотрѣть, не покажется ли откуда стражникъ. Къ народу пришелъ и Мацѣй Борына. По его слову, всѣ потянулись къ корчмѣ.

Еврей, который уже гасилъ-было свѣтъ, принужденъ былъ отворить двери и со страхомъ смотрѣлъ, какъ люди молчаливо входили и разсаживались по скамейкамъ. Сперва посматривали другъ на друга,—кому начать? Первый, Антекъ, извѣстно, какъ отчаянный, выскочилъ на середину и началъ ругать дѣдича и угрожать ему. Неохота была никому подтверждать слова такого человѣка, вродѣ какъ отщепенца. Но когда Антекъ сталъ ихъ корить, что они за себя постоять не умѣютъ, что сегодня у нихъ отнимаютъ лѣсъ, а потомъ отберутъ и землю, раздались крики:— „Не дадимъ! Не дадимъ!“

Сразу прорвалось. На середину стали пробиваться Матеушъ

и Кобусъ, и Козлова баба, и другіе. Кричали, угрожали дѣдичу, подстрекали, такъ что скоро по всей корчмѣ раздались брань, крики, проклятія, топанье ногами, удары кулаками по столу. Долго они такъ шумѣли, а помаленьку начали попивать пиво, чтобы горло прополоскать; другіе же и водки выпили для силъ подкрѣпленія. А иные еще, проголодавшись, потребовали и закусокъ. Какъ стали они угощаться такимъ манеромъ, то о лѣсѣ говорили уже меньше и разошлись, не рѣшивъ, что̀ дѣлать.

Тогда Матеушъ съ Кобусомъ и Анткомъ пошли поздней уже порою по нѣкоторымъ хозяевамъ и съ ними о чемъ-то условились на завтра.

Какъ только начало свѣтать, Антекъ побѣжалъ на колокольню и ударилъ въ набатъ. А Матеушъ, Кобусъ и другіе бѣгали по селу съ крикомъ:

— Въ лѣсъ! Выходи кто живъ! Подъ корчмой, въ лѣсъ!

Народъ выходилъ изъ хатъ, бабы заголосили со своихъ огородовъ, заревѣли дѣти отъ страха. А тамъ люди все прибѣгаютъ и кричатъ:

— Въ лѣсъ! Кто съ чѣмъ, съ косой, съ цѣпомъ, шкворнемъ, топоромъ—въ лѣсъ!

— Вали, съ чѣмъ попало!

Рохъ сталъ на дорогѣ и пробовалъ удержать бѣжавшихъ. Появился ксендзъ и свое тамъ, конечно, разводить началъ, уговаривая народъ. Такъ его не слушали, даже и шапки никто не снялъ.

— Платятъ ему, онъ и говоритъ!

— Проповѣдью обиды-то не заговоришь, какъ же...

Показался Борына.—Въ лѣсъ!—раздались крики.—Въ лѣсъ, съ нами... Ведите насъ, Мацѣй! — Борына сталъ говорить не спѣша, но твердо; что слово, то какъ кусокъ правды отрѣзалъ. Что дѣдичъ все больше сталъ ихъ обижать, штрафовалъ, скотъ загонялъ, всякое дѣло въ судѣ противъ крестьянъ выигрывалъ, къ найму въ своемъ лѣсѣ не допустилъ, а теперь уже крестьянскій лѣсъ рубить сталъ. Жаловались на него—напрасно.—Ныньче уже всякую мѣру перешелъ... За мной! Во имя Отца и Сына и св. Духа.

— Аминь!—прозвучало въ народѣ, и двинулся онъ за Борыной, ѣхавшимъ въ саняхъ, ибо снѣгъ въ лѣсу еще держался.

Когда они дошли до мѣста порубки, то Борына скомандовалъ дровосѣкамъ, чтобы каждый собралъ все, что̀ у него принесено своего, и шелъ бы по добру по здорову восвояси. И дровосѣки, при видѣ народа съ цѣпами, топорами, кольями въ

рукахъ, стали собираться уходить, и только перепугивались съ наступавшими. А липцовскіе подростки тотчасъ бросились гасить очаги и разваливать сложенныя въ сажени дрова... Бабы же, увидавъ вдали шалаши, поставленные въ лѣсу, погнались туда и стали ихъ разбирать, растаскивая доски по лѣсу, чтобы и слѣда не осталось.

Тутъ Борына, видя, что дровосѣки отступали безъ боя, началъ-было уговаривать своихъ, чтобы имъ, всѣмъ народомъ, прямо пойти и заявить дѣдичу, чтобъ онъ не смѣлъ касаться лѣса, пока судъ не разберетъ, что — его, а что—крестьянское, собственное. Но не успѣли они сговориться, какъ бабы запищали и во всю прыть побѣжали отъ шалашей назадъ, спасаясь отъ дворовыхъ, прискакавшихъ верхами, на помощь дровосѣкамъ. Бабъ они взяли въ бичи, а здоровенный экономъ скакалъ впереди, крича:

— Ахъ, вы воры этакіе, сволочь вшивая! Бичами ихъ, вязать, въ тюрьму ихъ!

— Держись ко мнѣ! — командовалъ Борына, замѣтивъ, что люди стали разсыпаться.—Не сдавайся, палками подлецовъ! Коней цѣпами по ногамъ! — И самъ бросился въ середину противниковъ. Тогда начался бой въ рукопашную. Экопома стянули съ лошади, а люди такъ сцѣпились другъ съ другомъ, что и распознать нельзя было своихъ отъ чужихъ. Дворовые спѣшились, и бой пошелъ прямо на кулакахъ.

Между тѣмъ, верховые со двора все прибывали, а повелъ ихъ теперь старшій лѣсникъ, силачъ извѣстный. Соскочивъ съ лошади, онъ въ одиночку бросался на цѣлыя кучки липчанъ и валилъ ихъ надтмашь, прикладомъ ружья, туда, сюда! Такъ что люди клонились отъ него, словно колосья. Бросился на него Стахъ Плошко, но экономъ ухватилъ его за одежу, перевернулъ у себя надъ головой, отбросилъ какъ снопъ, и Стахъ, ударившись о землю, лежалъ безъ памяти. Лѣсника хватилъ цѣпомъ по плечу Вахникъ, но тотъ такъ его шарахнулъ кулакомъ между глазъ, что и Вахникъ повалился, успѣвъ только призвать имя Божіе.

Теперь лѣсникъ пошелъ на Борыну, который дрался въ толпѣ. Но путь лѣснику загородили бабы, съ визгомъ вцѣплялись въ него ногтями, на волосьяхъ его повисли, запутались съ нимъ и шатали его съ боку-на-бокъ, подобно какъ дворняжки охватываютъ здоровую овчарку, повисаютъ на ней и теребятъ въ разныя стороны.

Наконецъ, лѣснику удалось отбиться отъ нихъ, исцарапанному и оборванному, и онъ набросился на Борыну. Они схва-

тились какъ медвѣди и старались повалить одинъ другого, сталкивались, топчась нѣсколько шаговъ, качались и бились о стволы деревъ.

Въ это время появился Антекъ, держа что-то подъ кожухомъ. Онъ оглянулся вокругъ своими ястребиными глазами и спрятался за дерево. Лѣсникъ, видимо, бралъ верхъ надъ Борыной. То тотъ, то этотъ сбивалъ противника на земь. Но старикъ чаще приходился подъ лѣсникомъ и, потерявъ шапку, ударялся сѣдой головой о корни, отъ которыхъ она отскакивала.

Антекъ оглянулся кругомъ еще разъ, вынулъ изъ-подъ полы короткое ружье, припалъ къ землѣ и, перекрестясь, по привычкѣ, прицѣлился въ голову отца. Въ эту минуту Борына и лѣсникъ опять поднялись на ноги... Поднялся также Антекъ и приложилъ ружье къ щекѣ. Но вдругъ сердце его сжалось страхомъ и у него потемнѣло въ глазахъ. Онъ самъ не понималъ, что съ нимъ, и едва узналъ голосъ отца, въ короткомъ, сорвавшемся крикѣ:

— На помощь, люди! Спасите!

Въ этотъ мигъ лѣсникъ такъ хватилъ старика прикладомъ по головѣ, что у него кровь даже брызнула, и Борына, поднявъ руки, свалился на-земь, какъ колода. Антекъ, придя въ себя, оставилъ ружье и бросился къ отцу. У старика виднѣлся глубокій шрамъ по черепу и все лицо было залито кровью. Онъ жилъ еще и бился ногами, но когда Антекъ отеръ ему глаза, то увидалъ, что они уже закатились.

— Отецъ! Іисусе мой! Отецъ... Убили его!—закричалъ Антекъ и схватилъ-было отца на плечи. Но подбѣжали люди, уложили Борыну на носилки и начали прикладывать ему къ головѣ снѣгъ.

А Антекъ, присѣвъ на землю, рвалъ на себѣ волосы и кричалъ:

— Убили его! Убили! — Вдругъ онъ, словно что-то вспомнивъ, вскочилъ на ноги и съ рычаньемъ бросился на лѣсника, а въ глазахъ у него пылало такое бѣшенство, что лѣсникъ, уже усталый въ борьбѣ, побѣжалъ отъ него, поднявъ свое ружье. Но, слыша, что тотъ его догоняетъ, лѣсникъ обернулся и выстрѣлилъ почти въ упоръ, направивъ въ грудь Антка, однако далъ промахъ.

Тутъ Антекъ навалился на него со свѣжей силой, и напрасно защищался лѣсникъ, напрасно вырывался и молилъ о пощадѣ. Антекъ впился ему одной рукой въ горло, такъ что оно захрустѣло, ухватилъ другой рукой за ногу, качнулъ, поднялъ кверху и хватилъ противникомъ по одному стволу, по другому, пока духъ изъ него не вылетѣлъ.

Потомъ Антекъ напалъ на прочихъ, бросался отъ одной кучки къ другой и, весь въ крови, какъ бы въ безпамятствѣ, страшный, громилъ ихъ, несмотря на число, такъ что дворовые стали въ ужасѣ разбѣгаться. Лѣсъ остался за липчанами, и они радостными криками провожали бѣгущихъ.

Бабы стали перевязывать раненыхъ. Борыну уложили въ сани и повезли. Онъ былъ безъ памяти, блѣденъ, похожъ на мертвеца. Только кровь продолжала течь изъ раны, заливая ему лицо. Рядомъ съ санями шелъ Антекъ, поддерживалъ ему голову на ухабахъ и тихо, просящимъ голосомъ, приговаривалъ:

— Отецъ, Бога ради, отецъ!..

А народъ пошелъ весело. Оборванные, помятые, они не чувствовали усталости; иные даже припѣвали, сердце росло у людей, что ихъ взяла. А вершины сосенъ колыхались вѣтромъ и защищенный лѣсъ провожалъ людей тихимъ, благодарственнымъ шумомъ.

Вдругъ Борына открылъ глаза и долго всматривался въ Антка, какъ бы себѣ не вѣря; лицо его на мигъ прояснилось радостью; онъ зашевелилъ губами и съ видимымъ усиліемъ прошепталъ:— Ты это, сынъ мой... Ты?—потомъ впалъ опять въ забытье.

VII.

Пришла весна. Возвѣстили ее людямъ пѣсни жаворонковъ, солнечный жаръ, согнавшій снѣга, согрѣвшій землю, и ласковые вѣтерки, теплые и нѣжные, какъ поцѣлуи матери. Земля раскрылась, но лежала еще лѣниво, въ ожиданіи новаго посѣва.

Ожидать пришлось ей еще долго: вѣдь въ Липцахъ почти-что не осталось мужчинъ. Дня черезъ три послѣ побоища пришли стражники, всѣхъ переписали и съ полсотни хлоповъ увели съ собой, въ тюрьму, а Антка повели, закрутивъ ему руки назадъ. Прошли три недѣли, стала ужъ весна вполнѣ, пора пахать и сѣять, пора всякой работы, а тутъ остались на-лицо только войтъ, кузнецъ, нѣсколько дряхлыхъ стариковъ, а изъ всѣхъ паробковъ одинъ только Ясекъ, по прозвищу Выворотный, мастеръ на забавныя выдумки, но работникъ ледащій. Да еще тяжко побитые, — тѣ тоже остались, но безъ пользы. Вотъ, хоть бы Стахъ Плошко, Матеушъ Голомбъ, вдовы Доминиковой сынъ Шимекъ и другіе больные.

А хуже всѣхъ было съ Мацѣемъ Борыной. Лѣсникъ разбилъ ему голову. Лѣсника Антекъ положилъ мертвымъ на мѣстѣ, а Борыну, какъ привезли полумертваго, такъ онъ и посейчасъ

лежалъ, хотя не мертвый, но и не живой. Дышать—дышалъ, а только лежалъ какъ колода и въ память не приходилъ.

Въ домѣ у него стала хозяйничать Ганка, потому что послѣ Борыны хозяиномъ на всемъ дѣлѣ приходился Антекъ, а онъ—въ тюрьмѣ. Его, значитъ, жена — хозяйка. И прибрала Ганка все въ свои руки. Крѣпко за свое уцѣпилась; кузнеца нисколько не испугалась; даже такъ на него напустилась, что тотъ, поругавшись, плюнулъ и отошелъ.

Увидя, что ее не напугаешь, кузнецъ перемѣнилъ манеру, прикинулся доброжелателемъ и пробовалъ уговорить Ганку, чтобы она, вмѣстѣ съ нимъ, обыскала сундукъ, весь домъ и чуланы. У старика гдѣ-нибудь припрятаны деньги, а лежитъ онъ, все равно, какъ покойникъ и ничего не примѣчаетъ. Есть ли деньги, Ганка не знала, а только и разыскивать ихъ съ кузнецомъ втайнѣ она отказалась. Пока живъ Борына, деньги — его; да еслибы и померъ, то денегъ нельзя вынимать, не дождавшись Антка.

А Борына, и въ самомъ дѣлѣ, все лежалъ безъ памяти. Порой будто просыпался, звалъ Ягну и что-то хотѣлъ сказать, потомъ опять деревенѣлъ, не выговоривъ ни одного слова. Вдова Доминикова была женщина знающая: заговаривала болѣзнь. — Какъ же, вѣдь дочери ея и ей было важно, чтобы Борына выздоровѣлъ, а то Ганка все прибрала къ рукамъ.—Но это не помогло нисколько. Да и докторъ не помогъ. Привозилъ его Рохъ изъ города, стоило десять рублей. Прописалъ докторъ что-то на бумажкѣ, а пользы было не больше, чѣмъ отъ дарового заговариванія Доминиковой вдовы. Въ домѣ поняли, что Борынѣ ужъ не отлежаться, и оставили его въ покоѣ. Извѣстно, что если кто заболѣлъ на́-смерть, то какихъ ему докторовъ и лекарствъ ни привози, а больной все-таки помретъ. Если же ему суждено выздоровѣть, такъ онъ и безъ всякой помощи поправится.

И вотъ, старались они около старика: часто перемѣняли ему мокрыя тряпки на головѣ, да пить давали воды и маленько молока, а ѣсть онъ ничего не могъ и все тотчасъ выбрасывалъ. Стали ждать смерти старика со дня на день; а смерть не приходила; даже и опротивѣло долгое ожиданіе, потому что хлопотливо было за нимъ ходить.

По одной сторонѣ двора жили Ганка съ Юзей и домочадцами, по другой сторонѣ лежалъ Борына, а рядомъ жила Ягна. Тамъ же находилась кладовая съ бочками, наполненными зерномъ. Ключъ отъ кладовой висѣлъ у Борыны надъ кроватью на крючкѣ, подъ Распятіемъ. Разъ дѣвочка въ испугѣ прибѣжала къ Ганкѣ и сказала, что съ отцомъ неладно.

Ганка застала Борыну сидящимъ на краю кровати и бросилась поддержать его, чтобы онъ не упалъ. А онъ водилъ по ней глазами, взглянулъ и на дверь, въ которую, какъ разъ, входилъ кузнецъ.

— Ганка!—громко сказалъ старикъ.

— Я здѣсь. А только не подымайтесь,—докторъ не велѣлъ.

— Что тамъ у васъ?—спросилъ онъ разбитымъ, не своимъ голосомъ.

— Весна идетъ, тепло.

Онъ заговорилъ, перерываясь:—А встали всѣ? На поле пора... Отбивай, не поддавайся!—Помолчавъ, онъ молвилъ опять:— На-перво ячмень бы сѣять... Ко мнѣ, братцы, на помощь!— крикнулъ Борына и упалъ навзничь.

— Помираетъ!.. Іисусе!.. помираетъ! Михаилъ, бѣги за ксендзомъ!

Служанка втискивала Борынѣ въ руку зажженную восковую свѣчу. Но Борына уронилъ ее, открылъ опять глаза и произнесъ въ полной памяти:

— Ганка, вышли этихъ людей... Пошли вонъ! — повторилъ онъ.

— Выйдите хотя въ сѣни!—просила Ганка.

Но кузнецъ отвѣтилъ:

— Уходи, Магда, я не сойду съ мѣста.—Онъ догадывался, что старикъ хочетъ что-то сообщить Ганкѣ. Но и Борына услышалъ эти слова зятя, приподнялся на кровати и такъ грозно взглянулъ на кузнеца, показывая ему на дверь, что тотъ вышелъ, но притаился за окномъ, къ которому выходили подушки на кроватяхъ.

Старикъ велѣлъ Ганкѣ подсѣсть близко къ себѣ.

— Тамъ, въ кладовой, найдешь немного денегъ... Такъ спрячь ихъ у себя, чтобы кто ихъ у тебя не унесъ...

— Гдѣ?—Она дрогнула отъ волненія.

— Въ зернѣ... Антка береги... Половину хозяйства продай... а не уступай... ваше...—Но, не окончивъ, Борына свалился на постель, и всѣ опять сбѣжались, думая, что уже конецъ. А онъ лежалъ себѣ попрежнему, словно бормоталъ что-то, глаза у него были открыты; но ничего вокругъ себя онъ не видѣлъ и не примѣчалъ.

„Въ зернѣ?—размышляла Ганка.—Стало быть, въ которой изъ бочекъ“. Однако, и кузнецъ, подъ окномъ, прослышалъ что-то будто о зернѣ, только не былъ увѣренъ. Ганку онъ пытался разспрашивать, но, само собой, ушелъ ни съ чѣмъ.

А когда подошло Воскресенье Христово и все село собралось подъ ночь въ костелъ на торжество „резурекціи“, Ганка также вышла съ домочадцами, а въ домѣ, при Борынѣ, оставила своего старика-отца. Съ дороги она вернулась и, поставивъ отца сторожить при дверяхъ, вошла въ кладовую и, пробывъ тамъ съ полчаса, вышла, старательно застегивая лифъ на платьѣ. И когда въ костелѣ народъ заколыхался при гимнѣ, вѣщавшемъ—

Surrexit Dominus! Alleluja!

—она, подъ платкомъ, нащупывала что-то за лифомъ. То же самое сдѣлала она, двигаясь съ процессіею, когда народъ дружно подхватилъ родную пѣснь:

Веселый намъ днесь день насталъ,
Коего каждый изъ насъ ждалъ...
Нынѣ Христосъ изъ мертвыхъ всталъ!
Нынѣ Христосъ изъ мертвыхъ всталъ!
Аллелуія!

На праздникахъ Ганка слегла и въ ту же ночь родила сына. Спустя нѣсколько дней, были крестины. Въ кумовья были приглашены войтъ и Плошкова жена. Изъ костела ребенка несла Юзя, за ней шли крестные, а на порогѣ ихъ встрѣтила вдова Доминикова. Перекрестясь, она взяла ребенка, и прежде, чѣмъ войти въ домъ, обошла его вокругъ, по обычаю, причемъ пріостанавливалась на углахъ и приговаривала:

— На восходѣ—вѣтряно̀, на полуночи—холодно̀, на закатѣ—темно̀, на полуднѣ—тутъ согрѣйся; а вездѣ зла берегись, душа человѣка, и только на Бога надѣйся.

Войтъ засмѣялся.

— Вѣдь набожная вы, Доминико̀ва, а также поколдовать можете.

— Конечно. Молитва помогаетъ, а и заговоръ не вредитъ.

Шумно вошли они въ горницу. Вдова Доминикова распеленала ребенка и совсѣмъ голенькаго, краснаго какъ ракъ, подала матери на руки.

— Праведнаго христіанина, Роха именемъ при св. крещеніи нареченнаго, приносимъ вамъ, мати. Пусть ростетъ на утѣшеніе.

Черезъ недѣлю Ганка встала съ кровати и пошла въ костелъ за молитвой.

Наступала уже поздняя весна, а въ Липцахъ на поляхъ рѣдко гдѣ можно было примѣтить плугъ или людей, согнувшихся надъ работой. Въ сосѣднихъ же деревняхъ въ полѣ шумѣло.

Въ Рудкѣ, Волѣ, въ Модлицѣ, всюду пахали, сѣяли, сажали картофель, а на песчаныхъ пашняхъ уже подымалась пыль вслѣдъ за боронами. Въ Липцахъ, вмѣсто того, работали однѣ бабы. Работали онѣ съ утра до ночи. Ганкѣ удалось даже и Ягну выгонять въ поле. А только вся эта бабья работа не стоила и того, что̀ сдѣлали бы десять хлоповъ. Занимались онѣ картофелемъ да льнами, по остальнымъ же полямъ громко скрикивались куропатки и вороны ходили стаями, а то и зайчикъ мигнетъ потихоньку. Однимъ словомъ, лежали на солнцѣ поля невоздѣланы, необсѣяны, какъ лѣнивые хлопы въ похмельѣ, и поростали лебедой, ежой, репейникомъ, коровьякомъ. У Борыновъ все же было лучше: пахалъ работникъ Петрекъ, хотя еще и непривычный. А у другихъ—совсѣмъ была бѣда.

Спасибо, помогли сосѣди. Ксендзу и страннику Роху удалось уговорить крестьянъ изъ сосѣднихъ деревень, когда ими были прикончены у себя самыя спѣшныя работы, придти въ Липцы на два дня, пахать и сѣять. Вдругъ свалилось множество сосѣдняго народа и загорѣлась работа. И липцовскія хозяйки, ничего не жалѣя, хотя и мало что̀ оставалось въ весеннюю пору, кормили и горѣлкой угощали сосѣдей-землевладѣльцевъ.

Только подъ Вознесенье возвратились, наконецъ, всѣ арестованные на лѣсномъ побоищѣ крестьяне. Радость великая была на селѣ. И за работы принялись они такъ, что все въ рукахъ горѣло. Вскорѣ вернулся и Гжеля съ военной службы, младшій сынъ Борыны.

Одного Антка все еще не было. За убійство лѣсника ему слѣдовало идти подъ судъ, но сперва кузнецъ, а послѣ и Рохъ провѣдали, что его могутъ выпустить изъ тюрьмы на поруки, особливо если будетъ внесенъ залогъ въ пятьсотъ рублей. Рублей семидесяти до этого не хватало въ тѣхъ деньгахъ, которыя Ганка, по приказанію старика Борыны, вынула изъ зерна въ кладовой. То, чего недоставало, надо было какъ-нибудь промыслить, и Ганка совѣтовалась объ этомъ съ Рохомъ, которому, какъ святому человѣку, сказала о вынутыхъ деньгахъ.

Рохъ, недѣли двѣ бывшій въ отсутствіи, возвратясь, тотчасъ зашелъ къ Борынѣ.

— Ну, что̀, Мацѣй... Узнаете меня?—Старикъ слабо улыбнулся, замигалъ и зашевелилъ губами, а голоса изъ себя добыть не могъ.—Ничего... дастъ Господь Іисусъ, такъ еще и выздоровѣете.

Видно, понялъ Борына, а только покачалъ головой и, какъ бы недовольный, отвернулся отъ него на другой бокъ.

— Правда, что отцу стало лучше?—спросила Ганка, когда Рохъ вышелъ. Онъ призадумался. Потомъ сказалъ наставительно:

— И лампа, которая погасаетъ, прежде вспыхнетъ. Мнѣ такъ кажется, что Мацѣю конецъ приходитъ.

— Вотъ и Ямброзій тоже говорилъ. И совѣтовалъ гробъ заказать, не дожидаясь.

— Что-жъ, велите сдѣлать, недолго и ждать придется.

Рохъ поѣлъ согрѣтаго Ганкой молока съ хлѣбомъ, а потомъ сталъ помогать ей въ устройствѣ передъ хатой алтаря для процессіи Тѣла Господня. Праздникъ этотъ приходился на другой день, и такіе временные алтарики, передъ которыми процессія должна была останавливаться для чтенія евангелія, устраивались въ разныхъ мѣстахъ села.

О больномъ Борынѣ не разъ вспоминали односельчане, когда судили о дѣлахъ и нуждались въ совѣтѣ.

— Было кого и послушать... А войтъ что?! Пустая голова.

— Теперь къ начальнику вызванъ. А писарь сказывалъ, что начальникъ велитъ ему собрать сходъ и составить приговоръ насчетъ школы для Липцовъ и для Модлицы.

— Пусть сзываетъ; а мы-то и не приговоримъ,—отозвался съ хитрой усмѣшкой хозяинъ Клэмбъ.

— А то еще набавятъ сбору съ морга, какъ было въ Долахъ.

— Извѣстное дѣло. Только, если начальникъ прикажетъ,— вставилъ солтысъ,—такъ вѣдь должны будемъ послушаться.

— Да развѣ онъ намъ можетъ приказывать? Пусть-ка онъ лучше своимъ стражникамъ прикажетъ, чтобы они не крали вмѣстѣ съ ворами.

Солтысъ счелъ нужнымъ предостеречь запасного солдата Гржелю, Антковa брата.

— А ты бы, Гржеля, лишняго не говорилъ. Иного языкъ дальше повелъ, чѣмъ ему хотѣлось.

— Буду говорить, потому право наше знаю и начальства не боюсь. Это у васъ, барановъ, икры трясутся передъ любымъ стрюцкимъ изъ чиновниковъ.

— Это правда, — сказалъ Клэмбъ. — Школа совсѣмъ намъ не нужна. Вотъ мой Ядамекъ два года ходилъ къ учителю въ Волѣ, картофелю мы ему возили, масла, яицъ, а ничего не вышло. По молитвенной книжкѣ читать и не учился, а по-русски тоже — ни бе, ни ме... Младшихъ моихъ я ужъ нынче зимой посылалъ учиться къ Роху... И вотъ, вѣдь и господскія книги они читать могутъ, и даже писанное, такъ и то разбираютъ.

— Роха, значитъ, намъ и нанять, какъ слѣдуетъ,—совѣ-

товалъ Гржеля.—Пусть онъ и дальше учитъ, всѣхъ пусть... Школа для дѣтей нужнѣе даже, чѣмъ сапоги.

На эти слова солтысъ вдвинулся въ самую середину кружка.

— Ужъ, конечно, лучше всѣхъ могъ бы Рохъ. Онъ и моихъ дѣтей обучилъ. А только—нельзя. Начальство, должно быть, уже пронюхало и слѣдитъ за нимъ глазомъ... Недавно старшій чиновникъ въ канцеляріи разспрашивалъ меня про него, а какъ я отнѣкивался, онъ осердился; „и я очень хорошо, говоритъ, знаю, что Рохъ дѣтей у васъ учитъ и польскія книжки да газеты раздаетъ людямъ"... Роха мы должны остеречь, — прибавилъ отъ себя солтысъ.

— Это вѣрно!—отозвался старый Плошко.—Человѣкъ онъ хорошій, набожный, а черезъ него бѣда можетъ на деревню свалиться.

Тутъ Гржеля не выдержалъ.

— Пожалуй, вы выдадите его отъ страха.

— Молодъ ты еще... А я хорошо помню, что̀ дѣлалось въ ту войну, когда паны воевали... Ни за что, ни про что, всякое начальство возьметъ, бывало, да и вздуетъ крестьянъ плетьми... Тутъ намъ впутываться нечего, не наше это дѣло.

— Въ войты думаешь выйти, а самъ глупъ, какъ дырявый сапогъ!—огрызнулся Гржеля.

VIII.

Подъ сѣнокосъ Ганка ѣздила въ городъ и внесла залогъ за Антка. Ей сказали, что его выпустятъ черезъ три дня. На другой день стали косить. Ганка съ Ягустинкой принесли ѣсть косарямъ, а сами пока присѣли на травѣ. Вдругъ прибѣжалъ Витекъ:

— Домой, хозяйка, скорѣе!—Ганка вскочила въ испугѣ.

— Случилось что̀?

— Хозяинъ чего-то кричитъ!—Она побѣжала домой.

А случилось вотъ что̀. Борынѣ въ послѣднее время стало въ самомъ дѣлѣ какъ будто лучше. Его выносили въ садъ, и въ самые жаркіе дни даже на ночь оставляли его на постели въ саду, потому что въ хатѣ было ему душно. Ѣсть только онъ почти не ѣлъ, даже отъ молока сталъ отказываться. А въ это утро онъ чаще перевертывался съ боку-на-бокъ, вскакивалъ и все про себя бормоталъ, а то еще чего-то искалъ. А въ полуденное время вдругъ сталъ со всей мочи кричать.

Когда прибѣжала Ганка, онъ сидѣлъ и сразу закричалъ на нее:

— Сапоги-то мои куда вы запропастили?

— Сейчасъ принесу изъ чулана,—боязливо успокаивала его она. А старикъ, казалось, совсѣмъ пришелъ въ себя, но глядѣлъ грозно.

— Заспался я, песья ихъ кровь! А они тоже дрыхнутъ...— Онъ широко зѣвнулъ.—А Куба, чтобъ онъ мнѣ сейчасъ борону выволокъ, сѣять пойдемъ.

Такъ онъ приказывалъ, а того не помнилъ, что Куба давно померъ. Домашніе всѣ стояли давно передъ Борыной, не зная, что имъ дѣлать, а онъ вдругъ повалился на земь. Однако, скоро опять проговорилъ:

— Ты, Ганися, не бойся... Это меня такъ только, затмило... А что Антекъ—въ полѣ, а?—Больного уложили на одѣялѣ. А онъ свое:—Въ полѣ, что-ли?

— Еще бы... Съ самаго, какъ есть, свѣта...—Борына осматривался вокругъ и все говорилъ, говорилъ. Только на одно слово путное—десять пустыхъ. Хотѣлъ одѣваться, сапоговъ искалъ, а порой, схватившись за голову, стоналъ такъ пронзительно, что Ганка велѣла внесть его въ хату и послала за ксендзомъ.

Ксендзъ пришелъ съ причастіемъ, но только соборовалъ больного.

— Ничего ему уже не надо, въ любой часъ уснетъ.

Къ вечеру набралось въ хату народу, думали—уже помираетъ. Но старикъ успокоился и заснулъ. На другой день было то же самое. То онъ узнавалъ своихъ и говорилъ въ своемъ умѣ, то лежалъ какъ мертвый. Теперь сидѣть при немъ стала Ягна. Никто не отнималъ у жены ея права. Да и своего дѣла у каждаго было много. Шелъ сѣнокосъ, село было весь день на лугахъ.

Такъ прошло еще нѣсколько дней. А Антка все не было. Только въ полночь однажды Борына, проснувшись, сѣлъ на кровати, покивалъ головой, которую обливалъ свѣтъ мѣсяца, и пальцами сталъ перебирать по головѣ, лежа на постели, точно хотѣлъ побольше лучей набрать.

Онъ всталъ на полъ и пробормоталъ: — Уже свѣтаетъ... пора... — Подошелъ къ окну, и ему показалось, что уже день, что поздно, что торопиться надо...

— Пора, пора...

Онъ перекрестился нѣсколько разъ и сталъ искать, гдѣ сапоги;

потомъ забылъ о нихъ и вышелъ на дворъ. Проснулась собака, пошла за нимъ и, подскакивая, лизала ему руки.

Борына вошелъ въ конюшню и ласково потрепалъ лошадей, заглянулъ въ хлѣвъ; увидѣлъ на дворѣ телѣгу и хотѣлъ-было ее выдвинуть за дышло, но потомъ, примѣтивъ блестѣвшій на мѣсяцѣ плугъ, пошелъ къ нему, но забылъ и о немъ по дорогѣ...

Тогда онъ вышелъ въ поле. Собака бѣжала за нимъ.

— Сѣять пора...—Онъ присѣлъ на загонѣ и, повертѣвъ рукой передъ рубахи, другой рукой сталъ наполнять этотъ будто мѣшокъ землею съ гряды и съ трудомъ поднялся на ноги. Потомъ перекрестился, сдѣлалъ размахъ рукою — и сталъ землей сѣять...

Борынѣ и отъ этой горсти земли было тяжело. Онъ наклонился впередъ и медленно шелъ, шагъ за шагомъ, обсѣивая гряды полукружнымъ, какъ бы благословляющимъ движеніемъ руки.

Когда земли ему недоставало, онъ набиралъ новой и все ходилъ между грядами, тихо, точно призракъ, осѣнявшій благословеніемъ каждую кучку развороченной земли и каждую въ ней былинку.

А когда мѣсяцъ зашелъ, звѣзды стали меркнуть и пѣтухи запѣли передъ свѣтомъ, Борына забывалъ вновь набирать земли и сѣялъ пустою уже рукой, точно высѣивалъ на эту отцову и праотцову пашню—уже себя самого, всѣ прожитые дни, всю жизнь человѣческую; все это онъ въ свое время принялъ, а нынѣ возвращалъ тѣмъ же святымъ нивамъ—и Предвѣчному Богу!

Л. Полонскій.



НАШИ ЗАДАЧИ
НА
БЛИЖНЕМЪ ВОСТОКѢ

Несчастная война съ Японіей была вызвана ближайшимъ образомъ нашей ошибочной политикой на Дальнемъ Востокѣ. Завладѣвъ по пекинскому договору 1860 года Уссурійскимъ краемъ, мы затѣмъ въ теченіе слѣдующихъ 35-ти лѣтъ совсѣмъ какъ бы забыли о Дальнемъ Востокѣ. Но лѣтъ десять тому назадъ стали раздаваться голоса, что у насъ тамъ есть своя историческая миссія, что насъ стихійно влечетъ къ Тихому океану, что мы должны стать твердою ногою на его побережьяхъ и распространить свое культурное, политическое и военное вліяніе на сопредѣльныя страны. И вотъ, задавшись цѣлями, въ сущности не нужными для Россіи, не вызываемыми насущными потребностями ея государственной жизни и потому непонятными для огромнаго большинства ея населенія, мы безъ всякой для себя надобности заняли Портъ-Артуръ, а затѣмъ и Манчжурію, и вторглись въ сферу жизненныхъ интересовъ другихъ государствъ. За эти ошибки нашей политики, за непониманіе своихъ собственныхъ интересовъ, за полное незнакомство съ жизнью сосѣднихъ съ нами народовъ и игнорированіе ихъ потребностей и стремленій—намъ и пришлось поплатиться неслыханными пораженіями на сушѣ и на морѣ, и долго придется считаться еще и съ тяжелыми послѣдствіями неудачной войны. Этотъ кровавый урокъ, полученный нами на Дальнемъ Востокѣ, долженъ заставить насъ оглянуться и на другія наши якобы государственныя задачи и историческія миссіи и тщательно проанализировать, откуда взялись онѣ: вызваны ли онѣ къ жизни дѣй-

ствительными государственными нуждами Россіи, или составляютъ лишь плодъ фантазіи людей, не дающихъ себѣ труда ознакомиться подробнѣе съ дѣломъ и вникнуть глубже въ сущность его. Одною изъ такихъ задачъ, завѣщанныхъ намъ, будто бы, исторіей, является, по мнѣнію многихъ, овладѣніе Константинополемъ и турецкими проливами; изслѣдованію этого вопроса и посвящается предлагаемая статья.

Константинополь издревле пользовался славой города, имѣющаго міровое значеніе. Кому бы ни приходилось говорить о восточномъ вопросѣ, будь то скромный газетный дѣятель или такой авторитетъ въ вопросахъ политики и военнаго дѣла, какъ Наполеонъ, для всѣхъ крупное, капитальное значеніе Константинополя являлось аксіомой, исходной точкой всякихъ сужденій по этому вопросу. Въ извѣстномъ смыслѣ такое сужденіе о Константинополѣ было нѣкогда безусловно вѣрнымъ. Его дивное, единственное въ мірѣ географическое положеніе во всѣ времена привлекало къ себѣ вниманіе наблюдателей. Благодаря ему, Константинополь, обладая совершенно исключительною обороноспособностью, могъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть превосходною базою для наступательныхъ дѣйствій какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи. Тѣмъ не менѣе, его міровое значеніе обусловливалось не этою особенностью: она не помѣшала Византійской имперіи исчезнуть съ лица земли, какъ не могла удержать и Турцію на степени первоклассной державы. Выдающееся значеніе Константинополя обусловливалось единственно его положеніемъ по отношенію къ путямъ міровой торговли.

Находясь на границѣ двухъ міровъ, будучи главнымъ складочнымъ мѣстомъ произведеній Европы и Азіи, держа въ политической отъ себя зависимости прочіе города Леванта, онъ господствовалъ надъ міровымъ торговымъ путемъ, по которому товары богатѣйшихъ странъ міра, Китая, Индіи, Персіи и Аравіи, доставлялись въ Европу. Это господство было полнымъ въ средніе вѣка, когда вся торговля Европы съ Азіей шла исключительно черезъ Левантъ. Впервые оно пошатнулось съ открытіемъ морского пути въ Индію; показателемъ происшедшей тогда перемѣны явилось паденіе итальянскихъ республикъ, все могущество которыхъ основывалось на торговлѣ съ Константинополемъ и малоазіатскими и сирійскими портами. По мѣрѣ развитія морскихъ сношеній значеніе Леванта, какъ мірового торговаго пути, падало все болѣе и болѣе, и уже въ прошломъ столѣтіи,

стямъ арміи въ вооруженіи удовлетворяетъ, главнымъ образомъ, покупкою за границей, что возможно, конечно, и въ военное время, даже въ случаѣ захвата Константинополя непріятелемъ. Остается затѣмъ за Константинополемъ значеніе административнаго центра; но турки по природѣ—кочевники, которыхъ соединяетъ въ одно цѣлое не та или другая организація управленія ими, а привязанность къ религіи, къ единовѣрцамъ, къ представителю рода Османа, такъ что потеря даже такого крупнаго административнаго центра, какъ Константинополь, врядъ-ли отразится замѣтнымъ образомъ на ихъ обороноспособности. Нравственное же впечатлѣніе, которое произведетъ на турокъ переходъ Константинополя въ руки непріятеля, совершенно не поддается оцѣнкѣ по трудности проникнуть въ духовный міръ этого народа, столь отличнаго отъ насъ во всѣхъ отношеніяхъ; судя, однако, по тому, что въ его воспоминаніяхъ весьма слабо сохранились сказанія о его былой славѣ и былыхъ несчастіяхъ, можно полагать, что и паденіе Константинополя мало отразится на психикѣ этихъ кочевниковъ, которыхъ гонятъ въ бой побужденія не патріотическаго, а религіознаго характера.

А потомъ,—и это самое важное,—избирая операціонное направленіе на Константинополь моремъ, пришлось бы отказаться отъ существеннѣйшаго преимущества русскихъ армій передъ турецкими. Достоинства послѣднихъ извѣстны: это—люди, какъ бы созданные для войны, крѣпкіе, здоровые, сильные, нетребовательные, трезвые, выносливые, глубоко религіозные, глубоко презирающіе христіанъ, слѣпо повинующіеся своимъ начальникамъ, видящіе въ этомъ повиновеніи, какъ и вообще во всѣхъ своихъ обязанностяхъ воина, исполненіе религіознаго долга. Съ другой стороны, турецкимъ арміямъ присущи и серьезные недостатки: неспособность начальствующихъ лицъ—отъ высшихъ и до низшихъ—проникнуться духомъ европейскаго военнаго искусства, составляющаго результатъ всей культурной жизни европейскихъ народовъ, и, какъ слѣдствіе, неспособность примѣнить всѣ тѣ средства, которыя даетъ европейскимъ арміямъ высокій культурный уровень народа и научно подготовленный контингентъ начальствующихъ лицъ. Сложная организація европейскихъ армій не можетъ быть проведена съ должной послѣдовательностью и точностью въ турецкой арміи: нѣмецкимъ организаторамъ турецкихъ вооруженныхъ силъ удалось использовать весь имѣющійся матеріалъ въ людяхъ путемъ болѣе или менѣе хорошо соображенной системы резервовъ и создать многочисленную армію; но сдѣлать ее подвижною, способною къ маневрированію, къ активнымъ дѣйствіямъ,

организовать управленіе ею оказалось невозможнымъ: всѣ старанія разбиваются объ инертность народа, отсутствіе въ немъ духа предпріимчивости и инициативы, объ его умственную тяжеловѣсность и неповоротливость, о полное равнодушіе къ точнымъ наукамъ и научнымъ изысканіямъ. Въ лучшей организаціи нашихъ армій, въ ихъ большей способности къ маневрированію, къ активнымъ дѣйствіямъ, къ наступленію, кроется одна изъ важнѣйшихъ причинъ нашихъ успѣховъ въ войнахъ съ турками, и отказываться отъ использованія этихъ преимуществъ едвали правильно. Въ минувшую кампанію русскія войска подошли къ Константинополю послѣ страшныхъ трудовъ, усилій и большихъ потерь; но зато на защиту Константинополя у турокъ оставались лишь разстроенные, деморализованные остатки ихъ армій. Избирая же операціонное направленіе моремъ, русскія войска избѣгли бы, правда, тѣхъ жертвъ, съ которыми было связано наступленіе къ Константинополю въ 1877—78 гг., но зато имъ пришлось бы начать кампанію съ обороны у мѣстъ высадки и встрѣтить у стѣнъ Константинополя въ укрѣпленныхъ позиціяхъ свѣжую турецкую армію. А что такое турки на укрѣпленныхъ позиціяхъ—мы хорошо знаемъ по примѣру Плевны.

Такимъ образомъ, операціонное направленіе моремъ, приводя къ второстепенной цѣли, заставляло бы насъ вмѣстѣ съ тѣмъ отказаться отъ того образа дѣйствій, который до послѣдняго времени обезпечивалъ за нами успѣхъ въ войнахъ съ турками. Эти крупные недостатки морской операціонной линіи, очевидно, болѣе чѣмъ уравновѣшиваютъ тѣ достоинства ея, о которыхъ говорилось выше.

Подводя итоги, приходится признать, что настоящее положеніе вещей на юго-востокѣ Европы, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что касается проливовъ и Константинополя, какъ нельзя болѣе выгодно для Россіи. Тотъ фактъ, что проливами владѣютъ турки, не отражается сколько-нибудь вреднымъ образомъ на ея государственной жизни; наши торговыя суда свободно плаваютъ по Черному морю и проливамъ; русскія войска и военные грузы, слѣдующіе на Дальній Востокъ или обратно, безпрепятственно проходятъ черезъ турецкую столицу и ряды батарей, преграждающихъ доступъ къ ней со стороны моря; ни одна морская держава не можетъ атаковать наши черноморскіе берега, не заручившись предварительно союзомъ съ турками. Съ другой стороны, завоеваніе Константинополя и проливовъ не дастъ Россіи сколько-нибудь серьезныхъ выгодъ. Константинополь, какъ торговый центръ, давно потерялъ свое былое значеніе и теперь представляетъ не

болѣе какъ рынокъ, служащій для удовлетворенія потребностей только своего населенія. И это обезцѣненіе Константинополя произошло не вслѣдствіе нахожденія его во власти турокъ, а вслѣдствіе того, что міровой торговый путь, нѣкогда пролегавшій черезъ него, теперь отклонился къ югу, прошелъ черезъ Суэцкій каналъ и оставилъ Константинополь въ сторонѣ; поэтому переходъ въ другія руки не возстановитъ его былого значенія. Овладѣніе проливами, конечно, откроетъ русскому черноморскому флоту доступъ въ Средиземное море; но этотъ результатъ не дастъ никакихъ выгодъ для Россіи, потому что у нея нѣтъ и въ близкомъ будущемъ не предвидится ни въ Средиземномъ морѣ, ни вообще гдѣ-либо за океаномъ никакихъ задачъ государственной важности, рѣшеніе которыхъ требовало бы наличія боевого флота. Съ точки зрѣнія оборонительной проливы также не нужны Россіи: берега Чернаго моря въ оборонительномъ отношеніи находятся даже въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ берега другихъ русскихъ морей; овладѣніе проливами и укрѣпленіе ихъ не удешевятъ и не облегчатъ сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ обороны Чернаго моря и ничѣмъ не улучшатъ нашего положенія на немъ. Захватъ проливовъ или даже одного только верхняго Босфора не нуженъ и для обезпеченія операціонной линіи къ Константинополю въ случаѣ войны съ турками, такъ какъ существенные недостатки ея вынудятъ избрать другое операціонное направленіе.

Но если, такимъ образомъ, утвержденіе Россіи на берегахъ Босфора, Мраморнаго моря и Дарданеллъ не вызывается какими-либо насущными государственными потребностями и не обѣщаетъ Россіи никакихъ выгодъ въ экономическомъ, политическомъ или военномъ отношеніяхъ, то не можетъ быть сомнѣнія, что присоединеніе хотя бы одного даже верхняго Босфора будетъ имѣть крайне невыгодное вліяніе на отношенія ея ко всѣмъ державамъ, заинтересованнымъ въ судьбахъ Балканскаго полуострова, и особенно къ славянскимъ народамъ, населяющимъ его. Европейскіе берега Босфора, Мраморнаго моря и Дарданеллъ по географическимъ, этнографическимъ и историческимъ условіямъ составляютъ наслѣдіе народовъ Балканскаго полуострова — болгаръ, сербовъ, грековъ. Пришельцы-турки истощаютъ послѣднія свои силы, чтобы сдержать домогательства этихъ народовъ на ихъ законное наслѣдство. Захватъ проливовъ Россіей заставитъ турокъ уйти въ Азію, и тогда уже Россіи придется сдерживать стремленіе балканскихъ народовъ къ полному господству на полуостровѣ. Едва ли въ интересахъ Россіи возстановлять противъ себя родственные и единовѣрные народы, въ развитіи

которыхъ она, напротивъ, должна видѣть залогъ самобытнаго культурнаго развитія славянства. Поэтому въ интересахъ Россіи, какъ славянскаго государства, тщательно избѣгать всего того, что можетъ повести къ вѣчной, непримиримой враждѣ съ другими славянскими народами. А захватъ Константинополя и проливовъ болѣе, чѣмъ что-либо другое, разъединилъ бы навѣки Россію и родственные ей народы Балканскаго полуострова, пробудивъ въ послѣднихъ вполнѣ понятное и, съ ихъ точки зрѣнія, законное чувство вражды къ народу, отнявшему у нихъ возможность дальнѣйшаго доступнаго ихъ силамъ развитія.

Все это показываетъ, что Константинополь и проливы не нужны Россіи. Но если это такъ, то чего же мы рвались такъ упорно на югъ, для чего Россія въ теченіе почти полутора вѣка вела рядъ дорого стоившихъ войнъ съ Турціей на Балканскомъ полуостровѣ, не давшихъ ей почти никакихъ матеріальныхъ выгодъ? Для чего ей было ослаблять Турцію? Неужели всѣ эти войны были результатомъ ошибочнаго пониманія интересовъ Россіи государственными людьми, руководившими ея политикой? Конечно, нѣтъ. У Россіи на Балканскомъ полуостровѣ есть очень крупные, очень серьезные интересы; но это — не занятіе Константинополя и проливовъ, не стихійное стремленіе къ океану, будто бы существующее у русскаго народа, это не національные интересы, а интересы высшаго порядка — расовые, племенные. Борьба расъ въ человѣчествѣ — не миѳъ, а несомнѣнная дѣйствительность: наши западные сосѣди вели и ведутъ ее на нашихъ глазахъ со свойственной имъ прямолинейностью. Многочисленныя славянскія племена, жившія нѣкогда по Эльбѣ и Одеру, вполнѣ онѣмечены; теперь ожесточенная борьба идетъ въ восточныхъ областяхъ Пруссіи съ поляками, упорно не поддающимися германизаціи. Но виды германцевъ несомнѣнно простираются гораздо дальше — на востокъ и юго-востокъ Европы. Въ „Jahrbuch der Weltgeschichte“, издаваемомъ Карломъ Іентшемъ, за 1901 годъ, говорится, между прочимъ, (стр. 259): „Единственное средство сдѣлать русскихъ полезными членами человѣческаго общества и спасти отъ заболачиванія и песчаныхъ заносовъ драгоцѣнный черноземъ, который легко можетъ прокормить болѣе 100 милліоновъ человѣкъ, заключается въ широкой иммиграціи нѣмцевъ. Нѣмецкіе помѣщики, фабриканты, учителя, чиновники сдѣлали бы изъ способныхъ русскихъ дѣльныхъ и интеллигентныхъ рабочихъ, а изъ Россіи — цвѣтущую, богатую, счастливую страну“. Такой же взглядъ высказываетъ и издатель журнала „Zukunft“, Максимиліанъ Гарденъ.

Эти и подобные имъ факты и мнѣнія краснорѣчиво подтверждаютъ мысль о несомнѣнности борьбы расъ между собою. Поэтому, чѣмъ болѣе будетъ независимыхъ славянскихъ государствъ, тѣмъ выгоднѣе для Россіи, какъ славянскаго государства. Для Россіи задача освобожденія родственныхъ ей славянскихъ народовъ гдѣ бы то ни было, въ томъ числѣ и на Балканскомъ полуостровѣ, и возрожденіе ихъ къ самостоятельной жизни не можетъ считаться проявленіемъ пустой сантиментальности, а напротивъ, являлось и является дѣломъ первостепенной важности. И чѣмъ сильнѣе будутъ эти народы, тѣмъ лучше: для Россіи они не могутъ сдѣлаться страшными, въ борьбѣ же съ другими расами и племенами они будутъ ея естественными союзниками. Ихъ существованіе рядомъ съ Россіей обезпечиваетъ самобытное культурное развитіе славянства. Большую часть своей задачи по отношенію къ славянамъ Балканскаго полуострова Россія уже выполнила: она освободила ихъ и вывела на путь самостоятельной жизни. Теперь ей остается лишь, не беря уже на себя главной роли, помочь имъ добиться полнаго господства на Балканскомъ полуостровѣ и оградить ихъ независимость отъ посягательствъ чуждыхъ славянству элементовъ. Когда турки уйдутъ въ Малую Азію, когда славянскія государства распространятся по всему Балканскому полуострову, когда проливы и Мраморное море будутъ служить естественной границей, раздѣляющей славянскія государства отъ Турецкой имперіи въ Малой Азіи,—тогда Россія может считать свою миссію по отношенію къ Балканскому полуострову законченною. Въ настоящее время задача эта стоитъ на пути своего осуществленія. Если же Россія, поддавшись внушеніямъ газетныхъ политиковъ и стратеговъ, пустится въ авантюру и сдѣлаетъ попытку занять проливы или даже только верхній Босфоръ, — можно ли предвидѣть, какой оборотъ примутъ тогда дѣла на Балканскомъ полуостровѣ съ точки зрѣнія интересовъ славянства, а слѣдовательно, и Россіи?

Э. Х. Калнинъ.



СТИХОТВОРЕНІЯ

Листопадъ.

I.

Стараго парка молчаніе,—
Вѣтра чуть слышится вздохъ;—
Стихло подъ горкой журчаніе:
Быстрый ручей пересохъ.

Чашею блѣдно-лазурною
Кажется здѣсь небосклонъ;
Въ чащѣ, межъ старыхъ колоннъ—
Статуя: дѣвушка съ урною.

Статуя—словно расколота,
Цоколь ея поврежденъ,
Падаютъ въ урну временъ
Листья червоннаго золота...

Въ вѣчность уходятъ часы,
И въ уходящемъ мгновеніи—
Жизни былой дуновеніе,
Призракъ минувшей красы.

II.

Раздвинулись тучи густыя,
Лучъ солнца упалъ съ высоты,

Кружа̀тся листы золотые,
Съ деревъ облетаютъ листы.

Въ паденіи ихъ молчаливомъ
Покорная дышетъ печаль,
Прозрачно-жемчужнымъ отливомъ
Подернулась блѣдная даль.

Кой-гдѣ остріями соломы
Щетинится поле вдали,
Вѣтвей обнаженныхъ изломы—
Повисли кой-гдѣ до земли.

Безжалостный слѣдъ урагановъ!
Но солнечный лучъ въ вышинѣ,
Прорвавшій завѣсу тумановъ—
Мечта о далекой веснѣ.

О. Чюмина.

ДЕБРИ

РОМАНЪ.

— Upton Sinclair. The Jungle. London 1906 (W. Heinemann).

XIII *).

Въ то время какъ Юргисъ искалъ работы, умеръ маленькій Христофоръ, самый младшій изъ дѣтей тети Ельзбеты. Онъ былъ очень болѣзненный, хилый ребенокъ,—но мать любила его особой нѣжностью, и была въ отчаяньи, когда онъ умеръ. Трудно было съ точностью установить причину его смерти; очень возможно, что онъ умеръ отъ того, что съѣлъ утромъ колбасу, навѣрное сдѣланную изъ туберкулезнаго свиного мяса, признаннаго непригоднымъ для вывоза. Черезъ часъ послѣ того, какъ онъ поѣлъ, онъ сталъ плакать отъ боли въ желудкѣ, и съ нимъ сдѣлались судороги. Когда пришелъ докторъ, мальчикъ уже лежалъ мертвый. Его никто особенно не жалѣлъ,—все равно онъ былъ хромой, слабый, неспособный къ жизни; одна только тетя Ельзбета была въ ужасномъ горѣ и ломала руки, рыдая надъ ребенкомъ. Юргисъ сказалъ, что пусть ребенка похоронятъ на счетъ города, такъ какъ они слишкомъ бѣдны, чтобы устраивать похороны. Но тетя Ельзбета начала рыдать и возмущаться его жестокосердіемъ. Тогда Марія дала десять долларовъ, сосѣди тоже одолжили немного, и маленькаго Христофора отпѣли какъ слѣдуетъ, зарыли въ маленькую могилку и поставили на ней крестъ. Тетя Ельзбета потомъ мѣсяцами не могла оправиться отъ своего горя. Она все говорила, что у бѣднаго ея ребенка не было счастья. Былъ вѣдь случай вылечить его больную ножку: какой-то милліонеръ выпи-

*) См. сент., 276 стр.

салъ знаменитаго доктора изъ Европы, чтобы лечить свою дочку отъ такой же болѣзни, какъ у Христофора,—и докторъ объявилъ, что будетъ даромъ лечить всѣхъ бѣдныхъ дѣтей; ему нуженъ былъ матеріалъ для опытовъ. Газеты славили его великодушіе, но бѣдная Ельзбета не умѣла читать, и никто ей не разсказалъ въ надлежащее время о пріѣздѣ знаменитости. Впрочемъ, можетъ быть, это было къ лучшему, — все равно вѣдь не было денегъ, чтобы поѣхать на трамваѣ съ ребенкомъ,—и ни у кого не было времени свезти его.

Во время поисковъ работы Юргиса преслѣдовалъ одинъ призракъ, одна ужасная перспектива. Есть самая низшая степень, на которую можетъ опуститься человѣкъ, отчаявшись найти работу,—это поступить въ отдѣленіе, гдѣ изготовляется искусственное химическое удобреніе для полей, и Юргисъ былъ въ ужасѣ, что ему придется взяться за эту работу.

О ней говорили съ таинственнымъ ужасомъ; лишь одинъ человѣкъ изъ десяти брался за нее,—остальные знали о ней только по наслышкѣ. Работать въ этомъ отдѣленіи было хуже, чѣмъ умирать отъ голода. Юргисъ долго не рѣшался. Но развѣ онъ могъ жить на заработки Оны и отказываться отъ какого бы то ни было дѣла? Какъ ни страшна была работа въ этомъ отдѣленіи, Юргисъ ходилъ навѣдываться, не возьмутъ ли его туда — съ тайной надеждой, что ему откажутъ.

Это отдѣленіе фабрики Дургэма лежало вдали отъ всѣхъ другихъ рабочихъ помѣщеній. Посѣтители туда чрезвычайно рѣдко заглядывали. Туда направлялись остовы тушъ и всевозможные отбросы. Тамъ высушивали кости. Въ затхлыхъ подвалахъ, куда никогда не попадало солнце, мужчины, женщины и дѣти стояли, согнувшись надъ станками, и пилили кусочки костей, самыхъ разнообразныхъ видовъ. Наполняя легкія пылью отъ костей, они обрекали себя на скорую смерть. Здѣсь добывали альбуминъ изъ крови и превращали разныя зловонныя вещества въ еще болѣе зловонныя. Среди пыли и пара электрическій свѣтъ сіялъ далекими мигающими звѣздочками. Запахи, наполнявшіе тамъ воздухъ, не поддавались никакимъ опредѣленіямъ словами. Входя туда, нужно было собраться съ духомъ, какъ передъ тѣмъ, чтобы броситься въ холодную воду. И во все время пребыванія тамъ посѣтитель чувствовалъ себя точно подъ водой, задыхался, прижимая платокъ къ лицу, давился, кашлялъ. И если онъ не уходилъ сейчасъ же, то у него такъ начинала кружиться голова отъ паровъ нашатыря, что онъ выскакивалъ какъ безумный, не будучи въ силахъ выдержать ни минуты дольше.

Надъ этимъ помѣщеніемъ были комнаты, гдѣ сушилась темная жилистая масса, которая оставалась отъ туши послѣ того, какъ оттуда извлекли весь жиръ и все сало до послѣдняго остатка. Это сухое вещество перемалывали въ тончайшій порошокъ и смѣшивали съ толченымъ бурымъ известнякомъ, который привозился туда въ огромныхъ количествахъ. Эту смѣсь нагружали въ мѣшки и развозили по всему міру, какъ искусственный фосфатъ для удобренія полей. Какой-нибудь фермеръ въ Калифорніи или Тексасѣ покупалъ это искусственное удобреніе по двадцати-пяти долларовъ за тонну и удобрялъ имъ свои поля. И въ теченіе нѣсколькихъ дней послѣ того на поляхъ стоялъ невыносимый ѣдкій запахъ; запахомъ этимъ пропитывались на нѣкоторое время и самъ фермеръ, и его телѣга, и лошадь, которая его везла. А между тѣмъ въ этомъ случаѣ изготовляемый изъ костей фосфатъ примѣшивался только въ небольшомъ количествѣ къ бурому известняку, и эта смѣсь распредѣлялась на нѣсколько акровъ земли подъ открытымъ небомъ. Каково же было тамъ, гдѣ вещество это производилось въ чистомъ видѣ, гдѣ сотни и тысячи тоннъ его покрывали полъ на нѣсколько вершковъ, гдѣ воздухъ наполнялся удушливой пылью, которая при малѣйшемъ вѣтрѣ разлеталась тончайшимъ пескомъ и слѣпила глаза!

Къ этому-то помѣщенію, гдѣ изготовлялись искусственные фосфаты, Юргисъ приходилъ каждый день, точно его гнала туда какая-то невидимая сила. Въ маѣ было прохладно, рабочихъ тамъ было достаточно, и къ внутренней радости Юргиса его не принимали. Но послѣ страшной жары въ іюнѣ понадобились новыя силы въ этомъ аду. Разъ, когда Юргисъ пришелъ туда часа въ два дня, надзиратель подозвалъ его. Юргисъ почувствовалъ острую боль въ сердцѣ, направляясь на зовъ. Но уже черезъ десять минутъ онъ сбросилъ куртку и сталъ на работу. Передъ нимъ была новая трудность, которую нужно было побороть.

Работѣ своей онъ выучился въ нѣсколько минутъ. Его поставили передъ мельницей, которая молола фосфатъ: послѣдній выходилъ изъ отверстія большимъ коричневымъ потокомъ, отбрасывая вверхъ облако тончайшей пыли. Юргису дали лопату, и онъ долженъ былъ нагружать ею эту коричневую массу на повозку; эту же работу дѣлали еще шесть человѣкъ. Юргисъ зналъ, что подлѣ него работаютъ другіе люди только потому, что слышалъ звуки, и иногда наталкивался на товарищей, нагружая повозки; но видѣть ихъ онъ не могъ; въ пыли, засти-

лавшей глаза, ничего не видать было на разстояніи шести шаговъ. Наполнивъ одну повозку, онъ долженъ былъ ждать другую и ощупью искать ее. Черезъ пять минутъ онъ былъ весь съ головы до ногъ въ фосфатѣ. Ему дали губку, чтобы привязать ее ко рту и дышать черезъ нее; но губы и рѣсницы были облѣплены, а также уши до самыхъ краевъ. Температура была больше ста градусовъ; Юргисъ работалъ безъ куртки и жилета, и химическіе составы всасывались въ его тѣло черезъ поры. Черезъ пять минутъ у него разболѣлась голова; черезъ четверть часа онъ былъ оглушенъ и ослѣпленъ. Кровь громко стучала у него въ вискахъ; онъ чувствовалъ невыносимую боль въ темени и едва могъ дѣйствовать руками. Но все-таки онъ работалъ съ бѣшеной рѣшимостью одолѣть всѣ трудности, думая только объ ужасномъ времени безработицы. Черезъ полчаса у него началась сильнѣйшая рвота. Надзиратель сказалъ ему, что можно привыкнуть къ этой работѣ при достаточно твердой рѣшимости. Но Юргисъ увидѣлъ теперь, что нужно пріучить не только волю, но и желудокъ.

Къ концу дня онъ уже едва держался на ногахъ и нѣсколько разъ прислонялся къ столбу. Обыкновенно рабочіе прямо послѣ работы отправлялись въ кабакъ. Юргису было слишкомъ дурно, чтобы рѣшиться выпить, и онъ поспѣшилъ добраться до трамвая и поѣхалъ домой. Впослѣдствіи ему было смѣшно наблюдать за результатами своего появленія въ публикѣ послѣ работы, но въ первый разъ ему было такъ дурно, что онъ ничего не замѣчалъ. Онъ не видѣлъ, какъ всѣ въ вагонѣ стали задыхаться и зажимать носы платками, обращая на него взбѣшенные взгляды. Человѣкъ, противъ котораго онъ сталъ, не найдя мѣста для сидѣнья, моментально всталъ и уступилъ ему мѣсто; черезъ минуту сидѣвшіе направо и налѣво отъ него быстро поднялись и ушли. Черезъ минуту биткомъ набитый вагонъ совершенно опустѣлъ; тѣ, которые не нашли мѣста на площадкѣ, соскочили и продолжали путь пѣшкомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ его возвращенія домой, все вокругъ него пропиталось ужасающимъ запахомъ, который онъ принесъ съ собой. Онъ сталъ неистощимымъ источникомъ зловонія. Вся ѣда сразу имъ проникласъ, и у всѣхъ сдѣлалась рвота. Самъ Юргисъ нѣсколько дней не могъ ничего ѣсть: ротъ и горло полны были яда, котораго онъ наглотался во время работы. Но Юргисъ все-таки продолжалъ работать, и черезъ недѣлю привыкъ, могъ ѣсть, и хотя голова продолжала болѣть, но не настолько, чтобы мѣшать ему работать.

Такъ прошло еще одно лѣто, сравнительно благополучное: у всѣхъ въ семьѣ Юргиса была работа; они выплатили долги и могли опять отложить кое-что. Но одна изъ семейныхъ жертвъ, принесенныхъ во время болѣзни Юргиса, оказалась пагубной по своимъ послѣдствіямъ. Два младшихъ мальчика совершенно развратились, продавая газеты въ городѣ. Подъ вліяніемъ новыхъ знакомствъ они научились отборной англійской брани, подбирали окурки сигаръ и пріучались курить; научились также играть въ карты, знали всѣ городскіе притоны и имена хозяекъ,—могли направить туда пріѣзжихъ провинціаловъ; знали, гдѣ скрываются разныя темныя личности. Хуже всего было то, что они перестали возвращаться домой на ночь, предпочитая прикурнуть гдѣ-нибудь подъ лѣстницей въ городѣ, чтобы утромъ не торопиться и не пробираться мошенническимъ образомъ по трамваю. Они вѣдь приносили по полдоллара въ день каждый,—такъ не все ли равно, въ которомъ часу они забѣгаютъ домой отдать деньги! Но Юргисъ возмутился, говоря, что если имъ это позволить, то скоро они совсѣмъ сбѣгутъ изъ дому. Рѣшили поэтому, что Вилимъ и Николай опять начнутъ ходить въ школу, а вмѣсто того тетя Ельзбета поищетъ себѣ работы на фабрикахъ. Ея заботы по хозяйству можетъ взять на себя Котрина.

Какъ всѣ дѣти въ рабочемъ классѣ, Котрина сдѣлалась взрослой прежде времени. Она умѣла отлично няньчить младшаго брата и младенца Юргиса и Оны, умѣла варить, мыть посуду, приготовлять ужинъ къ приходу рабочихъ. Ей было всего тринадцать лѣтъ, но она безропотно исполняла всю домашнюю работу, и мать могла спокойно искать работы внѣ дома. Походивъ нѣсколько дней по дворамъ, Ельзбета нашла мѣсто работницы въ колбасномъ отдѣленіи. Ельзбета привыкла работать съ утра до вечера, но тутъ приходилось стоять весь день на одномъ мѣстѣ, не двигаясь, и это было ей очень тяжело. Въ первые дни она страдала не меньше, чѣмъ Юргисъ на фабрикѣ искусственнаго удобренія. Кромѣ того, помѣщеніе, гдѣ она работала, было въ подвалѣ, куда не проникалъ дневной свѣтъ. Приходилось всегда работать при электрическомъ свѣтѣ, въ страшной сырости. Полъ постоянно заливало водой, и въ комнатѣ стоялъ тошнительный запахъ размоченнаго мяса. Люди, работавшіе тамъ, приспособлялись къ своей мастерской, какъ животныя приспособляются къ цвѣту окружающей природы. Лица у нихъ были такого же землистаго цвѣта, какъ „свѣжая деревенская колбаса", которую они изготовляли.

Осмотрѣть колбасную было очень любопытно,—но только съ

тѣмъ условіемъ, чтобы не оставаться тамъ дольше, чѣмъ двѣ-три минуты, и, кромѣ того, не смотрѣть на работающихъ тамъ людей. Машины колбаснаго отдѣленія—наиболѣе замѣчательныя изо всѣхъ на фабрикѣ. Вѣроятно, прежде колбасы набивались и разрѣзывались руками,—и любопытно было бы узнать, сколько рабочихъ лишились занятій съ изобрѣтеніемъ этихъ машинъ. Въ одномъ концѣ комнаты стояли огромнѣйшія лохани, куда наваливали груды мяса и пряностей. Посрединѣ ихъ были вращающіеся ножи, которые дѣлали по двѣ тысячи оборотовъ въ минуту. Когда мясо было тончайшимъ образомъ изрублено, перемѣшано съ картофельной мукой и въ изобиліи смочено водой, то его направляли для начинки въ другой конецъ комнаты, гдѣ находились машины для начинки. Этими машинами управляли женщины. Онѣ держали въ рукахъ нѣчто вродѣ насоса. Каждая изъ нихъ брала длинную полосу колбасныхъ кожицъ и надѣвала одинъ конецъ на узкій конецъ насоса; затѣмъ она натягивала всю полосу—длиной въ двадцать-тридцать футовъ—какъ перчатку на палецъ. Это продѣлывалось съ необычайной быстротой. Послѣ того она нажимала рычагъ, и изъ машины вытекалъ цѣлый потокъ мясной начинки и попадалъ прямо въ приготовленныя кожицы. Любопытно было стоять и наблюдать, какъ изъ машины выходила извивающаяся безконечная колбаса. Впереди было приспособленіе, захватывающее эту извивающуюся змѣю; двѣ женщины перехватывали ее и раздѣляли на отдѣльныя колбасы опредѣленной длины. Дѣлали онѣ это съ непонятнымъ для непосвященнаго искусствомъ. Онѣ разъ надавливали рукой—и получались ряды колбасъ, свѣшивающихся съ одного общаго центра. Женщины работали такъ быстро, что не было возможности услѣдить за ихъ движеніями, и видны были только возникающія ожерелья колбасъ. Но среди полумглы въ сыромъ помѣщеніи можно было все-таки замѣтить напряженное выраженіе лицъ, двѣ поперечныя морщины на лбу и мертвенно-блѣдныя щеки работницъ. А когда посѣтитель замѣчалъ это, онъ вдругъ соображалъ, что ему некогда, что онъ долженъ поскорѣе уйти отсюда. Но женщины, которыя начиняли и разрѣзали колбасы, не уходили. Онѣ продолжали работать часъ за часомъ, день за днемъ, годъ за годомъ. Имъ платили поштучно, и большей частью каждая изъ нихъ должна была содержать семью. А по безпощадному экономическому закону это возможно было лишь въ томъ случаѣ, если она работала именно такъ, сосредоточивая всѣ силы духа и тѣла на работѣ, никогда не поднимая глазъ на изящно одѣтыхъ лэди и джентльменовъ, которые

приходили глазѣть на нее, какъ на дикое животное въ звѣринцѣ.

XIV.

Марія очищала на одной изъ фабрикъ порченыя туши, а тетя Ельзбета работала въ колбасномъ отдѣленіи, —и такимъ образомъ вся семья имѣла случай ознакомиться съ мошенническими пріемами, практикуемыми на фабрикахъ. Оказалось, что для изготовленія колбасъ берется то мясо, которое уже не пригодно ни на что другое,—до того оно сгнило. Іонасъ разсказывалъ имъ съ своей стороны о томъ, что дѣлается въ мастерскихъ, гдѣ изготовляютъ растворы и пропитываютъ ими мясо для консервовъ. Такимъ образомъ, они могли всесторонне изучить все, что продѣлывается съ испорченнымъ мясомъ на чикагскихъ фабрикахъ. Теперь только они поняли истинный смыслъ фабричной шутки о томъ, что фабриканты пускаютъ въ оборотъ въ свиньѣ все—кромѣ только ея писка.

Іонасъ разсказывалъ имъ, что мясо, лежавшее въ чанахъ съ химическимъ растворомъ, вынимали оттуда иногда совершенно прокисшимъ. Тогда его натирали содой—и продавали для даровыхъ завтраковъ съ благотворительной цѣлью. Онъ разсказывалъ имъ также о химическихъ чудесахъ, которыя тамъ продѣлывались съ цѣлью придать всякому мясу, свѣжему или соленому, цѣльному или рубленному, какой угодно запахъ и цвѣтъ. Для приготовленія консервовъ ветчины имѣлась остроумная машина, въ значительной степени ускорявшая работу. Она состояла изъ полой иглы, соединенной съ насосомъ. Втыкая ее въ ветчину и нажимая ногой педаль, рабочій пропитывалъ въ нѣсколько секундъ окорокъ острымъ химическимъ составомъ. Но иногда и послѣ того еще ветчина сохраняла невыносимый гнилой запахъ. Тогда въ нее накачивали вторую порцію раствора, еще болѣе крѣпкаго; это называлось „влить тридцати-процентнаго“. Прежде случалось, что изъ приготовленныхъ къ продажѣ копченыхъ окороковъ довольно большое число приходилось браковать за полной испорченностью. Но потомъ фабриканты придумали способъ спасать ихъ: нужно было только вырѣзать кость, вокругъ которой сосредоточивалось все сгнившее мясо, и ввести въ отверстіе раскаленный желѣзный прутъ для прочистки.

Практиковалось также множество другихъ продѣлокъ въ томъ же родѣ: продавали, напримѣръ, „ветчину безъ костей“; на самомъ дѣлѣ это были отбросы свинины, которымъ придавался

видъ ветчины. Или же рекламировались „окорока, очищенные отъ кожи“: они изготовлялись изъ самыхъ старыхъ свиныхъ тушъ съ невозможно тяжелой грубой кожей.

Въ колбасную, гдѣ работала Ельзбета, ветчина попадала уже тогда, когда она окончательно протухала. Но она теряла всякій запахъ послѣ того, какъ подвергалась дѣйствію ножа, дѣлающаго двѣ тысячи оборотовъ въ минуту, и послѣ того, какъ ее перемѣшивали съ тонной другого мяса. Для начинки колбасъ брали что попало, совершенно не стѣсняясь. Брали, напримѣръ, протухшую старую колбасу, присланную обратно изъ Европы, заплесневѣвшую, совершенно бѣлую. Ее обильно смачивали борной съ глицериномъ и начиняли ею колбасы для продажи въ самой странѣ. Затѣмъ подбирали мясо съ полу, гдѣ оно валялось въ грязи и пыли. Его топтали ногами; оно покрыто было плевками, содержащими миріады туберкулезныхъ микробовъ. Мясо для начинки навалено было въ складахъ огромными грудами, и на него стекалъ дождь изъ трещинъ въ крышѣ; по немъ бѣгали также полчища крысъ. Въ этихъ складочныхъ мѣстахъ было темно, но рабочему стоило только провести рукой, чтобы снять пригоршнями крысій пометъ. Крысы эти были истиннымъ бѣдствіемъ, и чтобы избавиться отъ нихъ, имъ клали хлѣбъ съ отравой. Ядъ убивалъ крысъ, и тогда мертвыя крысы, хлѣбъ и мясо попадали вмѣстѣ въ лохани для рубленаго мяса. Это не сказка и не шутка. Мясо перевозили изъ склада на повозкахъ. И бросая на повозки мясо лопатами, работникъ и не подумалъ бы отбросить мертвую крысу, даже еслибы замѣтилъ ее.

Да кромѣ того въ начинку для колбасъ попадало многое, въ сравненіи съ чѣмъ крысы были лакомымъ кускомъ. Такъ какъ рабочимъ негдѣ было мыть руки передъ обѣдомъ, то они мылись въ водѣ, которой смачивалась начинка для колбасъ. На фабрикахъ оставались также всегда неиспользованные куски копченаго мяса и разные другіе отбросы; все это бросалось въ старыя бочки въ погребѣ и оставалось тамъ. По системѣ строгой экономіи, практикуемой на фабрикахъ, нѣкоторыя работы совершались рѣдко; часто исполнять ихъ было невыгодно. Къ числу такихъ работъ относилась и чистка бочекъ съ отбросами. Она производилась каждую весну. Въ бочкахъ накоплялся разный соръ, заржавленные гвозди,—все это свозилось на повозкахъ въ колбасное отдѣленіе, шло въ лохани вмѣстѣ со свѣжимъ мясомъ и предлагалось потомъ публикѣ для употребленія въ пищу. Всѣ колбасы были совершенно одинаковыя. Но часть ихъ заворачи-

вали отдѣльно, клали на нихъ штемпель: „высшій сортъ“ и продавали на два цента за фунтъ дороже.

Въ такихъ условіяхъ работала теперь Ельзбета, и такова была ея работа, лишавшая всякой возможности думать о чемъ бы то ни было. Рабочаго превращали въ часть машины и убивали въ немъ все, что̀ не нужно было для управленія машиной. Но единственная отрада этой работы была именно въ томъ, что она приводила къ полной безчувственности. Ельзбета мало-по-малу погружалась въ полузабытье и совсѣмъ перестала говорить. Вечеромъ послѣ работы она встрѣчала въ условленномъ мѣстѣ Юргиса и Ону, и они шли втроемъ домой, не произнося ни слова. И Она, которая прежде пѣла всегда какъ птичка, научилась теперь молчать. Она чувствовала себя больной, несчастной, и была едва въ силахъ дотащиться до дому послѣ работы. Дома они съѣдали, что̀ было, и такъ какъ говорить было не о чемъ, какъ только объ ихъ горестномъ положеніи, то они предпочитали сейчасъ же лечь въ постели и лежать въ полузабытьи до тѣхъ поръ, пока опять нужно было вставать, одѣваться при свѣчѣ и снова бѣжать къ машинамъ. Всѣ чувства въ нихъ такъ притупились, что они даже не страдали отъ голода,—только дѣти начинали хныкать, когда имъ мало давали ѣсть.

Но душа Оны не умерла,—у всѣхъ у нихъ души не умерли, а только спали. Иногда онѣ просыпались, и это было самое страшное. Они вспоминали о минувшихъ радостяхъ, о былыхъ мечтахъ и надеждахъ, и тогда еще сильнѣе ощущали ужасъ своей теперешней жизни. Они уже не плакались на свою судьбу. Душа ихъ прониклась самымъ страшнымъ чувствомъ—сознаніемъ, что они побѣждены судьбой, что они окончательно погибли.

Жизнь выбросила ихъ за бортъ, — это было несомнѣнно. Когда-то они мечтали о свободѣ, о жизни въ новомъ прекрасномъ мірѣ, о томъ, что они узнаютъ много новаго. Они надѣялись, что ребенокъ ихъ выростетъ свободнымъ, сильнымъ человѣкомъ. А теперь все кончено — ни одна изъ ихъ надеждъ не можетъ сбыться. Ихъ смело, какъ смело столькихъ до нихъ. Имъ предстояло еще шесть лѣтъ упорнѣйшаго труда, прежде чѣмъ они могли надѣяться на малѣйшее облегченіе, на прекращеніе платежей за домъ. Но вѣдь не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что они не выдержатъ еще шесть лѣтъ такой жизни. Они падали въ пропасть, безъ надежды на спасеніе, — погибали такъ, какъ будто огромный городъ былъ океаномъ, пустыней. Часто Она просыпалась ночью, охваченная ужасомъ; разъ она громко крикнула и разбудила Юргиса. Но онъ былъ усталый и сер-

дитый,—и съ тѣхъ поръ она научилась плакать тихо, про себя. У нихъ не было теперь общихъ настроеній. Казалось, что надежды ихъ погребены въ отдѣльныхъ двухъ гробахъ.

У Юргиса было свое особое горе. Его преслѣдовалъ новый призракъ. Онъ никогда самъ объ этомъ не говорилъ, и никому другому не позволилъ бы говорить; онъ даже самъ себѣ не сознавался въ его существованіи. Но все-таки это былъ фактъ— Юргисъ сталъ пить.

Онъ работалъ въ своемъ аду день за днемъ, недѣлю за недѣлей, пока не было въ немъ частицы тѣла, которая не болѣла бы; въ головѣ у него все шло кругомъ, всѣ зданія танцовали передъ его глазами, въ ушахъ шумѣло, когда онъ шелъ по улицѣ. Но отъ этого ужаса было спасеніе: стоило выпить стаканъ водки, и онъ переставалъ чувствовать боль, могъ сбросить съ плечъ бремя, видѣлъ опять все ясно передъ собой, дѣлался хозяиномъ своихъ мыслей, своей воли. Въ немъ просыпалась его старая натура, онъ могъ попрежнему смѣяться и шутить. Онъ становился опять человѣкомъ и хозяиномъ своей жизни.

Не легко было Юргису выпить больше двухъ-трехъ стакановъ. Съ первымъ стаканомъ онъ съѣдалъ обѣдъ—и могъ убѣдить себя, что соблюдаетъ такимъ образомъ экономію. Со вторымъ стаканомъ онъ могъ вторично поѣсть. Но наступало время, когда ужъ онъ не могъ ѣсть, и тогда платить за водку казалось неслыханнымъ безразсудствомъ. Но разъ онъ отважился, пропилъ всѣ деньги, которыя у него были въ карманѣ, и вернулся домой навеселѣ. Онъ чувствовалъ небывалое блаженство, но, зная, что это состояніе не продлится долго, онъ въ то же время былъ въ бѣшенствѣ противъ всѣхъ, мѣшавшихъ его счастью. И кромѣ того онъ чувствовалъ глубокій стыдъ. Послѣ того, когда онъ увидѣлъ, въ какомъ отчаяніи его семья, и подсчиталъ, сколько денегъ онъ истратилъ, у него показались слезы на глазахъ, и онъ началъ вести упорную борьбу со своимъ врагомъ.

Борьба эта была совершенно безъисходная, и Юргисъ не сознавалъ этого только потому, что у него не было времени разсуждать. Онъ только зналъ, что борется. Въ его состояніи, среди мрака его жизни, пройтись по улицѣ было уже пыткой. На каждомъ углу—иногда на всѣхъ четырехъ углахъ и между однимъ угломъ и другимъ—были кабаки, протягивающіе ему свои гостепріимныя объятія, и каждый изъ нихъ имѣлъ свое особенное обаяніе. По дорогѣ на работу и возвращаясь домой,—передъ восходомъ солнца и послѣ заката, — можно было зайти туда, и тамъ навѣрное было свѣтло, тепло, вкусно пахло горячей пищей,

играла музыка и были пріятели, которые встрѣчали его добрымъ словомъ. Чтобы успѣшнѣе бороться противъ соблазна, Юргисъ сталъ выходить на улицу всегда подъ-руку съ Оной, крѣпко прижималъ ее къ себѣ и шелъ очень быстро. Онъ боялся больше всего, чтобы Она не догадалась; вѣдь она никогда въ ротъ ничего не брала и не могла его понять. Иногда, въ минуты отчаянія, онъ страстно хотѣлъ, чтобы и она стала пить и чтобы ему нечего было стыдиться ея. Они бы пили вмѣстѣ и спасались бы отъ сознанія ужаса—хоть на короткое время.

Пришло время, когда вся сознательная жизнь Юргиса свелась къ борьбѣ противъ соблазна водки. Имъ овладѣвали отвратительныя мысли. Какой онъ былъ дуракъ, что женился, связалъ себя и сдѣлался рабомъ!—думалось ему. Не будь у него семьи, онъ бы, какъ Іонасъ, ушелъ на всѣ четыре стороны. Тамъ, гдѣ онъ работалъ, почти не было холостыхъ, а если и были, то они поступали туда только на время, пока не подвернется что-нибудь другое. А пока у нихъ было утѣшеніе во время работы. Они вспоминали, какъ напились въ послѣдній разъ, и мечтали о томъ, какъ напьются опять. А отъ Юргиса требовали, чтобы онъ приносилъ домой все до послѣдняго гроша. Онъ даже днемъ не смѣлъ пойти выпить съ товарищами, а долженъ былъ съѣдать свой обѣдъ тутъ же, среди зловонія и пыли.

Конечно, такъ онъ разсуждалъ только въ очень злыя минуты. Онъ любилъ свою семью попрежнему. Но какъ разъ теперь было особенно тяжелое время. Даже вотъ маленькій Антоша, который всегда умиротворялъ его своей улыбкой, былъ теперь невозможный, весь въ прыщахъ. У него приключились одна за другой всѣ болѣзни дѣтскаго возраста: и скарлатина, и коклюшъ, и вѣтряная оспа. А теперь у него была корь. За нимъ ухаживала только Котрина, и это выражалось только въ томъ, что она подбѣгала въ свободныя минуты къ его кроваткѣ и плакала, глядя, какъ онъ мучается. А такъ онъ лежалъ одинъ въ страшномъ жару и всю ночь кричалъ, пока хватало силъ. На него было страшно взглянуть: изъ воспаленныхъ глазъ лился гной, все тѣло покрыто было прыщами. Но, къ счастью, маленькій Антоша былъ крѣпкій ребенокъ и вынесъ всѣ свои болѣзни отличнѣйшимъ образомъ. Это было дитя молодого счастья и цвѣтущей силы его родителей, и онъ отличался необычайнымъ здоровьемъ. Когда онъ выздоровѣлъ, то сталъ обнаруживать большой аппетитъ, и такъ какъ на его долю приходилось недостаточно пищи, то у него было голодное выраженіе въ глазахъ, и онъ приставалъ ко всѣмъ, чтобы ему дали поѣсть.

Казалось, что всѣ силы его матери пошли на этого ребенка, и уже ничего не осталось для тѣхъ, которыя могли бы появиться на свѣтъ послѣ него. Она опять ожидала ребенка, и на нее было страшно смотрѣть. Даже Юргисъ, занятый своими тяжелыми мыслями, понималъ, что ихъ всѣхъ ожидаетъ еще нѣчто болѣе страшное, и содрогался при одной мысли о томъ, что предстояло.

Бѣдная Она была очень больна. У нея появился такой же кашель, который погубилъ старика Антона. Это началось съ того рокового утра, когда она должна была сойти съ трамвая подъ проливнымъ дождемъ, не имѣя пересадочнаго билета. А теперь кашель все усиливался, и она не могла спать по ночамъ. Но хуже всего были ея нервные припадки. У нея бывали страшныя головныя боли и припадки безпричиннаго плача. Иногда она возвращалась домой, дрожа, и начинала стонать, потомъ ложилась на постель и безудержно рыдала. Юргисъ былъ внѣ себя. Ельзбета объясняла ему, что безпокоиться нечего, что истерическіе припадки часто случаются съ женщинами въ такомъ положеніи, но она не могла его убѣдить и успокоить. Онъ допытывался у Оны, что съ ней, говорилъ, что никогда ничего подобнаго съ нею не бывало, и что это чудовищно. Въ этомъ виновата жизнь, которую она ведетъ; проклятая работа убиваетъ ее,—говорилъ онъ. Нельзя, чтобы женщина такъ работала. Это должно быть запрещено закономъ. Если нельзя иначе обезпечить имъ жизнь, то лучше ихъ сразу убить. Бѣднымъ женщинамъ не нужно ни выходить замужъ, ни имѣть дѣтей. Еслибы Юргисъ зналъ, что женщины—такія слабыя существа, онъ бы не губилъ Ону, женясь на ней. Такъ онъ говорилъ, доходя самъ до истерики. Тогда Она пересиливала себя и обнимала его, прося, чтобы онъ пересталъ мучить себя, что все устроится къ лучшему. Потомъ она прислонялась къ его плечу и рыдала, а онъ глядѣлъ на нее, какъ звѣрь, раненый невидимымъ врагомъ.

XV.

Припадки у Оны начались лѣтомъ, и каждый разъ Она съ какимъ-то безумнымъ испугомъ въ голосѣ обѣщала, что это не повторится, но не могла сдержать обѣщанія. Съ каждымъ разомъ Юргисъ все больше пугался и все менѣе вѣрилъ успокоительнымъ объясненіямъ Ельзбеты. Ему казалось, что съ Оной происходитъ нѣчто таинственно-страшное. Нѣсколько разъ онъ встрѣ-

чался съ ней взглядами, и замѣчалъ, что у нея видъ затравленнаго звѣря; среди истерическаго плача у нея вырывались возгласы отчаянія, наводившіе ужасъ на Юргиса. И онъ только потому сравнительно мало безпокоился, что самъ отупѣлъ отъ горя и страданій, и не думалъ о томъ, что̀ съ Оной, когда припадки прекращались. Онъ жилъ какъ тупое животное, для котораго существуетъ только настоящая минута.

Опять приближалась зима, грозившая еще бо̀льшими бѣдствіями, чѣмъ прежнія. Былъ октябрь и началась предпраздничная рабочая горячка. На консервныхъ фабрикахъ работали до поздняго вечера, приготовляя ѣду для рождественскаго стола. Маріи, Ельзбетѣ и Онѣ, какъ частямъ фабричнаго механизма, приходилось работать по пятнадцати-шестнадцати часовъ въ сутки. Отказываться отъ лишнихъ часовъ нельзя было. Или исполняй все, что̀ прикажутъ — или вонъ съ фабрики. Къ тому же добавочные часы слегка повышали заработокъ, и онѣ старались поэтому держаться, пока хватало силъ. Онѣ становились на работу въ семь часовъ утра, обѣдали въ полдень и потомъ работали до десяти-одиннадцати вечера, не имѣя ничего во рту за все время. Юргисъ предлагалъ дожидаться ихъ по вечерамъ и отводить ихъ домой, но онѣ и слышать объ этомъ не хотѣли. Въ его фосфатномъ отдѣленіи работа кончалась въ обычное время; значитъ, онъ поджидалъ бы ихъ въ кабакѣ. Онѣ предпочитали возвращаться домой однѣ. Встрѣтившись на углу улицы, онѣ шли втроемъ, или же, если освобождались въ разное время, то ѣздили по трамваю домой по одиночкѣ. Домой онѣ добирались такія усталыя, что имъ уже не хотѣлось ѣсть и тяжело было раздѣться. Онѣ часто ложились спать, не снимая обуви, и лежали какъ мертвыя до утра. Но все-таки онѣ кое-какъ держались въ надеждѣ, что потомъ будетъ немножко легче — если хватитъ на уголь зимой.

Въ началѣ декабря поднялась первая снѣжная метель. Она началась въ два часа дня, и къ вечеру все замело снѣгомъ. Юргисъ хотѣлъ-было обождать женщинъ, но зашелъ въ кабакъ погрѣться, выпилъ два стакана и быстро побѣжалъ домой, спасаясь отъ своего бѣса-искусителя. Онъ прилегъ на постель, ожидая возвращенія работницъ, и сейчасъ же крѣпко заснулъ. Когда онъ открылъ глаза, ему показалось, что продолжается какой-то кошмаръ: около него стояла тетя Ельзбета и что-то кричала ему. Сразу онъ не могъ понять, въ чемъ дѣло.

— Она не вернулась домой! — говорила она.

— Который же часъ? — спросилъ онъ.

— Уже утро, пора вставать. Она не ночевала дома. А на дворѣ страшная стужа, и выпалъ глубокій снѣгъ.

Юргисъ вскочилъ, надѣлъ сапоги, куртку и выбѣжалъ изъ дому; Марія плакала отъ страха, и дѣти вторили ея плачу. Но, очутившись на улицѣ, Юргисъ не зналъ, куда ему идти. Было еще темно, какъ ночью, и падали тяжелыя хлопья снѣга. Въ нѣсколько секундъ, пока онъ стоялъ, его всего занесло снѣгомъ.

Онъ побѣжалъ къ скотнымъ дворамъ, заходя по дорогѣ въ кабаки и спрашивая, не заходила ли туда Она, обезсилѣвъ по дорогѣ? Не случилось ли несчастія? На фабрикѣ, гдѣ она работала, сторожъ сказалъ, что, кажется, никакого несчастнаго случая не произошло; въ конторѣ онъ узналъ, что Она закончила работу наканунѣ тогда же, когда и другія. Юргису ничего другого не оставалось, какъ ждать жену здѣсь, у входа на фабрику. Онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по снѣгу, чтобы не замерзнуть. На дворахъ уже началась работа. Выгружали скотъ, носили двухсотфунтовыя туши въ холодильники. Прежде чѣмъ стало свѣтать, стали приходить рабочіе, дрожа отъ холода, позвякивая своими жестянками съ обѣдомъ. Юргисъ сталъ у окна въ конторѣ, гдѣ было достаточно свѣтло, чтобы видѣть проходящихъ; но шелъ такой густой снѣгъ, что нужно было очень вглядываться въ окно, чтобы что-нибудь увидѣть.

Пробило семь часовъ — Юргису пора было идти на работу, но онъ стоялъ и ждалъ Ону, не помня себя отъ тревоги за нее. Черезъ четверть часа онъ увидѣлъ сквозь снѣжную пелену знакомую фигуру и кинулся ей навстрѣчу съ крикомъ. Это дѣйствительно была Она. При видѣ его, она побѣжала впередъ и почти упала ему на руки.

— Что̀ случилось?—взволнованно спросилъ онъ.—Гдѣ ты была?

Она задыхалась и не сразу ему отвѣтила.

— Я не могла попасть домой, — проговорила она, наконецъ.—Такой снѣгъ,—трамваи перестали ходить...

— Гдѣ же ты осталась?—спросилъ онъ.

— Я зашла переночевать къ знакомой,—къ Ядвигѣ.

Юргисъ облегченно вздохнулъ. Но Она плакала и дрожала, точно у нея опять начинался нервный припадокъ, чего онъ такъ боялся.

— Что̀ съ тобой?—воскликнулъ онъ.—Что̀ случилось?

— Я такъ боялась, Юргисъ!—сказала она, прижимаясь къ нему.—Мнѣ такъ тяжело!..

Они стояли у конторы, и всѣ на нихъ стали оглядываться. Юргисъ отвелъ ее въ сторону.

— Мнѣ было такъ страшно, такъ страшно!—говорила, рыдая, Она. — Я знала, что ты будешь безпокоиться, и не могла представить себѣ, что ты станешь дѣлать. Я пыталась добраться домой, но у меня не хватило силъ. О, Юргисъ, Юргисъ!

Онъ былъ счастливъ, что она вернулась, и ни о чемъ больше не думалъ. Ему не показалось страннымъ ея чрезмѣрное волненіе. Ея испуганный видъ и несвязныя увѣренія не безпокоили его больше. Онъ далъ ей выплакаться и отдохнуть отъ пережитой тревоги. А затѣмъ, такъ какъ было уже около восьми, и они рисковали лишиться платы и за весь слѣдующій часъ, то онъ поспѣшилъ уйти, оставивъ ее у дверей фабрики съ блѣднымъ какъ смерть лицомъ и глазами, въ которыхъ было выраженіе неизъяснимаго ужаса.

Прошло еще немного времени. Близилось Рождество, а такъ какъ опять непрерывно шелъ снѣгъ и стояли сильные морозы, то Юргисъ каждое утро провожалъ жену почти до самой фабрики, пробираясь съ ней въ темнотѣ. Но вскорѣ наступилъ конецъ всему.

Это было за три дня до Рождества. Марія и Ельзбета вернулись домой около полуночи, и громко вскрикнули отъ ужаса, узнавъ, что Она еще не возвращалась. Онѣ условились встрѣтиться съ нею, ждали ее, потомъ пошли въ ея мастерскую на фабрику, и тамъ имъ сказали, что работа кончилась часъ тому назадъ и всѣ работницы ушли. Вечеръ былъ не очень морозный, но шелъ снѣгъ, — а Она все-таки не пришла. На этотъ разъ навѣрное случилось несчастіе.

Онѣ разбудили Юргиса; онъ сѣлъ на постели и сердито выслушалъ ихъ. Навѣрное Она слишкомъ устала, чтобы возвращаться домой, и пошла ночевать къ Ядвигѣ, по сосѣдству съ фабрикой. Ничего съ ней не могло случиться,—а если и случилось, то до утра все равно ничего нельзя предпринять. Юргисъ повернулся къ стѣнѣ и снова захрапѣлъ, прежде чѣмъ они вышли за дверь. Утромъ, однако, онъ всталъ и вышелъ изъ дому на часъ раньше обыкновеннаго. Ядвига Марцинкусъ жила по близости отъ скотныхъ дворовъ съ матерью и сестрами въ одной подвальной комнатѣ. У жениха ея недавно отняли руку—у него сдѣлалось зараженіе крови,—и о свадьбѣ ихъ не было больше и рѣчи. Нужно было пройти черезъ узкій дворъ, чтобы попасть къ нимъ, и Юргисъ издали увидѣлъ свѣтъ въ окнѣ. Онъ постучалъ, почти увѣренный, что откроетъ дверь Она.

Но вмѣсто Оны онъ увидѣлъ одну изъ маленькихъ сестеръ Ядвиги; она глядѣла на него черезъ щель въ двери.

— Гдѣ Она?—спросилъ онъ, и дѣвочка съ удивленіемъ поглядѣла на него.

— Она?—переспросила дѣвочка.

— Ну да,—сказалъ Юргисъ.—Развѣ ея здѣсь нѣтъ?

— Нѣтъ,—отвѣтила дѣвочка, и Юргисъ вздрогнулъ. Черезъ минуту появилась Ядвига, выглядывая надъ головой дѣвочки. Увидѣвъ, кто пришелъ, она отскочила, попросивъ Юргиса обождать минуту, пока она одѣнется.

— Мать больна,—начала-было она въ видѣ извиненія.

— Развѣ Она не у васъ?—прервалъ ее испуганнымъ голосомъ Юргисъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила Ядвига.—Почему вы думаете, что она у меня? Развѣ она говорила, что собирается ко мнѣ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Но она не вернулась домой на ночь, и я думалъ, что она здѣсь,—какъ и тогда.

— Когда?—съ недоумѣніемъ спросила Ядвига.

— Да когда она здѣсь ночевала,—сказалъ Юргисъ.

— Тутъ какое-нибудь недоразумѣніе,—быстро отвѣтила Ядвига.—Ни разу Она у насъ не ночевала.

Онъ прислонился къ стѣнѣ, стараясь сдержать свое волненіе. Ядвига пріоткрыла дверь.

— Она говорила, что была именно у васъ,—сказалъ Юргисъ,—разсказывала мнѣ про васъ, передавала ваши слова. Вы, можетъ быть, забыли.

— Да нѣтъ же,—снова повторила она, и въ это время раздался сердитый окрикъ:

— Ядвига, ты простудишь ребенка. Закрой дверь!

Юргисъ постоялъ еще съ минуту, что-то пробормоталъ, и понявъ, что больше онъ тутъ ничего не узнаетъ, извинился и ушелъ.

Онъ шелъ совершенно оглушенный, не зная, куда направиться. У него кружилась голова! Она его обманула, солгала ему. Что это значитъ? Гдѣ она теперь? Онъ ничего не понималъ. И только чувствовалъ, что произошло страшное несчастіе.

Не зная, куда дѣваться, онъ направился на фабрику Оны, зашелъ въ контору и сталъ смотрѣть въ окно. Тамъ онъ прождалъ до восьми, и потомъ пошелъ въ мастерскую, гдѣ работала Она, чтобы навести справки у начальницы. Но оказалось, что она не пріѣхала. Что-то испортилось на электрической станціи, и электрическій трамвай не ходилъ со вчерашняго вечера, такъ что нельзя было пріѣхать изъ города. Ее замѣнила на этотъ разъ другая надзирательница. Дѣвушкѣ, которая давала Юргису

эти объясненія, было некогда, и она все озиралась, не слѣдятъ ли за ней; работницамъ запрещалось разговаривать. Потомъ появился рабочій съ тачкой. Онъ зналъ, что Юргисъ—мужъ Оны, и былъ заинтересованъ ея таинственнымъ исчезновеніемъ.

— Можетъ быть, и она не попала домой изъ-за того, что трамваи не ходили,—сказалъ онъ. — Быть можетъ, она въ городъ ѣздила.

— Нѣтъ, — сказалъ Юргисъ, — она никогда не ѣздитъ въ городъ.

— Не ѣздитъ? — сказалъ рабочій. Юргису показалось, что онъ переглянулся съ дѣвушкой, и онъ быстро спросилъ:—А вы что объ этомъ знаете?

Но рабочій увидалъ, что смотритель глядитъ въ его сторону, и отошелъ, увозя свою тачку.

— Ничего я не знаю,—сказалъ онъ черезъ плечо.—Какъ я могу знать, куда ѣздитъ ваша жена!

Юргисъ снова вышелъ и сталъ ходить взадъ и впередъ передъ фабрикой. Онъ провелъ такъ все утро, даже не думая идти на работу. Около полудня онъ пошелъ наводить справки въ полицію и, вернувшись, опять сталъ сторожить. Прождавъ еще нѣсколько часовъ, онъ отправился, наконецъ, домой. Онъ шелъ по Ашлэндъ-Авэнью. Электрическіе трамваи возобновили движеніе, и мимо него проѣхало нѣсколько переполненныхъ вагоновъ. При видѣ ихъ Юргисъ вспомнилъ о странномъ, насмѣшливомъ замѣчаніи рабочаго. Онъ сталъ какъ-то машинально слѣдить за проѣзжающими вагонами. Вдругъ онъ вскрикнулъ, остановился, и тотчасъ же бросился бѣжать, почти не отставая отъ трамвая. Полинявшая черная шляпа съ краснымъ цвѣткомъ, можетъ быть, принадлежала и Онѣ, но это трудно было предположить. Сейчасъ это выяснится, такъ какъ черезъ два квартала ей нужно будетъ сойдти, если это дѣйствительно она. Юргисъ замедлилъ шагъ, и пропустилъ трамвай мимо себя.

Она вышла и повернула въ боковую улицу.

Юргисъ бросился бѣжать за ней. Онъ видѣлъ, какъ она повернула за уголъ по близости отъ ихъ дома, потомъ вошла въ домъ. Послѣ этого онъ повернулъ назадъ, походилъ минутъ пять взадъ и впередъ, сжавъ руки и стиснувъ губы отъ душевной муки. Потомъ онъ вошелъ въ домъ.

Открывъ дверь, онъ увидѣлъ Ельзбету, которая тоже ходила искать Ону и вернулась домой. Она ходила теперь на цыпочкахъ и приложила палецъ къ губамъ.

— Тише!—шепнула она:—Она спитъ. Ей очень нехорошо.

Кажется, у нея въ головѣ неладно. Говоритъ, что всю ночь ходила по улицамъ и не могла найти дорогу. Я едва теперь только успокоила ее.

— Когда она вернулась?—спросилъ Юргисъ.

— Утромъ, вскорѣ послѣ того какъ ты ушелъ, — отвѣтила Ельзбета.

— А съ тѣхъ поръ она выходила?

— Нѣтъ. Она очень слаба, Юргисъ, она...

Онъ крѣпко стиснулъ зубы.

— Это ложь!—сказалъ онъ и, отстранивъ рукой Ельзбету, открылъ дверь въ спальню. Она сидѣла на постели, и съ испугомъ взглянула на Юргиса. Онъ заперъ дверь, не впустивъ Ельзбету, и подошелъ къ женѣ.

— Гдѣ ты была?—спросилъ онъ.

Она сидѣла, положивъ на колѣни крѣпко стиснутыя руки; лицо у нея было бѣлое, какъ бумага, искаженное отъ страданій. Она нѣсколько разъ перевела дыханіе, прежде чѣмъ была въ силахъ отвѣтить ему; потомъ начала говорить тихимъ, прерывистымъ голосомъ:

— Юргисъ, — я, кажется, была не въ своемъ умѣ. Я шла домой—и не могла найти дорогу. Я шла-шла всю ночь, и добралась до дому только утромъ.

— Тебѣ слѣдовало лечь въ постель, вернувшись домой, — сказалъ Юргисъ рѣзкимъ тономъ. — Зачѣмъ же ты вышла изъ дому во второй разъ?

Онъ глядѣлъ ей прямо въ лицо, и ясно видѣлъ выраженіе испуга въ ея глазахъ.

— Мнѣ нужно было пойти въ лавку, — пробормотала она едва слышно.

— Ты лжешь!—сказалъ Юргисъ, и подошелъ къ ней ближе, крѣпко сжавъ руки.—Зачѣмъ ты лжешь?—крикнулъ онъ.—Что ты такое сдѣлала, что должна теперь лгать и скрывать?

— Юргисъ! — испуганно крикнула она. — Юргисъ, что съ тобой?

— Ты солгала, говорю я тебѣ!—крикнулъ онъ.—Ты говорила, что ночевала у Ядвиги, и это неправда. Ты и тогда была тамъ же, гдѣ и теперь — гдѣ-то въ городѣ. Я видѣлъ, какъ ты сошла съ трамвая. Гдѣ ты была?

Этими словами онъ точно всадилъ ей ножъ въ сердце. Она зашаталась, взглянувъ на него съ выраженіемъ ужаса въ глазахъ, и затѣмъ съ крикомъ подалась впередъ, протягивая ему руки. Онъ отстранился,—и она упала на постель, закрыла лицо

руками и зарыдала. Начался столь пугавшій всегда Юргиса истерическій припадокъ. Все тѣло Оны сотрясалось отъ рыданій. Казалось, точно въ ней поднималось что-то страшное, охватывало все ея существо и терзало ее. Прежде видъ этихъ мучительныхъ рыданій сводилъ съ ума Юргиса, а теперь онъ стоялъ неподвижно, крѣпко сжавъ руки; онъ не сдвинулся бы съ мѣста, казалось, еслибы она теперь на его глазахъ убила себя. Онъ только чувствовалъ, какъ холодѣетъ въ немъ кровь и дрожатъ его губы. Онъ почти почувствовалъ облегченіе, когда пріотворилась дверь и въ нее просунулось блѣдное отъ страха лицо Ельзбеты. Съ ней онъ могъ говорить. Онъ накинулся на нее съ бранью, выгоняя ее изъ комнаты, а когда она не уходила, пытаясь что-то сказать, онъ схватилъ ее за руку, почти вытолкалъ ее изъ комнаты, захлопнулъ дверь и придвинулъ столъ къ двери. Послѣ этого онъ снова повернулся къ Онѣ и, глядя ей прямо въ лицо, крикнулъ:—А теперь говори!

Но она его не слышала,—она была во власти своего недуга, вся извивалась въ судорогахъ, рыдала и издавала какіе-то сдавленные звуки, которые подступали волнами къ ея горлу. Затѣмъ голосъ сталъ все возвышаться, и она разразилась дикимъ, страшнымъ хохотомъ.

Юргисъ не могъ выносить этого дольше. Онъ подскочилъ къ ней, схватилъ ее за плечи, началъ ее трясти и кричалъ ей на ухо:

— Перестань! перестань, говорю тебѣ!

Она подняла на него глаза среди своихъ мукъ, потомъ упала къ его ногамъ и ухватилась за нихъ руками такъ сильно, что Юргисъ не могъ отступить. Лежа лицомъ на полу, она продолжала рыдать, и Юргисъ закричалъ еще болѣе неистовымъ голосомъ:

— Да перестань же наконецъ!

На этотъ разъ она послушалась, глубоко вздохнула и замолкла, только всхлипывая такъ, что все тѣло судорожно вздрагивало. Съ минуту она лежала совершенно недвижимо, и Юргиса охватилъ ужасъ; ему показалось, что она умираетъ. Но вдругъ раздался слабый звукъ ея голоса:

— Юргисъ, Юргисъ!

— Что?

Онъ нагнулся къ ней, потому что она была слишкомъ слаба, чтобы подняться. Она говорила умоляющимъ тономъ:

— Вѣрь мнѣ, Юргисъ—вѣрь мнѣ!

— Чему вѣрить?

— Вѣрь, что я—изъ любви. Не спрашивай—вѣрь. Я хотѣла добра. Повѣрь мнѣ. Я не виновата. Иначе нельзя было. Это ничего. Повѣрь, Юргисъ, только повѣрь!

Она пробовала встать, но не могла. Онъ чувствовалъ, какъ дрожатъ ея руки, и чувствовалъ ея прерывистое дыханіе, когда она прижималась къ нему. — Повѣрь мнѣ, — повторяла она, рыдая.

Но онъ въ бѣшенствѣ крикнулъ:—Нѣтъ, не вѣрю!

Она не отпускала его рукъ и громко рыдала.

— Подумай, Юргисъ, что ты говоришь! Ты насъ всѣхъ погубишь. Нѣтъ, нѣтъ, — не дѣлай этого! Я не выдержу. Нѣтъ, Юргисъ, вѣдь это я такъ; я съ ума сошла — ничего не случилось на самомъ дѣлѣ. Тебѣ незачѣмъ знать. Все будетъ по старому, мы будемъ любить другъ друга, какъ прежде. Только вѣрь мнѣ.

Его охватило бѣшенство отъ ея словъ. Онъ рѣзкимъ движеніемъ оттолкнулъ ее.

— Да скажешь ли ты мнѣ наконецъ, въ чемъ дѣло!—крикнулъ онъ.

Она опять опустилась на полъ и зарыдала — мучительно, какъ обреченная на вѣчную гибель душа, и Юргисъ не могъ этого дольше выдержать. Онъ стукнулъ кулакомъ по столу и снова крикнулъ:—Говори!

Она стала громко плакать и голосъ ея казался голосомъ раненаго звѣря.

— Я не могу, не могу!—кричала она.

— Почему не можешь?

— Не знаю, какъ сказать.

Онъ вскочилъ, схватилъ ее за руку и, поднявъ ее съ пола, взглянулъ ей прямо въ лицо.

— Скажи мнѣ, гдѣ ты была,—проговорилъ онъ задыхаясь.— Скорѣй, скорѣй!

Она отвѣтила шопотомъ, произнося каждое слово отдѣльно:

— Я была—въ томъ домѣ—въ городѣ.

— Въ какомъ домѣ? Я не понимаю.

Она пробовала отвести взглядъ, но Юргисъ глядѣлъ ей прямо въ лицо.

— Въ домѣ миссъ Гендерсонъ,—прошептала она.

Онъ не сразу понялъ ее.

— Въ домѣ миссъ Гендерсонъ?—повторилъ онъ, не вникая въ смыслъ словъ. Вдругъ страшная правда озарила его, и онъ отшатнулся съ дикимъ крикомъ. Онъ прислонился къ стѣнѣ,

провелъ рукой по лбу, оглянулся вокругъ себя и прошепталъ:— Господи Іисусе!

Черезъ секунду онъ наклонился къ Онѣ, которая лежала у его ногъ, и схватилъ ее за горло.

— Кто повелъ тебя туда?—глухо крикнулъ онъ.

Она пыталась вырваться изъ его рукъ, но это его еще больше вывело изъ себя. Онъ подумалъ, что она боится его ударовъ, не понимая, что ее мучитъ сознаніе позора. Но она все-таки отвѣтила ему:

— Коннoръ, смотритель. Тотъ...

Онъ сжалъ пальцы, и только когда она закрыла глаза, онъ сообразилъ, что душитъ ее. Тогда онъ отпустилъ ее и, подождавъ, пока она снова подняла вѣки, нагнулся къ ней совсѣмъ близко.

— Скажи мнѣ все!—прошепталъ онъ.

Она лежала недвижимо, и онъ долженъ былъ притаить дыханіе, чтобы услышать ея слова.

— Я не соглашалась,—говорила она.—Я пыталась... избѣжать; но должна была уступить. Иначе мы бы погибли.

Опять въ теченіе нѣсколькихъ секундъ слышно было только его прерывистое дыханіе. Она закрыла глаза и продолжала говорить, не открывая ихъ.

— Онъ мнѣ сказалъ, что выгонитъ меня, что мы всѣ будемъ безъ работы, что онъ погубитъ всѣхъ насъ.

— Когда это началось?—спросилъ Юргисъ едва слышно.

— Мнѣ не было житья съ самаго начала,—отвѣтила она, говоря какъ загипнотизированная. Это все устроила она, миссъ Гендерсонъ. Она меня возненавидѣла. А онъ... ему... я нравилась. Онъ заговаривалъ со мной—ухаживалъ. Предлагалъ деньги—говорилъ, что любитъ меня. Потомъ сталъ грозить. Онъ зналъ все про наши дѣла, зналъ, что мы съ голоду погибнемъ. Онъ зналъ твоего смотрителя и Марьина. Онъ бы довелъ насъ до голодной смерти — такъ онъ говорилъ. А потомъ сказалъ, что если я... если я... то у насъ всѣхъ будетъ всегда работа. Разъ онъ схватилъ меня... и не отпускалъ... и... и...

— Гдѣ это было?

— На фабрикѣ... поздно вечеромъ... когда всѣ ушли. Я не могла противиться. Я думала о тебѣ... о ребенкѣ... о матери и дѣтяхъ. Я его боялась... боялась кричать.

За минуту до того лицо ея было почти сѣрое, — теперь оно покрылось густой краской. Она опять стала тяжело дышать. Юргисъ не произнесъ ни звука.

— Это было два мѣсяца тому назадъ,—продолжала она.— Потомъ онъ сталъ требовать, чтобы я пришла въ тотъ домъ, чтобы я тамъ осталась жить. Грозилъ, что лишитъ всѣхъ насъ работы. Онъ заставилъ меня приходить туда по вечерамъ. Тебѣ я говорила, что работаю вечеромъ на фабрикѣ. Когда—въ тотъ вечеръ—поднялась метель, я не могла вернуться. А вчера остановили трамвай. Это и погубило насъ... Я пробовала пойти пѣшкомъ,—но не могла. Я не хотѣла, чтобы ты узналъ... Все бы обошлось,—лишь бы только ты не зналъ. Я ему перестала нравиться,—онъ бы меня скоро оставилъ въ покоѣ. У меня скоро родится ребенокъ,—я становлюсь уродливой. Онъ уже это мнѣ вчера говорилъ. Онъ меня даже билъ вчера. А теперь... ты убьешь его—и намъ всѣмъ конецъ.

Все это она сказала совершенно твердо, лежа, какъ мертвая, съ закрытыми глазами. И Юргисъ тоже не произнесъ ни слова. Не взглянувъ даже еще разъ на жену, онъ подошелъ къ двери и открылъ ее. Онъ не замѣтилъ Ельзбету, которая въ ужасѣ прижалась въ уголъ. Онъ вышелъ изъ дому безъ шапки, не закрывъ за собой входную дверь, и какъ только очутился на улицѣ, пустился бѣжать изо всѣхъ силъ.

Онъ бѣжалъ какъ безумный, съ дикимъ выраженіемъ лица, не глядя по сторонамъ. На Ашлэндъ-Авенью онъ наконецъ остановился въ изнеможеніи. Увидѣвъ трамвай, онъ вскочилъ на него. У него были дикіе глаза, волосы разлетались по вѣтру, и онъ хрипло дышалъ, какъ раненый быкъ. Пассажиры трамвая не обратили, однако, особаго вниманія на его внѣшность; — можетъ быть, имъ казалось, что человѣкъ, отъ котораго идетъ такой страшный запахъ, долженъ имѣть и соотвѣтственный одичалый видъ. По обыкновенію всѣ быстро отходили отъ него, но Юргисъ ничего не замѣчалъ — мысли его были далеко. Вся душа его охвачена была огнемъ, и онъ весь притаился, точно готовясь къ прыжку.

Когда трамвай доѣхалъ до скотныхъ дворовъ, онъ соскочилъ, и такъ какъ успѣлъ уже перевести дыханіе во время ѣзды, то опять пустился бѣжать. На него люди оборачивались и глядѣли ему вслѣдъ, но онъ никого не видѣлъ. Онъ добѣжалъ до фабрики, быстро вошелъ туда и бросился бѣжать по корридору. Онъ зналъ, гдѣ была мастерская Оны, и зналъ Коннора, смотрителя нагрузчиковъ, работавшихъ тутъ же рядомъ на платформѣ. Онъ сталъ оглядываться и искать смотрителя. Работа была въ полномъ разгарѣ, люди грузили ящики и бочки на повозки. Юргисъ быстрымъ взглядомъ оглянулся вокругъ себя—

того, кого онъ искалъ, тутъ не было. Но вдругъ онъ услышалъ громкій голосъ въ корридорѣ и быстро направился туда. Черезъ секунду онъ увидѣлъ передъ собой смотрителя.

Это былъ плотный ирландецъ съ краснымъ грубымъ лицомъ; отъ него сильно несло водкой. Онъ увидѣлъ Юргиса, переступая порогъ, и поблѣднѣлъ. Одно мгновеніе онъ колебался, хотѣлъ уйти, но прежде чѣмъ онъ одумался, Юргисъ уже наскочилъ на него. Коннoръ поднесъ руки къ лицу, чтобы защититься. Но Юргисъ изо всѣхъ силъ ударилъ его промежъ глазъ и повалилъ его. Въ слѣдующую минуту онъ налегъ на него и принялся душить его, вцѣпившись пальцами въ горло. Юргисъ обезумѣлъ отъ прикосновенія къ тѣлу врага. Все кружилось передъ его глазами, и онъ издавалъ бѣшеные крики, приподнимая свою жертву и стукая его головой объ полъ.

Поднялся шумъ,—женщины кричали, мужчины бросились на помощь Коннору. Но Юргисъ былъ такъ занятъ своей жертвой, что ничего не замѣчалъ и не понималъ. Только когда человѣкъ шесть схватили его за ноги и за плечи и стали его тащить назадъ, — онъ понялъ, что у него отнимаютъ его жертву. Онъ быстро нагнулся и вонзилъ зубы въ щеку своего обидчика; когда его оттащили, онъ былъ въ крови и изо рта у него висѣли узкія полоски кожи.

Его положили на полъ, держа за руки и за ноги, и все-таки съ трудомъ справляясь съ нимъ. Онъ боролся какъ тигръ, отталкивая всѣхъ и порываясь кинуться снова на врага, который лежалъ безъ чувствъ. Но вбѣжали еще люди и наконецъ одолѣли его, надавивъ на него тяжестью своихъ тѣлъ. Его снесли въ полицейскій участокъ при фабрикѣ, и тамъ онъ лежалъ, пока не пріѣхала за нимъ вызванная изъ города стража, чтобы увезти его въ тюрьму.

XVI.

Когда Юргисъ очнулся, онъ сталъ держать себя спокойно. Онъ обезсилѣлъ и былъ наполовину оглушенъ всѣмъ, что̀ произошло; кромѣ того, онъ присмирѣлъ, увидавъ синіе мундиры полицейскихъ. Онъ ѣхалъ въ полицейскомъ фургонѣ, и вокругъ него было человѣкъ шесть стражи, которые старались сидѣть подальше отъ него, изъ-за его запаха. Потомъ его ввели къ полицейскому сержанту, который записалъ его имя, адресъ и за что̀ его арестовали. Онъ узналъ, что обвиняется въ нападеніи и нанесеніи ударовъ. По дорогѣ въ его камеру, хмурый полицейскій

накинулся на него съ бранью за то, что онъ повернулъ не туда, куда слѣдовало, и затѣмъ еще толкнулъ его, чтобы онъ быстрѣе шелъ. Но Юргисъ не поднялъ даже на него глазъ. Проживъ два съ половиной года на скотныхъ дворахъ, онъ зналъ, что съ чикагской полиціей шутки плохи. У себя въ логовищѣ она могла дѣлать все, что угодно, и за малѣйшее сопротивленіе его бы отколотили до крови. Случалось, что въ такихъ случаяхъ человѣку расшибали голову,—и въ рапортѣ тогда значилось, что арестантъ былъ пьянъ, упалъ и расшибся. Никто не провѣрялъ, правда ли это,—никому до этого не было дѣла.

Тяжелая дверь закрылась на замокъ за Юргисомъ; онъ сѣлъ на скамью и закрылъ лицо руками. Онъ былъ одинъ, и могъ обдумывать свое положеніе весь остатокъ дня и всю ночь. Сначала у него было только чувство животнаго удовлетворенія, какъ у звѣря. Онъ отдѣлалъ этого подлеца—не такъ еще, какъ бы могъ, еслибы ему не помѣшали, но все-таки недурно. Онъ еще чувствовалъ въ пальцахъ прикосновеніе къ горлу Коннора. Но, остывъ и одумавшись, онъ понялъ, что радоваться нечему. То, что онъ чуть не убилъ смотрителя Оны, не облегчитъ ея участи, не смоетъ память объ испытанномъ позорѣ, не поможетъ ей прокормить себя и ребенка. Мѣсто она навѣрное потеряетъ, а что будетъ съ нимъ—одинъ Богъ вѣдаетъ.

Онъ проходилъ весь вечеръ по камерѣ, думая о случившемся, и въ первый разъ въ жизни не могъ заснуть отъ наплыва мыслей. Рядомъ съ нимъ сидѣлъ пьяница, взятый подъ стражу за истязаніе жены, а въ другой камерѣ былъ сумасшедшій, не перестававшій громко стонать. Въ полночь полицейскій участокъ открывали для всѣхъ, не имѣющихъ крова, и они толпились въ корридорѣ передъ камерами. Нѣкоторые ложились на голый каменный полъ и тотчасъ же начинали храпѣть. Другіе сидѣли, смѣялись, разговаривали и ссорились. Воздухъ былъ душный и зловонный, но, несмотря на это, чувствовался спеціальный запахъ Юргиса, и люди въ корридорѣ призывали на его голову всѣ проклятія; онъ въ это время лежалъ въ углу своей камеры, чувствуя, что у него голова какъ въ огнѣ.

Ему принесли ужинъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ кусковъ сухого хлѣба и кофе, къ которому примѣшивали снотворное питье, чтобы заключенные не шумѣли по ночамъ. Юргисъ заснулъ, но проснулся подъ утро и сталъ ходить по камерѣ. Его охватила мука, отъ которой ничто не могло его спасти. Онъ страдалъ не за себя: — человѣкъ, изготовляющій искусственное удобреніе на фабрикѣ Дургэма, ничего не боится; худшаго, чѣмъ

то, что̀ есть, ему не можетъ предстоять. Но какъ жить съ сознаніемъ случившагося факта,—неизгладимаго для памяти? Отъ этого ужаса спасенія не было,—само небо не могло уничтожить прошлаго. И какъ онъ этого не предвидѣлъ? Онъ самъ во всемъ виноватъ. Какъ онъ пустилъ Ону на фабрику, какъ не уберегъ ее отъ судьбы, ожидавшей всѣхъ фабричныхъ работницъ? Нужно было не пускать ее на фабрику, — хотя бы имъ всѣмъ изъ-за этого пришлось умереть съ голоду на улицѣ. Какъ пережить теперь этотъ ужасъ? Онъ чувствовалъ, что жизнь кончена и для него, и для нея. Онъ зналъ, что какъ бы онъ ни хотѣлъ ее простить, какъ бы ни умолялъ ее на колѣняхъ забыть, что̀ было, она не сможетъ больше взглянуть ему въ лицо, и никогда не будетъ ему женой. Сознаніе позора убьетъ ее; единственный исходъ для нея—смерть.

Такъ ему казалось, среди мучившаго его кошмара. Но потомъ онъ опять впалъ въ забытье, и новыя видѣнія стали мучить его: онъ видѣлъ Ону, умирающую съ голоду. Его будутъ держать въ тюрьмѣ мѣсяцы,—можетъ быть, годы. А Она навѣрное не сможетъ больше ходить на работу; она разбита всѣмъ пережитымъ. Ельзбету и Марію, вѣроятно, тоже разсчитаютъ. Если этотъ дьяволъ Конноръ захочетъ, то всѣхъ ихъ выгонятъ. Но если даже онъ не будетъ мстить, все-таки имъ невозможно прожить безъ него. Даже если мальчиковъ опять взять изъ школы, то безъ него и Оны нельзя будетъ покрыть всѣ расходы. У нихъ осталось всего нѣсколько долларовъ сбереженій. Они внесли плату за домъ недѣлю тому назадъ и съ просрочкой въ двѣ недѣли. Значитъ, уже черезъ недѣлю нужно сдѣлать новый взносъ. У нихъ не будетъ денегъ, и тогда домъ отнимутъ—послѣ всѣхъ долгихъ мучительныхъ стараній удержать его за собой. Три раза агентъ предупреждалъ ихъ, что не допуститъ дальнѣйшихъ отсрочекъ. Можетъ быть, Юргисъ обнаруживалъ низменность чувствъ тѣмъ, что печалился о потерѣ дома, когда случилось такое страшное душевное потрясеніе. Но вѣдь сколько онъ и вся его семья выстрадали изъ-за этого дома, возлагая на него̀ всѣ надежды на будущее! Всѣ ихъ деньги ушли на пріобрѣтеніе этого дома. А они были бѣдные рабочіе люди, для которыхъ деньги были ихъ силой, самой ихъ сущностью, плотью и духомъ. Деньги означали для нихъ жизнь, отсутствіе денегъ—смерть.

И домъ этотъ у нихъ отнимутъ—ихъ выгонятъ на улицу, они будутъ ютиться гдѣ-нибудь въ углу. Юргисъ ясно представлялъ себѣ все, что̀ ихъ ожидало. Они продадутъ мебель, потомъ столько всюду задолжаютъ, что нигдѣ имъ не будутъ да-

свѣчи, а Юргисъ сидѣлъ въ темнотѣ и одиночествѣ. Заснуть онъ опять не могъ отъ терзавшихъ его мыслей. Такъ онъ проходилъ взадъ и впередъ по своей камерѣ, какъ звѣрь въ клѣткѣ, до полуночи. Онъ услышалъ, какъ на ближайшей церковной башнѣ пробило двѣнадцать,—но, къ великому удивленію Юргиса, колокола не остановились послѣ этого, а продолжали звонить. Что это значило? Ужъ не пожаръ ли въ тюрьмѣ? Прислушавшись, Юргисъ сталъ различать мелодію звона,—это былъ церковный звонъ, и онъ какъ бы пробудилъ городъ отъ сна. Со всѣхъ сторонъ ему стали вторить другіе колокола. Въ первую минуту Юргисъ былъ пораженъ до нельзя,—а потомъ вдругъ сообразилъ: это были рождественскіе колокола. Сегодня сочельникъ.

Онъ совсѣмъ забылъ про праздникъ. Ему вспомнилось Рождество въ дѣтствѣ, на далекой родинѣ. Да и здѣсь, несмотря на всѣ ихъ несчастія и нужду, они соблюдали праздники; это вносило немного свѣта въ ихъ мрачные будни. Въ прошломъ году на Рождествѣ, хотя и онъ, и Она работали до вечера въ сочельникъ и были съ утра на работѣ въ первый день праздника, все же они прошлись съ дѣтьми по Ашлэндъ-Авэнью, разглядывая выставленныя въ окнахъ яства, сооруженія изъ сахара и игрушки. И у нихъ была съ собой тоже большая корзина для покупокъ. Они купили жаркое изъ свинины, капусты, ячменнаго хлѣба и мелкіе подарки для всей семьи. Начинка колбасъ и работа по изготовленію искусственныхъ фосфатовъ не вытравили у нихъ память о рождественскихъ праздникахъ. Юргису поэтому сдѣлалось еще тяжелѣе, когда онъ сталъ думать о томъ, какъ пройдетъ Рождество въ этомъ году для всей семьи: онъ—въ тюрьмѣ, Она больна, въ домѣ полное разореніе. Какая жестокость судьбы! Ужъ если его посадили въ тюрьму, то почему звонятъ въ колокола, напоминая ему о Рождествѣ?

Но колокола звонили, конечно, не для него,—съ нимъ просто никто не считается; его выбросили, какъ тряпку. Его жена, быть можетъ, умираетъ, дѣти, маленькій ребенокъ и вся семья страдаютъ отъ холода и голода,—а въ это время звонятъ рождественскіе колокола. И все какъ бы нарочно сошлось, чтобы истерзать его сердце. Онъ сидитъ тутъ, защищенный отъ снѣга и мороза, ему даютъ пить и ѣсть. Такъ почему же, если нужно было его наказать, не посадили лучше въ тюрьму его семью, и не оставили его на улицѣ? Неужели нѣтъ другого способа наказать его, какъ обрекая на голодную смертъ трехъ беззащитныхъ женщинъ и шесть безпомощныхъ дѣтей?

Вотъ ихъ законы, ихъ справедливость! Юргисъ весь дрожалъ

отъ негодованія, и душу его охватили ненависть и злоба. Тысяча проклятій на нихъ и ихъ законы! Ихъ справедливость— гнусная ложь, злая насмѣшка, и тамъ, гдѣ она въ силѣ, жизнь не жизнь, а кошмаръ. Нѣтъ нигдѣ справедливости, нѣтъ правды— всюду тираннія, произволъ. Его растоптали, вытянули изъ него всѣ силы, убили старика-отца, погубили жену, раздавили всю его семью. А теперь его выбрасываютъ; онъ больше не пригоденъ, и никому нѣтъ дѣла до него. А за то, что онъ возсталъ противъ нихъ, сталъ имъ поперекъ дороги,—его заперли за рѣшетку, какъ дикаго звѣря, не имѣющаго ни разума, ни правъ, ни чувствъ. И даже съ дикимъ звѣремъ такъ не поступаютъ. Не оставляютъ его дѣтенышей на произволъ судьбы, словивъ его самого.

Эти часы рождественской ночи стали роковыми для Юргиса; въ душѣ его начался мятежъ; онъ потерялъ вѣру въ законы и справедливость. У него не было достаточнаго развитія, чтобы понять причину зла, которое сломило его жизнь. Онъ не зналъ, что сдѣлался жертвой систематической эксплоатаціи капиталистовъ, которые сплотились, образовали „трёстъ“ и забрали въ свои руки управленіе страной, сдѣлались хозяевами и судьями и замѣнили законность грубымъ произволомъ. Всего этого онъ не понималъ. Онъ зналъ только, что онъ жертва несправедливости и преслѣдованій,—и что преслѣдуютъ его всѣ сильные; что законъ, общество—его врагъ. И съ каждымъ часомъ душа его становилась мрачнѣе, каждый часъ онъ придумывалъ новые планы мести, питая этимъ свой гнѣвъ и свою непримиримую ненависть.

XVII.

На слѣдующее утро въ семь часовъ Юргиса выпустили изъ камеры съ тѣмъ, чтобы онъ принесъ воду и вымылъ свою камеру. Онъ выполнилъ эту работу очень аккуратно—не такъ, какъ другіе заключенные; у многихъ камеры были такъ грязны, что уже стража начинала протестовать. Потомъ Юргису опять дали хлѣбъ и кофе и выпустили на три часа гулять по длинному двору, обведенному кирпичной стѣной и съ стеклянной крышей. Тамъ толпились всѣ заключенные. По одну сторону двора было мѣсто для посѣтителей, отгороженное двумя проволочными перегородками на разстояніи фута одна отъ другой— для того, чтобы нельзя было ничего передать заключеннымъ. Юргисъ тщетно вглядывался въ кучку посѣтителей—къ нему никто не пришелъ.

Вскорѣ послѣ того какъ онъ вернулся въ свою камеру, сторожъ открылъ дверь и впустилъ молодого человѣка съ свѣтлыми усами, голубыми глазами и пріятнымъ лицомъ. Онъ кивнулъ Юргису, и когда сторожъ закрылъ за нимъ дверь, сталъ критически оглядываться въ камерѣ.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ, взглянувъ вторично на Юргиса.—Вотъ тебѣ и Рождество!

Юргисъ кивнулъ ему въ отвѣтъ. Новый заключенный подошелъ къ лежанкѣ, осмотрѣлъ одѣяла, поднялъ-было тюфякъ, но сейчасъ же опустилъ его.

— Однако!—воскликнулъ онъ:—Это хуже, чѣмъ все, что я видѣлъ до сихъ поръ. — Взглянувъ на Юргиса, онъ сказалъ:— А, вы кажется, и не ложились. Не рѣшались лечь сюда?

— Мнѣ не хотѣлось спать,—сказалъ Юргисъ.

— Вы съ которыхъ поръ здѣсь?

— Со вчерашняго дня.

Новый товарищъ Юргиса оглянулся и сталъ морщить носъ.

— Что это за ужасный запахъ?—спросилъ онъ.

— Это отъ меня,—спокойно сказалъ Юргисъ.

— Отъ васъ? Развѣ васъ не послали взять ванну?

— Ванна тутъ не поможетъ. Это отъ искусственнаго удобренія. Я работалъ на скотныхъ дворахъ. Запахъ остался въ платьѣ.

— Вотъ оно что!—сказалъ товарищъ Юргиса.—А я-то думалъ, что ужъ все знаю и черезъ все прошелъ. Это для меня новость. Вы за что здѣсь?

— Отколотилъ смотрителя.

— Недурно! А что же онъ вамъ сдѣлалъ?

— Онъ... нанесъ мнѣ обиду.

— Понимаю. Вы—то, что называется честнымъ рабочимъ?

— А вы?—спросилъ въ свою очередь Юргисъ.

— Я?—онъ разсмѣялся.—„Они“ утверждаютъ, что я громила,—отвѣтилъ онъ.—Ну, тамъ кассы и все такое,—прибавилъ онъ, видя недоумѣвающій взглядъ Юргиса.

— Да неужели?—Юргисъ посмотрѣлъ на него съ ужасомъ.— Вы—взламываете... чтобы...

— Да, — со смѣхомъ отвѣтилъ тотъ. — Такъ „они“ утверждаютъ.

Ему на видъ было не болѣе лѣтъ двадцати-трехъ, хотя оказалось, что ему тридцать. Онъ говорилъ какъ настоящій джентльменъ.

— Такъ вы за это сюда попали?—спросилъ Юргисъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ. — Я попалъ за безчинство. Они взбѣшены, потому что не имѣютъ никакихъ уликъ противъ меня.— А васъ какъ звать? — продолжалъ молодой человѣкъ послѣ короткаго молчанія.—Мое имя Дуанъ, Джэкъ Дуанъ. У меня болѣе дюжины именъ, но это—то, которое я говорю знакомымъ.—Онъ сѣлъ на полъ, спиной къ стѣнѣ, скрестилъ ноги и сталъ непринужденно разговаривать съ Юргисомъ; у него былъ видъ воспитаннаго человѣка, который не гнушается, однако, разговаривать съ простымъ рабочимъ. Онъ сталъ разспрашивать Юргиса, и тотъ разсказалъ ему про себя все—кромѣ одного: объ этомъ онъ не могъ говорить. Потомъ Дуанъ сталъ разсказывать про себя разныя исторіи—не особенно добродѣтельныя. Тюрьма, повидимому, не угнетала его. Онъ сидѣлъ уже два раза и теперь не жаловался. Нужно же, говорилъ онъ, при его бурной жизни, отдохнуть отъ времени до времени отъ кутежей и женщинъ.

Съ появленіемъ товарища, тюремная жизнь Юргиса совершенно измѣнилась. Не могъ же онъ отвернуться къ стѣнѣ и молчать; приходилось отвѣчать Дуану, и бесѣды съ нимъ интересовали Юргиса. Въ первый разъ въ жизни онъ разговаривалъ съ образованнымъ и бывалымъ человѣкомъ, и съ наслажденіемъ выслушивалъ его разсказы о приключеніяхъ, объ опасностяхъ его ремесла, объ оргіяхъ и прокученныхъ въ одну ночь огромныхъ деньгахъ. Дуанъ относился къ Юргису дружелюбно, жалѣя его за то, что онъ все покорно терпитъ, и работаетъ какъ выносливый мулъ. Онъ, Дуанъ, тоже испыталъ удары судьбы, но не подставлялъ спины, а далъ отпоръ, и достаточно сильный. Онъ все время отстаивалъ себя и велъ неустанную войну съ обществомъ. Онъ живетъ теперь хищникомъ на счетъ своего врага, не чувствуя ни страха, ни позора. Побѣда не всегда ему улыбалась, но пораженія не убивали въ немъ силу духа.

У него было, повидимому, доброе сердце, — даже, кажется, слишкомъ доброе. Во время долгихъ бесѣдъ съ Джэкомъ Дуаномъ изо дня въ день Юргисъ узналъ всю исторію его жизни. Джэкъ Дуанъ былъ родомъ съ востока. Онъ получилъ хорошее образованіе, былъ электротехникомъ по спеціальности. Отецъ его запутался въ дѣлахъ и кончилъ самоубійствомъ. На его попеченіи остались мать и младшіе братъ и сестра. Онъ сдѣлалъ изобрѣтеніе—что-то, имѣющее касательство къ телеграфу, насколько понялъ Юргисъ, и на немъ можно было нажить милліоны. Но какое-то акціонерное общество украло у него это изобрѣтеніе, и всѣ деньги, которыя у него были, ушли на тяжбу. Потомъ ему дали денегъ, чтобы играть на скачкахъ; затѣмъ онъ пы-

тался вернуть свое состоянiе при помощи чужихъ денегъ, бѣжалъ,—и съ этого все началось. Юргисъ спросилъ его, какъ ему пришла мысль взламывать кассы,—Юргису было жутко подумать о такомъ занятiи,—и тотъ отвѣтилъ, что научился у человѣка, съ которымъ сидѣлъ вмѣстѣ въ тюрьмѣ. Ну, а думаетъ ли онъ, что сталось съ семьею?—спросилъ Юргисъ. И Дуанъ сказалъ, что старается никогда не думать.—Это вѣдь не поможетъ,—не такова жизнь, чтобы питать семейныя чувства. Юргисъ рано или поздно это тоже пойметъ,—сказалъ Дуанъ,—и будетъ заботиться только о себѣ самомъ.

Дуанъ говорилъ съ Юргисомъ совершенно откровенно, видя, что онъ настоящее дитя по наивности и чистосердечiю. Онъ разсказывалъ ему,—даже не скрывая именъ и мѣстъ,—о всѣхъ своихъ удачахъ и неудачахъ, о любовныхъ приключенiяхъ и печаляхъ. Онъ также познакомилъ Юргиса съ остальными заключенными, которыхъ онъ почти всѣхъ зналъ по именамъ. Юргису уже дали въ тюрьмѣ прозвище „вонючки", —и онъ принялъ его, не разсердившись, такъ какъ оно дано было ему безъ злобы.

Юргисъ и прежде имѣлъ понятiе о подонкахъ городского населенiя въ Чикаго, но теперь передъ нимъ поднялась вся грязь со дна болота, на которомъ онъ жилъ. Эта тюрьма была своего рода Ноевъ ковчегъ, куда направляли преступниковъ всякаго рода. Здѣсь были убiйцы, грабители, сутэнеры, мелкiе воришки, бродяги, пьяницы, содержатели притоновъ, поддѣлыватели векселей, были бѣлые и черные, американцы и уроженцы всѣхъ странъ. Тутъ сидѣли закоренѣлые преступники и совершенно невинные люди, которые не могли внести за себя залогъ; были старики, были совсѣмъ молоденькiе мальчики. Это былъ гной изъ язвъ общественнаго организма—ужасные люди съ виду, еще болѣе ужасные по разговорамъ и чувствамъ. Вся жизнь ихъ была смрадная, всѣ чувства обезображенныя: любовь превратилась въ грубый животный инстинктъ; радость была доступна имъ только въ видѣ злорадства; Богъ поминался только для брани. Они ходили по двору, и Юргисъ прислушивался къ ихъ разговорамъ. Онъ въ сущности ничего не зналъ объ окружающей дѣйствительности, а эти люди прошли черезъ все на свѣтѣ, и онъ услышалъ отъ нихъ много новаго. Они знали всѣ ужасы о своемъ городѣ, гдѣ честь женщинъ и совѣсть мужчинъ покупались за деньги, гдѣ люди, какъ волки, отбивали другъ у друга добычу. Въ эту свалку дикихъ звѣрей люди эти попали не по собственной волѣ, а потому что жизнь втолкнула ихъ въ нее. Поэтому и тюрьма не была для нихъ позоромъ. Игра противъ

нихъ велась съ неравными шансами, и если они утаивали мошенническимъ образомъ жалкіе гроши, то потому что ихъ сшибали съ ногъ грабители милліоновъ.

Въ обществѣ этихъ страшныхъ, все высмѣивавшихъ и проклинавшихъ людей Юргисъ провелъ цѣлую недѣлю, не имѣя за это время никакихъ вѣстей изъ дому. Изъ своихъ пятнадцати центовъ онъ израсходовалъ одинъ на „открытку", и товарищъ его написалъ подъ его диктовку письмо, въ которомъ Юргисъ сообщалъ, въ какой онъ тюрьмѣ и когда его будутъ судить. Отвѣта онъ не получилъ. Подъ Новый годъ онъ лишился своего товарища. Джэкъ Дуанъ вышелъ на свободу и, прощаясь съ Юргисомъ, далъ ему свой адресъ, или, вѣрнѣе, адресъ своей подруги, приглашая его навѣдаться къ нему, когда онъ сможетъ. — Можетъ быть, я еще пригожусь вамъ какъ-нибудь въ жизни, чтобы выпутаться изъ бѣды.

Юргиса повезли опять въ тюремномъ фургонѣ на судъ къ Калагану. Когда его ввели въ залу засѣданія, онъ сейчасъ же увидѣлъ тетю Ельзбету и маленькую Котрину. Онѣ сидѣли въ заднихъ рядахъ скамеекъ, блѣдныя, съ испуганными лицами. Онъ сѣлъ на скамью подсудимыхъ и, не отводя глазъ, съ тревогой глядѣлъ въ ихъ сторону. Съ ними не было Оны,—и онъ представлялъ себѣ всякіе ужасы. Вдругъ онъ выпрямился, и вся кровь бросилась ему въ лицо. Вошелъ человѣкъ, и хотя лицо у него было забинтовано, Юргисъ сейчасъ же узналъ его по фигурѣ. Это былъ Конноръ. Юргисъ задрожалъ и наклонился, точно готовясь къ прыжку. Тогда чья-то рука схватила его за воротъ и усадила его съ бранью на мѣсто. Онъ сѣлъ, но не отводилъ глазъ отъ своего врага. Конноръ остался живъ — это было для Юргиса разочарованіемъ; но все-таки пріятно было видѣть его такимъ искалѣченнымъ. Конноръ и адвокатъ фабриканта сѣли за перилами, подлѣ судьи. Черезъ минуту приставъ назвалъ имя Юргиса; полицейскій рѣзкимъ движеніемъ поставилъ его на ноги и подвелъ его къ судейскому столу, крѣпко держа его за руку, чтобы онъ не наскочилъ на Коннора. Въ присутствіи Юргиса Конноръ сталъ на свидѣтельское мѣсто и подъ присягой разсказалъ, какъ было дѣло: жена подсудимаго, сказалъ онъ, служила въ мастерской рядомъ съ его отдѣленіемъ, и ей отказали отъ мѣста за дерзость, которую она ему сказала. Полчаса спустя, на него кинулся подсудимый, смялъ его и чуть не задушилъ. У него есть свидѣтели.

— Ихъ, кажется, не будетъ надобности вызывать,—замѣтилъ судья и обернулся къ Юргису.

— Вы не отрицаете нападенія?—спросилъ онъ.

— На него? — спросилъ Юргисъ, указывая на Коннора.— Я его вздулъ, сэръ.

— Говорите: „господинъ судья“,—сказалъ полицейскій.

— Господинъ судья,—покорно прибавилъ Юргисъ.

— Вы пытались задушить его?

— Да, сэръ... господинъ судья.

— Были подъ судомъ?

— Нѣтъ, сэръ... господинъ судья.

— Что вы можете сказать въ свою защиту?

Юргисъ былъ въ нерѣшительности. Въ два съ половиной года онъ научился говорить по-англійски въ достаточной степени для житейскаго обихода, но у него не хватило бы словъ, чтобы объяснить, что этотъ человѣкъ запугалъ, совратилъ его жену. Онъ пытался-было что-то говорить, заикаясь, путаясь—и крайне раздражая своимъ присутствіемъ судью, который задыхался отъ запаха фосфатовъ. Въ концѣ концовъ, подсудимый заявилъ, что не знаетъ достаточно по-англійски; тогда привели переводчика, и Юргисъ сталъ говорить очень пространно, въ надеждѣ, что его выслушаютъ до конца. Онъ объяснилъ, какъ смотритель воспользовался своей властью, какъ онъ запугивалъ его жену угрозами. Переводчикъ передалъ все это судьѣ, — и тотъ прервалъ дальнѣйшее объясненіе,—его автомобиль заказанъ былъ на опредѣленный часъ, и онъ торопился кончить засѣданіе.

— Ну да, я понимаю,—сказалъ онъ.—Но почему же ваша жена не пожаловалась инспектору или не отказалась отъ мѣста?

Юргисъ сталъ-было объяснять, что они бѣдны, что работу достать трудно.

— Ну да,—прервалъ его опять судья,—и вы поэтому предпочли броситься на него съ кулаками. Онъ обернулся къ потерпѣвшему и спросилъ:—Есть хоть доля правды въ томъ, что онъ говоритъ, м-ръ Конноръ?

— Все это выдумано съ начала до конца, господинъ судья,— сказалъ смотритель.—Они всегда сочиняютъ такія исторіи, когда на фабрикахъ отказываютъ отъ мѣста женщинамъ.

— Я такъ и думалъ,—сказалъ судья.—Мнѣ не разъ случалось это слышать. Да онъ, однако, сильно васъ помялъ. Тридцать дней и издержки. Слѣдующее дѣло.

Юргисъ совсѣмъ растерялся. Только когда полицейскій толкнулъ его и повелъ назадъ, онъ понялъ, что приговоръ уже произнесенъ.—Тридцать дней!—крикнулъ онъ, задыхаясь, и обернулся къ судьямъ.—А что станется съ моей семьей? У меня

жена и ребенокъ; у нихъ нѣтъ ни гроша денегъ, и они умрутъ съ голоду.

— Нужно было думать о нихъ прежде, чѣмъ нападать,— сухо сказалъ судья и занялся слѣдующимъ подсудимымъ.

Юргиса схватили двое полицейскихъ и увели. Онъ увидѣлъ, какъ въ концѣ комнаты поднялись со своихъ мѣстъ испуганныя Ельзбета и Котрина. Онъ рванулся къ нимъ, но одинъ изъ полицейскихъ схватилъ его за воротъ и толкнулъ къ двери; онъ наклонилъ голову и покорился.

На этотъ разъ его повезли въ „Брайдуэль"—небольшую тюрьму, гдѣ осужденные отбывали сроки наказанія. Тюрьма эта была еще болѣе грязная и переполненная, чѣмъ та, гдѣ Юргисъ сидѣлъ до суда. Сюда попадала мелкота, процѣженная изъ большой тюрьмы,—мелкіе воришки, мошенники, буяны и пьяницы. Товарищемъ по камерѣ у Юргиса оказался итальянецъ, фруктовщикъ, который не хотѣлъ дать взятку полицейскому; его арестовали и посадили въ тюрьму, придравшись къ тому, что онъ носитъ большой карманный ножъ при себѣ. Онъ не говорилъ ни слова по-англійски, и Юргисъ радъ былъ, когда онъ ушелъ, отбывъ свой срокъ. Его мѣсто занялъ норвежскій матросъ, страшный буянъ. Онъ всячески ругалъ Юргиса за то, что тотъ поворачивался на своей лежанкѣ, и тогда всѣ тараканы сыпались на нижнюю лежанку. Съ такимъ дикимъ звѣремъ невозможно было бы жить въ одной камерѣ, еслибы не то, что заключенные цѣлый день работали, дробя камни.

Десять дней изъ тридцати Юргисъ провелъ, ничего не зная о семьѣ. Наконецъ разъ пришелъ сторожъ и сказалъ, что къ нему пришли на свиданіе. Юргисъ поблѣднѣлъ, и ноги у него такъ стали дрожать, что онъ едва смогъ выйти изъ камеры. Его провели по корридору и внизъ по лѣстницѣ, въ комнату для свиданій, тоже раздѣленную на-двое рѣшеткой. За рѣшеткой Юргисъ увидѣлъ кого-то сидящаго на стулѣ. Это оказался маленькій Станиславъ. При видѣ одного изъ своихъ, у Юргиса закружилась голова. Онъ ухватился за спинку стула, чтобы не упасть, а другой рукой провелъ по лбу.—Это ты?— сказалъ онъ едва слышно.

Маленькій Станиславъ тоже весь дрожалъ, и отъ испуга едва могъ говорить.

— Меня наши послали сказать тебѣ...—началъ онъ и остановился, недовѣрчиво глядя на служителя.

— Ничего,—крикнулъ Юргисъ, увидавъ его взглядъ,—говори! Что дома?

— Она очень больна, — отвѣтилъ Станиславъ,—и мы всѣ голодаемъ. Не знаемъ, что̀ дѣлать. Мы думали, что ты намъ можешь помочь.

Юргисъ крѣпче схватился за стулъ. На лбу у него выступили капли пота и рука его дрожала.—Я не могу помочь вамъ!

— Она по цѣлымъ днямъ лежитъ у себя въ комнатѣ,— продолжалъ мальчикъ прерывающимся голосомъ.—Ничего не ѣстъ и все плачетъ; не говоритъ, что̀ съ ней, и не ходитъ на работу. Агентъ ужъ давно приходилъ за деньгами. Онъ очень кричалъ, говорилъ, что выгонитъ насъ. А теперь вотъ еще несчастіе съ Марьей.—Станиславъ заплакалъ и не могъ продолжать.

— Что̀ съ Марьей?—крикнулъ Юргисъ.

— Она порѣзала руку,—сказалъ наконецъ мальчикъ.—Еще хуже, чѣмъ въ первый разъ. Она не можетъ работать, рука вся позеленѣла, и фабричный докторъ говоритъ, что, можетъ быть, придется отнять. Марья все плачетъ. Деньги ея вышли,—мы не можемъ платить за домъ и проценты. У насъ нѣтъ угля, нечего ѣсть, въ лавкѣ не даютъ въ долгъ. И... и... такъ холодно! Прошлое воскресенье опять была метель, снѣгъ выпалъ по колѣни, и я въ понедѣльникъ не могъ попасть на работу.

— Господи!—крикнулъ Юргисъ въ полномъ отчаяніи и сдѣлалъ шагъ впередъ, точно хотѣлъ броситься на мальчика. Съ того утра, какъ онъ его побоями заставилъ пойти на работу, между ними была глухая вражда.—Негодный мальчишка!—крикнулъ Юргисъ:—ты и не попытался пойти!

— Нѣтъ, я два раза пытался,—съ плачемъ отвѣтилъ Станиславъ, и въ страхѣ отступилъ подальше отъ Юргиса.—Невозможно было. И мать не могла пойти. Намъ нечего было ѣсть. На третій день она пошла со мной, чтобы поискать работы для себя. Намъ ѣсть нечего. Но ее не приняли обратно на прежнее мѣсто.

Юргисъ весь задрожалъ.—И Она пошла опять на фабрику?— крикнулъ онъ.

— Она пробовала достать работу,—отвѣтилъ Станиславъ, съ удивленіемъ глядя на него.—Почему же ей не работать, какъ прежде?

Юргисъ съ трудомъ дышалъ.—Продолжай, продолжай!—проговорилъ онъ.

— Я пошелъ съ ней,—сказалъ Станиславъ,—но миссъ Гендерсонъ отказалась взять ее обратно. А Конноръ увидѣлъ ее и сталъ ругать. У него лицо все еще забинтовано. За что ты его побилъ, Юргисъ?

Мальчикъ чувствовалъ, что тутъ кроется какая-то интересная тайна, но не могъ ни отъ кого узнать, въ чемъ дѣло.

Юргисъ не могъ выговорить ни слова; онъ только глядѣлъ на мальчика измученнымъ неподвижнымъ взглядомъ.

— Она пробовала достать другую работу,—продолжалъ мальчикъ,—но она такъ слаба, что не можетъ держаться на ногахъ. И меня не берутъ обратно. Она говоритъ, что все это штуки Коннора. Я ѣзжу въ городъ продавать газеты съ мальчиками и Котриной.

— Котриной?

— Да, она тоже продаетъ газеты. Она, какъ дѣвочка, лучше всѣхъ торгуетъ. Только холодно ужасно—вотъ и сегодня тоже... Не знаю, какъ домой вернуться. Мать говорила, чтобы я непремѣнно пошелъ, что ты въ тревогѣ о насъ, и что, можетъ быть, здѣсь кто-нибудь поможетъ твоимъ, разъ тебя посадили въ тюрьму. Я весь день ходилъ, пока добрался сюда, и съ утра ничего не ѣлъ. Мать тоже потеряла работу—колбасную закрыли. Она ходитъ съ корзинкой, и ей даютъ куски чего-нибудь съѣстного. Но вчера она почти ничего не набрала. У нея пальцы смерзли, и она плачетъ.

Станиславъ продолжалъ съ плачемъ разсказывать о домашнихъ дѣлахъ. Юргисъ крѣпко держался за столъ. Ему точно все наваливали тяжести на голову, и казалось, что голова, вотъ-вотъ, распадется на куски. Страшный кошмаръ душилъ его, и онъ не могъ шевельнуть рукой, не могъ ничего сказать. Станиславъ наконецъ остановился,—какъ разъ тогда, когда Юргисъ почувствовалъ, что больше онъ не выдержитъ.—Ты не можешь помочь намъ?—слабымъ голосомъ спросилъ онъ.

Юргисъ покачалъ головой.

— А когда ты выйдешь изъ тюрьмы?—спросилъ опять Станиславъ.

— Черезъ три недѣли,—отвѣтилъ Юргисъ.

Мальчикъ оглянулся съ нерѣшительнымъ видомъ.

— Ну, такъ я пойду,—сказалъ онъ.

Юргисъ кивнулъ головой. Потомъ, какъ бы вспомнивъ что-то, онъ сунулъ руку въ карманъ.—Вотъ,—сказалъ онъ, отдавая свои четырнадцать центовъ.—Снеси это имъ.

Станиславъ взялъ деньги и, постоявъ, направился къ двери.

— Прощай, Юргисъ,—сказалъ онъ и вышелъ нетвердыми шагами, какъ показалось Юргису. Еще съ минуту Юргисъ простоялъ, держась за стулъ. Потомъ служитель тронулъ его за рукавъ, и онъ пошелъ дробить камни.

XVIII.

Юргисъ вышелъ изъ Брайдуэля позже, чѣмъ предполагалъ. Въ его приговорѣ значилось, что онъ платитъ судебныя издержки—полтора доллара за доставку его въ тюрьму,—а такъ какъ платить ему было нечѣмъ, то онъ долженъ былъ проработать лишнихъ три дня въ тюрьмѣ. Объ этомъ его никто не предупредилъ, и эти три лишнихъ дня заключенія довели его до полнаго отчаянія. Онъ такъ ждалъ минуты освобожденія, и не могъ понять, что̀ собственно случилось, почему его держатъ. Наконецъ, рано утромъ на четвертый день, когда онъ выпилъ утренній кофе, явился служитель и заявилъ ему, что онъ свободенъ. Онъ вскочилъ, снялъ арестантское платье, надѣлъ свое старое, пропитанное фосфатнымъ запахомъ, и дверь тюрьмы закрылась за его спиной.

Въ первую минуту онъ стоялъ ошеломленный, самъ не вѣря своей свободѣ. Но холодъ скоро заставилъ его очнуться, и онъ быстро пошелъ впередъ. Какъ разъ наступила оттепель послѣ снѣжной метели, было вѣтрено и шелъ дождь, пронизывавшій Юргиса до костей. Когда онъ выбѣжалъ изъ дому „раздѣлаться" съ Конноромъ, онъ не надѣлъ пальто, и потомъ все время страшно страдалъ отъ холода, когда его возили въ судъ въ его потертомъ, изношенномъ платьѣ. Теперь онъ промокъ съ головы до ногъ, тѣмъ болѣе, что и сапоги у него были дырявые. Онъ весь дрожалъ, идя вдоль канала по пустынному предмѣстью, гдѣ стояла его тюрьма. По другую сторону было проложено множество рельсовъ и было гдѣ разгуляться вѣтру. Черезъ нѣсколько времени Юргисъ, который шелъ совершенно наугадъ, остановилъ проходившаго мимо него мальчика.

— Послушай, голубчикъ...—началъ онъ.

Мальчикъ посмотрѣлъ на него, прищуривъ одинъ глазъ; по бритой головѣ Юргиса онъ сразу увидѣлъ, откуда тотъ шелъ.

— Что?—спросилъ онъ.

— Какъ пройти къ скотнымъ дворамъ?

— Какъ пройти?—повторилъ мальчикъ.—Вотъ по тому направленію,—сказалъ онъ, указывая на сѣверо-западъ черезъ рельсы.

— А далеко это?—спросилъ Юргисъ.

— Не знаю навѣрное. Верстъ двадцать или около того.

— Двадцать?—повторилъ Юргисъ упавшимъ голосомъ.—Онъ

зналъ, что все это пространство ему придется пройти пѣшкомъ, такъ какъ у него не было ни одного цента въ карманѣ. Но онъ все-таки пошелъ бодрымъ шагомъ, радуясь возвращенію домой. Наконецъ-то онъ узнаетъ, что сталось съ его семьей. Теперь онъ свободенъ и защититъ ихъ отъ всѣхъ бѣдъ. Такъ онъ проходилъ съ часъ и потомъ сталъ оглядываться вокругъ себя. Казалось, что онъ вышелъ за предѣлы города—передъ нимъ были только покрытыя снѣгомъ поля. Вскорѣ онъ увидѣлъ фермера, который везъ возъ соломы, и заговорилъ съ нимъ.

— Эта дорога къ скотнымъ дворамъ?—спросилъ онъ.

Фермеръ почесалъ затылокъ.—Я не знаю, гдѣ скотные дворы; они, кажется, гдѣ-то въ городѣ, а вы какъ разъ идете по дорогѣ изъ города.

У Юргиса опустились руки отъ ужаса.—А мнѣ одинъ мальчикъ указалъ эту дорогу.

— Можетъ, онъ хотѣлъ подшутить надъ вами. Лучше всего возвращайтесь въ городъ и тамъ разспросите полицейскаго. Я бы васъ подвезъ, но я ѣду очень издалека, и возъ и безъ того тяжелый. Прощайте.

Юргисъ повернулъ назадъ и шелъ очень долго, пока наконецъ очутился въ самомъ Чикаго. Онъ шелъ по немощеннымъ улицамъ, мимо построекъ, гдѣ неосторожный прохожій можетъ на каждомъ шагу провалиться и сломать ноги, вдоль рельсовыхъ путей, по которымъ двигались тяжелые товарные поѣзда. Приходилось останавливаться и пропускать ихъ, и для Юргиса, горѣвшаго отъ нетерпѣнія попасть домой, каждое замедленіе было мучительно. Потомъ онъ перешелъ черезъ мостъ, и попалъ въ торговую часть города; улицы были черны отъ грязи, лошади скользили по размоченнымъ мостовымъ; женщины и дѣти перебѣгали съ панели на панель, крича отъ страха. По обѣ стороны улицъ возвышались высокія черныя зданія; люди мчались по всѣмъ направленіямъ, какъ муравьи, и бѣдный бродяга въ промокшемъ платьѣ былъ такъ же одинокъ среди этой толпы, не обращавшей на него вниманія, какъ еслибы онъ очутился одинъ въ пустынѣ за тысячи верстъ отъ человѣческаго жилья.

Полицейскій указалъ ему путь;—оказалось, что ему осталось пройти еще пять верстъ. Онъ опять попалъ въ бѣдные рабочіе кварталы, въ районъ кабаковъ, дешевыхъ лавокъ и товарныхъ складовъ, грязныхъ фабричныхъ зданій и сѣти рельсовыхъ путей. Вскорѣ Юргисъ поднялъ лицо вверхъ и остановился, — до него донесся издалека знакомый запахъ его квартала. Было уже далеко за полдень, и онъ проголодался; но обѣденныя меню, вывѣ-

шенныя у дверей кабаковъ, были не для него. Наконецъ онъ пришелъ къ скотнымъ дворамъ, къ вулканамъ, извергающимъ клубы густого дыма, къ загонамъ скота, къ зловоннымъ бойнямъ. Тутъ, увидавъ переполненный вагонъ трамвая, онъ не могъ справиться съ нетерпѣніемъ, вскочилъ на платформу и спрятался за чьей-то спиной, такъ что кондукторъ его не замѣтилъ. Черезъ десять минутъ онъ доѣхалъ до своей улицы. Онъ почти бѣгомъ добѣжалъ до угла. Вотъ наконецъ и домъ! — но вдругъ онъ остановился и оглянулся съ растеряннымъ видомъ. Что случилось съ домомъ? Юргисъ оглянулся: вотъ кабакъ на углу, вотъ сосѣдній домъ,—значитъ, онъ не ошибся. Но его домъ сталъ другимъ,—его перекрасили. Онъ былъ сѣрый, а теперь сталъ желтымъ. Оконные переплеты были красные, а теперь они зеленые. Это совершенно измѣнило весь видъ дома.

Юргисъ подошелъ ближе, но все еще стоя на другой сторонѣ улицы. Его охватилъ внезапный страхъ. Что значилъ произведенный въ домѣ полный ремонтъ? — изъяны были исправлены, разбитыя окна вставлены; на окнахъ новыя занавѣски — бѣлыя, чистыя. Вдругъ открылась дверь дома. Юргисъ остановился, едва дыша отъ волненія. Изъ дома вышелъ какой-то чужой мальчикъ, толстый и краснощекій; у нихъ въ семьѣ дѣти были не такія. Юргисъ глядѣлъ на мальчика, ничего не понимая. Мальчикъ спустился по ступенькамъ крыльца, сбивая снѣгъ, и, остановившись внизу лѣстницы, сталъ дѣлать снѣжки. Когда Юргисъ сталъ медленно переходить улицу, направляясь къ нему, мальчикъ думалъ-было убѣжать, но потомъ рѣшилъ постоять за себя. Юргисъ ухватился за перила, чувствуя, что не можетъ твердо стоять на ногахъ.

— Что... что ты тутъ дѣлаешь?—спросилъ онъ, едва выговаривая слова отъ волненія.

— Уходите!—сказалъ мальчикъ.

— Что—снова началъ Юргисъ—что ты тутъ дѣлаешь?

— Я,—сердито отвѣтилъ мальчикъ,—я здѣсь живу.

— Что это значитъ?—Юргисъ поблѣднѣлъ и еще крѣпче ухватился за перила.—Такъ гдѣ же моя семья?.. Это—мой домъ.

— Уходите!—сказалъ опять мальчикъ. Въ это время дверь открылась, и мальчикъ крикнулъ.—Мама, иди сюда! Тутъ пришелъ какой-то человѣкъ и говоритъ, что это его домъ.

На крыльцѣ показалась толстая ирландка.—Въ чемъ дѣло?— спросила она, и Юргисъ обернулся къ ней.—Гдѣ моя семья?— крикнулъ онъ дикимъ голосомъ.— Я ихъ здѣсь оставилъ. Это мой домъ. Какъ вы сюда попали?

Женщина поглядѣла на него съ испугомъ, какъ на сумасшедшаго.—Вашъ домъ? Вы—ошибаетесь, сказала она.—Этотъ домъ новый. Такъ мнѣ сказали, когда я покупала.

— Куда же дѣвалась моя семья?—неистово крикнулъ Юргисъ.

Женщина начала соображать. Она и раньше несовсѣмъ довѣряла словамъ агента, продавшаго ей домъ.—Я не знаю, гдѣ ваша семья,—сказала она.—Я купила домъ всего три дня тому назадъ; здѣсь никого не было, и мнѣ сказали, что домъ новый. Неужели же вы его нанимали до того?

— Нанималъ!—задыхаясь, проговорилъ Юргисъ.—Я купилъ этотъ домъ—платилъ за него. Онъ мой. А они... Боже мой! Не знаете ли вы, куда дѣвалась моя семья?

Онъ понялъ наконецъ, что ирландка ничего не знаетъ. Но больше онъ ничего не могъ сообразить. Его семью точно смело съ лица земли,—точно они никогда не существовали, а онъ только видѣлъ ихъ во снѣ. Онъ совершенно растерялся. Но вдругъ онъ вспомнилъ про бабушку Маюшкене, которая жила по сосѣдству, и поспѣшилъ къ ней, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Бабушка Маюшкене вышла ему на встрѣчу, когда онъ подходилъ къ ея дому, и вскрикнула отъ ужаса, увидавъ его такимъ блѣднымъ и дрожащимъ. Она поспѣшила сказать ему все, что̀ знала;—семьѣ его пришлось оставить домъ. Имъ нечѣмъ было платить и ихъ выгнали на улицу въ снѣгъ, а домъ за̀ново перекрасили и опять продали черезъ недѣлю. Что̀ съ ними сталось теперь, она не могла ему сказать; она знала, что они опять поселились у Анели Юкненъ, у которой жили, какъ только пріѣхали. Она попросила Юргиса зайти къ ней отдохнуть.—Конечно, все это ужасно,—говорила она, выражая свое соболѣзнованіе.—Вся бѣда произошла отъ того, что онъ попалъ въ тюрьму.

Юргисъ повернулся и ушелъ, шатаясь. Но онъ не долго шелъ. Едва онъ завернулъ за уголъ, какъ совершенно обезсилѣлъ, сѣлъ на ступеньки у ближайшаго кабака и, закрывъ лицо руками, сталъ глухо рыдать.

Ихъ домъ потерянъ. Горе, отчаяніе, бѣшенство осилили его. Въ его домѣ поселились чужіе и глядятъ изъ его оконъ на него недружелюбнымъ взглядомъ! Это неправдоподобно, чудовищно. Сколько они всѣ выстрадали изъ-за этого дома,—сколько денегъ на него пошло!.. Юргисъ вспомнилъ всю исторію пріобрѣтенія дома: какъ они сколотили триста долларовъ для перваго взноса,—отдавъ всѣ свои сбереженія на черный день. И потомъ, сколько они выносили лишеній, чтобы уплачивать всѣ взносы и налоги,—они душу свою положили на это, платили слезами и по̀томъ,—

даже болѣе того—цѣной жизни. Старикъ Антонъ умеръ только оттого, что сталъ искать заработка. Онъ бы жилъ до сихъ поръ, еслибы не работалъ въ темныхъ подвалахъ у Дургэма, чтобы вносить свою долю за домъ. И Она отдала свое здоровье и силу для уплаты за домъ,—это ее и погубило. А онъ самъ... Какой онъ былъ сильный, коренастый три года тому назадъ,—а теперь вотъ онъ сидитъ, дрожитъ и плачетъ, какъ ребенокъ. Они все поставили на карту—и теперь все потеряно. Все, что уплачено, пропало до послѣдняго цента, — и домъ отнятъ. Нѣтъ у нихъ дома; они опять отброшены назадъ, выброшены на улицу и умрутъ отъ голода и холода.

Теперь Юргису стало ясно, что онъ попалъ въ когти хищныхъ коршуновъ. Его истерзали и еще надсмѣялись надъ нимъ. Его и его семью поймали въ сѣть и высосали изъ нихъ кровь. Онъ вспомнилъ первое объявленіе о продажѣ дома, вспомнилъ, какъ ихъ заманили ложными обѣщаніями, какъ ихъ втянули въ обязательства, о которыхъ не предупреждали.—Знай они о процентахъ, налогахъ, страховкахъ, — они бы не затѣяли покупки. И такъ во всемъ. Онъ вспомнилъ всѣ продѣлки фабрикантовъ, отъ которыхъ зависѣла ихъ жизнь: прекращеніе производства, неправильность рабочихъ часовъ, жестокій способъ подгонять работу, сбавки заработной платы, дороговизну всѣхъ припасовъ. И вдобавокъ еще безжалостность климата, жары и холодъ, снѣжныя метели, безпощадность обычаевъ и законовъ—все это соединилось во едино, и они погибли, очутившись въ когтяхъ хозяевъ, которые извлекли изъ нихъ все, что могли, и потомъ выбросили на произволъ судьбы. А теперь еще эта послѣдняя страшная жестокость: ихъ выгнали, отобрали у нихъ домъ и опять продали другимъ... И противъ этого ничего нельзя подѣлать; они связаны по рукамъ и по ногамъ; законъ противъ нихъ, вся машина общественнаго устройства къ услугамъ ихъ притѣснителей. Еслибы Юргисъ поднялъ хоть палецъ на мошенника агента, его бы опять упрятали въ логовище, изъ котораго онъ только-что вырвался. Но уйти отсюда значило покориться, признать себя побѣжденнымъ, оставить свой домъ чужимъ. Юргисъ просидѣлъ бы тутъ цѣлые часы, дрожа всѣмъ тѣломъ, еслибы не мысль о семьѣ. Можетъ быть, его ожидаютъ еще болѣе страшныя вѣсти: онъ поднялся и пошелъ, оглушенный, едва ступая отъ усталости. Анеля жила верстахъ въ двухъ за скотными дворами. Никогда дорога туда не казалась Юргису такой длинной, и когда наконецъ онъ увидѣлъ жалкій домикъ грязно-сѣраго цвѣта, у него сердце тревожно забилось. Онъ быстро взбѣжалъ

по лѣстницѣ и сталъ громко колотить въ дверь. Старуха Анеля вышла сама отворить ему. Она вся скорчилась отъ ревматизма съ тѣхъ поръ, какъ Юргисъ не видалъ ее, и ея маленькое, желтое какъ пергаментъ лицо едва возвышалось надъ ручкой двери. При видѣ Юргиса она съ ужасомъ отшатнулась.

— Здѣсь Она?—крикнулъ онъ, едва дыша.

— Здѣсь,—отвѣтила она.

— Что...—началъ-было Юргисъ, и остановился, судорожно схватившись за ручку двери.

Откуда-то изнутри дома раздался страшный крикъ, — и онъ узналъ голосъ Оны. На минуту Юргисъ остолбенѣлъ отъ ужаса, потомъ отстранилъ старуху и вбѣжалъ въ квартиру. Первая комната была кухня Анели, и тамъ подлѣ печки сидѣло нѣсколько женщинъ съ блѣдными, испуганными лицами. Одна изъ нихъ вскочила при видѣ Юргиса. У нея былъ одичалый видъ, страшно исхудалое лицо и одна рука въ повязкѣ, — Юргисъ едва могъ сообразить, что это Марія. Онъ прежде всего оглянулся, ища Ону; не видя ея, онъ обернулся къ сидѣвшимъ женщинамъ, ожидая, что онѣ скажутъ что-нибудь. Но онѣ продолжали сидѣть молча, съ ужасомъ глядя на него. И черезъ секунду Юргисъ опять услышалъ пронзительный крикъ, откуда-то сверху, изъ задней половины дома. Юргисъ рванулся къ двери и открылъ ее; тамъ была лѣстница, которая вела черезъ трапъ на чердакъ, и онъ уже сталъ подниматься по ней, какъ услышалъ голосъ Маріи за собой. Она схватила его за руку своей здоровой рукой и съ ужасомъ окликнула его.—Остановись, Юргисъ, тебѣ нельзя туда!—крикнула она.

Юргисъ обезумѣлъ отъ испуга. — Въ чемъ дѣло? Что случилось?

Марія крѣпко держала его. Онъ слышалъ крики и рыданія Оны и опять рванулся, чтобы побѣжать наверхъ.—Нѣтъ, нѣтъ!—удерживала его Марія.—Это—ребенокъ.

— Ребенокъ?—повторилъ онъ, пораженный.—Антонъ?

Марія отвѣтила шопотомъ:—Нѣтъ, новый.

Юргисъ остановился и чуть не упалъ съ лѣстницы, зашатавшись.—Что такое? Вѣдь еще не время,—проговорилъ онъ.

— Я знаю,—сказала Марія,—а все-таки началось...

Опять раздался страшный крикъ Оны, и Юргисъ поблѣднѣлъ отъ ужаса. Потомъ крикъ перешелъ въ жалобный плачъ, и Юргисъ услышалъ слова: „Умереть бы скорѣе, Господи, умереть бы!“... Марія силой оттащила его и увела въ кухню. Онъ такъ ослабѣлъ, что безъ ея помощи упалъ бы тутъ же. Онъ сѣлъ на

стулъ, весь дрожа. Марія держала его руку; остальныя женщины глядѣли на него съ нѣмымъ безпомощнымъ ужасомъ. Опять раздался крикъ Оны, и онъ вскочилъ со стула. — Какъ долго это длится?—спросилъ онъ наконецъ.

— Недавно только началось, — отвѣтила Марія, и потомъ, по знаку Анели, прибавила:—Послушай, Юргисъ, ты бы лучше ушелъ теперь. Ты все равно ничѣмъ помочь не можешь. Уйди— и приходи попозже. У нея Ельзбета,—дастъ Богъ, все обойдется благополучно.

— Нужно доктора,— проговорилъ Юргисъ.— Какого-нибудь знающаго человѣка.

Онъ схватилъ Марію за руку, и она шопотомъ проговорила:

— У насъ нѣтъ денегъ, нечѣмъ заплатить доктору. Потомъ, испугавшись лица Юргиса, она опять быстро заговорила: — Ты не безпокойся, Юргисъ. Никакой опасности нѣтъ, — ты только уйди.

Снова раздался голосъ Оны, и Юргисъ совершенно обезумѣлъ. Онъ никогда не слыхалъ такихъ криковъ. Ихъ первый ребенокъ родился въ его отсутствіе, и теперь онъ не могъ выдержать мысли, что Она такъ мучается. Женщины почти насильно вытолкали его за дверь; но онъ проходилъ четверть часа подъ окнами, слушая крики, и вернулся. Онъ никакъ не могъ повѣрить въ благополучный исходъ,—ему казалось, что Она умираетъ.

— Слушайте, слушайте, какъ она кричитъ! Нельзя оставить ее безъ помощи. Почему вы не позвали доктора? Можно вѣдь обѣщать ему заплатить потомъ.

— Какъ было обѣщать, Юргисъ?—возразила Марія.—Намъ нечѣмъ заплатить,—намъ ѣсть нечего.

— Я заплачу. Я буду работать и заплачу.

— Мы не знали, когда ты вернешься. А даромъ никто не идетъ. — Марія разсказала, какъ она ходила за акушеркой, — всѣ онѣ требуютъ десять, пятнадцать, даже двадцать-пять долларовъ, и непремѣнно наличными.—А у меня ужъ ничего нѣтъ въ банкѣ,— сказала она.— Я задолжала доктору, который приходилъ лечить руку,—и онъ пересталъ ходить. Анелѣ мы за двѣ недѣли не платили, и она сама съ голоду умираетъ. Хозяинъ гонитъ ее съ квартиры.

— А дѣти?

— Они три дня не возвращались — не могли, вѣрно, въ метель. Про Ону они не знаютъ. Мы вѣдь ждали только черезъ мѣсяцъ,—а тутъ вдругъ началось.

Юргисъ держался рукой за столъ. Голова у него опустилась и руки дрожали; видъ у него былъ такой, что онъ, вотъ-вотъ, упадетъ. Вдругъ Анеля поднялась со стула и, ковыляя, подошла къ Юргису. Пошаривъ въ карманѣ, она вытащила тряпку, въ которой было что-то завязано.

— Вотъ, Юргисъ,—сказала она.—У меня еще есть немножко денегъ. На̀ тебѣ.

Она вынула и сосчитала. Оказалось тридцать-четыре цента.

— Пойди, — сказала она, — и постарайся самъ привести кого-нибудь. И вы всѣ дайте ему сколько есть, — дайте, онъ вернетъ вамъ когда-нибудь. Пусть попытается. И хоть время пройдетъ, если даже онъ никого не достанетъ. Пока онъ вернется,—дастъ Богъ, все благополучно кончится.

Всѣ женщины вынули изъ кармановъ что̀ имѣли,—ничего, кромѣ мелочи у нихъ не было, но онѣ отдали, что̀ нашли. Сосѣдка, м-ссъ Ольчевская, дала около полу-доллара; мужъ ея былъ изъ хорошихъ рѣзниковъ, но пьяница. Въ общемъ набралось долларъ съ четвертью. Юргисъ сунулъ деньги въ карманъ и выбѣжалъ изъ дому.

XIX.

„Мадамъ Гауптъ, акушерка" — гласила вывѣска у окна во второмъ этажѣ надъ однимъ изъ кабаковъ по близости; у дверей внизу была еще дощечка съ изображеніемъ руки, указывающей на лѣстницу. Юргисъ побѣжалъ наверхъ, переступая по три ступеньки сразу. Мадамъ Гауптъ жарила свинину съ лукомъ, и дверь ея квартиры была полуоткрыта, чтобы дать выйти чаду. Когда Юргисъ хотѣлъ постучать, дверь сама раскрылась настежь, и онъ увидѣлъ хозяйку; она какъ разъ опрокидывала въ ротъ содержимое какой-то черной бутылки. Юргисъ вторично постучалъ, и она отставила бутылку. Юргисъ увидѣлъ передъ собой непомѣрно толстую голландку. Все ея тѣло колыхалось, когда она ходила по комнатѣ, и въ буфетѣ звенѣла посуда отъ тяжести ея шаговъ. На ней былъ грязный синій капотъ.

— Что̀ вамъ нужно? — спросила она Юргиса, коверкая англійскія слова на голландскій ладъ. Онъ такъ запыхался отъ быстраго бѣга, что не могъ сразу говорить. Видъ у него былъ совершенно дикій; волосы разметались, глаза вылѣзали изъ орбитъ.

— Моя жена...—проговорилъ онъ наконецъ.—Скорѣе идите со мной.

Мадамъ Гауптъ отставила сковороду и вытерла руки о капотъ.

— Вы меня зовете на практику?—спросила она.

— Да,—проговорилъ Юргисъ.

— Я только-что пришла съ практики, — сказала она, — и еще даже не пообѣдала. Но если нужна немедленная помощь...

— Очень нужна!—почти крикнулъ онъ.

— Сколько вы мнѣ заплатите?

— Сколько вы требуете?

— Двадцать пять долларовъ.

Лицо его осунулось.

— Этого я не могу заплатить.

Голландка внимательно поглядѣла на него.

— А сколько же вы можете?

— Нужно развѣ сейчасъ дать деньги?

— Да, мнѣ всегда платятъ впередъ.

— У меня нѣтъ теперь денегъ, — началъ Юргисъ дрожащимъ голосомъ. — Со мной случилось несчастье, и всѣ деньги ушли. Но я вамъ все выплачу — до послѣдняго цента. Я могу работать.

— Вы гдѣ работаете?

— Я теперь безъ мѣста. Но я достану работу.

— Сколько у васъ денегъ съ собой?

Онъ едва рѣшился сказать.

— Долларъ съ четвертью, — выговорилъ онъ наконецъ, и голландка презрительно засмѣялась.

— За долларъ съ четвертью я и шляпы надѣвать не стану,— сказала она.

— Больше у меня нѣтъ,—сказалъ Юргисъ прерывающимся голосомъ.—Моя жена умретъ, если не помочь ей. Поймите! Что мнѣ дѣлать?

Мадамъ Гауптъ отставила свинину съ лукомъ и обернулась къ Юргису.

— Дайте мнѣ наличными десять долларовъ, а остальное— черезъ мѣсяцъ.

— Да нѣтъ у меня ничего, кромѣ доллара съ четвертью.

Голландка опять занялась стряпней.

— Не вѣрю я вамъ,—сказала она.—Нечего меня обманывать. Такой сильный человѣкъ, и чтобы не имѣлъ больше денегъ, чѣмъ долларъ съ четвертью!

— Я только-что вышелъ изъ тюрьмы, — сказалъ Юргисъ, готовый умолять эту женщину на колѣняхъ.—У меня нѣтъ денегъ, семья моя голодаетъ. Всѣ друзья наши тоже бѣдные,—эти деньги они дали. Поймите, у меня нѣтъ ничего...

— Неужели вы нигдѣ не можете занять? Нѣтъ у васъ кредита у знакомыхъ лавочниковъ?.. Послушайте, — продолжала она, когда Юргисъ отрицательно покачалъ головой, — вы сами потомъ будете рады. Вѣдь я вамъ спасу жену и ребенка, — а каково вамъ будетъ, если вы ихъ потеряете? Я вѣдь свое дѣло понимаю,—спросите, кого хотите.

Юргисъ не могъ слушать ее долѣе. Онъ повернулся къ двери, но она остановила его.

— Такъ и быть, я за пять пойду. Не отказывайтесь,—уговаривала она, идя вслѣдъ за нимъ.—Никто за меньшее не пойдетъ въ такой дождь. И то я никогда такъ дешево не беру. Я бы не могла платить за квартиру...

Юргисъ прервалъ ее.

— Да какъ же я вамъ заплачу, если у меня нѣтъ денегъ!— крикнулъ онъ.— Понимаете—нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ! Я бы заплатилъ сколько угодно, — да нѣтъ. — Онъ повернулся и вышелъ. На этотъ разъ онъ уже спустился наполовину съ лѣстницы, но мадамъ Гауптъ остановила его.

— Подождите,—крикнула она:—я пойду съ вами.

Онъ опять вернулся въ комнату.

— Не могу я допустить, чтобы бѣдная женщина страдала, и не помочь ей,— сказала она меланхоличнымъ голосомъ. — Я, конечно, все равно что даромъ иду къ вамъ, но такъ и быть. Далеко это?

— Три или четыре квартала отсюда.

— Три или четыре? Я вся промокну. Gott im Himmel! за долларъ съ четвертью, да еще въ такую погоду! Но вы мнѣ выплатите всѣ двадцать-пять долларовъ — ну, скажемъ черезъ мѣсяцъ?

— Хорошо,—сказалъ несчастный Юргисъ.—Все, что хотите. Только поторопитесь!

— Гдѣ же долларъ съ четвертью?—безпощадно настаивала мадамъ Гауптъ.

Юргисъ выложилъ деньги на столъ, и она ихъ спрятала. Затѣмъ, вытеревъ жирныя руки о капотъ, она стала медленно переодѣваться, кряхтя отъ толщины. Не стѣсняясь присутствіемъ Юргиса, она сняла капотъ, стала затягиваться и одѣваться; долго возилась, надѣвая шляпу, искала безъ конца затерянный зонтикъ, собирала медленно всѣ вещи, не обращая вниманія на нетерпѣніе и тревогу Юргиса. Наконецъ они вышли, и какъ онъ ни торопилъ толстую голландку, она останавливалась послѣ каждаго шага, чтобы отдышаться, прежде чѣмъ идти дальше.

Наконецъ они все-таки добрались до дома Анели и прошли въ кухню, гдѣ сбились въ кучку нѣсколько испуганныхъ женщинъ. Наверху все было попрежнему,—Юргисъ опять услышалъ крики Оны. Мадамъ Гауптъ раздѣлась, вынула изъ мѣшка старое платье и переодѣлась, затѣмъ вынула блюдечко съ гусинымъ жиромъ и намазала себѣ руки. Считалось, что употреблять одинъ и тотъ же гусиный жиръ въ возможно наибольшемъ количествѣ приноситъ счастье,—и потому мадамъ Гауптъ тщательно берегла свое блюдечко съ жиромъ, держа его среди грязнаго тряпья по мѣсяцамъ, иногда по цѣлымъ годамъ.

Наконецъ ее подвели къ лѣстницѣ наверхъ, и Юргисъ услышалъ, какъ она стала возмущаться:

— Gott im Himmel, зачѣмъ меня привели въ такой домъ? Не могу я карабкаться на такую лѣстницу—я убьюсь на смерть. Да развѣ можно помѣщать больную въ такомъ мѣстѣ! Какъ вамъ не стыдно!

Юргисъ стоялъ въ дверяхъ и слышалъ ея ругань, заглушающую стоны и крики Оны. Наконецъ Анеля кое-какъ успокоила ее и повела наверхъ на чердакъ; нужно было указать, какъ ей пройти, чтобы не провалиться тамъ, гдѣ не было пола. Наконецъ брань смолкла, и Юргисъ увидѣлъ, какъ исчезли въ отверстіи двери огромныя, какъ у слона, ноги; весь домъ зашатался, когда мадамъ Гауптъ стала черезъ минуту ходить наверху. Анеля подошла къ Юргису и взяла его за руку.

— А теперь,—сказала она,—уходи. Ты только мѣшаешь. Уходи, куда хочешь, и не возвращайся до утра...

Анеля и Марія вытолкали его за дверь и заперли ее за нимъ. Солнце недавно зашло, и становилось холодно. Юргисъ дрожалъ въ своей тонкой одеждѣ и, заложивъ руки въ карманы, быстро пошелъ впередъ. Онъ ничего не ѣлъ и чувствовалъ себя совсѣмъ слабымъ и больнымъ. Вдругъ онъ вспомнилъ, что тутъ по близости есть кабакъ, куда онъ прежде ходилъ обѣдать. Въ сердцѣ его проснулась надежда. Можетъ быть, они тамъ сжалятся надъ нимъ, или же, можетъ быть, онъ встрѣтитъ какого-нибудь знакомаго. Онъ быстрымъ шагомъ направился туда.

— Здравствуй, Джэкъ,—сказалъ хозяинъ, когда онъ вошелъ; всякаго иностранца и простого рабочаго принято было звать Джэкомъ.—Гдѣ ты пропадалъ?

Юргисъ подошелъ прямо къ стойкѣ.—Я былъ въ тюрьмѣ,—сказалъ онъ,—и только-что вышелъ. Я весь день добирался до дому, у меня нѣтъ ни одного цента и я ничего не ѣлъ съ утра. Домъ у меня отняли, жена больна. Все кончено.

Кабатчикъ поглядѣлъ на его одичалое, блѣдное лицо и дрожащія губы, и пододвинулъ ему большую бутыль. — Пей! — сказалъ онъ.

У Юргиса такъ дрожали руки, что онъ не могъ налить себѣ водки. Хозяинъ налилъ ему, и онъ сразу выпилъ большой стаканъ; затѣмъ, по приглашенію хозяина, онъ подошелъ къ буфету и сталъ быстро и жадно ѣсть. Онъ съѣлъ, сколько смогъ, потомъ поблагодарилъ, какъ умѣлъ, хозяина и сѣлъ посрединѣ комнаты, у большой раскаленной печки.

Но все это было слишкомъ хорошо — и потому не могло продолжаться. Отъ его промокшаго платья пошелъ паръ, и комната наполнилась ужасающимъ запахомъ искусственнаго удобренія. А хозяинъ какъ разъ ожидалъ много посѣтителей, какъ всегда въ субботу вечеромъ; предполагалось, что придетъ музыка, скрипка и кларнетъ, и что устроятся танцы. Запахъ, который шелъ отъ Юргиса, разогналъ бы всѣхъ, и кабатчику пришлось удалить нежелательнаго гостя. — Прости, Джэкъ, — тебѣ придется уйти, — сказалъ онъ.

Много онъ видалъ пропавшихъ людей на своемъ вѣку и каждый вечеръ дюжинами выгонялъ ихъ изъ своего заведенія. Но они были дѣйствительно конченные люди, а въ Юргисѣ чувствовались еще слѣды порядочности, и кабатчику не хотѣлось выгнать его. Этотъ человѣкъ могъ еще подняться и стать хорошимъ кліентомъ. Онъ его поэтому провелъ въ заднюю половину кабака, на лѣстницу, которая вела въ погребъ. Тамъ Юргисъ провелъ вечеръ и часть ночи. Заснуть онъ не могъ, несмотря на усталость. Ему было очень холодно, и его мучила тревога о женѣ. Проходили часы за часами: онъ зналъ, что не наступило еще утро только потому, что изъ залы доносились крики, музыка, смѣхъ и пѣніе. Когда все стихло, онъ сталъ ждать, что придутъ и выведутъ его на улицу, но никто не являлся, и онъ уже думалъ, что хозяинъ забылъ о немъ. Наконецъ онъ больше не могъ выдержать и сталъ колотить въ дверь. Пришелъ хозяинъ; его заведеніе оставалось открытымъ всю ночь, и онъ дремалъ, сидя за стойкой. — Я пойду домой, — сказалъ Юргисъ. — Жена очень больна, и я въ тревогѣ. Не могу дольше ждать.

— Чего же ты сразу не сказалъ? — спросилъ хозяинъ. — Я думалъ, что тебѣ некуда идти.

Юргисъ вышелъ. Было четыре часа утра и темно какъ ночью. Онъ побѣжалъ къ дому Анели.

Въ кухнѣ горѣлъ огонь и занавѣсь не была спущена. Дверь

была открыта, и Юргисъ вбѣжалъ, не стучась. Анеля, Марія и остальныя женщины сидѣли у печки, какъ и прежде. Юргисъ замѣтилъ, что пришло еще нѣсколько женщинъ—и что наверху теперь тихо.

— Ну что?—спросилъ онъ, но никто ему не отвѣтилъ. У нихъ всѣхъ были блѣдныя, испуганныя лица.—Ну что?—повторилъ онъ громче.

При свѣтѣ коптѣвшей лампы онъ увидѣлъ, что Марія отрицательно покачала головой.—Еще нѣтъ,—сказала она.

— Еще нѣтъ!—крикнулъ Юргисъ съ отчаяніемъ.—Еще нѣтъ!.. Но ея не слышно,—проговорилъ онъ помолчавъ.

— Она уже нѣсколько времени какъ притихла, сказала Марія.

Наступило молчаніе, и вдругъ сверху раздался крикъ:—Эй вы тамъ, сюда!

Нѣсколько женщинъ побѣжали къ лѣстницѣ наверхъ, а Марія подскочила къ Юргису.—Подожди здѣсь!—крикнула она, и оба они остановились, блѣдные и дрожащіе, прислушиваясь къ тому, что происходило рядомъ. Черезъ секунду они услышали, что мадамъ Гауптъ сходитъ внизъ по лѣстницѣ, бранясь и отдуваясь. Юргисъ взглянулъ на нее, поблѣднѣлъ и зашатался. Она сняла лифъ и стояла съ голыми руками, какъ мясникъ на бойнѣ. Руки были у нея до верху въ крови, и все платье и лицо были забрызганы кровью. Она тяжело дышала и оглянулась въ комнатѣ Никто не произнесъ ни слова.

— Я сдѣлала все, что могла,—сказала она.—Теперь нечего и пытаться... Я не виновата,—продолжала она. — Нужно было позвать доктора съ самаго начала. Вы слишкомъ поздно призвали меня.

Наступило мертвое молчаніе. Марія изо всѣхъ силъ ухватилась за Юргиса, держа его за руку. Мадамъ Гауптъ обратилась къ Анелѣ:—Дайте мнѣ выпить чего-нибудь; нѣтъ ли коньяку?

Анеля отрицательно покачала головой.

— Herr Gott!—воскликнула мадамъ Гауптъ.—Ну и люди!—Можетъ, вы хоть поѣсть мнѣ дадите. Я со вчерашняго утра не ѣла и работала здѣсь до потери силъ. Знай я это, я бы не пришла,—да еще чуть ли не даромъ.—Увидавъ Юргиса, она погрозила ему пальцемъ и сказала:—Помните, вы мнѣ все-таки выплатите все до послѣдняго цента. Я не виновата, что вы слишкомъ поздно призвали меня. Я не виновата, что ребенокъ былъ въ неправильномъ положеніи,—я всю ночь работала, да еще въ такомъ мѣстѣ, гдѣ только щенятамъ рождаться, а не

людямъ. И никакой ѣды, кромѣ того, что̀ я принесла съ собой въ карманѣ!

Мадамъ Гауптъ остановилась на минуту, чтобы передохнуть. Марія, увидѣла, что у Юргиса выступили на лбу капли пота и что онъ весь дрожитъ; она тихо спросила акушерку:—Что̀ же съ ней теперь?

— Что̀ съ ней?—повторила мадамъ Гауптъ. — Какъ вы думаете, что̀ съ ней можетъ быть, когда вы такъ съ ней обращаетесь! Сами виноваты. Я это сказала, когда послали за священникомъ. Она молода и сильна—и перенесла бы все, еслибы во̀-время подали помощь. Она, бѣдная, билась изо всѣхъ силъ— и пока еще жива.

Юргисъ дико вскрикнулъ:—Пока еще!

— Но она, конечно, сейчасъ умретъ. Ребенокъ уже умеръ.

Чердакъ освѣщенъ былъ одной только свѣчой, прилѣпленной къ доскѣ; она уже догорала и дымила, когда вошелъ Юргисъ. Онъ едва смогъ различить кучку тряпья въ одномъ углу и одѣяло поверхъ него; у подножья лежало Распятіе, и тутъ же священникъ бормоталъ молитвы. Въ другомъ углу прижалась Ельзбета; она плакала и стонала. На охапкѣ тряпья лежала Она.

Она была прикрыта одѣяломъ, но плечи и одна рука высунулись наружу. Ее почти невозможно было узнать—она была худа какъ скелетъ, съ бѣлымъ какъ мѣлъ лицомъ. Вѣки были закрыты, и она лежала точно мертвая. Юргисъ кинулся къ ней съ крикомъ:—Она! Она!—Схвативъ ея руку, онъ сталъ сжимать ее въ своей и кричалъ:—Она, посмотри на меня! Это я, Юргисъ. Я вернулся — ты не слышишь?—У нея слегка задрожали вѣки, и онъ опять крикнулъ:—Она, Она!..

Вдругъ она открыла глаза—на одну секунду. Она взглянула на него, и во взглядѣ ея мелькнуло сознаніе: она его узнала, а ему показалось, что она глядитъ откуда-то издалека, совсѣмъ издалека. Онъ протянулъ къ ней руки, сталъ звать ее дикимъ голосомъ, съ безумнымъ желаніемъ удержать ее,—но напрасно. Она ускользнула отъ него и исчезла. Конецъ—ея нѣтъ... Онъ сжималъ ее въ объятіяхъ, рыдая навзрыдъ,—но она лежала холодная, неподвижная. Она умерла. Ужасъ исчезновенія, ужасъ пустоты охватилъ его. Ледяной страхъ передъ одиночествомъ сжалъ его душу. Онъ стоялъ какъ испуганный ребенокъ: весь міръ точно исчезалъ передъ его глазами, превращаясь въ далекій призракъ. Онъ продолжалъ звать Ону, и его крики раздавались по всему дому, наводя ужасъ на женщинъ, прижавшихся другъ къ дружкѣ въ кухнѣ. Юргисъ совершенно обезу-

мѣлъ. Священникъ положилъ ему руку на плечо и что-то шепталъ, но онъ не слышалъ ни звука. Онъ пробирался гдѣ-то въ потемкахъ, среди тѣней, и тщетно пытался удержать душу, которая уже исчезла отъ него.

Стало свѣтать. Священникъ ушелъ, ушли и женщины, и Юргисъ остался одинъ на чердакѣ подлѣ неподвижной бѣлой фигуры. Онъ пересталъ рыдать и кричать, а только дрожалъ и стоналъ, не отводя глазъ отъ бѣлаго лица передъ нимъ. Онъ не могъ вынести мысли, что Она мертва. Такая молодая—почти дѣвочка. Ей едва минуло восемнадцать лѣтъ,—жизнь ея едва началась,—и вотъ она лежитъ, замученная на смерть.

Было уже утро, когда Юргисъ спустился въ кухню. Онъ шатался, лицо у него было пепельно-сѣрое. Пришли еще нѣсколько сосѣдей и молча глядѣли на него, когда онъ сѣлъ на стулъ и закрылъ лицо руками. Черезъ нѣсколько минутъ открылась наружная дверь. Ворвалась струя холода, и на порогѣ появилась маленькая Котрина, запыхавшаяся и синяя отъ холода.—Наконецъ-то я добралась!—громко сказала она.—Я едва...

Взглянувъ на Юргиса, она въ ужасѣ остановилась. Потомъ она посмотрѣла на всѣхъ, и поняла, что произошло несчастіе. Она почти шопотомъ спросила:—Что случилось?

Прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ отвѣтить ей, Юргисъ вскочилъ со стула и подошелъ къ Котринѣ нетвердыми шагами:—Ты откуда?—спросилъ онъ.

— Продавала газеты.

— Сколько у тебя денегъ?

— Около трехъ долларовъ.

— Давай сюда!

Котрина, испуганная его видомъ, глядѣла на другихъ.

Давай!—крикнулъ онъ.—Она сунула руку въ карманъ и вынула горсть денегъ, завязанныхъ въ грязную тряпку. Юргисъ, не говоря ни слова, взялъ деньги и вышелъ изъ дому. Черезъ три дома отъ нихъ былъ кабакъ.—Водки!—крикнулъ онъ, входя. Когда кабатчикъ налилъ стаканъ, онъ вынулъ полъ-доллара изъ тряпки.—Сколько стоитъ бутылка?—спросилъ онъ.—Я хочу напиться.

XX.

На три доллара сильный человѣкъ не можетъ, однако, долго пьянствовать. Она умерла въ ночь на воскресенье, а въ понедѣльникъ вечеромъ Юргисъ вернулся трезвый и угнетенный, съ

мучительнымъ сознаніемъ, что онъ израсходовалъ все, что̀ осталось у его семьи, и не смогъ купить на это ни минуты забвенія.

Ону еще не похоронили, но уже было дано знать полиціи, и на слѣдующій день ее должны были увезти въ сосновомъ гробу и похоронить на кладбищѣ для бѣдныхъ. Ельзбета ушла просить подаянія, чтобы было чѣмъ заплатить за панихиду, а дѣти сидѣли голодныя,—онъ пропилъ всѣ ихъ деньги.

Анеля стала громко попрекать его этимъ и не пустила его даже въ кухню, говоря, что всѣ ея жильцы разбѣгутся отъ его запаха.—Пусть идетъ на чердакъ!—сказала она, прибавивъ, что и туда не будетъ пускать, если онъ не заплатитъ ей долгъ. Юргисъ не отвѣтилъ ни слова и пошелъ на чердакъ. Тамъ было совсѣмъ темно—денегъ на свѣчку у нихъ не было—и холодно, какъ на дворѣ. Въ одномъ углу сидѣла Марія и баюкала маленькаго Антона; въ другой забились дѣти. Марія ни слова не сказала Юргису, и онъ тихо пробрался къ тѣлу жены. Въ эту минуту онъ не думалъ о томъ, что дѣти сидятъ голодныя. Онъ весь отдался своему горю,—разрѣшая себѣ такую роскошь. Теперь только, сидя молча безъ слезъ у ея тѣла, онъ понялъ, какъ сильно онъ любилъ Ону. Въ немъ снова проснулась любовь, придавленная прежде заботами и нуждой. Все проснулось въ его памяти,—онъ вспоминалъ Ону такой, какой увидѣлъ ее въ первый разъ на родинѣ, прекрасной какъ цвѣтокъ, весело поющей, какъ птичка, вспомнилъ, какъ они поженились, вспомнилъ ея слова, ея слезы. Тяжкая жизненная борьба озлобила его, сдѣлала его жесткимъ,—Она же всегда оставалась прежней. До конца душа ея томилась и тянулась къ нему, прося любви и нѣжности. Сколько она выстрадала,—какимъ злымъ и безсердечнымъ онъ былъ съ нею! Теперь каждое жесткое слово, когда-либо сказанное имъ Онѣ, отзывалось невыразимой мукой въ его сердцѣ. Теперь душа его была полна любви,—но уже поздно. Онъ никогда не сможетъ выразить эту любовь. Тщетно протягивать теперь къ ней руки въ темнотѣ,—она ушла навсегда, она умерла. Ему хотѣлось кричать отъ ужаса и отчаянія, но онъ не смѣлъ пошевельнуться или произнести слово,—до того ему было стыдно, до того онъ ненавидѣлъ себя въ эту минуту.

Поздно ночью вернулась Ельзбета. Она достала денегъ на панихиду и заплатила впередъ во избѣжаніе соблазна. Она принесла также хлѣба для дѣтей и дала имъ поѣсть. Потомъ она подошла къ Юргису и сѣла рядомъ съ нимъ. Она не стала его упрекать,—такъ они рѣшили съ Маріей. Но тутъ, у тѣла его жены, она хотѣла образумить его. Ельзбета уже покорилась

судьбѣ. Ей предстояло хоронить дочь,—но она до того похоронила троихъ дѣтей,—и каждый разъ старалась осилить свое горе, чтобы продолжать жизненную борьбу для другихъ, оставшихся. Она, какъ насѣдка, у которой отнимали одного за другимъ ея цыплятъ, пеклась объ оставшихся—до послѣдняго. Она дѣлала это безотчетно, не задаваясь вопросомъ о томъ, слѣдуетъ ли такъ поступать, не размышляя о безцѣльности жизни, въ которой, кромѣ горя. ничего не было и не предвидѣлось. Это инстинктивное чувство и заставляло ее теперь со слезами на глазахъ урезонивать Юргиса. О своихъ дѣтяхъ она не говорила—она сама и Марія кое-какъ прокормятъ ихъ; но маленькій Антонъ — его. сынъ, — нужно о немъ позаботиться. Неужели онъ броситъ на произволъ судьбы ребенка Оны? Ельзбета заклинала его памятью Оны стать снова человѣкомъ. Теперь, не имѣя дома, они смогутъ жить дешевле, и если всѣ, взрослые и дѣти, будутъ работать попрежнему, то можно будетъ сводить концы съ концами. Лишь бы только онъ не опускался. Ельзбета уговаривала его съ лихорадочной настойчивостью. Она боролась за жизнь свою и дѣтей. Она не боялась, что Юргисъ сопьется, — на это у него не было денегъ. Но ее охватывалъ безумный ужасъ при мысли, что онъ оставитъ ихъ и уйдетъ, какъ Іонасъ. Юргисъ внялъ ея словамъ. Сидя подлѣ трупа Оны, онъ не могъ и думать о томъ, чтобы покинуть ея ребенка. Онъ обѣщалъ работать ради маленькаго Антона, и рѣшилъ, что пойдетъ искать работы сейчасъ же,—не дожидаясь похоронъ Оны. Теперь ему можно повѣрить: онъ сдержитъ слово, что бы ни случилось.

На слѣдующее утро онъ до свѣту вышелъ изъ дому, отправился на прежнее мѣсто, въ фосфатное отдѣленіе на фабрикѣ Дургэма, и попросилъ взять его обратно. Но смотритель очень рѣшительно покачалъ головой и сказалъ ему, что работы для него нѣтъ и не предвидится. Юргиса удивила рѣшительность отказа.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ онъ. — Развѣ я не хорошо исполнялъ мое дѣло?

Но смотритель холодно посмотрѣлъ на него и повторилъ:

— Я уже сказалъ вамъ, что работы вамъ здѣсь не будетъ.

Юргисъ ушелъ очень подавленный, подозрѣвая, что подъ этимъ отказомъ таится что-то очень неладное. Онъ сталъ въ толпѣ голодныхъ, чающихъ работы людей подъ окнами конторы, въ снѣгу, и прождалъ два часа безъ завтрака, пока полицейскій не разогналъ толпу палками. На этотъ день онъ работы не досталъ. Отчаиваться пока, конечно, было нечего. У Юргиса было

много знакомыхъ; онъ зналъ, что найдутся кабатчики, которые дадутъ ему поѣсть и выпить въ долгъ, знакомые по союзу, которые одолжатъ, въ крайнемъ случаѣ, нѣсколько грошей. Онъ сможетъ нѣсколько дней и даже нѣсколько недѣль перебиваться такимъ образомъ. Тетя Ельзбета тоже соберетъ кое-что, прося милостыни; дѣти заработаютъ немного продажей газетъ,—и можно будетъ уплатить Анелѣ. Словомъ, кое-какъ еще можно будетъ протянуть.

Въ концѣ недѣли, проведенной въ поискахъ и въ кабакахъ, Юргисъ случайно попалъ въ одинъ изъ подваловъ большой консервной фабрики, гдѣ служилъ когда-то Іонасъ. Онъ увидѣлъ смотрителя и спросилъ, не найдется ли ему тутъ работы.

— Можете возить тачки?—спросилъ смотритель, и Юргисъ быстро отвѣтилъ:

— Могу.

— Какъ зовутъ?—спросилъ смотритель.

— Юргисъ Рудкусъ.

— Гдѣ работали прежде?

— На бойняхъ у Броуна и въ фосфатномъ отдѣленіи у Дургэма.

— Почему ушли?

— Съ перваго мѣста послѣ болѣзни отъ несчастнаго случая, а со второго—потому что меня посадили въ тюрьму.

— Попытайтесь работать у насъ. Приходите завтра утромъ и спросите м-ра Томаса.

Юргисъ вернулся домой въ приподнятомъ настроеніи: наконецъ-то у него есть работа, наступитъ конецъ ихъ испытаніямъ. Вечеромъ вся семья ликовала. На слѣдующее утро Юргисъ явился на работу за полчаса до другихъ. Вскорѣ пришелъ и смотритель; онъ подошелъ къ Юргису и сказалъ:

— Я обѣщалъ вамъ работу, но оказывается, что я ошибся. Нѣтъ у меня для васъ работы.

Юргисъ остолбенѣлъ.

— Почему?—проговорилъ онъ.

— Да просто вы мнѣ не нужны, вотъ и все, — сказалъ смотритель, поглядѣвъ на него такимъ же холоднымъ, враждебнымъ взглядомъ, какъ и смотритель въ фосфатномъ отдѣленіи. Юргисъ понялъ, что нечего больше спрашивать, повернулся и ушелъ.

Въ кабакахъ ему объяснили, въ чемъ дѣло. Очевидно, онъ попалъ въ „черные списки“ фабрикантовъ. Что онъ такое сдѣлалъ?—спрашивали его.—Чуть не убилъ смотрителя? Господи по-

милуй! Ну, конечно, послѣ этого ему такъ же невозможно получить мѣсто на фабрикахъ, какъ сдѣлаться чикагскимъ мэромъ. Какъ онъ самъ этого не понялъ, и терялъ время на поиски! Его имя теперь извѣстно въ Санъ-Луи и Нью-Іоркѣ, въ Омайѣ и Бостонѣ, въ Канзасѣ и Сентъ-Жозефѣ. Его осудили безапелляціоннымъ судомъ, и онъ никогда не получитъ работы на консервной фабрикѣ. Напрасно было бы поступать подъ другимъ именемъ,—его сейчасъ же бы узнали. У нихъ есть свои шпіоны, которые все выслѣживаютъ. Фабриканты не жалѣютъ денегъ, чтобы настоять на строгомъ выполненіи своихъ приговоровъ,—это у нихъ главное средство борьбы противъ агитаціи рабочихъ союзовъ.

Юргисъ вернулся домой очень угнетенный, и вся семья тоже пришла въ отчаяніе. Въ своемъ районѣ они все-таки обжились, завели друзей и могли въ самыя тяжелыя минуты найти поддержку. Но здѣсь всѣ фабрики и мастерскія составляли одно цѣлое со скотными дворами,—и всюду, значитъ, для Юргиса были закрыты двери. У нихъ возникла мысль, не переѣхать ли всѣмъ въ городъ,—и дѣтямъ, которыя продаютъ газеты, легче было бы не жить такъ далеко. Но этотъ планъ оказался непрактичнымъ; Маріи уже становилось лучше, рука заживала, и она надѣялась снова получить работу на фабрикѣ. Кромѣ того, хотя при наступившихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ Тамошисъ Кушлейка могъ приходить къ ней очень рѣдко, все-таки ей не хотѣлось разстаться съ нимъ окончательно. И Ельзбетѣ также обѣщали работу — мыть полы у Дургэма. Въ виду всего этого рѣшили, что пока Юргисъ поѣдетъ одинъ въ городъ поискать счастья,— и если что-нибудь дѣйствительно устроится, тогда можно будетъ подумать о дальнѣйшемъ. Но въ городѣ онъ не могъ нигдѣ пообѣдать въ долгъ въ знакомомъ кабакѣ, или занять у кого-нибудь нѣсколько грошей, — а просить милостыню онъ не рѣшился, боясь, что его арестуютъ. Поэтому они условились, чтобы онъ ежедневно видался съ кѣмъ-нибудь изъ дѣтей, и тѣ будутъ ему давать пятнадцать центовъ изъ своихъ заработковъ, чтобы ему было чѣмъ прокормиться. Такъ онъ пошелъ бродить по улицамъ съ сотнями и тысячами другихъ бездомныхъ, и принялся искать работы, заходя во всѣ магазины, склады и фабрики. По вечерамъ онъ прятался гдѣ-нибудь въ подъѣздѣ или подъ навѣсомъ до полуночи,—а тогда можно было зайти въ полицейскій участокъ, разложить газету на полу и лечь рядомъ съ бродягами и нищими, съ больными, грязными людьми, покрытыми паразитами, въ воздухѣ, пропитанномъ запахомъ водки и самаго сквернаго табаку.

Такъ Юргисъ прожилъ двѣ недѣли. Разъ онъ нанялся на полдня нагружать возъ; въ другой разъ снесъ чемоданъ старой дамѣ и получилъ за это четверть доллара. Это дало ему возможность спать въ теплой комнатѣ, заплативъ за ночлегъ, въ такіе вечера, когда онъ иначе навѣрное замерзъ бы на улицѣ. Кромѣ того, онъ могъ бы купить газету и пойти по объявленію о свободномъ мѣстѣ раньше, чѣмъ другіе, поджидающіе, пока кто-нибудь броситъ уже прочитанную газету. Но объявленія эти были большей частью обманныя. Ихъ печатали разные люди, заманивающіе обѣщаніями достать работу и выманивающіе предварительно уплату за посредничество. Юргисъ на эту удочку не попался, просто потому, что у него не было денегъ, чтобы заплатить впередъ. Наконецъ ему все-таки повезло. Онъ встрѣтился съ старымъ знакомымъ по рабочему союзу, и оказалось, что тотъ служитъ на заводѣ акціонерной компаніи, изготовляющей земледѣльческія орудія. Узнавъ, что Юргисъ ищетъ работы, онъ сказалъ, что попытается пристроить его тамъ же, и повелъ его съ собой на слѣдующее утро. Они прошли пять - шесть верстъ, потомъ, придя на фабрику, миновали толпу безработныхъ, ожидавшихъ у воротъ, и прошли въ мастерскія. Юргисъ едва устоялъ на ногахъ отъ радости, когда смотритель, поговоривъ съ нимъ, сказалъ, что, можетъ быть, для него найдется работа.

Юргисъ могъ справедливо радоваться этой удачѣ, потому что фабрики акціонерной компаніи были дѣйствительно образцовыя, какими гордятся филантропы и защитники мирныхъ реформъ. Мастерскія были большія, хорошо провѣтренныя; былъ дешевый ресторанъ, читальня, уютныя комнаты для отдыха молодыхъ работницъ; не было ни грязи, ни безобразія, какъ на скотныхъ дворахъ и консервныхъ фабрикахъ. Съ каждымъ днемъ Юргисъ открывалъ все новыя и новыя диковинки и удобства,—и ему казалось, что онъ очутился въ раю. Зданія фабрикъ занимали пространство въ сто шестьдесятъ акровъ; тамъ работало пять тысячъ человѣкъ, изготовляя тридцать тысячъ машинъ въ годъ—значительную часть всего количества, потребляемаго въ странѣ. Юргисъ самыхъ машинъ почти не видалъ, — въ мастерскихъ работа была разбита на множество спеціальностей, какъ и на скотныхъ дворахъ. Каждая мелкая частица дѣлалась отдѣльно и иногда проходила черезъ сотни рукъ. Тамъ, куда опредѣлили Юргиса, была машина, которая отрѣзала и штамповала куски стали въ два квадратныхъ вершка каждый. Куски эти выпадали на подносъ, и человѣческія руки нужны были только для того, чтобы складывать квадратики въ правильные ряды и отъ времени до времени

мѣнять подносы. Это дѣлалъ одинъ мальчикъ, который долженъ былъ сосредоточиться зрѣніемъ и мыслями исключительно на этой работѣ. Пальцы его работали такъ быстро, что стукъ падающихъ одинъ на другой стальныхъ квадратиковъ напоминалъ шумъ экспресса, когда слышишь его, лежа въ спальномъ вагонѣ. Конечно, это была поштучная работа, и для того, чтобы мальчикъ не лѣнился, машина разсчитана была на самую большую скорость, возможную для работы рукъ человѣческихъ. Черезъ руки мальчика проходили тридцать тысячъ квадратиковъ въ день, девять или десять милліоновъ въ годъ. По близости отъ мальчика сидѣли люди, наклонившись надъ вертящимися точильными камнями, и заканчивали отдѣлку стальныхъ ножей для жатвенныхъ машинъ. Они брали ножъ правой рукой изъ корзины, прижимали сначала одной стороной, потомъ другой, къ точильному колесу и бросали лѣвой рукой въ другую корзину. Одинъ изъ этихъ рабочихъ разсказывалъ Юргису, что онъ въ теченіе тринадцати лѣтъ точилъ по три тысячи кусковъ стали въ день. Въ слѣдующей комнатѣ были удивительныя машины, которыя поглощали въ себя длинные стальные болты, разрѣзали ихъ, схватывали куски, приставляли къ нимъ головки, полировали ихъ и выбрасывали въ корзинку готовыми для скрѣпа жатвенныхъ машинъ. Изъ другихъ машинъ выбрасывались десятки тысячъ стальныхъ засововъ, приспособленныхъ къ болтамъ. Въ другихъ мастерскихъ всѣ отдѣльныя части машинъ опускались въ чаны съ краской, высушивались и переправлялись въ комнату, гдѣ на нихъ наводили красныя и желтыя полосы, чтобы внѣшній видъ ихъ на полѣ былъ пріятенъ для глазъ.

Пріятель Юргиса работалъ наверху, въ комнатѣ, гдѣ изготовлялись гипсовыя модели, и онъ дѣлалъ модели одной опредѣленной части машины. Онъ набивалъ черный песокъ въ желѣзный приборъ, крѣпко вдавливалъ этотъ песокъ и отставлялъ, чтобы дать затвердѣть. Потомъ, когда форма была готова, въ нее вливалось раскаленное желѣзо. Ему тоже платили поштучно,—т.-е. за каждый удачный слѣпокъ. Онъ работалъ вмѣстѣ съ дюжиной товарищей съ бѣшеной скоростью, точно его подгоняла бѣсовская сила. Руки у него двигались какъ рычаги машинъ, волосы разлетались, съ лица катился потъ. Такъ онъ работалъ весь день, напрягая всѣ силы, чтобы наработать на двадцать-три вмѣсто двадцати-двухъ центовъ въ часъ. А потомъ его работу осматривали спеціалисты, и торжествующіе промышленники произносили самодовольныя рѣчи на банкетахъ, хвастая тѣмъ, что американскіе рабочіе работаютъ вдвое быстрѣе, чѣмъ въ другихъ

странахъ. И оказывается, что американцы—самая великая нація въ мірѣ, главнымъ образомъ потому, что рабочіе принуждены работать съ безумной скоростью. Америка, впрочемъ, побиваетъ рекордъ и въ другихъ отношеніяхъ, между прочимъ въ потребленіи спиртныхъ напитковъ: ими выпивается на билліонъ съ четвертью долларовъ въ годъ,—и цифра эта съ каждымъ годомъ удвоивается.

Была еще машина, которая выдѣлывала желѣзныя широкія полосы, и другая, которая придавала имъ форму сидѣній. Эти сидѣнья нагружались на тачки, и работа Юргиса состояла въ перевозкѣ ихъ въ комнату, гдѣ машину собирали. Эта работа была для него дѣтской игрой, и онъ получалъ за нее въ день долларъ и семьдесятъ-пять центовъ. Въ субботу онъ заплатилъ Анелѣ свой долгъ за пользованіе чердакомъ и выкупилъ пальто, заложенное Ельзбетой, когда онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Пальто ему было очень нужно, потому что приходилось въ холодъ идти пѣшкомъ или ѣздить по трамваю пять-шесть верстъ туда и обратно на работу. И такъ какъ дорога шла по двумъ разнымъ направленіямъ, то приходилось ѣздить по двумъ трамваямъ и платить дважды. Это было несомнѣнное мошенничество, такъ какъ обѣ линіи принадлежали одной и той же компаніи, но фиктивно считалось, что собственники линіи—разные, и это было предлогомъ для вымогательства двойной платы. Юргисъ, какъ и другіе, предпочиталъ, вмѣсто того, чтобы тратить десять центовъ на проѣздъ, идти пѣшкомъ и заходить въ кабакъ обогрѣться, выпить и получить даровой обѣдъ въ придачу къ стакану водки.

Но хожденіе пѣшкомъ не составляло трудности для Юргиса. Въ сравненіи съ работой, отъ которой онъ освободился, все было пустяками. Юргисъ ожилъ и сталъ строить планы на будущее. Домъ ихъ, конечно, потерянъ, но зато они избавились отъ непосильныхъ взносовъ; когда Марія выздоровѣетъ и поступитъ опять на фабрику, можно будетъ опять начать откладывать. У Юргиса на фабрикѣ былъ товарищъ, литовецъ, про котораго разсказывали чудеса. Цѣлый день онъ работалъ у машины, изготовлявшей болты, а потомъ посѣщалъ вечерніе классы, чтобы научиться читать и писать по-англійски. Такъ какъ у него была семья въ восемь человѣкъ и жалованья его не хватало на то, чтобы ихъ прокормить, то онъ еще исполнялъ должность полицейскаго по суботамъ и воскресеньямъ, и улучалъ для ученія каждую свободную минуту. Юргисъ завидовалъ ему, такъ какъ онъ больше всего мечталъ объ ученіи два-три года тому назадъ. Онъ бы и теперь — будь только удача — могъ еще научиться кое-чему и

улучшить свое положеніе, сдѣлаться со временемъ смотрителемъ на какой-нибудь фабрикѣ. Ему начинала улыбаться надежда. Работая при новыхъ условіяхъ, на фабрикѣ, гдѣ съ рабочими дѣйствительно обращались какъ съ людьми, а не какъ съ животными, онъ воспрянулъ духомъ и рѣшилъ, что ужъ тутъ постарается удержаться.

Но однажды,—на девятый день послѣ его поступленія,—уходя съ работы во время полуденнаго перерыва, онъ увидѣлъ группу людей, столпившихся вокругъ объявленія на дверяхъ. Въ объявленіи этомъ было сказано, что съ завтрашняго дня то отдѣленіе, въ которомъ Юргисъ работалъ,—отдѣленіе земледѣльческихъ орудій,—закрывается.

XXI.

Такъ они всегда поступали; не предупредивъ хотя бы за часъ времени, прекращали работу, когда хотѣли. Это не въ первый разъ, говорили Юргису товарищи, и такъ будетъ продолжаться и впредь. Фабрика изготовила столько жатвенныхъ машинъ, сколько требовалось въ данное время, и теперь нужно ждать, пока опять поднимется спросъ. Тысячи рабочихъ, мужчинъ и женщинъ, выбрасывались на улицу среди зимы и должны были или жить на свои сбереженія, если таковыя у нихъ были, или же умирать съ голоду. По городу и такъ ходили десятки тысячъ бездомныхъ людей, прося работы, а теперь къ нимъ прибавились еще нѣсколько тысячъ.

Юргисъ получилъ свою плату и пошелъ домой совершенно разбитый. Еще одна завѣса упала передъ ними и открылась еще одна ловушка. Чего стоило хорошее обхожденіе хозяевъ, если они не обезпечивали ему работы, если фабрика изготовляла больше машинъ, чѣмъ могла продать? Какая дьявольская насмѣшка судьбы, что человѣкъ напрягаетъ всѣ свои силы, изготовляя машины, — а потомъ остается безъ работы только потому, что слишкомъ хорошо и быстро исполнялъ свое дѣло!

Два дня Юргисъ не могъ примириться съ новымъ разочарованіемъ. Онъ не пьянствовалъ, — тетя Ельзбета прятала его деньги и не давала ему на руки, — а сидѣлъ на чердакѣ мрачный, упавшій духомъ. Нужно было, однако, снова приняться за поиски: маленькій Антонъ голодалъ, деньги быстро таяли, и мадамъ Гауптъ, акушерка, приставала къ нему, требуя уплаты долга. Юргисъ опять принялся бродить по улицамъ, про-

сить работы въ лавкахъ и конторахъ, ресторанахъ и отеляхъ, въ докахъ, складахъ и фабрикахъ, гдѣ изготовлялись товары, отправляемые во всѣ страны свѣта. И всегда на одно-два свободныхъ мѣста были сотни кандидатовъ, и онъ ничего не могъ добиться. Опять онъ сталъ ютиться въ подворотняхъ и подъ навѣсами, прячась отъ холода, а послѣ полуночи шелъ спать на голомъ полу въ полицейскомъ участкѣ.

Нерѣдко ему приходилось вступать въ драку — за мѣсто у фабричныхъ воротъ, или съ конкуррентами при случайныхъ уличныхъ заработкахъ. Оказалось, что даже носить багажъ пассажировъ съ вокзаловъ было не такъ-то легко. Какъ только онъ завладѣвалъ пассажирскими вещами, на него нападали человѣкъ десять мальчишекъ и взрослыхъ, и отгоняли его. Оказывалось, что полицейскій былъ у нихъ на откупу и принималъ всегда ихъ сторону. Юргисъ не умиралъ съ голоду только благодаря дѣтямъ, которыя приносили ему часть своихъ грошевыхъ заработковъ, — но и на это нельзя было всегда разсчитывать. Во-первыхъ, холодъ былъ такой, что дѣти иногда не могли стоять на улицѣ съ газетами, а кромѣ того они тоже подвергались частымъ нападеніямъ болѣе сильныхъ соперниковъ, которые били ихъ и отнимали деньги. Законы были тоже противъ нихъ. Маленькому Вильмасу было одиннадцать лѣтъ, но на видъ ему нельзя было дать больше восьми. Его остановила разъ на улицѣ строгая старая дама въ очкахъ и сказала, что онъ слишкомъ малъ, чтобы работать, и что если онъ не перестанетъ продавать газеты, она укажетъ на него полиціи и его задержатъ. А Котрину разъ схватилъ за руку какой-то человѣкъ и сталъ тащить, уговаривая, чтобы она пошла съ нимъ куда-то въ темный погребъ. Она такъ перепугалась, что боялась ходить по улицамъ одна съ тѣхъ поръ. Наконецъ, въ воскресенье, когда напрасно было бы искать работы, Юргисъ отправился домой, путешествовалъ по трамвайнымъ линіямъ тайкомъ, не платя за проѣздъ. Оказалось, что дома его ждали съ нетерпѣніемъ уже три дня, чтобы сообщить ему о новыхъ шансахъ на мѣсто для него. Это была цѣлая исторія. Маленькій Юзепъ, изнемогая отъ голода, пошелъ просить милостыни. У него была одна только нога: его переѣхалъ тяжелый возъ, когда онъ былъ совсѣмъ маленькимъ, и ему отняли тогда одну ногу. Но онъ приспособилъ себѣ костыль изъ метлы и проворно бѣгалъ съ нимъ. Вмѣстѣ съ другими дѣтьми онъ побѣжалъ на свальное мѣсто неподалеку отъ ихъ улицы. Туда сваливали каждый день сотни повозокъ мусора и отбросовъ изъ домовъ, выходившихъ на озеро. Въ домахъ этихъ жили бо-

гатые люди, и въ кучахъ, гдѣ рылись дѣти, они находили много съѣдобнаго: куски хлѣба, картофель, кости, сердцевины яблокъ,— все это было замерзшее и неиспорченное. Юзепъ наѣлся самъ до сыта и принесъ въ газетной бумагѣ еще кое-что для маленькаго Антона. Онъ какъ разъ кормилъ его этими остатками, когда пришла домой Ельзбета. Она пришла въ ужасъ, увѣренная, что выброшенные остатки не могутъ быть пригодными для ѣды. Но никакого вреда дѣтямъ не приключилось, и на слѣдующій день она позволила Юзепу пойти на свальное мѣсто, когда онъ сталъ жаловаться на голодъ. Онъ вернулся домой съ разсказомъ о необыкновенномъ происшествіи: когда онъ копался палкой въ отбросахъ, къ нему подошла лэди, настоящая красавица лэди, въ шляпѣ съ перьями и съ длинной мѣховой змѣей вокругъ шеи; она стала его разспрашивать о нихъ всѣхъ, потомъ обѣщала придти къ нимъ и принести ему новый костыль. Она дѣйствительно пришла на слѣдующее же утро; оказалось, что она—членъ общества для устройства рабочихъ поселеній. Она стала разспрашивать Ельзбету, и та такъ рада была, что нашлась охотница слушать о ея несчастіяхъ, что разсказала про все: и про Ону, и про то, что Юргисъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, и про несчастный случай съ Маріей. Кончилось тѣмъ, что молодая дѣвушка разрыдалась, опустивъ голову на плечо Ельзбеты. Бѣдная Ельзбета перепугалась и еле согласилась докончить печальную повѣсть ихъ жизни потрясенной всѣмъ этимъ слушательницѣ. Молодая дѣвушка прислала имъ корзину съ ѣдой и дала рекомендательное письмо для Юргиса къ управляющему сталелитейнаго завода на югѣ Чикаго.—Онъ пристроитъ Юргиса,— сказала она, улыбаясь сквозь слезы.—А не то я не пойду за него замужъ.

Сталелитейный заводъ былъ въ пятнадцати верстахъ разстоянія отъ скотныхъ дворовъ, и по обыкновенію нужно было платить двойную плату за проѣздъ по двумъ линіямъ. Издали видны были на небѣ багряные отсвѣты пламени, поднимавшагося изъ цѣлаго ряда трубъ; было еще темно, какъ ночью, когда Юргисъ добрался туда. Это былъ цѣлый городъ, обведенный оградой. У воротъ ждала по обыкновенію большая толпа. Какъ только стало свѣтать, послышались свистки, и сразу точно изъ-подъ земли появились въ смутномъ сѣромъ свѣтѣ тысячи людей; они выходили изъ кабаковъ, изъ ночлежныхъ домовъ, изъ вагоновъ трамвая. Цѣлый потокъ вливался въ ворота и постепенно исчезалъ, остались только голодная толпа безработныхъ и полицейскій, ходившій взадъ и впередъ передъ воротами. Юргисъ далъ при-

вратнику свое письмо; его послали по назначенію, и вскорѣ пришелъ мальчикъ съ отвѣтомъ: Юргису сказали, чтобы онъ вошелъ и подождалъ. Ждалъ онъ послѣ этого два часа, и за это время успѣлъ оглядѣть мѣсто, гдѣ ему, можетъ быть, предстояло работать. Внутри ограды онъ увидѣлъ высокія черныя зданія, длинные ряды навѣсовъ и лавокъ, рельсовые пути по всѣмъ направленіямъ, сѣрый пепелъ подъ ногами и океаны дыма надъ головой. По одну сторону шла желѣзная дорога, по другую было озеро и пристань, куда приходили грузиться пароходы. Потомъ Юргиса позвали въ контору, и къ нему подошелъ одинъ изъ надзирателей. Онъ сказалъ, что главный управляющій занятъ, но что онъ, надзиратель, пройдетъ по заводу съ Юргисомъ и посмотритъ, куда его можно будетъ пристроить.

— Вы никогда еще не работали на сталелитейномъ заводѣ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Юргисъ.

— Но возьметесь за всякую работу, какая найдется?

— Да.

— Ну, такъ пойдемъ.

Они отправились, и Юргисъ былъ совершенно ошеломленъ всѣмъ, что увидѣлъ вокругъ себя. Ему казалось, что онъ никогда не сможетъ работать среди оглушительнаго шума и рѣзкихъ свистковъ, дававшихъ ежесекундно непонятные сигналы. Мимо него со свистомъ пролетали миніатюрные паровозы, со всѣхъ сторонъ мелькали раскаленныя до бѣла полосы металла, взлетали на воздухъ струи пламени, сыпались искры прямо въ лицо. У рабочихъ были черныя, покрытыя сажей лица, съ впавшими глазами. Они работали съ бѣшеной напряженностью, не поднимая глазъ отъ работы. Юргисъ держался за своего проводника, какъ испуганный ребенокъ, въ то время какъ тотъ справлялся поочередно во всѣхъ отдѣленіяхъ, не нуженъ ли тамъ еще одинъ простой рабочій.

Вскорѣ онъ попалъ въ колоссальныхъ размѣровъ сводчатую мастерскую, похожую съ виду на театръ. Онъ сталъ со своимъ провожатымъ туда, гдѣ въ театрѣ былъ бы балконъ, и противъ себя, на сценѣ, увидѣлъ три гигантскихъ котла, въ которыхъ всѣ черти ада могли бы сварить себѣ достаточно пищи; котлы полны были чѣмъ-то бѣлымъ и ослѣпляющимъ; оно кипѣло, расплескивалось и клокотало, точно внутри извергались вулканы. Нужно было кричать изо всѣхъ силъ, чтобы сказать что-нибудь среди этого адскаго шума. Изъ котловъ вырывались брызги жидкаго пламени и падали на землю, какъ бомбы, а люди

тутъ же спокойно работали, къ ужасу Юргиса, который затаилъ дыханіе отъ страха. Потомъ раздался свистокъ, и на сцену со стороны занавѣси въѣхалъ маленькій паровозъ съ грузомъ, который опорожнился въ одинъ изъ котловъ. Затѣмъ второй свистокъ, и сзади появился другой паровозъ; затѣмъ одинъ изъ котловъ сталъ шипѣть и опрокидываться, и изъ него полилась струя шипящаго, клокочущаго пламени. Юргисъ въ ужасѣ отшатнулся, думая, что случилось несчастіе: цѣлый столбъ бѣлаго пламени, ослѣпительнаго, какъ солнце, ринулся внизъ со свистомъ, какъ падающее въ лѣсу огромное дерево. Потокъ искръ пронесся по всему зданію, застилая все вокругъ. Юргисъ поднесъ руки къ лицу и сталъ глядѣть сквозь пальцы. Онъ увидѣлъ, какъ изъ котла полился каскадъ пламени неземной бѣлизны, жгущей глаза. Надъ каскадомъ сверкали радуги синихъ, красныхъ и золотистыхъ цвѣтовъ, но самый потокъ былъ бѣлый, несказанно прекрасный; онъ точно исходилъ изъ міра чудесъ. Казалось, что это рѣка жизни, и радость наполняла душу при видѣ ея. Потомъ большой котелъ откинулся назадъ пустой, и Юргисъ облегченно вздохнулъ; никакой бѣды не произошло, никто не пострадалъ. Послѣ того проводникъ Юргиса повелъ его по другимъ мастерскимъ, мимо раскаленныхъ печей, гдѣ толстые куски стали разрѣзались на кусочки, какъ мягкій сыръ, гдѣ вертѣлись колеса, опускались съ грохотомъ гигантскіе молоты, гдѣ со всѣхъ сторонъ надвигались желѣзныя руки и схватывали желѣзную добычу. Они пришли затѣмъ въ мастерскую, гдѣ изготовлялись стальные рельсы. Юргисъ услышалъ за спиной свистокъ и отскочилъ. Мимо него промчалась повозка, на которой лежала раскаленная до бѣла масса величиной съ человѣка. Раздался грохотъ, повозка остановилась, и раскаленная масса опрокинулась на подвижную платформу, гдѣ ее схватили желѣзныя руки, стали мять и плющить, а потомъ кинули въ объятья какихъ-то цилиндровъ. Оттуда она выкатилась на другую сторону. Опять раздался лязгъ и грохотъ, и опять ее стали сплющивать, мять и переворачивать, какъ блинъ на сковородѣ; и съ каждымъ разомъ она становилась тоньше и длиннѣе. Расплавленный металлъ казался живымъ; онъ точно противъ воли совершалъ свой бѣшеный бѣгъ. Онъ очутился въ рукахъ судьбы. Его толкали, мяли, кидали изъ стороны въ сторону, и онъ только съёживался и шипѣлъ. Мало-по-малу металлическая масса вытягивалась, выходила изъ чистилища большой красной змѣей и шла катиться дальше, извиваясь и шипя. И катилась она безъ остановки, пока не становилась черной и холодной. Тогда оста-

валось только рѣзать ее на куски, скрѣплять и укладывать на рельсовый путь.

Какъ разъ здѣсь и нашлась работа Юргису.

Ѣзды на заводъ было два часа, и это стоило бы Юргису долларъ и двадцать центовъ въ недѣлю. Во избѣжаніе такого расхода, Юргисъ забралъ свою постель въ узелъ и привезъ на заводъ. Одинъ изъ товарищей повелъ его на квартиру къ знакомому поляку, гдѣ Юргису разрѣшено было за десять центовъ въ день стлать себѣ постель на полу. А по воскресеньямъ онъ ѣхалъ домой, забравъ съ собой постель, и большую часть заработка отвозилъ семьѣ. Ельзбета была недовольна переселеніемъ Юргиса на заводъ: она боялась, что онъ отвыкнетъ отъ семьи. Но ничего нельзя было подѣлать. На сталелитейномъ заводѣ для женщинъ работы не было, и кромѣ того Марія выздоровѣла и надѣялась снова поступить на консервную фабрику.

Черезъ недѣлю Юргисъ свыкся съ адскимъ шумомъ на заводѣ, не удивлялся ничему и сдѣлался такимъ же безумно неосторожнымъ, какъ и другіе. Среди рабочей горячки всѣ забывали о собственной безопасности. Странно было даже, до чего рабочіе отдавались интересамъ дѣла, въ прибыляхъ котораго они не участвовали. Имъ платили по часамъ и не прибавляли ни одного цента за усердіе. Они отлично знали, кромѣ того, что если будутъ искалѣчены по своей оплошности, то ихъ выбросятъ на улицу, не задумавшись о томъ, что съ ними станется. И все-таки они придумывали всякіе способы ускорить работу и сдѣлать ее наиболѣе производительной;—это всегда дѣлало ее и болѣе опасной. На четвертый день работы на заводѣ Юргисъ увидѣлъ, какъ человѣкъ поскользнулся, обгоняя паровозъ, и ему срѣзало ногу. Не прошло и трехъ недѣль, какъ случилось еще одно несчастье. Въ мастерской, гдѣ онъ работалъ, былъ рядъ раскаленныхъ печей, черезъ щели которыхъ сверкала бѣлая пылающая масса. Изъ многихъ печей пламя вылетало наружу, но люди работали, не обращая на это вниманіе; они открывали и закрывали дверцы печей, надѣвъ синіе очки. Разъ когда Юргисъ проходилъ мимо, изъ одной печи вырвалась струя расплавленнаго пламени и обдала ихъ огнемъ. Они упали на полъ и подняли страшный крикъ. Юргисъ бросился имъ на помощь,—и въ результатѣ у него содрало почти всю кожу съ одной ладони. Заводскій докторъ забинтовалъ руку, но никакой благодарности за это онъ не получилъ—и еще пролежалъ дома недѣлю, лишившись заработка на это время.

Къ счастью, Ельзбета какъ разъ получила ту работу, ко-

торой давно домогалась; ей поручено было мытье половъ на одной изъ фабрикъ въ пять часовъ утра. Юргисъ пролежалъ недѣлю въ постели, много спалъ и развлекался игрой съ маленькимъ сынкомъ. Антону было уже полтора года, и онъ сдѣлался настоящей говорильной машиной. Онъ такъ быстро развивался, что Юргису казалось каждый разъ, когда онъ возвращался домой на воскресенье, что у него точно новый ребенокъ. Онъ радовался и восхищался имъ. Этотъ ребенокъ обновилъ его душу, сталъ его единственной надеждой на будущее. Какое счастье, что онъ мальчикъ—и, слава Богу здоровый, съ волчьимъ аппетитомъ! Ничто ему не вредило; всѣ лишенія и болѣзни не ослабляли, а какъ бы, напротивъ того, укрѣпляли его организмъ, хорошо подготовленный къ жизненной борьбѣ. Съ нимъ трудно было справиться,—до того онъ уже отстаивалъ свои интересы и желанія. Но отецъ только радовался, глядя на него. Хорошо, что онъ пріучается съ дѣтства отстаивать себя,—пусть готовится къ борьбѣ, которая ожидаетъ его въ жизни.

Юргисъ сталъ покупать по воскресеньямъ газету. Воскресныя газеты были кладомъ для рабочаго человѣка. За пять центовъ онъ получалъ цѣлую охапку печатныхъ листовъ и могъ на досугѣ узнать новости со всего свѣта, прочесть о множествѣ интереснѣйшихъ происшествій, убійствъ, приключеній. Послѣ недѣли труда, поглощающаго всѣ силы и способности человѣка, это было наилучшимъ развлеченіемъ для усталой головы рабочаго, понятной и возбуждающей пищей для его воображенія. Кромѣ того, въ этихъ газетахъ было много юмористическихъ картинокъ, составлявшихъ неисчерпаемый источникъ радости для маленькаго Антона. Онъ собиралъ ихъ, раскладывалъ на полу и заставлялъ отца разсказывать, что̀ на нихъ изображено. На нѣкоторыхъ картинкахъ были нарисованы звѣри, и мальчикъ умѣлъ называть ихъ по именамъ, указывая на нихъ маленькими пальчиками. Онъ запоминалъ все, что̀ отецъ разсказывалъ, и потомъ повторялъ весь разсказъ, приводя въ восторгъ Юргиса своимъ очаровательнымъ дѣтскимъ лепетомъ. Время болѣзни прошло для Юргиса очень быстро въ вознѣ съ ребенкомъ, къ которому онъ за это время еще больше привязался.

Когда рука зажила, Юргисъ завязалъ въ узелъ свою постель и отправился на заводъ. Былъ апрѣль, и морозъ смѣнился холодными дождями; немощеная улица, гдѣ стоялъ домъ Анели, превратилась въ каналъ. Юргисъ подумалъ о томъ, какъ трудно будетъ возвращаться домой въ темнотѣ, не застрявъ по поясъ въ грязи. Но онъ все-таки обрадовался; разливъ означалъ при-

ближеніе лѣта. Марія получила мѣсто на бойнѣ въ одной изъ маленькихъ фабрикъ, и онъ мысленно далъ себѣ обѣщаніе быть, наконецъ, осторожнымъ и не попадаться больше въ бѣду. Тогда, наконецъ, они смогутъ выкарабкаться изъ полосы неудачъ и несчастій. Можно будетъ отложить кое-что на зиму и нанять удобный домикъ. Дѣти поступятъ опять въ школу и въ жизни ихъ наступитъ нѣкоторое благообразіе. Такъ Юргисъ снова сталъ строить планы и мечтать.

Въ слѣдующую субботу онъ возвращался съ работы, и, соскочивъ съ трамвая, направился домой. Солнце стояло низко, выглядывая изъ-подъ тучъ, наславшихъ цѣлые потоки воды на грязныя улицы. На небѣ стояла радуга—и на душѣ его было радостно. Ему предстояло провести тридцать-шесть часовъ дома, съ ребенкомъ и со всей семьей. Вдругъ, подходя къ дому, онъ увидѣлъ, что у дверей собралась толпа. Онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ и увидѣлъ, что кухня Анели полна людей. Это такъ живо напомнило ему день, когда онъ вернулся изъ тюрьмы и засталъ Ону умирающей, что у него почти остановилось сердце отъ страха.

— Что случилось?—крикнулъ онъ.

Въ комнатѣ наступило гробовое молчаніе, и всѣ съ ужасомъ глядѣли на него. Онъ услышалъ съ чердака плачъ—и узналъ голосъ Маріи.

— Что случилось?—снова крикнулъ онъ и бросился къ лѣстницѣ. Но Анеля схватила его за руку.

— Нѣтъ,—крикнула она,—не ходи туда!

— Что случилось?

И старуха отвѣтила ему тихимъ голосомъ:

— Тамъ маленькій Антонъ. Онъ мертвый. Онъ утонулъ на улицѣ.

XXII.

Юргисъ не сталъ кричать и рыдать. Онъ поблѣднѣлъ какъ смерть, но сдержалъ себя; онъ постоялъ съ секунду посреди комнаты, сжавъ руки и стиснувъ зубы, потомъ отстранилъ Анелю и пошелъ наверхъ. Тамъ лежалъ мертвый ребенокъ; подлѣ него на полу лежала Ельзбета, видимо лишившись чувствъ, а Марія бѣгала по комнатѣ, рыдая и ломая руки.

— Какъ это случилось?—спросилъ Юргисъ жесткимъ, рѣзкимъ голосомъ.

Оказалось, что мальчикъ игралъ на улицѣ и упалъ съ тротуара, сдѣланнаго изъ полусгнившихъ досокъ, прямо въ воду;

онъ захлебнулся въ грязи, прежде чѣмъ успѣли его вытащить. Юргисъ выслушалъ, подошелъ къ ребенку и взглянулъ на него. Онъ не проронилъ ни слезы. Постоявъ, онъ повернулся къ лѣстницѣ, спустился и, пройдя черезъ кухню, вышелъ на улицу, не выговоривъ ни слова.

Когда умерла его жена, Юргисъ пошелъ въ ближайшій кабакъ и напился. Теперь онъ этого не сдѣлалъ, хотя у него въ карманѣ былъ недѣльный заработокъ. Онъ пошелъ по улицѣ, не видя ничего передъ собой, ступая по грязи и водѣ. Потомъ онъ сѣлъ гдѣ-то на ступенькахъ и сидѣлъ съ полчаса, закрывъ лицо руками и повторяя: „Умеръ! умеръ!“ Наконецъ онъ поднялся и пошелъ дальше. Уже совсѣмъ стемнѣло. Вскорѣ ему пришлось остановиться: передъ нимъ была желѣзная дорога, и онъ не могъ перейти; ворота были спущены, приближался товарный поѣздъ. Тогда Юргиса охватилъ какой-то безумный порывъ. Онъ забѣжалъ впередъ, и когда поѣздъ миновалъ переѣздъ, гдѣ стоялъ сторожъ, онъ вскочилъ на него и спрятался на багажной платформѣ. Тутъ онъ засѣлъ и сталъ соображать, что будетъ. Онъ рѣшилъ, что не прольетъ ни слезы,—все кончено. Нужно сбросить съ плечъ все прежнее, какъ кошмаръ, и стать новымъ человѣкомъ. Когда въ душѣ все-таки поднимались жалость и память о случившемся, онъ подавлялъ ее ругательствомъ и проклятіемъ. Онъ отчаянно боролся теперь за себя. Нужно покончить съ прошлымъ. Довольно слезъ и нѣжныхъ чувствъ,—они-то и превратили его въ раба. Теперь онъ сброситъ съ себя путы. Хорошо, что такъ кончилось,—эта жизнь не пригодна для женщинъ и дѣтей, и ничего хорошаго не ожидало Антона, еслибы онъ остался въ живыхъ. Юргисъ рѣшилъ теперь отстоять себя.

Такъ онъ вырывалъ всѣ чувства изъ своей души, а поѣздъ мчался, мчался всю ночь, и Юргисъ вдыхалъ съ невообразимой радостью благоуханіе полей и луговъ. Когда стало свѣтать, онъ сталъ глядѣть жадными глазами на мелькающіе поля, лѣса и рѣки. Наконецъ онъ больше не могъ вытерпѣть, и какъ только поѣздъ остановился, онъ вылѣзъ изъ своей засады и сошелъ. На крышѣ вагона стоялъ служитель; увидавъ безбилетнаго пассажира, онъ сталъ грозить ему кулакомъ и ругаться, но Юргисъ насмѣшливо махнулъ ему рукой и пошелъ впередъ. Три года онъ ни разу не былъ въ деревнѣ, не слыхалъ деревенскаго звука послѣ того, какъ всю прежнюю жизнь былъ крестьяниномъ. Теперь при видѣ деревьевъ онъ почувствовалъ себя какъ птица, выпущенная на свободу, и смотрѣлъ съ умиленіемъ на луга, на стада пасущихся коровъ, на изгороди, покрытыя іюньскими цвѣ-

тами шиповника, на птицъ, поющихъ въ деревьяхъ. Вскорѣ онъ увидѣлъ ферму и, запасшись палкой для защиты, направился туда. Фермеръ стоялъ передъ конюшней и чистилъ телѣгу.—Нельзя ли получить что-нибудь поѣсть?—спросилъ Юргисъ.

— Хотите работать?—спросилъ фермеръ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Юргисъ.

— Въ такомъ случаѣ я вамъ ничего дать не могу,—сердито сказалъ фермеръ.

— Я заплачу,—сказалъ Юргисъ.—Я очень проголодался.

— Спросите хозяйку,—проворчалъ фермеръ.—Хозяйка оказалась болѣе милостивой, и за полцента дала Юргису два большихъ куска хлѣба съ масломъ, кусокъ пирога и два яблока. Онъ наскоро съѣлъ пирогъ, потомъ прошелъ съ остальнымъ къ ручью и, найдя удобное и пріятное мѣстечко, сѣлъ и съѣлъ свой завтракъ, утоляя жажду прямо изъ пруда. Тамъ онъ пролежалъ нѣсколько часовъ, озираясь вокругъ себя, радуясь виду зелени и простору, и наконецъ заснулъ. Проснувшись черезъ нѣсколько часовъ, когда солнце стояло уже высоко на небѣ, онъ выкупался въ ручьѣ въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ изъ Литвы. Онъ прежде былъ опрятенъ, но нужда, голодъ и холодъ отучили его отъ привычки къ чистотѣ. Онъ не мылся всю зиму, а лѣтомъ только слегка обмывалъ лицо и шею. Теперь онъ съ наслажденіемъ вымылся, вычистилъ все тѣло пескомъ, отмывая грязь, долго держалъ голову въ водѣ, потомъ вымылъ всю свою одежду, высушилъ ее на солнцѣ, одѣлся, отломилъ сукъ, сдѣлалъ изъ него палку и пошелъ по дорогѣ. Вскорѣ онъ увидѣлъ опять ферму и подошелъ туда, прося, чтобы его накормили за деньги. Но фермеръ сердито сказалъ, что онъ не кормитъ бродягъ, и прогналъ его. Юргисъ ушелъ, не сказавъ ни слова въ отвѣтъ, но, проходя дальше по свѣже вскопанной землѣ, гдѣ посажены были молодыя персиковыя деревья, онъ повырывалъ ихъ всѣ съ корнями и поразбросалъ по землѣ. Это былъ его отвѣтъ фермеру. Онъ рѣшилъ теперь стать борцомъ и не оставлять безъ отвѣта никакой обиды. За фруктовымъ садомъ Юргисъ попалъ въ лѣсъ, потомъ прошелъ черезъ поле и вышелъ на другую дорогу, гдѣ вскорѣ опять увидѣлъ ферму. Такъ какъ уже начинало темнѣть, то онъ попросилъ, чтобы его накормили и дали ему ночлегъ.—Я согласенъ спать на сѣновалѣ,—сказалъ онъ, видя, что фермеръ недовѣрчиво оглядываетъ его.

— А вы не курите?—спросилъ фермеръ.

— Курю иногда,—отвѣтилъ Юргисъ,—но буду курить на

воздухѣ. Когда фермеръ изъявилъ согласіе, онъ спросилъ, сколько это будетъ стоить:—У меня денегъ немного,—сказалъ онъ.

Фермеръ назначилъ двадцать центовъ за ужинъ, не считая ничего за ночлегъ на сѣновалѣ. Юргисъ сѣлъ ужинать вмѣстѣ съ фермеромъ, его женой и полдюжиной дѣтей. Ужинъ былъ обильный: подали большое блюдо печеныхъ бобовъ съ картофелемъ и спаржей, ягоды, молоко и большіе куски хлѣба. Юргисъ съ самой свадьбы не садился за такой пиръ, и за свои двадцать центовъ наѣлся до отвалу. За ужиномъ всѣ были очень голодны и не разговаривали. Но потомъ они сѣли на крыльцѣ покурить, и фермеръ сталъ разспрашивать Юргиса, откуда онъ. Узнавъ, что онъ рабочій изъ Чикаго, и что онъ не рѣшилъ, куда идти теперь, фермеръ предложилъ Юргису остаться у него работать.

— Я не ищу пока работы,—отвѣтилъ Юргисъ.

— Я вамъ буду хорошо платить,—сказалъ фермеръ, оглядывая мощную фигуру Юргиса.—Долларъ въ день на всемъ готовомъ. Здѣсь теперь трудно достать рабочія руки.

— Вы нанимаете на лѣто и зиму?—быстро спросилъ Юргисъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ фермеръ.—Я бы не могъ держать васъ дольше, чѣмъ до ноября. Позже у меня не будетъ работы,—у меня ферма маленькая.

— Ну да,—сказалъ Юргисъ,—я такъ и думалъ. Однако рабочихъ лошадей вы не выгоняете на морозъ, когда работа кончена (Юргисъ началъ уже разсуждать).

— Это не то же самое,—возразилъ фермеръ.—Для такого сильнаго человѣка, какъ вы, всегда вѣдь найдется работа зимой въ городѣ.

— Такъ всѣ полагаютъ,—сказалъ Юргисъ,—и всѣ идутъ въ города. А когда тамъ приходится просить милостыню, или воровать, чтобы не умереть съ голоду, то въ городѣ спрашиваютъ, почему не идти работать въ деревню, гдѣ такъ нужны рабочія руки.

Фермеръ на минуту задумался.

— А когда выйдутъ деньги, что вы станете дѣлать? Придется вѣдь работать.

— Подожду, пока выйдутъ, а тамъ виднѣе будетъ.

Онъ выспался на сѣновалѣ и утромъ плотно позавтракалъ: ему дали кофею, хлѣба, овсянки и вареныхъ вишенъ—и за все взяли только пятнадцать центовъ: доводы Юргиса, видно, повліяли на фермера. Потомъ Юргисъ попрощался и отправился дальше.

Такъ началась его бродяжническая жизнь. Не всегда онъ нападалъ на такихъ хорошихъ людей, какъ фермеръ, у котораго онъ провелъ первую ночь. Онъ сталъ избѣгать домовъ, ночевалъ большей частью въ полѣ, а въ дождь забирался куда-нибудь въ пустыя зданія, или же ночью пробирался на сѣновалъ на ферму. Отъ собакъ онъ могъ защититься однимъ ударомъ палки,—на это у него еще хватало силы. Денегъ онъ почти не тратилъ: наступилъ сезонъ плодовъ, и онъ питался ягодами, а также, выходя на добычу подъ вечеръ, набивалъ себѣ полные карманы яблоками въ фруктовыхъ садахъ, выкапывалъ картофель на полѣ;— разъ онъ даже раздобылъ курицу и устроилъ цѣлый пиръ въ покинутой фермѣ. Это давало ему возможность беречь деньги;— но онъ не безпокоился, если приходилось расходовать немного; онъ видѣлъ, что можетъ достать работы, сколько угодно. За полчаса рубки дровъ ему охотно давали обильный обѣдъ и ужинъ, и, глядя на его работу, фермеры всегда уговаривали его остаться у нихъ работать.

Но Юргисъ не оставался. Его охватила любовь къ странствованію, и онъ наслаждался свободой. Послѣ долгихъ лѣтъ рабской жизни на скотныхъ дворахъ, просторъ и разнообразіе его теперешней жизни обновили въ немъ душу и тѣло. Онъ чувствовалъ, что возвращается молодость, воскресаетъ прежняя сила и энергія отъ жизни на свѣжемъ воздухѣ—при достаточной пищѣ и работая лишь сколько хотѣлъ. Онъ вставалъ по утрамъ бодрый, и шелъ, не зная, какъ еще употребить свою энергію, смѣясь и напѣвая пѣсни далекой родины, воскресшія въ его памяти. Иногда онъ не могъ отдѣлаться отъ мыслей объ умершемъ ребенкѣ, объ Онѣ—и часто ночью простиралъ руки въ пространство и горько плакалъ. Но утромъ онъ старался стряхнуть печаль и шелъ бодро впередъ. Онъ шелъ всегда наугадъ, безъ опредѣленнаго плана. По пути онъ встрѣчался съ другими такими же бродягами—и отъ нихъ узнавалъ много полезнаго. Они сказали ему, въ какіе города и деревни заходить, какіе обходить, посвятили его въ тайну секретныхъ знаковъ на заборахъ, объяснили, когда и гдѣ просить милостыню, когда и гдѣ воровать. Они высмѣяли Юргиса, когда узнали, что онъ платитъ иногда за ночлегъ и пищу,—они доставали все даромъ. Юргисъ иногда участвовалъ въ ихъ набѣгахъ по сосѣдству или же, подружившись съ кѣмъ-нибудь однимъ, уходилъ съ нимъ и бродилъ цѣлую недѣлю, дѣлясь разными воспоминаніями жизни.

Многіе изъ этихъ профессіональныхъ бродягъ были, конечно,

порочны по природѣ, но большинство изъ нихъ были прежде рабочими и потерпѣли неудачи, какъ и Юргисъ. Онъ встрѣтилъ потомъ и бродягъ другой категоріи—тоже бездомныхъ, но бродившихъ съ цѣлью найти случайные заработки. Это была огромная армія случайнаго труда, исполнявшая свое назначеніе въ природѣ. Они брали на себя всѣ случайныя работы, которыя должны были быть кѣмъ-нибудь исполнены. Они не знали, конечно, о томъ, что у нихъ есть „назначеніе", а просто искали работу и знали, что нужно кочевать, чтобы находить ее. Раннимъ лѣтомъ они работали въ Тексасѣ, а потомъ подвигались на сѣверъ, сообразуясь со временемъ жатвы въ разныхъ мѣстахъ, и доходя такъ до Манитобы; а на зиму уходили въ города, живя тамъ на сбереженія и перебиваясь случайной работой, нагрузкой и разгрузкой кораблей, чисткой дорогъ отъ снѣга.

Въ концѣ іюля Юргисъ попалъ въ Миссури. Тамъ началась жатва, которую подготовляли упорной работой нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и которая могла вся погибнуть, если не достать достаточно рабочихъ рукъ на двѣ недѣли. Тамъ поэтому страшно нуждались въ рабочихъ, сзывали ихъ отовсюду, разсылали агентовъ, привозили почти насильно цѣлыя партіи рабочихъ въ повозкахъ и поѣздахъ. Имъ всѣмъ отлично платили,—но туда неохотно ѣздили на работу, такъ какъ въ это время свирѣпствовали страшныя лихорадки.

Юргисъ присоединился къ партіи жнецовъ и проработалъ двѣ недѣли по восемнадцати часовъ въ сутки. За это онъ получилъ такую сумму денегъ, которая въ прежнее время показалась бы ему цѣлымъ состояніемъ. Но теперь онъ не зналъ, что̀ дѣлать съ деньгами. О банкахъ и кредитивахъ онъ, конечно, понятія не имѣлъ, держать при себѣ деньги было опасно—его ограбили бы гдѣ-нибудь на дорогѣ,—и потому единственное, что̀ ему оставалось—это пользоваться деньгами, пока онѣ имѣлись. Въ субботу послѣ работы онъ отправился въ городъ съ товарищами, и такъ какъ былъ дождь, и имъ некуда было дѣваться въ другое мѣсто, то они отправились въ кабакъ. Тамъ сначала его угостили, потомъ онъ угостилъ другихъ, и пошло веселье, хохотъ, пѣсни—и попойка. Изъ слѣдующей комнаты ему улыбнулось лицо молодой дѣвушки. Онъ кивнулъ ей, она подошла къ нему, они вмѣстѣ выпили, потомъ онъ пошелъ къ ней,—потомъ начался общій кутежъ.

На слѣдующее утро у Юргиса не было ни гроша, и онъ опять пошелъ бродить. Ему было тяжело на душѣ, и досадно, кромѣ того, что онъ такъ глупо спустилъ деньги. Онъ утѣшался

только тѣмъ, что это ему послужитъ урокомъ на будущее, и что онъ больше такъ глупо не попадется. Онъ пошелъ быстрѣе, и подъ вліяніемъ ходьбы на свѣжемъ воздухѣ стала проходить мучившая его головная боль и поднялось настроеніе духа. Юргисъ не походилъ на другихъ своихъ товарищей-бродягъ, для которыхъ кутежъ былъ потребностью. Ихъ тянуло отъ времени до времени въ городъ. Юргисъ, напротивъ того, страдалъ теперь отъ сознанія безобразно проведенной ночи, и долго не могъ успокоить свою совѣсть.

Разъ вечеромъ его настигла по дорогѣ гроза, и онъ зашелъ въ маленькій домикъ на городской окраинѣ, прося позволенія переждать тамъ грозу. Оказалось, что хозяинъ домика бѣлоруссъ, недавно только переселившійся въ Америку. Они разговорились на родномъ языкѣ, и хозяинъ пригласилъ Юргиса поужинать съ нимъ и его семьей и остаться у нихъ переночевать. Юргисъ обогрѣлся, они поужинали и стали разговаривать о родинѣ, а потомъ объ Америкѣ и условіяхъ американской жизни. Въ это время жена хозяина принесла своего младшаго ребенка, приготовила ему ванну и стала его купать. Юргисъ пересталъ слушать своего земляка и глядѣлъ, не отводя глазъ отъ ребенка, который весело смѣялся. Лепетъ ребенка слишкомъ живо напомнилъ Юргису его маленькаго Антона, и онъ въ концѣ концовъ не могъ выдержать этого. Закрывъ лицо руками, онъ глухо зарыдалъ, къ изумленію и ужасу своихъ хозяевъ. Потомъ ему стало стыдно; онъ всталъ и быстро убѣжалъ, не попрощавшись.

Онъ пошелъ по дорогѣ, дошелъ до темнаго лѣса на пути, сѣлъ тамъ на землю и сталъ горько рыдать. Какой ужасъ, какое отчаяніе, когда раскрывались могилы воспоминаній и оттуда поднимались призраки его прежней жизни, чтобы терзать его! Какой ужасъ, что онъ никогда не будетъ такимъ, какимъ былъ прежде! Ему казалось, что Она, и его ребенокъ, и его прежнее „я“, простираютъ къ нему руки со дна пропасти,—но онъ чувствуетъ съ безграничнымъ ужасомъ, что все свѣтлое ушло, и что ему суждено задыхаться и сознавать свое паденіе.

Съ англ. З. В.



МЕРТВАЯ ПРАВДА

РАЗСКАЗЪ.

I.

Жизнь въ Заосколье измѣнилась.

Внѣшній обликъ города, правда, остался такой же, какъ и прежде: присутственныя мѣста открывались и закрывались, какъ и всегда, въ тѣ же опредѣленные часы; начальствующіе и подчиненные по старому выслушивали и дѣлали доклады; магазины торговали; театры разыгрывали драмы, комедіи и давали оперы; церкви благовѣстили; врачи ѣздили по больнымъ; заоскольцы разгуливали отъ трехъ до пяти часовъ по главному проспекту, поглядывая на катающихся модницъ; газетчики продавали губернскій листокъ; заводы усиленно дымили...

Поверхностный наблюдатель, разумѣется, ни въ одномъ изъ этихъ явленій не замѣтилъ бы отступленья отъ обычнаго, заведеннаго годами обихода; но на самомъ дѣлѣ осталась неприкосновенной только наружная форма. Люди словно переродились: жили попрежнему, но мыслили какъ будто по иному.

Въ служебныхъ докладахъ уже не замѣчалось увѣренности; чиновники сидѣли за своими столами съ какой-то застѣнчивой напряженностью, какъ бы въ ожиданіи чего-то; торговцамъ плохо удавалось соблазнять покупателей заманчивыми выкриками; театры чаще пустовали; при церковномъ благовѣстѣ нервно вздрагивали впечатлительныя сердца, точно при звукѣ набата, и затѣмъ тотчасъ же уныло впадали въ сонливость; врачи, при осмотрѣ больныхъ, проявляли еще бо̀льшую поспѣшность, чѣмъ раньше, и все куда-то торопились; заоскольцы фланировали по главному

проспекту по привычкѣ, какъ заведенныя куклы, витая мыслями въ совершенно другомъ мѣстѣ, и не увлекались модницами, которыя даже перестали рядиться и съ каждымъ днемъ все чаще и чаще измѣняли экипажу и ходили пѣшкомъ въ рядахъ сѣрой толпы; газетчики продавали губернскій листокъ съ такимъ видомъ, что временами казалось, будто это — больничные бюллетени, свидѣтельствующіе о томъ, что въ городѣ лежитъ тяжкій больной, котораго боятся потревожить, такъ какъ онъ каждую минуту долженъ умереть; наконецъ, фабрики и заводы, хотя и дѣйствовали безъ всякой видимой перемѣны, тѣмъ не менѣе внутренній міръ обитателей этого гигантскаго машиннаго царства—рабочихъ—сталъ совсѣмъ другой, непохожій на прежній,—окрылился, обособился, сплотился и началъ громче и громче подавать убѣжденный голосъ въ защиту своихъ общечеловѣческихъ правъ.

Шерстобитовъ пришелъ домой къ обѣду съ сильнымъ запозданіемъ и, второпяхъ сбросивъ драповое пальто, изрядно-таки поношенное, „подбитое вѣтромъ“ (по собственному его опредѣленію), направился прямо въ столовую, небольшую низкую комнату, гдѣ уже сидѣла пятилѣтняя дочь, Варя, и молодая жена съ блѣднымъ грустнымъ лицомъ, свойственнымъ хрупкимъ, болѣзненнымъ натурамъ.

— Что-нибудь случилось? — спросила она, останавливая на мужѣ испуганные глаза, и вся насторожилась, заранѣе ожидая услышать непріятность.

Онъ сердито махнулъ рукой, но сейчасъ же смягчилъ невольно вырвавшійся жестъ тусклой, дѣланной улыбкой.

— Разную чепуху говорятъ... А давай-ка... что тамъ—разсольникъ, что-ли?.. Надо, вѣдь, опять спѣшить... Запоздалъ я съ этими разговорщиками.

Когда онъ ѣлъ, съ аппетитомъ проглатывая ложку за ложкой, его тонкія брови оставались сдвинутыми и на лбу лежала хмурая морщинка,—отраженье внутренней досады и отчасти тревоги.

Людмила Николаевна не сводила съ него сосредоточеннаго взгляда, и онъ чувствовалъ это и сознавалъ, что необходимо объясниться.

— Роджерсъ хочетъ закрыть заводъ... Сказалъ—невыгодно. Заказы уменьшились... Если уступить требованіямъ рабочихъ—еще меньше придется получать; ну, онъ и не согласенъ:—бьетъ по карману. Собирается уѣхать въ Англію.

Шерстобитовъ говорилъ тихо, отчетливо, съ легкой дрожью

въ голосѣ и упорно слѣдилъ за движеньемъ маятника большихъ круглыхъ часовъ, висѣвшихъ на противоположной стѣнѣ.

— Заводъ закроетъ, значитъ и намъ — крышка. Пока найдешь мѣсто,—съ голоду пропасть можно. „Докы сонце зійде— роса очи выисть". Такъ-то, Ѳедя!

Шерстобитовъ покачалъ головой, притворяясь изумленнымъ.

— Ты опять волнуешься по пустякамъ. Не жалѣешь себя. Нехорошо. Еще ничего нѣтъ, одни предположенія, а ты—сама не своя... и слезы на глазахъ. Какая нервная, просто бѣда! Полно, милуша!.. Не стоитъ... Однако мнѣ пора!.. Что на сладкое?.. Все?.. Ну, и ладно. Неужели свѣтъ клиномъ сошелся и, кромѣ какъ у англичанина, негдѣ пристроиться? Пустое!

Варя обѣдала молча.

Она понимала, когда можно разговаривать и когда нельзя. Папа—сердитый, значитъ нельзя, а любопытство подымало вопросъ за вопросомъ. Варя вообще любила разспрашивать рѣшительно обо всемъ и подчасъ ставила втупикъ отца и мать.

Она и теперь уловила удобную минуту, когда папа гладилъ маму по головѣ и успокаивалъ.

— Папа, ты любишь дѣтокъ?

Тотъ разсмѣялся, хотя, можетъ быть, и уловилъ въ этомъ вопросѣ ребенка косвенный укоръ своимъ частымъ отлучкамъ изъ дому и подчасъ невольной холодности къ маленькому существу, привыкшему къ материнской ласкѣ.

— Конечно, люблю.

— У тебя есть дѣтки?—продолжались разспросы.

— Ты же—моя дѣтка.

— А еще есть?

— Больше нѣтъ. Ты одна. Бѣдовая! Съ ней только заговори,—и онъ потрепалъ ее по щекѣ и чуть-чуть потянулъ за шелковистую прядь темныхъ кудрей, непослушно разсыпавшихся въ разныя стороны.

Этотъ безпорядокъ шелъ къ ея миловидному наивному личику съ прозрачной кожей, особенно на вискахъ, гдѣ просвѣчивали синія жилки.

„Слабенькая она у меня... въ мать",—подумалъ отецъ, засматривая въ ея каріе глаза, и вздохнулъ, но тутъ же заторопился, сталъ одѣваться и отправился на заводъ.

До восьми часовъ вечера онъ не принадлежалъ себѣ.

Шерстобитовъ служилъ кассиромъ на машиностроительномъ заводѣ Роджерса.

Квартира Шерстобитовыхъ была въ первомъ этажѣ и выходила на шумную улицу.

Людмила Николаевна любила сидѣть у окна и смотрѣть на нее подолгу, часами...

Своимъ безмолвнымъ наблюденіемъ она какъ бы духовно сливалась съ ней, проникалась всѣми оттѣнками ея измѣнчивыхъ настроеній, участвовала въ ея жизни.

Это развлекало молодую женщину въ минуты одиночества, такъ какъ мужъ большую часть дня отсутствовалъ.

Иногда (бывали такіе случаи) ее охватывалъ какой-то необъяснимый, безотчетный, гнетущій страхъ, острая боязнь чего-то, въ особенности по вечерамъ. Малѣйшій шорохъ заставлялъ ее тогда вздрагивать и оглядываться. Но стоило ей прислониться лбомъ къ холодному оконному стеклу, и нервы понемногу успокаивались, становилось легче...

Она смотритъ на улицу.

Вонъ, въ сторонѣ, наискось, уже горитъ громадный круглый электрическій фонарь, матовый, съ красноватымъ отливомъ, висящій у дверей кафе-шантана.

Начинаетъ съѣзжаться публика. Мелькаютъ извозчичьи пролетки и коляски собственниковъ.

Въ призывномъ свѣтѣ яркаго фонаря таится что-то заманчивое, дразнящее, и Людмилу Николаевну тянетъ туда... Впрочемъ, это лишь на короткое время... Уже ее занимаетъ освѣщенная широкая стеклянная дверь „Центральнаго магазина“, уютно расположившагося возлѣ веселаго уголка.

Владѣлецъ торговаго дома сумѣлъ удачно сочетать всѣ отрасли товаровъ, начиная съ мясныхъ и рыбныхъ и кончая фруктами, винами и „деликатесами“. Мясныя туши, убранныя гирляндами искусственныхъ цвѣтовъ, дорогіе сорта грушъ и яблокъ, ананасы, ящики съ персиками, колоссальные балыки и разукрашенные окорока и колбасы, словно для пасхальнаго стола, паштеты и всяческая дичь,—чего только здѣсь не было!.. Людмила Николаевна не можетъ разглядѣть этихъ яствъ, но отлично знаетъ, что они, какъ всегда, выставлены въ длинномъ рядѣ оконъ и наполняютъ горечью сердце хозяина бакалейной лавки, расположенной напротивъ „Центральнаго магазина“. Бакалейщикъ не въ состояніи затмить своего соперника и медленно переживаетъ дни былыхъ успѣховъ, съ негодованіемъ слѣдя за прежними покупателями, равнодушно проходящими мимо его скромной выставки...

А тамъ, далеко, горитъ огнями заводъ Роджерса, и на тем-

номъ сводѣ неба его стрѣльчатый фасадъ кажется средневѣковымъ готическимъ замкомъ. Изъ трубъ по временамъ вылетаютъ снопы искръ съ розоватымъ дымомъ. Вдругъ огни гаснутъ... работа окончена... Скоро придетъ Шерстобитовъ, и Людмила Николаевна высматриваетъ, какъ сейчасъ изъ бокового переулка замелькаютъ тѣни рабочихъ, быстрыя, порывистыя, ведущія нескончаемые горячіе споры...

При видѣ этой движущейся толпы, у нея постоянно сжималось сердце и являлась какая-то непонятная жуть и хотѣлось бѣжать...

„А вотъ и Ѳедя!"—радостно думаетъ она про себя, замѣчая плотную фигуру мужа, и улыбается собственнымъ мыслямъ.

Страхъ такъ же внезапно исчезъ, какъ и пришелъ.

Людмила Николаевна уже суетится въ столовой, приготовляясь къ ужину.

Такъ проходилъ почти каждый день.

Временами Шерстобитовы отправлялись въ гости или въ театръ, рѣдко принимали кого-нибудь; Людмила Николаевна больше просиживала дома, а Ѳедоръ Кузьмичъ пытался поймать счастье у зеленаго стола, ловилъ его, но оно упорно не давалось въ руки... Отсюда—постоянное сношеніе съ ломбардами и вѣчное безденежье, омрачавшее ихъ супружескую жизнь.

Одинъ разъ Шерстобитовъ вернулся домой поздней ночью нетрезвый.

Съ Людмилой Николаевной сдѣлался сердечный припадокъ.

Ѳедоръ Кузьмичъ далъ себѣ слово сдерживаться. Болѣзнь жены сильно на него повліяла, и онъ сталъ задумчивъ, даже сократилъ посѣщеніе клуба.

Въ общемъ онъ былъ не злой и не испорченный, но въ душѣ носилъ опасные зачатки типичнаго русскаго „никчемника", неспособнаго ни на какой серьезный шагъ безъ посторонняго вліянія.

Какъ разъ въ это время проявилось движенье на заводѣ Роджерса. Шерстобитовъ совсѣмъ растерялся, точно захваченный врасплохъ.

Новая струя жизни выбила его изъ колеи. Налетѣвшій бурный порывъ расшаталъ старые устои. Проснулось долго дремавшее самосознанье.

Жизнь въ Заоскольѣ измѣнилась...

II.

Англичанину не сидѣлось въ уютномъ кабинетѣ.

Рослый и тучный, съ хитро подмигивающими, заплывшими жиромъ красными глазами, коротко обстриженный, со свѣтлыми усами, безпорядочно торчащими вверхъ и внизъ, Роджерсъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ маленькими шагами, затѣмъ останавливался, прислушивался и опять начиналъ бѣгать. Его крохотный ротъ, кажущійся еще меньше отъ широко нависшихъ складками щекъ, шевелился, словно повторяя урокъ. Въ широкое окно съ зеркальными стеклами глядѣло хмурое сентябрьское небо. Моросилъ дождь, и слышно было, какъ съ промежутками, изрѣдка падали за окномъ и ударялись о желѣзо мелкія дождевыя капли. Роджерсъ всякій разъ тогда судорожно поводилъ плечомъ. Это его, видимо, раздражало. Наконецъ онъ пересталъ шевелить ртомъ, подошелъ къ столу,—мраморному, съ инкрустаціями, и залпомъ выпилъ давно уже налитый стаканъ краснаго вина, потомъ сѣлъ въ любимое кресло-качалку и задумался у пылавшаго камина.

Капиталистъ-заводчикъ былъ очень высокаго мнѣнія о своемъ ораторскомъ искусствѣ. Привыкши говорить юмористическіе спичи на обѣдахъ пріятелей-компатріотовъ, гдѣ слылъ за веселаго забавника, особенно среди дамъ, онъ не сомнѣвался, что и сегодня сумѣетъ покорить сердца рабочихъ, которыхъ созвалъ для окончательныхъ переговоровъ въ заводскій залъ нарочно въ воскресенье, чтобы придать бесѣдѣ болѣе важности и дѣловитости.

Когда домашній телефонъ извѣстилъ его короткимъ, рѣзкимъ звонкомъ о прибытіи рабочихъ, Роджерсъ, не спѣша, выпилъ еще стаканъ вина и, закуривъ сигару, отправился съ самоувѣреннымъ достоинствомъ черезъ рядъ комнатъ, затѣмъ спустился по винтовой лѣстницѣ и вышелъ во дворъ, въ глубинѣ котораго стоялъ заводъ.

Котелокъ, небрежно сдвинутый на затылокъ, и пальто, вскинутое на плечи, придавали ему видъ счастливаго беззаботнаго хозяина, обозрѣвающаго въ минуту отдыха свои владѣнья. Попутно онъ останавливалъ то дворника, то сторожа и разспрашивалъ ихъ о постороннихъ вещахъ.

Залъ уже волновался и кишѣлъ, какъ муравейникъ. Раздавались протестующіе голоса:

— Разжирѣлъ... Артачится... Самъ же созвалъ, а мы—жди. Мы ему покажемъ!..

Шерстобитовъ ходилъ по группамъ и уговаривалъ успокоиться, ловя подчасъ молчаливые испытующіе взоры, какъ бы говорящіе: „да ты-то кто будешь?..“—и ему становилось неловко.

Быстро вошелъ Роджерсъ, съ сигарой въ зубахъ, и, кивнувъ головой, не снимая котелка, хотѣлъ сразу удариться въ краснорѣчіе, но его опытный взглядъ легко подмѣтилъ настроенье собравшихся (съ нимъ не поздоровались), и англичанинъ мигомъ измѣнился въ обращеньи.

— Привѣтъ гражданамъ!—громко отчеканилъ онъ хриплымъ голосомъ, старательно выговаривая каждую букву, чтобы замаскировать иностранный акцентъ, хотя это и не вполнѣ ему удавалось, и замахалъ шляпой, потомъ протянулъ руку Шерстобитову и еще двумъ-тремъ изъ главныхъ, стоявшихъ вблизи, и остался съ непокрытой головой, стараясь какъ бы подчеркнуть свое уваженіе къ собранью.

Этого онъ никогда прежде не дѣлалъ, и кто-то крикнулъ-было „ура!“, но другіе зашикали и опять воцарилось давящее, гробовое молчанье, которое съ самаго начала такъ поразило англичанина неожиданностью.

— Я собралъ васъ, господа, по очень важному дѣлу... Мой машиностроительный заводъ, директоромъ-распорядителемъ коего я состою,—моя вторая жизнь... И вы знаете, что я всегда принимаю близко къ сердцу все то, что касается завода, а слѣдовательно, и васъ, господа... Почтенный господинъ Шерстобитовъ излагалъ мнѣ ваши нужды, и я старался, по возможности, ихъ устранить...

— Это такъ, это точно,—послышалось въ первыхъ рядахъ.

— Тс... не перебивать!—долетѣлъ изъ другого конца зала сердитый властный окрикъ, покрывшій всѣ голоса.

Роджерсъ терялъ нить и волновался, чего раньше никогда въ себѣ не замѣчалъ, и хотѣлъ подбодриться шуткой.

— Не я ли завелъ, господа, для каждаго изъ васъ вѣшалки для платья, глицериновое мыло, гребенки и полотенца, чтобы вы могли, закончивъ работы...

Ему не дали продолжать рѣчь.

Поднялся шумъ; кто-то свистнулъ.

— Товарищи, онъ потѣшается надъ нами! Пускай говоритъ дѣло, или мы уйдемъ по домамъ! — опять покрылъ голоса все тотъ же властный призывъ.

— Браво, Носковъ, браво!.. Пускай его говоритъ дѣло, или

мы по домамъ пойдемъ,—загудѣли рабочіе, точно надвигающіяся волны морского прибоя.

— Господинъ Роджерсъ!—громко заявилъ Носковъ, пробираясь сквозь толпу и выступая впередъ:—мы не желаемъ никого просить и никому кланяться. Наше отчаянное положеніе на виду у всѣхъ. Зачѣмъ вы пригласили насъ? Чтобъ издѣваться?

Низкорослый, тщедушный, со впалой грудью и быстро бѣгающими острыми глазами, онъ обладалъ поразительнымъ умѣньемъ зажигать или успокаивать товарищей, и вообще удивительно понималъ душу толпы. Всегда въ красной рубашкѣ, надѣтой навыпускъ подъ клѣтчатымъ сѣрымъ пиджакомъ, онъ руководилъ обыкновенно всѣми собраньями Роджерскихъ рабочихъ и пользовался у нихъ неограниченнымъ довѣріемъ.

Англичанинъ посмотрѣлъ на Шерстобитова, словно ища у своего помощника поддержки, но, видя его смущеніе, подошелъ къ Носкову и слегка хлопнулъ его по плечу, все еще не разставаясь съ слабо дымившимся окуркомъ сигары, которой почти не выпускалъ изо рта.

— Вы не такъ меня поняли. Я не хочу никакихъ благодарностей за свои заботы...

— Еще бы!

— Ну да, никакихъ!.. Дайте же мнѣ договорить, господа. Я созвалъ васъ не затѣмъ, чтобы сводить съ вами личные счеты... Я, господа, долго думалъ, толковалъ съ коллегами, сносился съ ними по телеграфу и телефону, высчитывалъ, умножалъ и дѣлилъ... Въ результатѣ — минусъ, минусъ и я почти банкрутъ. Съ работами тише и тише, заказовъ все меньше и меньше... Восьмичасовой рабочій день для меня—зарѣзъ. Или десять часовъ, какъ теперь, или я закрываю заводъ и ѣду изъ Россіи, гдѣ прожилъ двадцать-пять лѣтъ... Двадцать-пять лѣтъ!..

Онъ ожидалъ сочувствія и вопросительно оглядывалъ лица рабочихъ,—блѣдныя, возбужденныя, встревоженныя.

Носковъ уже стоялъ къ нему вполоборота и саркастическая усмѣшка скользила по его тонкимъ, запекшимся губамъ. Подбоченясь, онъ судорожно перебиралъ пальцами кавказскій поясъ и бросалъ въ толпу сверкающій взглядъ, въ которомъ загоралось что-то похожее на ненависть.

— Ну, что же, товарищи, какъ? — спросилъ онъ, вызывая ихъ на отвѣтъ и умышленно растягивая слова, точно играя ими.

Но всѣ были подавлены и молчали. Какое-то облако, неизвѣстно откуда налетѣвшее, на минуту какъ будто отдѣлило ихъ отъ Носкова, и боязнь близкой голодовки, лишеній, безра-

ботицы разбудила дремавшія гдѣ-то далеко, въ глубинѣ, грубые животные инстинкты и вызвала смуту.

Молодежь колебалась, но старики перевѣсили.

— Развѣ можно безъ работы! Опилки, что-ли, ѣсть? А?

— Безъ завода — смерть. Нѐшто заводъ можно закрывать! Бога побойся-то! Англичанину нипочемъ, а намъ каково будетъ! Смекай! То-то и оно!

Роджерсъ уже торжествовалъ, и его потныя жирныя щеки расплывались мало-по-малу въ плотоядную улыбку блаженства. Глаза совсѣмъ сузились. Оставались однѣ свѣтящіяся щеки. Ротъ опять начиналъ беззвучно шевелиться, словно пережевывая вкусную пищу.

И Носковъ тоже не падалъ духомъ.

Эти два контраста человѣческой натуры — неподвижно-чувственное и стихійно-волевое — были безконечно чужды другъ другу. Они оба ждали, предоставляя бушующему валу прихлынуть и отойти, роняя на берегу остатки воздушной пѣны.

Уловивъ мигъ, когда острота впечатлѣнія миновала, англичанинъ обвелъ море головъ дружелюбнымъ маслянымъ взоромъ самодовольнаго шкипера, искоса, однако, наблюдая и за Носковымъ.

„Буря улеглась,—подумалъ онъ: — а мертвая зыбь мнѣ не страшна!“

— Итакъ, граждане,—уже совсѣмъ повеселѣвшимъ, слегка покровительственнымъ тономъ замѣтилъ Роджерсъ:—мы—друзья, идемъ на мировую, и вы отказываетесь отъ вашего категорическаго предложенія?.. Вы не допустите закрытія и гибели завода? Мы будемъ работать рука объ руку?.. Оставьте притязанья, внушенныя вамъ злонамѣренными людьми...

— Не правда ли, товарищи,—вмѣшался тутъ Носковъ, не давъ имъ отвѣчать и перебивая Роджерса, и голосъ его зазвенѣлъ, какъ металлъ, глаза пылали насмѣшливымъ огнемъ и щеки покрылись пунцовыми пятнами: — вы ото всего отречетесь, что мы постепенно съ такими усиліями завоевывали,—и отъ увеличенія заработной платы, и отъ обезпеченія насъ на случай болѣзни, и отъ хозяйскаго обѣщанія не увольнять кого-нибудь изъ насъ безъ согласія товарищей? Отречетесь, можетъ быть, и отъ той клятвы, которую вы мнѣ давали передъ образомъ,—быть заодно и бороться до конца, до послѣдней капли крови?.. Такъ, что-ли, я говорю?

— Не отречемся! Заодно!.. заодно! Куда ты, туда и мы! — пронесся гулъ сотенъ голосовъ, и къ потолку полетѣли шапки: — Ура! „Вставай, подымайся, рабочій народъ“...

Носковъ нетерпѣливо махнулъ рукой, и пѣсня прекратилась.

— Закрыть заводъ — развѣ это не издѣвательство? Сколько семей будетъ обречено на вѣрную голодовку!.. безбожно! Голодомъ хотятъ смирить насъ. Но пускай же знаютъ эти паразиты, — и онъ показалъ въ сторону Роджерса, уже совершенно потерявшаго недавнюю самоувѣренную осанку, позеленѣвшаго отъ злости и о чемъ-то думавшаго съ презрительно опущенными углами рта: — пускай понимаютъ, что голодный врагъ (а мы уже почти враги) опаснѣе врага сытаго! Фабриканты и заводчики насъ притѣсняютъ; черезъ насъ они нажили деньги, а мы разстраиваемъ свое здоровье, отдаемъ имъ всю свою жизнь, — и что же? Они отказываютъ намъ въ нашемъ законномъ и справедливомъ требованіи... Мы для нихъ — не больше, какъ быдло, рабы, и они, безъ разговора, взваливаютъ намъ на плечи непосильный трудъ... Нѣтъ, довольно, товарищи! Мы — нищіе, и они станутъ нищими, если оттолкнутъ насъ. Такъ что же, товарищи, — восьмичасовой, значитъ, рабочій день и ни минуты больше?.. Вѣдь мы же не бараны!..

— Восьмичасовой! — протянула толпа.

— Вы, стало, отказываетесь отъ предложенія господина Роджерса?

— Отказываемся!..

— У каждаго изъ насъ должна быть на рукахъ разсчетная книжка съ обозначеніемъ условленной платы и сдѣланной работы? Такъ или нѣтъ, товарищи?

— Такъ, — такъ! Обязательно должна быть!.. Во всемъ съ тобою согласны.

— Директору дать срокъ для обдумыванія.

— Пускай его думаетъ! Авось и надумаетъ.

Носковъ съ сіяющимъ видомъ побѣдителя кивнулъ имъ въ знакъ согласія, точно все исходило не отъ него, а отъ самихъ рабочихъ, и затѣмъ сталъ передъ Роджерсомъ и, не моргнувъ, посмотрѣлъ на него въ упоръ.

— Завтра — праздникъ, а послѣ-завтра никто не станетъ на работу. Утромъ, во-вторникъ, пришлемъ къ вамъ депутатовъ изъ насъ за окончательнымъ отвѣтомъ. Счастливо оставаться!.. За мной, товарищи!.. Потихоньку, безъ шума... — и всѣ двинулись за Носковымъ, торжественные, сосредоточенные, молчаливые...

Роджерсъ съ удивленіемъ и желчью поглядѣлъ имъ вслѣдъ. Шерстобитовъ съ трясущеюся нижнею челюстью приблизился къ нему.

— Если вы не уступите, мистерсъ Роджерсъ,—можно ожидать серьезныхъ осложненій.

Англичанинъ не далъ ему никакого отвѣта, кажется, даже не разслышалъ его.

— Чтобъ ихъ чортъ подралъ! — выругался онъ себѣ подъ носъ и, погрозивъ кулакомъ въ пространство, сердито засѣменилъ ногами и вышелъ изъ зала.

Онъ запыхался, еле дышалъ и спѣшилъ на свѣжій воздухъ.

Шерстобитовъ, молча, слѣдовалъ за своимъ патрономъ и трусливо озирался, опасаясь, не слѣдуетъ ли за нимъ кто-нибудь изъ рабочихъ.

Но ихъ уже не было видно. Голоса тоже затихли.

Словно все умерло или уснуло. Только дождь продолжалъ назойливо моросить.

„Заварили кашу“, — подумалъ Шерстобитовъ и, замедливъ шаги, не пошелъ за Роджерсомъ, а свернулъ влѣво и отправился домой.

„Пускай-ка самъ расхлебываетъ!.. Съ нимъ еще въ грязную исторію попадешь... Стоитъ ли жертвовать собственной шкурой?.. Изъ-за чего, спрашивается?.. Гм... гм... дѣла!..“

Онъ шелъ да шелъ по мокрому, длинному переулку; при поворотѣ на свою улицу машинально поднялъ глаза, узналъ жену...

Она, по обыкновенію, прислонившись къ окну, съ болѣзненнымъ любопытствомъ всматривалась въ уличную жизнь и даже, вѣроятно, еще не замѣчала его.

„Скучаетъ... Я—плохой мужъ!..“

Онъ снялъ шляпу, несмотря на дождь, и, улыбаясь, долго кланялся, пока, наконецъ, Людмила Николаевна не погрозила ему пальцемъ. Потомъ сейчасъ же выглянула и кудрявая головка Вари.

„Чего онѣ сидятъ дома?.. Прогулялись бы...“

Небо плакало беззвучными, унылыми осенними слезами...

III.

Случай на Роджерскомъ заводѣ немедленно сталъ достояніемъ городскихъ сплетенъ, которыя выросли и покатились съ быстротой снѣжной лавины.

Къ вечеру, когда „цвѣтъ“ мѣстнаго общества долженъ былъ украсить раутъ высокопоставленнаго именинника, управляющаго

конторой государственнаго банка, Зырянова, жившаго на широкую аристократическую ногу съ тѣхъ поръ, какъ женился на графинѣ Заблудной,—вѣроятно, уже нельзя было бы найти ни одного заоскольца, не успѣвшаго ознакомиться (конечно, въ превратномъ свѣтѣ) съ подробностями заводскаго „бунта“.

25 сентября,—день Сергія Радонежскаго,—ежегодно праздновался Зыряновымъ, и всѣ охотно посѣщали его домъ, вполнѣ увѣренные, что найдутъ хорошее угощеніе и, главное, встрѣтятся съ начальникомъ губерніи.

На этотъ разъ они тоже не ошиблись въ ожиданьяхъ.

Кулинарное искусство держалось на обычной высотѣ. Дальше некуда было идти. Хозяинъ словно хотѣлъ поразить гостей удивительной изобрѣтательностью.

Губернаторъ тоже поддержалъ блескъ вечера своимъ присутствіемъ. Онъ былъ какъ-то особенно любезенъ и снисходителенъ, но многіе замѣтили странность: на его лицѣ, обыкновенно румяномъ и здоровомъ, съ вѣчно застывшей стереотипной улыбкой, даже въ тѣ минуты, когда онъ говорилъ или слушалъ о чемъ-нибудь печальномъ,—теперь лежалъ отпечатокъ какой-то загадочности и, пожалуй, плохо скрываемаго недоумѣнія по поводу чего-то. Казалось, онъ держалъ невидимыя нити, но не рѣшался отпустить ихъ или затянуть,—словомъ, былъ въ раздумьи.

Естественно, послѣ дипломатическихъ отступленій заговорили о рабочихъ.

Губернаторъ пожалъ плечами и неохотно процѣдилъ сквозь зубы хриповатымъ генеральскимъ басомъ:

— Уходя изъ своего кабинета, я стараюсь не думать ни о чемъ непріятномъ. Разъ я тутъ, у Сергѣя Константиновича,—стало быть, господа, государство пока не въ опасности, хе-хе-хе! Не такъ ли?

Губернаторскую фразу сейчасъ же начали толковать на всѣ лады.

— Нѣтъ, вы послушайте только, Петръ Петровичъ,—горячился кругленькій, толстенькій уѣздный предводитель дворянства, обращаясь къ мировому судьѣ и въ то же время смотря издали на губернатора, чтобы привлечь его вниманіе:—Минуту терпѣнья! „Я стараюсь не думать ни о чемъ непріятномъ...“ Очевидно,—есть непріятности! Затѣмъ далѣе: „разъ я тутъ, — государство пока не въ опасности...“ *Пока*!.. Пока—это уже угроза. Наконецъ, черезъ полчаса, примѣрно, его превосходительство соизволитъ уѣхать, и вотъ вамъ угроза сбывается... Непріятель осаждаетъ...

Мировой судья, массивный мужчина, подавлявшій старообразнаго предводителя громаднымъ ростомъ, философъ по натурѣ, сперва не хотѣлъ возражать по существу, хотя и не соглашался съ нимъ („Не стоитъ“, подумалъ онъ), однако не выдержалъ и промычалъ послѣ минутнаго перерыва:

— Вы, какъ всегда, увлекаетесь. Его превосходительство, положимъ, дѣйствительно уѣдетъ домой (не здѣсь же ему ночевать!)... да-съ... сядетъ въ будуарѣ у супруги и примется за чтеніе французскаго романа, а вы этимъ временемъ уже готовы будете объявить свой уѣздъ на военномъ положеніи... Не годится!.. Согласитесь, въ вашемъ толкованіи есть логическая проскачка... да-съ...

Предводитель остался, видимо, недоволенъ отповѣдью и поспѣшилъ юркнуть въ сторону.

Зырянова, или графиня, какъ ее принято было называть въ Заоскольѣ, поддерживала тихій разговоръ въ другой гостиной, уютно освѣщенной электрическими лампочками, скрываемыми мягкими затѣйливыми абажурами, въ видѣ бабочекъ, цвѣтовъ и разныхъ фигурныхъ изображеній. Изъ угла смотрѣли зеленые фосфорическіе зрачки кошки; у окна, среди вьющихся по трельяжу растеній, выглядывалъ силуэтъ совы съ такими же сверкающими глазами.

Хозяйка говорила сдержанно, не возвышая голоса, взвѣшивая каждое слово; если смѣялась, то едва открывая ротъ, старательно пряча золотой зубъ.

— Я уловлю секунду спросить Сержа. Онъ что-то знаетъ, но молчитъ. Разумѣется, мы въ гнѣздѣ крамолы. Вмѣстѣ съ ростомъ ея численности, растетъ и самоувѣренность ея участниковъ. О, еслибы мой мужъ былъ здѣшнимъ губернаторомъ! Конечно, я рада, что его миновала чаша сія въ такую трудную эпоху,—спохватилась она.—Впрочемъ, Заосколье издавна славится бунтарями... Я не удивлюсь, если они придутъ въ какой-нибудь прескверный день, вродѣ нынѣшняго, и потребуютъ мои фамильные брильянты. Та же приблизительно исторія и съ мистеромъ Роджерсомъ. Экономическія требованія тутъ ни причемъ—одна ловкая приправа. Я хорошо знаю англичанина. Онъ человѣкъ энергіи, личнаго труда и просвѣщеннаго взгляда. Онъ сынъ свободной, конституціонной Англіи (конституціонной въ лучшемъ значеніи этого слова!) и не позволитъ надъ собой никакой грубой диктатуры. Ему угрожаютъ „браунингомъ“ и финскими ножами. Повѣрьте, тутъ одинъ выходъ—временно отступиться и предоставить дѣйствовать другимъ. Вѣдь, правда? Несомнѣнно, мятежъ охватитъ и прочіе заводы. Надо дѣйствовать!

Ближайшая изъ слушательницъ заволновалась и нервно то складывала, то разбрасывала вѣеръ, то ударяла имъ по мягкой подушкѣ дивана, не рѣшаясь заговорить. Ея пышная грудь высоко поднималась подъ легкимъ тюлевымъ корсажемъ, изъ-подъ густыхъ черныхъ рѣсницъ сверкалъ негодующій взоръ. Она нѣсколько разъ собиралась отвѣчать Зыряновой, но холодныя слова графини, ея сухой голосъ, безжизненная интонація, каменное выраженіе лица, предвзятыя мысли, подсказанныя не сердцемъ, а какими-то посторонними соображеніями, наконецъ необыкновенная авторитетность сужденій задерживали молодой порывъ, какъ въ тискахъ, и она, молча, выжидала заключительнаго вывода. Вопросъ, такъ смѣло поставленный Зыряновой, окончательно взорвалъ ее, и она вдругъ почувствовала, что блѣднѣетъ и не въ силахъ больше совладать съ собою.

— Какая же это правда! Побойтесь Бога, Юлія Львовна!.. Настоящая, святая правда давнымъ-давно лежитъ мертвой, ждетъ своего сказочнаго богатыря-воскресителя, а неправда волкомъ по бѣлу свѣту рыщетъ и подбирается къ ней, помѣшать хочетъ ея воскресенью,—громко отчеканила Струцъ (жена профессора), и гостиная сразу точно проснулась послѣ той гнетущей, обременительной тишины, въ какой она пребывала подъ монотонную проповѣдь хозяйки:—я ближе васъ стою къ рабочему движенію и прямо возмущаюсь вашимъ отношеніемъ къ современнымъ событіямъ. Смѣшивать требованія рабочихъ съ крамолой и чуть не съ разбоемъ по меньшей мѣрѣ наивно. На заводѣ Роджерса не было никакихъ посягательствъ ни на жизнь директора, ни на его капиталы. У нихъ немало нуждъ, которыя надо удовлетворить, а вы рекомендуете военный походъ... Стыдно!.. Ужасно!..

Зырянова кусала губы. Ей стоило большихъ усилій не выйти изъ рамокъ сдержанности.

— Я думаю, ma chère, мы оставимъ и сказочки, и политическіе споры до поры до времени, а то вы теперь такая... горячая... Пожалуй, простудитесь въ нашей прохладной казенной квартирѣ... Вы, какъ и почтенный профессоръ, — увлекающіеся люди.

И свѣтскій разговоръ зажужжалъ, какъ встревоженный рой мухъ.

Губернаторъ вскорѣ собрался уѣзжать, и всѣ засуетились. Нѣкоторые слышали, какъ онъ обратился къ имениннику съ успокоительной улыбкой, на ходу роняя слова утѣшенья:

— Все предусмотрѣно, устроено. Спите спокойно,—и крѣпко потрясъ его руку.

Было шумно и многолюдно, но не было весело, какъ въ прежніе года, и въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ сѣвшихъ за ужинъ замѣчалось напряженіе.

По обычаю поднимая бокалъ въ честь „дорогихъ гостей“, Зыряновъ сдѣлалъ рукой жестъ, показывающій, что онъ еще хочетъ что-то прибавить, выдержалъ легкую паузу и, медленно оглядѣвъ присутствующихъ сквозь черепаховые очки, добавилъ съ особеннымъ удареніемъ:

— А также, милостивые государи и государыни, позволяю себѣ выпить за тихое и мирное житіе въ Заоскольѣ... Ура!..

По торжественному голосу, какимъ произносился тостъ, и по важной осанкѣ, съ которой ораторъ опустился на стулъ, можно было заключить, что онъ, какъ гражданинъ, вполнѣ доволенъ собой.

Юлія Львовна одобрительно кивнула ему головой и кружевнымъ платкомъ поспѣшно смахнула воображаемую слезу.

Ужинъ продолжался довольно долго, но безъ оживленія и безъ рѣчей. Ѣли, злословили и зѣвали втихомолку, даже пили меньше обыкновеннаго.

— Будто мессу похоронную совершаемъ,—шепнулъ, наклоняясь къ сосѣду, мировой судья и грустно посмотрѣлъ на двери:—Что-то скажетъ время черезъ тридцать-шесть часовъ?.. Да-съ...

Но сосѣдъ не былъ философомъ.

— Черезъ тридцать-шесть часовъ... Это во вторникъ, значитъ? Я буду въ контрольной палатѣ подписывать бумаги,—равнодушно отвѣчалъ тотъ съ полнымъ ртомъ и засмѣялся, продолжая работать крѣпкими клыкообразными зубами.

— Посмотрѣлъ бы я, какъ вы будете подписывать бумаги! Да-съ...—не унимался мировой судья, осторожно наводя собесѣдника на какія-то отдаленныя мысли, но не высказывая ихъ прямо.

— Милости просимъ въ палату. Доставлю вамъ это удовольствіе,—послѣдовалъ прежній благодушный отвѣтъ.

— Нѣтъ ужъ, подписывайте. Я лучше посижу дома... да-съ... Оно поспокойнѣй,—съ явнымъ сожалѣньемъ и не безъ ироніи пробурчалъ судья и глубоко вздохнулъ.

IV.

Въ понедѣльникъ, 26-го сентября, былъ храмовой праздникъ въ церкви св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова.

Рабочіе зачастую посѣщали ее, такъ какъ заводъ Роджерса находился въ этомъ приходѣ.

Они и сегодня сошлись сюда почти въ полномъ составѣ и усердно молились.

У молодежи настроеніе было приподнятое, радостное; старики держали себя сдержанно, съ сознаніемъ важности того шага, къ которому готовились.

Носковъ стоитъ поодаль сбоку и наблюдаетъ. Онъ вообще посѣщаетъ лишь главнѣйшія церковныя службы, да и то по обязанности, чтобы не показаться товарищамъ безбожникомъ. Умѣя владѣть ихъ волей, онъ умѣлъ въ иныхъ случаяхъ и подчиняться ей, когда заранѣе зналъ, въ чемъ именно они ему ни за что̀ не уступятъ.

Отецъ Захарій, говорившій поученіе, нѣсколько разъ устремлялъ на рабочихъ косые, испытующіе взгляды и приводилъ тексты за текстами, словно стараясь подавить прихожанъ обиліемъ неопровержимыхъ доводовъ изъ священнаго писанія.

— Ничто, входящее въ человѣка извнѣ, не можетъ осквернить его, но что̀ исходитъ изъ него, то оскверняетъ человѣка,— гремитъ проповѣдникъ, высоко поднимая указательный палецъ, и опять бросаетъ въ ту же сторону строгій взоръ, острый и мимолетный, какъ молнія:—горе волку, прикрывшемуся овечьей шкурой!...

У Носкова пробѣгаетъ по губамъ усмѣшка. Онъ догадывается, что священникъ дѣлаетъ какіе-то смутные намеки и чѣмъ-то недоволенъ... Онъ невольно оборачивается быстрымъ движеніемъ, чтобъ убѣдиться, не устремлены ли въ этотъ мигъ на него глаза товарищей...

„Можетъ быть, они сейчасъ ждутъ отъ меня чего-нибудь, рѣшенія какого, горячаго слова поддержки?..“ Онъ ошибся. Рабочіе, казалось, не замѣчали его и слушали отца Захарія, неподвижно глядя впередъ.

Одна секунда—и болѣзненное впечатлѣніе сглаживается. Сильный запахъ ладана, повисшій въ воздухѣ голубоватымъ, сплошнымъ облакомъ, застилаетъ мысли Носкова... Мечты переносятъ его куда-то далеко, въ забытую, бѣдную, глухую деревню,

къ старой избушкѣ, склонившейся надъ обрывомъ... И въ груди что-то пробуждается, скребетъ, щекочетъ, подползаетъ къ сердцу... Сомнѣнье все глубже и глубже зарывается, проникаетъ въ самые сокровенные тайники души и незамѣтно разливаетъ медленную отраву... Минутная слабость, но онъ не поддастся ей... „Долой робость! Долой сомнѣнье!... Побѣда близится, побѣда, побѣда, побѣда!“—отбиваетъ у него въ мозгу.

А протоіерей все продолжаетъ поучать:

— Что вы сказали въ темнотѣ, то услышите въ свѣтѣ, и что говорили на ухо внутри дома, то будетъ провозглашено на кровляхъ. Горе, горе волку, прикрывшемуся овечьей шкурой!— еще разъ повторяетъ священникъ, заключая проповѣдь, и въ этомъ сдавленномъ возгласѣ слышится ясный упрекъ, обращенный къ невѣдомому врагу.

Прихожане расходятся. Мало-по-малу храмъ пустѣетъ. Церковные сторожа тушатъ предъ образами догорающія восковыя свѣчи.

Носковъ идетъ вслѣдъ за рабочими. Онъ смѣлъ и рѣшителенъ и съ досадой всматривается въ сумрачныя лица товарищей, вдругъ ставшихъ молчаливыми и озабоченными.

На улицѣ встрѣчные предупредительно даютъ имъ дорогу, сторонятся, пугливо осматриваютъ.

„Эге! Да насъ никакъ за разбойниковъ въ самомъ дѣлѣ принимаютъ!.. И попъ не выдержалъ, прошелся насчетъ волка въ овечьей шкурѣ, и все другое-прочее какъ-то не того... не какъ всегда... Можетъ, назавтра ловушка готовится? Неужто Роджерсъ подстроилъ! Чудно!.. Не думаю... Ну, тогда извините-съ!..“— пробѣгаютъ мысли въ головѣ Носкова, и онъ срываетъ съ себя картузъ, подставляя лобъ подъ холодную струю вѣтра, порывисто взбиваетъ ладонью курчавые, непокорные волосы и также поспѣшно надвигаетъ картузъ козырькомъ прямо на глаза, будто желая хоть на мигъ отдѣлаться отъ внѣшняго міра, — трусливаго, пошлаго, сѣраго, какъ осенніе туманы. Ему хотѣлось до страсти, до боли жгучаго, яркаго солнца, безграничнаго синяго простора, свѣтлаго, золотого дня, а жизнь то душила, какъ тюрьма, то замораживала ледяными вѣтрами, то окружала безпросвѣтной мглой, и страшная злоба росла, и крѣпла въ сердцѣ, и набиралась силъ.

Черноглазая Луша давно приглянулась Носкову.

Съ прошлой зимы онъ обратилъ на нее вниманье и, при

встрѣчахъ съ ней, терялъ обычную самоувѣренность и развязность, становился даже застѣнчивъ. Не терпя надъ собой ничьей власти, онъ кротко выслушивалъ насмѣшки, подчасъ колкія замѣчанья беззаботной, шустрой дѣвушки и подчинялся ея капризамъ.

Она работала у модистки, и онъ нарочно дѣлалъ кругъ, возвращаясь съ завода, чтобы лишній разъ повидаться съ ней; иногда ждалъ на другой сторонѣ переулка, чтобы лучше разсмотрѣть, не мелькнетъ ли въ освѣщенномъ окнѣ нижняго этажа ея тонкая, полудѣтская фигурка, съ наивнымъ задорнымъ личикомъ, съ ямками на щекахъ.

Послѣ шумныхъ споровъ и огненныхъ рѣчей, недавній герой, онъ любилъ тихую, пугливую бесѣду, точно украденную или брошенную ему изъ милости, какъ нищему корка хлѣба, и жадно ловилъ каждое слово, каждый взглядъ или разсѣянную, снисходительную улыбку, рѣдко теплое пожатье руки, большею частью небрежный поклонъ... Въ своемъ униженьи онъ почерпалъ какую-то непонятную прелесть и даже не пытался смѣло нарушить грань, раздѣлявшую ихъ, или разъ навсегда прекратить напрасное знакомство.

Выйдя изъ церкви и немного поотставъ отъ товарищей, Носковъ круто свернулъ вправо, не увѣренный, однако, что встрѣтитъ Лушу. Нѣсколько дней онъ не видѣлъ ея, и поэтому его сегодня тянуло къ ней какъ-то особенно сильно. Ему посчастливилось, и онъ просіялъ.

Луша бѣжала съ картонкой, узнала его и отвернулась нарочно, показывая, что спѣшитъ и не замѣчаетъ поклонника. На ходу она умышленно покачивала бедрами и вертѣла плечами, подражая нѣкоторымъ товаркамъ и думая, что такъ лучше. Догнать ее, конечно, было нетрудно.

— Здравствуйте,—обратился онъ къ ней упавшимъ вдругъ голосомъ и какъ будто сконфузился.

Она, молча, кивнула ему, потомъ ускорила шаги.

— Куда вы, Луша? Что-нибудь спѣшное?.. Мы съ четверга не видались. Сердиты?

— Какой вы смѣшной! — быстро-быстро затараторила она и нахмурила красиво изогнутыя, словно подрисованныя брови:— все пристаете безъ надобности... А другіе смѣются... Да съ вами теперь и ходить-то страшно...

Послѣднюю фразу Луша произнесла уже съ улыбкой и лукаво скосила глаза.

— Отчего же страшно? Костюмъ мой нехорошъ? Красная

рубашка наскучила? Не по-господски, значитъ?.. Да я и самъ знаю, что съ лица непригожъ, грудь не колесомъ, ростомъ не вышелъ... Ну, ужъ извините... Такимъ созданъ.

Обыкновенно онъ говорилъ съ Лушей мягче. Но его рѣзкій тонъ и безпокойный взоръ, вспыхнувшій обидой, сверхъ ожиданія, не разсердили дѣвушку, а напротивъ, произвели совсѣмъ обратное дѣйствіе.

Она посмотрѣла на него долгимъ, смѣющимся, открытымъ взглядомъ.

Носковъ не привыкъ къ этому; кровь бросилась ему въ глаза; онъ стремительно двинулся къ Лушѣ и, приближая свое пылавшее лицо къ ея нѣжнымъ щекамъ, прошепталъ коротко и страстно:

— Прости... милая!

— Все глупости на умѣ!.. „Красная рубашка“... „Съ лица непригожъ“... Гм... „Грудь колесомъ“... А вотъ зачѣмъ вы бунтуете? Завтра что затѣяли?.. Головы не жалко!.. Смѣетесь?.. Забастовку придумали. Вонъ, Марья Семеновна сказывала, завтра всѣхъ васъ заберутъ и заводъ закроютъ. Жалко мнѣ васъ ужасно. Приходите ужо поразсказать... Ну, прощайте. Мнѣ въ этотъ подъѣздъ къ генеральшѣ. Давайте руку, что-ли... Бунтовщики!—и, разсмѣявшись, сверкнула зубами и скрылась.

Носковъ такъ и не успѣлъ ей ничего отвѣтить.

„Однако, что же это? Насъ, въ самомъ дѣлѣ, какъ враговъ собираются встрѣчать... Слухи слухами, а надъ нами туча виситъ, гроза приближается... Неужто отступать, труса праздновать? Не таковскій я, не на такого напали!..“

Онъ шелъ бодрой, увѣренной походкой, раздумывая о завтрашнемъ днѣ. Образъ Луши блѣднѣлъ, уступая мѣсто новымъ настроеньямъ.

Улица жила, шумѣла. Мелькали извозчичьи пролетки. Люди сновали взадъ и впередъ, точно къ чему-то готовились, чего-то поджидали и нерѣшительно посматривали на безмолвно застывшій вдали стрѣльчатый фасадъ Роджерскаго завода, — одни съ затаеннымъ злорадствомъ, другіе съ тупымъ равнодушіемъ или любопытствомъ, третьи съ робостью, четвертые съ грустнымъ сочувствіемъ... Заводъ, какъ живой гигантъ-сфинксъ, высоко выдѣлялся надъ прочими зданіями черными остовами трубъ и, казалось, думалъ глубокую, загадочную думу и терпѣливо ждалъ разгадки.

V.

Утро проснулось пасмурное, непривѣтливое.

Рабочіе поднялись спозаранку. Въ ихъ убогихъ, грязныхъ жилищахъ, въ смрадныхъ сырыхъ подвальныхъ этажахъ еще копошились безформенныя тѣни умирающей ночи, словно борясь въ послѣднихъ судорогахъ съ наступающимъ хмурымъ днемъ. Что онъ несъ съ собой униженнымъ и обездоленнымъ? Радость ли сбывшихся надеждъ или, можетъ, новыя, болѣе тяжкія страданья? Въ этой едва мерцающей таинственной полумглѣ ночныя тѣни сливались съ утренними призраками и долго не желали уступать другъ другу очередь. Тѣни сроднились съ обитателями подваловъ, будто присосались къ нимъ невидимыми щупальцами, пили ихъ кровь каплю за каплей и гнали прочь блѣдныхъ, изнуренныхъ вѣстниковъ тусклаго дня.

Дѣтскій плачъ, гомонъ пробудившихся взрослыхъ, скрипъ и стукъ хлопающихъ дверей окончательно разорвали ночныя путы, и тѣни пугливо запрятались по щелямъ и угламъ. День побѣдилъ...

Къ восьми часамъ прояснилось и даже выглянуло солнце. У завода Роджерса,—и во дворѣ, и на улицѣ,—собрались почти всѣ рабочіе, расхаживали группами или по одиночкѣ, говорили, спорили, но больше курили и помалкивали, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ поджидая Носкова съ двумя выборными изъ ихъ среды,—Плѣшкана,—разсудительнаго, спокойнаго старика, представителя умѣренныхъ, и Понамарчука, — страшнаго силача и вообще человѣка съ горячей головой и необузданными стихійными порывами. Въ Заоскольѣ его побаивались и называли Стенькой Разинымъ, съ которымъ онъ, какъ многіе считали, имѣлъ внѣшнее сходство. Депутація долго не возвращалась и волненіе росло. Порой голоса стихали, и только слышно было, какъ постукивали по булыжной мостовой сотни застоявшихся ногъ.

— Должно, согласился, коли вдосталь разговоры ведутъ. Не торчалъ бы Носковъ, кабы не такъ,—произнесъ кто-то въ толпѣ убѣжденнымъ голосомъ.

— Небось!—раздалось въ отвѣтъ, и восклицанье это можно было понять и такъ, и этакъ.

Потомъ опять все замерло, и снова началось однообразное постукиванье сапогъ по камнямъ.

Улица, между тѣмъ, наполнялась любопытными. Шумъ увеличивался. Появилось нѣсколько городовыхъ. Околоточный слѣдилъ издали безпокойнымъ взглядомъ, ежеминутно разглаживая усы.

Съ визгомъ промчалась уличная собака, которую кто-то ударилъ, и вновь воцарилась напряженная нервная тишина. Такъ нерѣдко бываетъ на похоронахъ, когда толпа ожидаетъ выноса и вдругъ раздастся чей-нибудь громкій шопотъ: — „Несутъ!..“

И здѣсь тоже кто-то произнесъ: — „Идутъ!..“

Съ директорскаго крыльца, изъ глубины длиннаго двора бѣжалъ Носковъ, красный, возбужденный. Волосы его развѣвались, падали на лобъ. Онъ дѣлалъ нетерпѣливые знаки, размахивая картузомъ. И всѣ шарахнулись къ нему, инстинктивно почувствовавъ дурную вѣсть. У многихъ тревожно ёкнуло сердце. Плѣшканъ шелъ медленно, позади Носкова, видимо разочарованный. На его изможденномъ лицѣ съ бѣлой апостольской бородой ясно читалось: „Незачѣмъ спѣшить! Все равно — капутъ“. Понамарчукъ, наоборотъ, гнѣвно сверкалъ бѣлками и расправлялъ богатырскую грудь, будто приготовляясь къ единоборству. „Еще поспоримъ! Такъ не уступлю...“ — говорилъ его сердитый, воспаленный взглядъ, и одинъ его видъ уже могъ поднять толпу и ободрить, влить въ нее мужественную рѣшимость дерзновенія.

— Бѣда, товарищи! Будетъ съ насъ, помучились, — пора и за умъ взяться!.. Хозяинъ нашъ міроѣдомъ сталъ: на уступки не согласенъ, ничего не желаетъ для насъ, все для себя только хлопочетъ... Требуетъ, чтобы на работу стали и — никакихъ... Полиціей грозитъ... Заводъ прикрыть собирается. Товарищи, мы поклялись идти рука объ руку... Насъ нажимаютъ, и мы отпоръ дадимъ. Не станемъ на работу! Пускай не дымятся заводскія трубы, не движутся колеса машинъ; пускай валяются неоконченными заказы; пусть отдохнутъ наши усталыя плечи! Мы еще вернемъ счастье, украденное у насъ господами Роджерсами! Нашимъ потомъ и кровью насытились они и разжирѣли. Довольно! Съ нами поднялось дѣло, съ нами и утонетъ... Не мы первые, не мы послѣдніе. Забастовалъ рабочій народъ во многихъ городахъ, и мы забастуемъ... Такъ, что-ли, товарищи?.. Аль не по нраву моя рѣчь? На заоскольскихъ фабрикахъ всѣ рабочіе ждутъ нашего почина. Всѣ за насъ!.. — Голосъ Носкова звучалъ съ каждой фразой громче и рѣшительнѣе. Слова вылетали быстро и смѣло. Сыпались сравненья, доводы, образы...

Маленькая, тщедушная фигура оратора постепенно какъ бы выростала передъ слушателями, и тѣ сначала хранили молчанье, потомъ стали воодушевляться, мысленно сливаться съ говорившимъ,

наконецъ совсѣмъ сплотились въ одно духовное цѣлое. Даже Плѣшканъ грозилъ пальцемъ по направленію къ окнамъ Роджерса, и его восковое прозрачное лицо покрылось блѣднымъ румянцемъ, словно отраженьемъ вспыхнувшей зари. Потухшіе зрачки свѣтились искрой проснувшагося задора.

Шапки полетѣли вверхъ.

— Ура, Носковъ,—ура!.. Не станемъ работать... Забастуемъ. Не по-божески хозяинъ поступилъ. Пусть его сидитъ на сундукахъ и считаетъ гроши! Наплевать! Мы сами себѣ господа. Какъ рѣшимъ — такъ и будетъ!—откликнулись сотни голосовъ, и этотъ могучій крикъ гулко разносился и отдавался далеко на сосѣдніе улицы и переулки, и въ немъ чудился глухой стонъ набѣгавшихъ волнъ, которыя бьются сразмаху о гранитные уступы, набрасываются, пытаются взять ихъ приступомъ, мигъ— и падаютъ внизъ, чтобы примчаться съ новыми силами. Любопытные тѣсной стѣной надвигались впередъ, поближе къ заводскимъ и слѣдили, какъ „бунтуютъ у англичанина". Городовые не могли ихъ сдерживать.

Околоточный забылъ объ усахъ и, казалось, терялъ терпѣнье. Тутъ же, поодаль, прижавшись къ фонарному столбу, стояла Луша и жаднымъ взоромъ высматривала своего поклонника, стараясь въ то же время быть незамѣченной знакомыми.

Показался растерянный, дрожащій Шерстобитовъ и осторожно приблизился къ рабочимъ неувѣренной, шаткой походкой, такъ не подходившей къ его плотной, коренастой сытости.

— Мистеръ Роджерсъ поручилъ мнѣ...

— Долой Роджерса! Не хотимъ Роджерса!..

Носковъ съ неудовольствіемъ покачалъ головой, стараясь водворить порядокъ.

— Мистеръ Роджерсъ,—съ обычной медлительностью выговаривалъ кассиръ, когда попріутихли въ толпѣ,— проситъ васъ или стать на работу, или разойтись... Я говорю по его желанію... Онъ мнѣ поручилъ... Я, право, не отъ себя... Онъ удивленъ вашей настойчивостью и боится, что вы можете повредить себѣ, если будете упрямиться... Примиритесь... успокойтесь... Уже губернаторъ спрашивалъ по телефону. Мистеръ Роджерсъ предостерегаетъ васъ... Онъ не отвѣчаетъ за послѣдствія, умываетъ руки...

— Довольно, Ѳедоръ Кузьмичъ! Не лицемѣрьте!.. Некрасиво... Какое тутъ примиренье! Нынче дни борьбы, а не примиренья. Не ошейники же намъ надѣвать! — нетерпѣливо перебилъ его Носковъ, показывая рѣзкимъ движеньемъ, что считаетъ разговоръ исчерпаннымъ: — мы знаемъ, что̀ дѣлаемъ, а вы дѣлайте

по своему, соблюдайте хозяйскій приказъ... По домамъ, товарищи! Тутъ все равно ничего не дождетесь. Брюхо—глухо: словомъ не уймешь, словомъ сытъ не будешь.

Толпа одобрительно загудѣла и тихо двинулась ко двору. Шерстобитовъ испуганно попятился назадъ и вдругъ, забывъ важное достоинство посланника, опрометью пустился бѣжать обратно, къ дому Роджерса. На него никто уже не обращалъ вниманья.

Понамарчукъ выхватилъ изъ-за пазухи красный помятый флагъ и сталъ имъ размашисто вертѣть въ воздухѣ. Какъ по уговору, кто-то началъ громко выводить хорошо знакомый бурный напѣвъ, и хоръ дружно подхватилъ его

Личныя обиды забывались. Гордыя лица горѣли вдохновеньемъ, вызовомъ, страстнымъ желаньемъ пожертвовать собою за общее дѣло.

Они не успѣли еще подойти къ калиткѣ, какъ издали стали долетать странные крики. Всѣ насторожились. Глаза боязливо забѣгали по сторонамъ. Улица пришла въ движеніе, и черезъ какую-нибудь минуту толпой уже овладѣла паника. Рабочіе еще не понимали, въ чемъ дѣло, но оборвали пѣсню и съ недоумѣньемъ искали разгадки.

Кто-то крикнулъ имъ, отчаянно махая руками:

— Спасайся, кто можетъ, ребята! Казаки!..

Мѣрные удары подковъ по мостовой, которыхъ раньше не слышно было за многоголоснымъ крикомъ и гамомъ, явственно донеслись въ заводскій дворъ, и рабочими тоже овладѣлъ внезапный страхъ,—безсмысленный, плотской страхъ, не повинующійся разсудку.

— Останемся, товарищи! Мы ничего худого не сдѣлали. Тутъ мы въ безопасности, — началъ-было Носковъ, но ему никто не вѣрилъ теперь, никто не обращалъ на него вниманья.

Всѣ мчались врассыпную, кто въ калитку и на улицу, кто въ противоположный конецъ двора, кто въ домъ къ Роджерсу, но входная дверь была заперта и на звонки никто не появлялся, и тогда перелѣзали черезъ заборъ въ сосѣднее дворовое мѣсто и затѣмъ спасались въ боковой переулокъ.

Происходили столкновенія съ встрѣчной публикой, толпившейся около; всѣ перемѣшались, давили другъ друга, падали, вставали и опять бѣжали... бѣжали... съ проклятьями, стонами, угрозами, мольбами о помощи, дѣтскими воплями и женскими нервными возгласами.

Казачій отрядъ надвигался, врѣзывался въ толпу, разливался

сплошной лавой... Подковы отбивали дробь, и отъ ударовъ ихъ по булыжникамъ сыпались мелкія искры.

День былъ совсѣмъ ясный, солнечный, несмотря на сѣрое утро, и душѣ не хотѣлось вѣрить въ несчастье, не хотѣлось убѣждаться въ томъ, что бездонныя ночи, зіяющія, какъ черныя бездны, часто бываютъ лучше свѣтлыхъ дней съ теплой синевой неба...

Понамарчукъ швырнулъ съ хохотомъ изодранный флагъ, который высоко закружился въ воздухѣ и сталъ падать зигзагами.

Одинъ изъ казаковъ замѣтилъ и бросился къ смѣльчаку, но тотъ, ловко изогнувшись, вьюномъ ускользнулъ отъ просвиставшей надъ ухомъ нагайки и, шмыгнувъ за уголъ, какъ въ воду канулъ.

Заводъ скоро былъ оцѣпленъ. Окрестныя улицы точно вымерли. Мистеръ Роджерсъ и Шерстобитовъ, когда заводъ очутился въ осадномъ положеніи, вышли во дворъ и давали первыя показанія.

Англичанинъ походилъ на оскорбленнаго собственника, защищающаго свои нарушенныя владѣнія, и все судорожно дергалъ плечомъ; его приближенный казался сконфуженнымъ, особенно когда встрѣчался глазами съ Носковымъ и сейчасъ же отворачивался.

Носковъ былъ задержанъ при выручкѣ Плѣшкана. Тому помогъ, а самъ попался. Порванная рубашка и кровавый рубецъ, краснѣвшій на щекѣ, смущали Шерстобитова, и онъ старался не глядѣть на нихъ.

Зато Роджерсъ, повидимому, радовался такому скорому исходу „бунта“, считая его законченнымъ. Носковъ чуть-чуть усмѣхался.

Неподвижно-чувственная и стихійно-волевая,—двѣ человѣческія натуры, какъ и тогда, на воскресномъ собраньи у Роджерса, безконечно чуждыя другъ другу, стояли рядомъ и ждали, чья правда побѣдитъ.

Изъ задержанныхъ рабочихъ было еще человѣкъ двадцать и съ десятокъ постороннихъ, попавшихъ по подозрѣнію въ соучастіи. Остальнымъ удалось скрыться.

Спѣшно прибыли судебныя власти.

Двери Роджерскаго завода открылись и начался допросъ.

На улицѣ подбирали убитыхъ и раненыхъ...

Людмила Николаевна приблизительно знала, что ожидалось на заводѣ, и въ своей любимой позѣ, съ безпокойствомъ и возраставшимъ нетерпѣньемъ, сидѣла у окна.

Волненія послѣднихъ дней замѣтно на ней отразились, и лицо ея, и безъ того блѣдное, изнуренное, еще болѣе осунулось и поблекло.

Улица была запружена лошадьми и людьми. Народъ толпился, какъ въ канунъ великаго праздника, спѣшилъ куда-то... Многіе почти бѣжали.

Широкая стеклянная дверь „Центральнаго магазина" внезапно закрылась деревяннымъ щитомъ.

Шерстобитова—сама не своя. Тревога въ сердцѣ усиливается. Тяжело... Какой-то клубокъ подкатывается и душитъ... Острая рѣжущая боль... а время, между тѣмъ, идетъ черепашьимъ шагомъ... Она хорошо понимаетъ и мыслями, и чувствами, что не въ силахъ усидѣть дома. Она зоветъ прислугу и наказываетъ ей строго-настрого не выходить съ Варей изъ комнатъ. Но Варя тоже хочетъ идти.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я вернусь, милая,—скоро вернусь. Будь умницей,—убѣждаетъ она дѣвочку, гладитъ ее по кудрявой, нѣжной головкѣ и крѣпко цѣлуетъ, возвращается и еще разъ жадно тянется губами къ ея недовольному личику съ ярко выступающими на вискахъ синими жилками.

— Приходи, мама, а то мнѣ скучно одной,—лепечетъ ребенокъ, когда мать одѣваетъ мѣховую кофточку:—папу приведи и вмѣстѣ гулять пойдемъ.

Людмила Николаевна выходитъ изъ воротъ.

„Мнѣ скучно одной!"—Варины слова почему-то болью отзываются въ ея груди.

Шумная волна увлекаетъ ее дальше и дальше, и она сперва безотчетно подчиняется этому стихійному порыву.

„Не ходи къ заводу... Здѣсь подожди..."—твердитъ внутренній голосъ (по крайней мѣрѣ, ей кажется такъ).

Боязнь толпы удерживаетъ ее на минуту у перекрестка двухъ улицъ.

— О, Господи!.. Да, вѣдь, тамъ адъ-адомъ... Войска вытребованы... такое творится!—слышитъ она за спиной, и уже не можетъ побѣдить вспыхнувшей рѣшимости. Слѣпая жуть уступаетъ ей мѣсто.

Ее неудержимо тянетъ впередъ, несетъ, какъ на крыльяхъ. Она не слышитъ ногъ, не знаетъ усталости, не ощущаетъ прежняго страха.

„Что-то съ Ѳедей?.. Гдѣ-то Ѳедя?"—встаетъ одинъ настойчивый вопросъ и сразу наполняетъ все ея слабое существо. Она сгораетъ въ этомъ жгучемъ вопросѣ.

Сердце бьется сильнѣе, сильнѣе; кровь кипяткомъ разливается по тѣлу; мозгъ точно налитъ расплавленнымъ свинцомъ.

Она различаетъ лица знакомыхъ рабочихъ.

„Да, это они, Роджерскіе!..“ —Отчаянье въ глазахъ... Нѣкоторые въ крови, въ истерзанныхъ платьяхъ, другіе безъ шапокъ... кричатъ.... грозятъ кому-то...

„Ѳедя мой, Ѳедя, Ѳедя...“ —отбиваетъ мысль, а тамъ, вдали, въ глубинѣ, у самаго завода, какая-то черная движущаяся стѣна...

Въ мукахъ рождалась свобода. Природа требовала, какъ бы въ искупленье, свѣжихъ и свѣжихъ жертвъ, — вольныхъ и невольныхъ. Свобода и смерть сочетались въ непонятномъ, загадочно-тѣсномъ содружествѣ...

Кто-то промчался съ обрывкомъ краснаго знамени, крѣпко сжимая обломокъ древка въ заледенѣвшихъ пальцахъ.

Ноги Людмилы Николаевны скользятъ въ чемъ-то липкомъ. Кто-то лежитъ... Она желаетъ перешагнуть или обойти и вдругъ хватается за грудь... широко открываетъ ротъ, расширяетъ глаза и съ короткимъ, неяснымъ вздохомъ глухо падаетъ, какъ подкошенная, рядомъ съ тѣмъ же неизвѣстнымъ, на котораго только-что натолкнулась. Еще жертва! Смерть сблизила ихъ.

Больное, хрупкое сердце не выдержало кроваваго кошмара и разорвалось.

Среди проходившихъ послышалось:

— Должно быть, ударъ или обморокъ... Врача бы! Да гдѣ его взять?.. Ну, да и времена наступили!..

Поговорили, поговорили, но никто не помогъ. Каждый заботился о себѣ и себя спасалъ, подчиняясь шкурному чутью. Лошадиный топотъ, стукъ копытъ, ружейные залпы, говоръ отъ шопота смерти до крика ужаса,—все это сливалось въ одномъ протяжномъ гулѣ и охватывало, какъ тяжелымъ душнымъ облакомъ, безмолвные каменные дома и улицы.

И синее небо потускнѣло, покрываясь обычной свинцовой окраской бездушной осени...

VI.

Прошелъ день, еще день, еще и еще... недѣля прошла, другая подходила къ концу.

Заосколье сдѣлалось совсѣмъ неузнаваемымъ.

Отовсюду приходили тревожные слухи, неутѣшительныя вѣсти. Газеты перестали получаться изъ другихъ городовъ. Останови-

лись желѣзныя дороги. Умолкъ мѣстный листокъ. Закрывались лавки и магазины, торгуя урывками. Не сзывалъ на работу утренній гудокъ ни на одной фабрикѣ. Трубы Роджерскаго и другихъ заводовъ не дымились и уныло чернѣли надъ громадными фасадами зданій, какъ неподвижныя, застывшія тѣни. Въ нихъ не было прежней жизни; онѣ какъ бы замерли въ тяжеломъ оцѣпенѣньи, въ мрачномъ, неразрѣшимомъ раздумьи.

По ночамъ онѣ наводили на впечатлительныхъ жителей Заосколья тайный ужасъ, снились имъ и наполняли ихъ сердца какой-то смутной загадкой, а трусливыя сердца ихъ не умѣли ея разгадать, или боялись этой разгадки и умышленно не желали къ ней подойти.

Порою чудилось заоскольцамъ, будто дома, прилегающіе къ заводскимъ строеніямъ, боязливо, робко тѣснятся другъ къ другу въ жуткой поздней тишинѣ, сливаясь съ неясными, зыбкими очертаніями ночной мглы, которую слабо разсѣкали мерцающіе огни газовыхъ фонарей.

Всѣ чего-то ждали, но всякій по-своему: инымъ грезились кровавые призраки недавнихъ воспоминаній,—и фантазія удвоивала ихъ въ будущемъ; иныхъ ласкали радужныя надежды грядущихъ отличій; иныхъ угнетали мрачныя предчувствія нескораго избавленія отъ злой нужды и страданій; наконецъ, иные продолжали страстно вѣрить, что мертвая правда скоро воскреснетъ и побѣдитъ кривду.

Дни шли.

Носковъ не падалъ духомъ. Онъ закалялся и твердо вѣрилъ. Крѣпкія рѣшетки не смущали его, не принижали: и грёзами, и душой онъ высоко парилъ надъ ними... Тюрьма не страшила его.

Онъ жилъ однимъ будущимъ.

А по улицамъ и закоулкамъ все чаще и чаще попадались худыя, изможденныя лица рабочихъ.

— Лишь бы Носкова выпустили!—иногда срывалось у нихъ съ языка или закипало въ груди въ часы, когда имъ приходилось особенно трудно, и въ тѣ минуты ихъ землистыя лица,—лица привидѣній,—на мигъ освѣщались, точно вспыхивалъ гдѣ-то тлѣющій забытый уголекъ...

В. Умановъ-Каплуновскій.



ВЪ
ГОРАХЪ НОРВЕГІИ

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

I.

Рано утромъ, 22-го іюля, нашъ большой пароходъ, безъ остановки плывшій изъ Копенгагена, бросилъ якорь.

Въ круглое окошечко каюты видны были берегъ и пристань. Въ сонной тишинѣ утра лежали не плоскіе берега Даніи, не каменистые шхеры Швеціи. Синія большія горы прекрасными очертаніями гордо высились надъ моремъ. За ними вставали дальнія вершины, и трудно было различить, гдѣ кончаются онѣ, и гдѣ начинаются темныя сизыя тучи.

Маленькій городокъ у берега, небольшая пристань. Бѣлый пароходикъ прижался къ ней, точно дремлющій лебедь,—лодки, безлюдье, тишина...

Это былъ городокъ Моссъ. Мы уже плыли нѣсколько часовъ фіордомъ Христіаніи.

Давнишняя наша мечта увидѣть Норвегію исполнилась. Невозможно было оставаться внизу, въ душной каютѣ. Мы поспѣшили подняться на палубу.

Было очень холодно. Сумрачныя тучи заволакивали небо, синѣли надъ горами. Нашъ пароходъ вступалъ въ самое узкое мѣсто фіорда. На западѣ открылся и тотчасъ сомкнулся за величественными горами узкій фіордъ Драммена. Справа, на востокѣ, горы были не такъ высоки. Казалось, будто всѣ онѣ покрыты зеленымъ бархатистымъ мхомъ. Это были сосновые лѣса.

Раннее утро лежало надъ горами, надъ островами, надъ моремъ. Чайки летали, одинокія лодки попадались навстрѣчу, пробѣжалъ бѣлый пароходикъ мѣстнаго сообщенія.

Въ горахъ до половины ихъ высоты были разсыпаны одинокіе „горды", дворы. Въ такомъ „гордѣ" каждый крестьянинъ живетъ самъ по себѣ, независимый, полагающійся только на свои силы...

Въ лицо дулъ сильный холодный вѣтеръ. Но сумрачная погода не портила впечатлѣнія. Наоборотъ, въ этомъ сѣромъ утрѣ и въ безконечности горъ справа и слѣва было какое-то тайное согласіе. Впослѣдствіи мнѣ пришлось видѣть фіордъ Христіаніи подъ ясной улыбкой сентябрьскаго солнца, голубымъ и нарядным въ его зеленыхъ стѣнахъ. Но первое впечатлѣніе врѣзалось глубже и сильнѣе.

Тихо и торжественно высятся горы, надъ ними сурово громоздятся грозныя тучи, — но все ли тучи?.. Нѣтъ. Вѣдь это тамъ—гора. А дальше — хребетъ ли темнѣетъ, облака ли сгустились—нельзя разобрать... Земля и небо сливаются, сплетаются въ одно; все мрачно, строго, все въ темно-сѣрыхъ и черныхъ тонахъ. И фіордъ бушуетъ холодными стальными волнами, и гранитные острова упрямыми хребтами сѣрѣютъ надъ водой...

Жизни и движенія все больше. Фіордъ расширился. На скалахъ маяки. Пристань съ лѣснымъ товаромъ, доски, бревна, лѣсопилка. Люди уже стали на работу.

— Уже Христіанія?—слышу я возлѣ себя.

— Да.

Неужели эта группа домовъ вдали на горной цѣпи—Христіанія? Что-то странно. Смотрю въ бинокль, недоумѣваю.

Нечаянно бросаю взглядъ въ другую сторону...

Горы сдвигаются, разступаются; внизу внезапно открываются въ сѣромъ туманѣ башни, колокольни, трубы, громады домовъ, лѣсъ мачтъ. Городъ какъ видѣнье плыветъ намъ навстрѣчу. Вотъ гавань, амбары, люди на пристани. Вдали—синяя стѣна горъ...

Норвежскій „чистый" флагъ привѣтствуетъ насъ, мы тихо подходимъ съ датскимъ *Данеброгомъ*, краснымъ съ бѣлымъ крестомъ, на нашей мачтѣ. Мы—друзья. На нашемъ пароходѣ нѣтъ ни одного шведа. Слышится только датская, норвежская и англійская рѣчь.

Тяжело громыхая цѣпями, падаетъ якорь. Привѣтъ тебѣ, норвежская земля!

II.

На другой же день поѣздъ мчалъ насъ изъ Христіаніи на сѣверъ, по самой плодородной области Норвегіи.

Горы разступились и дали мѣсто долинѣ. Скошенное сѣно развѣшано на длинныхъ изгородяхъ. Эти изгороди рядами стоятъ на лугахъ. Гладко подстриженная трава и ровная какъ столъ земля говорятъ о томъ трудѣ, кропотливомъ и упорномъ, который вложенъ здѣсь. Каменныя ограды полей въ ростъ человѣка сложены терпѣливыми руками, съ невѣроятными усиліями. Всѣ эти гранитные валуны покрывали луга и пашни. Сколько мученья было, пока ихъ удалили, сложили въ ограды! Каждый аршинъ рыхлой земли есть дѣло рукъ человѣка. Вѣдь здѣсь—царство камня. Вотъ поѣздъ нашъ влетаетъ въ туннель, грубо и кое-какъ прорѣзанный въ гранитѣ. Торчатъ острыя какъ ножъ глыбы; крѣпкій какъ желѣзо гранитъ мелькаетъ косыми своими полосами—красными, черными, бѣлыми... Туннель кончается, а по обѣимъ сторонамъ полотна все бѣгутъ грубо срѣзанныя скалы, и вы ярко чувствуете власть камня, его могущество здѣсь, и ту борьбу, которую человѣкъ ведетъ съ нимъ, покоряя его своей волѣ, тоже крѣпкой какъ желѣзо.

Въ длинныхъ рядахъ изгородей съ висящими прядями сѣна заключена для здѣшняго крестьянина половина его богатства.

Сѣно—это молоко, а молоко—деньги. Молочное хозяйство поддерживается кооперативными фермами. Такія фермы повсюду, гдѣ это только возможно. А тамъ, гдѣ непроходимыя или трудныя горныя дороги полагаютъ преграды единенію, тамъ и въ одиночку молочное хозяйство ведется съ рѣдкимъ усердіемъ и умомъ.

Зеленые скошенные луга смѣняются желтыми нивами. Конецъ іюля, а жатва только еще начинается. Кое-гдѣ на голомъ жнивьѣ возвышаются высокіе шесты, на которые до верху нанизаны снопы, всѣ — колосьями къ югу. Мужчины жнутъ или косятъ рожь, женщины ее вяжутъ; тутъ же быстро вбиваютъ въ землю высокій колъ, привязываютъ къ нему снопы парами, подставляютъ лѣсенку и такъ нанизываютъ снопы до самаго верху. Вѣтеръ и солнце высушатъ ихъ въ нѣсколько дней. Эти мохнатые шесты, рядами на голомъ жнивьѣ, составляютъ характерную черту норвежскаго пейзажа позднимъ лѣтомъ.

Поѣздъ нашъ летитъ все дальше и дальше; мимо насъ мелькаютъ одинокіе крестьянскіе „горды“. Ни одной деревни. У

станцій — небольшой поселокъ или городокъ, а потомъ опять поля и на нихъ разсыпанныя одинокія усадьбы.

Свѣжіе зеленые лѣса шумятъ подъ хмурымъ небомъ; шумитъ справа красивая рѣкаВорменъ. Поѣздъ мчится между скалъ, ныряетъ въ туннели, гремитъ по мостамъ; рѣка то справа, то слѣва катится по каменистому ложу.

Вотъ и озеро Мьёсенъ, внутреннее море Норвегіи. Длина его сто километровъ. Изъ него вытекаетъ Ворменъ въ восхитительной рамкѣ горъ, которыя столпились здѣсь гурьбою.

На скалистыхъ отрогахъ всюду густые сосновые и лиственные лѣса. Уже меньше пахотныхъ полей и луговъ, горы и лѣсъ вступаютъ въ свои права.

Слѣва на западѣ блистаетъ широкимъ воднымъ пространствомъ Мьёсенъ, а за нимъ поднимаются стѣною горы. Вода Мьёсена отливаетъ зеленымъ малахитомъ, великолѣпнымъ густымъ цвѣтомъ. Вѣдь онъ—сродни норвежскимъ глетчерамъ. Быстрыя горныя рѣки, дѣти ледниковъ, несутъ въ его лоно свои изумрудно-зеленыя волны. На его прозрачной скатерти бѣгаютъ взадъ и впередъ бѣлые пароходы, — издали они кажутся игрушечными. На пристаняхъ большіе плоты бревенъ; лѣсопилки дымятъ высокими трубами, около нихъ груды свѣжихъ желтыхъ досокъ.

Вотъ наконецъ и городокъ Лиллехамеръ въ широкой круглой долинѣ, у сѣвернаго конца озера. Это—послѣдній городъ. Дальше на сотни и сотни километровъ потянутся къ сѣверу однѣ пустынныя горы, съ одинокими крестьянскими усадьбами: царство природы, гдѣ человѣкъ и его поселки—только случайные гости, гдѣ человѣческая культура—исключеніе, подобно оазису въ пустынѣ.

За Лиллехамеромъ начинается настоящая Норвегія, и кто ея не видѣлъ, тому останутся непонятны самыя главныя черты здѣшней жизни.

III.

Мы—въ горахъ.

Внизу узкой полосой вьется извилистая долина Гудбранда съ ея вѣтвями, которыя уходятъ во всѣ стороны межъ горами. Шумно бѣжитъ порожистая рѣка Логенъ, настоящая норвежская рѣка: великолѣпнаго зеленаго цвѣта, съ бѣлыми пѣнистыми гривами, быстрая, шумная, прозрачная, богатая рыбою. Она мчится съ сѣвера къ югу и бросается въ сѣверный конецъ озера Мьёсенъ близъ Лиллехамера.

Съ нашей высоты слышно, какъ шумитъ она на порогахъ, но еще слышнѣе другой шумъ со стороны Лиллехамера. Въ ясную лунную ночь, съ вершины горы, мы видѣли вдали на высотахъ нагорья сверкающее въ полумглѣ серебро рѣки Месны. Съ этого нагорья Месна должна броситься внизъ въ долину, чтобы добѣжать до озера Мьёсена. И рѣка устремляется внизъ, низвергается девять разъ могучими водопадами, изъ которыхъ одинъ имѣетъ названiе *Ада.* Въ дикомъ лѣсу, по гранитнымъ скаламъ, валится внизъ пѣнная масса воды. Ея грозный гулъ слышенъ на нѣсколько верстъ вокругъ. Ею приводится въ движенiе множество лѣсопилокъ и мельницъ; она освѣщаетъ электричествомъ городъ. Этотъ водопадъ—одинъ изъ лучшихъ, какiе намъ пришлось видѣть впослѣдствiи. Бѣшеное паденье воды, стремглавъ летящей внизъ, заставляетъ человѣка затаить дыханiе; и странно тянетъ его въ эту буйную бездну, которая точитъ и рветъ гранитъ, которая такъ же летѣла стремглавъ тысячу лѣтъ тому назадъ и будетъ такъ же мчаться черезъ другую тысячу лѣтъ, безцѣльно, но грозно, красиво...

Съ маковки нашей горы открытъ широкiй видъ на область Гудбранда.

На югѣ блистаетъ озеро Мьёсенъ, лежитъ какъ игрушечка Лиллехамеръ и зажигается по вечерамъ серебряными своими огнями. Со всѣхъ другихъ сторонъ—горы, горы безъ конца, точно стадо какихъ-то огромныхъ животныхъ, сбитыхъ въ тѣсную кучу, такъ что видны только однѣ шершавыя спины.

Отсюда можно убѣдиться, что въ Скандинавiи нѣтъ горныхъ хребтовъ, а только хаосъ и нагромежденiе высотъ, безпокойно-взбудораженная и мгновенно закоченѣвшая волна земли. Не даромъ одинъ ученый сравниваетъ горный пейзажъ Скандинавiи съ огромной морской волной, которая постепенно нарастаетъ къ западу и вдругъ обрушивается внизъ съ безмѣрной высоты.

Итакъ, вотъ передъ нами норвежская земля! Гдѣ же человѣкъ? Онъ ютится въ узкихъ долинахъ между этимъ хаосомъ горъ; онъ распахиваетъ ихъ склоны, насколько можно подняться, карабкается съ лошадью и плугомъ на крутизны, съ которыхъ, кажется, сейчасъ же слетишь внизъ. Вершины же горъ необитаемы. По ихъ крутымъ склонамъ, по первозданнымъ каменнымъ твердынямъ растетъ только лѣсъ, темный и строгiй сосновый лѣсъ.

Съ нашей высоты черезъ маковки другихъ горъ мы видимъ кое-гдѣ на склонахъ верхнiе „горды", видимъ широкую, отлогую сторону какой-то горы, всю распаханную до щетины лѣса, съ многочисленными усадьбами.

Далѣе на горизонтѣ уже однѣ только синія вершины, а за ними, какъ видѣніе или грёза, бѣлые ледяные зубцы Рòндапэ. Солнце садится, ледники сверкаютъ и горятъ какъ алмазы. Дальше на голубомъ небѣ лежитъ длинное снѣговое поле и мѣстами пламенѣетъ розовымъ огнемъ. Отчетливо видны на этомъ огромномъ разстояніи впадины, зубцы, гладкія пространства. Что̀ же это такое? Неужели ледники Іотунхейма? Да, это они за сотни верстъ выступаютъ въ хрустально-прозрачномъ воздухѣ, отчетливо и ясно, — вѣчное царство чистоты, молчанія, холода. Длинныя воздушныя облака, бѣлыя какъ эти ледники, тихо спускаются за алмазную зубчатую стѣну, и снова сіяетъ она, неподвижная, на голубомъ эѳирѣ.

Невыразимо легокъ и прозраченъ воздухъ на нашей горѣ; хочется смѣяться и пѣть, пока заря такъ пышно разгорается въ небесной глубинѣ.

Мои спутники снимаютъ шляпы, будто въ храмѣ, лица женщинъ принимаютъ вдругъ серьезное выраженіе, кое-кто откашливается, и всѣ запѣваютъ народный гимнъ Норвегіи, — стихи Бьёрнсона:

Ja, vi elsker dette Landet
som det stiger frem...

„Да, мы любимъ эту землю, которая поднимается надъ водою, обвѣтренная, морщинистая, съ тысячью своихъ жилищъ. Любимъ, любимъ ее и вспоминаемъ работу отцовъ и матерей, и мглу сказаній, которая опускаетъ грёзы, грёзы на нашу землю“...

Да, они всѣ любили свою прекрасную, скудную родину, и въ эти дни любили болѣе, чѣмъ когда-либо. Близокъ былъ рѣшительный день всенароднаго голосованія, когда на вопросъ шведскаго риксдага: *желаетъ ли норвежскій народъ расторженія уніи* — вся страна отъ Скагеррака до Ледовитаго океана готовила въ отвѣтъ свое: *да*.

IV.

Нельзя довольно налюбоваться долиной Гудбранда, которая внизу подъ горами.

Воды Логена—чистый аквамаринъ. Свѣжесть и тишина въ горахъ. На томъ берегу мы насчитали болѣе сорока „гордовъ“; они разсыпаны между полями, лѣсами; одни—пониже, надъ рѣкою,— другіе — высоко въ лѣсу, затерянные, одинокіе. Лѣтомъ не страшно одиночество, да его и нѣтъ, потому что вся природа

жива и говоритъ тысячью голосами; а каково-то здѣсь зимою? Все подъ снѣгомъ, все застыло въ мертвой тишинѣ,—и одинокая семья наверху въ горахъ прислушивается къ воплямъ бури съ стѣсненіемъ въ душѣ...

До того хороша долина Гудбранда, что даже ненастье не портитъ ее.

Облака, подобно темной занавѣси, спускаются надъ озеромъ, медлительно подвигаются къ намъ. Они зацѣпляютъ горы, разрываются, застилаютъ долину до самаго ложа рѣчки. Все въ смятеніи, все перепуталось—и земля, и небо. Фантастично и печально. Невольно вспоминаешь драмы Ибсена, великаго писателя норвежской земли. Онъ—сынъ ея; его сумрачныя фантазіи зародились въ этихъ горахъ, питались такими картинами, какъ эта. Въ такихъ горахъ долженъ былъ блуждать Пэръ Гюнтъ, должна была родиться Женщина съ моря, съ душою, открытой всему таинственному и тревожному.

Ночью надъ нами прогремѣла гроза, утромъ обрывки вчерашнихъ тучъ расползлись въ лохмотья. Бѣлые лоскутки ползли повсюду—по травѣ, по деревьямъ, по крышѣ нашего большого дома. Потомъ натянулось большое бѣлое, какъ вата, облако, и мы въ немъ просидѣли съ четверть часа, пока оно не ушло дальше, оставивъ въ кустахъ и въ вѣтвяхъ деревьевъ бѣлыя свои лохмотья.

Мы сидимъ на террасѣ и бесѣдуемъ.

Мнѣ, конечно, весьма интересно разузнать здѣшнія дѣла. Какъ живутъ эти крестьяне въ своихъ „гордахъ"? Что они читаютъ, чѣмъ интересуются?

— Въ деревняхъ повсюду читаютъ мѣстный листокъ. Здѣсь, напримѣръ,—ту газету, которая издается въ Лиллехамерѣ. А то есть еще „Örebladet", то-есть, листокъ въ грошъ цѣною, и довольно приличный. Онъ въ большомъ ходу.

— Что же касается степени ихъ развитія, то справедливость заставляетъ сказать, что наши крестьяне, особенно въ захолустьяхъ,—народъ тяжелый и неповоротливый. Если вы станете имъ разсказывать что-нибудь, хоть, напримѣръ, о Россіи, они выслушаютъ васъ, скажутъ: „Вотъ какъ!" —и больше не заинтересуются.

Невольная улыбка моя остановила моего собесѣдника.

— А вотъ представьте себѣ, мнѣ то же самое, слово въ слово, говорили шведы о шведскомъ народѣ, и при этомъ прибавляли со вздохомъ: „Въ Норвегіи не такъ; тамъ народъ живой, интересуется политикой, много говоритъ, споритъ, много читаетъ".

Мы засмѣялись.

— Намъ хочется видѣть его еще болѣе развитымъ,—сказалъ пріѣзжій изъ Христіаніи. — Но бѣдность наша мѣшаетъ всему. Да, вы и понятія не имѣете о томъ, какой мы бѣдный народъ. Я не говорю уже о томъ, какъ трудно сыну такого вотъ крестьянина, живущаго въ горахъ, развить свои таланты и дарованія, если онъ съ ними родился въ свѣтъ. Въ школѣ, правда, всѣ учатся, и школы хорошія, — спору нѣтъ. Но вотъ вы видѣли нашего маленькаго кучера Іенса? Ему четырнадцать лѣтъ, онъ „кончилъ свое образованіе“. Ходилъ въ школу семь лѣтъ. Вотъ и все. И дальше уже — никуда. Развѣ попадетъ въ земледѣльческую школу или въ крестьянскую „академію“. Нѣтъ, что ни говорите, у насъ все страшно трудно. И въ городахъ то же самое. Одинъ писатель съ большимъ талантомъ умиралъ, буквально, съ голоду.

— Кнутъ Гамсунъ.

— Онъ именно. Много талантовъ у насъ гибнетъ отъ бѣдности; даровитые люди не могутъ пробиться. Изъ иного вышелъ бы профессоръ, художникъ, поэтъ, — а онъ долженъ брать первое попавшееся мѣсто—и всю жизнь прозябаетъ какимъ-нибудь счетоводомъ или конторщикомъ.

— А университетъ?

— Университетъ у насъ даровой, но возьмите въ разсчетъ дороговизну жизни въ Христіаніи, и вы поймете, что большинство студентовъ у насъ—сыновья зажиточныхъ родителей.

— Не слишкомъ ли мрачно смотрите вы и на этотъ вопросъ? Когда читаешь о томъ, сколько у васъ школъ и разныхъ учебныхъ заведеній на вашъ маленькій двухмилліонный народъ, то, право, чувствуешь зависть.

Но мой собесѣдникъ не сдавался.

— Школъ-то много, а пробиться въ люди трудно.

Впослѣдствіи, во время моей поѣздки въ горы, мнѣ постоянно приходилось разговаривать съ крестьянами, и гораздо чаще попадались люди живые и развитые, нежели неповоротливые увальни.

V.

У насъ на террасѣ, на высокой тонкой мачтѣ, развѣвается довольно-таки линючій флагъ — „чистый“ норвежскій флагъ, безъ знака уніи. Онъ—малиноваго цвѣта, пересѣченъ синимъ крестомъ-молотомъ языческаго бога Тора, но этотъ языческій

молотъ окаймленъ бѣлымъ крестомъ христіанства, введеннымъ королемъ Олафомъ Святымъ. Такими глубокими корнями уходитъ въ прошлое этотъ символическій крестъ на малиновомъ знамени Норвегіи.

И такіе же малиновые флаги развѣваются повсюду на горахъ по ту сторону рѣки.

Сегодня воскресенье 31 іюля, день всенароднаго голосованія.

Послѣ богослуженія въ маленькой церкви, которая обслуживаетъ всю эту мѣстность на много верстъ вокругъ, мы слышимъ три глухихъ выстрѣла старой пушки, которая, вѣрно, сама удивляется безконечнымъ раскатамъ въ горахъ. Мы всѣ спѣшимъ на террасу, и оттуда собственными глазами и съ помощью биноклей слѣдимъ за тѣмъ, что будетъ происходить.

Какъ разъ противъ насъ, по ту сторону Логена, въ развѣтвленіи долины стоитъ коммунальный домъ округа. Надъ нимъ развѣвается малиновое знамя. Такіе же флаги алѣютъ почти надъ каждой усадьбой. Стоитъ только вглядѣться—вездѣ они есть.

И вотъ мы наблюдаемъ, какъ по дорогѣ изъ церкви ползутъ черныя точки: это люди идутъ пѣшкомъ, по одному или гурьбою, ѣдутъ на легкихъ каріоляхъ—и всѣ въ одномъ направленіи, къ коммунальному дому. Черезъ рѣку Логенъ отъ нашего берега то-и-дѣло отчаливаетъ перевозчикъ съ пассажирами, перевозитъ ихъ на песчаную отмель той стороны и съ пустой лодкой возвращается назадъ, чтобы снова посадить людей. Особенно оживленно на мосту, гдѣ сходится нѣсколько дорогъ; тутъ ѣдутъ и идутъ безпрерывно. Черный людской потокъ льется часа два, три подъ-рядъ. Стоитъ взглянуть въ другую сторону, повыше на горы, какъ сейчасъ же замѣтишь людей, идущихъ изъ лѣса, шагающихъ по большой полянѣ все къ тому же коммунальному дому.

— Взгляните, — говоритъ, смѣясь, мой пріятель. — Видите, тамъ изъ лѣсу вышли на поле трое людей? Съ ними черная большая собака. Должно быть, и она идетъ сказать свое: *да*!

Всѣ у насъ оживлены праздничнымъ оживленіемъ. Мужчины уже давно отослали свое *да* въ письмѣ въ тотъ городъ, гдѣ имъ нужно подать голосъ. Хозяйка необыкновенно любезна, домъ украшенъ гирляндами изъ еловыхъ вѣтокъ, березы и рябины (красныхъ цвѣтовъ неоткуда было достать!), на площадкѣ накрывается столъ, подаютъ кофе и горячія вафли, національное печенье въ Норвегіи.

У коммунальнаго дома толпа людей начинаетъ расходиться. Повозки, стоявшія тѣсными рядами, одна за другою выводятся,

отъѣзжающіе садятся, катятъ назадъ къ мосту. Очевидно, голосованіе кончено. Уже четыре часа.

У насъ на площадкѣ собирается молодежь; къ ней пристаютъ старики, дамы, даже служанки въ красивомъ гудбрандальскомъ костюмѣ—черной юбкѣ и красномъ корсетѣ съ бѣлыми рукавами.

Мой пріятель помахиваетъ тросточкой, всѣ обнажаютъ головы и поютъ:

Да, мы любимъ эту землю...

Кончивъ гимнъ Бьёрнсона, совѣщаются, и поютъ одну пѣснь за другою, стройно, съ одушевленіемъ.

Поютъ другіе стихи Бьёрнсона, тоже очень популярные въ Норвегіи:

Я буду защищать мою землю,
буду устраивать мою землю,
буду любить ее въ молитвахъ моихъ, въ дѣтяхъ моихъ,
буду умножать ея дары,
буду лечить ея раны...

Потомъ поютъ легенду о норвежскомъ героѣ, Олафѣ Трюгвасонѣ, на которую написалъ чудную музыку Герульфъ, самый вдохновенный и нѣжный изъ новыхъ композиторовъ Норвегіи.

Парусъ надъ Сѣвернымъ моремъ плыветъ,
въ утреннемъ свѣтѣ стоитъ у руля
Эрлингъ Шяльсонъ изъ Солэ,
моря предѣлъ озираетъ вокругъ:
„Гдѣ ты, Олафъ Трюгвасонъ?“

Пятьдесятъ-шесть загорѣлыхъ людей
парусъ спустили, съ тревогой глядятъ
въ сторону датской земли:
„Гдѣ же остался корабль его, Змѣй?
Гдѣ ты, Олафъ Трюгвасонъ?“

Солнце снова надъ моремъ встаетъ,
мачты подъ небомъ не видно нигдѣ,—
бурей звучатъ голоса:
„Гдѣ же остался корабль его, Змѣй?
Гдѣ ты, Олафъ Трюгвасонъ?“

Тихо, тихо стоятъ они всѣ,
слышатъ—несется съ дальней земли
стонъ надъ морскою волной:
„Взятъ ужъ давно корабль его, Змѣй,
палъ Олафъ Трюгвасонъ!“...

Долгіе годы прошли съ той поры.
Въ лунную ночь тихій вздохъ надъ водой
слышитъ норвежскій морякъ:
„Взятъ ужъ давно корабль его, Змѣй,
умеръ Олафъ Трюгвасонъ...“

Хорошій, ясный вечеръ, праздничное настроеніе долго еще одушевляютъ нашихъ пѣвцовъ.

Пропѣвъ всѣ пѣсни, какія только были имъ извѣстны, они наконецъ поютъ *шведскій* національный гимнъ:

Du gamla, du friska, du fjällhöga Nord...

—поютъ съ тѣмъ же увлеченіемъ, какъ и свои пѣсни, ничуть не смущаясь, что этимъ они закончатъ свой праздникъ отдѣленія и независимости.

Въ эти же дни шведскія газеты были переполнены злобными статьями; онѣ язвили, называли праздникъ голосованія ловкимъ насиліемъ политикановъ надъ совѣстью норвежскаго народа...

VI.

На другой день мы отправились смотрѣть земледѣльческую школу нашего округа, а оттуда поѣхали въ Лиллехамеръ.

Маленькій, чистенькій городокъ, въ которомъ съ десятокъ улицъ, дома—деревянные, двухэтажные. Все напоминаетъ нашу провинцію, за исключеніемъ чистоты, порядка и какого-то неуловимаго оттѣнка высокой культурности.

Всѣ еще взволнованы вчерашнимъ днемъ. По улицѣ ходятъ группы людей, толкуютъ о результатахъ голосованія. Съ необычайнымъ усердіемъ голоса за-ночь подсчитаны по всей Норвегіи и, кромѣ дальнихъ округовъ, приведены въ извѣстность.

На углу видимъ на стѣнѣ дома вывѣшенные листы съ цифрами. Передъ ними толпа, люди со всѣхъ сторонъ идутъ сюда же. Человѣкъ въ обыкновенномъ городскомъ платьѣ, только съ фуражкой, обшитой узкимъ золотымъ позументомъ (похоже на нашихъ швейцаровъ въ гостинницахъ), стоитъ тутъ же и дружески разговариваетъ съ горожанами.

Это—единственный полицейскій на весь Лиллехамеръ.

Мы тоже подходимъ и читаемъ, что нашъ округъ единогласно подалъ свое *да*. Въ городѣ Хамарѣ одинъ голосъ сказалъ: *нѣтъ*.

— Должно быть, шведъ,—говорятъ вокругъ.

— Въ Норвегіи болѣе сорока тысячъ шведовъ,—говоритъ

моя спутница, народная учительница изъ Христіаніи.—Шведы чувствуютъ себя у насъ отлично. Они пользуются болѣе широкими правами, чѣмъ у себя на родинѣ.

Впослѣдствіи оказалось, что шведы, изъ уваженія къ пріютившей ихъ странѣ, въ огромномъ большинствѣ воздержались отъ голосованія.

Въ тотъ день еще не былъ извѣстенъ окончательный выводъ всенароднаго опроса; черезъ недѣлю выяснилось, что только 184 голоса отвѣтили: *нѣтъ*.

Эта недѣля дала норвежскому народу радостное, счастливое сознаніе своего единства.

Женщины, которыя имѣютъ въ Норвегіи только коммунальныя права наравнѣ съ мужчинами, показали себя въ эти дни истинными гражданками.

Всѣ женскія общества, всѣ женскіе союзы, клубы, общины голосовали у себя вопросъ о расторженіи уніи и единогласно отвѣтили: *да*.

Онѣ обратились съ такимъ воззваніемъ къ правительству: „Къ норвежскому стортингу и правительству!“

„Норвежскій народъ—мужчины—должны подать теперь свой голосъ, согласны ли они съ совершившимся расторженіемъ уніи. Мы не сомнѣваемся въ исходѣ. Мы знаемъ, что единодушное *да* раздается съ одного края страны до другого.

„Норвежскія женщины обладаютъ пока только коммунальными правами, и потому не могутъ положить свои голоса на чашу вѣсовъ. Еслибъ онѣ имѣли на то право, онѣ засвидѣтельствовали бы, что *весь* норвежскій народъ стоитъ за одно.

„Наши союзы включаютъ въ себѣ многія тысячи норвежскихъ женщинъ. Потому мы можемъ знать настроеніе женщинъ по всей Норвегіи. Мы знаемъ, что къ радости по поводу предстоящаго рѣшенія у нихъ примѣшивается скорбь о томъ, что онѣ по закону не могутъ принять участіе своимъ единогласнымъ *да*.

„Хорошо сознавая серьезную отвѣтственность, мы объявляемъ, что за голосующимъ народомъ стоятъ женщины, поддерживая норвежскую семью въ томъ рѣшеніи, которое будетъ принято.

„Христіанія, 13-го августа 1905“.

Это заявленіе подписано 565-ю союзами.

Газеты въ это время были переполнены разсказами о томъ, какъ прошелъ день голосованія въ разныхъ мѣстахъ.

Повсюду города были украшены флагами, повсюду послѣ торжественнаго богослуженія люди стремились къ урнамъ, по-

всюду передъ избирательными зданіями стояла празднично-разодѣтая толпа и ждала подсчета голосовъ и вывѣшенныхъ списковъ. Каждое единогласное *да* покрывалось криками ура! Вечеромъ всюду зажгли иллюминацію, люди ходили по улицамъ, жалко было расходиться по домамъ.

Множество случаевъ доказали, какъ принялъ къ сердцу народъ подачу голосовъ. Къ слову сказать, потомъ оказалось, что почти втрое большее число людей воспользовалось своимъ правомъ голоса по сравненію съ послѣдними выборами въ стортингъ.

Въ Христіаніи явился въ школу, гдѣ шло голосованіе, живущій въ настоящее время въ долинѣ Серкэ. Онъ прошелъ сорокъ верстъ пѣшкомъ въ Христіанію, чтобы голосовать тамъ, гдѣ онъ жилъ въ 1903 году (время послѣднихъ выборовъ).

— Я пользовался моимъ правомъ голосовать каждый разъ, съ тѣхъ поръ, какъ я имъ владѣю,—сказалъ онъ съ гордостью.— Тѣмъ болѣе хотѣлось мнѣ воспользоваться имъ теперь.

Другой проѣхалъ на велосипедѣ 170 верстъ, чтобы поспѣть къ голосованію.

Многіе были въ смущеніи относительно вопроса, гдѣ они должны подавать голосъ: непремѣнно ли тамъ, гдѣ жили въ 1903. Одинъ человѣкъ былъ въ сомнѣніи, гдѣ ему голосовать,— въ Христіаніи или въ мѣстечкѣ Аскеръ. Для него снеслись по телефону съ Аскеромъ, и оказалось, что онъ записанъ гласнымъ въ тамошнемъ выборномъ комитетѣ. Тогда этотъ человѣкъ со всѣхъ ногъ побѣжалъ на станцію желѣзной дороги и съ первымъ поѣздомъ поспѣшилъ въ Аскеръ.

Старики, которые прежде совсѣмъ не пользовались своимъ правомъ голоса, всюду были видны среди толпы, которая стремилась къ урнамъ.

Девяностолѣтній старецъ, много лѣтъ не выходившій изъ комнаты, поѣхалъ на выборы самъ, ни за что не соглашался послать свой голосъ по почтѣ.

Въ Осло голосовали двое, изъ которыхъ одинъ родился въ 1819 году, а другой въ 1820-мъ.

Повсюду пароходы, разукрашенные флагами, и моторы даромъ возили гласныхъ въ города; ямщики даромъ поставляли экипажи и лошадей, въ Христіаніи дрожки со значкомъ норвежскихъ цвѣтовъ тоже даромъ развозили старыхъ и слабыхъ.

Въ большинствѣ случаевъ голосовали послѣ обѣдни въ школьныхъ и коммунальныхъ домахъ. У дверей становились два человѣка: одинъ съ билетиками, гдѣ было напечатано: *да*, другой—

съ такими, гдѣ стояло: *нѣтъ*. Во многихъ мѣстахъ нельзя было за деньги найти человѣка, который согласился бы стоять у дверей выборнаго собранія съ билетиками *нѣтъ*.

Даже прибрежные жители, островитяне, отдѣленные бурнымъ моремъ отъ континента, выѣхавшіе далеко въ море на ловлю, всѣ эти суровые, совсѣмъ мало занимающіеся политикою моряки и рыбаки прислали очень большое количество голосовъ.

Интересъ къ голосованію былъ такъ великъ, что газеты разбирались нарасхватъ. Одна изъ нихъ напечатала въ это воскресенье вечернее изданіе на 30.700 экземпляровъ болѣе, чѣмъ въ обыкновенные дни. При двухъ-милліонномъ народѣ и при множествѣ другихъ вечернихъ газетъ это—цифра огромная.

Были единичные голоса и противъ расторженія уніи.

Одинъ пасторъ-проповѣдникъ въ Христіаніи съ высоты своей церковной каѳедры громилъ правительство и доказывалъ текстами, что Христосъ—противъ расторженія шведско-норвежской уніи. Объ этомъ же пасторъ писалъ и въ своихъ книгахъ. Легко представить себѣ, съ какимъ чувствомъ слушали его прихожане, у которыхъ *да* было уже давнымъ-давно рѣшено. Вступилась власть. Пасторъ былъ лишенъ на мѣсяцъ права проповѣди, но писать онъ могъ все, что ему было угодно.

VII.

Впрочемъ, наша поѣздка въ Лиллехамеръ не имѣла отношенія къ голосованію.

Какъ сказано выше, мы поѣхали осматривать земледѣльческую школу нашего округа, и благодаря любезности одного изъ учителей,—котораго мы сначала приняли за простого рабочаго,—познакомились со всѣмъ обиходомъ школы и съ ея программами, одинаково обстоятельными по научной части и по практической.

Человѣкъ двадцать молодыхъ крестьянъ только-что вернулись съ полевыхъ работъ и съ удовольствіемъ показывали намъ свои классы, свои скудныя и чистыя каморки въ верхнемъ этажѣ. Все здѣсь дышало трудомъ и суровой простотой,—и люди съ мозолистыми руками и обвѣтренными лицами, и голыя стѣны съ необходимѣйшими пособіями въ большихъ шкапахъ деревенской работы.

Пробывъ нѣсколько часовъ въ школѣ, мы отправились дальше въ городокъ. Намъ хотѣлось увидѣть знаменитый музей норвежской старины на открытомъ воздухѣ.

Моя спутница давно уже, съ гордостью истой патріотки, разсказала мнѣ исторію этого музея.

Зубной врачъ Сандвигъ, житель Лиллехамера, совершенно самостоятельно задумалъ и создалъ его.

У него были нѣкоторыя средства, и онъ рѣшилъ употребить ихъ на оригинальное предпріятіе, имѣющее теперь огромную художественную цѣнность. Онъ ѣздилъ по захолустьямъ, скупалъ старинные шкапы и кровати съ рѣзьбою и живописью, собиралъ старинную утварь и посуду, тканые ковры съ изображеніемъ богатырей и сценъ изъ былинъ, кольца и запястья, серебряные свадебные вѣнцы, старинныя одежды и вышивки.

Мало того,—онъ задумалъ перенести цѣликомъ старинные дома, церкви и амбары въ родной Лиллехамеръ.

Онъ покупалъ избу, которая стояла гдѣ-нибудь въ глухомъ горномъ захолустьи нѣсколько сотъ лѣтъ, стояла забытая и заколоченная со всею утварью давнихъ временъ. Подъ его строгимъ, терпѣливымъ руководствомъ рабочіе разбирали потемнѣвшія отъ времени бревна, принявшія цвѣтъ сосновой шишки, разбирали весь срубъ и каждое бревно помѣчали цифрою. Бережно перевозился и переносился по частямъ разобранный домъ горными тропами до первой большой дороги и отправлялся дальше въ Лиллехамеръ.

Въ Лиллехамерѣ, за городомъ, на лѣсистой и холмистой площадкѣ было предназначено мѣсто для дома. Онъ снова складывался здѣсь, его крыша покрывалась зеленымъ дерномъ, вокругъ него шумѣли березы и сосны совершенно какъ на старомъ мѣстѣ, а внутри все разставлялось такъ, какъ было разставлено въ старину.

Такъ перевозился въ Лиллехамеръ одинъ старинный домъ за другимъ, образовался какъ бы поселокъ—только безъ людей,—состоящій изъ жилыхъ домовъ, амбаровъ, клѣтушекъ, погребовъ и даже одной церкви, долгое время служившей хлѣбнымъ складомъ.

Посрединѣ этого поселка—прудъ, гдѣ полощутся утки и журавли и гдѣ отражаются темнокоричневыя, оригинальныя строенія.

Если вы обойдете ихъ и внимательно разсмотрите ихъ устройство и убранство, передъ вами пройдутъ различныя степени культуры съ древнѣйшихъ временъ.

Вотъ около церкви, у подножія холма, древняя избушка, Орестюэ. Въ такихъ хижинахъ жили норманы въ тѣ времена, когда у нихъ шла усобица между племенами, когда человѣкъ человѣку былъ врагъ въ дремучихъ лѣсахъ и горныхъ трущобахъ.

Изба эта не имѣетъ оконъ. Посрединѣ сложенъ изъ каменныхъ глыбъ очагъ; дымъ проходилъ черезъ дыру въ потолкѣ, и эта же дыра пропускала свѣтъ. Въ стѣнахъ вырѣзаны четырехугольныя отверстія, которыя затыкались затычкою изъ дерева. Выглянетъ человѣкъ, окинетъ боязливымъ взглядомъ окрестность, и поскорѣе опять заткнетъ дозорное окошечко. Подъ скамьями въ стѣнахъ понадѣланы щели для стрѣльбы. Все убранство хижины состоитъ изъ лавокъ и длиннаго стола. Скамьи съ ножками изъ цѣльнаго ствола дерева съ вѣтвями: ножки обдѣланы изъ вѣтвей. На столѣ—деревянные чашки, блюда, ковши. На бревенчатыхъ стѣнахъ висятъ сѣкиры, топоры, ножи, копья, лукъ со стрѣлами. Поодаль развѣшана хозяйственная утварь: красной мѣди котелъ, желѣзная сковорода; тутъ же на скамьѣ деревянный жбанъ для пива. Большой тканый узорчатый коверъ виситъ на другой стѣнѣ.

Я смотрю на эту низкую, темную хижину, и чудится мнѣ осенній вечеръ, холодъ, вѣтеръ въ горахъ,—огонь пылаетъ на очагѣ, озаряетъ краснымъ свѣтомъ рослыхъ людей въ грубыхъ одеждахъ и женщинъ, поднимающихъ сильными руками котелъ съ кипящимъ варевомъ. Дики ихъ взгляды и дики разговоры о борьбѣ со звѣремъ въ лѣсной трущобѣ, о мести и крови, о войнѣ, засадахъ, опасностяхъ. Хозяинъ зоркимъ взглядомъ осмотрѣлъ мѣстность черезъ отверстіе въ стѣнѣ; собираются ужинать, ѣсть съ жадностью и пить, въ смутной радости, что они цѣлы, живы еще, не убиты. Потомъ хозяйка закроетъ дыру надъ очагомъ рамой, на которую натянутъ пузырь,—и всѣ заснутъ съ чуткостью людей, готовыхъ ежеминутно вскочить и обороняться съ сѣкирой и мечомъ противъ внезапнаго врага.

И даже на такой низкой степени развитія человѣкъ уже имѣетъ потребность красоты! Дыра въ крышѣ представляетъ деревянную обшивку съ великолѣпнымъ рѣзнымъ орнаментомъ, тканый коверъ изященъ по краскамъ и по рисунку, деревянная и мѣдная утварь имѣетъ художественную форму.

Другія строенія составляютъ слѣдующія ступени человѣческой культуры въ Норвегіи.

Вотъ изба съ *окномъ*, хотя очень маленькимъ, съ слюдяною рамой, оправленной въ олово. Сбоку грубый очагъ безъ трубы, съ отверстіемъ на потолкѣ. Рѣзьба украшаетъ притолку у дверей, полки, ножки стола, деревянные изящной формы ковши и миски.

А потомъ мы переходимъ въ третій домъ, являющій собою третью степень культуры.

Большое длинное окно съ рамою изъ оловяннаго переплета

съ маленькими стеклышками; дверь, окованная желѣзными скрѣпами; длинный столъ для веселаго пира богатырей; тканые великолѣпные ковры по стѣнамъ вмѣсто картинъ; дивной работы шкапчикъ и утварь; скамья, покрытая ковромъ, и надъ нею, вдоль спинки, продолговатое окно или прорѣзъ въ стѣнѣ въ другую комнату,—спальню,—и рядомъ низкая дверь въ эту спальню, — дверь съ высокимъ порогомъ, черезъ который шагали многія поколѣнія и вытоптали въ немъ выемку.

Что̀ составляетъ главную прелесть этого дома и его особенную красоту — это глубоко-художественная гармонія всѣхъ его частей. Здѣсь нѣтъ дерева, раскрашеннаго „подъ мраморъ", и металла, размалеваннаго „подъ дерево". Матеріалъ разработанъ въ его собственномъ видѣ. Дерево покрыто рѣзьбою, утварь имѣетъ простыя и гармоничныя формы, мѣдь блеститъ богатыми красными оттѣнками, желѣзо строго темнѣетъ синимъ отливомъ; ковры изящны, ярки, декоративны. И всюду господство одного матеріала, дерева, и любовь къ нему, умѣнье оцѣнить его качества и показать ихъ въ художественной обработкѣ. Потому дерево и деревянныя издѣлія производятъ здѣсь то же впечатлѣніе, какъ мраморъ въ Италіи.

Это древнее норвежское искусство удивительно близко нашему, оно сродни ему,—это чувствуется въ каждомъ орнаментѣ. Кто у кого заимствовалъ, кто у кого учился такъ художественно понимать матеріалъ, данный природою, кто кого вдохновлялъ въ тѣ далекія времена, когда скандинавскіе князья ѣздили въ богатую „Гардарику", въ Кіевъ,—въ метель и вьюгу мчались къ радушному Ярославу, спасаясь отъ враговъ?

Затѣмъ мы и выходимъ на темное крылечко съ точеными столбиками. Справа — чуланъ съ красивымъ кованымъ замкомъ на двери, а рядомъ—узкая и почти отвѣсная лѣстница наверхъ, въ дѣвичій теремъ.

На площадкѣ лѣстницы и въ узкой длинной горницѣ маленькія окна въ оловянномъ переплетѣ. Тутъ когда-то стояли русыя, статныя дѣвушки, облокотясь на подоконникъ, смотрѣли вдаль, въ горы, на дорогу, мечтали о своемъ счастьи, гадали.

Въ длинныхъ сундукахъ копилось ихъ приданое — холсты, ковры, платье. Въ высокомъ шкапу за стекломъ сіяютъ тяжелые серебряные вѣнцы, которые были для нихъ предметомъ завѣтныхъ думъ. Много вышитыхъ, рѣдкихъ нарядовъ, кружевъ, колецъ и запястій собрано здѣсь,—всего и не пересмотришь.

Мы идемъ дальше, въ другія зданія, и заходимъ въ уютную церковку на холмѣ, потомъ осматриваемъ домъ шкипера XVII-го

вѣка и домъ деревенскаго священника той же эпохи; заходимъ въ амбаръ—стабуръ,—настоящую „избушку на курьихъ ножкахъ", ходимъ столько, что уже и голова начинаетъ кружиться, а все жаль уйти изъ этого очаровательнаго уголка.

VIII.

Сумерничали мы на площадкѣ передъ нашимъ домомъ, и смотрѣли, какъ напротивъ въ темныхъ горахъ зажигались огни въ усадьбахъ.

Надъ Мьёсеномъ ночь, только справа за горами свѣтъ еще не погасъ.

Мы разговорились о Норвегіи и ея порядкахъ.

— Мнѣ не нравятся ваши студенты, ихъ благоразуміе, вялость, ограниченность ихъ интересовъ. — Я ихъ критикую и разсказываю, что такое у насъ студентъ.

— А у насъ въ Норвегіи сорокъ-пять тысячъ лишнихъ женщинъ, — говоритъ одинъ изъ сидящихъ на скамейкѣ, — богачъ, имѣющій корабельную верфь. Онъ нравится мнѣ своимъ юморомъ и недюжиннымъ умомъ.—Да, сорокъ-пять тысячъ! Потому молодые люди должны быть осторожны. У насъ матери учатъ сыновей, чтобъ они опасались молодыхъ дѣвицъ. Долго ли поймать!

Но другой мой собесѣдникъ переводитъ разговоръ на другое.

— Наши студенты все-таки патріоты,—вступается онъ за нихъ.

— У васъ они патріоты, а у насъ народолюбцы.

— Позвольте! И у насъ есть такіе „народолюбцы", какъ вы говорите. Въ Христіаніи есть кружокъ свободомыслящихъ студентовъ, Den frisindede studenterforening, который издаетъ книжки для народа.

— Но скажите, это — большинство или меньшинство? Въ этомъ вся суть.

— Что говорить!—перебилъ „консулъ".—Большинство вотъ какое: или бережливы, разсчетливы, осторожны, сидятъ за книгами, чтобы получше сдать экзаменъ; или же любятъ удовольствія, веселье, компанію и пропадаютъ въ пивныхъ и ресторанахъ.

— Экзамены сдаются на права?

— Да. Такъ называемый служебный экзаменъ. Чтобы быть къ нему допущеннымъ, нужно сначала сдать экзаменъ философ-

скій. Тутъ главный предметъ — философія, а кромѣ нея пять другихъ предметовъ по выбору кандидата. Къ этому готовятся два или три полугодія. Потомъ уже, сдавъ его, готовятся къ служебному экзамену, который даетъ права на должности.

— Сколько же времени готовятся къ нему?

— Смотря по факультетамъ. Богословіе сдаютъ послѣ девяти полугодій, юристамъ полагается восемь семестровъ, врачамъ—14, филологамъ 10 и естественникамъ тоже 10.

— Ну, ужъ и учатся у васъ!..

— Да, знаете, я на такую канитель не былъ способенъ,— говоритъ „консулъ" съ откровеннымъ смѣхомъ.—Я люблю больше живое дѣло и учился въ кораблестроительной школѣ. Развѣ можно сравнить хорошо выстроенный, новенькій, быстроходный и легкій пароходъ съ увѣсистыми томами богословія или латинскихъ классиковъ?

— У насъ въ Норвегіи очень хорошія техническія школы,— прибавляетъ другой господинъ, тоже имѣющій какія-то дѣла на верфи въ одномъ изъ южныхъ приморскихъ городовъ.

Моя пріятельница, народная учительница изъ Христіаніи, не можетъ пропустить случая, чтобы не поговорить о томъ дѣлѣ, которому она служитъ.

— Когда вы вернетесь въ Христіанію, вы должны непремѣнно посмотрѣть нашу школу, Фосскую школу. Вѣдь у насъ три тысячи дѣтей, пяти-этажный огромный домъ. Учатся въ двѣ смѣны, потому что заразъ для всѣхъ не хватаетъ мѣста. Первая партія дѣтей приходитъ въ восемь часовъ утра и остается до часу; въ часъ является вторая партія и занимается до четырехъ.

— Неужели несчастные учителя работаютъ съ восьми до четырехъ?

— Нѣтъ, конечно. И для учителей есть смѣна. Я, напримѣръ, въ нынѣшнемъ году буду заниматься въ первую очередь съ восьми до часу, а въ будущемъ перейду на вторую смѣну. Непремѣнно пріѣзжайте въ Фосскую школу. Я вамъ покажу все, попрошу нашего ректора показать, что только для васъ интересно. У насъ великолѣпная гимнастическая зала. Вы увидите въ ней знамя нашей школы, бѣлое шолковое съ богатымъ шитьемъ.

— Для чего это знамя?

— Семнадцатаго мая, въ праздникъ нашей конституціи, всѣ дѣти изъ народныхъ школъ Христіаніи проходятъ со своими знаменами и съ музыкой по главнымъ улицамъ. Это замѣча-

тельное зрѣлище. Народъ толпится, изъ оконъ и съ балконовъ смотрятъ на наше шествіе,—всѣ любуются, какъ отчетливо маршируютъ ребятишки,—молодая Норвегія.

Другія учительницы подсаживаются къ намъ и начинаютъ разсказывать про свои школы. Одна изъ нихъ учительствуетъ въ городкѣ Stenkjaer, сѣвернѣе Троньема, гдѣ зимою почти всѣ школьные часы проходятъ при ламповомъ освѣщеніи. Другая учитъ въ школѣ для слѣпыхъ. Она показывала мнѣ наканунѣ большую и очень толстую книгу съ наколами, по выпуклостямъ которыхъ слѣпые читаютъ пальцами. Этотъ томъ былъ евангеліе отъ Іоанна.

Обѣ учительницы, да и вообще большинство женщинъ, жившихъ на этой горѣ, были необыкновенно богомольны. Онѣ охотно читали сообща духовныя книги, проповѣди и многое другое въ этомъ родѣ, постоянно посѣщали по утрамъ молитвенныя собранія, слушали проповѣди пастора (а за неимѣніемъ пастора—толстенькаго купца) и пѣли свои гимны. Пріѣздъ пастора былъ для нихъ событіемъ.

Къ намъ подошла и сѣла въ темнотѣ на скамейку толстая старушка и тотчасъ же свела разговоръ со школьнаго дѣла на благочестивыя дѣла. Она съ величайшимъ жаромъ доказывала, что главное дѣло христіанъ—миссіонерство, что мы *должны* заботиться о душахъ язычниковъ. Почему-то ея сердцу были особенно дороги язычники Мадагаскара. Она сама работала для Мадагаскара и призывала всѣхъ насъ помочь обращенію на путь истинный грѣшнаго Мадагаскара, и сыпала текстами.

Весьма интересно было слушать эти разговоры. Въ норвежскихъ газетахъ—лучшихъ—постоянно мнѣ приходилось видѣть и читать проповѣди; въ маленькомъ сборникѣ „Seip's Visebog“ (пѣсенъ для семьи) изъ 332 нумеровъ больше половины, къ моему изумленію, оказались духовными стихами... Разъ на вышкѣ горы, за отсутствіемъ пастора, одна учительница энергично собрала всѣхъ (и прислугу), сказала проповѣдь и выбрала гимны для пѣнія. И всѣ были очень довольны.

Не характерно ли для настроенія норвежскаго народа и норвежской семьи то обстоятельство, что изъ 565 женскихъ обществъ около 270—религіозныя? Большинство изъ нихъ носитъ названіе миссій, mission. Тутъ всякія: миссіи для просвѣщенія язычниковъ и миссіи для просвѣщенія заблудшихъ овецъ своего стада. Есть миссія для Мадагаскара (со множествомъ отдѣленій), для зулусовъ, для Китая, для Наталя, для Индіи, для лапландцевъ, для евреевъ. „Внутреннія миссіи“ спасаютъ матросовъ

(т.-е. ихъ нравственность), заблудшихъ женщинъ, прислугу, испорченныхъ дѣтей. Къ этому нужно еще прибавить общества трезвости и нравственности подъ разными названіями: *Бѣлая Лента, Синяя Лента,* общество *Добрыхъ Храмовниковъ* съ ложами различныхъ наименованій. Въ такихъ обществахъ члены—обоего пола. Мужчины точно также имѣютъ, кромѣ того, свои религіозные кружки.

За вычетомъ всего этого, въ Норвегіи оказывается очень немного политическихъ и общественныхъ союзовъ.

Когда толстая старушка окончила свою рѣчь и въ достаточной мѣрѣ пристыдила равнодушныхъ, зашелъ разговоръ о *санитарномъ обществѣ,* созданномъ въ Христіаніи десятью энергичными лицами. Этотъ разсказъ какъ нельзя лучше характеризовалъ предпріимчивость скандинавской расы, ея талантъ организоваться, добиться намѣченной цѣли.

Десять человѣкъ—безъ гроша — начинаютъ дѣло, обходятъ квартиры, собираютъ средства, учреждаютъ общество. Это общество по выгоднымъ цѣнамъ наготавливаетъ все нужное для санитарной помощи, и въ нѣсколько лѣтъ дѣло принимаетъ характеръ государственной важности. За отсутствіемъ войны, посылаютъ помощь погорѣльцамъ, а кромѣ того открываютъ въ Христіаніи колонію для бѣдныхъ, больныхъ чахоткою.

IX.

Отъ этихъ проповѣдей и разговоровъ, отъ „буржуазныхъ“ студентовъ и „богомольныхъ“ женъ меня опять потянуло въ горы, къ природѣ.

Съ маковки нашей горы меня манили широкіе горизонты, дразнили молчаніемъ своимъ и величіемъ снѣжныя очертанія ледниковъ.

Спустишься оттуда внизъ, къ людямъ,—и хочется „разбить свои скрижали“, уйти опять подальше, какъ можно дальше.

И вотъ настало то счастливое, хотя и хмурое утро, когда нашъ 14-ти-лѣтній Іенсъ, „окончившій свое образованіе“, подалъ лошадь, и маленькая его коляска повезла меня внизъ, въ долину, гдѣ рядомъ съ зеленымъ Логеномъ извивался желѣзный путь. У маленькой деревянной станціи, прекраснаго стиля, съ рѣзными украшеніями, на одну минуту остановился рѣзвый поѣздъ, забралъ меня и еще двухъ-трехъ пассажировъ и помчался дальше на сѣверъ по долинѣ Гудбранда.

Съ этимъ поѣздомъ нужно было достигнуть Отты, конечнаго пункта дороги въ горахъ, а оттуда предстояло ѣхать на лошадяхъ.

Мы мчались въ узкой, стиснутой горами долинѣ, если можно назвать такъ полосу земли, по которой протекаетъ рѣчка и остается только еще нѣкоторое пространство для береговой дороги. Дикія скалистыя горы загромождали теченье рѣчки; Логенъ извивался между ними какъ зеленая змѣя. Изъ окна вагона видно было, какъ за нами смыкались за поворотомъ горы, и передъ нами точно также стояла гранитная лѣсистая стѣна, которую мы или огибали, или пронизывали туннелемъ.

Шумно прыгалъ Логенъ бѣлыми гривами по каменнымъ глыбамъ своего русла, гремѣлъ безчисленными водопадами, и всѣ эти водопады бѣжали намъ навстрѣчу, то-есть на югъ, въ Скагерракъ.

По временамъ узкое ущелье расширялось въ долину, то пошире, то поуже. Гдѣ было больше простора, тамъ все было воздѣлано до лѣсистаго пояса горъ. Въ этотъ день—15-го августа — здѣсь жали. Можно было видѣть семьи, которыя работали на своемъ участкѣ, — мужчины, женщины и даже дѣти. Рожь была жидкая и тонкая. Жали ее серпами. Между зеленью луговъ и лѣсовъ желтыя четырехъ-угольныя нивы казались платками, брошенными на землю. Вверху въ горахъ, которыя становились все выше, выше и сумрачнѣе, виднѣлись избушки сэтеровъ. На станціяхъ цифры показывали высоту желѣзнодорожнаго пути: 300 метровъ, и съ каждой станціей цифра росла...

Дикая мѣстность лежала кругомъ. Горы были отвѣсны и темнаго камня, съ причудливыми очертаніями — какъ будто самая маковка слѣзла у нихъ къ югу, и онѣ ее нахлобучили себѣ на глаза, какъ шапку. Внизу, тамъ гдѣ кончались щетинистые сосновые лѣса, были разсыпаны „горды“. Строенія всѣ почти были темнокоричневыя, и въ усадьбѣ число ихъ было отъ пяти до десяти. Кое-гдѣ стояли бѣлыя церкви съ острыми шпилями.

Въ узкихъ мѣстахъ Логенъ прыгалъ и пѣнился какъ будто съ отчаяніемъ, а гдѣ долина расширялась, текъ спокойно, широкой лентой.

Желѣзнодорожный путь былъ пробитъ въ скалахъ и постоянно мѣнялъ берега. Скалы казались несокрушимой крѣпости; онѣ были срѣзаны грубо, торчали острыми клиньями, точно зубами. Чахлыя сосны цѣплялись за нихъ и скудно покрывали своею зеленью камень. Только дальніе лѣса казались бархатно-густыми.

Мы внезапно летимъ въ туннель, изъ туннеля прямо на мостъ

черезъ Логенъ. Новая — широкая — долина, новые виды, горы все выше и выше.

Глазу, уже привыкшему къ горнымъ тѣснинамъ, долина Рингебю кажется просторной. Въ самомъ дѣлѣ, она похожа на огромное корыто и напоминаетъ широкій амфитеатръ горъ у Лиллехамера. Вся она представляетъ точно шахматное поле своими безчисленными квадратами желтаго и зеленаго цвѣта. Во множествѣ разсыпаны „горды"; человѣкъ точно обрадовался тутъ простору и поспѣшилъ занять драгоцѣнную землю. Дома зажиточны, и крестьяне этихъ мѣстъ извѣстны своимъ гордымъ нравомъ. По норвежской мѣркѣ, и земледѣліе, и скотоводство въ Рингебю — значительны. Множество сэтеровъ въ горахъ; тамъ лѣтомъ пасется скотъ и ведется молочное хозяйство. Эти горные склоны, которыми окаймлено корыто долины, — не что иное, какъ обрывы нагорій, имѣющихъ высоту болѣе 1.000 метровъ и тянущихся на многіе десятки и сотни верстъ.

Но даже въ Рингебю, въ этомъ культурномъ оазисѣ, человѣку нужно было много потрудиться, чтобы привести землю въ ея настоящій видъ. Огромныя кучи камней у каждой усадьбы; высокія ограды изъ валуновъ безмолвно говорятъ о томъ, что такое была долина Рингебю въ прежнія времена.

Рингебю — самая плодородная мѣстность изъ всей долины Гудбранда. Дальше горы опять смыкаются, и полоса скатовъ, гдѣ можно пахать и жать, опять дѣлается круче и уже. Только-что успѣло солнце поиграть лучами на прелестной веселой картинѣ, какъ она скрылась изъ глазъ, и опять гранитъ, гнейсъ, темный и блестящій шиферъ, и на этихъ каменныхъ породахъ сосны, сосны безъ конца, и только кое-гдѣ все болѣе и болѣе одинокіе „горды".

Промелькнули на одной изъ станцій осанистые крестьяне въ красныхъ фригійскихъ колпакахъ; въ нашъ вагонъ входятъ рыболовы съ припасами и снарядами (Логенъ и впадающія въ него рѣчки богаты форелью); за ними вслѣдъ — крестьянскія дѣвушки въ черныхъ юбкахъ съ красными нашивками, въ красныхъ корсетахъ и бѣлыхъ рукавахъ. Разговоръ трудно понять, — они говорятъ на народномъ нарѣчіи; я любуюсь ихъ спокойными, умными лицами, ихъ красивыми типами, ихъ статными фигурами. Они выходятъ на слѣдующей маленькой станціи, гдѣ изъ боковой долины въ Логенъ бросается горный потокъ, должно быть очень рыбный.

А мы летимъ дальше.

Все бѣднѣе растительность, все глуше мѣста. Крестьянскіе

дома всѣ покрыты дерновыми кровлями. Они напоминаютъ избушки въ музеѣ Лиллехамера. Трубы высокія, шершавыя, искривленныя бурями. Онѣ сложены изъ черныхъ шиферныхъ плитокъ, и края этихъ плитокъ торчатъ неровными зубцами. Только дома побогаче крыты шиферомъ.

Красиво лежатъ въ горахъ полустанки: Винстра, Квамъ, Шуа... Изъ узкихъ долинъ справа и слѣва бѣгутъ въ Логенъ ручьи и потоки. Наконецъ, появляется высокая гора Формокампенъ и у ея подножія съ десятокъ строеній—Отта.

Дальше уже нѣтъ паровозовъ и вагоновъ: тамъ—царство дикихъ горъ и хмурыхъ надгорій.

X.

Наслушавшись разсказовъ о нестерпимомъ холодѣ въ горахъ въ августѣ мѣсяцѣ, я ни за что не хочу ѣхать на лошадяхъ безъ шубы. Хозяинъ гостинницы смѣется моему шведско-норвежскому языку, и безъ дальнихъ разговоровъ выноситъ мнѣ великолѣпную медвѣжью шубу, въ которой не страшно было бы ѣхать и на Шпицбергенъ.

Ни денежнаго залога за нее, ни платы брать не хотятъ.

Я вспоминаю разсказъ знакомаго норвежца, который видѣлъ у самой дороги на камнѣ, гдѣ-то въ горахъ, записочку и изрядную сумму денегъ бумажками и серебромъ. На запискѣ былъ адресъ, кому положены деньги, и „конечно“, прибавилъ разсказчикъ, „никто ихъ не укралъ,—ихъ взялъ тотъ, кому онѣ были адресованы“.

Такъ кладутъ при дорогѣ письма, газеты, посылки...

Какъ хорошо въ этой прелестной Оттѣ въ уютной ложбинѣ между горъ—такъ бы и остался здѣсь!..

Но коляска уже подана, пара сытыхъ лошадокъ Ромсдаля уже бьетъ копытами. Меня провожаютъ хозяинъ гостинницы и хозяинъ экипажной станціи, дружески, точно мы десять лѣтъ знакомы,—моему кучеру даются самыя точныя указанія на трехдневный путь,—улыбки, поклоны,—и мы ѣдемъ черезъ шумный Логенъ на ту сторону. Не проходитъ и пяти минутъ, какъ все—желѣзная дорога, станція, Отта и всѣ горы вокругъ нея—пропадаютъ за поворотомъ дороги, уходящей въ горы на сѣверо-западъ.

День клонится къ вечеру, нашъ путь не далекъ: мы заночуемъ на постояломъ дворѣ Брендхугенъ, куда должны пріѣхать въ десятомъ часу.

Послѣ грохота вагона какое наслажденіе откинуться на мягкомъ сидѣньи коляски и предать себя этой неспѣшной, ровной ѣздѣ по гладкой дорогѣ! Въ лицо вѣетъ свѣжій, легкій воздухъ; тишина, одиночество, и только передъ глазами проходитъ въ красотѣ и безмолвіи одна картина за другой.

Отчего такъ свѣжъ воздухъ? Мы не видимъ ледяныхъ нагорій Рондапэ, но онѣ недалеко. Ихъ загораживаетъ отъ насъ стѣна горъ, у подножія которыхъ бѣжитъ дорога. Воздухъ, если можно такъ сказать, пахнетъ снѣгомъ, и въ продолженіе многихъ дней мы будемъ упиваться имъ.

Среди ледниковъ Рондапэ зарождается горная рѣчка Ула. Она течетъ въ надгорьяхъ, а потомъ вдругъ обрушивается со своей высоты почти къ намъ на голову. У самой дороги по крутизнѣ летитъ пѣнная масса воды и подъ мостомъ стремится въ Логенъ. Пѣсня водопада оглашаетъ всю окрестность. Мы ѣдемъ дальше и снова видимъ водопадъ, но уже не столь могучій. Другая какая-то рѣчка, должно быть родная сестра Улы, низвергается внизъ, но не всею скатертью своихъ водъ, а множествомъ снѣжныхъ нитей, точно кто по зеленой стѣнѣ начертилъ бѣлыя извилистыя полоски.

Горная стѣна отступаетъ отъ дороги и вдругъ являетъ картину грознаго разрушенія.

Огромный обвалъ когда-то поросшей лѣсомъ горы обнажилъ ея нѣдра до половины. Почти отвѣсно подымается голая вывѣтренная стѣна. Части ея, въ видѣ большихъ и малыхъ глыбъ, загромоздили все внизу. Вверху въ чистомъ воздухѣ рисуются края обвала, и кажется, что вотъ-вотъ отколется скалистый выступъ и рухнетъ внизъ.

Вечерѣетъ. Съ другой стороны бѣлѣетъ первая станція, но мы минуемъ ее. На той сторонѣ Логена, по крутому скату горъ, видны сжатыя нивы. Лохматые шесты со снопами стоятъ рядами, другъ надъ другомъ. Какъ ухитрился человѣкъ вспахать эти крутые склоны! Какъ не свалился внизъ съ плугомъ и лошадью! Бѣдность, малоземелье норвежскаго крестьянина становятся все понятнѣе—чѣмъ дальше ѣдешь вглубь страны.

А горы все безплоднѣе и круче. Вотъ онѣ сомкнулись передъ нами, образовали щель.

Эта щель взорвана по краямъ, чтобы проложить дорогу. Въ ущельѣ внизу отчаянно бурлитъ Логенъ. Взыгравъ на каменныхъ глыбахъ снѣжной пѣной, онъ яростно мечется дальше, зацѣпляя за камни бѣлыми гривами. Ему тѣсно, некуда выкинуться; онъ мечется и мчится намъ навстрѣчу, точно спѣшитъ вырваться отсюда.

Дорога притулилась сначала съ правой стороны, но потомъ, упершись въ горы, перешла черезъ мостъ налѣво. Съ этого моста великолѣпный видъ на ущелье и рѣку, а всего съ одной стѣны горъ до другой нѣсколько саженъ.

Дикая и грозная тѣснина, шумъ прозрачнаго и пѣнистаго Логена, ясный вечеръ, позволявшій видѣть отчетливо окружающія высоты,—все это произвело на меня яркое, увлекательное впечатлѣніе.

Вырвавшись изъ этого ущелья, мы попали въ новую, сначала узкую долину. Она чѣмъ дальше, тѣмъ больше расширялась. По ней бѣжалъ тотъ же Логенъ, уже не такой бѣшеный, но все же сердитый, съ снѣжной пѣной на порогахъ, и всѣ его маленькіе и большіе водопады попрежнему бѣжали намъ на встрѣчу.

Ясная лазурь меркла, на западѣ за горами горѣла багряная заря. Передъ нами затемнѣли очертанія постоялаго двора. Мы остановились у крыльца стариннаго крестьянскаго дома, подлѣ котораго стояли хозяйственныя постройки.

Кучеръ сталъ отпрягать лошадей. Воздухъ былъ свѣжъ и чистъ какъ хрусталь. Невозмутимая тишина нарушалась только буйнымъ ропотомъ Логена. Съ горъ послышался мелодическій дѣвичій голосъ, звавшій домой стадо. Голосъ пѣлъ одну и ту же музыкальную фразу: соль-фа-ми-ре-до!... и на нее издали отзывались мычаніемъ коровы и телята, блеяніемъ—козы, и всѣ послушно шли на привычный зовъ.

Домъ, гдѣ мнѣ предстояло переночевать, былъ почтенный, старинный крестьянскій домъ. Внизу было нѣсколько комнатъ, гдѣ уцѣлѣли еще такіе же дивные рѣзные шкапы и полки, какіе мнѣ пришлось видѣть въ музеѣ Лиллехамера. Верхній этажъ, похожій на просторный чердакъ, былъ приспособленъ въ боковой части для проѣзжихъ. Намъ надо было подняться туда по крутой и узкой лѣсенкѣ, пройти подъ стропилами крыши мимо раскрашенныхъ сундуковъ, мимо всякаго хозяйственнаго скарба въ ту или другую комнату. Одна была предназначена для женщинъ, другая для мужчинъ. Въ каждой имѣлось по нѣскольку кроватей. Старинная мебель здѣсь была такъ интересна, картины такъ любопытны, что глаза разбѣгались, глядя на всю эту благодать.

Звѣзды зажглись надъ горами, стадо пришло домой, мычало, звонило колокольчиками. Внизу гудѣлъ Логенъ. И все обнимала собою та тишина, которая бываетъ только въ горахъ.

XI.

Послѣ этого ночлега почти-что въ музеѣ намъ предстоялъ длинный и утомительный переѣздъ черезъ надгорья Доврэ до Ромсдаля.

Уже старинный крестьянскій дворъ Брендхугенъ принадлежалъ къ церковному приходу Доврэ. Когда вчера вечеромъ за нами сомкнулось ущелье за мостомъ, то долина Гудбранда имъ и кончилась.

Рано утромъ пускаемся мы въ путь.

Несмотря на высоту въ 2.000 метровъ, зубчатые ледники Рòнданэ такъ и остаются для насъ скрытыми за ближними горами. Они посылаютъ намъ только свое свѣжее льдистое дыханіе.

День наступилъ великолѣпный. Дорога идетъ душистыми сосновыми лѣсами. Эти лѣса растутъ на плодоносныхъ моренахъ, которыя сползли въ долину въ давнія времена. На такой же моренѣ стоитъ слѣва церковь Доврэ, одна на огромную область.

Передъ нами на сѣверо-западъ тянется широкая долина. Логенъ теряется въ ней. Впереди — снѣговое остріе ледника Хорунгеръ.

Кажется, будто здѣсь больше простора для человѣка, но между тѣмъ „горды“ гораздо беднѣе, нежели въ долинѣ Гудбранда. Мы проѣзжаемъ мимо такого нищенскаго домишка, что ему хоть бы сейчасъ къ намъ. Здѣсь всѣ „горды“ стоятъ на солнечной сторонѣ.

Мы уже на высотѣ 600 метровъ, окруженные надгорьями въ 1.000 метровъ. Недалеко на востокѣ снѣга Рòнданэ, а впереди остріе Хорунгера указываетъ на близость угрюмаго Доврэ съ его вершинами и ледниками.

Бѣдные темные дворы въ три строенія попадаются гораздо чаще, нежели новыя и богатыя усадьбы. Рожь еще не сжата, и до чего она скудна! Песчаные и каменные холмы становятся все обнаженнѣе, чѣмъ дальше мы ѣдемъ. Обвѣтренные мѣловые обрывы бѣлѣютъ мертвой бѣлизной.

И все впечатлѣніе отъ этой картины мертвенное, несмотря на веселое солнце и теплый денекъ. Какимъ-то унылымъ запустѣніемъ вѣетъ отъ бѣдныхъ избъ съ вихрастыми дерновыми крышами, съ длинными шершавыми трубами изъ чернаго шифера, кривыми и несчастными.

Чѣмъ дальше идетъ день и наша дорога, тѣмъ бѣднѣе даже

лѣсъ. Всюду камни, между ними торчатъ чахлыя сосенки, песчаные пустыри кругомъ, Логенъ ушелъ далеко отъ дороги къ горамъ.

Горы крутыя и темныя, даже издалека сосновая ихъ одежда кажется скудной. На вершинахъ лежатъ снѣга.

Въ серединѣ дня мы добираемся песками и чахлыми перелѣсками до постоялаго двора Думосъ. Здѣсь дорога расходится въ разныя стороны. Одной вѣтвью она взбирается на верхнюю ступень нагорья Доврэ и мимо ледниковъ Хорунгера и Снэхэтты уходитъ на сѣверъ къ городу Троньему, другая же вѣтвь ея идетъ на сѣверо-западъ въ Ромсдаль, къ фіорду Ромсдаля.

Мы беремъ эту дорогу. Лошади устали, мы ѣдемъ медленно, какъ во снѣ... Однообразные пустыри тянутся справа и слѣва. Порою попадается сосновый лѣсъ получше; отъ него пахнетъ необыкновенно сильно смолою. Воздухъ насыщенъ тѣмъ же, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ свѣжъ какъ снѣгъ.

Ребятишки бѣгутъ за коляской, радуются брошенной мелочи. Кому знакомъ гордый нравъ норвежцевъ, тотъ изъ одного этого пойметъ, до чего бѣдны люди въ здѣшнихъ мѣстахъ. Женщины въ старыхъ, обтрепанныхъ юбкахъ стоятъ въ дверяхъ, смотрятъ вслѣдъ за проѣзжимъ. Въ полѣ жнутъ скудный ячмень, рожь. Какъ ни весело небо и солнце, все почему-то хочется думать о томъ, какой видъ имѣютъ эти мѣста подъ воемъ осеннихъ бурь, подъ хмурымъ небомъ декабря. Если теперь они щемятъ сердце своею скудостью, суровостью, печалью,—то что же это за картина должна быть въ бурю и метель?.. Картина изъ драмъ Ибсена, конечно...

Мы, кажется, гдѣ-то отдыхаемъ, гдѣ-то обѣдаемъ, куда-то заѣзжаемъ покормить лошадей, — все это какъ во снѣ, не на яву; и не успѣешь отъѣхать отъ постоялаго двора, забываешь, какъ его звали, какое убранство внутри,—только остается смѣшанное впечатлѣніе ихъ всѣхъ вмѣстѣ,—чудной рѣзьбы шкапы и столы и полки, живопись по дереву, серебряныя старинныя вещи за стекломъ, уютныя кухни, гдѣ обѣдаетъ вся семья съ работниками, гдѣ тикаютъ столѣтніе часы...

Вотъ кончилась безконечная долина съ ледянымъ остріемъ Хорунгера впереди. Вершина эта куда-то дѣлась, мы ѣдемъ по новой долинѣ,—должно быть, загнули еще западнѣе,—и ледники Доврэ остаются въ сторонѣ.

Новая долина такъ же широка, такъ же окаймлена вдали горами, и тоже впереди стоитъ, сколько мы къ ней ни ѣдемъ, снѣговая гора, только не остроконечная, а округлая. Это — Стурхёй, западная вершина Доврэ.

Потеряли мы зеленый, прозрачный Логенъ съ его бѣлыми гривами, ушелъ онъ отъ дороги на другую сторону долины, подъ самыя горы. И такъ мы его больше не увидимъ. Его родина здѣсь, въ этой долинѣ. Онъ беретъ здѣсь начало въ длинномъ озерѣ Лесье, которое ради выгоды теперь почти все засыпано землею и обращено въ луга и пашни. Съ высотъ нагорій отовсюду бѣгутъ потоки. Куда ни взглянешь, всюду видишь снѣжно-бѣлыя нити водопадовъ, то побольше, то поменьше. Они-то и несутъ ледяныя струи въ Логенъ и даютъ ему великолѣпный зеленый цвѣтъ.

Уже вечеръ.

Среди скудныхъ полей, между одинокими бѣдными „гордами" мелькаетъ вдали вода. Нельзя разобрать, озеро или рѣка. Потомъ болота, топи. Песчаныя отмели засыпаннаго Лесье заросли низкимъ ивнякомъ.

Здѣсь водораздѣлъ между Скагерракомъ и Атлантическимъ океаномъ.

Мы ѣдемъ дальше, къ дорогѣ опять подходитъ рѣчка, но это уже не Логенъ. Это — Раума, такая же зеленая красавица съ бѣлыми снѣжными гривами, но всѣ ея водопады уже бѣгутъ отъ насъ прочь—къ Атлантическому океану!

Холодный, ясный какъ хрусталь вечеръ.

Мы подъѣзжаемъ къ бѣлому дому, куда ведетъ красивая березовая аллея. Іонасъ распрягаетъ усталыхъ лошадей. Но моя усталость внезапно пропала. Рѣзкій воздухъ возбуждаетъ и опьяняетъ какъ вино. Послѣ долгаго сидѣнья хочется бѣгать, двигаться. Вершины горъ рдѣютъ темно-краснымъ огнемъ, въ лазури горятъ золотыя и багряныя облака. Все вдругъ перемѣнилось точно по волшебству. Все кажется великолѣпнымъ, пышнымъ, богатымъ. Земля и снѣговыя горы полны тишины и непорочной чистоты.

Съ Мёльмена начались новаго типа постоялые дворы. Здѣсь мы впервые увидѣли огромный сосновый сарай въ два этажа съ неимовѣрнымъ числомъ комнатъ. Такіе сараи, построенные для лѣтней публики, преслѣдовали насъ своимъ безвкусіемъ цѣлую недѣлю, пока мы наконецъ не забрались опять въ дебри.

XII.

Послѣ печальнаго Доврэ, Ромсдаль показался свѣтлымъ раемъ. Все было богаче: природа, люди.

Здѣсь мнѣ удалось наконецъ побывать въ крестьянскихъ усадьбахъ.

Мой кучеръ Іонасъ, родомъ изъ Нэса, былъ сынъ и братъ экипажныхъ хозяевъ, которые кромѣ того торговали въ Нэсѣ и имѣли тамъ домъ.

Всего этого было достаточно для Іонаса, чтобы въ свои семнадцать лѣтъ быть глупымъ, скучнымъ и толстымъ. На мои неотступныя просьбы остановиться въ пути онъ упрямо молчалъ. Никакія лишнія кроны его не соблазняли. Онъ видимо считалъ униженіемъ для краснаго плиса своей коляски остановку передъ мужицкими „гордами". Это было *шокингъ*, и никто изъ американцевъ и англичанъ, настоящихъ господъ, такими глупостями не занимался; настоящіе господа интересовались только качествомъ обѣда на станціяхъ.

Но мое упрямство пересилило.

Итакъ, мнѣ удалось побывать въ разныхъ „гордахъ", и побогаче, и побѣднѣе; мнѣ показывали всѣ домашнія постройки внутри и снаружи; мы лазали въ стабуры на курьихъ ножкахъ, обходили сараи и хлѣва.

Достаточно было сказать, что я—„рюссискъ" и люблю Норвегію, какъ ни одну страну въ свѣтѣ,—и люди привѣтствовали меня съ широкой улыбкой. Меня сажали въ почетный уголъ, угощали, разсказывали про свое житье-бытье.

Начинали съ политики, съ расторженія уніи. Полное единодушіе по этому пункту завязывало нашу дружбу. Потомъ говорили о Россіи... Грубыя рабочія руки жали мою руку. Несмотря на мой шведско-норвежскій ломаный языкъ и ихъ народное нарѣчіе, мы понимали другъ друга отлично. Въ одномъ небогатомъ „гордѣ", — какъ сейчасъ помню, — старуха-крестьянка прижала кончикъ своего передника къ влажнымъ глазамъ, слушая мои разсказы о нашихъ порядкахъ.

Послѣ этихъ разговоровъ уже съ величайшей охотой и безъ прикрасъ начинали разсказывать съ полною откровенностью про свое житье.

Какъ и вся крестьянская Норвегія, Ромсдаль живетъ на треть доходовъ—земледѣліемъ, а на двѣ трети—молокомъ.

Въ это время жатва здѣсь кончалась и была средняго качества. Большая часть полей была подъ olandkorn, то-есть засѣяна смѣсью ржи и овса.

Меня удивило, что въ домахъ было мало молодежи. Оказалось, что молодежь вверху—въ нагорьяхъ, въ сэтерахъ. Въ каждомъ сэтерѣ шла оживленная работа: собирали молоко, приготовляли

сметану, масло, сыры. Однако ночи становились уже холодными тамъ на высотахъ, и скоро всѣ должны были спуститься внизъ, въ Ромсдаль.

Масло шло все въ Англію, черезъ ближній фіордъ. Въ Англіи здѣшнее масло продается по самой высокой цѣнѣ.

Пастбища были въ нагорьяхъ вверху. Оттуда забирали запасъ сѣна на зиму. Но сѣна не хватало. При мнѣ въ одномъ „гордѣ“ въ большихъ мѣшкахъ приносили изъ лѣсу листья и молодыя вѣтки. Они тоже шли на кормъ скотинѣ.

„Еслибы у насъ не было коровъ и козъ, мы умерли бы съ голоду“, говорили мнѣ.

Интересно было посмотрѣть на дѣловитую, хлопотливую жизнь крестьянской усадьбы. Все было чисто-чисто; бережно хранились, очевидно, старинныя вещи, посуда, утварь. Все въ домѣ и во дворѣ имѣло почтенный видъ давности. И среди этого порядка и чистоты вся семья работала съ какимъ-то веселымъ усердіемъ.

Ромсдаль такъ далекъ отъ городовъ, что долженъ самъ о себѣ заботиться. Впрочемъ и всякая другая горная долина въ Норвегіи точно такъ же отрѣзана отъ культурныхъ центровъ. Вотъ почему всѣ здѣсь умѣютъ изготовить у себя дома нужное для своего обихода. Мнѣ попадались на глаза ткацкіе станки, веретена съ прялкою въ углу у окна; были тутъ и домашнія кузницы, и плотничьи мастерскія. Многіе мужчины были заняты плетеньемъ сѣтей и тонкихъ неводовъ.

Въ одной изъ усадебъ помѣщалась лавка мѣстнаго потребительнаго общества.

Мнѣ показывали чудесныя вещи изъ дерева съ рѣзьбою, работу здѣшнихъ крестьянъ въ долгія скучныя зимы. Эти вещи говорили о тонкомъ вкусѣ и большомъ терпѣніи.

Иногда въ глубь Ромсдаля забираются англичане-рыболовы, живутъ недѣлями въ уединенномъ „гордѣ“ и съ увлеченьемъ предаются ловлѣ рыбы въ зеленой Раумѣ. Здѣсь водится форель и лосось. Пріѣздъ такого любителя даетъ хозяевамъ лишніе доходы. Но большинство проѣзжаетъ мимо.

Я слушаю разсказы о школьныхъ дѣлахъ, о созывѣ милиціи въ виду враждебности Швеціи; мнѣ говорятъ о здѣшней коммунѣ, *согнъ*, которая имѣетъ полное самоуправленіе и вѣдаетъ всѣ мѣстныя дѣла. Жалуются на земельную тѣсноту (всѣ усадьбы лѣпятся у подножія крутыхъ горъ), но тутъ же прибавляютъ: „у насъ еще — благодареніе Богу, хорошіе лѣса, въ другихъ мѣстахъ и того нѣтъ“...

— А все-таки нашъ Ингваръ въ Америкѣ,— замѣтила старуха-хозяйка и отвернулась къ печкѣ какъ бы за кофеемъ.

Отецъ, чтобы ее развеселить, сталъ разсказывать, какъ хорошо живется Ингвару въ Иллинойсѣ, и показалъ мнѣ его послѣднее письмо оттуда, а также открытки съ американскими видами, такъ непохожими на узкую долину Ромсдаля. Письмо хранилось въ рѣзномъ сундукѣ съ живописью и, видимо, читалось много, много разъ.

На мой вопросъ: не выгоднѣе ли общинное пользованіе землею, артелями,—мнѣ всегда отвѣчали одно и то же: у нихъ есть общія коммунальныя земли и сейчасъ, а именно выгоны вверху въ нагорьяхъ, гдѣ у нихъ сэтеры, и лѣса по склону горъ. Что же касается пашенъ, то они энергично защищали свое право владѣть ими лично.

— Это хорошо у васъ,—говорили мнѣ,—а у насъ отцы и дѣды работали, прежде чѣмъ расчистить кусокъ земли. Они работали именно для своихъ внуковъ и дѣтей. Такъ и я. Еслибъ я не сворачивалъ годъ за годомъ тяжелые камни, вы думаете, тутъ что-нибудь выросло бы? А почему я надрывался, не жалѣлъ силъ? Хотѣлъ дѣтямъ оставить землю получше, да увеличить запашку.

Въ Ромсдалѣ народъ необыкновенно крѣпкій и здоровый. У всѣхъ румяныя щеки, блестящіе голубые глаза, особенная бѣлизна кожи; всѣ статны, ловки, широкоплечи. Впрочемъ, въ красивой рамкѣ природы какъ будто и человѣкъ красивъ и полонъ силъ...

Сергѣй Орловскій.

МИССІЯ
М-РА ЮСТЭСА ГРИНА

Разсказъ Гичинса.

— The black spaniel and other stories, by R. Hichens. London 1906.

I.

Миссиссъ Юстэсъ Гринъ сморщила свой лобъ, выдающійся, благородный лобъ, описанный въ газетахъ обоихъ полушарій, отложила въ сторону американское патентованное перо и вздохнула. Былъ унылый и дождливый осенній день, шуршали падающіе листья, слабо позванивали колокольчики трамваевъ, и великосвѣтскій Бельгрэвъ-скверъ казался печальнымъ даже великой романисткѣ, проложившей себѣ туда путь перомъ. На улицѣ виднѣлся лишь туманъ и полисмены; мчавшіеся мимо моторы казались тѣнями; ихъ громкое пыхтѣніе звучало въ ушахъ м-ссъ Гринъ какъ вздохи чудовищъ, страдающихъ астмою. Она снова вздохнула и прошептала глубокимъ контральто: „Такъ должно быть"... Затѣмъ она встала, прошлась по пушистому персидскому ковру, купленному на гонораръ за одну изъ раннихъ ея новеллъ, и нажала пальцемъ пуговку электрическаго звонка.

Съ быстротою молніи на порогѣ явился напудренный гигантъ-лакей.

— Мистеръ Гринъ дома?

— Такъ точно, сударыня.

— Гдѣ онъ?

— У себя въ кабинетѣ, сударыня, — вклеиваетъ послѣднія вырѣзки изъ газетъ въ новый альбомъ.

М-ссъ Гринъ улыбнулась. Безсознательный великанъ вызвалъ передъ нею отрадную картину.

— Очень сожалѣю, что принуждена побезпокоить м-ра Грина,—отвѣтила она съ тою граціозной, даже вкрадчивой мягкостью, которая покоряла ей всѣ сердца,—но я желаю видѣть его. Будьте добры—попросите его ко мнѣ на минуту.

Гигантъ въ шолковыхъ чулкахъ, исполняя приказаніе, помчался наверхъ, между тѣмъ какъ м-ссъ Гринъ, въ ожиданіи супруга, опустилась въ рѣзное дубовое кресло епископальнаго вида. Эта скромно одѣтая дама была замѣчательною женщиною, своего рода знаменитостью. Своимъ американскимъ перомъ она завоевала славу, богатство, домъ въ Бельгрэвъ-скверѣ, не поступившись при этомъ своими принципами. Будучи воплощенной добродѣтелью, она относилась ко злу и страданіямъ міра сего съ точки зрѣнія, не шокирующей самыхъ строгихъ блюстителей нравственности. Читатели утверждали, что она анализировала глубину человѣческой природы и не извлекала оттуда ничего такого, что̀ могло бы скандализировать бабушку викарія или тетку архидіакона, и это было настолько справедливо, что она зарабатывала кучу донегъ. Ея объемистыя, солидныя книги красовались на каждомъ столѣ; онѣ лежали—правда, не разрѣзанныя—даже въ свѣтскихъ будуарахъ, придавая интеллигентный оттѣнокъ пріюту хорошенькихъ женщинъ. Всѣ духовныя лица пріобрѣтали ихъ, епископы цитировали ихъ въ своихъ проповѣдяхъ; издатели еженедѣльныхъ журналовъ платили за нихъ баснословныя цѣны, о нихъ говорили въ предмѣстьяхъ, провинція восхищалась ими, дворянство не признавало иной литературы; словомъ, м-ссъ Юстэсъ Гринъ пользовалась неслыханнымъ успѣхомъ.

Почему же она такъ глубоко вздыхала, сидя у себя въ Бельгрэвъ-скверѣ? Почему ея интеллигентная рука взволнованно поднималась къ глянцевитымъ бандо каштановыхъ волосъ, обрамлявшихъ ея выдающійся лобъ, между тѣмъ какъ ея спокойныя черты принимали выраженіе тревоги и недоумѣнія?

Дверь отворилась, и со словами: „Въ чемъ дѣло, Юдженія?“ м-ръ Гринъ показался на порогѣ.

М-ръ Гринъ былъ на много лѣтъ моложе своей знаменитой жены и казался моложе своихъ лѣтъ. Это былъ элегантный господинъ съ гладкими, черными какъ смоль волосами, раздѣленными посрединѣ проборомъ, съ пріятными темными глазами, свѣтившимися мягкимъ блескомъ, съ блѣднымъ цвѣтомъ лица и стройною фигурой. Видно было, что онъ воспитывался въ Итонѣ

и когда-то мечталъ о военной службѣ; исторію его можно разсказать въ нѣсколькихъ словахъ. Вскорѣ послѣ своего появленія въ свѣтѣ онъ встрѣтился и обвѣнчался съ м-ссъ Юстэсъ Гринъ, называвшейся тогда миссъ Юдженіей Ганнибалъ-Баркеръ. Онъ не успѣлъ перебѣситься, не успѣлъ объясниться въ любви хорошенькой кельнершѣ или затѣять романъ съ актрисой, не успѣлъ не только сдѣлать ничего дурного, но и уяснить себѣ различіе между добромъ и зломъ.

Миссъ Юдженія появилась на его горизонтѣ, и онъ немедленно спустилъ свой флагъ передъ супружествомъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ сталъ ея мужемъ, онъ никогда ни на одну секунду не преступалъ границъ самой строгой нравственности и былъ невиннѣйшимъ изъ людей, хотя и состоялъ въ сношеніяхъ съ главнѣйшими лондонскими издателями. Купаясь въ золотѣ, благодаря своей талантливой женѣ, онъ смотрѣлъ на нее какъ на богиню. Она вносила въ банкъ цѣлыя тысячи, и съ появленіемъ каждой новой тысячи онъ все болѣе убѣждался въ ея божественномъ происхожденіи. Сказать, что онъ глядѣлъ на нее снизу вверхъ— было бы слишкомъ мало: она казалась ему столь же недосягаемо высокой, какъ вершина Монблана для туриста въ Шамуни.

— Садись, другъ мой,—прошептала она.

М-ръ Гринъ присѣлъ у камина, поставивъ на его рѣшетку свои лакированныя ботинки съ узкими носками.

На улицѣ туманъ все сгущался и звонки звучали все жалобнѣе; пламя камина, озарявшее величественныя черты м-ссъ Гринъ, придало имъ нѣчто рембрандтовское. Ея волоокій взоръ былъ неподвиженъ и задумчивъ; послѣ краткой паузы она сказала:

— Юстэсъ! мнѣ придется отправить тебя съ миссіей.

— Съ миссіей, Юдженія!—воскликнулъ м-ръ Гринъ съ величайшимъ удивленіемъ.

— Крайне важной и до извѣстной степени—щекотливой.

— Она имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ издательству?

— Нѣтъ.

— Придется ѣхать далеко?

— Вотъ это меня и огорчаетъ. Очень далеко.

— Уѣхать изъ Лондона?

— О, да!

— Неужели изъ Англіи?

— Да, ты долженъ ѣхать въ Алжиръ.

— Боже милостивый! — воскликнулъ м-ръ Гринъ. — Мнѣ придется ѣхать одному?

— Разумѣется, ты возьмешь съ собою Дэрреля. — Дэррель былъ слугою м-ра Грина.

— Что же я стану дѣлать въ Алжирѣ?

— Ты долженъ добыть матеріалъ для шестого тома „Раскаянія Катерины“. — „Раскаяніе Катерины“ былъ огромный романъ, надъ которымъ м-ссъ Гринъ работала въ данную минуту.

— Не скрою отъ тебя, Юстэсъ, — продолжала м-ссъ Гринъ, — что въ моемъ настоящемъ произведеніи творчество мое принимаетъ нѣсколько иной поворотъ.

— Но, кажется, мы здѣсь такъ хорошо устроились, — отвѣтилъ м-ръ Гринъ.

Съ каждою новою книгой они перѣзжали на новую квартиру. „Гарріэтъ“ перевезла ихъ изъ скромнаго Филлиморъ-Гарденсъ въ Квинсгэтъ; „Желанія Джэмъ“ — на уголъ Слоанъ-стритъ; съ „Богатствомъ Изабеллы“ они переѣхали на Кёрзонъ-стритъ; „Тщеславіе Сусанны“ устроило ихъ на Кобургской площади; и, наконецъ, „Заблужденіе Маргариты“ дало имъ возможность основаться въ Бельгрэвъ-скверѣ. А такъ какъ м-ссъ Гринъ заявляла, что съ каждымъ изъ этихъ геніальныхъ произведеній творчество ея принимаетъ „новый поворотъ“, то замѣчаніе м-ра Грина является вполнѣ понятнымъ.

— Это правда, но намъ остается еще Паркъ-Лэнъ.

Она на минуту задумалась; затѣмъ, облокотившись на рѣзныхъ львовъ своего кресла, продолжала:

— До сихъ поръ, описывая въ моихъ произведеніяхъ людскіе пороки и легкомысліе, я касалась ихъ очень мягко. Я не слѣдовала примѣру Зола...

— Зола! дорогая моя! — воскликнулъ м-ръ Гринъ: — надѣюсь, ты не вздумаешь подражать ему теперь? (Намъ пришлось бы въ такомъ случаѣ перебраться въ Кенсингтонъ, — мелькнула у него тайная мысль).

— Нѣтъ. Но въ шестомъ томѣ „Катерины“ мнѣ придется имѣть дѣло съ грѣхомъ, съ нарушеніемъ долга, съ африканскою распущенностью нравовъ. Это неизбѣжно.

Она еще разъ вздохнула: новая книга, очевидно, была для нея тяжкимъ бременемъ.

— Африканская распущенность?! — прошепталъ изумленный Юстэсъ.

— Между тѣмъ, ни ты, ни я, другъ мой, не имѣемъ понятія объ этомъ предметѣ, — продолжала м-ссъ Гринъ.

— Конечно нѣтъ, душа моя, вѣдь мы не бывали дальше Люцерна.

— Итакъ, намъ необходимо съ нимъ ознакомиться, тебѣ — по крайней мѣрѣ. Сама я не могу оставить Лондонъ. Физическое переутомленіе можетъ подвергнуть опасности процессъ мозговой работы. Морское путешествіе могло бы повредить моей книгѣ въ ея настоящемъ положеніи.

— Разумѣется, тебѣ необходимо спокойствіе, душа моя, но тогда...

— Ты поѣдешь за меня въ Алжиръ и добудешь нужные матеріалы. Боюсь, что тебѣ придется побывать въ туземныхъ кварталахъ; поэтому купи два револьвера: одинъ для себя, другой—для Дэррэля. Мнѣ необходимы свѣдѣнія объ африканскихъ порокахъ—на цѣлыхъ сто страницъ убористаго шрифта. Я сумѣю такъ расположить и обработать привезенный тобою сырой матеріалъ, что впечатлѣніе отъ него получится самое возвышенное. Понимаешь ли ты меня, Юстэсъ?

— Я долженъ ѣхать въ Алжиръ ознакомиться съ мѣстными нравами, сдѣлать замѣтки и привезти ихъ тебѣ?

— Именно.

— Долго ли мнѣ придется тамъ пробыть?

— До тѣхъ поръ, покуда ты не ознакомишься съ глубиною африканскаго легкомыслія.

— Недѣль трехъ будетъ достаточно?

— Я полагаю. Возьми лекарство противъ морской болѣзни, побольше антипирина, мѣховое пальто для переѣзда и бѣлый шлемъ съ зонтикомъ—для Алжира... Чѣмъ скорѣе ты поѣдешь, тѣмъ лучше,—у меня остановка за матеріаломъ. Можешь выѣхать съ парижскимъ экспрессомъ послѣ-завтра.—Она нѣжно взглянула на него и прибавила:—Разлука будетъ тяжела.

— Очень тяжела,—отвѣтилъ м-ръ Юстэсъ Гринъ.

Онъ былъ потрясенъ. М-ссъ Гринъ нѣжно положила на его рукавъ свою руку, переселившую ихъ изъ Филлиморъ-Гарденсъ въ Бельгрэвъ-скверъ.

— Подумай о результатѣ,—сказала она.—Величайшее изъ моихъ произведеній! Это—книга, которая не умретъ; это—книга, которой суждено...

— Переселить насъ въ Паркъ-Лэнъ,—прошепталъ онъ.

Она кивнула своею рембрандтовскою головой. Благородныя черты, похожія на черты безупречнѣйшаго изъ римскихъ императоровъ, прояснились. Въ эту минуту отворилась дверь, и слуга доложилъ:

— Не можетъ ли m-lle Вербэна повидать васъ на минуту, сударыня?

M-lle Вербэна была французскою гувернанткой маленькихъ Гриновъ. Великая романистка удостоила стать матерью.

— Разумѣется.

Черезъ минуту m-lle Вербэна присоединилась къ группѣ у камина.

II.

Мы уже упомянули, что m-lle Вербэна была гувернанткою маленькихъ Гриновъ, т.-е. она обучала ихъ французскому языку, и м-ръ съ м-ссъ Гринъ считали ее француженкою. Но жизнь не лишена ироніи, и пребываніе m-lle Вербэна въ домѣ великой и уважаемой романистки было именно такою ироніей судьбы. Она родилась въ Портъ-Саидѣ отъ туземныхъ родителей и была по происхожденію левантинкой. Я ничего не говорю противъ Портъ-Саида, но, тѣмъ не менѣе, мало найдется матерей, которыя пожелали бы взять оттуда воспитательницу для своихъ дѣтей, и m-lle Вербэна была достаточно умна для того, чтобы это сознавать. Поэтому, скрывая, что отецъ ея былъ сотрудникомъ Лессепса, т.-е. землекопомъ, а мать—служанкою въ трактирѣ, она давала понять, что впервые увидѣла свѣтъ въ предмѣстьѣ St.-Honoré, а родители ея были графомъ и графинею „ancien régime“.

Это убѣжденіе, усвоенное ею съ дѣтскихъ лѣтъ, наложило извѣстный отпечатокъ на ея внѣшность и манеры. Она была весьма изящною и даже привлекательною маленькой особой съ хитрыми темными глазами, изсиня-черными волосами и прехорошенькими ручками и ножками. Она обратила на себя вниманіе м-ссъ Гринъ тѣмъ восторгомъ, съ какимъ она относилась къ собору св. Павла. Каждую свободную минуту она проводила, по словамъ ея, въ этомъ дивномъ соборѣ св. Павла!

Войдя въ святилище оракула, она опустила глаза и видимо затрепетала.

— Въ чемъ дѣло, миссъ Вербэна?—ласково освѣдомилась м-ссъ Гринъ, желая ободрить бѣдную маленькую француженку.

M-lle Вербэна затрепетала еще сильнѣе.

— Я получила дурныя извѣстія, madame.

— Сожалѣю объ этомъ. Какого рода эти извѣстія?

— Моя бѣдная мать заболѣла бронхитомъ въ тяжелой формѣ. Она призываетъ меня.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Врачи утверждаютъ, что она должна умереть.

— Это очень печально.

Левантинка заплакала, м-ръ Гринъ сочувственно высморкался, а м-ссъ Гринъ повторила, что это очень печально.

— Madame, если я завтра же не уѣду къ моей матери, я не застану ее въ живыхъ.

M-lle Вербенà внезапно кинулась на персидскій коверъ, къ ногамъ м-ссъ Гринъ, обливая ихъ слезами и повторяя душу раздирающимъ голосомъ:

— Madame отпуститъ меня, madame дозволитъ мнѣ уѣхать къ моей бѣдной матери—я должна закрыть ея умирающіе глаза, обнять ее въ послѣдній разъ...

М-ръ Гринъ былъ потрясенъ и даже м-ссъ Гринъ нѣсколько выбита изъ колеи; она отодвинулась и заставила m-lle Вербенà встать.

— Гдѣ же ваша бѣдная мать?

— Въ Парижѣ, madame, въ улицѣ St.-Honoré, гдѣ я родилась. О, если она умретъ тамъ, если...

— Вы желаете поѣхать къ ней?—прервала м-ссъ Гринъ.

— Если madame позволитъ, я желала бы ѣхать завтра.

— Завтра? Это слишкомъ скоро.

— Но бронхитъ не ждетъ, madame, смерть тоже не ждетъ...

— Хорошо. Я даю вамъ мое разрѣшеніе, но возвращайтесь скорѣе. Адольфъ утратитъ всякое понятіе о неправильныхъ глаголахъ, въ которыхъ онъ и безъ того нетвердъ...

Новый потокъ признательныхъ слезъ, и m-lle Вербенà удалилась—укладывать свои вещи. Она уѣхала на слѣдующій день.

Это былъ день сборовъ въ дорогу, суеты и волненій для м-ра Грина и его камердинера Дэрреля. Помимо ящика съ лекарствами, револьверовъ, зонтика и проч., была пріобрѣтена полдюжина тетрадей для африканскихъ замѣтокъ и пачка карандашей. Къ вечеру, когда всѣ приготовленія были окончены, м-ръ и м-ссъ Гринъ, оставшись послѣ обѣда вдвоемъ въ великолѣпной гостиной, почувствовали, какъ ихъ охватило жгучее чувство близости предстоящей имъ разлуки.

— Какой одинокой ты будешь безъ меня, Юдженія!—сказалъ м-ръ Гринъ.—Я цѣлый день думалъ объ этомъ.

— А ты, Юстэсъ, какою безотрадною будетъ твоя жизнь! Я все время объ этомъ размышляю. Ты будешь вспоминать обо мнѣ каждый часъ.

— Ты такъ привыкла имѣть меня всегда подъ рукою. Я облегчаю трудъ твоей жизни. Я прямо не представляю себѣ, какъ ты обойдешься безъ меня.

— А ты—для кого я трудилась, строила планы, разсчиты-

вала... Каковы будутъ твои ощущенія, когда ты поймешь, что насъ раздѣляютъ цѣлыя моря!..

Каждый изъ супруговъ былъ преисполненъ нѣжной жалости къ другому. Однако, послѣ первыхъ изліяній разговоръ ихъ принялъ болѣе практическій оборотъ. М-ръ Гринъ началъ соображать: трудно ли ему будетъ получить желаемыя свѣдѣнія? Во всѣ такія мѣста, вѣроятно, не легко попасть? Они, конечно, избѣгаютъ дневного свѣта. М-ссъ Гринъ приняла глубокомысленный видъ.

— Разумѣется... Зло ищетъ покрова темноты. Тебѣ придется поступать точно такъ же.

— Ты думаешь, что я долженъ буду производить мои изслѣдованія ночью?

— Я думаю. Тебѣ придется обратиться къ Куку.

— Въ какихъ же выраженіяхъ? Видишь ли, душа моя, вѣдь это вопросъ нѣсколько... спеціальный, не такъ ли?

— Очень спеціальный. Но ни подъ какимъ видомъ не вздумай намекать, что ты пріѣхалъ въ Алжиръ ради „Катерины". Это попадетъ въ газеты, объ этомъ передадутъ по телеграфу въ Америку, и это можетъ отразиться на распространеніи книги...

Мистеръ Гринъ взглянулъ на свою жену съ благоговѣніемъ; въ такія минуты онъ сознавалъ съ особенною остротою ея высокое положеніе.

— Я буду остороженъ. Что же ты мнѣ посовѣтуешь сказать?

— Я посовѣтовала бы тебѣ выдать себя за обыкновеннаго туриста, слегка интересующагося... скрытою стороною жизни.

— По всей вѣроятности, ты желаешь, чтобы я посѣщалъ публичныя мѣста?

— Я желаю, чтобы ты видѣлъ все, имѣющее отношеніе къ африканскому легкомыслію. Ходи всюду, ко всему присматривайся. Привези мнѣ свои замѣтки, и я выберу изъ нихъ такіе отрывки, которые послужатъ къ назиданію человѣчества. Я очищу ихъ въ горнилѣ моего творчества.

— Я думаю, что угловой домъ въ Паркъ-Лэнѣ рядомъ съ герцогомъ какъ разъ былъ бы для насъ подходящимъ,—замѣтилъ м-ръ Гринъ послѣ нѣкотораго размышленія.

— Мы можемъ сдать здѣшнюю квартиру. Ты не понапрасну съѣздишь въ Алжиръ, Юстэсъ.

— Любовь моя,—заговорилъ м-ръ Гринъ рѣшительно,—сейчасъ же по прибытіи, я обращусь къ Куку, и если я увижу, что агентъ ихъ не все показываетъ, что нужно, въ особенности—въ Казбахѣ, который, какъ я вычиталъ изъ путеводителя, счи-

тается кварталомъ съ самой дурной репутаціей, я обращусь къ кому-нибудь другому.

— Вотъ именно. А теперь пора ложиться спать.

На ночь они имѣли обыкновеніе пить овсяную воду, послѣ чего м-ссъ Гринъ садилась за свой дневникъ, а м-ръ Гринъ выкуривалъ некрѣпкую сигару. Такъ и теперь: онъ чиркнулъ спичкой, она вложила ключъ въ ящикъ бюро, но тутъ до слуха м-ра Грина долетѣло контральтовое восклицаніе. Онъ быстро обернулся.

— Душа моя, что случилось?

Жена его рылась въ ящикѣ обѣими руками.

— Мой дневникъ пропалъ!

— Твой дневникъ?

— Да, его нигдѣ нѣтъ. Въ немъ заключаются тайны, которыя не должны быть извѣстны свѣту, мои помыслы, мои стремленія... Въ немъ заключается исторія моей души.

— Великій Боже, онъ долженъ быть найденъ!

Они перерыли весь письменный столъ, всю комнату—дневникъ не находился.

— Не отнесла ли ты его ко мнѣ?—предположилъ м-ръ Гринъ.

Они кинулись туда, но и тамъ ничего не нашли. Слуги уже легли спать, и они искали вдвоемъ. М-ссъ Гринъ начала серьезно волноваться, ея классическія черты исказились.

— Это ужасно! — восклицала она: — кто-нибудь унесъ мой дневникъ, зная, что ему нѣтъ цѣны. Его издадутъ въ Америкѣ. Онъ принесетъ тысячи, но не намъ, не намъ!

Она заломила руки. Было уже около полуночи.

— Постарайся припомнить, душа моя! — восклицалъ м-ръ Гринъ:—онъ былъ здѣсь вчера вечеромъ?

— Конечно. Я помню, какъ вписала въ него, что ты отплывешь въ Алжиръ въ нынѣшній четвергъ на кораблѣ „Генералъ Бертранъ“. Я вписала это наканунѣ того дня, когда намѣревалась сообщить тебѣ о твоей миссіи. Ты знаешь, я имѣю привычку писать заранѣе о томъ, что я намѣрена сдѣлать и даже—подумать на слѣдующій день.

Они продолжали поиски, и, войдя въ классную комнату, м-ссъ Гринъ испустила крикъ: дневникъ лежалъ на столѣ m-lle Вербена—раскрытый на послѣдней страницѣ.

— Что это значитъ?—проговорила м-ссъ Гринъ.

— Рѣшительно не понимаю, душа моя! — отозвался ея супругъ.

III.

Прощаніе м-ра и м-ссъ Гринъ было необыкновенно трогательно. Оно происходило на вокзалѣ среди небольшой толпы почитателей таланта, узнавшихъ знаменитую романистку и очень заинтересовавшихся тѣмъ, какъ она станетъ держать себя.

М-ръ Гринъ былъ потрясенъ событіями прошлой ночи. Несмотря на то, что всѣ слуги были разбужены и допрошены, вслѣдствіе чего буфетчикъ попросилъ разсчета, переселеніе дневника изъ запертаго ящика бюро на столъ въ классной — такъ и осталось невыясненнымъ. Заподозрили-было m-lle Вербена, но м-ръ Гринъ запротестовалъ. Ея покойный отецъ былъ графъ, при томъ она не умѣетъ читать по-англійски.

Послышался шопотъ почтительнаго сочувствія, когда м-ссъ Гринъ нѣжно заключила въ объятія своего супруга, прижавъ его голову къ своей шляпкѣ цвѣта сливъ. Раздался свистокъ, поѣздъ тронулся. Высунувшись изъ окна купэ перваго класса, м-ръ Гринъ махалъ платкомъ все время, пока могъ видѣть римскій профиль своей супруги, рѣзко выдѣлявшійся на фонѣ лондонскаго дыма и тумана. Наконецъ, профиль поблѣднѣлъ, затушевался, сдѣлался похожимъ на блѣдный набросокъ карандашомъ. Тогда м-ръ Гринъ откинулся на подушки дивана, — онъ былъ одинъ! Дэррель съ его дорожнымъ несессеромъ ѣхалъ во второмъ классѣ.

Какое странное ощущеніе—ѣхать въ Алжиръ одному! М-ръ Гринъ какъ-то не могъ собраться съ мыслями. Онъ до такой степени не привыкъ къ свободѣ, онъ такъ долго не имѣлъ ни малѣйшаго желанія пріобрѣсти свободу, что эта внезапная свобода прямо пугала его. Онъ чувствовалъ себя одинокимъ, взволнованнымъ, „ужасно неженатымъ".

Для того, чтобы развлечься, онъ вытащилъ тетрадь съ карандашомъ и вывелъ на первой страницѣ крупными буквами: „*Африканскіе легкіе нравы* (замѣтки)". Не сводя глазъ съ своего перваго литературнаго произведенія, онъ спрашивалъ себя, что онъ будетъ дѣлать въ Алжирѣ?

Онъ смутно представлялъ себя въ африканскихъ гостинницахъ, въ мечетяхъ, среди дервишей, на базарѣ, который рисовался ему въ видѣ благотворительныхъ лондонскихъ базаровъ въ восточномъ вкусѣ. Передъ его умственнымъ взоромъ проносились дамы съ движеніями полными нѣги, съ миндалевидными глазами,

съ черными косами, облеченныя въ широкія турецкія шаровары. Онъ очнулся отъ сна при приближеніи къ Дувру. Во время переѣзда онъ чувствовалъ себя очень скверно и оправился уже передъ концомъ пути.

Въ Парижѣ онъ едва успѣлъ пообѣдать, спѣша на скорый поѣздъ, отходившій въ Марсель. Поѣздъ уже былъ поданъ; м-ръ Гринъ обернулся, ища Дэрреля съ дорожнымъ несессеромъ, но ихъ нигдѣ не было видно. Между тѣмъ пассажиры уже занимали мѣста, пожилыя дамы раскладывали подушки и жевали бисквиты, пожилые джентльмены съ желтыми лицами покупали газеты; голоногихъ дѣтей вталкивали въ купэ. Агентъ Кука объяснялъ туристу-шотландцу разницу между словами „oui“ и „non“. Суматоха отъѣзда висѣла въ воздухѣ, но Дэрреля все не было видно. М-ръ Гринъ оставилъ его на платформѣ, давъ ему самыя точныя указанія относительно часа отхода поѣзда, но, тѣмъ не менѣе, тотъ исчезъ. Самые бѣшеные поиски, самые отчаянные разспросы служащихъ и постороннихъ не привели ни къ чему, и въ концѣ концовъ м-ръ Гринъ былъ, буквально, втолкнутъ въ wagon-lit и подхваченъ контролеромъ, такъ какъ поѣздъ уже трогался.

Онъ упалъ въ полномъ изнеможеніи на красныя плюшевыя подушки, сознавая всю отчаянность своего положенія. Онъ чувствовалъ себя болѣе одинокимъ, чѣмъ когда-либо: безъ слуги, безъ зубной и головной щетки, безъ бритвъ, безъ губокъ, безъ жакетки, безъ туфель. Кто облегчитъ его страданія во время морского переѣзда, кто будетъ служить ему въ Алжирѣ и сопровождать его въ сомнительныхъ ночныхъ экскурсіяхъ, предпринимаемыхъ ради „Катерины“? Когда вошелъ контролеръ, м-ръ Гринъ сообщилъ ему свою печальную исторію.

— Безъ сомнѣнія, его сманили, monsieur. Вашъ несессеръ— дорогая вещь?

— Крокодиловая кожа съ золотыми украшеніями.

— По всей вѣроятности, monsieur уже не увидитъ своего лакея. Его легко могли ограбить и сбросить въ Сену.

М-ръ Гринъ вздрогнулъ: плохое предзнаменованіе для его экспедиціи! Вмѣсто овсяной воды онъ выпилъ на ночь виски съ содою, и ему всю ночь снились кровавые сны. Въ Марсели онъ купилъ новый несессеръ, выбрился, позавтракалъ и поѣхалъ на пристань. По дорогѣ онъ встрѣтилъ двоихъ арабовъ и поспѣшилъ занести этотъ фактъ въ свою тетрадку. Они показались ему способными на... на всякое преступленіе; на какое именно— онъ до этого никакъ не могъ додуматься. Его понятія о злѣ

были очень ограничены, и онъ впервые устыдился этого. Онъ утѣшился мыслью, что недѣли черезъ двѣ-три онъ несомнѣнно просвѣтится въ этомъ отношеніи, и потому видъ корабля „Генералъ Бертранъ“, стоявшаго въ гавани и готоваго отплыть въ полдень, вызвалъ на устахъ его легкую улыбку. Большинство пассажировъ было уже на кораблѣ, но когда м-ръ Гринъ вышелъ изъ кэба, стройная маленькая лэди въ простомъ черномъ платьѣ съ изящнымъ дорожнымъ мѣшкомъ въ рукахъ легкою походкой поднялась впереди него по сходнямъ. М-ръ Гринъ посмотрѣлъ на нее и вздрогнулъ: эта стройная талія показалась ему знакомой, но гдѣ видѣлъ онъ ее ранѣе? Это была тонкая, даже шикарная талія, одна изъ тѣхъ талій, которымъ нѣтъ необходимости странствовать одиноко по свѣту, талія несомнѣнно привлекательная, пожалуй—обольстительная. Онъ вспомнилъ талію своей жены, плоскую, могучую, ничего не обѣщающую. Эта была совсѣмъ въ другомъ вкусѣ, болѣе... алжирская, быть можетъ. Ему смутно пришло въ голову, что встрѣча съ подобной таліей могла бы способствовать ближайшему его ознакомленію съ африканскимъ легкомысліемъ.

Въ это время къ нему подошелъ завѣдующій, чтобы проводить его въ его каюту, и вслѣдъ затѣмъ всѣми его помыслами завладѣло море...

Уже наступили сумерки, когда мысли его настолько прояснились, что ему захотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ пролежалъ неподвижно, соображая, какъ это сдѣлать? Затѣмъ онъ всталъ и снова предался размышленіямъ, сидя уже на полу каюты. Онъ зналъ, что на кораблѣ имѣлась палуба; онъ помнилъ, что видѣлъ ее при входѣ на корабль. Продолжая сидѣть на полу, м-ръ Гринъ натянулъ на себя мѣховое пальто, что отняло у него очень много времени. Наконецъ, процессъ одѣванія былъ законченъ, и съ помощью койки и умывальника ему удалось встать на ноги.

Корабль проявлялъ необыкновенную, чисто американскую подвижность. Онъ подумалъ, что большее спокойствіе было бы желательнѣе, и все выжидалъ, покуда полъ каюты перестанетъ приподниматься и опускаться; но такъ какъ желаніе его не осуществлялось, онъ, переждавъ еще съ минуту, сталъ подыматься по лѣстницѣ. Это было очень странное ощущеніе, и сознаніе его одиночества охватило его съ удвоенною силой. Когда онъ опомнился, онъ уже сидѣлъ на доскахъ подъ сѣрымъ небомъ, крѣпко ухватившись за перила, являвшіяся единственною преградою между нимъ и вѣчностью. Сначала онъ сознавалъ только

шумъ вѣтра и воды и видѣлъ передъ собою нѣчто сѣрое, но внезапно на краю его горизонта показалось черное пятно, которое то появлялось, то исчезало. Онъ не могъ понять, что это такое, и тщетно старался опредѣлить его мѣстопребываніе. Ему казалось, что оно должно быть у него на лѣвой щекѣ, и онъ съ величайшимъ усиліемъ вытащилъ свой носовой платокъ, но вдругъ пятно приняло чудовищные размѣры; онъ повернулъ голову и увидѣлъ даму въ черномъ платьѣ, которую замѣтилъ на пристани.

Она стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, облокотившись на бортъ, въ позѣ, выражающей глубокое уныніе; лица ея не было видно, но ея правое плечо показалось ему такимъ же странно-знакомымъ, какъ и ея талія; поворотъ ея головы—также. Онъ сильно закашлялся, дама не обратила на это вниманія, онъ снова кашлянулъ, любопытство его обострилось, и онъ рѣшилъ увидѣть ея лицо.

На этотъ разъ она обернула къ нему свое блѣдное лицо, по выраженію котораго было видно, что она совершенно не сознаетъ его присутствія. Съ секунду она безсознательно смотрѣла на него, а онъ—на нее, затѣмъ онъ вздрогнулъ отъ изумленія, что-то просвѣтлѣло у него въ мозгу и онъ воскликнулъ:

— M-lle Вербена!

— Monsieur!—откликнулась она тономъ глубокаго удивленія.

— M-lle Вербена, неужели, неужели это вы?—Онъ, пошатываясь, подошелъ къ ней.

— M-lle Вербена, развѣ вы не узнаете меня? Это — я, Юстэсъ Гринъ, отецъ вашихъ питомцевъ, мужъ м-ссъ Юстэсъ Гринъ.

Лицо дамы приняло удивленное выраженіе; какъ бы не довѣряя себѣ, она нагнулась къ самому лицу м-ра Грина, заглянула ему въ глаза и воскликнула:

— Боже мой! въ самомъ дѣлѣ? Вы такъ измѣнились, что я не узнала васъ съ перваго взгляда. Что же вы дѣлаете здѣсь, въ открытомъ морѣ, и вдали отъ madame?

— А вы?—спросилъ м-ръ Гринъ.

IV.

— Увы, monsieur!—проговорила m-lle Вербена своимъ серебристымъ голосомъ. — Я отправилась къ моей бѣдной матери...

— Но, насколько я понялъ, она умирала въ Парижѣ?

— Да, но когда я пріѣхала въ улицу St.-Honoré, я узнала, что ее отправили въ Алжиръ. Африканское солнце, теплый климатъ — одни могутъ спасти ее, по словамъ докторовъ. Они не успѣли меня увѣдомить, ее увезли немедленно. И вотъ я ѣду туда, хотя, быть можетъ, уже не застану ее въ живыхъ.

Крупныя слезы катились у нея по щекамъ; м-ръ Гринъ былъ глубоко огорченъ и замѣтилъ, что нужно надѣяться на лучшее.

Левантинка постаралась улыбнуться.

— Но вы, monsieur, почему вы здѣсь? Впрочемъ, madame, быть можетъ, съ вами? Позвольте мнѣ пойти къ ней, я хочу еще разъ поцѣловать ея милыя руки...

— Я здѣсь одинъ,—грустно проговорилъ м-ръ Гринъ.

Онъ не могъ сказать правды относительно „Катерины", и потому принужденъ былъ прибѣгнуть къ хитрости.

— Я... я внезапно заболѣлъ инфлюенцой,—проговорилъ онъ смущенно;—докторъ мнѣ посовѣтовалъ перемѣну воздуха и указалъ на Алжиръ...

— Mon Dieu! такъ же, какъ моей бѣдной мамѣ!

— Вотъ именно! Наши организмы, безъ сомнѣнія, схожи... Я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы пополнить мои свѣдѣнія относительно африканскихъ нравовъ и обычаевъ.

На лицѣ m-lle Вербенá мелькнула странная улыбка, перешедшая въ болѣзненную гримасу. Оказалось, что у нея страшно болятъ зубы; она сойдетъ въ каюту, чтобы помолиться за свою бѣдную мать и за monsieur.

М-ръ Гринъ удержалъ ее,—даже присутствіе левантинки было утѣшеніемъ для его одинокаго сердца. Онъ чувствовалъ расположеніе къ этой несчастной дѣвушкѣ, которую, быть можетъ, ждетъ на чужбинѣ такой ударъ.

— Побудьте здѣсь,—сказалъ онъ:—воздухъ принесетъ вамъ пользу.

— Ахъ, не все ли равно, еслибы я даже умерла! Кромѣ моей бѣдной мамы, кому я нужна? И кто нуженъ мнѣ?

— А м-ссъ Гринъ!—воскликнулъ супругъ писательницы.—И, наконецъ... соборъ святого Павла,—помните соборъ святого Павла?

— Ахъ, этотъ дивный храмъ! Увижу ли я его когда-нибудь!?

Она взглянула на м-ра Грина, и вдругъ, самъ не зная почему, м-ръ Гринъ вспомнилъ исторію съ дневникомъ и покраснѣлъ.

— У monsieur жаръ!—воскликнула m-lle Вербена.

М-ръ Гринъ покачалъ головой; левантинка съ любопытствомъ взглянула на него.

— Monsieur что-то хочетъ сказать мнѣ и не рѣшается?

М-ръ Гринъ сдѣлалъ усиліе надъ собою. Теперь, стоя рядомъ съ нею, видя ея блѣдное кроткое лицо, заплаканные глаза, простое черное платье, онъ приходилъ въ ужасъ отъ предположенія, что она могла открыть ящикъ бюро поддѣльнымъ ключомъ. Онъ ощутилъ непреодолимое желаніе сказать правду и въ нѣсколькихъ словахъ передалъ m-lle Вербенà исторію съ дневникомъ. Настала ея очередь вспыхнуть отъ ужаса.

Дневникъ, священный дневникъ madame, побывавшій въ чужихъ рукахъ, прочтенный дѣтьми, быть можетъ, слугами! Лакей Томасъ навѣрное пронюхалъ всѣ секреты madame? Онъ способенъ на это—со своимъ длиннымъ носомъ... Ахъ, ахъ, ахъ!

Она разразилась истерическимъ смѣхомъ, болѣе ужаснымъ, чѣмъ слезы. М-ръ Гринъ очень обезпокоился; онъ умолялъ ее перестать, но она хохотала до тѣхъ поръ, покуда слезы не потекли у нея по щекамъ. Мысль о Томасѣ, заглядывающемъ въ дневникъ м-ссъ Гринъ, страшно энервировала ее, и м-ръ Гринъ могъ изъ этого видѣть, какъ были велики ея привязанность и уваженіе къ м-ссъ Гринъ. Наконецъ, онъ проводилъ ее до каюты, предложивъ ей руку, на которую она тяжело оперлась. У самыхъ дверей она спросила:

— Кто бы могъ взять дневникъ?

— Томасъ, вѣроятно, — отвѣтилъ м-ръ Гринъ, покраснѣвъ.

M-lle Вербенà съ секунду пристально глядѣла на него, затѣмъ воскликнула:

— Да благословитъ васъ Богъ!

— За что?—удивился онъ.

— Вы — благородный человѣкъ... Вы не оскорбили беззащитную дѣвушку недостойными подозрѣніями. А что говоритъ madame?

— М-ссъ Гринъ убѣждена, что это Томасъ, — пробормоталъ м-ръ Гринъ. — Увѣряю васъ, она—она первая такъ рѣшила...

M-lle Вербенà нѣжно пожала ему руку.

— Madame—ангелъ, да благословитъ Богъ васъ обоихъ!

Она, шатаясь, вошла въ свою каюту, и когда дверь закрылась за нею, м-ръ Гринъ снова услышалъ ея ужасный истерическій смѣхъ.

На слѣдующій день близость Африки уже сдѣлалась замѣтной, море было синее и спокойное, на небѣ — ни облачка.

Непріятно поражавшая м-ра Грина усиленная дѣятельность корабля прекратилась, и, поднявшись рано утромъ на палубу, m-lle Вербенà нашла его, уже расположившагося тамъ и быв-

шаго очевидно въ отличномъ настроеніи. Увидя ее, онъ всталъ и съ рыцарской любезностью подалъ ей стулъ.

Всѣмъ извѣстно, что во время морского путешествія люди легче сближаются. Къ тому времени, какъ бѣлые дома Алжира поднялись изъ лона волнъ, м-ръ Гринъ и m-lle Вербена сдружились... ну, хотя бы какъ братъ и сестра. Она разсказывала ему о своемъ дѣтствѣ; о кончинѣ графа—своего отца, шептавшаго передъ смертью имя Людовика XVI; о бѣдности матери своей—графини; о своей собственной рѣшимости порвать съ аристократическими предразсудками и начать самой зарабатывать себѣ хлѣбъ. Онъ въ свою очередь повѣдалъ ей о школьныхъ дняхъ въ Итонѣ, о своемъ влеченіи къ военной службѣ, о своей ранней женитьбѣ на миссъ Юдженіи Ганнибалъ-Баркеръ. Дойдя до этого пункта и умолчавъ о „Катеринѣ", онъ все же намекнулъ, что леченіе инфлюэнцы не было единственнымъ поводомъ къ предпринятому имъ путешествію.

— Я хочу изучить туземныхъ мужчинъ и женщинъ,—шепнулъ онъ ей на розовое ушко,—я хочу узнать ихъ страсти, ихъ желанія, ихъ безумства...

— Ахъ, еслибы я могла помочь вамъ, monsieur! Но я лишь бѣдное, неопытное существо, и притомъ я буду все время у постели моей больной матери.

— Но вы дадите мнѣ вашъ адресъ? Вы позволите мнѣ справиться о здоровьи графини?

— Охотно, но я еще не знаю, гдѣ остановлюсь. А вы проѣдете въ „Grand-Hôtel"? Я напишу вамъ, какъ только повидаюсь съ бѣдной мамой, а покуда...

Они входили въ гавань. Уже виднѣлись вершины Мустафы, деревья парка, башни „Hôtel-Splendide".

— А покуда я попрошу monsieur не... не сообщать кому бы то ни было въ Англію о томъ, что я здѣсь.

М-ръ Гринъ изумился; она опустила головку и продолжала:

— Свѣтъ такъ золъ... Можетъ показаться страннымъ, что я и monsieur—такой красивый и обворожительный молодой человѣкъ... что мы вдвоемъ на одномъ кораблѣ и со мною нѣтъ никого изъ старшихъ... Enfin...

Она не могла продолжать, но ея деликатность, ея предусмотрительность тронули м-ра Грина до слезъ.

— Ни слова,—сказалъ онъ:—вы совершенно правы. Свѣтъ дѣйствительно очень золъ, и потому я—никому ни слова.

Онъ рискнулъ пожать ея руку, какъ это могъ бы сдѣлать старшій братъ. Въ первый разъ ему пришло въ голову, что

свѣтъ можетъ заподозрить и жену Цезаря, т.-е. супруга м-ссъ Юстэсъ Гринъ. Но тутъ толпа арабовъ разлучила ихъ, и ему оставалось только поѣхать въ отель.

Напившись чаю, онъ въ тотъ же вечеръ отправился въ агентство Кука. Входя туда, онъ слегка волновался. Въ конторѣ не было никого изъ туристовъ, и любезный клеркъ съ блестящими проницательными глазами тотчасъ же занялся имъ.

— Чѣмъ могу служить вамъ, сэръ?

— Я здѣсь въ первый разъ,—началъ м-ръ Гринъ,—и потому хотѣлъ бы какъ можно ближе познакомиться съ городомъ, вы понимаете?

— Вамъ нуженъ проводникъ? Альфонсо!

Изъ сосѣдней комнаты явился смуглый, коренастый субъектъ, съ еврейскимъ носомъ, французскими чертами лица и сильно косившими арабскими глазами.

— Превосходный проводникъ, сэръ,—отрекомендовалъ его клеркъ:—онъ говоритъ на двадцати-пяти языкахъ.

Толстый человѣкъ, щеголявшій въ швейцарскомъ костюмѣ, шляпѣ-панамà и нѣмецкихъ ботинкахъ, объяснявшійся ломанымъ англійскимъ языкомъ съ примѣсью китайскихъ словъ, обратился къ м-ру Грину, спрашивая его, какія достопримѣчательности угодно ему видѣть: мечети, базары, бани генеральнаго штаба, монастырь траппистовъ, Мустафу, St.-Eugène, Villa Anti-Juif?..

— Постойте, — прервалъ его м-ръ Гринъ, — могу я присѣсть?

— Пожалуйста садитесь, сэръ, и переговорите съ Альфонсо.

Клеркъ погрузился въ огромную счетную книгу, а м-ръ Гринъ усѣлся напротивъ Альфонсо, стоявшаго предъ нимъ въ мавританской позѣ, но глядѣвшаго, очевидно, по направленію къ Марсели.

М-ръ Гринъ таинственно понизилъ голосъ.

— Видите ли, я пріѣхалъ сюда съ намѣреніемъ...

— Вы желаете видѣть la belle Фатьмà? Я это устрою; она принимаетъ у себя каждый вечеръ. La belle Фатьмà—красивѣйшая женщина во всей Африкѣ. Она принимаетъ...

— Простите, одинъ вопросъ: что эта дама?...—м-ръ Гринъ колебался:—она... очень порочна?

Альфонсо совершенно по-африкански всплеснулъ руками.

— Порочна! La belle Фатьмà! Она пользуется безупречной репутаціей, извѣстной всему городу. Вы приходите къ ней въ домъ въ восемь часовъ, вы пьете кофе, разговариваете съ красавицей, смотрите танцы и слушаете музыку. Не безпокойтесь,

сэръ, это такъ же прилично, какъ на вашей родинѣ — въ Англіи...

— Если это такъ прилично, мнѣ незачѣмъ туда ходить,— прервалъ м-ръ Гринъ:—я не желаю даромъ тратить время.

Клеркъ поднялъ голову отъ книги; Альфонсо, повернувшись къ м-ру Грину бокомъ, ухитрился, наконецъ, остановить на немъ свой блуждающій глазъ.

— Я пріѣхалъ сюда не для того, чтобы видѣть приличныя вещи,—продолжалъ м-ръ Гринъ, слегка вспыхнувъ:—совсѣмъ наоборотъ.

— Сэръ?!

Голосъ Альфонсо звучалъ почти угрожающе. М-ръ Гринъ вспомнилъ о своей возлюбленной женѣ, о тетрадкахъ, о томъ, что онъ могъ быть военнымъ, и сдѣлалъ отчаянный призывъ къ своему мужеству.

— Совсѣмъ наоборотъ, — твердо повторилъ онъ: — я пріѣхалъ въ Африку съ намѣреніемъ осмотрѣть Казбахъ и всѣ кварталы, пользующіеся дурной репутаціей.

— Съ какою цѣлью, сэръ?

— Съ цѣлью ознакомиться съ порокомъ, — отвѣтилъ м-ръ Гринъ, густо покраснѣвъ.

Изъ за-большой книги послышалось легкое фырканье, которое сейчасъ же стихло. Въ конторѣ царило мертвое молчаніе, прерываемое лишь отдаленнымъ гуломъ моря и сопѣніемъ Альфонсо, тяжело переводившаго духъ.

— Я желаю видѣть всѣ мѣста, гдѣ ютятся порокъ и преступленіе, всѣ до одного.

За книгою снова послышалось фырканье, но мысль о „Катеринѣ" придала мужества м-ру Грину.

— Я дѣлаю это по желанію моей жены,—вдругъ выпалилъ онъ, забывъ о предостереженіи м-ссъ Гринъ.

За книгою послышался настоящій вой, между тѣмъ какъ Альфонсо, еще далѣе отодвинувшись отъ м-ра Грина для того, чтобы удобнѣе пронизывать его своимъ взглядомъ, воскликнулъ, смѣшивая всѣ арійскія нарѣчія:

— Сэръ, я почтенный неженатый человѣкъ. Я родился въ Буэносъ-Айресѣ, воспитывался въ Смирнѣ, достигъ совершеннолѣтія въ Стамбулѣ, служилъ проводникомъ въ Багдадѣ и другихъ замѣчательныхъ городахъ. Я отказываюсь имѣть что-либо общее съ вами и съ вашею женою!

Съ этими словами онъ кинулся въ сосѣднюю комнату и захлопнулъ за собою дверь, между тѣмъ какъ клеркъ предался

необузданному порыву веселья, а м-ръ Гринъ весь въ холодномъ поту выскочилъ изъ агентства, чувствуя себя болѣе виновнымъ, чѣмъ любой убійца.

Это былъ ошеломляющій ударъ. Обвѣваемый морскимъ вѣтеркомъ, онъ прислонился къ каменному парапету и думалъ о м-ссъ Гринъ, которой Альфонсо выразилъ свое презрѣніе.

Послѣ того какъ его выгнали отъ Кука, что оставалось ему дѣлать? Очевидно, Алжиръ—не безъ грѣха, но гдѣ искать его? Онъ видѣлъ только приближеніе вечера и толстыхъ французовъ, тянувшихъ абсентъ.

— Не желаетъ ли monsieur побывать въ Казбахѣ сегодня ночью?

О, сладостный голосъ! М-ръ Гринъ обернулся и увидѣлъ передъ собою высокаго, тонкаго молодого человѣка, отчаяннаго вида, съ черными какъ смоль усами и великолѣпными глазами.

— Кто вы такой?

— Проводникъ, monsieur, вотъ мои свидѣтельства.

Онъ вытащилъ изъ кармана связку грязныхъ бумагъ, но м-ръ Гринъ отстранилъ ее. Вотъ человѣкъ, который поведетъ его къ пріютамъ порока. Этого было достаточно; онъ былъ преисполненъ рѣшимости отчаянія и выражался сообразно этому.

— Послушайте,—заговорилъ онъ быстро,—вы—дурной человѣкъ?

— Очень дурной, monsieur.

— Хорошо, т.-е. хорошо для меня.

— Monsieur очень добръ.

— Да, но вы должны мнѣ показать все, что есть въ Алжирѣ самаго ужаснаго.

— Съ удовольствіемъ, monsieur, но подъ условіемъ.

— Какія ваши условія?

— Двѣсти фунтовъ, monsieur. Вы думали, что это будетъ стоить дороже? Но такъ какъ monsieur очень понравился мнѣ, я готовъ уступить пятьдесятъ фунтовъ. Расходы на счетъ monsieur.

— Разумѣется. А сколько времени на это понадобится?

— На то, чтобы осмотрѣть все ужасное? Двѣ, три недѣли— это зависитъ отъ monsieur, если онъ выносливъ и можетъ обходиться безъ сна...

— Намъ придется не спать по ночамъ?

— Безъ сомнѣнія.

— Въ такомъ случаѣ я буду спать днемъ, и мы покончимъ все въ двѣ недѣли. Приходите сегодня вечеромъ въ „Grand Hôtel“ въ десять часовъ.

— Ровно въ десять часовъ я буду тамъ.

Получивъ въ задатокъ двадцать фунтовъ, молодой человѣкъ отчаяннаго вида граціозно раскланялся, и м-ръ Гринъ, вернувшись въ „Grand-Hôtel“, выпилъ за обѣдомъ цѣлую бутылку шампанскаго.

Онъ еще допивалъ кофе съ ликеромъ, когда старшій кельнеръ, имѣвшій сильное сходство съ Наполеономъ I, не безъ таинственности приблизившись къ нему, въ полголоса доложилъ ему о приходѣ джентльмена, который долженъ проводить monsieur въ Казбахъ. М-ръ Гринъ вспыхнулъ отъ сознанія своей виновности. Проговоривъ: „сейчасъ“, онъ бросился къ себѣ наверхъ, захватилъ тетрадь и карандашъ, накинулъ на себя темное пальто, сунулъ въ карманъ одинъ изъ револьверовъ и поспѣшилъ въ вестибюль отеля, гдѣ отчаяннаго вида молодой человѣкъ стоялъ, окруженный выѣздными въ свѣтлыхъ ливреяхъ, алжирскими лакеями и швейцарско-германскими разсыльными, сочувственно улыбавшимися и подмигивавшими ему.

— А, вотъ и вы!—воскликнулъ м-ръ Гринъ голосомъ браваго военнаго служаки, видавшаго виды на своемъ вѣку.—Ну что жъ, отправимся въ мечеть.

— Вотъ именно, monsieur, въ мечеть.

Одинъ изъ грумовъ, мальчикъ лѣтъ восьми (счастье его, что онъ еще не имѣлъ ни о чемъ понятія) разразился визгливымъ смѣхомъ. Лакеи поспѣшно отвернулись, а остальные служащіе занялись своимъ дѣломъ. У подъѣзда ожидала коляска, и м-ръ Гринъ трепетнымъ голосомъ освѣдомился о томъ, куда они ѣдутъ?

— Мы ѣдемъ на высоты, смотрѣть Уледъ,—отвѣтилъ проводникъ,—en avant!

Онъ помѣстился рядомъ съ м-ромъ Гриномъ, кучеръ щелкнулъ бичомъ, и лошади помчались.

V.

На слѣдующій день, сойдя къ завтраку въ четверть третьяго, м-ръ Гринъ нашелъ возлѣ своего прибора письмо. Почеркъ былъ женскій. Онъ дрожащею рукою распечаталъ его и прочелъ:

„Rue du Petit Nègre, 1.

„Дорогой Monsieur. Я здѣсь. Мама въ больницѣ, и мнѣ разрѣшаютъ навѣщать ее два раза въ день. Остальное время провожу въ слезахъ и молитвѣ. Я надѣюсь, что вы хорошо

провели ночь? Что до меня—я не спала всю ночь, думая о мамѣ. Теперь иду въ церковь.—Адель-Вербена".

Онъ положилъ письмо и глубоко вздохнулъ. Какъ оно невинно, просто, искренно! Даже и въ Алжирѣ есть еще чистыя души. Не странно ли, что онъ знаетъ одну изъ нихъ, онъ, не только заполнившій африканскими впечатлѣніями всю тетрадку, но перенесшій часть ихъ даже на обертку ея!? Слезы проступили на его глазахъ, когда онъ положилъ письмо рядомъ съ яйцами и поджаренными ломтиками хлѣба съ масломъ, озаренными жгучимъ африканскимъ солнцемъ. Предлагая м-ру Грину сахару и сливокъ, старшій кельнеръ многозначительно улыбался; улыбались и другіе служащіе. Восьмилѣтній грумъ, еще не понимавшій жизни, встрѣтилъ его веселымъ смѣхомъ и восклицаніемъ: „Oh la-la!", навлекшими на него выговоръ со стороны хозяина отеля. Вообще, волна общественной симпатіи охватила м-ра Грина, пепельно-сѣрое лицо котораго и тусклые глаза указывали на безсонную ночь.

— Скушайте, сэръ,—вы почувствуете себя лучше послѣ завтрака.

Величественный кельнеръ, прислуживая м-ру Грину, бросалъ укоризненные взоры на маленькаго грума, заглядывавшаго въ столовую.

— Я чувствую себя очень хорошо,—отвѣчалъ м-ръ Гринъ съ напускною веселостью, и тутъ же освѣдомился у своего собесѣдника:—хорошо ли онъ знаетъ Алжиръ?

— Я здѣсь родился, monsieur. Если вы желаете сегодня вечеромъ снова посѣтить Казбахъ?..

Но м-ръ Гринъ остановилъ его почти рѣзко. Нѣтъ, онъ желаетъ знать: гдѣ находится улица du Petit Nègre?

— Monsieur отправляется туда сегодня ночью?

— Нѣтъ, я ѣду туда теперь, сейчасъ же послѣ завтрака.

— Monsieur прямо изумителенъ! Я въ жизни не видалъ подобнаго туриста! — Кельнеръ весь сіялъ насмѣшливымъ изумленіемъ. — Но вамъ лучше взять экипажъ. Подъемъ очень крутъ.

— Такъ прикажите подать коляску. Я ѣду сію минуту.

Онъ отстранилъ поджаренный хлѣбъ и медленно двинулся за кельнеромъ.

— Коляску для monsieur! Monsieur желаетъ ѣхать на улицу du Petit Nègre.

Весь штатъ служащихъ собрался у подъѣзда, словно для проводовъ члена королевскаго дома. Путь м-ра Грина лежалъ

по узкимъ, извилистымъ, многолюднымъ улицамъ, мимо базаровъ, мечетей, католическихъ церквей, казармъ и кофеенъ, покуда экипажъ не свернулъ въ аллею, круто поднимавшуюся въ гору. Кучеръ заявилъ, что здѣсь monsieur долженъ сойти и подняться по ступенямъ. Улица du Petit Nègre—на вершинѣ горы. Monsieur прикажетъ ему обождать здѣсь?

— Да.

Кучеръ принялся свертывать папиросу, между тѣмъ какъ м-ръ Гринъ, слѣдуя его указаніямъ, увидѣлъ арку, ведшую во дворъ, вымощенный бѣлыми и синими плитами и украшенный апельсинными деревьями въ кадкахъ. Посрединѣ двора онъ увидѣлъ трехъ-этажный домъ съ плоскою кровлею, и толстая француженка, которую онъ спросилъ: здѣсь ли живетъ m-lle Вербена̀, тотчасъ провела его въ салонъ съ желтою репсовою мебелью и попросила присѣсть.

Минуты черезъ двѣ вышла m-lle Вербена́, осушая глаза маленькимъ носовымъ платкомъ и принуждая себя улыбнуться. Онъ безмолвно пожалъ ея руку, она сѣла на стулъ и они поглядѣли другъ на друга.

— Mais, mon Dieu! До чего monsieur измѣнился!—воскликнула левантинка.—Еслибы madame видѣла его! Что̀ случилось?

— Миссъ Вербена̀,—отвѣтилъ м-ръ Гринъ,—сегодня ночью на высотахъ я видѣлъ Уледъ.

— Что это такое—Уледъ?—спросила Адель, поднося платокъ къ лицу, по которому пробѣжала спазма.

— Я не смѣю сказать вамъ.

— Нѣтъ, скажите, я жажду выразить вамъ мое сочувствіе.

М-ръ Гринъ колебался, но онъ такъ нуждался въ сочувствіи, ему хотѣлось облегчить свою душу.

— Уледъ—танцовщица изъ Сахары,—отвѣтилъ онъ.

— Что̀ же она танцуетъ—вальсъ? польку? кадриль?

— О, еслибы только это!—И м-ръ Гринъ, будучи не въ силахъ долѣе сдерживаться, описалъ въ нѣсколько смягченныхъ чертахъ видѣнную имъ пляску пустыни.

— Какъ это ужасно!—воскликнула она, выслушавъ его.—И сколько же вы заплатили за это грѣховное зрѣлище?

— Я далъ ей двадцать фунтовъ. Мой проводникъ, Абдалла-Джэкъ, сообщилъ мнѣ, что такова цѣна. Онъ говоритъ, что эти танцы запрещены закономъ, и каждый разъ какъ Улэдъ танцуетъ, она рискуетъ тюрьмою.

— Бѣдняжка! Тяжело зарабатывать такимъ образомъ свой

хлѣбъ вмѣсто того, чтобы преподавать грамматику родного языка милымъ дѣтямъ monsieur!

— Вы—ангелъ! —воскликнулъ м-ръ Гринъ, тронутый этимъ намекомъ, вызвавшимъ передъ нимъ картину счастливаго дома въ Бельгрэвъ-скверѣ.

— И что же, вы снова пойдете смотрѣть эту бѣдную Уледъ?

— Да. Кажется, что она имѣетъ сношенія со всѣми... словомъ, подозрительными людьми Алжира, и ихъ можно видѣть черезъ нее. Абдалла-Джэкъ сказалъ мнѣ, что покуда я останусь здѣсь, я долженъ платить ей жалованье каждую недѣлю, а она покажетъ мнѣ за это всѣ ужасные туземные обряды. И потому я рѣшилъ...

— А, такъ вы рѣшили?..

На секунду въ глазахъ Адели вспыхнулъ такой огонекъ и голосъ ея прозвучалъ такъ странно, что м-ръ Гринъ вздрогнулъ, но она сейчасъ же проговорила своимъ обычнымъ грустнымъ, нѣжнымъ тономъ:

— Сердце мое обливается кровью за эту несчастную Уледъ... Какъ ее зовутъ? Айша? Она хороша собою?

— Право не знаю. Она раскрашена, кажется—татуирована, она такъ... такъ непохожа на м-ссъ Гринъ.

— Какъ это печально! Какъ ужасно! Вы, безъ сомнѣнія, сильно тоскуете по madame?

Тоскуетъ ли онъ? М-ръ Гринъ задалъ себѣ этотъ вопросъ. Какъ ни былъ онъ шокированъ, измученъ своими изысканіями, онъ все же не отдавалъ себѣ яснаго отчета: желалъ ли бы онъ перенестись обратно на Бельгрэвъ-скверъ, пить овсяную воду, вклеивать вырѣзки въ новый альбомъ, слушать чтеніе новаго романа въ рукописи? Какъ странно, какъ ужасно, что онъ и самъ этого не знаетъ!

— Развѣ это не такъ?—спросила Адель.

— Конечно, мнѣ недостаетъ моей возлюбленной жены, — отвѣтилъ м-ръ Гринъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ.—А какъ здоровье вашей бѣдной милой матери?

— Плохо, очень плохо, monsieur... Но все же есть слабая надежда на ея выздоровленіе. Сидя здѣсь одна въ чужомъ городѣ, я терзаюсь опасеніями, я боюсь, что скоро я останусь одинокою въ этомъ жестокомъ, жестокомъ мірѣ...

М-ръ Гринъ принялся утѣшать ее. Не надо падать духомъ. Нужно надѣяться.

— Какъ могу я надѣяться, сидя здѣсь одна?

— Вамъ не слѣдуетъ сидѣть здѣсь одной! (Внезапное вдохновеніе осѣнило м-ра Юстэса Грина).

— Вамъ необходимо осмотрѣть городъ, развлечься, покататься...

— Но куда же дѣвушка можетъ пойти одна, да еще въ Алжирѣ?

— Боже сохрани! Я буду вашимъ кавалеромъ.

Улыбка невинной радости озарила ея лицо, но вдругъ она снова опечалилась. Будетъ ли это прилично?

Но м-ръ Гринъ вдругъ махнулъ рукою на приличія. Почему же нѣтъ? И притомъ ихъ никто здѣсь не знаетъ.

— Это правда.

— Въ такомъ случаѣ надѣвайте вашу шляпку и ѣдемъ.

Когда m-lle Вербена вернулась въ изящной черной шляпкѣ и плотно обхватывавшей ея станъ жакеткѣ, онъ оглядѣлъ ее взоромъ браваго служаки. Въ рукахъ у нея былъ ярко-красный зонтикъ.

— Это ужасно, что я должна ходить съ такимъ зонтикомъ въ то время, какъ моя бѣдная мать борется со смертью, но у меня нѣтъ денегъ на покупку другого, а солнце такое ослѣпительное, что я не рискую выйти безъ зонтика.

Она съ огорченіемъ раскрыла его, но м-ръ Гринъ нашелъ, что этотъ цвѣтъ очень выгодно оттѣняетъ ея черный туалетъ, и дерзнулъ сказать ей объ этомъ.

Толстая француженка проводила ихъ сочувственнымъ взглядомъ.

— Кажется, она дала отставку своему черномазому — эта хитрая маленькая лиса. Что-жъ! У англичанъ есть свои хорошія стороны.

VI.

Тѣмъ временемъ въ Бельгрэвъ-скверѣ м-ссъ Юстэсъ Гринъ начинала слегка тревожиться, чему способствовали нѣкоторыя вмѣстѣ взятыя обстоятельства. Во-первыхъ: m-lle Вербена не написала ей ни слова о болѣзни своей матери и о томъ, когда она думаетъ возвратиться. Во-вторыхъ: юный Адольфъ, въ силу ея отсутствія, окончательно утратилъ всякое понятіе о неправильныхъ глаголахъ, въ которыхъ онъ и безъ того былъ нетвердъ. Въ-третьихъ: Дэррель вернулся не только безъ несессера своего барина, но и безъ своего собственнаго имущества. Онъ разсказалъ, что покуда онъ ждалъ м-ра Грина въ Парижѣ на вокзалѣ, къ нему подошелъ пріятной наружности иностранецъ, убѣдившій его выпить рюмочку абсента въ кафе насупротивъ. Что было

затѣмъ—онъ не знаетъ, такъ какъ онъ пришелъ въ себя уже въ одной изъ пассажирскихъ залъ Сѣвернаго вокзала, куда его доставили таинственнымъ образомъ. Въ карманѣ у себя онъ не нашелъ ни денегъ, ни часовъ, но лишь возвратный билетъ второго класса до Лондона; онъ пробродилъ по улицамъ до разсвѣта, а затѣмъ вернулся домой уничтоженный и проклинающій „французскихъ мазуриковъ“ отъ всей полноты своего британскаго сердца.

Тревога м-ссъ Гринъ о мужѣ, оставшемся одинокимъ на негостепріимномъ берегу Африки, еще усиливалась тѣмъ обстоятельствомъ, что пребываніе его тамъ затягивалось и даже нельзя было предвидѣть, когда онъ вернется. Прошелъ уже цѣлый мѣсяцъ со дня ихъ разлуки. Правда, онъ часто писалъ ей, и письма его были полны нѣжныхъ воспоминаній о Бельгрэвъ-скверѣ; ему хотѣлось быть снова дома, пить овсяную воду и вклеивать вырѣзки. Но, тѣмъ не менѣе, онъ не возвращался, даже болѣе—онъ писалъ, что ему не скоро удастся вернуться. Оказывалось, что до злого начала въ Африкѣ не такъ-то легко добраться. Оно не лежало на поверхности, но таилось въ глубинахъ, къ которымъ обыкновенному туристу не было доступа. Въ письмахъ м-ръ Гринъ описывалъ свои неустанныя и героическія усилія заполнить тетради матеріаломъ, могущимъ способствовать исправленію человѣчества. Онъ подробно передавалъ свой разговоръ съ Альфонсо у Кука и свое постыдное удаленіе изъ агентства. Послѣ этого событія онъ провелъ двѣ недѣли, не напавъ на слѣдъ грѣха, хотя посѣщалъ кафе, публичный „bar“, театры, велодромы, бродилъ по ночамъ на базарахъ и вокругъ цирка. И всюду онъ встрѣчался съ безобидными увеселеніями народа, которому мысль о грѣхѣ и злѣ казалась столь же чуждою, какъ желаніе—пропѣть англійскій національный гимнъ.

Въ теченіе третьей недѣли дѣла нѣсколько поправились. Гуляя въ поискахъ происшествій по набережной, м-ръ Гринъ увидѣлъ однажды, какъ переутомленный кейфомъ носильщикъ-арабъ кинулся на двоихъ почтенныхъ заклинателей змѣй, собиравшихся отплыть въ Тунисъ. Это происшествіе заполнило нѣсколько страницъ первой тетради, но затѣмъ наступила продолжительная мертвая тишь, если не считать пустяковъ вродѣ поджога лавочки въ еврейскомъ кварталѣ, не имѣющихъ значенія для „Катерины“.

Между супругами произошелъ дѣятельный обмѣнъ письмами, но съ книгою вышла остановка. Сначала м-ссъ Гринъ довольствовалась письмами, но затѣмъ прибѣгла къ телеграммамъ — объяснительнымъ, обвинительнымъ, наставительнымъ и даже —

грознымъ. Она горько сокрушалась по поводу несомнѣнной невинности своего супруга, и сожалѣла, что не отправила своимъ посломъ дядю, отставного морского капитана, который скорѣе бы напалъ на слѣдъ грѣха, чѣмъ бѣдный Юстэсъ. Лучше бы, наконецъ, сама она рѣшилась переплыть море въ поискахъ за матеріаломъ, котораго принуждена ждать съ понятнымъ нетерпѣніемъ.

Ея тревога достигла высшей точки, когда она получила извѣщеніе, что домъ на углу Паркъ-Лэна сданъ какому-то милліонеру изъ Венецуэлы. Она телеграфировала объ этомъ въ Алжиръ со слѣдующимъ заключеніемъ:

„Это не годится. Ты слишкомъ невиненъ, и не видишь того, что у тебя передъ глазами. Добудь помощниковъ. Обратись къ британскому консулу“.

М-ръ Гринъ телеграфировалъ въ отвѣтъ:

„Слѣдую твоему совѣту. Телеграфирую о результатѣ. Сожалѣю о моей невинности, но сокрушаюсь о томъ, что ты такъ сильно осуждаешь ее“.

Получивъ это извѣстіе за своимъ одинокимъ обѣдомъ, м-ссъ Юстэсъ Гринъ была глубоко потрясена. Она поняла, что поступила необдуманно. Ей было извѣстно, что немногія изъ женщинъ обладаютъ мужьями до такой степени чуждыми мужскихъ слабостей. Но, съ другой стороны, приходится думать о „Катеринѣ“, о домѣ въ Паркъ-Лэнѣ. Она была такъ огорчена, что впервые въ жизни отказалась отъ своего любимаго пирожнаго, къ которому имѣла пристрастіе еще со временъ своей первой небольшой повѣсти. Не успѣла она отослать блюдо, какъ ей подали вторую депешу, гласившую:

„Британскій консулъ въ ужасѣ. Меня постыдно изгнали изъ консульства. Большой скандалъ. Очень пораженъ, но ради тебя готовъ продолжать.—Юстэсъ“.

Какъ только зловѣщій смыслъ этихъ словъ проникъ наконецъ въ гигантскій мозгъ м-ссъ Гринъ, густой румянецъ покрылъ ея благородныя черты. Она поднялась изъ-за стола съ рѣшимостью, поразившею ужасомъ сердца напудренныхъ служителей, и, выпрямившись во весь свой ростъ, произнесла:

— Пошлите сейчасъ же м-ссъ Форбсъ ко мнѣ въ кабинетъ. Вы слышите: сейчасъ же!

Черезъ минуту на порогѣ святилища появилась м-ссъ Форбсъ, горничная великой романистки, очень опрятная особа въ черномъ шолковомъ платьѣ, состоявшая при м-ссъ Гринъ уже много

лѣтъ, а потому пользовавшаяся въ людской громаднымъ авторитетомъ по литературнымъ вопросамъ.

— Чтò прикажете, сударыня? — освѣдомилась она почтительно.

М-ссъ Гринъ молчала, погруженная въ размышленія. М-ссъ Форбсъ вздохнула. Она только-что собиралась поужинать.

— М-ссъ Форбсъ,—заговорила наконецъ ея госпожа, — на женщинъ возложена въ этомъ мірѣ великая миссія.

— Совершенно вѣрно, сударыня. Я именно такъ и сказала буфетчику Филиппу сегодня за обѣдомъ.

— Мы должны охранять мужчинъ, ни болѣе, ни менѣе.

— Это самое я сегодня же заявила за чаемъ младшему лакею Арчибальду, сударыня.

— Мужчина нуждается въ руководительствѣ, и мы... т.-е. я должна его поддержать. Въ эту минуту, м-ссъ Форбсъ, — продолжала съ возрастающимъ жаромъ м-ссъ Гринъ, — онъ взываетъ ко мнѣ изъ Африки. Онъ съ робкою мольбою простираетъ ко мнѣ руки...

— Я надѣюсь, что съ м-ромъ Гриномъ не случился одинъ изъ его желудочныхъ припадковъ?—спросила м-ссъ Форбсъ.

М-ссъ Гринъ улыбнулась ея наивности.

— Вы не понимаете меня, — проговорила она снисходительно,—я къ этому привыкла. Многіе меня не понимаютъ.

М-ссъ Форбсъ улыбнулась.

— Я ѣду въ Африку завтра утромъ, вы будете сопровождать меня. Слышите? Пусть дѣвушки помогутъ вамъ уложиться. Выберите самыя скромныя мои платья и шляпки. Я имѣю свои причины для того, чтобы прибыть въ Алжиръ инкогнито.

Наступило молчаніе; м-ссъ Гринъ подняла глаза и, замѣтивъ угрюмое выраженіе на лицѣ м-ссъ Форбсъ, спросила: чтò это значитъ?

— Мы ѣдемъ черезъ Парижъ, сударыня?

— Конечно.

— Въ такомъ случаѣ я очень сожалѣю, сударыня, но я не рискну на это, хотя бы...

— Но чтò за причина? Почему вы такъ боитесь Лютеціи?

— Я не боюсь никакой Лютеціи въ юбкѣ, сударыня, но ѣхать въ Парижъ для того, чтобы васъ опоили абсентомъ и свезли куда-нибудь какъ поклажу,—я не соглашусь на это, сударыня, хотя бы мнѣ пришлось оставить службу въ вашемъ домѣ.

М-ссъ Гринъ поняла, что инцидентъ съ лакеемъ произвелъ впечатлѣніе на ея горничную.

— Вы не отойдете отъ меня.

— Они опоятъ васъ абсентомъ, сударыня.

— Вы поѣдете со мною первымъ классомъ въ спальномъ вагонѣ.

— Хорошо, сударыня, только—изъ уваженія къ вамъ. Я не сдѣлала бы этого ни для какой другой дамы.

— Я прибавлю вамъ жалованья. Вы—преданный человѣкъ.

— А баринъ ждетъ насъ?—освѣдомилась м-ссъ Форбсъ, готовясь уйти.

Свѣтлая, нѣжная улыбка озарила лицо м-ссъ Гринъ. Она устремила на собесѣдницу свои большіе глаза съ поволокою.

— Нѣтъ! Но я скажу вамъ, м-ссъ Форбсъ, великую истину.

— Какую, сударыня?

— Сладчайшія минуты нашей жизни, возносящія насъ на небеса, тѣ минуты, въ которыя мы благодаримъ небо за дарованную намъ жизнь,—бываютъ зачастую неожиданными.

Она думала о восторгѣ м-ра Грина, когда онъ увидитъ передъ собою на чужой сторонѣ величественную фигуру своей возлюбленной, явившейся изъ Бельгрэвъ-сквера съ тѣмъ, чтобы утѣшить, успокоить, направить его на вѣрный путь. Она отерла слезу.

— Ступайте, м-ссъ Форбсъ.

И м-ссъ Форбсъ съ улыбкою удалилась.

Можно было бы написать поэму по поводу путешествія великой романистки въ Африку: о томъ, какъ она прибыла, укутанная въ черный газовый вуаль, на станцію, объ ея думахъ въ то время, какъ доброе судно „Императрица Индіи“ подпрыгивало на подобіе пробки по волнамъ, о завтракѣ ея, состоявшемъ изъ морского сухаря, о прибытіи ея въ Парижъ съ закатомъ дня. Быть можетъ, все это и будетъ современемъ описано—ею самой.

Въ Парижѣ она претерпѣла много непріятнаго, вслѣдствіе истеричности м-ссъ Форбсъ, которая, опасаясь „абсента“, обвиняла разныхъ неповинныхъ людей въ покушеніи на ея имущество и особу. Въ открытомъ морѣ она натерпѣлась еще болѣе, такъ какъ вѣтеръ все время былъ противный, и путешественницы прибыли въ Алжиръ съ опозданіемъ и въ такомъ состояніи, которое легче вообразить, нежели описать. Геній, нуждающійся въ рюмкѣ шартрёза для поддержанія еле теплющейся въ немъ искры жизни — слишкомъ прискорбный сюжетъ даже для дружественнаго пера. Достаточно будетъ сказать, что даже толпа горланящихъ арабовъ смолкла при видѣ м-ссъ Гринъ и м-ссъ Форбсъ, которыя въ шляпкахъ, надѣтыхъ задомъ напередъ, въ разстегнутыхъ ботинкахъ и мокрыхъ платьяхъ, пытались выса-

диться на берегъ. Видъ Африки произвелъ на обѣихъ такое подавляющее впечатлѣніе, что онѣ какъ во снѣ позволили усадить себя въ карету и увезти въ отдаленнѣйшій отель. Тутъ разыгралась тяжелая сцена. Вступивъ въ мавританскій вестибюль, м-ссъ Гринъ освѣдомилась о своемъ супругѣ, и получила вѣжливый отвѣтъ, что господина съ такою фамиліей нѣтъ въ отелѣ. Тогда ее осѣнила мысль, что, быть можетъ, онъ живетъ въ Алжирѣ подъ чужимъ именемъ, и она потребовала, чтобы всѣ посѣтители отеля продефилировали передъ нею, что встрѣтило нѣкоторыя затрудненія, такъ какъ многіе изъ нихъ сидѣли въ это время за обѣдомъ. Ей принесли книгу, на переплетѣ которой золотыми буквами значилось: „Отель Лубэ и Коронованныхъ Особъ", но автографа м-ра Грина тамъ не было, и послѣ непріятныхъ объясненій, м-ссъ Гринъ и м-ссъ Форбсъ, дорого заплативъ за проѣздъ туда, куда онѣ вовсе не желали ѣхать, были усажены въ другой экипажъ и доставлены въ девять часовъ вечера въ „Grand-Hôtel".

Ихъ почтительно ввели въ ярко освѣщенную пріемную, гдѣ ихъ окружили хозяинъ отеля, maître d'hôtel, его помощники, выѣздные, прислуга—лица, близко знающія м-ра Грина. Послѣ примѣненія спирта, нюхательной соли и жженыхъ перьевъ, м-ссъ Гринъ пришла въ себя, опомнившись отъ овладѣвшаго ею летаргическаго состоянія, и освѣдомилась о м-рѣ Гринѣ. На лицахъ окружавшихъ ее людей промелькнула веселая улыбка.

— М-ръ Гринъ, намѣревающійся провести здѣсь зиму?—спросилъ хозяинъ отеля.

— М-ръ Юстэсъ Гринъ,—прошептала великая романистка, хватаясь обѣими руками за шляпку.

Maître d'hôtel приблизился къ ней.

— Madame желаетъ видѣть м-ра Грина, но его нѣтъ дома. Онъ всегда отсутствуетъ по ночамъ.

Глаза маленькаго грума, еще ничего не понимавшаго въ жизни, засверкали лукавствомъ. М-ссъ Форбсъ кашлянула. Глаза великой романистки наполнились слезами.

— Да благословитъ Богъ моего Юстэса!—прошептала она, тронутая его преданностью интересамъ ея искусства.—Куда же отправляется м-ръ Гринъ? — продолжала она, не замѣчая изумленія, выразившагося на лицахъ окружающихъ.

— Въ Казбахъ, madame.

— Я это знала, — воскликнула она оживленно, — я знала, что такъ оно и будетъ.

— Madame знакома съ м-ромъ Гриномъ?—спросилъ maître

d'hôtel, между тѣмъ какъ кольцо любопытныхъ сузилось вокругъ нихъ.

— Я м-ссъ Юстэсъ Гринъ, жена м-ра Юстэса Грина, — отважно отвѣтила романистка. Наступила минута торжественнаго молчанія, за которою послѣдовало громкое, пронзительное: „Oh la-la!“, вырвавшееся изъ невинныхъ устъ маленькаго грума и сопровождавшееся такимъ неудержимымъ хохотомъ, что впечатлительнаго ребенка пришлось извлечь изъ пріемной, дабы онъ могъ на свободѣ предаться своему веселью передъ лицомъ африканскихъ звѣздъ.

— Въ которомъ же часу обыкновенно выѣзжаетъ м-ръ Гринъ?— спросила она у хозяина, лицо котораго теперь подергивалось, словно отъ зубной боли.

— Сейчасъ же послѣ обѣда, сударыня. Иногда и ранѣе.

— И онъ поздно возвращается?

— Очень поздно, сударыня.

Нервныя подергиванія лица оказались заразительными; они сообщились не только всему персоналу отеля, но и по лицу м-ссъ Форбсъ пробѣжала легкая судорога.

— Въ которомъ часу онъ возвращается? — спросила м-ссъ Гринъ, голосомъ, замирающимъ отъ нѣжности и сострраданія.

— Право, не сумѣю вамъ сказать, сударыня,— пробормоталъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ хозяинъ:—быть можетъ, maître d'hôtel это знаетъ?

М-ссъ Гринъ обратила къ нему свои глаза съ поволокою.

— М-ръ Гринъ рѣдко возвращается ранѣе семи—восьми часовъ утра. Затѣмъ онъ уходитъ къ себѣ и является къ завтраку часамъ къ четыремъ пополудни.

М-ссъ Гринъ была глубоко тронута. Ея супругъ жертвовалъ ей всѣмъ — своимъ сномъ, здоровьемъ, быть можетъ — самой жизнью. Пора положить конецъ этому самопожертвованію, прекратить эти розыски сегодня же. Лучше пусть гибнетъ романъ ея, чѣмъ ея мужъ.

Она тяжело поднялась съ кресла, покачнулась, оправилась и приказала:

— Велите сейчасъ же подать мнѣ обѣдъ и пусть достанутъ экипажъ и хорошаго проводника.

— Madame желаетъ выѣхать? Но она больна, измучена переѣздомъ?..

— Ничего. Я отправляюсь въ Казбахъ — искать моего мужа.

— Я провожу madame.

Хозяинъ, maître d'hôtel, слуги—всѣ обернулись на звукъ этого голоса.

Передъ м-ссъ Гринъ стоялъ со своими темными сверкающими глазами и свирѣпо закрученными усами—Абдалла-Джэкъ.

VII.

Человѣкъ—самообманщикъ. Поэтому находится подъ сомнѣніемъ: дѣйствительно ли обольщенный алжирскими приманками м-ръ Юстэсъ Гринъ утратилъ чувство долга и рѣшился зажить въ свое удовольствіе, пренебрегая послѣдствіями и священными узами, соединявшими его съ Бельгрэвъ-скверомъ? Мы предпочитаемъ думать, что имъ руководило смутное желаніе согласовать оба долга: одинъ — по отношенію къ самому себѣ, а другой—по отношенію къ м-ссъ Юстэсъ Гринъ. По всей вѣроятности, онъ былъ не вполнѣ преступенъ, но, тѣмъ не менѣе, то, что онъ лгалъ своей возлюбленной женѣ—несомнѣнно. Въ ту минуту, какъ она сидѣла въ бѣлой съ золотомъ столовой отеля за котлеткой и рюмкой клэрета, дюжина тетрадей лежала наверху въ комнатѣ м-ра Грина, переполненныхъ до краевъ африканскимъ легкомысліемъ. Заключавшагося въ нихъ матеріала хватило бы на цѣлую библіотеку „Катеринъ", и тѣмъ не менѣе м-ръ Гринъ медлилъ возвращеніемъ и даже телеграфировалъ домой завѣдомо ложные отзывы объ алжирской добродѣтели. Онъ даже давалъ понять, что его собственная добродѣтель мѣшаетъ ему получить необходимыя свѣдѣнія, между тѣмъ какъ онъ могъ бы дать десять очковъ впередъ любому бравому служакѣ.

Онъ былъ неправъ, и моралистъ вправѣ осудить его, но не забудемъ, что онъ подпалъ подъ вліяніе левантинки.

Мать m-lle Вербена, скрывавшаяся въ невѣдомомъ алжирскомъ госпиталѣ, — повидимому, принадлежала къ числу тѣхъ обладающихъ необыкновенною живучестью пожилыхъ лэди, которыя, не умирая, могутъ находиться безконечно долгое время между жизнью и смертью. Эту живучесть дочь, очевидно, наслѣдовала отъ нея. Несмотря на свою тревогу, m-lle Вербена, будучи въ обществѣ, проявляла замѣчательную веселость и даже—весьма обольстительную живость въ обращеніи. По ея словамъ, она не считала себя вправѣ взваливать бремя своей скорби на чужія плечи. Поэтому она старалась казаться веселою въ тѣ часы, когда она обѣдала, закусывала, ужинала съ м-ромъ Гриномъ, каталась съ нимъ на лодкѣ по лазурнымъ волнамъ за-

лива, поднималась на горы выше Эль-Біаръ или слушала съ нимъ въ ложѣ бель-этажа оперетку. Лишь однажды, во время поѣздки къ монастырю La Trappe, лицо ея омрачилось тѣнью печали, и она откровенно созналась, что ея всегдашнимъ желаніемъ было—поступить въ монахини, но необходимость зарабатывать деньги для содержанія престарѣлыхъ родителей—помѣшала ей послѣдовать ея призванію. Со времени перваго вечера въ Алжирѣ м-ръ Гринъ не видалъ Уледъ, но черезъ посредство Абдаллы-Джэка онъ продолжалъ выплачивать ей жалованье, такъ какъ эта таинственная дама изъ своего убѣжища руководила имъ въ поискахъ его за африканскими грѣховными впечатлѣніями. М-ръ Гринъ познакомилъ m-lle Вербена съ Абдаллой-Джэкомъ, но она не обратила на проводника никакого вниманія, а тотъ въ свою очередь почувствовалъ къ ней антипатію и нѣсколько разъ настоятельно совѣтовалъ м-ру Грину рѣже посѣщать ее. По его мнѣнію, ее давно бы слѣдовало посадить въ гаремъ за желѣзную рѣшетку. Вообще, за недѣлю, предшествовавшую прибытію м-ссъ Гринъ, настроеніе проводника сдѣлалось настолько непріятнымъ, что м-ру Грину приходила охота отказать ему. Но ранѣе этого онъ пожелалъ еще разъ повидаться съ Уледъ, и Абдалла-Джэкъ сумрачно обѣщалъ это устроить. День посѣщенія совпалъ какъ разъ съ днемъ пріѣзда м-ссъ Гринъ, и въ то время, какъ м-ръ Гринъ находился въ Казбахѣ, m-lle Вербена проводила вечеръ у постели своей бѣдной матери. Абдалла-Джэкъ выражалъ сильное желаніе присутствовать при свиданіи м-ра Грина съ танцовщицей, но м-ръ Гринъ, которому дурное настроеніе проводника дѣйствовало на нервы, рѣшительно отклонилъ это.

Таково было положеніе дѣлъ, когда м-ссъ Гринъ встала изъ-за стола въ своемъ коричневомъ брокаровомъ платьѣ и шляпѣ „capote“, намѣреваясь отправиться въ Казбахъ съ Абдаллой-Джэкомъ.

Ночь была свѣтлая. На ясномъ небѣ сіяли звѣзды, и море, успокоившееся послѣ того, какъ великая романистка ступила на твердую землю, тихо плескалось у извилистыхъ береговъ. Пальмовыя деревья въ городскомъ саду, гдѣ играла музыка, лѣниво шевелили широкими листами въ мягкомъ, благоуханномъ воздухѣ. Закутанныя фигуры арабовъ окаймляли парапетъ набережной. Въ ярко освѣщенныхъ ресторанахъ сидѣли за столами богатые французы, а оборванные нищіе глазѣли на устрицы, шампанское и перья на экстравагантныхъ женскихъ шляпкахъ.

Когда м-ссъ Гринъ, въ сопровожденіи м-ссъ Форбсъ и Абдаллы, появилась на тротуарѣ, — она обвела все окружающее вопросительнымъ взглядомъ. Эта полная нѣги обстановка показалась

ей похожею на сонъ, и словно сама она была не м-ссъ Гринъ, а кто-то другой. Быть можетъ, нѣчто подобное ощутила и м-ссъ Форбсъ, такъ какъ она внезапно поднесла руку къ своему лѣвому боку и покачнулась. Абдалла-Джэкъ поддержалъ ее. Она громко вскрикнула.

— Сударыня, со мною—обморокъ... Обмираю...

Она дѣйствительно казалась больною, лицо ея позеленѣло.

— Позвольте мнѣ лечь, сударыня,—взмолилась она,—это обмираніе...

Въ обыкновенное время м-ссъ Гринъ предписала бы ей подышать казбахскимъ воздухомъ, но теперь она разрѣшила м-ссъ Форбсъ удалиться и сѣла съ Абдаллой-Джэкомъ въ экипажъ, быстро помчавшійся по улицамъ.

— Вы знаете моего мужа?—спросила она у проводника.

— Да, я довольно хорошо узналъ его,—отвѣтилъ Абдалла загадочно.

— Какой у него видъ?—спросила она нѣжно.

— Monsieur Гринъ бѣлѣе полотна, которое развѣшено на казбахской стѣнѣ,—отвѣтилъ проводникъ, закуривъ папироску и обволакивая великую романистку облакомъ дыма;—онъ тонокъ, какъ копье спаги, и болѣе нервенъ, чѣмъ листы эвкалипта, когда вѣтеръ дуетъ съ сѣвера.

— Почему я не пріѣхала раньше!—мысленно укорила себя разстроенная м-ссъ Гринъ.

— M-r Гринъ хуже всѣхъ англичанъ,—продолжалъ Абдалла зловѣщимъ голосомъ, — онъ хуже туристовъ Кука, которые смѣются у входа въ мечеть. Даже проводникъ Кука отъ него отказался. Я пошелъ къ нему только потому, что я — злой человѣкъ.

М-ссъ Гринъ начала ощущать смутное безпокойство и пожалѣла, что поддалась „обмороку“ м-ссъ Форбсъ. Она искоса взглянула на собесѣдника. Экипажъ былъ тѣсный, кончики усовъ Абдаллы почти касались ея лица. Ее не тревожило то, что̀ онъ говорилъ о Юстэсѣ, пожертвовавшемъ для нея своею репутаціей, но отзывъ его о самомъ себѣ—обезпокоилъ ее.

— Мнѣ кажется, что вы несправедливы къ себѣ,—проговорила она мягко.

Экипажъ круто свернулъ съ ярко освѣщеннаго приморскаго проспекта въ узкую и темную боковую улицу.

— Madame не знаетъ меня.

Справедливость этого заявленія болѣзненно кольнула м-ссъ Гринъ.

— Я дурной человѣкъ,— продолжалъ Абдалла-Джэкъ,— поэтому м-ръ Гринъ и выбралъ меня въ проводники.

Романистка испугалась. Неужели она въ первый же вечеръ по пріѣздѣ настолько ознакомится съ африканскою преступностью, что съ нея будетъ достаточно до конца жизни? И долго ли она проживетъ послѣ этого ознакомленія? Экипажъ свернулъ въ другую улицу—еще болѣе узкую и темную, чѣмъ первая.

— Туда ли мы ѣдемъ, куда слѣдуетъ?

— Нѣтъ, madame, мы ѣдемъ туда, куда не слѣдуетъ: въ худшую часть города.

— Но увѣрены ли вы, что мужъ мой будетъ тамъ?

Абдалла-Джэкъ саркастически разсмѣялся.

— Monsieur Гринъ не бываетъ въ иныхъ мѣстахъ. Онъ хуже безумнаго туарега пустыни.

— Вы не совсѣмъ понимаете моего мужа,— сказала м-ссъ Гринъ, чувствуя, что должна заступиться за бѣднаго оклеветаннаго Юстэса: — все, что бы онъ ни дѣлалъ,— дѣлается имъ по моей особенной просьбѣ.

— Madame хочетъ сказать?..

— Я говорю, что м-ръ Гринъ поступаетъ во всемъ сообразно моимъ указаніямъ.

Абдалла-Джэкъ вытаращилъ на нее свои огромные глаза.

— Вы — его жена, и вы велѣли ему пріѣхать сюда и поступать такъ, какъ онъ поступаетъ?

— Да-а... Да!—запнулась м-ссъ Гринъ, чувствуя себя впервые въ жизни преступницей, влекомой на скамью подсудимыхъ за оскорбленіе нравственности.

— Значитъ, все, что говорятъ у насъ на большомъ каналѣ— справедливо,—замѣтилъ онъ сдержанно.

— Что же тамъ говорятъ?—освѣдомилась м-ссъ Гринъ.

— Что Англія—страна женщинъ-дьяволовъ,—отвѣтилъ проводникъ, въ то время какъ экипажъ сталъ подниматься въ гору между двухъ рядовъ неосвѣщенныхъ домовъ.

М-ссъ Гринъ чуть не задохнулась, но усталость и негодованіе не позволили ей проронить ни слова. Лошади карабкались какъ кошки въ темнотѣ, изъ которой словно сыпались сверху пронзительные звуки музыки, хриплые крики и хохотъ. Колеса прыгали по камнямъ, попадали въ колеи, задѣвали фундаментъ домовъ. И Абдалла-Джэкъ сидѣлъ рядомъ съ м-ссъ Гринъ, глядя на нее съ такимъ же безмолвнымъ ужасомъ, съ какимъ жена англійскаго пастора взирала бы на людоѣда.

Внезапно экипажъ остановился, Абдалла-Джэкъ выпрыгнулъ

и предложилъ м-ссъ Гринъ сдѣлать то же самое. — Тутъ надо пройти пѣшкомъ.—Она затрепетала. Какъ? Они оставятъ кучера?

— Я одинъ провожу madame.

Языкъ великой романистки прилипъ къ гортани, но дѣлать было нечего.

— Куда мы идемъ?

Абдалла-Джэкъ указалъ рукою на каменныя укрѣпленія, смутно виднѣвшіяся вдали при свѣтѣ звѣздъ.

— Внизъ, въ аллею Мертвыхъ Дервишей.

М-ссъ Гринъ едва не вскрикнула отъ ужаса. Она дала бы тысячу фунтовъ для того, чтобы м-ссъ Форбсъ была съ нею. Абдалла схватилъ ее за руку и безжалостно повлекъ за собою. Озираясь вокругъ испуганными глазами, она видѣла лежащій внизу городъ, огни на улицахъ, огни на корабляхъ, стоящихъ въ гавани. Она услышала звукъ трубы, игравшей зорю, и пожелала быть зуавомъ, находящимся въ безопасности въ казармахъ. Одно поддерживало ее въ этотъ часъ испытаній — мысль о восторгѣ мужа при ея появленіи на аренѣ его трудовъ, отъ которыхъ она избавляетъ его отнынѣ. Аллея Мертвыхъ Дервишей показалась м-ссъ Гринъ безконечною. Она шла, спотыкаясь, поддерживаемая рукою Абдаллы, начавшаго обнаруживать признаки какого-то страннаго лихорадочнаго возбужденія, и скоро сдѣлалась центромъ всеобщаго любопытства. Немытые арабы, франтоватые зуавы, вѣчные жиды различныхъ національностей, танцовщицы безъ покрывалъ—глядѣли съ изумленіемъ на коричневое брокаровое платье и шляпу „капотъ". Они даже указывали на нее пальцами, дѣлая замѣчанія личнаго характера. М-ссъ Гринъ подвигалась среди толпы; кое-гдѣ въ окнахъ мерцали огни и доносилась изнутри дикая музыка.

— Мы пришли,—сказалъ проводникъ,—вотъ домъ Уледъ.

При этихъ словахъ онъ горько разсмѣялся и втащилъ запыхавшуюся м-ссъ Гринъ въ переднюю изъ поддѣльнаго мрамора, увѣшанную олеографіями. Изъ комнаты направо, рядомъ съ винтообразною лѣстницей, ведущею наверхъ, раздавались изъ-за опущенной занавѣси звуки ужасающей музыки, сопровождаемой пѣніемъ и смѣхомъ.

— Они здѣсь!—воскликнулъ Абдалла-Джэкъ, скрестивъ руки на груди и глядя на м-ссъ Гринъ.—Ступайте къ вашему супругу!

М-ссъ Гринъ схватилась обеими руками за голову и неровными шагами двинулась впередъ. Она толкнула дверь, она вошла. Тамъ, среди зеркалъ въ золоченыхъ рамахъ и искусственныхъ розъ, она увидѣла своего супруга, въ клѣтчатомъ костюмѣ

и бѣлой шляпѣ, выдѣлывавшаго невѣроятныя пà, между тѣмъ какъ напротивъ него особа въ пестрыхъ шелкахъ и монетахъ, татуированная, накрашенная, начерненная и раздушенная, увѣнчанная страусовыми перьями, выкрикивала въ носъ восточную пѣсню и подпрыгивала какъ наэлектризованная обезьяна.

— Юстэсъ!—воскликнула м-ссъ Гринъ, прислонясь къ олеографіи для того, чтобы не упасть.

Онъ обернулся.

— Юстэсъ!—повторила она:—это я!

Онъ стоялъ, окаменѣвъ. Она двинулась къ нему, и вдругъ взоръ ея остановился на Уледъ, которая, переставъ плясать, въ свою очередь, казалось, была изумлена, даже—смущена появленіемъ великой романистки.

— Миссъ Вербенà!—воскликнула м-ссъ Гринъ:—миссъ Вербенà въ Алжирѣ!

— Юдженія,—хрипло произнесъ м-ръ Гринъ,—чтò ты говоришь? Это—Уледъ, танцовщица.

У двери послышался насмѣшливый хохотъ. Тамъ стоялъ Абдалла-Джэкъ. Онъ грубо подошелъ къ Уледъ.

— Ну, пойдемъ,—сказалъ онъ гнѣвно,—довольно повытянули мы денегъ у иностранца. Завтра я женюсь на тебѣ, и мы уѣдемъ домой на большой каналъ. Левантинка не станетъ больше учить дѣтей англійскихъ дьяволовъ, но займетъ мѣсто въ гаремѣ своего господина.

— M-lle Вербенà!—прошепталъ м-ръ Гринъ.—Но гдѣ же... какъ же... ваша умирающая мать?..

— Она умерла много лѣтъ тому назадъ, monsieur. Надѣюсь, что madame можетъ теперь безпрепятственно заняться почтенною „Катериной“.

И, сдѣлавъ насмѣшливый реверансъ, левантинка исчезла въ сопровожденіи своего нареченнаго.

„Раскаяніе Катерины“, вышедшее объемистымъ томомъ нѣсколько недѣль тому назадъ, было снабжено предисловіемъ м-ра Юстэса Грина. Когда въ послѣдній разъ мы видѣли его, онъ сидѣлъ въ великолѣпной библіотекѣ углового дома въ Паркъ-Лэнѣ, ближайшаго къ дому герцога Ибурійскаго, и тщательно вклеивалъ рецензіи о величайшемъ произведеніи м-ссъ Гринъ въ великолѣпный новый альбомъ.

Съ англійск. О. Ч.

УКЛОНЕНІЕ
ОТЪ ВОИНСКОЙ ПОВИНННОСТИ

Законъ 18-го Августа 1906 г.

Въ приказѣ по военному вѣдомству, отъ 20-го августа 1906 года, № 522, объявлено:

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу соединеннаго собранія главныхъ военнаго и военно-морского судовъ объ установленіи наказанія за упорный отказъ, съ цѣлью уклоненія отъ исполненія воинской повинности, отъ несенія обязанностей строевой или нестроевой службы, въ 18-й день августа 1906 года Высочайше повелѣть соизволилъ, въ дополненіе раздѣла II главы III воинскаго устава о наказаніяхъ (св. воен. пост. 1869 г. XXII, изд. 3), постановить:

„Ст. 125[1]. За упорный отказъ, съ цѣлью совершеннаго уклоненія отъ исполненія воинской повинности, отъ несенія строевой или нестроевой службы, виновный подвергается: лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на время отъ четырехъ до шести лѣтъ, — или лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на время отъ четырехъ до шести лѣтъ".

I.

Изъ всѣхъ обязанностей, налагаемыхъ современнымъ государствомъ на гражданина, самой тяжелой является несомнѣнно обязанность личнаго отбыванія воинской повинности. Начало всеобщности, т.-е. оди-

напримѣръ, въ теченіе двухъ дней вызвать и допросить свидѣтелей, живущихъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста нахожденія суда; нельзя, въ тотъ же промежутокъ времени, произвести сколько-нибудь сложную судебную экспертизу. Процессуальныя правила, на которыя сдѣлана ссылка въ законѣ о военно-полевыхъ судахъ, даютъ полный просторъ усмотрѣнію суда—а требованіе необычайной быстроты заставляетъ судъ пользоваться этимъ усмотрѣніемъ во вредъ подсудимому.

Защита черезъ повѣреннаго въ военно-полевомъ судѣ не допускается вовсе. Положеніе подсудимаго, лишеннаго совѣтовъ и помощи защитника, всегда до крайности тяжело; но особенно тяжелымъ оно становится при быстротѣ процесса, начинающагося почти непосредственно вслѣдъ за арестованіемъ подсудимаго. Захваченный въ самый моментъ совершенія преступленія, онъ не имѣетъ времени придти въ себя, одуматься, припомнить все то, что можетъ быть сказано въ его пользу. А что, если онъ преданъ суду по недоразумѣнію, всегда возможному въ тревожное время? Едва узнавъ, въ чемъ его обвиняютъ, онъ долженъ отвѣчать на непредвидѣнные, иногда непонятные для него вопросы, разъяснять неизвѣстные или мало извѣстные ему факты, опровергать, экспромтомъ и при гнетущей, смущающей обстановкѣ, случайно павшія на него подозрѣнія. При такихъ условіяхъ невинный легко можетъ показаться виновнымъ—и кажущаяся виновность можетъ навлечь на него тяжкую кару. Шансовъ исправленія судебной ошибки, разъ что она допущена, нѣтъ никакихъ: приговоры военно-полевого суда обжалованію не подлежатъ и приводятся въ исполненіе безотлагательно, во всякомъ случаѣ не позже сутокъ, по распоряженію военнаго начальника, который не въ правѣ ни смягчить наказаніе, ни отложить приведеніе его въ дѣйствіе до разсмотрѣнія кѣмъ слѣдуетъ просьбы подсудимаго о помилованіи. А наказаніе, налагаемое военно-полевыми судами—почти всегда смертная казнь; переходить отъ нея къ болѣе мягкимъ карамъ они не въ правѣ... Чрезвычайно поучительна параллель, проводимая профессоромъ А. С. Лыкошинымъ („Право", № 34) между новыми военно-полевыми судами и старыми, дѣйствовавшими до военно-судебной реформы 1867-го года. Въ этихъ послѣднихъ судахъ подсудимые имѣли право избирать себѣ защитниковъ; судебное разбирательство происходило публично; при разногласіи по вопросу о назначеніи наказанія избиралось слабѣйшее; рѣшенія суда восходили на ревизію военнаго начальства; при конфирмаціи рѣшенія военное начальство могло смягчить участь осужденнаго. „Такимъ образомъ"—восклицаетъ А. С. Лыкошинъ—„даже дореформенные полевые суды, наводившіе нѣкогда ужасъ, являются болѣе совершенною формою отправленія правосудія, чѣмъ военно-полевые суды по закону 20-го августа".

Нелегко понять, какимъ образомъ учрежденіе, названное судомъ, но, кромѣ имени, не имѣющее въ себѣ ничего судебнаго, могло найти сторонника въ лицѣ А. И. Гучкова, виднаго дѣятеля партіи, считающей себя конституціонною. Ссылкою на „необходимость" нельзя оправдать, нельзя даже извинить слишкомъ явное нарушеніе справедливости. Сомнительна, притомъ, и самая „необходимость" военно-полевыхъ судовъ, понимаемая въ смыслѣ ихъ цѣлесообразности. Никакого вліянія на тѣ виды преступности, къ подавленію которыхъ они призваны, они до сихъ поръ не оказали. За первыя три недѣли со времени ихъ учрежденія казнены 26 человѣкъ, казнены, бо̀льшею частью, на другой же день послѣ открытія суда—а въ числѣ политическихъ убійствъ и грабежей замѣтнаго уменьшенія не происходитъ. Повторяется то же явленіе, которое представляетъ собою лѣтопись военнаго суда: смертная казнь потеряла свое устрашающее значеніе (правильнѣе, быть можетъ, было бы сказать, что она никогда его и не имѣла). Кто сознательно идетъ на рискъ погибнуть въ самый моментъ совершенія преступленія, того не испугаетъ и не остановитъ перспектива смерти отъ руки палача. Единственный результатъ массовыхъ казней—постоянный ростъ взаимнаго озлобленія, все бо̀льшее и бо̀льшее пониженіе цѣнности человѣческой жизни.

Дальше предѣловъ, достигнутыхъ въ концѣ августа, быстрота и интенсивность правительственныхъ репрессій идти, повидимому, не можетъ. Есть, однако, люди, все еще обвиняющіе власть въ „слабости" и „трусости", все еще рекомендующіе диктатуру, какъ единственное средство спасенія. Еслибы имъ былъ предложенъ вопросъ, въ чемъ именно провозглашеніе диктатуры могло бы расширить и обострить существующія уже функціи власти, они были бы, думается намъ, поставлены въ затруднительное положеніе. Недостаетъ, въ самомъ дѣлѣ, только *слова*: соотвѣтствующее ему понятіе осуществлено въ полной мѣрѣ. Вся Россія покрыта сѣтью мелкихъ по географическому кругу дѣйствій, но облеченныхъ безмѣрно широкими полномочіями диктатуръ, объединяемыхъ центральною диктатурой министра внутреннихъ дѣлъ. Въ послѣднемъ, по времени, призывѣ къ формальной диктатурѣ, принадлежащемъ перу дворянина Н. А. Павлова (см. № 224 „Московскихъ Вѣдомостей"), мы находимъ только одно косвенное указаніе на задачу, исполненіе которой должно быть возложено на диктатора. „Полевой судъ" — восклицаетъ г. Павловъ, — „полевой судъ какъ угроза, безъ примѣненія его одновременно въ сотнѣ мѣстъ и случаевъ, лишь ослабитъ значеніе этого послѣдняго, когда-то грознаго суда". Итакъ, бѣда въ томъ, что слишкомъ мало дѣлъ предоставляется на рѣшеніе военно-полевымъ судамъ—другими словами, слишкомъ мало падаетъ головъ въ силу скоропалительныхъ,

якобы судебныхъ приговоровъ. Но какъ же поправить эту бѣду? Вѣдь военно-полевому суду, со времени введенія его въ дѣйствіе, предаются, повидимому, *всѣ* схваченные на мѣстѣ преступленія грабители и убійцы, разъ что они предполагаются дѣйствовавшими съ политическою цѣлью. Что̀ же можно еще сдѣлать для увеличенія числа осуждаемыхъ военно-полевымъ судомъ? Распространить его сферу дѣйствій на дѣла, возникшія до его установленія? Это было бы вопіющимъ беззаконіемъ, такъ какъ и составъ военно-полевого суда, и его процедура представляютъ собою громадную перемѣну къ худшему, сравнительно съ прежде дѣйствовавшимъ порядкомъ. Предавать военно-полевому суду на основаніи подозрѣній, догадокъ, предположеній? Это значило бы воскресить худшіе завѣты французскаго революціоннаго террора и широко раскрыть двери для злоупотребленій всякаго рода. Учреждать военно-полевой судъ послѣ каждаго политическаго грабежа или убійства, хотя бы преступникъ скрылся и не былъ найденъ? Это значило бы облечь военно-полевой судъ вовсе не свойственными ему слѣдственными функціями и увеличить до крайности шансы судебныхъ ошибокъ. Другихъ средствъ для „одновременнаго примѣненія военно-полевого суда въ сотнѣ мѣстъ и случаевъ“ мы не видимъ. Слова г. Павлова являются или пустой фразой, или требованіемъ замѣнить для несогласно мыслящихъ практикуемые теперь административный арестъ или административную ссылку болѣе радикальной и болѣе дешевой мѣрой—устраненіемъ изъ числа живущихъ.

Въ статьѣ г. Павлова, какъ и во многихъ другихъ статьяхъ реакціонной печати и постановленіяхъ реакціонныхъ партій, проглядываетъ, кромѣ жажды крови, еще другая жажда—жажда власти. „Отчего“—спрашиваетъ г. Павловъ—„ни одинъ союзъ, ни одинъ человѣкъ, вѣрный долгу, не былъ одобренъ, поддержанъ, воодушевленъ властью? Отчего въ загонѣ множество отличныхъ людей изъ среды общества за ихъ консерватизмъ?.. Ничего для себя не прося, вѣрные долгу ждутъ съ нетерпѣніемъ разгона и смѣны половины чиновниковъ, своею ложью и тунеядствомъ всячески помогающихъ революціи“. Очевидно, что и безъ всякой особой просьбы мѣста чиновниковъ, „разогнанныхъ и смѣненныхъ“ по требованію людей, „вѣрныхъ долгу“, должны были бы достаться не кому другому, какъ именно этимъ людямъ... Еще яснѣе мысль: ôte-toi de là que je m'y mette, звучитъ въ статьѣ кн. А. Щербатова („Московскія Вѣдомости“ № 211), предлагающаго брать въ министры „людей дѣла, людей жизни“. „Въ министры финансовъ“ — говоритъ бывшій предсѣдатель московскаго общества сельскаго хозяйства—„нужны люди, выросшіе при торговлѣ, при обращеніи съ деньгами; въ министры земледѣлія—люди, вырос-

шіе при землѣ, при скотѣ; въ министры народнаго просвѣщенія—живые люди, понявшіе изъ самой жизни, какая нужна подготовка для будущихъ дѣятелей на русской общественной и государственной нивѣ". Указать такихъ людей должны и могутъ, по мнѣнію кн. Щербатова, особыя совѣщанія, составленныя изъ выборныхъ отъ „дѣльныхъ торговцевъ" и „хорошихъ хозяевъ". Получилось бы, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ своеобразнаго парламентскаго министерства, при чемъ роль парламента сыграли бы неизвѣстно кѣмъ назначенные купцы и землевладѣльцы. Какъ шутка, предложеніе кн. Щербатова было бы довольно забавно; но далеко не шуткой оно является въ глазахъ самого автора. Это—настоящій „прожектъ", достойный фигурировать рядомъ съ тѣми, о которыхъ говоритъ Салтыковъ въ „Дневникѣ Провинціала". Въ семидесятыхъ годахъ обиженные эманципаціей крѣпостники мечтали о возстановленіи ихъ власти надъ деревней; теперь, по прошествіи тридцати лѣтъ, ихъ преемники мечтаютъ о сохраненіи господствующей роли въ управленіи государствомъ. Солидарные, активно или пассивно, со всѣмъ тѣмъ, что привело Россію на край гибели, они стараются отдѣлить себя отъ бюрократіи, съ которою такъ долго шли рука объ руку, и возложить на нее одну отвѣтственность за бѣдствія, пережитыя и переживаемыя Россіей. „Вина не въ режимѣ, а въ людяхъ", говоритъ кн. Щербатовъ; но почему же режимъ не находилъ другихъ людей, или почему много разъ мѣнявшіеся люди всѣ поддавались дѣйствію режима?..

Тому же, кажется, князю Щербатову принадлежитъ иниціатива учрежденія „православнаго братства животворящаго креста Господня", отъ имени котораго печатаются широковѣщательныя объявленія въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ". Оно задается мыслью объединить православные приходы всей Россіи „въ утвержденіи вѣры православной и русской государственности". Несчастьемъ православной церкви была до сихъ поръ терпѣливо, даже охотно переносимая зависимость отъ „свѣтской руки". Теперь эта зависимость ослабѣваетъ; для духовенства, какъ и для прихожанъ, становится доступной нѣкоторая свобода дѣйствій. Ограниченіе ея добровольнымъ подчиненіемъ новому игу, еще худшему, чѣмъ прежнее, было бы равносильно самоубійству. Въ устахъ учредителей братства „утвержденіе православной вѣры" означаетъ вражду со всѣми другими исповѣданіями, съ сектантствомъ и расколомъ, „утвержденіе русской государственности"—возвратъ къ принципамъ, безповоротно осужденнымъ жизнью. „Улучшеніе приходскаго хозяйства", „увеличеніе общаго благосостоянія на началахъ взаимопомощи"—только декорація, прикрывающая настоящую цѣль братства: „борьбу съ лжеученіями враговъ *святорусскаго* народа". Напрасно увѣряютъ учредители братства, что эта борьба

будетъ ведена „силою истинной науки и истинныхъ знаній". Такою силой русскій обскурантизмъ никогда не располагалъ и теперь меньше чѣмъ когда-либо располагаетъ. Привыкшій разсчитывать на содѣйствіе грубой силы, онъ только въ ней можетъ искать опоры и въ будущемъ. *Убѣждать* онъ не въ состояніи; *принуждать*, надѣемся, ему дано не будетъ.

Возвращаясь къ правительственному сообщенію, остановимся на той его части, гдѣ перечислены реформы, проектируемыя министерствомъ. „Правительство"—читаемъ мы здѣсь—„сознаетъ, что передъ нимъ стоятъ вопросы разнаго порядка. Одни подлежатъ разрѣшенію Государственной Думы и Государственнаго Совѣта; по этимъ вопросамъ высшая администрація обязана подготовить вполнѣ разработанные законопроекты, которые служили бы основаніемъ для сужденія въ законодательныхъ учрежденіяхъ. На это долженъ быть использованъ весь промежутокъ времени до созыва Государственной Думы. Другіе, по чрезвычайной неотложности своей, должны быть проведены въ жизнь немедленно. Это такіе вопросы, частичное разрѣшеніе которыхъ не можетъ связать свободы дѣйствій будущихъ законодательныхъ учрежденій и направленіе которыхъ уже предрѣшено. На первомъ мѣстѣ въ ряду этихъ задачъ стоитъ вопросъ земельный и землеустроительный... Проведены будутъ также нѣкоторыя неотложныя мѣропріятія въ смыслѣ гражданскаго равноправія и свободы вѣроисповѣданія. Предположено отмѣнить отжившія ограниченія, стѣсняющія крестьянъ и старообрядцевъ, съ опредѣленіемъ правъ послѣднихъ точными законодательными постановленіями. Равнымъ образомъ и въ области еврейскаго вопроса безотлагательно будетъ разсмотрѣно, какія ограниченія, какъ вселяющія лишь раздраженіе и явно отжившія, могутъ быть отмѣнены немедленно, и какія, какъ касающіяся существа отношеній еврейской народности къ коренному населенію, являются дѣломъ народной совѣсти, почему предрѣшеніе ихъ стѣснило бы послѣдующую работу законодательныхъ учрежденій". Къ той же категоріи неотложныхъ мѣръ относится расширеніе сѣти народныхъ школъ и лучшее матеріальное обезпеченіе народныхъ учителей.

Итакъ, неотложными вопросами правительственное сообщеніе признаетъ такіе, частичное разрѣшеніе которыхъ не можетъ связать свободы дѣйствій будущихъ законодательныхъ учрежденій и направленіе которыхъ уже предрѣшено. Подходитъ ли подъ эти условія вопросъ земельный, въ той мѣрѣ, въ какой его коснулся Высочайшій указъ 27-го августа [1])? Общее направленіе земельной реформы зави-

[1]) Объ указѣ 12-го августа, касающемся удѣльныхъ земель, мы не говоримъ

ситъ отъ соглашенія всѣхъ участниковъ законодательной власти—Монарха, Государственнаго Совѣта и Государственной Думы. Такого соглашенія до сихъ поръ нѣтъ, и потому земельный вопросъ ни въ какой своей части не можетъ считаться предрѣшеннымъ. Съ другой стороны, частичное его рѣшеніе несомнѣнно „стѣсняетъ свободу дѣйствій будущихъ законодательныхъ учрежденій". По смыслу ст. 87 законовъ основныхъ, въ промежуткахъ между сессіями Думы могутъ быть принимаемы только такія законодательныя мѣры, которыя вызываются „чрезвычайными обстоятельствами" и, въ случаѣ послѣдующаго несогласія Государственной Думы или Государственнаго Совѣта, подлежатъ отмѣнѣ безъ нарушенія пріобрѣтенныхъ правъ, безъ внесенія замѣшательствъ въ теченіе государственной и общественной жизни. Указъ 27-го августа чрезвычайными обстоятельствами не мотивированъ, и мотивированъ быть не могъ; прекращенія волненій въ крестьянской средѣ, вслѣдствіе нѣкотораго, въ иныхъ мѣстностяхъ, увеличенія количества земли, предлагаемой къ покупкѣ, ожидать, очевидно, нельзя. Между тѣмъ, основанія продажи казенныхъ земель, установленныя указомъ 27-го августа, могутъ оказаться несоотвѣтствующими общимъ началамъ аграрной реформы, которыхъ будетъ держаться новая Государственная Дума; указъ 27-го августа можетъ потерять свою силу, послѣ чего нелегко будетъ опредѣлить судьбу покупокъ, совершенныхъ при его дѣйствіи. „Свободу дѣйствій будущихъ законодательныхъ учрежденій" указъ 27-го августа, такимъ образомъ, несомнѣнно стѣсняетъ. Торопиться съ его изданіемъ не было никакой надобности; слишкомъ немногихъ онъ удовлетворитъ и успокоитъ, слишкомъ незначительно, поэтому, будетъ его вліяніе на настроеніе избирателей. Весьма вѣроятно даже, что онъ подѣйствуетъ на крестьянскую массу отрицательно, показавъ еще разъ, что правительство не расположено къ радикальному разрѣшенію земельнаго вопроса.

Меньше возраженій встрѣчаетъ признаніе неотложными вопросовъ о юридическомъ положеніи крестьянъ, старообрядцевъ и евреевъ. Эти вопросы дѣйствительно во многомъ предрѣшены общественнымъ мнѣніемъ, и если временныя мѣры, проектируемыя министерствомъ, окажутся недостаточно рѣшительными, то ихъ придется не отмѣнять, а только углублять и дополнять. Что предполагается сдѣлать въ видахъ уравненія крестьянъ съ другими сословіями — это уже теперь извѣстно изъ газетныхъ сообщеній. Къ отмѣнѣ предназначаются всѣ правила, стѣсняющія вступленіе крестьянъ на государственную службу и въ учебныя заведенія, выходъ ихъ изъ состава сельскихъ обществъ,

---

потому, что для него можетъ быть найдено основаніе—далеко, впрочемъ, не безспорное,—въ той статьѣ основныхъ законовъ, гдѣ идетъ рѣчь объ удѣльныхъ имѣніяхъ.

полученіе ими постоянныхъ видовъ на жительство. Отмѣняется также цѣлый рядъ постановленій, ограничивающихъ гражданскія права крестьянъ и создающихъ для нихъ особые уголовные проступки и особыя карательныя мѣры; отмѣняется дискреціонная власть земскихъ и крестьянскихъ начальниковъ, въ силу которой ими налагались, безъ формальнаго производства, административныя взысканія; отмѣняется назначеніе земскихъ гласныхъ отъ крестьянъ губернаторомъ, изъ числа выбранныхъ волостными сходами кандидатовъ. Всѣ эти мѣры настолько стоятъ внѣ сомнѣній, что откладывать ихъ до возобновленія нормальной законодательной работы нѣтъ никакой надобности. Далеко не безразлично, получатъ ли крестьяне бо̀льшую свободу передвиженія, бо̀льшую охрану отъ произвола теперь же или лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Не знаемъ, входитъ ли въ разсчеты министерства captatio benevolentiae крестьянъ, но думаемъ, что на результатѣ выборовъ перемѣна къ лучшему въ правовомъ положеніи крестьянъ не отразится. Слишкомъ она запоздала, чтобы возбудить особую признательность; слишкомъ еще свѣжа память о мѣропріятіяхъ совершенно другого, прямо противоположнаго свойства, которыя уготовляло для крестьянъ министерство В. К. Плеве, при дѣятельномъ участіе г. Гурко, управлявшаго тогда земскимъ отдѣломъ, а теперь состоящаго товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Подобныя метаморфозы не принадлежатъ къ числу условій, вызывающихъ довѣріе къ администраціи... Само собою разумѣется, что необходимо не ограниченіе власти земскихъ начальниковъ, а совершенное упраздненіе этого злосчастнаго института; но оно неразрывно связано съ полнымъ обновленіемъ мѣстныхъ судебныхъ установленій, которое можетъ быть проведено только нормально дѣйствующею законодательною властью.

Сказанное нами о крестьянахъ примѣнимо и къ сторообрядцамъ. И здѣсь необходимо покончить какъ можно скорѣе съ остатками порядка, осужденнаго уже полтора года тому назадъ, но все еще цѣпко держащагося за длинный рядъ формально не отмѣненныхъ постановленій; и здѣсь воспоминанія о вѣковомъ гнетѣ не могутъ быть изглажены позднимъ поворотомъ къ справедливости. Весьма можетъ быть, что временный законъ о старообрядцахъ не будетъ свободенъ отъ недомолвокъ и пробѣловъ; но серьезныхъ препятствій къ ихъ устраненію, когда начнется работа Государственной Думы, ожидать нельзя. О намѣреніяхъ министерства относительно еврейскаго вопроса трудно сказать что-либо опредѣленное; изъ правительственнаго сообщенія не видно, гдѣ пройдетъ демаркаціонная черта между „ограниченіями явно отжившими“ и правилами, „касающимися существа отношеній еврейской народности къ коренному населенію“. Чѣмъ шире окажется сфера „явно отжившаго“, тѣмъ яснѣе министерство подчеркнетъ свою

несолидарность съ разными категоріями „истинно-русскихъ людей“, съ особымъ ожесточеніемъ возстающихъ противъ всякой перемѣны къ лучшему въ положеніи евреевъ и доходящихъ иногда до требованія выселить всѣхъ еврев, *безъ различія вѣроисповѣданія* (!), изъ предѣловъ Россіи [1]). На исходѣ выборовъ льготы, предоставленныя евреямъ, отзовутся, по всей вѣроятности, столь же мало, какъ и перемѣны къ лучшему въ положеніи крестьянъ и старообрядцевъ.

Со всѣхъ сторонъ доходятъ вѣсти о бѣдственномъ положеніи земства, вслѣдствіе крайне слабаго поступленія земскихъ сборовъ и колоссальнаго роста недоимокъ. Этимъ вызванъ обнародованный на дняхъ циркуляръ губернаторамъ и управляющимъ казенными палатами. „Населеніе“—гласитъ циркуляръ—„должно быть приведено къ повиновенію закону, упорство недоимщиковъ должно быть сломлено *всѣми законными мѣрами*, сколь бы суровы и рѣшительны онѣ ни были“. Итакъ, взысканіе недоимокъ должно быть производимо только законными мѣрами, къ числу которыхъ не принадлежитъ насиліе надъ личностью недоимщика, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось. Можно ли, однако, быть увѣреннымъ въ томъ, что дѣло обойдется безъ насилія? Вѣдь отказъ въ платежѣ зависитъ иногда отъ соображеній политическаго свойства — а въ искорененіи политической неблагонадежности администрація привыкла не стѣсняться закономъ. За бездѣятельность и нерадивость при взысканіи недоимокъ циркуляръ грозитъ преслѣдованіемъ съ примѣрною строгостью; подъ вліяніемъ этой угрозы легко придти къ убѣжденію, что лучше допустить превышеніе власти, чѣмъ навлечь на себя обвиненіе въ ея бездѣйствіи. Замѣтимъ, далѣе, что именно въ настоящее время обычныя мѣры взысканія—продажа движимости и недвижимости, отобраніе надѣла, наложеніе ареста на заработную плату, назначеніе къ неисправному плательщику опекуна—могутъ оказаться трудно примѣнимыми или вовсе не примѣнимыми. Между тѣмъ, всякая произвольная, внѣ-законная мѣра взысканія можетъ произвести крайне неблагопріятное впечатлѣніе среди крестьянъ — тѣмъ болѣе неблагопріятное, что ничего подобнаго, конечно, не будетъ предпринято противъ недоимщиковъ-землевладѣльцевъ, которыхъ вездѣ очень много и на которыхъ числятся очень крупныя недоимки. Есть, такимъ образомъ, большое основаніе опасаться, что циркуляръ о взысканіи недоимокъ —если онъ не останется мертвой буквой—приведетъ къ крайне нежелательнымъ послѣдствіямъ.

---

[1]) См. въ № 162 „Страны“ выписку изъ телеграммы „вѣрноподданныхъ жителей Иркутска“, напечатанной въ „Русскомъ Знамени“.

Противъ глубоко вкоренившагося зла слѣдуетъ бороться глубоко проникающими мѣрами. Одна изъ такихъ мѣръ указана въ сентябрьской хроникѣ нашего журнала: это — возвращеніе къ системѣ представительства Положенія 1864-го года, отмѣна закона о фиксаціи земскаго обложенія, ограниченіе административныхъ полномочій въ земской сферѣ. Намъ кажется, что это могло бы быть сдѣлано теперь же, путемъ изданія временныхъ правилъ. Въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, которыми оправдывалась бы такая чрезвычайная мѣра, нѣтъ недостатка: вѣдь оскудѣніе земскихъ финансовъ, влекущее за собою совершенное разстройство земскаго хозяйства, съ полнымъ основаніемъ можетъ быть названо государственнымъ и общественнымъ бѣдствіемъ. Насиліемъ его устранить нельзя, равнодушно относиться къ нему невозможно: остается только приступить, не теряя времени, къ радикальному леченію болѣзни. Мы видѣли выше, что министерствомъ предположено отмѣнить одно изъ постановленій дѣйствующаго закона о земскихъ учрежденіяхъ; нѣтъ, слѣдовательно, формальныхъ препятствій и къ болѣе крупнымъ его измѣненіямъ. Еслибы возвращеніе къ Положенію 1864 года было признано неудобнымъ, слѣдовало бы ввести, по меньшей мѣрѣ, новый порядокъ избранія гласныхъ-крестьянъ, непосредственно волостными сходами, по одному отъ каждаго. Этимъ путемъ значительно увеличилось бы число гласныхъ-крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и довѣріе крестьянства къ земству, въ которомъ оно съ 1890-го года играетъ роль совершенно не отвѣчающую его численности и его значенію въ мѣстной жизни.

Намъ могутъ замѣтить, что сколько-нибудь серьезная перемѣна въ составѣ земскихъ учрежденій, нарушающая существующее отношеніе между различными ихъ элементами, была бы въ настоящую минуту весьма невыгодна для министерства. Въ земской средѣ, какою она является при дѣйствіи Положенія 1890-го года, совершился, въ послѣднее время, довольно чувствительный поворотъ вправо. Въ губерніяхъ московской, тверской, новгородской и др. многія землевладѣльческія избирательныя собранія замѣнили прежнихъ „либеральныхъ“ гласныхъ сторонниками реакціи или политическими индифферентами. Такой результатъ выборовъ оказался возможнымъ только благодаря нынѣшней избирательной системѣ, до крайности ограничивающей число избирателей и ставящей составъ земскихъ собраній въ зависимость отъ измѣнчивыхъ настроеній небольшихъ группъ, за которыми искусственно закрѣплена господствующая роль въ земскомъ дѣлѣ. Такъ напримѣръ, въ одномъ изъ „повернувшихъ“ уѣздовъ тверской губерніи на собраніе крупныхъ землевладѣльцевъ явилось менѣе половины избирателей, внесенныхъ въ списокъ, и торжество консерваторовъ было рѣшено большинствомъ 18-ти голосовъ противъ 15-ти. Такія побѣды ничего, оче-

видно, не предвѣщаютъ относительно исхода выборовъ въ Государственную Думу, производимыхъ при существенно другихъ условіяхъ, совершенно другимъ составомъ избирателей. Ошибочно было бы думать, что эволюція въ земствѣ, идущая всецѣло отъ одной, наименѣе многочисленной его части, усилитъ хоть сколько-нибудь положеніе министерства; наоборотъ, она можетъ явиться источникомъ новыхъ для него затрудненій, увеличивъ сумму недовольства въ массѣ населенія. Земству, перемѣнившему курсъ, крестьяне будутъ платить еще менѣе охотно, чѣмъ земству прежней окраски. И съ этой точки зрѣнія, слѣдовательно, нѣтъ препятствій къ принятію мѣры, о которой мы говорили выше. Земство, созданное закономъ 1890-го года, переживаетъ, во всякомъ случаѣ, свои послѣдніе дни; чѣмъ скорѣе начнется его преобразованіе, тѣмъ лучше.

Мы говорили, мѣсяцъ тому назадъ, о юридической невозможности измѣнить, въ настоящее время, избирательную систему, установленную положеніемъ о выборахъ въ Государственную Думу. Министерство, повидимому, продолжаетъ держаться того же взгляда; но агитація, толкающая его на другой путь, скорѣе усиливается, чѣмъ ослабѣваетъ. Къ реакціонной печати присоединилось, на дняхъ, курское чрезвычайное дворянское собраніе — то самое, которое ознаменовало себя исключеніемъ изъ своей среды четырехъ бывшихъ членовъ Государственной Думы. „Дворянство“—гласитъ докладъ курскаго губернскаго предводителя, графа Доррера—„дворянство, въ теченіе столѣтій стоявшее во главѣ умственнаго движенія страны, едва ли можетъ быть устранено отъ участія въ будущемъ законодательномъ учрежденіи. Оно видитъ единственное для себя спасеніе въ сословныхъ выборахъ и полагаетъ, что всѣми признанныя историческія его заслуги даютъ право на нѣкоторое къ нему вниманіе и снисхожденіе... Избирательный законъ, спѣшно созданный подъ вліяніемъ революціонной дѣятельности, далъ результаты прямо обратные тѣмъ, которые отъ него ожидались; предполагалось обезпечить въ Думѣ представительство извѣстныхъ группъ и классовъ населенія, а на самомъ дѣлѣ получилась картина типичная для выборовъ по системѣ всеобщаго голосованія“. Необходимо, по мнѣнію гр. Доррера, пересмотрѣть теперь же избирательный законъ, съ цѣлью внести въ него такія измѣненія, которыя обезпечили бы участіе въ Думѣ лицъ, понимающихъ необходимость дѣйствовать въ единеніи съ правительствомъ. Крестьянамъ должно быть предоставлено избраніе крестьянъ, землевладѣльцамъ — землевладѣльцевъ и т. д.; вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть введены пропорціональные выборы. Дворянское собраніе, соглашаясь съ гр. Дорре-

общепринятость односторонняго измѣненія октроированной конституціи? Примѣромъ Пруссіи? Конституція, данная королемъ 5-го декабря 1848-го года, была, правда, пересмотрѣна, но съ участіемъ палатъ, и только по одобреніи ими получила, въ 1850-мъ году, тотъ видъ, который сохраняетъ и понынѣ. Примѣромъ Франціи? Но даже Карлъ X-ый не рѣшался существенно измѣнить, собственною властью, хартію, октроированную его братомъ, и пытался обосновать извѣстные іюльскіе ордоннансы одною изъ статей этой хартіи. Примѣромъ Австріи? Но патентъ 26-го февраля 1861-го года былъ только дальнѣйшимъ развитіемъ диплома 20-го октября 1860-го года, а основные законы 21-го декабря 1867-го года, какъ и новеллы, ихъ измѣняющія, изданы съ согласія обѣихъ палатъ рейхсрата. На воздухѣ виситъ, слѣдовательно, увѣреніе автора, что „тамъ, гдѣ конституція октроирована, *учрежденіе ея совершается* тою же властью, въ которой ея источникъ". Для неприкосновенности конституціи вовсе не нужно, чтобы она была „договоромъ между монархомъ и страной"; разъ что она существуетъ, измѣненіе ея, какъ и измѣненіе каждаго отдѣльнаго закона, не входитъ въ сферу дѣйствій единоличной власти. Послѣ манифеста 17-го октября, установившаго это основное начало конституціоннаго строя, regis voluntas и у насъ перестала имѣть значеніе suprema lex. Иниціатива монарха въ измѣненіи основныхъ законовъ, предусмотрѣнная манифестомъ 20-го февраля, не имѣетъ ничего общаго съ произвольнымъ ихъ измѣненіемъ. Какъ бы слабъ и недостаточенъ ни былъ „эскизъ" русской конституціи, обратиться въ законченную картину онъ можетъ только при содѣйствіи всѣхъ факторовъ законодательства. Да и гдѣ доказательство тому, что проектируемая „поправка" избирательнаго закона соотвѣтствовала бы „интересамъ представительнаго начала"? Гдѣ ручательство въ томъ, что она устранила бы изъ него опасное и вредное, а не полезное и необходимое? Болѣе чѣмъ вѣроятно, наоборотъ, что содержаніе новаго избирательнаго закона, еслибы ему суждено было теперь состояться, оказалось бы настолько же неудовлетворительнымъ, насколько нелегальна была бы его форма.

Въ послѣднее время много говорятъ о *реальной политикѣ*. Нетрудно показать, что и съ ея требованіями произвольное измѣненіе избирательнаго закона находилось бы въ самомъ рѣшительномъ противорѣчіи. Опять былъ бы поставленъ вопросъ о бойкотѣ Думы; опять возникло бы сомнѣніе въ возможности мирнаго рѣшенія всѣхъ назрѣвшихъ вопросовъ. Противъ законности состава Думы, избранной на основаніи новаго закона, могли бы быть приведены вѣскія возраженія, заранѣе подрывающія авторитетъ ея рѣшеній. Ко всѣмъ трудностямъ положенія прибавилась бы еще одна, весьма существенная. Плохую услугу дѣлу порядка и мира оказываютъ тѣ, кто старается

уменьшить силу обѣщаній, ничѣмъ, на самомъ дѣлѣ, не отличающихся отъ обязательствъ.

Въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“ (№№ 212—14 и 216) напечатана обширная статья В. Е. Якушкина о партіи мирнаго обновленія. Строго, даже сурово относясь и къ способу ея образованія, и къ ея программѣ, онъ приходитъ, однако, къ менѣе отрицательному выводу, чѣмъ В. М. Гессенъ [1]. „Если сравнивать програму (политическую) мирнаго обновленія“—говоритъ В. Е. Якушкинъ,—„съ тѣмъ, что провозглашается болѣе правыми партіями, то мирное обновленіе можетъ показаться очень смѣлымъ и вполнѣ конституціоннымъ... Союзъ 17-го октября весьма близокъ къ оффиціальной программѣ, неосуществляемой и неосуществимой, тогда какъ программа мирнаго обновленія, несмотря на всѣ свои уступки и смягченія выше мѣры, все-таки ставитъ серьезно вопросъ о государственной реформѣ“. Аграрная программа партіи мирнаго обновленія удовлетворяетъ В. Е. Якушкина еще меньше, чѣмъ политическая, но это не мѣшаетъ ему признать, что обновленцы далеко опередили правительственные взгляды; громаднымъ преимуществомъ является уже признаніе партіей мирнаго обновленія принципа принудительнаго отчужденія частновладѣльческихъ земель. По вопросу о предвыборномъ соглашеніи между партіями народной свободы и мирнаго обновленія В. Е. Якушкинъ не высказывается прямо, но общій смыслъ его статьи—скорѣе въ пользу утвердительнаго рѣшенія. Изъ письма кн. Е. Н. Трубецкого, появившагося въ № 216 „Русскихъ Вѣдомостей“, видно, что сближеніе обѣихъ партій признано желательнымъ и на совѣщаніи, происходившемъ недавно между ихъ представителями. Многое зависитъ отъ того, какія установятся отношенія между партіей мирнаго обновленія и союзомъ 17-го октября. Извѣстный отвѣтъ А. И. Гучкова кн. Е. Н. Трубецкому и послѣдовавшій за нимъ выходъ Д. Н. Шипова изъ союза 17-го октября устраняютъ возможность колебаній: партія мирнаго обновленія должна заявить прямо и открыто о своемъ разрывѣ съ союзомъ, продолжающимъ идти рука объ руку съ А. И. Гучковымъ. Среди искреннихъ конституціоналистовъ нѣтъ мѣста для партіи, одобряющей репрессивную политику „министерства роспуска Думы“, до военно-полевыхъ судовъ включительно.

Жестокій неурожай, постигшій значительную часть Россіи, вызвалъ обычныя явленія: съ одной стороны—заботливость лучшихъ

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ сентябрьской книжкѣ „Вѣстника Европы“.

земскихъ и общественныхъ дѣятелей о своевременной и достаточной помощи населенію, съ другой стороны—крикливое отрицаніе голода и протесты противъ „кормленія голодающихъ“, подкрѣпляемые самымъ безцеремоннымъ извращеніемъ исторіи недавнихъ голодовокъ [1]). Среднюю позицію, какъ и прежде, занимаетъ администрація, освѣдомленная настолько, чтобы признавать необходимость помощи, но не настолько, чтобы правильно установить ея формы и размѣры. Опять подтвердилась полнѣйшая неудовлетворительность порядка, созданнаго временными правилами 1900-го года; опять обнаружилась неспособность земскихъ начальниковъ организовать и вести продовольственное дѣло. Въ прошломъ году пробѣлы оффиціальной дѣятельности восполняла, до извѣстной степени, общеземская организація; теперь ея средства должны значительно уменьшиться, такъ какъ суммы, прежде отпускавшіяся въ ея распоряженіе, министерство рѣшило направлять въ отдѣльныя губернскія земства. Насколько объединеніе лучше разрозненности, насколько пріобрѣтенный опытъ облегчалъ исполненіе трудной задачи—это понятно само собою. Въ реакціонной печати распоряженіе министерства встрѣчено, однако, громкимъ ликованіемъ. „Главная цѣль общеземской организаціи“—увѣряютъ „Московскія Вѣдомости“ (№ 222)—„заключалась въ сѣяніи смуты среди населенія и въ возбужденіи его противъ правительства“. Благодаря министерству, у оппозиціи „отняты милліоны, которые на выборахъ должны были принести богатые проценты“; „народные милліоны, назначенные на прокормленіе населенія“, не будутъ „затрачены на революціонированіе народной массы и *на выборы конституціонно-демократической партіи*“. Подтверждено ли столь серьезное обвиненіе хоть тѣмъ, что на юридическомъ языкѣ называется „началомъ доказательства“? Нѣтъ: московская газета говоритъ только о какихъ-то „неопубликованныхъ письмахъ, полученныхъ съ мѣста работы агентовъ общеземской организаціи“. Нетрудно себѣ представить, что это за письма, которыя не рѣшается опубликовать реакціонная печать... Гораздо правдоподобнѣе другое объясненіе министерскаго распоряженія, предлагаемое „Русскими Вѣдомостями“. Уполномоченные общеземской организаціи—читаемъ мы здѣсь—„видятъ на мѣстахъ непорядки продовольственнаго дѣла, и черезъ нихъ эти непорядки дѣлаются достояніемъ гласности; идя же изъ столь авторитетнаго источника, эти разоблаченія получаютъ особое значеніе. Спокойное въ своей неосвѣдомленности министерство вовсе не желаетъ такой гласности. Оно предпочитаетъ передать дополнительныя

---

[1]) См., напримѣръ, статью: „Кормленіе голодающихъ“ въ № 180 „Московскихъ Вѣдомостей“.

ассигнованія, о которыхъ ходатайствовала общеземская организація, въ распоряженіе губернскихъ земствъ, которыя теперь являются очень зависимыми отъ мѣстной администраціи и ни къ какой излишней гласности склонными не явятся". Да, печальны обстоятельства, при которыхъ губернскимъ земствамъ (едвали, впрочемъ, всѣмъ) удалось заслужить довѣріе министерства...

первыхъ переводчиковъ (Б. Женева и М. Семевскаго) г. Малеинъ говоритъ слѣдующее: „Что касается моей работы, то, при выполненіи ея, я, конечно, долженъ былъ постоянно считаться съ трудомъ Женева и Семевскаго, оказавшимъ мнѣ въ общемъ значительное подспорье. Вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя названные переводчики и старались, по ихъ словамъ, о возможной близости къ оригиналу, они все же часто и при томъ безъ особой нужды удалялись отъ него; кромѣ того, въ ихъ переводѣ встрѣчается значительное количество болѣе или менѣе досадныхъ промаховъ... Въ своей работѣ прежде всего я преслѣдовалъ ту цѣль, чтобы настоящій переводъ по возможности замѣнялъ подлинникъ, какъ тѣмъ лицамъ, которымъ недоступно чтеніе Дневника въ оригиналѣ, такъ и тѣмъ ученымъ, которые не могутъ пользоваться латинскимъ подлинникомъ, вслѣдствіе его рѣдкости. Однимъ словомъ, мнѣ хотѣлось, по словамъ Гёте въ „Wahrheit und Dichtung“, дать такой „критическій переводъ, который состязается съ оригиналомъ“. Поэтому я переводилъ по возможности буквально, и въ этихъ видахъ стремился сохранить не только расплывчатый, неуклюже-витіеватый и темный слогъ Корба, но и его тяжеловѣсные періоды“. Въ краткихъ примѣчаніяхъ переводчикъ преимущественное вниманіе обращаетъ на сопоставленіе извѣстій Корба съ подлинными русскими документами, относящимися какъ къ тѣмъ событіямъ и лицамъ, которыя были связаны съ самымъ фактомъ пребыванія Корба въ Россіи, такъ и къ тѣмъ происшествіямъ, очевидцемъ которыхъ онъ былъ. Примѣчанія эти, исключительно фактическаго характера, слишкомъ кратки и, что особенно жаль, въ нихъ весьма недостаточны ссылки на аналогичныя свидѣтельства иностранцевъ, посѣтившихъ Россію приблизительно въ то же время, какъ и Корбъ. Библіографическая исторія труда Корба весьма обстоятельно, съ другой стороны, разсмотрѣна въ краткомъ введеніи „отъ переводчика“.

Какъ извѣстно, авторъ Дневника Іоганнъ Георгъ Корбъ посѣтилъ Россію въ самомъ концѣ XVII в. Онъ былъ секретаремъ посольства, отправленнаго къ Петру Великому римскимъ цесаремъ Леопольдомъ I, послѣ заключенія въ 1697 г. Австріей, Россіей, Польшей и Венеціей оборонительнаго и наступательнаго союза противъ турокъ. Корбъ пробылъ въ Россіи отъ апрѣля 1698 г. до конца іюля 1699 г., и во время своего пребыванія имѣлъ возможность наблюдать одинъ изъ тревожнѣйшихъ моментовъ русской исторіи. Онъ видѣлъ возвращеніе Петра В. изъ его перваго заграничнаго путешествія и былъ близкимъ свидѣтелемъ потрясающихъ сценъ усмиренія стрѣлецкаго мятежа. По своему положенію онъ могъ наблюдать Петра не только въ оффиціальныхъ случаяхъ, и многое могъ слышать о немъ отъ лицъ

хорошо освѣдомленныхъ. Не обладая литературнымъ талантомъ и не задаваясь цѣлями историческаго изложенія, Корбъ заносилъ въ свой Дневникъ непосредственныя впечатлѣнія, итоги дня, событія, происходившія на его глазахъ, факты изъ посольской жизни и т. д. Все это придаетъ Дневнику Корба значительный и общій интересъ, усиливающійся еще той частью его сочиненія, въ которой онъ собралъ и какъ бы подготовилъ обширный матеріалъ для обстоятельнаго описанія представлявшихся ему особенностей государственной, общественной и частной жизни обитателей Московіи. „Книга Корба,—говоритъ г. Малеинъ,—была первымъ наиболѣе обстоятельнымъ сочиненіемъ, познакомившимъ Европу того времени не только съ отдаленной Московіей, о которой писали уже многіе, но особенно съ личностью ея молодого и энергичнаго государя. Желая сблизиться съ Западомъ и пріобщиться его культурѣ, московское правительство, естественно, должно было дорожить европейскимъ мнѣніемъ, а потому книга, въ которой описывались многія непривлекательныя интимныя стороны изъ жизни цѣлаго народа и его владыки, отнюдь не могла быть пріятной ни царю, ни его приближеннымъ. Къ этому надо прибавить и то почти болѣзненное самолюбіе, съ которымъ московская Русь относилась къ поддержкѣ своей чести и достоинства среди иноземцевъ. Такъ, дьяки выговаривали полякамъ за то, что тѣ писали царю Ѳедору, а не Ѳеодору, или царю Ивану, а не Іоанну, а князь В. В. Голицынъ, прочитавъ въ изданной Потоцкимъ книгѣ такія выраженія, какъ „невѣрная Русь, дурная Москва, упрямый Москвитянинъ", прямо говорилъ польскимъ посламъ: „И послѣ этакихъ нестерпимыхъ, лютыхъ и явныхъ досадительствъ, можете ли вы надѣяться когда-нибудь получить Кіевъ? Возможенъ ли между нами вѣчный миръ?"

Книга Корба произвела, дѣйствительно, неблагопріятное впечатлѣніе на первыхъ русскихъ, познакомившихся съ ней. Кн. П. А. Голицынъ въ своемъ письмѣ къ Ѳ. А. Головину выразилъ сильное негодованіе по адресу посла Гваріента, видя въ немъ какъ бы автора книги, при чемъ писалъ: „таково поганца и ругателя на московское государство не бывало; съ пріѣзду его сюда насъ учинили барбарами". Гваріенту пришлось отрекаться отъ навязывавшагося ему авторства и даже отказываться отъ сана посланника при русскомъ дворѣ. Оцѣнка, данная книгѣ Корба княземъ Голицынымъ, въ сущности, была вѣрна лишь отчасти. Корбъ не имѣлъ въ виду преднамѣренно изобразить московитовъ въ дурномъ свѣтѣ, но все его изложеніе проникнуто такимъ по временамъ непониманіемъ духа страны, въ которой онъ жилъ, что въ его сообщеніяхъ московиты, дѣйствительно, рисуются варварами, полудикарями. Это въ особенности касается свѣдѣній о народной

массѣ, стоявшей за предѣлами оффиціальнаго круга, въ которомъ вращался Корбъ. Самое изложеніе его носитъ характеръ нѣкоторой оффиціальности и дипломатической осторожности. Онъ чрезвычайно почтителенъ въ выраженіяхъ не только о царѣ Петрѣ или о „господинѣ послѣ", при которомъ онъ состоялъ, но и обо всѣхъ сановныхъ людяхъ. Изображая ужасныя казни и пытки стрѣльцовъ, Корбъ не выходитъ изъ границъ придворно-оффиціальнаго пониманія стрѣлецкаго возмущенія... Личность молодого царя произвела на него сильное впечатлѣніе. Приведемъ одну характерную сценку: „День этотъ омраченъ казнью двухсотъ человѣкъ и во всякомъ случаѣ долженъ быть признанъ скорбнымъ; всѣ преступники были обезглавлены. На очень обширной площади, весьма близко отъ Кремля, были разставлены плахи, на которыхъ должны были сложить голову виновные. Я самъ измѣрилъ длину (площади?) шагами; ширина ея равнялась двумъ плахамъ (?). Его Царское Величество прибылъ въ двуколкѣ съ нѣкіимъ Александромъ, общество котораго доставляетъ ему наибольшее удовольствіе, и, проѣхавъ злополучную площадь, вступилъ на находящееся рядомъ съ ней мѣсто, гдѣ тридцать осужденныхъ искупили смертью преступленіе своего нечестиваго умысла. Между тѣмъ бѣдственная толпа виновныхъ наполнила описанное выше пространство, и Царь вернулся туда же, чтобы въ его присутствіи подверглись наказанію тѣ, которые въ его отсутствіе задумали въ святотатственномъ замыслѣ столь великое нечестіе. Писецъ, становясь на приносимую солдатами скамейку, въ разныхъ мѣстахъ читалъ составленный противъ мятежниковъ приговоръ, чтобы стоявшая кругомъ толпа тѣмъ лучше узнала всю громаду ихъ преступленія и правоту налагаемой за него казни. Когда онъ замолчалъ, палачъ началъ трагедію: у несчастныхъ была своя очередь, всѣ они подходили одинъ за другимъ, не выражая на лицѣ никакой скорби или ужаса предъ грозящей имъ смертью. Но я не рѣшился бы объяснять это презрѣніе къ смерти величіемъ ихъ духа, а полагаю скорѣе, что они доведены до подобнаго самозабвенія и презрѣнія къ жизни безславіемъ своего ужаснаго позора и воспоминаніемъ о жестокихъ мукахъ, испытываемыхъ ими каждый день. Одного вплоть до самой плахи провожали жена и дѣти съ громкими, ужасными воплями. Готовясь лечь на плаху, онъ, вмѣсто послѣдняго прощанія, отдалъ женѣ и малымъ дѣткамъ, горько плакавшимъ, свои рукавицы и платокъ, который у него оставался".

Разсказывая о жестокостяхъ, которымъ подвергались стрѣльцы, Корбъ весь на сторонѣ Петра и его преобразовательныхъ стремленій. Когда слухъ объ ежедневныхъ ужасныхъ пыткахъ дошелъ до патріарха, послѣдній явился къ Петру съ иконой и старался смягчить гнѣвъ царя. „Но проявленіе показного благочестія, — замѣчаетъ

Корбъ,—не могло измѣнить истинныхъ основъ правосудія"... „Дѣло обстояло такъ, — говоритъ онъ далѣе, — что о благѣ всей Московіи приходилось заботиться мѣрами жестокости, а не благочестія". И Корбъ развиваетъ ту мысль, что подобная суровая расправа неудачно называется тиранніей, и бываютъ случаи, когда для общаго оздоровленія организма необходимо отсѣкать больные члены. Это варварское міросозерцаніе, достойное своей варварской эпохи, даетъ основной тонъ всему изложенію Корба и является типичнымъ образчикомъ историческаго освѣщенія событій своего времени. При всѣхъ этихъ особенностяхъ личность Петра рисуется отчетливо и ярко: необузданный, вспыльчивый, отходчивый, вѣчно безпокойный, жестокій, страстный, Петръ осязательно чувствуется въ изложеніи Корба. Корбъ внимательно отмѣчаетъ всѣ случаи своихъ встрѣчъ съ Петромъ, его поведеніе, рѣчи, настроенія—и все въ неизмѣнномъ стилѣ дипломатической осторожности и почтительности. По окончаніи одной изъ расправъ, царь обѣдалъ у знаменитаго Гордона. „Царь отнюдь не имѣлъ веселаго настроенія, а наоборотъ горько жаловался на упорство и упрямство виновныхъ. Онъ съ негодованіемъ разсказывалъ Генералу Гордону и присутствовавшимъ Московскимъ Вельможамъ, какъ одинъ изъ осужденныхъ проявилъ такую закоренѣлость, что, готовясь лечь на плаху, дерзнулъ обратиться къ Царю, вѣроятно стоявшему очень близко, съ такими словами: „Посторонись, Государь! Это я долженъ здѣсь лечь". Изъ 150 только трое признали себя виновными въ преступленіи и измѣнѣ и просили о помилованіи присутствовавшаго при казни его Царское Величество. Оказавшись достойными милосердія своего Государя, они были поэтому освобождены отъ смертной казни и получили прощеніе своей вины. На завтрашній день готовилась новая расправа, на которую Царь пригласилъ Генерала Гордона, говоря, что онъ хочетъ карать виновныхъ новымъ и необычнымъ для своего народа способомъ, именно не топоромъ, а мечемъ. Въ этотъ же вечеръ часто упоминаемый мною Александръ (т.-е. Меньшиковъ) ѣздилъ въ двуколкѣ по всѣмъ перекресткамъ города и почти безпрерывно показывалъ всюду обнаженный мечъ, давая этимъ понять, какъ ждетъ онъ кровавой трагедіи завтрашняго дня".

Это былъ разгаръ уже опредѣлившейся борьбы Петра съ общественнымъ мнѣніемъ, которое возставало на него за жестокости и грубо вводившіяся новшества; на ропотъ, достигавшій въ отдѣльныхъ случаяхъ открытаго возмущенія, Петръ отвѣчалъ репрессіями, которыя принимали видъ настоящаго „террора", по выраженію С. М. Соловьева. Эта сторона дѣятельности Петра—борьба съ общественнымъ мнѣніемъ, имѣвшимъ за собой очень опредѣленныя основанія, ускольз-

нула отъ вниманія Корба, разглядѣвшаго только одну видимую сторону—подавленіе бунта мятежниковъ.

Кромѣ собственно Дневника, вторую часть книги занимаетъ какъ бы итогъ вынесенныхъ впечатлѣній и наблюденій—цѣлый рядъ небольшихъ главъ, изъ которыхъ одна часть составляетъ сжатое описаніе „опаснаго мятежа стрѣльцовъ въ Московіи", а другая посвящена фактическимъ свѣдѣніямъ о различныхъ сторонахъ русской придворной и общественной жизни.

Книга сопровождается рисунками и указателями.

III.

— Фаресовъ, А. И. Мужики и начальство. Спб. 1906.

Очерки г. Фаресова посвящены изображенію современной деревни. Они представляютъ собой результатъ непосредственныхъ наблюденій надъ крестьянской жизнью въ небольшомъ районѣ Псковской губерніи, но, поскольку они отражаютъ въ себѣ средне-крестьянское міросозерцаніе, воспитанное въ общихъ условіяхъ исторической и бытовой жизни, они являются во многихъ отношеніяхъ типичными для выраженія того сложнаго процесса, который переживаетъ крестьянская масса въ наше время. Какъ непосредственное отраженіе близкой къ намъ живой дѣйствительности, они очень любопытны закрѣпленіемъ извѣстнаго историческаго момента, и въ этомъ смыслѣ они, можно думать, сохранятъ свое значеніе и на будущее время; но выраженныя въ нихъ личныя предположенія и чаянія автора, связанныя съ созывомъ первой Государственной Думы, уже утратили свой публицистическій интересъ и смѣшались въ хаосѣ свершающихся событій съ безконечными попытками разобраться въ броженіи разлагающейся деревни и указать выходъ къ ея обновленію. Государственная Дума пришла, взволновала крестьянскую душу горячими рѣчами о народныхъ правахъ, о землѣ и волѣ и разошлась по всей землѣ русской, опечаленная, обезличенная, но близкая и народной душѣ, и народной скорби. Деревня, которую засталъ г. Фаресовъ передъ созывомъ Думы—не та, въ смыслѣ правосознанія, какова она теперь. Тѣми же остались пока коренныя причины ея нестроенія, ея темнота, ея безпомощность, ея деморализованность, при которыхъ господству низменныхъ и хищныхъ инстинктовъ предоставленъ полный просторъ. Страницы, посвящаемыя г. Фаресовымъ передачѣ того, что совершается въ нѣдрахъ почуявшей свои силы крестьянской массы, и являются наиболѣе цѣнными въ его книгѣ, не претендующей ни на сгущеніе красокъ съ цѣлью указать,

гдѣ корень зла (что въ настоящее время можетъ почитаться достаточно яснымъ), ни на преклоненіе передъ мужицкой добродѣтелью и здравымъ смысломъ, что давало бы поводъ заподозрить автора въ сочиненности его деревенскихъ очерковъ.

Деревенскіе типы г. Фаресова разнообразны. Они не описаны, не „изображены", а эскизно выхвачены изъ окружавшаго мірка. Но кажущееся разнообразіе этихъ типовъ схематизируется приблизительно въ двухъ направленіяхъ: одни изъ нихъ—„озорники", „деревенскіе хулиганы", другіе представляютъ собой элементъ, сознательно относящійся къ своему положенію среди обстоятельствъ переживаемаго времени и старающійся извлечь изъ этого положенія, сообразно своему пониманію, возможныя выгоды. Каково это пониманіе—вопросъ другой, но крестьянинъ созналъ, если вѣрить г. Фаресову, что устроеніе его судьбы зависитъ только отъ него, и извѣрился въ спасительной опекѣ „начальства". Извѣрившись въ начальственной заботѣ, крестьянство, по крайней мѣрѣ то, которое наблюдалъ г. Фаресовъ, проявило свою застарѣлую со временъ крѣпостничества вражду къ помѣщикамъ, противившимся „уравненію земель". На почвѣ озлобленія возникли аграрные безпорядки и запылали барскія усадьбы. Г. Фаресовъ дѣлаетъ совершенно вѣрное замѣчаніе о томъ, что аграрныя волненія разыгрываются на исторической почвѣ „господскихъ грѣховъ". „Нужна ли здѣсь пропаганда, и если найдутся арестованныя за это лица, то можно ли приписывать имъ успѣхъ и распространеніе аграрныхъ безпорядковъ? Народъ прибѣгаетъ къ нимъ по издавной привычкѣ къ „красному пѣтуху" въ разсчетѣ на то, что у землевладѣльца не хватитъ ни энергіи, ни желанія вернуться въ разоренную усадьбу, вновь обстроить ее и жить среди настроеннаго противъ него населенія. Эту „психологію" народъ отлично понималъ и ранѣе, и въ настоящее время разсчитываетъ на нее въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, совершенно независимо отъ партійныхъ программъ интеллигенціи. Чему-нибудь крѣпостническій и бюрократическій гнетъ научилъ же народныя массы, и будетъ вполнѣ справедливымъ поставить на его счетъ весь ужасъ аграрныхъ безпорядковъ. Тамъ, гдѣ къ нимъ примыкаютъ „агитаторы", не слѣдуетъ забывать ту же историческую выучку, преподанную народнымъ массамъ ихъ вѣковымъ гнетомъ. Благодѣтельность манифеста 17-го октября,—еслибы онъ сопровождался свободными выборами въ Государственную Думу,—именно и заключается въ томъ, что впервые дается русскому народу урокъ о новой борьбѣ съ гнетущими его условіями жизни путемъ избирательной борьбы, и какъ только онъ привыкнетъ къ „голосованію" и увидитъ благотворность и могущество его, такъ начнется мало-по-малу исчезновеніе у насъ пугачевщины".

Благодѣтельность манифеста 17 октября... сколько прекрасныхъ

словъ наговорено на эту тему, сколько прекрасныхъ мечтаній родилось подъ нашимъ туманнымъ небомъ и исчезло при первыхъ порывахъ морознаго вихря! Сколько обывательскаго прекраснодушія слилось въ эти дни съ горячей любовью къ народу и родинѣ, съ жаждой самопожертвованія во имя идеаловъ своботы! Мечтанія исчезли, идеалы остались неосуществленными, жизнь вся раскололась и затрепетала ужасомъ и кровью. А деревенская дѣйствительность обнаружилась еще безотраднѣе, не оставляя мѣста оптимистическимъ вожделѣніямъ на новыя 17-ыя октября. Безчисленные факты приносятъ подтвержденіе, что въ деревнѣ все шире и шире развивается тотъ процессъ одичанія, характерные образчики котораго даны въ книгѣ г. Фаресова. Изображая типы деревенскихъ „озорниковъ", буяновъ, пьяницъ, воровъ, клятвопреступниковъ, съ которыми нѣтъ средствъ бороться въ самой деревнѣ („ни грамотнаго человѣка у насъ, ни газетины, ни правъ. Одна голодная земля!"), г. Фаресовъ считаетъ ихъ представителями „отживающихъ началъ русской деревни". Этотъ оптимизмъ намъ былъ бы не совсѣмъ понятенъ, еслибы мы не указали, что авторъ писалъ свои очерки, когда всѣ надежды его были обращены къ Государственной Думѣ. „Съ дарованіемъ сверху народу голосованія и культурнаго его подъема снизу, я не сомнѣваюсь въ томъ, что деревенскіе „озорники" будутъ стыдиться своихъ „гулянокъ"; водка перестанетъ играть первую роль на торжествахъ и дѣловыхъ собраніяхъ крестьянъ... Будетъ чѣмъ и куда оттянуть народныя симпатіи отъ вымирающаго міра въ другую сторону. Мы говоримъ о народномъ парламентѣ и самодѣятельности страны".

Но въ томъ-то и дѣло, что народнаго парламента пока не даютъ, а самодѣятельность страны направляется далеко не въ сторону созидательной культурной работы. И происходитъ это отъ многихъ сложныхъ причинъ, одно признаніе которыхъ разбиваетъ всѣ теоретическія построенія г. Фаресова. Не соглашаясь съ ними, читатель отдастъ должное наблюдательности автора и его знанію быта и „новыхъ настроеній" современной деревни.

IV.

— **Е. В. Пѣтуховъ. Императорскій юрьевскій, бывшій дерптскій, университетъ въ послѣдній періодъ своего столѣтняго существованія (1865—1902). Историческій очеркъ. Спб. 1906.**

Настоящій трудъ является дополнительной частью вышедшей три года тому назадъ исторіи юрьевскаго университета за время 1802—1865 гг.; здѣсь разсматриваются судьбы этого учрежденія за послѣдній

періодъ его дѣятельности вплоть до его столѣтняго юбилея въ 1902 г. Изложеніе автора носитъ почти сплошь фактическій характеръ и чуждо запросамъ широкаго культурнаго освѣщенія. Авторъ вращается преимущественно въ сферѣ архивнаго матеріала, скупясь на выводы и на такіе факты, которые освѣщали бы внутреннюю сторону университетскаго быта. Въ этомъ отношеніи очеркъ г. Пѣтухова является скорѣе добросовѣстной компиляціей, чѣмъ историческимъ изслѣдованіемъ, если сдѣлать задачей послѣдняго осязательное выясненіе культурнаго взаимодѣйствія между высшимъ разсадникомъ знанія и тѣмъ краемъ, которому, прежде всего, онъ призванъ служить.

Изслѣдуемую въ настоящемъ трудѣ эпоху дерптскаго-юрьевскаго университета авторъ дѣлитъ на два періода: первый, обнимающій собою дѣйствіе устава 1865 г., и второй, обнимающій послѣдующія тринадцать лѣтъ послѣ реформы 1889 г. Первый періодъ, въ смыслѣ историческаго матеріала, представляется автору въ значительной степени законченнымъ; второй—еще не отошелъ въ область исторіи, и изложеніе его лишено желательной автору полноты.

„Красная нить, проходящая черезъ исторію,—говоритъ г. Пѣтуховъ,—двухъ первыхъ періодовъ жизни дерптскаго университета—опредѣленіе своихъ отношеній къ государственному языку, а также стремленіе занять среди другихъ университетовъ въ имперіи особенное положеніе и, до извѣстной степени, руководить культурно-политическими воззрѣніями мѣстнаго общества—получаетъ въ третьемъ періодѣ существованія университета еще болѣе яркую окраску, но результатомъ взаимодѣйствія этихъ стремленій съ одной стороны и воззрѣній правительства и значительной части русскаго общества съ другой—является новый моментъ въ жизни университета, совпавшій съ правительственными стремленіями привести и вообще Прибалтійскій край къ болѣе тѣсной культурной связи съ остальной Россіей. Активная роль въ этомъ процессѣ сближенія, какъ прежде, такъ и теперь, принадлежала руководящимъ правительственнымъ начинаніямъ и идеямъ, шедшимъ изъ центра, а университету приходилось такъ или иначе реагировать на эти послѣднія, подходя, однакоже, постепенно, силою вещей, къ такому его состоянію, которое должно было, въ концѣ концовъ, явиться необходимымъ слѣдствіемъ совокупной дѣятельности указанныхъ условій“.

Какъ совершался процессъ „реагированія“ на „активныя начинанія“ правительства, мы не видимъ изъ очерка г. Пѣтухова, составленнаго, по большей части, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ. Но даже изъ этихъ данныхъ читатель можетъ сдѣлать самостоятельный выводъ, что политика правительства въ отношеніи и дерптскаго университета не отличалась ни послѣдовательностью, ни доста-

точнымъ вниманіемъ къ его нуждамъ. Любопытны нѣкоторыя черты. Въ 1867 г. имп. Александръ II сообщилъ представителямъ разныхъ сословій, во время своего посѣщенія Риги, о своемъ намѣреніи провести рядъ обрусительныхъ реформъ въ краѣ, „образующемъ нераздѣльную часть съ Россіей". Въ связи съ этимъ уже въ томъ же 1867 г. комитетъ министровъ одобрилъ предложенныя гр. Д. А. Толстымъ мѣры къ усиленію преподаванія въ Прибалтійскомъ краѣ русскаго языка, а черезъ годъ государю была подана записка о необходимости коренныхъ преобразованій въ краѣ, юношество котораго „пропитывается на школьныхъ скамьяхъ духомъ совершенно чуждымъ всему русскому". „Несмотря, однакоже, — говоритъ г. Пѣтуховъ, — на такое настроеніе и въ правительственныхъ сферахъ, и въ печати, и въ значительной части русскаго, особенно мѣстнаго прибалтійскаго общества, дѣло реформы встрѣтило, повидимому, сильный отпоръ со стороны столь авторитетной, что уже 12-го декабря 1871 года на университетскомъ актѣ оффиціальный ораторъ могъ сказать, вспоминая о нѣкогда обѣщанной университету его августѣйшимъ основателемъ защитѣ: „мы стоимъ теперь крѣпко и спокойно, не сокрушенные вражескими нападками, на насъ направленными въ недавнее время".

Сдѣлавъ цитату изъ „Окраинъ Россіи" Ю. Самарина, скептически отмѣчавшаго отсрочку реформы (писано было въ 1871 году), г. Пѣтуховъ продолжаетъ: „Такимъ образомъ, назрѣвшая уже реформа учебной системы въ Прибалтійскомъ краѣ, въ томъ числѣ и университета, была пріостановлена почти на цѣлую четверть вѣка; въ связи съ этимъ, для многихъ тогда необъяснимымъ явленіемъ не лишено интереса сообщеніе въ 1889 году, когда, наконецъ, реформа относительно университета начала фактически осуществляться, газеты „Temps", будто въ 60-хъ годахъ, когда реформа была окончательно подготовлена, Государь, по особымъ мотивамъ, рѣшилъ отложить ея осуществленіе на приблизительно двадцатипятилѣтній срокъ. Наблюденіе надъ событіями, предшествовавшими моменту этого рѣшенія, а также отчасти и слѣдовавшими за нимъ, даетъ возможность съ большой вѣроятностью предполагать, что на рѣшеніе Государя не остались безъ вліянія энергическіе голоса противъ реформы изъ среды нѣмецкаго общества, какъ на мѣстѣ предполагавшейся реформы, такъ и въ Петербургѣ, напримѣръ, докладныя записки на высочайшее имя лифляндскаго и эстляндскаго дворянства 1870 года".

Конечно, какъ это и констатируетъ г. Пѣтуховъ, при такомъ положеніи дѣла никто изъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу высшаго управленія краемъ, не могъ взять на себя иниціативы въ проведеніи реформъ, и положеніе вещей оставалось въ прежнемъ неопредѣленномъ и неустойчивомъ видѣ. Не входя совершенно въ существо во-

проса, насколько реформы въ обрусительномъ духѣ дѣйствительно соотвѣтствовали научнымъ и культурнымъ потребностямъ университета и мѣстнаго общества, замѣтимъ, что, даже признавая въ принципѣ введеніе обрусительныхъ реформъ одною изъ положительныхъ задачъ русской политики въ Прибалтійскомъ краѣ, мы ожидали бы встрѣтить со стороны русскаго правительства стремленіе обставить какъ можно лучше дерптскій университетъ въ научномъ отношеніи, не останавливаясь ни передъ какими матеріальными затратами. Но, увы!—правительство, повидимому, мало полагалось на культурныя воздѣйствія русской науки и съ величайшей неохотой отзывалось на ходатайства объ отпускѣ необходимыхъ средствъ, сравнительно ничтожныхъ. Такъ, даже при осуществленіи „реформы“ 1889 г. вопросъ о матеріальныхъ нуждахъ университета остался открытымъ. Факты говорятъ сами за себя. „Что касается,—пишетъ г. Пѣтуховъ,—увеличенія и упорядоченія средствъ и способовъ обученія въ университетѣ примѣнительно къ обще-русской университетской нормѣ устава 1884 года, то въ этомъ отношеніи съ самаго начала былъ избранъ весьма ненадежный путь, заключающійся, какъ мы видѣли, въ томъ, что реформа должна была быть произведена, по возможности, безъ особыхъ ассигнованій изъ казны, одними „спеціальными средствами“ университета. Чтобы отвѣтить предъявляемымъ къ нему запросамъ, университетъ принужденъ былъ, при чрезвычайномъ напряженіи своихъ спеціальныхъ средствъ, вводя преподаваніе по новымъ предметамъ и расширяя его по старымъ, ходатайствовать то о новыхъ каѳедрахъ, то объ обращеніи доцентуръ въ профессуры, то о созданіи новыхъ или преобразованіи старыхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій; особенно давали себя чувствовать въ этомъ отношеніи многообразныя нужды медицинскаго и физико-математическаго факультетовъ съ ихъ многочисленными и требующими большихъ расходовъ кабинетами, клиниками и лабораторіями. Все это ложилось непомѣрно тяжелымъ бременемъ на спеціальныя средства университета, въ явный ущербъ не только другимъ его болѣе общимъ нуждамъ (постройка и ремонтъ зданій, хозяйство, библіотека, вознагражденіе нѣкоторыхъ служащихъ), но несомнѣнно и качеству самой реформы; многое было сдѣлано лишь по мѣрѣ силъ, съ крайней экономіей и урѣзками противъ предположеннаго.

Шли годы; мѣнялись министерства, пребывавшія неизмѣнно глухими къ дѣйствительнымъ культурнымъ нуждамъ университетовъ и самой русской науки, и канунъ столѣтняго юбилея, 1900-й г., застаетъ бывшій дерптскій университетъ въ такомъ положеніи, лучшая оцѣнка котораго была сдѣлана бывшимъ попечителемъ г. Шварцомъ въ оффиціальномъ представленіи въ министерство. „Отзвукомъ этихъ непрерывныхъ ходатайствъ университета, — говоритъ г. Пѣтуховъ, — объ

улучшеніи своего матеріальнаго положенія являются и слѣдующія слова новаго попечителя А. Н. Шварца, въ представленіи въ министерство отъ 12-го мая 1900 года: „Запущенность и бѣдность нѣкоторыхъ важнѣйшихъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета, особенно клиникъ, таковы, что оставлять ихъ далѣе въ такомъ же положеніи невозможно; судебные иски, возбужденные противъ отдѣльныхъ институтовъ, лишенныхъ возможности производить научныя изслѣдованія, не дѣлая иногда довольно крупныхъ долговъ, являются позорящимъ обстоятельствомъ для высшаго учебнаго заведенія въ краѣ, зорко слѣдящемъ за всѣмъ, что дѣлается въ этомъ заведеніи, и, наконецъ, невозможность промовировать профессоровъ, имѣющихъ право на дальнѣйшее движеніе, ставитъ университетъ въ крайне печальную необходимость терять прекрасныхъ преподавателей и замѣнять ихъ молодыми людьми, нерѣдко не имѣющими даже ученыхъ степеней, такъ какъ только таковые обнаруживаютъ желаніе начать службу при тѣхъ сравнительно тяжелыхъ условіяхъ, при которыхъ приходится служить на окраинахъ".

„Но, несмотря на всѣ эти ходатайства,—продолжаетъ г. Пѣтуховъ,—Юрьевскій университетъ такъ и остался до конца описываемаго періода при старомъ штатѣ, перенося, конечно не безъ ущерба дѣлу, всю тяжесть своихъ ежегодныхъ дефицитовъ на спеціальныя средства".

Не удивительно поэтому, что, какъ свидѣтельствуетъ авторъ въ дальнѣйшемъ изложеніи, въ вопросѣ о замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ до 1889 г., т.-е. до введенія преподаванія на русскомъ языкѣ, играли очень видную роль иностранцы, и только съ этого времени начинаются замѣщенія вакантныхъ каѳедръ научными силами — преимущественно молодыми — изъ внутренней Россіи. Какъ извѣстно, при замѣщеніи каѳедръ молодыми русскими учеными допускались, въ отдѣльныхъ случаяхъ, льготныя условія. Какъ этотъ порядокъ замѣщенія каѳедръ, практиковавшійся до послѣднихъ лѣтъ описываемаго періода отразится на развитіи русской науки въ Прибалтійскомъ краѣ, покажетъ, конечно, будущее, но любопытно, что виднѣйшіе изъ приводимаго авторомъ списка русскіе профессора оставляли бывшій дерптскій университетъ послѣ нѣкотораго пребыванія, смотря на него, можно думать, какъ на извѣстный этапъ въ достиженіи каѳедры въ одномъ изъ столичныхъ или вообще русскихъ университетовъ.

Сводя столѣтнюю дѣятельность дерптскаго университета къ одному общему итогу, авторъ видитъ его миссію въ дѣлѣ культурнаго посредничества между Россіей и Западной Европой, причемъ университету ставилась двойная задача — служить наукѣ вообще и просвѣтителемъ края въ частности. Чрезвычайно осторожно обходя скользкій вопросъ о „политическомъ элементѣ", которому, по выраженію г. Пѣ-

тухова,—„въ извѣстной степени не чуждъ былъ дерптскій университетъ по условіямъ и цѣлямъ своего существованія“, авторъ понимаетъ борьбу двухъ національныхъ началъ такимъ образомъ, что, съ одной стороны, передъ дѣятелями университета вопросъ объ отношеніи къ интересамъ „Россіи“ время отъ времени „затуманивался“, что и вызывало центральную власть на борьбу. Такимъ образомъ, въ то время какъ дерптскій университетъ только „не былъ чуждъ“, и то въ извѣстной степени, политическому элементу, русская центральная власть, какъ это можно видѣть изъ книги самого же г. Пѣтухова, если и проявляла свою заботу объ университетѣ, то лишь по преимуществу изъ политическихъ соображеній, преслѣдовавшихъ цѣли административнаго объединенія и далеко стоявшихъ отъ задачъ мирнаго развитія. Будущее покажетъ, какое мѣсто въ исторіи университета и всего края займетъ та реформа конца 80-хъ годовъ, на которую авторъ возлагаетъ большія надежды въ томъ смыслѣ, что университету суждено идти по болѣе широкой дорогѣ культурнаго служенія—не только интересамъ Прибалтійскаго края, но и всей остальной Россіи.

V.

— Ларенко, П. Страдные дни Портъ-Артура. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1906.
— Веревкинъ, Н. (артурскій обыватель). Странички изъ дневника. Очерки изъ жизни осажденнаго Артура. Изд. П. А. Артемьева. Спб. 1906.
— Ножинъ, Е. К. Правда о Портъ-Артурѣ. Ч. I. Изд. П. А. Артемьева. Спб. 1906.
— Купчинскій, Ф. П. Въ японской неволѣ. Изд. П. А. Артемьева. Спб. 1906.

Читая эти книги, невольно задаешься вопросомъ: прочтутъ ли ихъ тѣ, которые создали кровавую эпопею на Дальнемъ Востокѣ, обнимутъ ли они мыслью все море слезъ и крови, созданное ими, и если обнимутъ и поймутъ, то какой судъ произнесутъ сами себѣ и какими глазами будутъ смотрѣть на міръ Божій? Есть языкъ, который превосходитъ самыя титаническія усилія творческаго воображенія авторовъ, это—языкъ фактовъ. Нѣтъ ничего убійственнѣе языка фактовъ, когда имъ пишутся цѣлыя ужасныя страницы униженія всей страны и превращаются въ сплошной кошмаръ національнаго оскорбленія и обиды. И прискорбнѣе всего сознавать, что эти огненныя страницы остаются непонятными для тѣхъ, кому мы обязаны своимъ безславіемъ и паденіемъ.

Портъ-Артуръ въ дни послѣдней войны явился тѣмъ нарывомъ, въ которомъ собрались всѣ разлагающіе элементы нашего государственнаго организма. Здѣсь все было налицо: словно намѣренный подборъ спеціально бездарныхъ начальствующихъ лицъ и полная непод-

готовленность темной, неграмотной арміи, и казнокрадство въ гигантскихъ размѣрахъ, и мелкое соперничество на почвѣ честолюбія и зависти, и самодурство, и невѣжество—все можно найти въ лѣтописяхъ минувшей войны, и все это было на сторонѣ тѣхъ лицъ, которыя, понадѣявшись на темную доблесть русскаго солдата, вели его умирать „за родную Корею".

Имена главныхъ виновниковъ запишетъ исторія не на золотыхъ скрижаляхъ, а судъ исторіи пишется теперь куда быстрѣе, чѣмъ прежде, когда его источниками были невнятныя письмена да мертвыя каменныя глыбы... Имена же виднѣйшихъ участниковъ—у всѣхъ на глазахъ. О нихъ свободно и открыто говорятъ перечисленныя книги.

Языкъ фактовъ отодвигаетъ на второй планъ оцѣнку художественныхъ достоинствъ упоминаемыхъ книгъ, и авторы не посѣтуютъ на насъ, если мы, не вдаваясь въ подробный разборъ, отмѣтимъ ихъ общій характеръ и фактическую цѣнность. Общая цѣль, которой задаются авторы,—изобразить то, что̀ они видѣли и слышали,—просто и правдиво. Въ этомъ, прежде всего, значеніе подобныхъ книгъ. „Наше повѣствованіе,—говоритъ г. Ларенко,—расходится неоднократно съ оффиціальными данными, частью опубликованными; также расходится оно съ объясненіями нѣкоторыхъ лицъ, болѣе или менѣе причастныхъ и отвѣтственныхъ по защитѣ крѣпости. Но именно это и есть одна изъ причинъ появленія въ печати нашихъ наблюденій, пережитаго нами и перечувствованнаго, что̀ въ общей суммѣ составило въ насъ непоколебимое убѣжденіе,—дало намъ выводы.

„Правда остается въ фактахъ и ихъ послѣдствіяхъ, дальнѣйшихъ фактахъ. Разберитесь въ нихъ и найдете правду. Такой отвѣтъ можно дать на вопросъ—кому же, наконецъ, вѣрить—именно въ то время, когда факты и небылицы сбросаны въ общую, хаотическую кучу.

„Просматривая то, что̀ писалось объ Артурѣ въ то время, когда мы были отрѣзаны отъ всего міра, и что̀ писалось еще долго послѣ сдачи крѣпости съ явной тенденціей въ ту или другую сторону—становится и смѣшно и досадно. Боже мой—чего, чего только не писали!"

Замѣтимъ, что и трудно было знать своевременно всю правду при существованіи двухъ цензуръ и, какъ увидимъ ниже, во время гоненій на дѣятелей печати.

„Обѣщая заглядывать,—продолжаетъ г. Ларенко,—и дать заглянуть читателю кое-гдѣ за кулисы, мы отвергаемъ напередъ всякое обвиненіе въ разглашеніи какихъ бы то ни было тайнъ. Если тайны эти имѣли когда-то какое-либо значеніе, то въ данное время его ужъ нѣтъ. Факты, обнаружившіеся на дѣлѣ и ставшіе достояніемъ непріятеля, притомъ непріятеля всѣхъ европейскихъ народовъ, угрожающаго

всей нашей вѣковой культурѣ,—какимъ мы считаемъ японцевъ въ эту и въ *несомнѣнно грядущихъ* войнахъ, — никакъ не могутъ считаться уже тайною. Завладѣвъ Портъ-Артуромъ, японцы завладѣли многими нашими тайнами, не убереженными нами. По улицамъ уже сданной крѣпости носило иногда вѣтромъ бумаги съ надписью „секретно", „не подлежитъ оглашенію" и т. д. Поэтому въ оглашеніи какого-нибудь изъ такихъ документовъ виновенъ тотъ, кто обязанъ былъ уберечь эти тайны. Если же мы приведемъ что-либо изъ содержанія такихъ документовъ, то только для необходимаго разъясненія того или другого случая или для указанія извѣстнаго фактора въ общемъ ходѣ вещей".

Главное вниманіе г. Ларенко направляетъ преимущественно на тѣ моменты и фазисы осады, до капитуляціи включительно, которые, по наблюденіямъ и свѣдѣніямъ автора, неправильно освѣщались въ оффиціальныхъ донесеніяхъ и отчетахъ. Его ближайшая цѣль—привести къ сознанію необходимости цѣлаго ряда нетерпящихъ отлагательства коренныхъ реформъ. Сводя ихъ, по преимуществу, къ военному дѣлу, г. Ларенко приводитъ ихъ въ связь со всѣмъ строемъ нашего государственнаго механизма. „Артуръ,—говоритъ онъ,—это Россія въ миніатюрѣ". Произволъ нашелъ себѣ въ осажденномъ городѣ типичное выраженіе въ отношеніяхъ генерала Стесселя къ мирнымъ обывателямъ, у которыхъ онъ не признавалъ ровно никакихъ правъ. Фактамъ Стесселевскаго самодержавія и геройства отведено много страницъ въ книгѣ г. Ларенко, страницъ, основанныхъ на документахъ и никѣмъ еще не опровергнутыхъ.

Очерки г. Веревкина были помѣщены первоначально на страницахъ „Новаго Края" въ 1904 г., въ періодъ осады Портъ-Артура. Здѣсь они дополнены тѣми, которые не были пропущены мѣстной военной цензурой, а также написанными послѣ сдачи Портъ-Артура, когда дѣятельность газеты прекратилась. Г. Веревкинъ былъ постояннымъ сотрудникомъ „Новаго Края", и рѣдкій нумеръ выходилъ безъ его статьи. „Исключительность юмористическаго таланта артурскаго обывателя заключалась въ томъ, между прочимъ, что онъ особыми оборотами эзоповскаго языка нашелъ возможность вѣщать артурскимъ читателямъ то, что̀ подъ гнетомъ самоуправнаго режима бывшаго начальника укрѣпленнаго района, какъ вопль душевный, просилось наружу. Будучи свидѣтелемъ той бездѣятельности, которая царила благодаря этому режиму, „Новый Край", въ своемъ безсиліи говорить правду, могъ только на своихъ столбцахъ замалчивать имя начальника укрѣпленнаго района и долженъ былъ прибѣгнуть къ эзоповскому языку, понятному однако каждому артурцу".

Цѣлью этой книги было, какъ сообщаетъ г. Артемьевъ, дать русскому обществу возможность хотя отчасти уяснить условія, при ко-

торыхъ печать должна была служить своему дѣлу. Какъ видно изъ перечисленныхъ книгъ, однимъ изъ этихъ условій были японскія бомбы, разрушавшія типографію и помѣщеніе редакціи, а другимъ, еще тягчайшимъ, были гоненія двойной (военной и морской) цензуры, получавшей инструкціи отъ главнѣйшаго изъ „дутыхъ героевъ", разоблаченію которыхъ пыталась служить газета.

Имя наиболѣе „дутаго героя" разоблачено у г. Ларенко. Это—все тотъ же генералъ Стессель.

Факты, характеризующіе отношеніе генерала Стесселя къ геройски дѣлавшей свое дѣло газетѣ, такъ ярки, что мы не можемъ не остановиться на нѣкоторыхъ изъ нихъ—не потому только, что они имѣютъ отношеніе къ доблести г. Стесселя, уже достаточно освѣщенной въ общественномъ сознаніи, но потому, что въ нихъ заключена страшная, роковая мораль, все еще не понятая тѣми, которые мѣшаютъ печати быть свободной выразительницей общественныхъ стремленій и нуждъ.

Въ печати была въ свое время разсказана исторія гоненія г. Стесселя на военнаго корреспондента Э. К. Ножина, котораго „оклеветали въ шпіонствѣ" и заставили бѣжать. „Вчера,—заноситъ г. Ларенко въ свой дневникъ подъ 21 сентября, — вышелъ приказъ генерала Стесселя № 678: Военнаго корреспондента Ножина я лишаю права быть военнымъ корреспондентомъ—Свидѣтельство на право быть военнымъ корреспондентомъ сдать въ штабъ крѣпости, а сему штабу представить въ штабъ укрѣпленнаго района. Вмѣстѣ съ симъ—лишается права посѣщать батареи, форты и позиціи".

„Неизвѣстно, — замѣчаетъ г. Ларенко, — кто надоумилъ генерала Стесселя, что по законамъ онъ можетъ лишить г. Ножина званія военнаго корреспондента (конечно, если имѣются на то основанія), но не запретить ему писать или газетѣ печатать написанное имъ".

О томъ же дѣятелѣ „позорной сдачи Портъ-Артура" г. Ларенко заноситъ одно сообщеніе, къ которому мы не рѣшаемся прибавить какія бы то ни было комментаріи: „Не менѣе интересную для меня новость разсказали мнѣ два почтенныхъ артурскихъ старожила; новость очень грязнаго свойства". Эта новость—знаменитая исторія исчезновенія пекинскаго серебра. Она обошла всѣ газеты, и мы передавать ее не будемъ.

„И вотъ вамъ—не угодно ли,—восклицаетъ по этому поводу г. Ларенко, — герои дѣла объ исчезнувшихъ десяткахъ пудовъ чужого серебра и золота—желаютъ сыграть роль героевъ, спасающихъ отечество!.. Бѣдное наше отечество!"

Книга г. Ножина—громадный обвинительный актъ по дѣлу злополучнаго генерала Стесселя, захватившаго въ осажденномъ городѣ власть и противопоставившаго непріятелю, вмѣсто крѣпкой, сплочен-

ной организаціи, внутренній, имъ же создаваемый раздоръ, хаосъ и интриганство. За первой, по положенію, фигурой Стесселя выступаютъ фигуры генерала Фока, котораго въ Портъ-Артурѣ всѣ знали подъ именемъ „сумасшедшаго муллы", Рейса, Никитина, Савицкаго, по поводу которыхъ авторъ находитъ нужнымъ замѣтить, что они были, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, не *„убѣжденными революціонерами"*, для блага Россіи губившими Портъ-Артуръ, но просто интриганами, служившими своимъ низменнымъ личнымъ цѣлямъ.

О томъ, каково жилось русскимъ плѣннымъ въ Японіи, разсказываетъ г. Купчинскій. Подобно предыдущимъ книгамъ, и книга этого автора обильно иллюстрирована снимками о томъ, какъ незаслуженно тяжко жилось русскимъ въ японской неволѣ. „Кто не былъ самъ въ плѣну,—говоритъ авторъ,—тотъ не понимаетъ всего, что̀ подразумѣвается въ этомъ словѣ: тамъ и униженіе, и обида, и жалость къ другимъ, и жгучая тоска по свободѣ и родинѣ, страшная тягость безцѣльной, томительной неизвѣстности, горькія минуты нарождающихся событій внутренней безъидейной, безсмысленной жизни... и много, много еще другого, о чемъ говорить можно было бы очень долго"... Въ заключеніе г. Купчинскій останавливается на причинахъ солдатскаго бунта, на отчужденности отъ солдатъ русскихъ офицеровъ, дѣлившихъ съ ними японскую неволю, и даетъ одно изъ объясненій того, почему „солдаты возвращаются не такими, какими уѣхали"... Между прочимъ, г. Купчинскій устанавливаетъ фактъ, что японцы организовали во многихъ городахъ школы грамотности для нашихъ солдатъ. „Русское начальство не сочло нужнымъ научить своихъ солдатъ грамотѣ, и это сдѣлали японцы!.. Поистинѣ, русскіе могутъ отъ души поблагодарить своихъ враговъ".

Уже изъ нашего краткаго обзора видно, насколько изданія г. Артемьева цѣнны для уясненія событій, разыгравшихся на Дальнемъ Востокѣ.—Евг. Л.

VI.

— Г. Галина. Предразсвѣтныя пѣсни. Спб. 1906.

Что-то чрезвычайно милое, искреннее и наивное слышится въ этихъ пѣсняхъ. Въ нихъ чувствуется именно та простота и безыскусственность, которой тщетно порою добиваются лучшіе поэты. Г-жа Галина говоритъ, напр.:

Нѣтъ, нѣтъ, я не могу понять,
Какъ это можетъ быть?
Идти затѣмъ, чтобъ убивать
Иль дать себя убить,—

и эти простыя строки, съ наивными, незамысловатыми риѳмами, съ нѣкоторымъ прозаизмомъ выраженій, какъ-то легко и свободно входятъ къ вамъ въ душу. При своей непосредственности, поэзія г-жи Галиной отличается благородствомъ и серьезностью идейнаго содержанія. Но при всѣхъ этихъ качествахъ г-жа Галина никакъ не можетъ выбиться изъ затертыхъ образовъ, привычныхъ, затверженныхъ напѣвовъ, ничего не говорящихъ эпитетовъ и вообще всѣхъ условныхъ оборотовъ русскаго стихотворнаго обихода. Если разсмотрѣть, напр., систему ея эпитетовъ, которые всегда служатъ нѣкоторымъ показателемъ творческой силы поэта, то получится нѣчто, говорящее о банальности, о шаблонѣ.

Когда угрюмый дождь стучитъ въ мое окно
И лампы огонекъ такъ ласково мерцаетъ,
Я думаю о томъ, кто въ этой тьмѣ блуждаетъ,
Кому найти пріютъ всю ночь не суждено.
О, если-бъ я могла ту лампу, какъ маякъ,
Поставить на окно, какъ вызовъ ночи темной,
И гостемъ бы вошелъ ко мнѣ мой братъ бездомный,
Оставивъ за собой осенній дождь и мракъ!
Но мы условности трусливые рабы,—
Ни ярко чувствовать, ни жить мы не умѣемъ,
И голову поднять свободно не посмѣемъ
Изъ-подъ ярма приличій и судьбы.

Дождь у г-жи Галиной—непремѣнно „угрюмый", огонекъ—„ласковый", ночь—„темная", рабы—„трусливые",—гдѣ же здѣсь хоть какой-нибудь намекъ на живое, творческое переживаніе поэтическихъ воспріятій, на самостоятельную личную работу чувства,—несомнѣнно искренняго и чрезвычайно симпатичнаго! Нѣтъ, поэтесса совершенно права:

Ни ярко чувствовать, ни жить мы не умѣемъ!

Иначе мы никогда не писали бы такихъ благообразныхъ и старообразныхъ стиховъ:

Отъ будничной тоски, тревоги и заботъ
Я ухожу въ мой міръ фантазіи туманной.
Мнѣ обликъ видится тогда смѣшной и странный,
Въ нарядѣ рыцарскомъ безумный Донъ-Кихотъ.
Идетъ онъ на своихъ безчисленныхъ враговъ,
Желаньемъ подвига душа его объята
Въ защиту бѣднаго обиженнаго брата,
Въ защиту слабаго онъ мечъ поднять готовъ... и т. д.

Даже оставляя въ сторонѣ скудость поэтическаго языка и не подчеркивая, что толпа у г-жи Галиной—„сытая", душа—„больная", а фан-

тазія—„туманная“,—нельзя не признать, что вся эта пьеса сильно отзывается какимъ-то школьнымъ сочиненіемъ на заданную тему, гдѣ привычными словами излагается привычный, давно уже разработанный сюжетъ. Писательница словно не чувствуетъ, что старательно и подробно выяснять въ риѳмованныхъ строчкахъ значеніе Донъ-Кихота—занятіе нѣсколько запоздалое и потому излишнее. Вообще, тотъ родъ литературы, которому г-жа Галина посвящаетъ больше всего силъ и дарованія—гражданская поэзія—наименѣе доступенъ ей. Лучше всего удаются г-жѣ Галиной лирическія описанія природы, хотя и здѣсь зима „сковываетъ землю льдомъ“, и „тропинка бѣжитъ змѣею“. Но все же въ этихъ стихахъ г-жа Галина часто находитъ и свѣжія слова, и свѣжія мелодіи:

Что со мною сдѣлалъ этотъ воздухъ вешній...
Солнце, всюду солнце!.. Сердце, какъ въ бреду...
Залетали птицы надъ родной скворешней,
Къ милымъ старымъ соснамъ полемъ я иду...
И зовутъ и манятъ сосны, зеленѣя,
Разлилась широко голубая даль...
И сама не знаю, что въ душѣ сильнѣе:
Новая ли радость, старая-ль печаль?

Жаль только, что поэтессѣ съ такимъ трудомъ дается техника стиха; въ книжкѣ ея то-и-дѣло попадаются слова: нѣжнò (стр. 3), блѣднò (стр. 16), перèдъ тобой (стр. 41), гдѣ удареніе приносится въ жертву ямбу. Не рѣдкость у г-жи Галиной и риѳмы, вродѣ: словъ и любовь (стр. 40), еще и горячо, спокойно и бойня (стр. 10 6), чтò по временамъ ослабляетъ общее впечатлѣніе, производимое на читателя искренностью ея симпатичнаго дарованія.—К. Ч.

VII.

— К. Качоровскій. Народное Право. Москва, 1906. Стр. 251.

Послѣ длиннаго періода равнодушнаго отношенія русскаго общества къ „мужику“, смѣнившаго время, когда этотъ мужикъ былъ главнымъ героемъ литературы,—наступилъ опять моментъ усиленнаго вниманія къ крестьянамъ. Этой послѣдней перемѣною мы обязаны той роли, какую, неожиданно для общества, стали играть крестьяне въ борьбѣ за политическое освобожденіе страны. Вопреки представленіямъ, господствовавшимъ въ обществѣ еще такъ недавно, мужикъ кажется намъ теперь чуть ли не рѣшающей инстанціей въ дѣлѣ освобожденія нашего отъ тисковъ самодержавной бюрократіи. Но онъ какъ бы поста-

вилъ условіемъ этого освобожденія передачу земли ему. Политическій переворотъ намѣчается у насъ, такимъ образомъ, неразрывно спаяннымъ съ переворотомъ экономическимъ. Политическую свободу Россія пріобрѣтетъ не путемъ исключительно политическихъ пертурбацій,— какъ это предполагалось чуть не всѣми нашими партіями наканунѣ смутъ. Политическія преобразованія представляются намъ теперь, какъ естественный шагъ къ широкимъ соціальнымъ реформамъ, внѣ которыхъ нѣтъ и политической свободы. Очередная общественная задача — вопреки предположеніямъ интеллигенціи — логикою самихъ событій получила, поэтому, у насъ ту постановку, какую эта задача имѣла въ представленіи наиболѣе активной части русской интеллигенціи семидесятыхъ годовъ, призывавшей, какъ извѣстно, русскій народъ къ соціальной реформѣ. Это сходство двухъ моментовъ въ одномъ отношеніи ведетъ къ ихъ сближенію и въ другихъ. Въ семидесятыхъ годахъ русское общество живо интересовалось мужикомъ, потому что *провидѣло* его рѣшающую роль въ соціальномъ преобразованіи Россіи; современное общество не можетъ не интересоваться имъ, потому что воочію *видитъ* такую его роль.

Сознаніе важности крестьянскаго элемента въ дѣлѣ общественнаго развитія Россіи естественно выдвигало на очередь вопросъ о томъ, чего можно ожидать отъ активнаго участія народа въ политической жизни страны. И такъ какъ высшіе и низшіе классы русскаго общества были совершенно разобщены другъ съ другомъ, то отвѣта на этотъ вопросъ приходилось искать путемъ систематическаго изученія матеріальнаго положенія, нуждъ, настроенія и воззрѣній народа. Много было затрачено въ свое время энергіи и таланта на производство экономическихъ и этнографическихъ изслѣдованій, на наблюденіе народнаго быта, на попытки проникновенія въ то, что можно бы назвать народной душой. Въ 80-хъ годахъ, подъ вліяніемъ всѣмъ извѣстныхъ событій, настроеніе общества рѣзко измѣнилось. Мужика перестали считать возможнымъ активнымъ дѣятелемъ прогресса, и вопросъ о его психической физіономіи потерялъ жгучій практическій интересъ. Но реакція прежнему настроенію пошла гораздо дальше этого. Было подвергнуто сомнѣнію существованіе вообще какихъ-либо цѣнныхъ психическихъ чертъ у русскаго крестьянина; отвергалась наличность той системы народныхъ воззрѣній, которая еще недавно съ такимъ вниманіемъ и любовью изучалась и разработывалась въ литературѣ, отвергалось существованіе обычнаго народнаго права и т. п. Тогда какъ въ предшествующій періодъ на изученіе этого права было затрачено столько силъ, что одна библіографія предмета занимаетъ въ трудѣ покойнаго Якушкина до тысячи страницъ большого формата—наиболѣе осторожные изъ современныхъ писателей высказываютъ, что народные

обычаи „существуютъ едвали не исключительно по дѣламъ о наслѣдованіи... да и то не вездѣ“, а болѣе рѣшительные, не обинуясь, заявляютъ, что приговоры волостныхъ судовъ по „неизвѣстнымъ даже крестьянамъ *обычаямъ*... являются не болѣе, какъ прямымъ произволомъ выборныхъ судей“ (цитирую по Качоровскому). Въ послѣдніе дни настроеніе образованнаго общества опять измѣняется, и эта перемѣна вызвана, какъ мы видѣли, тѣмъ, что мужикъ объявилъ о своемъ рѣшеніи выйти изъ состоянія объекта для чужихъ экспериментовъ и самому взяться за устройство своей судьбы. Еслибы это рѣшеніе отъ начала до конца могло быть проведено собственными силами народа, то культурнымъ слоямъ общества оставалось бы только примкнуть къ послѣднему и участвовать въ выполненіи заявляемыхъ имъ пожеланій и проектовъ. Но такъ какъ въ процессѣ соціальнаго преобразованія Россіи интеллигенціи, стоящей внѣ народа, предстоитъ играть руководящую роль; такъ какъ именно на образованныхъ классахъ общества лежитъ разработка проектовъ грядущихъ преобразованій, а эти проекты будутъ приняты народомъ, если они отвѣчаютъ не только его потребностямъ, но и взглядамъ и соціальнымъ симпатіямъ,—то для плодотворности всей этой работы интеллигенція должна имѣть ясное понятіе о соціальныхъ тенденціяхъ, настроеніяхъ и симпатіяхъ народа. Уже обсужденіе аграрнаго вопроса въ Думѣ и внѣ Думы показало, что различныя народности Россіи рисуютъ себѣ весьма разнообразныя формы удовлетворенія одного и того же общаго имъ всѣмъ желанія: передачи всей земли въ пользованіе трудового крестьянства. И чтобы разрѣшить раціонально и по возможности спокойно аграрный вопросъ, нельзя не справляться съ психикой тѣхъ народностей, которыхъ онъ касается. То же самое въ большей или меньшей степени приложимо и ко многимъ другимъ вопросамъ, выдвинутымъ прогрессивнымъ развитіемъ страны. Старыя, внѣ народа стоящія творческія силы упраздняются, а новыя потребуютъ, чтобы преобразованіе страны происходило въ духѣ не только ихъ интересовъ, но и симпатій и воззрѣній. Оттого-то наше общество и задается теперь вопросомъ о томъ, что̀ собственно представляетъ собою русскій народъ, чего онъ хочетъ и что̀ намъ обѣщаетъ.

На этой точкѣ зрѣнія необходимости познанія народа для того, чтобы успѣшно работать на полѣ предстоящаго созидательнаго преобразованія Россіи, стоитъ и авторъ указаннаго въ заголовкѣ этой замѣтки труда по народному праву. „Для Россіи въ настоящій моментъ мнѣ представляется самымъ основнымъ и наиболѣе неотложнымъ изученіе народнаго права, правосознанія трудовыхъ массъ въ самомъ широкомъ смыслѣ этихъ словъ“, говоритъ онъ на стр. 5 своего труда. „Эти трудовыя массы составляютъ огромное большин-

ство русскаго народа, и уже по этому одному будущая судьба Россіи—теперь, когда она, наконецъ, пробилась на свободную политическую дорогу—рѣшится ими. Ясно, что всѣ тѣ, кто это признаетъ, должны прежде всего какъ можно точнѣе и глубже изучить эти массы, чтобы установить, въ какомъ именно направленіи онѣ движутся и двигаютъ Россію, и до какой степени и въ какихъ формулахъ способны онѣ стать подъ знамя той или иной партійной программы. Очевидно, что только та партія сыграетъ наибольшую роль, только та программа послужитъ планомъ для перестройки Россіи, которыя всего ближе и точнѣе придутся къ уже назрѣвшимъ, уже болѣе или менѣе отчетливо опредѣлившимся желаніямъ самихъ трудящихся массъ, т.-е., иначе говоря, къ ихъ правосознанію". Если теперь задаться вопросомъ о томъ, извѣстно ли намъ правосознаніе народа, то придется дать очень малоудовлетворительный отвѣтъ. Тѣ области быта, въ которыхъ выражается это правосознаніе, „только начаты изслѣдованіемъ народниками въ 60-е, 70-е и частью 80-е годы, но потомъ это изслѣдованіе было брошено и донынѣ не возобновляется". Мало того, въ обществѣ склонны отрицать даже существованіе самостоятельнаго народнаго правосознанія, и задача разсматриваемаго нами труда—доказать наличность такого правосознанія и „намѣтить его основныя характерныя черты".

Эти основныя черты г. Качоровскій видитъ, между прочимъ, въ господствѣ трудового начала, причемъ, слѣдуя преимущественно г-жѣ Ефименко, онъ выясняетъ значеніе въ народномъ правосознаніи идеи затраченнаго труда или, какъ онъ выражается, права труда; а основываясь на своихъ изслѣдованіяхъ земельной общины, онъ доказываетъ наличность въ народномъ правосознаніи и другой идеи—права на трудъ, права каждаго на пользованіе средствами производства для того, чтобы добывать средства своего существованія. Эти двѣ идеи не вполнѣ солидарны, частью даже противоположны другъ другу. Право, вытекающее изъ затраты труда, въ большинствѣ случаевъ „проникнуто личнымъ началомъ и представляетъ собою индивидуальное право" (стр. 151), уже потому, что промыселъ земледѣльческаго населенія (правосознаніе котораго здѣсь и изучается) имѣетъ индивидуальную, а не общественную форму. Право же на трудъ „по самому существу своему коллективно", такъ какъ обезпеченіе кому-либо возможности жить своимъ трудомъ предполагаетъ доставленіе ему средствъ производства, регулированіе пользованія послѣдними, новое перераспредѣленіе ихъ между членами болѣе или менѣе широкаго союза (стр. 171). Не трудно понять, какъ легко оба элемента народнаго права приходятъ во враждебное столкновеніе другъ съ другомъ. Чтобы убѣдиться въ томъ—достаточно наблюдать споры въ ка-

кой-либо общинѣ при первомъ возбужденіи вопроса объ уравнительномъ распредѣленіи земли. „Сколько я работалъ на землѣ, полилъ ее потомъ, сколько переплатилъ за нее!"—аппелируетъ къ праву затраченнаго труда многоземельный домохозяинъ. „Чѣмъ мы виноваты, что у насъ семьи большія народились? Душить намъ, что ли, своихъ дѣтей или съ голоду помирать?"—„Я істы хочу, якъ же мини житы!.." возражаютъ малоземельные, считающіе, что они имѣютъ право на средства производства, обезпечивающія возможность прилагать ихъ трудъ для поддержанія существованія ихъ самихъ и ихъ семей.

Эти два права столкнутся другъ съ другомъ и въ моментъ переустройства аграрныхъ отношеній нашего отечества. Оба они согласны въ томъ, что капиталистическая земельная собственность должна быть уничтожена. Но они диктуютъ различныя системы порядковъ, идущихъ ей на смѣну. „Право *труда*, отрицая нетрудовое капиталистическое землевладѣніе, не только не замѣняетъ его необходимо трудовымъ коллективнымъ владѣніемъ, но, благодаря неколлективности мелкаго земледѣльческаго производства, стремится или къ подворной собственности, или къ узко-коллективной, общинной. Право же *на трудъ*, напротивъ, немыслимо безъ уравнительнаго распредѣленія, а значитъ и безъ той или иной широкой формы коллективнаго владѣнія. Употребляя образныя крестьянскія выраженія, право труда стремится раздробить землю на участки, становящіеся какъ бы „родными дѣтьми" земледѣльца; право же на трудъ хочетъ обратить землю въ „мать-кормилицу", вѣчно равно пекущуюся обо всѣхъ своихъ дѣтяхъ-людяхъ и равно питающую ихъ" (с. 200). Стихійное столкновеніе этихъ двухъ началъ народнаго права или двухъ интересовъ можетъ привести къ великимъ народнымъ бѣдствіямъ; и предстоящая намъ задача заключается въ томъ, чтобы предупредить или найти мирное разрѣшеніе этого столкновенія. Его можно искать, конечно, лишь въ области народнаго же правосознанія. Соотвѣтственно своимъ идеальнымъ представленіямъ, авторъ призываетъ къ работѣ разрѣшенія этого конфликта въ пользу идеи права на трудъ. Нужно „сознательно распутаться въ сложныхъ нитяхъ народнаго правосознанія, критически выдѣлить подходящіе элементы для переплавки въ максимально-коллективистическую программу и рѣшительно бросить всю мощную силу сознательности и организованности на ту чашу вѣсовъ, колеблющуюся между индивидуализмомъ и коллективизмомъ народнаго правосознанія, гдѣ исторія сконцентрировала высшее начало права на трудъ" (с. 200). „Для этого надо ясно различать въ народномъ правѣ эти сложно сплетшіеся элементы. А для того надо широко и глубоко изучить народное право и правосознаніе. И чтобы это изученіе не запоздало,

имѣло не историческое, а практическое значеніе, надо произвести его неотложно" (с. 251).

Изложивъ въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе вполнѣ своевременнаго труда автора „Русской Общины" и замѣтивъ, что мы въ значительной мѣрѣ соглашаемся съ его основными взглядами, мы вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ не выразить сомнѣнія въ томъ, чтобы у насъ теперь имѣлось время для *изученія* народнаго правосознанія, какъ предварительнаго условія преобразованія аграрнаго строя Россіи. Преобразованіе это, если угодно, уже началось, и намъ остается участвовать въ немъ тѣми средствами, которыя уже имѣются въ наличности. Наши познанія въ области народной психологіи очень ограничены. Этимъ рессурсомъ для воздѣйствія на грядущія событія мы можемъ пользоваться, поэтому, очень недостаточно. Но есть другое средство воздѣйствія на эти событія: поддержаніе симпатичныхъ намъ тенденцій путемъ развитія и организаціи соотвѣтствующихъ народныхъ элементовъ. Разъясненіе народу нашихъ идей и толкованіе смысла совершающихся событій — вотъ главныя средства содѣйствія разрѣшенію выросшихъ передъ нами задачъ въ духѣ права на трудъ предпочтительно передъ правами труда. Сильнымъ союзникомъ въ этой работѣ право на трудъ имѣетъ въ объективномъ ходѣ вещей, который, по нашему убѣжденію, тянетъ Россію къ коллективизму, а не къ индивидуализму. Разъясненіе народу этого хода и смысла совершающихся у насъ событій кажется намъ, поэтому, наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ поддержанія коллективистическаго теченія.

VIII.

— *И. Х. Озеровъ.* Политика по рабочему вопросу въ Россіи за послѣдніе годы. Москва. 1906. Ц. 1 руб.

Эта очень интересная по содержанію, — несмотря на недостаточную разработку въ ней сырого матеріала,—книжка заключаетъ описаніе, на основаніи матеріаловъ архива министерства финансовъ, политики этого вѣдомства относительно такъ называемаго рабочаго вопроса. Цѣннымъ дополненіемъ данныхъ этого рода служитъ сообщеніе самого автора относительно исторіи гласныхъ организацій московскихъ рабочихъ, эпизода, въ которомъ принималъ нѣкоторое участіе и самъ проф. Озеровъ вмѣсѣ съ другими интеллигентами г. Москвы.

Министерство финансовъ въ послѣднее, описываемое г. Озеровымъ, десятилѣтіе соприкасалось съ рабочимъ вопросомъ, главнымъ образомъ на почвѣ надзора за выполненіемъ фабричныхъ законовъ, нахо-

дившихся въ его вѣдѣніи. И хотя, по смыслу фабричнаго законодательства, таковое имѣетъ защитительный характеръ, но на нашей почвѣ фабричный надзоръ превращается въ нѣчто, совершенно не соотвѣтствующее его основному назначенію. Объясняется это явленіе тѣмъ, что русское правительство смотрѣло на рабочій вопросъ „только съ точки зрѣнія порядка" (с. 37), и такому отношенію къ дѣлу подчинилось въ концѣ концовъ и министерство финансовъ, у котораго вовсе не было „серьезнаго намѣренія приняться за рабочій вопросъ (какъ таковой), урегулировать его сообразно духу новаго времени" (с. 21). Оттого-то фабричные инспектора постоянно получали отъ своего начальства циркулярныя наставленія вродѣ слѣдующаго, относящагося къ 1895 г.: „Какъ люди, ясно понимающіе важность лежащихъ на васъ обязанностей, какъ люди образованные и близко знакомые съ фабричнымъ бытомъ, вы должны пользоваться каждымъ подходящимъ случаемъ, чтобы внушать рабочимъ, что не только незаконность притязаній, но даже стремленіе къ достиженію законныхъ правъ, но противозаконнымъ или насильственнымъ путемъ, будутъ неизбѣжно приводить не къ улучшенію, а къ ухудшенію ихъ положенія, ибо правительство при такихъ обстоятельствахъ не можетъ допустить осуществленія желанія рабочихъ даже въ томъ случаѣ, еслибы фабриканты, подъ вліяніемъ угрозъ или по добродушію, проявили согласіе на уступки, а законъ призванъ одинаково ограждать какъ фабрикантовъ, такъ и рабочихъ" (с. 25). Циркуляръ этотъ направленъ, повидимому, лишь противъ незаконныхъ дѣйствій рабочихъ; но если принять во вниманіе, что рабочіе были лишены права всякаго совмѣстнаго воздѣйствія на фабрикантовъ, то сдѣлается яснымъ, что циркуляръ имѣетъ въ виду всякіе способы организованной дѣятельности рабочихъ. Точно также и относительно утвержденія циркуляра, что законъ „призванъ одинаково ограждать какъ фабрикантовъ, такъ и рабочихъ", нельзя не замѣтить, во-первыхъ, что, въ противоположность рабочимъ союзамъ, синдикаты фабрикантовъ „не только разрѣшались, но и покровительствовались"; во-вторыхъ, что тогда какъ за нарушеніе условій найма рабочіе подвергались уголовной карѣ, фабриканты могли нести отвѣтственность лишь въ гражданскомъ порядкѣ, по искамъ рабочихъ. „Наше законодательство, такимъ образомъ, вполнѣ опредѣленно стояло на сторонѣ предпринимателей и нарушало законные интересы рабочихъ" (с. 18). Это привилегированное положеніе фабрикантовъ по закону усугублялось на практикѣ политикой министерства финансовъ. Фабричнымъ инспекторамъ рекомендовалось поменьше составлять протоколовъ, чтобы не подрывать престижа фабричной администраціи въ глазахъ рабочихъ. Дѣла о наказаніяхъ, налагаемыхъ на предпринимателей за нарушеніе фабричныхъ законовъ, окружа-

лись величайшей тайной. Фабричная инспекція при наблюденіи за соблюденіемъ законовъ должна была избѣгать всего, что могло подорвать авторитетъ фабрикантовъ въ глазахъ рабочихъ. Циркуляромъ 1897 г. имъ предлагалось, напримѣръ, при контролѣ правильности исполненія фабрикантами закона, „избѣгать личнаго опроса рабочихъ" (с. 27). Когда же инспекторъ рѣшался на такой опросъ—„изъ боязни упрековъ за возбужденіе неудовольствій среди рабочихъ, онъ предпочиталъ бесѣдовать съ рабочими въ присутствіи фабричной администраціи, когда у рабочихъ нѣмѣютъ уста". Были даже случаи недозволенія директорами фабрикъ бесѣды инспектора съ рабочими наединѣ (с. 84). Министерство финансовъ и многими другими своими дѣйствіями выказывало преимущественныя симпатіи къ предпринимателямъ. Въ межвѣдомственныхъ коммиссіяхъ по фабричнымъ дѣламъ оно обыкновенно держало сторону фабрикантовъ противъ другихъ вѣдомствъ, считавшихъ нужнымъ сдѣлать кое-что и для рабочихъ, и тѣмъ предупреждать ихъ волненія. Такъ, оно высказалось въ 1901 г. противъ усиленія уголовной репрессіи за нарушеніе фабрикантами обязательныхъ постановленій (с. 142). „Министерство внутреннихъ дѣлъ находитъ,—писало оно около того же времени,—что чины инспекціи обязаны быть непремѣнно односторонними, защищая лишь интересы рабочихъ. Съ такой постановкою вопроса нельзя никоимъ образомъ согласиться" (с. 181). Оно высмѣивало указанія помощника шефа жандармовъ, Пантелѣева (въ концѣ 90-хъ гг.), на антигигіеничность фабричныхъ помѣщеній для работы. „Гигіена учитъ—иронизировало министерство финансовъ по этому предмету,—что самая нормальная температура для жизни человѣка—14° Реом.; а посему надлежитъ воспрещать всѣ производства, гдѣ, по техническимъ условіямъ, требуется высшая температура. Равнымъ образомъ, должно воспрещать всякаго рода фабрично-заводскія работы въ тѣхъ мѣстностяхъ и въ такія времена года, когда температура воздуха подымается выше 14°,—напримѣръ, въ Астрахани запретить работы на все лѣто, въ московской губерніи—на весь іюль мѣсяцъ, и т. д. Такъ какъ по ученію гигіены шумъ и стукъ раздражаютъ нервы, то надлежитъ устранить изъ употребленія на фабрикахъ орудія, дѣйствіе которыхъ основано на ударѣ, т.-е. пользованіе молоткомъ, ткацкимъ станкомъ, не допускать подковку въ кузницахъ, клепку котловъ и т. п." (с. 176). Министерство финансовъ стояло, наконецъ, за широкое примѣненіе къ волнующимся рабочимъ мѣръ административнаго пресѣченія и взысканія. Ограничимся по этому вопросу приведеніемъ телеграммы министра финансовъ г. Иващенкову во время крупныхъ рабочихъ забастовокъ въ Петербургѣ лѣтомъ 1896 г. „Для меня эти безпорядки не неожиданность,—значится въ телеграммѣ.—Цѣлый годъ подбрасы-

вали прокламаціи, и я удивляюсь, что полиція не открыла очевидно существующую шайку. Я совершенно вашего мнѣнія, что никакихъ уступокъ дѣлать невозможно и опасно. Нужно всѣхъ зачинщиковъ выслать изъ города" (с. 34).

Неудивительно, если при такихъ условіяхъ фабричная инспекція стала обращаться въ простое полицейское учрежденіе, и находились инспектора, считавшіе своей спеціальной обязанностью борьбу съ свободолюбивыми стремленіями рабочихъ. „Фабричные инспектора какъ бы гарцуютъ на министерскихъ циркулярахъ; нерѣдко все ихъ стремленіе сводится къ тому, чтобы не столько умиротворить взволнованныхъ рабочихъ, сколько показать, что стачка кончилась безъ уступокъ рабочимъ" (с. 39). „Только подъ моимъ давленіемъ",—хвалится, напримѣръ, въ 1896 г. главный фабричный инспекторъ костромской губерніи,—одинъ фабрикантъ отказался отъ уступокъ рабочимъ, и было „объявлено приглашеніе для нежелающихъ работать на прежнихъ условіяхъ получить разсчетъ" (с. 43). Фабричный инспекторъ рязанской губерніи настоялъ на неудовлетвореніи требованій рабочихъ Хлудовской мануфактуры, вопреки мнѣнію самого губернатора, считавшаго нужнымъ сдѣлать имъ нѣкоторыя уступки (с. 56). Другой фабричный инспекторъ доноситъ жандармскому офицеру о существованіи у рабочихъ тайной кассы, прося его произвести разслѣдованіе. Родителямъ работницъ онъ предлагаетъ „слѣдить за тѣми, кто ведетъ среди нихъ агитацію, и указывать агитаторовъ полиціи" (с. 115). Рижскій инспекторъ доносилъ о появленіи въ мѣстной газетѣ статьи, излагавшей рефератъ въ ученомъ обществѣ о переутомленіи рабочихъ. „Убѣдительно прошу,—пишетъ онъ,—путемъ сношеній съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предотвратить возможность появленія такихъ статей. Завтра же я передамъ этотъ № губернатору, хотя и не ожидаю отъ этого никакой пользы. Весьма, однако, желательно, чтобы не сообщалось, что № представленъ мною, такъ какъ тогда намъ еще труднѣе будетъ существовать" (с. 118). Доносы на газетныя статьи и на публичныя лекціи подавались и нѣкоторыми другими фабричными инспекторами. Нѣкоторые инспектора въ дѣлѣ поисковъ крамолы шли далеко впереди жандармовъ и жаловались на слабость репрессіи послѣднихъ. Мы видѣли, впрочемъ, что и самъ министръ финансовъ упрекалъ петербургскую полицію въ томъ, что она допустила стачки 1896 г.; а директоръ департамента мануфактуръ и торговли, Ланговой, по поводу тѣхъ же стачекъ телеграфировалъ г. Витте: „несмотря на всѣ наши старанія и принудительныя мѣры, безпорядки, вслѣдствіе крайне нерѣшительныхъ мѣръ градоначальника, распространяются на черезчуръ большое число мануфактуръ" (с. 128). Тотъ же г. Ланговой признавался, что „при

первыхъ требованіяхъ стачечниковъ о сокращеніи рабочаго дня фабриканты готовы были пойти на соглашеніе, еслибы не категорическое запрещеніе инспекціи какихъ бы то ни было уступокъ впредь до полнаго прекращенія стачки" (с. 130). Это уже смахиваетъ на провокацію!

При такой политикѣ по отношенію къ рабочему вопросу правительственной власти вообще и фабричнаго надзора въ частности — неудивительно, если въ рабочей средѣ развилось полнѣйшее недовѣріе къ правительству.

IX.

— Культурный уровень крестьянскаго полеводства на надѣльной землѣ и его значеніе въ земельномъ вопросѣ. Изслѣдованіе *П. Н. Соковнина.* Спб. 1906 г. Ц. 2 р. 50 к.

Въ № 4 „В. Е." помѣщена рецензія на статистическое изслѣдованіе г. Соковнина подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Это изслѣдованіе вышло теперь вторымъ изданіемъ,—измѣненнымъ и значительно расширеннымъ. Въ первомъ изданіи работы автора касались среднихъ погубернскихъ данныхъ, а въ новомъ они обнимаютъ и данныя поуѣздныя. Въ виду этого мы считаемъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ изслѣдованіи.

Въ этомъ изслѣдованіи г. Соковнинъ производитъ разсчетъ сравнительной доходности крестьянскаго полеводства въ 467 уѣздахъ 46 губерній европейской Россіи: онъ даетъ намъ для каждой губерніи и уѣзда свѣдѣнія о средней площади двороваго крестьянскаго участка надѣльной пахотной земли и посѣва на немъ различныхъ растеній, о среднемъ сборѣ этихъ послѣднихъ съ площади посѣва и о валовомъ денежномъ доходѣ отъ высѣваемыхъ растеній, приходящемся на дворъ, на десятину пахотной земли и на десятину посѣва. Онъ, кромѣ того, производитъ уравненіе площадей надѣльной пахотной земли по сбору зерна и валовому доходу съ десятины посѣва и съ десятины пахотной земли. Излишне останавливаться на томъ, какое важное значеніе для экономическихъ изслѣдованій и соображеній имѣютъ подобные готовые разсчеты доходности крестьянскаго полеводства и наглядное выраженіе сравнительной доходности послѣднихъ для всѣхъ уѣздовъ и губерній отведеннаго себѣ авторомъ района, если данныя, служившія имъ основаніемъ, и пріемы ихъ обработки заслуживаютъ должнаго довѣрія. Скажемъ поэтому нѣсколько словъ объ этой сторонѣ разсматриваемаго изслѣдованія.

Основными данными для вычисленій служили г. Соковнину свѣдѣнія о числѣ наличныхъ крестьянскихъ дворовъ и пахотной надѣль-

ной земли, собранныя центральнымъ статист. комитетомъ въ 1893 г. Хотя искомую величину пахотнаго участка средняго крестьянскаго двора очень просто получить дѣленіемъ одного изъ вышеуказанныхъ чиселъ на другое,—такимъ-то именно путемъ и получены имъ размѣры пахотныхъ участковъ средняго двора для губерніи, заимствованныя авторомъ изъ „Свода стат. свѣд. по сельск. хоз. Россіи къ концу XIX в.“; для вычисленій же поуѣздныхъ среднихъ крестьянскихъ участковъ г. Соковнинъ прибѣгнулъ къ кружному пути (стр. 4), — менѣе точному и давшему площадь средняго пахотнаго участка не земельнаго, а всякаго крестьянскаго двора даннаго района. Такой пріемъ вычисленій употребленъ авторомъ вслѣдствіе недостаточнаго его знакомства съ источниками сельско-хозяйственной статистики Россіи. То же незнакомство было причиной того, что, имѣя въ виду использовать новѣйшія свѣдѣнія о площади посѣвовъ на крестьянской землѣ различныхъ хлѣбовъ, авторъ заимствовалъ таковыя не изъ послѣдняго отчета центр. стат. ком. объ урожаѣ, а изъ своднаго изданія о посѣвныхъ площадяхъ; въ качествѣ же „позднѣйшихъ“ свѣдѣній этого рода у него фигурируютъ данныя не 1904, а 1899 года. Основываясь на данныхъ центр. ст. ком. о площади посѣва разныхъ растеній на надѣльной землѣ цѣлаго уѣзда или губерніи и на свѣдѣніяхъ объ урожаѣ этихъ растеній, г. Соковнинъ опредѣляетъ площадь посѣва и сборъ разныхъ хлѣбовъ, приходящіеся на среднюю десятину крестьянскаго посѣва, на десятину средняго крестьянскаго пахотнаго участка и на всю посѣвную площадь средняго крестьянскаго двора каждаго уѣзда и губерніи. Оцѣнивая же сборы растеній по мѣстнымъ цѣнамъ, авторъ получаетъ сумму валового денежнаго дохода отъ десятины крестьянскаго посѣва, десятины крестьянской пашни и денежный доходъ полеводства средняго крестьянскаго двора. Изъ того, что было выше сказано о пріемахъ вычисленій г. Соковнина, слѣдуетъ, что результаты его изслѣдованій о доходности крестьянскаго полеводства нужно считать нѣсколько преуменьшенными сравнительно съ дѣйствительностью. Они, впрочемъ, ниже дѣйствительныхъ доходовъ еще по той причинѣ, что свѣдѣнія о посѣвахъ, собираемыя центр. ст. ком., не вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Но это — общій порокъ нашей сельско-хозяйственной статистики, съ которымъ мы вынуждены мириться, потому что не можемъ обойтись безъ всякихъ свѣдѣній о положеніи сельскаго хозяйства.

Въ изслѣдованіи г. Соковнина есть и болѣе ошибочныя заключенія. Это—его разсчеты о среднемъ пахотномъ участкѣ крестьянскаго двора и о доходности средней десятины такого участка. Разсчеты эти основаны на собранныхъ въ 1893 г. центр. ст. комитетомъ черезъ сельскія власти данныхъ о площади надѣльной пахотной земли. Самъ

центр. ст. комитетъ говоритъ, что сельскія власти сплошь и рядомъ, вмѣсто свѣдѣній о пахотной, сообщали свѣдѣнія о всей культурной крестьянской землѣ. А критическій анализъ этихъ свѣдѣній показываетъ, что такія неправильныя сообщенія сильно отразились на среднихъ величинахъ не только уѣздовъ, но и цѣлыхъ губерній. Для примѣра укажемъ на такія заключенія г. Соковнина: въ петербургской губерніи подъ посѣвомъ находится будто бы лишь 38% крестьянской пахотной земли, въ новгородской—35,5%, а въ олонецкой—всего 16%! Или,—вопреки общеизвѣстному факту о бѣдности сѣверныхъ губерній пахотной землею,—средняя величина пахотнаго крестьянскаго участка въ олонецкой губ. равняется будто бы 15,6 десятинъ! Довольство г. Соковнина такими заключеніями представляется тѣмъ менѣе понятнымъ, что онъ самъ признаетъ господство на крестьянской землѣ трехпольнаго сѣвооборота, при которомъ посѣвъ долженъ занимать 2/3 пахотной земли. Правда, г. Соковнинъ пытается объяснить преувеличенныя данныя центр. ст. ком. о крестьянской пахотной землѣ соображеніями о томъ, что, вслѣдствіе скудости удобренія, часть пашни крестьяне изъ черноземныхъ районовъ должны запускать подъ покосы. Но временный недостатокъ удобренія не можетъ быть причиной обращенія подъ покосы болѣе третьей части пахотной земли (какъ напр. въ пермской губ.) или даже 2/3 ея (олонецкая губ.). Если же запущеніе пахотной земли обратилось въ постоянное явленіе,—запущенную часть слѣдуетъ исключить изъ состава пахотнаго угодья. Г. Соковнинъ не сдѣлалъ этого, и его работы относительно пахотнаго участка крестьянина нужно, поэтому, считать лишенными научнаго значенія.

В. В.

Въ сентябрѣ поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Аделунгъ, Н. И.—Памяти Анри де-Соссюра. Спб. 906.

Айхенвальдъ, Ю.—Силуэты русскихъ писателей. Вып. I. М. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Александровичъ, В. И.—Школа артиллерійскаго солдата. Ч. II: Матеріальная часть. Спб. 906. Ц. 75 к.

Баженовъ, Н., д-ръ.—Психологія казнимыхъ. М. 906. Ц. 15 к.

——— Психологія и политика. М. 906. Ц. 15 к.

Базилевичъ, М. — Вѣерообразныя и лучистыя основы въ устояхъ клѣточныхъ новообразованій. Житоміръ. 906.

Бакунинъ, М.—Богъ и государство. Съ франц. Спб. 906. Ц. 12 к.

Бари, К. А., д-ръ.—Бѣшенство. М. 906. Ц. 25 к.

Борецкій-Бергфельдъ, Н.—Борьба Венгріи за независимость. Историческій очеркъ. Книгоиздат. „Новое товарищество". М., 906. Стр. 111. Ц. 22 к.

Булгаковъ, С.—Религія человѣкобожества у Л. Фейербаха. М. 906. Ц. 30 к.

Бѣлозерскій, Ж.—Слово и дѣло въ „Правдивомъ Словѣ" Р. Кёллера. М. 906.

Вейнбергъ, Петръ.—Страницы изъ исторіи западныхъ литературъ. Спб. 907.

Волконскій, кн. А. М.—Армія и правовой порядокъ. Спб. 906. Ц. 10 к.

Волконскій, кн. Григ.—Обязательная наслѣдственная аренда. Съ предисловіемъ А. А. Карелина. Спб. 906.

Высотскій, д-ръ, Ст.—О постановкѣ средней школы, съ точки зрѣнія государства и семьи. Варшава. 906. Ц. 20 к.

Гатти.—Соціализмъ и аграрный вопросъ. М. 906. Ц. 50 к.

Гейсманъ, П. А., ген.-м. — Введеніе въ исторію русско-турецкой войны 1877—78 гг. Спб. 906.

Гіацинтовъ, Н. В.—О періодахъ. Тэмы и планы для письменныхъ работъ по русскому языку. Рига. 906. Ц. 30 к.

Глаголевъ, С., проф.—Матерія и духъ. Вып. пятый. Спб. 906.

Гольдштейнъ, М. — Печать передъ судомъ „Рѣчи" по дѣламъ „Руси", „Нашей Жизни" и „Сына Отечества". Спб. 906. Ц. 30 к.

Гофманъ, ген.-м. — Школа артиллерійскаго солдата. Ч. III. Сборникъ новѣйшихъ свѣдѣній по всѣмъ отдѣламъ строевой службы. Спб. 906. Ц. 1 р. 75 к.

Григорьевъ, В. Ю. — Къ вопросу о поземельномъ устройствѣ инородцевъ Минусинскаго края. Спб. 901.

Грубе, д-ръ, Карлъ.—Діэтетическое и гигіеническое леченіе сахарной болѣзни. Съ нѣм. д-ръ Т. Блумбергъ. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Гуго фонъ-Гофмансталь. — Драмы. Перев. С. Орловскаго. М. 906. Ц. 1 р.

Гюисманъ, Ж. К. — Наоборотъ. Перев. М. А. Головкиной. М. 906. Ц. 1 р.

Дагаевъ, д-ръ Ин. В.—Народное здравіе и насущные вопросы медицинской организаціи. Спб. 906.

Де-Волланъ, Гр.—Открытое письмо къ русской молодежи. Спб. 906. Ц. 25 к.

Догель, А. С. — Кровь, изъ чего она состоитъ и для чего она нужна животному организму. Спб. 906. Ц. 25 к.

Езерскій, Ѳед. — Учебникъ счетоводства. Полная теорія всѣхъ системъ, двѣ книги въ трехъ частяхъ. Изд. 16-ое. Спб. и М. 906. Ц. 75 к.

Жаковъ, К. — Очерки изъ жизни рабочихъ и крестьянъ на сѣверѣ. Спб. 906. Ц. 40 к.

Жоресъ, Жакъ.—Интернаціонализмъ и патріотизмъ. Съ франц. И. Биллинъ и Я. Кернесъ. Кіевъ. 906. Ц. 12 к.

Задёра, Г. П.—Л. Н. Толстой о медицинѣ и врачахъ. Спб. 906.

Ивановъ, К. А.—Стихотворенія. Спб. 906. Ц. 2 р.

Ивановъ-Разумникъ. — Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX вѣка. Спб. 907. Т. I. Ц. за оба тома 3 р.

Калантаръ, Алек.—Аграрныя проблемы. Тифл. 906. Ц. 10 к.

Калицкій, К. — Грозненскій нефтяной районъ, съ 3 карт. и 3 таблицами. Спб. 906.

Кампфмейеръ, П.—Юнкеръ и Крестьянинъ. Развитіе аграрныхъ отношеній. Соц.-полит. этюдъ. Кіевъ. 906. Ц. 8 к.

Карлейль, Том. — Теперь и прежде. Съ англ. Н. Горбовъ. М. 906. Ц. 3 р.

Карпинскій, А.—О трохилискахъ. Спб. 906.

Карѣевъ, Н.—Учебная книга исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. Изд. 5-е. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к. въ перепл.

Келтуяль, В. А. — Курсъ исторіи русской литературы. Пособіе для само-

образованія. Ч. I: Исторія древней русской литературы. Кн. 1-я. Спб. 906. Ц. 2 р. 50 к.

Краснопольскій, А.—Геологическое описаніе Невьянскаго горнаго округа. Спб. 906.

Кресинъ, Р.—Еврейскій вопросъ, съ точки зрѣнія дѣйствительныхъ интересовъ русскаго народа. Харьковъ. 906. Ц. 15 к.

Кругловъ, А. В.—Живая бумага для дѣтей школьнаго возраста. М. 906. Ц. 1 р.

Круковскій, Адр. — Владиміръ Соловьевъ, какъ мыслитель и человѣкъ. Вильна. 905. Ц. 10 к.

Крюковъ, Н. А.—Государственное хозяйство Россіи по росписямъ доходовъ и расходовъ. М. 906. Стр. 72. Ц. 30 к.

Кудашевъ, кн. А. С.—Аграрный вопросъ въ Россіи съ точки зрѣнія сельскохозяйственной техники. Кіевъ. 906. Ц. 20 к.

Кузминскій, Н. П.—„Красный адмиралъ“ (лейтенантъ Шмиттъ). Драма-быль изъ недавняго прошлаго. Спб. 906. Ц. 1 р.

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д.—„Революціонное выступленіе“ Думы и земельный вопросъ. Спб. 906. Ц. 25 к.

Кузнецовъ, Н. И.—Реорганизація земства на основахъ всеобщаго избирательнаго права. Воронежъ. 906. Ц. 10 к.

Лазаревскій, Б.—Повѣсти и разсказы. Т. II. М. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Левенстимъ, А. — Суевѣріе и уголовное право. Изслѣдованіе по исторіи русскаго права и культуры. Харьковъ. 906.

Либкнехтъ, В.—Безъ компромиссовъ. Объ отношеніи соц.-дем. къ буржуазнымъ партіямъ. Съ нѣм. К. Василенко. Кіевъ. 906. Ц. 15 к.

Ловецкая, Евг.—Въ деревнѣ. Спб. 906. Ц. 75 к.

Луи Бланъ. — Іюльскіе дни 1830 г. Изъ исторіи десяти лѣтъ. Съ франц. Н. Козаренко. Кіевъ. 906. Ц. 40 к.

Любомудровъ, И. М.—Введеніе въ исторію метафизики. Ковровъ. 906.

Маръ, Анна.—Миніатюры. Харьковъ. 906.

Мейснеръ, Валер.—Микроскопическіе представители водной фауны Аральскаго моря и впадающихъ въ него рѣкъ, въ связи съ вопросомъ объ условіяхъ ихъ распредѣленія. Спб. 906.

Менстровъ, свящ. М. — Отъ земли къ небу. Рядъ разсказовъ и статей на евангельскія тэмы. Спб. 906.

Метерлинкъ, М.—Сочиненіе, въ 3-хъ томахъ. Съ предисловіемъ Н. Минскаго, З. Венгеровой и В. Розанова. Т. I. Спб. 906. Ц. 2 р.

Миллеръ, Орестъ.—Русскіе писатели послѣ Гоголя. Чтенія, рѣчи и статьи. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ И. Шляпкина. Т. I: И. С. Тургеневъ—Ѳ. М. Достоевскій. Изд. 4-е. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Мускатблитъ, Ф.—Первый русскій парламентъ. Избирательная кампанія и ея итоги. Съ предисл. А. Изгоева. Одесса 906. Ц. 20 к.

Мюллеръ, І. П. — Моя система. 15 минутъ ежедневной работы ради здоровья! Спб. 906.

Нелидовъ, Ѳ. Ѳ.—Очерки по исторіи новѣйшей русской литературы. I. М. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Нечволадовъ, А.—Отъ раззоренія къ достатку. Спб. 906. Ц. 80 к.

Нордау, М.—Ложь капиталистическаго строя. Съ нѣм. Спб. 906. Ц. 20 к.

Ножинъ, Е. К.—Правда о Портъ-Артурѣ. Ч. I. Спб. 906. Ц. 2 р. 50 к.

Озеровъ, И. Х., проф.—Большіе города, ихъ задачи и средства управленія. Съ 15 діаграммами. (Публичная лекція). М. 906. Стр. 135. Ц. 25 к.

Омулевскій (И. В. Ѳедоровъ).—Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. П. В. Быкова. Въ 2-хъ томахъ. Спб. Изданіе А. Ф. Маркса.—Т. I. 443 стр., т. II—504 стр. Цѣна каждаго тома 1 р. 50 к.

Петерсонъ, В. П.—Русская стенографія. Практическое руководство для школъ и самообученія. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. 137 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Петровъ, М. Н.—Лекціи по Всемірной исторіи. Т. II: Исторія среднихъ вѣковъ. Ч. 1-я, періодъ первый: Время происхожденія новыхъ государствъ Европы и Азіи. Спб. 906. Ц. 1 р.

Плещеевъ, А. Н.—Стихотворенія. Четвертое дополненное изданіе. Подъ ред. П. В. Быкова. Спб. 1905. Изданіе А. Ф. Маркса. Стр. 834+XIII. Ц. 4 р.

Порфирьевъ, В.—„Жить стыдно". Спб. 906. Ц. 2 к.

Потоцкій, графъ Томашъ. Аграрный вопросъ въ Россіи. Варшава. 906.

Пыпинъ, А. Н.—Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ. Историческіе очерки. Изд. 3-е. Спб. 906. Ц. 3 р.

Рагозина, З. А. Исторія одной души (Елена Келлеръ). Съ 17 портретами, автографами и рисунками. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. 243 стр. Ц. 80 к.

Ребьеръ, А.—Курсъ элементарной тригонометріи и собраніе примѣровъ и упражненій. Перев. Н. де-Жоржъ. Изд. 4-е исправл. Спб. 906. Ц. 85 к.

С—въ, I.—Чего недостаетъ средней школѣ. Спб. 906.

Сиповскій, В. В.—Исторія литературы, какъ наука. Спб. 906. Ц. 30 к.

Скрибанти, А.—Вычисленіе продольной крѣпости корабля. Съ итальянск. А. Титовъ. Съ 30 черт. Спб. 906.

Смаль.—Зигзаги. Паломничество С. Ю. Витте въ Портсмутъ. Спб. 906. Ц. 60 к.

Снѣгина, О. П.—На гастроляхъ. Спб. 905. Ц. 60 к.

Соковнинъ, П. Н.—Культурный уровень крестьянскаго полеводства на надѣльной землѣ и его значеніе въ земельномъ вопросѣ. Съ поуѣздными данными по 46 губерніямъ Европ. Россіи. Изд. Комитета по землеустроительнымъ дѣламъ. Спб. 906. Стр. 629. Ц. 2 р. 50 к.

Стекловъ, Ю.—Историческое подготовленіе русской соціалъ-демократіи. Ц. 25 к. Спб. 906.

Твердохлѣбовъ, В.—Обложеніе городскихъ недвижимостей на Западѣ. Ч. I: Государственное обложеніе. Одесса. 906.

Толстой, гр. Л. Н.—Полное собраніе сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой. Т. II. Спб. 906. Ц. 65 к.

Торнау, баронъ Н. Н.—Атласъ по отечествовѣдѣнію. Ч. II. Сибирь и Туркестанъ. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. Цѣна въ папкѣ 1 р. 20 к.

Туганъ-Барановскій, М.—Націонализація земли. Спб. 906. Ц. 60 к.

——— Теоретическія основы марксизма. Спб. 906. Ц. 75 к.

Тютрюмовъ, И. М.—Законы гражданскіе (Св. зак. т. X, ч. I, изд. 1900 г.), съ разъясненіями Правительствующаго Сената и комментаріями русскихъ юристовъ. Спб. 906. Стр. 1330. Ц. 5 р.

Фирдуси, Абулькассимъ.—Книга о царяхъ (Шахнаме). Съ персид. С. Соколовъ. Вып. 1. М. 906.

Черевапскій, Вл.—Исчезнувшее царство. Историческая монографія, въ двухъ частяхъ, со многими гравюрами и рисунками. Спб. 906. Ц. 4 р.

Чернышевскій, Н. Г.—Прологъ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. Ч. I: Прологъ Пролога. Ч. II: Дневникъ Левицкаго. Спб. 906. Ц. 1 р.

Чернышевъ, И.—Памятная книжка марксиста. Спб. 906. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антонъ.—Разсказы и пьесы. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. 262 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Чечулинъ, Н. Д.—Очерки по исторіи русскихъ финансовъ въ царствованіе Екатерины II. Спб. 906. Ц. 2 р. 50 к.

Шимкевичъ, В.—Будущее человѣчества съ точки зрѣнія натуралиста. Спб. 906. Ц. 20 к.

Шишко, Л. (П. Батинъ). — Очерки по вопросамъ экономіи и исторіи. М. 906. Ц. 60 к.

Шифферсъ, Э. С.—Самоучитель шахматной игры. Спб. Изд. А. Ф. Маркса. 328 стр. Ц. 2 р.

Штирнеръ, М.—Единственный и его собственность. Съ біографіей, написанной д-ромъ Кронебергомъ, портретомъ и факсимиле автора. Съ нѣмецкаго В. Ульрихъ. Спб. 906. Ц. 1 р. 50 к.

Шуфъ, Влад.—Въ край иной... Сонеты. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Ѳедоровъ, С. П., проф.—Трудъ госпитальной хирургической клиники. Т. I. Спб. 906.

Ѳирсовъ, Н. Н. — Разиновщина, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни. Съ 3 портретами. Спб. 906. Ц. 20 к.

Эрвье, П. — Въ разгаръ революціи. Съ франц. пер. С. Русовой. Спб. 901. Ц. 30 к.

——— Geschichte der „Frankfurter Zeitung". 1856—1906. Frankf.-am-M. 1906.

——— Un danger pour l'Europe. Leipz. 906.

——— Батумъ и его окрестности. Бат. 906.

— Изданія Иванова, С. И. и К°.—1) Адвокатъ, Пропорціональная система выборовъ и выборы въ германскій рейхстагъ. Ц. 10 к. 2) Ольшевскій, Очеркъ изъ исторіи бюрократіи. Кіевъ. 906. Ц. 10 к.

— Изданія „Новаго Товарищества": 1) А. Черновъ, Какъ венгерцы борются за свои права, ц. 4 к. 2) И. Николаевъ, Невидимыя подати, ц. 4 к. 3) Е. Звягинцевъ, Земельное переустройство въ городахъ, ц. 4 к. 4) А. Мотье, Соціальный вопросъ во время французской революціи 1789 года, ц. 5 к. 5) А. Будэ, Командитъ и его общественная роль, ц. 5 к. 6) „Разстрига". М. 906. Ц. 3 к.

— Изданіе О. Н. Поповой: 1) Т. Липпсъ, Руководство къ психологіи, съ нѣмецк. М. Лихаревъ, ц. 1 р. 50 к. 2) Н. Коробка. Свобода совѣсти, ц. 5 к. 3) М. Боголѣповъ, Девять милліардовъ рублей. Русскій государственный долгъ, ц. 5 к. 4) С. Лозинскій, Революція 1848 года въ Венгріи, ц. 12 к. 5) Б. Вологдинъ, Народная школа и рабочій классъ, п. р. Н. Рожкова, ц. 8 к. 6) С. Сергѣевъ-Ценскій, Убійство, ц. 2 к. 7) В. Гюго, На баррикадѣ, ц. 20 к. 8) А. Мезіеръ, Въ поискахъ правды и смысла жизни, ц. 30 к. Спб. 906.

— Изданіе „Сѣятеля": 1) Н. Граціановъ, Народные университеты въ З. Европѣ, Сѣв.-Америкѣ и въ Россіи, ц. 10 к. 2) М. Оленина, Весна народовъ, великая французская революція.

— Изданіе товарищества „Знаніе": 1) Сборникъ за 1906 г. кн. XI, ц. 1 р. 2) Э. Лиссагарэ. Исторія парижской коммуны въ 1871 г. Спб. 906. Ц. 70 к. 3) Ф. Фаньо, Рабочее профессіональное движеніе въ Англіи, съ франц. Спб. 906. Ц. 12 к. 4) П. Лафаръ, Аграрная программа, съ франц. Спб. 906. Ц. 5 к. 5) Записки революціонера, съ предисл. Г. Брандеса, съ нѣм. Спб. 906. Ц. 1 р.

— Изданія фирмы „Правда": 1) Эд. Вальянъ, Рабочее законодательство и гигіена, ц. 10 к. 2) В. Либкнехтъ, Безъ компромиссовъ, съ нѣм. К. Васи-

ленко, ц. 15 к. 3) К. Каутскій, Революціонныя перспективы, ц. 20 к. 4) Аграрный вопросъ и Соціалъ-демократія, д-ра Конштадта, ц. 60 к.

— Исторія одного русскаго изобрѣтенія. М. 906. Ц. 20 к.

— Исторія соціализма въ монографіяхъ. Предшественники новѣйшаго соціализма. Ч. II: Отъ Том. Мура до конца великой французской революціи — К. Каутскаго, П. Лафарга, К. Гуго и Э. Бернштейна. Изд. 2-е. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

— Общество Востоковѣдѣнія. Средне-азіатскій отдѣлъ. Туркестано-Сибирская жел. дорога. Спб. 906.

— Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи 1897 года. Численность и составъ рабочихъ въ Россіи на основаніи данныхъ первой всеобщей переписи населенія Россійской имперіи 1897 г. Составлено по порученію мин. финансовъ, промышленности и торговли. Спб. 906 г. Т. I и II.

— Предметовѣдѣніе. Пособіе при веденіи уроковъ вещественнаго (реальнаго) разбора и объяснительнаго чтенія. Матеріалы и планы для предметныхъ бесѣдъ въ низшихъ училищахъ и въ низшихъ классахъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составлено п. р. С. Старошвильскаго. М. 907.

— Протоколы Бердянскаго очередного уѣзднаго земскаго собранія. Бердянскъ. 906.

— Свободная совѣсть. Литературно-философскій сборникъ. М. 906. Ц. 1 р. 50 к.

— Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губерніи за 1903 годъ. Годъ семнадцатый. Херсонъ. 1906.

— Тысяча 906-й годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи, по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. III. Спб. 906.

— Уголовное уложеніе 22 марта 1903 г. Глава II: О нарушеніи ограждающихъ вѣру постановленій съ мотивами, измѣненіями и дополненіями по закону 17 апрѣля 1906 г. Изданіе Н. С. Таганцева. Спб. 905. Ц. 1 р.

— Уставъ полевой службы и наставленіе для дѣйствія въ бою отрядовъ изъ всѣхъ родовъ оружія. Изд. неоффиціальное. Спб. 906. Ц. 35 к.

— Щукинскій Сборникъ. Вып. 5. М. 906.



ИВ. С. ТУРГЕНЕВЪ ВЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ И ВЪ ЕГО ПИСЬМАХЪ КЪ НИМЪ.

— Erinnerungen, Reden und Studien von Ludwig Friedländer. Erster Theil. Strassburg, 1905.

Воспоминанія Л. Фридлендэра о Тургеневѣ впервые вышли въ свѣтъ еще въ 1886 году, въ журналѣ „Deutsche Rundschau", и прошли почти незамѣченными въ нашей печати. Въ 1905 году Фридлендэръ издалъ отдѣльною книгою свои „Воспоминанія, рѣчи и изслѣдованія", куда включилъ и воспоминанія о Тургеневѣ. Въ газетахъ появилась отмѣтка по поводу этой книги и той ея части, которая касается Тургенева. Но эти воспоминанія заслуживаютъ быть воспроизведены у насъ подробнѣе, такъ какъ въ нихъ характеризуются любопытные взгляды Тургенева на нѣкоторыхъ изъ его современниковъ и современныя ему событія. Будущимъ біографамъ великаго писателя-художника, жизнь котораго требуетъ самыхъ всестороннихъ и до мелочей подробныхъ свѣдѣній, записки Фридлендэра могутъ немало послужить, дополняя и уясняя многое въ жизни Тургенева.

Къ воспоминаніямъ приложено нѣсколько выдержекъ изъ переписки Тургенева съ Фридлендэромъ, до настоящаго времени нашей публикѣ незнакомыхъ.

Принадлежа къ числу выдающихся нѣмецкихъ филологовъ и археологовъ, самъ Фридлендэръ, состоявшій въ теченіе многихъ лѣтъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ Тургеневу, всегда пользовался почетной извѣстностью въ ученомъ мірѣ Германіи. Въ продолженіе сорока слишкомъ лѣтъ онъ былъ профессоромъ кёнигсбергскаго университета. Изъ его ученыхъ трудовъ наиболѣе извѣстны изслѣдованія, посвященныя Гомеру, и „Очерки изъ исторіи римскихъ нравовъ".—С. Б.

I.

Воспоминанія о Тургеневѣ.

Съ Тургеневымъ, — пишетъ Фридлендэръ, — я познакомился незадолго до его послѣдняго переѣзда въ Парижъ. Послѣ того, какъ мы обмѣнялись нѣсколькими письмами, онъ предложилъ мнѣ навѣстить его въ Баденъ-Баденѣ. Тамъ я гостилъ у него два раза: въ сентябрѣ

1869 года и въ октябрѣ 1871 года; первый разъ вмѣстѣ съ его старымъ другомъ, Людвигомъ Питшемъ [1]), второй разъ—одинъ. Трудно было догадаться, что оба эти раза Тургеневъ чувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ,—съ такимъ необыкновеннымъ вниманіемъ заботился онъ о развлеченіи своихъ гостей.

Во время перваго моего посѣщенія онъ счелъ долгомъ извиниться за нѣкоторую свою молчаливость, объясняя ее меланхоліей, которая иногда овладѣвала имъ, и съ которой онъ тщетно пытался бороться. Другой разъ его мучилъ приступъ подагры. Я выразилъ ему свое сожалѣніе и замѣтилъ, что подагра считается здоровой болѣзнью.

„— Вы напомнили мнѣ одно замѣчаніе Пушкина,—сказалъ Тургеневъ. — Разъ, когда Пушкинъ находился въ очень тяжеломъ положеніи, одинъ изъ друзей утѣшилъ его изреченіемъ: „Несчастье—прекрасная школа".—„Но счастье—самый лучшій университетъ!"—отвѣтилъ Пушкинъ".

Тургеневъ говорилъ по-нѣмецки совершенно бѣгло. Очень рѣдко прибѣгалъ онъ къ англійскимъ или французскимъ словамъ, когда не могъ подыскать сразу соотвѣтственнаго нѣмецкаго. Разсказывалъ онъ такъ же живо и увлекательно, какъ и писалъ. Писалъ онъ только тогда, когда чувствовалъ неуклонную необходимость изобразить на бумагѣ нахлынувшіе на него картины и образы.

„— Еслибы мнѣ была предоставлена возможность выбора, — сказалъ разъ Тургеневъ,—то я желалъ бы сдѣлаться писателемъ вродѣ Гиббона".

Замѣчаніе довольно странное въ устахъ автора „Призраковъ", гдѣ онъ спасается бѣгствомъ при появленіи Юлія Цезаря" [2]).

Многое, что Тургеневъ писалъ, если не всегда, то часто было связано съ его жизнью, и связь эта была не только внутренняя, но и внѣшняя. Напримѣръ, — начало „Вешнихъ водъ". Какъ тамъ Санина, такъ Тургенева, еще молодого человѣка, возвращавшагося изъ Италіи домой, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ кондитерской, испуган-

---

[1]) Людвигъ Питшъ—художникъ по образованію—пріобрѣлъ большую извѣстность какъ иллюстраторъ, художественный критикъ и журналистъ. Восторженный почитатель Тургенева, онъ былъ связанъ съ нимъ тѣсной дружбой, часто бывалъ у него въ Баденъ-Баденѣ и написалъ также воспоминанія, которыя даютъ самыя подробныя свѣдѣнія о баденской жизни Тургенева.

[2]) Вотъ этотъ отрывокъ изъ „Призраковъ":

„...Голова императора стала медленно выдвигаться изъ-за развалины... На языкѣ человѣческомъ нѣтъ словъ для выраженія ужаса, который сжалъ мое сердце. Мнѣ казалось, что раскрой эта голова свои глаза, разверзи свои губы — и я тотчасъ же умру.

„— Эллисъ, — простоналъ я: — я не хочу, я не могу, не надо мнѣ Рима, грубаго, грознаго Рима! Прочь, прочь отсюда!.."

ная красивая дѣвушка просила оказать помощь ея брату, упавшему въ глубокій обморокъ. Только это была не итальянская, а еврейская семья, и у заболѣвшаго были двѣ сестры, а не одна. Тургеневъ поборолъ тогда свое вспыхнувшее увлеченіе дѣвушкой скорымъ отъѣздомъ.

Со старымъ пѣвцомъ Панталеоне познакомился онъ позже, въ домѣ одного русскаго князя.

Я спросилъ разъ Тургенева, почему въ его разсказахъ не встрѣчаются дѣти.

„— Ихъ очень трудно изображать,—отвѣчалъ онъ.—Вполнѣ естественными они никогда не выходятъ. И маленькій Домби не составляетъ исключенія“.

Какъ требователенъ былъ къ себѣ Тургеневъ въ отдѣлкѣ своихъ произведеній, знаетъ каждый его читатель. Если онъ и говорилъ, что иногда недостатокъ энергіи и терпѣнія мѣшали ему писать такъ, какъ онъ бы желалъ, то я склоненъ думать, что этого не бывало. Во всякомъ случаѣ даже надъ самыми мелкими разсказами онъ работалъ съ большой художественной добросовѣстностью.

Онъ прислалъ мнѣ, вмѣстѣ съ отдѣльнымъ оттискомъ изданной въ 1869 году на нѣмецкомъ языкѣ „Странной исторіи“, десять варіантовъ и дополненій, написанныхъ имъ позднѣе, которые затѣмъ всѣ вошли въ послѣднее изданіе его сочиненій.

„Странная исторія“ взята изъ жизни. Молодая мечтательница, бросающая родительскій домъ для того, чтобы сопровождать въ качествѣ служанки юродиваго, была дочь директора одной казенной зеркальной фабрики. Своимъ поступкомъ она хотѣла загладить грѣхи отца, который грабилъ казну.

Впрочемъ, молодая дѣвушка вернулась въ родительскій домъ и даже вышла замужъ.

При всемъ отвращеніи Тургенева къ громкимъ фразамъ можно себѣ представить удовольствіе, которое онъ испыталъ, когда одинъ благосклонный критикъ его произведеній посовѣтовалъ ему писать побольше „*красивыхъ мѣстъ*“, которыя легко бы запоминались, какъ, напримѣръ, слѣдующая сентенція у Шербюлье: „L'amitié c'est l'amour sans ailes“.

Тургеневъ былъ совершенно чуждъ авторскаго тщеславія. Его разъ разсмѣшилъ Бертольдъ Ауэрбахъ, сказавъ: „Великое это время, въ которое мы съ вами живемъ“.

Онъ былъ не только скроменъ, но даже несправедливъ къ себѣ. Графа Льва Толстого онъ считалъ гораздо выше себя. Пушкина, изъ патріотизма, онъ причислялъ къ первымъ поэтамъ всѣхъ временъ. Изъ французскихъ авторовъ особенно любилъ онъ Меримэ и Флобера,

съ которыми былъ лично друженъ. Но „Саламбо“ онъ считалъ неудачнымъ произведеніемъ, главнымъ образомъ вслѣдствіе черезчуръ детальной обработки какъ главнаго, такъ и мелочей.

Поэзія классической старины не была чужда Тургеневу. Онъ даже старался (разумѣется, по переводу) добиться пониманія Пиндара, но безуспѣшно.

„— Иногда что-то мерцало точно сквозь туманъ,—говорилъ онъ,— потомъ все опять исчезало“.

О нѣмецкихъ писателяхъ я слышалъ отъ него мало отзывовъ.

Когда я въ первый разъ гостилъ у Тургенева, къ нему пріѣзжали изъ своей виллы дочери Віардо, Клавдія и Маріанна [1]), для того, чтобы вмѣстѣ съ нимъ ежедневно прочитывать по главѣ изъ „Эккехарда“ Шеффеля.

Мнѣніе Юліана Шмидта [2]) онъ очень цѣнилъ и считалъ вполнѣ искренней страстность его полемики. Онъ называлъ его „A good hater“ [3]).

— „Питшъ,—говорилъ Тургеневъ,—открылъ его“.

Тургеневъ имѣлъ обыкновеніе давать ему дружески-шутливые эпитеты: „великій“, „безсмертный“ и др.

Послѣ поэзіи больше всего Тургеневъ любилъ искусство и, на первомъ мѣстѣ, музыку. Каждый знаетъ, какой живой интересъ проявлялъ онъ къ всемірно-извѣстной интернаціональной музыкальной жизни въ домѣ Віардо. Восторговъ передъ музыкой Вагнера онъ не раздѣлялъ. Наиболѣе близкими ему композиторами были Бетховенъ, Шубертъ и Шуманъ.

Я никогда не забуду того вечера, когда г-жа Віардо, по просьбѣ Тургенева, до поздняго часа пѣла, со свойственной ей одной геніальностью, романсы Шуберта (между ними такъ рѣдко исполняемый „Wenn meine Grillen schwirren“), сама себѣ аккомпанируя.

Изъ произведеній Тургенева видно, что онъ тонко понималъ искусство. Въ восторженномъ описаніи пергамскихъ горельефовъ (онъ говорилъ, что счастливъ, что не умеръ, не увидѣвъ ихъ), особенно характерна его радость, что и пластика грековъ, „этихъ аристократовъ человѣческой породы“, имѣла свой романтизмъ и реализмъ.

---

[1]) Первая въ замужествѣ—*Шамеро*, вторая—*Дювернуа*.

[2]) Юліанъ Шмидтъ—историкъ литературы и публицистъ—былъ горячимъ поклонникомъ Тургенева, ставилъ его имя очень высоко среди его современниковъ, и вообще принадлежалъ къ кружку берлинскихъ друзей Тургенева, куда входили знаменитые представители германскаго искусства, литературы, науки: Менцель, Пауль Линдау, Боденштедтъ и др.

[3]) „A good hater“—хорошій ненавистникъ, т.-е. человѣкъ, умѣющій ненавидѣть. Выраженіе это встрѣчается у Тургенева:—„Бѣлинскій умѣлъ ненавидѣть“,—говоритъ онъ во II-й главѣ своихъ литературныхъ воспоминаній.

Въ кабинетѣ Тургенева въ Баденъ-Баденѣ постоянно висѣли два превосходныхъ голландскихъ ландшафта XVII-го вѣка, которые, если не ошибаюсь, отъ времени до времени мѣнялись.

Тургеневъ говорилъ, что нерѣдко проводилъ въ Парижѣ цѣлые часы на аукціонахъ картинъ въ „Hôtel Drouot".

— „Это бываетъ передъ размягченіемъ мозга",—замѣчалъ онъ, шутя, при этомъ.

Одинъ знакомый (не помню, французъ или русскій) разъ высказалъ ему свое удивленіе, что онъ живетъ въ Германіи, въ странѣ, гдѣ искусство отстало и гдѣ въ его области сдѣлано такъ мало совершеннаго (гдѣ нѣтъ, напримѣръ, такого художника, какъ Мейсонье и др.). Тургеневъ возразилъ, что пребываніе въ Германіи всетаки предпочитаетъ другимъ мѣстамъ. Одной изъ причинъ такой привязанности, быть можетъ, была та, что только нѣмцу дано быть *просто человѣкомъ*.

На мое поздравленіе съ днемъ рожденія Тургеневъ отвѣтилъ мнѣ:

— „О моемъ рожденіи въ этомъ году только вспомнили трое нѣмцевъ,—и мнѣ послѣ этого не любить Германіи?!

Отвѣтъ этотъ нужно, конечно, принять за простую любезность. Но что нѣмецкая культура и нѣмецкіе нравы были ему глубоко симпатичны — это доженъ признать каждый внимательный и безпристрастный его читатель. Мнѣ стоитъ въ доказательство того напомнить только описаніе путешествія въ горы Hundsrück) въ „Асѣ" [1]).

Нечего и говорить, что отъ такого наблюдателя, какъ Тургеневъ, не ускользали дурныя стороны и мелочность нѣмецкой жизни.

Отношеніе Тургенева къ Германіи въ 1870 году извѣстно. Въ ночь объявленія войны онъ ѣхалъ изъ Россіи по Германіи. Эта ночь, говорилъ онъ, навсегда осталась въ его памяти. Всѣ вокзалы

---

[1]) Приводимъ изъ „Аси" небольшой отрывокъ въ подтвержденіе словъ автора: ...„Я отдалъ себя всего тихой игрѣ случайности, набѣгавшимъ впечатлѣніямъ: неторопливо смѣняясь, протекали они по душѣ и оставили, наконецъ, одно общее чувство, въ которомъ слилось все, что я видѣлъ, слышалъ, ощутилъ въ эти три дня,—все: тонкій запахъ смолы по лѣсамъ, крикъ и стукъ дятловъ, немолчная болтовня свѣтлыхъ ручейковъ съ пестрыми форелями на песчаномъ днѣ, не слишкомъ смѣлыя очертанія горъ, хмурыя скалы, чистенькія деревеньки съ почтенными старыми церквами и деревьями, аисты въ лугахъ, уютныя мельницы съ проворно вертящимися колесами, радушныя лица поселянъ, ихъ синіе камзолы и сѣрые чулки, скрипучіе медлительные возы, запряженные жирными лошадьми, а иногда коровами, молодые длинноволосые странники по чистымъ дорогамъ, обсаженнымъ яблонями и грушами... Даже и теперь мнѣ пріятно вспоминать мои тогдашнія впечатлѣнія. Привѣтъ тебѣ, скромный уголокъ Германской земли, съ твоимъ незатѣйливымъ довольствомъ, съ повсемѣстными слѣдами прилежныхъ рукъ, терпѣливой, хотя неспѣшной работы... Привѣтъ тебѣ и миръ!.."

были переполнены, но нигдѣ не было ни шума, ни суматохи; вездѣ чувствовалась серьезная рѣшимость:

— „Видно было, что поднималась крупная сила“.

Мнѣ неизвѣстно, насколько измѣнились въ Парижѣ его взгляды на Германію. Во всякомъ случаѣ у Тургенева была натура устойчивая.

Политическія его убѣжденія, подъ вліяніемъ условій, при которыхъ Россія находилась въ царствованіе Николая I-го, выработались въ демократическомъ направленіи.

Онъ разсказывалъ, какъ однажды его лакей, подавая ему утромъ самоваръ, сказалъ равнодушнымъ тономъ:

— „Государь умеръ!“

Тургеневъ поспѣшилъ ко дворцу, передъ которымъ уже собралась большая толпа и, сдѣлавъ печальное лицо (къ стыду своему, какъ онъ признавался) спросилъ у жандарма, правда ли это. Послѣдній въ свою очередь отвѣтилъ вопросомъ, неужели онъ думаетъ, что кто-нибудь осмѣлится на подобную ложь?

Тургеневъ отправился къ одному изъ своихъ друзей (если не ошибаюсь, Анненкову), у котораго засталъ патетически ораторствовавшаго генерала.

Когда тотъ ушелъ, оба они бросились другъ къ другу въ объятія!

Я спросилъ, что̀ слышно о наслѣдникѣ престола и можно ли съ увѣренностью надѣяться на будущее.

— По крайней мѣрѣ извѣстно,—отвѣчалъ Тургеневъ,—что это не такой жестокій, черствый человѣкъ, какъ Николай.

Лично Тургеневъ въ то время мало пострадалъ. Постановленіе, по которому „неслужащій литераторъ“ Тургеневъ въ 1852 году былъ высланъ въ свое имѣніе, въ орловскую губернію, за нарушеніе цензурныхъ правилъ, примѣнялось очень снисходительно. Въ началѣ каждаго мѣсяца къ нему являлся чиновникъ, который, послѣ нѣсколькихъ общихъ фразъ, клалъ передъ нимъ засаленную бумагу, гдѣ говорилось, что Тургеневъ подлежитъ его надзору.

Чиновникъ всякій разъ спрашивалъ:

— „Что̀ мнѣ съ этимъ дѣлать?“

И всякій разъ Тургеневъ отвѣчалъ, давая ему пятирублевую бумажку:

— „Исполняйте вашъ долгъ“, — послѣ чего его оставляли въ покоѣ.

Хотя онъ не испыталъ на себѣ всей страшной силы давленія тупого и грубаго деспотизма, но видѣлъ слишкомъ много насилія, произвола, беззаконія и взяточничества, чтобы, при своей глубокой любви къ родинѣ и народу, не возненавидѣть тотъ строй, который принесъ столько бѣдствій.

— „Смѣхъ русскаго человѣка, называемый Гоголевскимъ „Ревизоромъ“,—сказалъ онъ разъ,—горькій смѣхъ!“

Насколько онъ ненавидѣлъ беззаконіе, настолько истинно любилъ человѣчество и болѣлъ душою за трудящихся и обремененныхъ; стоитъ только вспомнить „Записки Охотника“.

Въ каждомъ, кто бы онъ ни былъ, Тургеневъ прежде всего видѣлъ и уважалъ человѣка. На смертномъ одрѣ онъ смѣло могъ сказать:

— „Я всегда любилъ“.

Онъ былъ совершенно чуждъ односторонности, партійности. Его отношеніе къ самымъ разнообразнымъ событіямъ и направленіямъ, были ли они ему симпатичны или нѣтъ, отличалось такой объективностью, что приводило даже къ недоразумѣніямъ. Вѣдь повѣрили въ Россіи, что Базаровъ—карикатура на молодое поколѣніе, и, къ непріятному изумленію Тургенева, старые генералы привѣтствовали его въ московскомъ дворянскомъ клубѣ за то, что онъ усиленно отстаиваетъ существующій строй [1]).

Далекій отъ партійной страстности, онъ нисколько не увлекался демократическими иллюзіями. Онъ зналъ, что послѣдователи крайнихъ убѣжденій почти всегда смотрятъ на вещи съ ложной точки зрѣнія, и достаточно часто наблюдалъ, какъ ихъ пророчества не сбывались.

— „За этимъ самымъ столомъ, гдѣ сидимъ мы съ вами,—разсказывалъ разъ Тургеневъ,—N. (извѣстный глава южно-нѣмецкой демократіи) говорилъ мнѣ весною 1866 года, что въ этомъ самомъ году его партія войдетъ въ Берлинъ съ распущенными знаменами“.

Онъ покачалъ отрицательно головою на замѣчаніе Луи Віардо [2]), что внезапная революціонная вспышка 1869 года грозитъ бонапартизму паденіемъ, и видѣлъ въ принцѣ Людовикѣ Наполеонѣ будущаго вѣроятнаго наслѣдника республики, хотя права его считалъ очень незначительными.

Одному молодому русскому, посѣтившему его разъ въ Баденъ-Баденѣ, онъ заявилъ, что не вѣритъ въ соціализмъ.

У меня съ Тургеневымъ зашла разъ рѣчь объ его страхѣ передъ небытіемъ, который такъ ярко выступаетъ въ „Призракахъ“ и осо-

---

[1]) Какъ извѣстно, и самъ Тургеневъ признавалъ, что одинъ и тотъ же его взглядъ толковался самымъ противоположнымъ образомъ. Стоитъ вспомнить его статью „По поводу Отцовъ и Дѣтей“.

[2]) Луи Віардо, мужъ Полины Віардо-Гарсіа, былъ авторомъ многихъ сочиненій по эстетическимъ и культурно-историческимъ вопросамъ. Заслуги его, какъ переводчика, имѣютъ отношеніе къ Россіи. Онъ ознакомилъ французовъ съ Пушкинымъ, Гоголемъ и Тургеневымъ. Изъ-подъ его пера вышли прекрасные переводы „Капитанской дочки“, „Драматическихъ сочиненій“ Пушкина (переводъ сдѣланъ въ сотрудничествѣ съ Тургеневымъ), „Тараса Бульбы“ и „Избранныхъ разсказовъ“ Гоголя, „Сценъ изъ русской жизни“ и „Драматическихъ произведеній“ Тургенева и др.

бенно въ „Стихотвореніяхъ въ прозѣ" [1]). Въ маѣ 1874 года, мы ѣхали вмѣстѣ изъ Берлина въ Кёнигсбергъ. Поѣздъ отошелъ незадолго до полуночи; мы были одни въ купэ. Просидѣвъ нѣкоторое время молча, Тургеневъ началъ:

— „Скажите, если вопросъ мой не нескроменъ, что вы думаете о безсмертіи?"

Завязался длинный разговоръ, который Тургеневъ заключилъ слѣдующими словами:

— „Что тамъ ни говорите, а все-таки отъ будущаго насъ отдѣляетъ пропасть: въ одномъ случаѣ она темная—въ другомъ свѣтлая".

II.

Письма Тургенева Фридлендэру.

1.

Баденъ-Баденъ. Thiergartenstrasse, 3. Четвергъ, 22 іюля 69 г.

М. Г. — Посылаю вамъ второй томикъ моихъ „избранныхъ" сочиненій. Только первый изъ четырехъ разсказовъ, „Несчастная", вамъ незнакомъ. Самому мнѣ онъ мало нравится: въ немъ слишкомъ много патологіи. Разсказъ этотъ—плодъ воспоминанія юности [2]).

Всякое предложеніе перевести его на французскій языкъ я отклонялъ. Нѣмецкому переводчику, какъ вѣроятно вамъ извѣстно, не нужно обращаться за разрѣшеніемъ къ автору.

Разъ „Несчастная" напечатана, то, при вашей благосклонности къ моимъ произведеніямъ, я не считаю себя въ правѣ скрыть этотъ разсказъ отъ васъ. Изображеніе нѣкоторыхъ нравовъ, быть можетъ, заинтересуетъ васъ.

2.

Баденъ-Баденъ. Вторникъ, 12 октября 69 г.

Любезный другъ! Письмо ваше и брошюру о Менандрѣ [3]) получилъ. Прочелъ ее съ большимъ интересомъ. Она даетъ прекрасное

---

[1]) Напримѣръ, „Конецъ свѣта", „Старуха".

[2]) По поводу разсказа „Несчастная" въ книгѣ Ив. Иванова: „Ив. Серг. Тургеневъ. Жизнь, личность, творчество", помѣщено слѣдующее:

„Фактъ относится къ студенческой жизни Тургенева. Онъ зналъ героиню, пережилъ вмѣстѣ съ нею трагическіе моменты ея печальной исторіи. „Эта дѣвушка", писалъ онъ, „дѣйствительно сидѣла на окнѣ у меня въ комнатѣ московскаго дома и дѣйствительно царапала ногтемъ льдинки".

[3]) Горкель, „Жизненная мудрость Менандра".

изображеніе тонкаго, умнаго грека блестящей эпохи, котораго боги, пожалуй даже съ избыткомъ, наградили своимъ лучшимъ даромъ человѣку—чувствомъ мѣры.

Новой была для меня подкладка горечи, которая повсюду чувствуется.

Отрывки подобраны весьма удачно.

Очень вамъ благодаренъ за ваше указаніе на „Психею“ и на рисунки Карстенса [1]). „Психею“ я, по всей вѣроятности, опишу.

3.

Баденъ-Баденъ. Четвергъ, 11 ноября 69 г.

М. Г. — Посылаю вамъ „Странную Исторію“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько дополненій, которыя впервые пришли мнѣ въ голову, когда я переписывалъ второй разъ оригиналъ, передъ отправкой его въ Петербургъ. Это штрихи, которые, мнѣ думается, дадутъ картинѣ больше ясности.

Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ вашу статью [2]). То, что̀ вы говорите, какъ будто вылилось изъ моей души. Самъ я, конечно, реалистъ и сынъ своего вѣка, но больше всего люблю и преклоняюсь передъ античнымъ искусствомъ и его произведеніями.

Мнѣ очень пріятно, что вамъ нравятся романсы г-жи Полины Віардо.

Въ васъ говоритъ несомнѣнное музыкальное чутье, что̀ встрѣчается не часто.

Клавдія [3]) нарисовала ко дню моего рожденія прекрасное Святое Семейство. Мы всѣ очень хотѣли бы поѣхать въ Веймаръ, для того, чтобы она могла серьезно заняться, но, кажется, весьма трудно найти тамъ хорошую квартиру.

Разсказъ Простэ [4]) произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе по своей силѣ и, хотѣлось бы мнѣ сказать, по своей яркой рельефности.

---

[1]) Асмусъ-Яковъ Карстенсъ родился въ 1754 году. Самоучкой изучилъ живопись, короткое время посѣщалъ копенгагенскую академію художествъ, получилъ на конкурсѣ медаль, ѣздилъ въ Италію и въ Мантуѣ изучалъ фрески Джуліо Романо. Послѣдніе годы жизни провелъ въ Римѣ, гдѣ и умеръ въ 1798 году. Карстенсъ принадлежитъ къ академической школѣ германской живописи и представляетъ изъ себя не столько типъ живописца, сколько разсудочнаго художника, выработавшаго самостоятельный стиль рисунка.

[2]) Объ античномъ искусствѣ въ противоположность современному.

[3]) Дочь г-жи Віардо.

[4]) *Анетта Простэ* баронесса *Гюльсгофъ* (род. въ 1797 г., скончъ. въ 1848 г.)— поэтесса и писательница. Здѣсь, какъ видно изъ имѣющагося въ нѣмецкомъ текстѣ примѣчанія автора, идетъ рѣчь о сборникѣ новеллъ Простэ Гюльсгофъ, озаглавленномъ: „Еврейскія книги“.

Только дѣйствіе такъ запутанно, что, въ концѣ концовъ, нельзя разобраться во всей исторіи.

Во всякомъ случаѣ, хотя это и не установившійся, но очень сильный талантъ.

Быть можетъ, мы еще встрѣтимся въ Берлинѣ. Шлю вамъ сердечный привѣтъ и жму вашу руку.

4.

Баденъ-Баденъ. 29 августа 70 г.

М. Г. — Только вчера получилъ ваше письмо отъ 18-го — шло оно цѣлыхъ десять дней—и спѣшу вамъ на него отвѣтить.

Я собирался на обратномъ пути изъ Россіи остановиться на нѣсколько дней въ Кёнигсбергѣ, но такъ какъ уѣхалъ изъ Петербурга лишь 14-го іюля, то изъ-за надвигавшейся опасности войны Франціи съ Германіей пришлось торопиться, и я едва-едва доѣхалъ до Бадена: черезъ день всѣ желѣзныя дороги были уже заняты воинскими поѣздами.

Мы провели здѣсь тяжелые дни. Не разъ укладывали свои вещи, чтобы перебраться въ Вильдбадъ и дальше. Но счастливый оборотъ, который неожиданно приняла война, сдѣлалъ то, что здѣсь все стало тихо, какъ никогда. Очень тихо, но и очень пустынно. Извѣстную скуку побѣждаетъ постоянное волненіе отъ ожиданія; можетъ быть, это очень хорошо для поддержанія душевнаго равновѣсія.

Излишне говорить вамъ, какъ я всей душой стою на сторонѣ нѣмцевъ. Это настоящая война цивилизаціи противъ варварства, но не въ томъ смыслѣ, какъ воображаютъ себѣ господа французы. Бонапартизму долженъ быть положенъ конецъ, чего бы это ни стоило, если только предстоитъ, вообще, какое-нибудь будущее нравственности, свободѣ и самостоятельности Европы!

Какую уродливость, лживость, глубокую лѣнь и ничтожность проявляетъ „великая нація“! Она должна была имѣть свою Іену, свой Севастополь, Кенигрецъ, и если она не съумѣетъ воспользоваться урокомъ, то ей конецъ!..

Въ теченіе нѣсколькихъ дней мы слушаемъ глухой и безпрерывный шумъ: бомбардируютъ Страсбургъ. Это очень мучительно и печально, но необходимо!

Статья о смертной казни [1]), о которой вы говорите, очень меня бы заинтересовала, и я былъ бы вамъ крайне благодаренъ за ваши сообщенія.

---

[1]) Профессора Іона, въ сборникѣ Вирхова и Гольтцендорфа (1867). Это былъ знаменитый юристъ и ученый (род. 1827 г.—скончн. 1889 г.). Онъ занималъ каѳедру права въ Геттингенѣ и Килѣ.

Переводъ „Казни Тропмана", къ сожалѣнію, сдѣланъ довольно грубо и въ немъ есть нѣсколько крупныхъ ошибокъ.

Шлю вамъ сердечный и дружескій привѣтъ и остаюсь преданный вамъ.

5.

Парижъ. 48, Rue de Douai. 2 апрѣля 74 г.

М. Г. — Мнѣ очень стыдно, когда я думаю, сколько времени я вамъ не писалъ! Это совершенно непростительно, потому я и не пытаюсь оправдываться и просто полагаюсь на вашу доброту.

Черезъ три недѣли я покидаю Парижъ и ѣду черезъ Берлинъ и Кёнигсбергъ въ Россію. На этотъ разъ я, конечно, все сдѣлаю, чтобы имѣть удовольствіе повидаться и поговорить съ вами. Но я пишу вамъ не для того только, чтобы увѣдомить васъ объ этомъ; маленькая змѣя, которая „in herba latet" [1]), заключается въ слѣдующемъ: на дняхъ, вѣроятно, вы получите только-что вышедшую книгу моего друга. Флобера, „La tentation de Saint Antoine". Я послалъ ее вамъ и могу горячо рекомендовать. По моему мнѣнію, это выдающееся произведеніе. Если вы, какъ я надѣюсь, согласитесь съ моимъ мнѣніемъ и, быть можетъ, сочтете не лишнимъ написать отзывъ объ этомъ литературномъ явленіи,—то очень обрадуете моего друга и несказанно меня обяжете.

Итакъ, „Dixi et animam salvavi" [2]).

6.

Парижъ. 50, Rue de Douai. Четвергъ, 27 января 76 г.

Прошедшій годъ прошелъ для меня недурно. Вскорѣ послѣ нашего совмѣстнаго путешествія у меня началась въ Россіи жестокая подагра, которая прекратилась въ январѣ 1875 г., т.-е. меньше, чѣмъ черезъ годъ. Съ тѣхъ поръ болѣзнь моя оставляла меня болѣе или менѣе въ покоѣ.

Лѣтомъ я провелъ шесть недѣль въ Карлсбадѣ. Работалъ я очень мало; написалъ только маленькій разсказъ [3]), который появится въ февральской книжкѣ „Deutsche Rundschau" и который я рекомендую вашему снисходительному вниманію. Мой большой романъ [4]), начатый нѣсколько лѣтъ назадъ, подвигается впередъ очень медленно.

[1]) „Прячется въ травѣ".

[2]) „Сказалъ и спасъ душу".

[3]) „Часы".

[4]) „Новь".

А что вы дѣлаете хорошаго? Черкните мнѣ пару словъ, наперекоръ моей лѣни и молчаливости. Конечно, сердечно меня обрадуете.

Можетъ быть, въ концѣ апрѣля я поѣду въ Россію. Если дѣйствительно это мнѣ удастся и вы будете тогда еще въ Кёнигсбергѣ, то я съ удовольствіемъ останусь тамъ на день и, такимъ образомъ, исполню свое старое обѣщаніе.

Не попадалась ли вамъ въ руки книга Тэна: „Les origines de la France contemporaine", первая ея часть—„L'ancien régime". Если нѣтъ, то достаньте это удивительное сочиненіе. Мало французовъ способно на такую основательность и объективность. Въ цѣломъ получается нѣсколько безцвѣтное впечатлѣніе, но событія, факты, цитаты говорятъ за себя [1]).

Здѣсь, кажется, умѣренная республика желаетъ пріобрѣсти себѣ права гражданства. Она нашла себѣ выдающагося руководителя, сильную индивидуальность въ лицѣ Гамбетты. Кто бы ожидалъ этого отъ легкомысленнаго адвоката? Во всякомъ случаѣ, въ данное время во Франціи это величайшій государственный человѣкъ.

7.

Парижъ, 50, Rue de Douai. 26 декабря 1878 г.

Любезнѣйшій господинъ Фридлендэръ! Я бы давно долженъ былъ поблагодарить васъ за вашъ интересный подарокъ [2]), но за десять дней только сегодня я въ состояніи писать въ удобномъ сидячемъ положеніи. Мой старый врагъ, подагра, послѣ восьмимѣсячнаго перемирія, снова напалъ на меня съ страшной силой и, какъ говорятъ французы, пригвоздилъ меня къ постели. Теперь мнѣ уже значительно лучше, и я надѣюсь, что скоро встану.

Портретъ въ общемъ не очень похожъ, но для меня онъ имѣетъ особый интересъ, и я еще разъ васъ сердечно благодарю. Г-жа Віардо проситъ передать вамъ ея благодарность и поклонъ.

Моя поѣздка въ Петербургъ отложена на нѣкоторое время; во всякомъ случаѣ не позднѣе, чѣмъ до начала марта. Не подлежитъ

---

[1]) По словамъ Гонкуровъ (Journal des Goncourts. Tome V. Paris. 1891, p. 174), Тургеневъ отзывался о Тэнѣ иногда не совсѣмъ благопріятно:

„Сравненіе мое неизящное, но позвольте мнѣ, господа, сравнить Тэна съ бывшей у меня охотничьей собакой: она искала, дѣлала стойку изумительно, вообще все, что дѣлаетъ охотничья собака, ей только недоставало чутья, и я долженъ былъ продать ее". (Ср. у Иванова, стр. 277).

[2]) Портретъ Полины Віардо-Гарсіа, писанный въ 1843 году Гензелемъ, извѣстнымъ художникомъ, профессоромъ берлинской академіи.

никакому сомнѣнію, что на этотъ разъ я остановлюсь въ Кёнигсбергѣ. По всей вѣроятности, я выѣду изъ Берлина съ утреннимъ поѣздомъ и ночь проведу въ Кёнигсбергѣ. Извѣщу васъ объ этомъ телеграммой.

Очень благодарю за пожеланіе. Мнѣ бы хотѣлось снова взяться за перо, но до сихъ поръ не чувствую въ себѣ этой возможности. Манфредъ Байрона (типъ мало мнѣ симпатичный) говоритъ въ концѣ трагедіи: „Oldman! it's not so difficult to die“ [1]). Я бы сказалъ вмѣсто „to die“—„not to write“ [2]). Къ этому совершенно привыкаешь.

Буживаль. Les Frênes. 11 іюля 82 г.

. . . .

Я не читалъ того, что написалъ обо мнѣ Питшъ. По дружбѣ онъ, вѣроятно, многое преувеличилъ.

Къ сожалѣнію, твердо установлено одно: моя болѣзнь хотя неопасна и не слишкомъ мучительна, но принадлежитъ къ разряду неизлечимыхъ. Скверно то, что пока болѣзнь существуетъ — нельзя и думать ни о путешествіи, ни о работѣ. Нужно отказаться отъ этой мысли...

Съ нѣм. Сергѣй Бертенсонъ.



1) „Старикъ! не такъ ужъ трудно умирать!“
2) Вмѣсто „умирать“—„не писать“.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1906 г.

Рѣчи Вильгельма II и прусскій монархизмъ.—Консервативная оппозиція противъ короля.—Внутреннія дѣла Пруссіи и Германіи.—Соціалистическій съѣздъ въ Мангеймѣ.—Критскій вопросъ.—Реформы въ Китаѣ и Персіи.

Императоръ Вильгельмъ II часто даетъ матеріалъ для газетной критики своими дѣйствіями и рѣчами, не только какъ конституціонный монархъ, но и какъ самостоятельный политическій дѣятель, имѣющій свои особые взгляды и высказывающій ихъ публично по разнымъ поводамъ и случаямъ. Недавно, 8-го сентября (нов. ст.), при открытіи памятника Фридриху Великому въ Силезіи, близъ города Бреславля, онъ произнесъ двѣ небольшія, но весьма характерныя рѣчи, которыя надѣлали много шума въ нѣмецкой печати. Ссылаясь на спеціальное попеченіе божественнаго Промысла о прусскомъ народѣ и государствѣ, онъ между прочимъ выразилъ твердую увѣренность, что при повтореніи грозныхъ событій, съ которыми такъ блистательно справился его великій предокъ, современные силезцы и пруссаки тоже вышли бы побѣдителями, ибо всѣ попрежнему дѣйствовали бы единодушно, съ полною преданностью и любовью къ отечеству, и только при такихъ условіяхъ будущность страны можетъ считаться обезпеченною. „Фридрихъ II долженъ служить поучительнымъ примѣромъ въ тѣ моменты, когда люди теряютъ охоту къ труду, когда они падаютъ духомъ, когда умомъ овладѣваютъ черныя мысли и опасенія“... „Прочь съ этимъ!—продолжалъ Вильгельмъ II.—Подобно тому какъ великій король никогда не былъ покинутъ своимъ старымъ союзникомъ (Богомъ!), такъ и наше отечество и эта прекрасная провинція всегда останутся близкими его сердцу. Изъ сокровища этихъ воспоминаній и общихъ проявленій вѣрноподданническихъ чувствъ мы почерпаемъ новый обѣтъ: отнынѣ, съ напряженіемъ всѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ, посвятить себя только одной задачѣ, *двинуть впередъ нашу страну, работать для нашего народа*, совмѣстными усиліями разныхъ вѣроисповѣданій противодѣйствовать безвѣрію, и прежде всего сохранить свободный взглядъ на будущее и никогда не отчаиваться въ себѣ и въ своемъ народѣ. Живущимъ принадлежитъ міръ. Людей мрачныхъ воззрѣній я не терплю, и кто не пригоденъ для работы, тотъ пусть удаляется, или, если хочетъ, пусть ищетъ себѣ

лучшую страну. Отъ нашихъ силезцевъ я жду, что они вновь объединятся въ рѣшеніи слѣдовать за своимъ герцогомъ въ его работѣ и особенно въ его мирной работѣ на пользу народа, придерживаясь великихъ цѣлей и образцовъ".

Въ этихъ рѣчахъ мы видимъ, съ одной стороны, самое яркое проявленіе монархической идеи: Вильгельмъ II говоритъ о Богѣ, какъ о „старомъ союзникѣ" прусскихъ королей, и провозглашаетъ первымъ долгомъ гражданина безусловную вѣрность и преданность своему монарху; онъ ставитъ себя лично и свою династію на недосягаемую высоту, и всѣ обращающіеся къ нему съ привѣтствіями и благодарственными рѣчами раздѣляютъ, повидимому, его точку зрѣнія, употребляя напыщенно-льстивыя формулы преувеличеннаго низкопоклонства. Условныя фразы о престолѣ и отечествѣ дышатъ искренностью: въ этомъ отношеніи король приписываетъ себѣ лишь то, что охотно признаютъ за нимъ его подданные. Необыкновенно великое призваніе Гогенцоллерновъ, особыя связи ихъ съ божественнымъ Промысломъ, исключительная роль Пруссіи и Германіи во всемірной исторіи,—все это входитъ въ обычный кругъ понятій и разсужденій огромнаго большинства современныхъ прусско-нѣмецкихъ патріотовъ. Но, съ другой стороны, кому и для чего служитъ это величіе династіи и самого Вильгельма II? Высшею и единственною цѣлью остается служеніе родинѣ, неустанная и самоотверженная работа на пользу отечества, стремленіе двинуть впередъ свою страну, увеличить ея могущество и славу среди другихъ культурныхъ націй. Король-императоръ прямо и всецѣло подчиняетъ свои монархическія права и преимущества высшимъ правамъ и интересамъ государства; онъ не выдѣляетъ своего высокаго положенія, какъ чего-то обособленнаго и самодовлѣющаго, а ставитъ его въ неразрывную связь съ интересами развитія и процвѣтанія страны. Онъ не думаетъ ограждать свою власть и авторитетъ отъ народныхъ требованій и притязаній, а напротивъ, всю свою власть и весь свой авторитетъ онъ отдаетъ на службу народу въ широкомъ смыслѣ этого слова. Какъ онъ понимаетъ это служеніе народу, какіе интересы государства кажутся ему наиболѣе важными,—это другой вопросъ; но несомнѣнно, что онъ смотритъ на свою миссію исключительно какъ на совокупность служебно-патріотическихъ обязанностей относительно Пруссіи и Германіи. Въ его словахъ и дѣйствіяхъ нѣтъ даже отдаленнаго намека на какой-либо антагонизмъ между монархическою властью и населеніемъ; династія и народъ составляютъ для него одно цѣлое, и мысль о томъ, чтобы пожертвовать интересами страны для возвеличенія и упроченія королевско-императорскихъ правъ, оказывается совершенно чуждою Вильгельму II и его вѣрнѣйшимъ почитателямъ. Это своеобразное сочетаніе сильно

развитого монархическаго культа съ идеей неуклоннаго, почти фанатическаго служенія государству и націи является существенною характерною чертою прусскаго традиціоннаго монархизма и вмѣстѣ съ тѣмъ источникомъ его внутренней силы и крѣпости при современномъ свободномъ развитіи демократическихъ нравовъ и воззрѣній. На этой почвѣ національнаго служенія домъ Гогенцоллерновъ дѣйствительно можетъ стоять незыблемо, какъ „гранитная скала“ (rocher de bronze), о которой говорилъ когда-то Фридрихъ-Вильгельмъ IV. Въ Пруссіи нѣтъ и не можетъ быть такихъ монархистовъ, которые во имя монархіи отрицали бы народныя права или стремились бы вести борьбу противъ общихъ интересовъ и потребностей государства; оттого тамъ и нѣтъ отдѣльной монархической партіи, и самый вопросъ о монархіи не существуетъ для практической политики. Только у насъ возможны „патріоты“, горячо ратующіе за сохраненіе завѣдомо опаснаго для страны неограниченнаго режима, доведшаго ее до разоренія и позора,—мнимые монархисты, готовые желать своему отечеству повторенія Мукдена и Цусимы, лишь бы остались въ силѣ выгоды и привилегіи ихъ самовластія,—люди, ставящіе династію внѣ и выше государства и народа. Правда, монархисты подобнаго рода, откровенно отдѣляющіе монархію отъ реальныхъ интересовъ отечества, образуютъ у насъ ничтожное меньшинство, но это меньшинство обладаетъ еще громаднымъ фактическимъ вліяніемъ и пользуется, по недоразумѣнію, особымъ покровительствомъ двора. Еслибы наши охранители способны были серьезно проникнуться пониманіемъ тѣхъ интересовъ, которые они будто бы охраняютъ, они могли бы многому поучиться у прусскихъ консерваторовъ и ихъ авторитетнаго главы, Вильгельма II; они узнали бы тогда, что сила монархической государственности— не въ томъ, чтобы вести страну назадъ, поддерживая въ ней систему произвола и безправія, и не въ томъ, чтобы воевать противъ общества и народа, защищая злоупотребленія власти. Само собою разумѣется, что идеалы прусскаго монархизма далеко не совпадаютъ съ стремленіями крайнихъ элементовъ германской націи; но если заранѣе признается принципъ, что династія не имѣетъ и не можетъ имѣть другихъ цѣлей и интересовъ, кромѣ государственно-народныхъ, то исчезаетъ опасность односторонняго торжества враждебной или нежелательной народу политики, и въ концѣ концовъ монархія будетъ поневолѣ идти по тому пути, который соотвѣтствуетъ потребностямъ и стремленіямъ демократіи.

По своимъ общимъ намѣреніямъ и цѣлямъ, особенно во внѣшней политикѣ, Вильгельмъ II несомнѣнно является выразителемъ большинства нѣмецкаго народа; критика—иногда довольно рѣзкая и единодушная—вызывается только его своеобразными взглядами по вну-

треннимъ вопросамъ, въ которыхъ рѣшающее слово принадлежитъ однако не ему, а народному представительству. Нѣмецкія газеты не стѣсняются возражать королю-императору по поводу его отзывовъ о задачахъ и обязанностяхъ благонамѣренныхъ гражданъ; даже консервативные публицисты протестуютъ противъ желанія навязать обывателямъ какой-то самодовольный оптимизмъ, доходящій до отрицанія правъ на существованіе „людей мрачныхъ воззрѣній" (Schwarzseher). Никто не имѣетъ права предлагать гражданамъ уходить изъ своего отечества и искать лучшую страну, если они недовольны существующимъ порядкомъ вещей; ибо недовольство существующимъ есть источникъ того постояннаго стремленія впередъ, которое провозглашается самимъ Вильгельмомъ II. Мрачный пессимизмъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ классовъ населенія можетъ вполнѣ оправдываться обстоятельствами; онъ заставляетъ людей добиваться коренныхъ реформъ, которыя мало-по-малу становятся все болѣе осуществимыми и неизбѣжными, и которыя безспорно клонятся къ общему благу и пользѣ государства. Народныя массы въ Пруссіи не могутъ быть довольны, напримѣръ, устройствомъ и составомъ своихъ парламентскихъ учрежденій, обезпечивающихъ широкое представительство только богатымъ классамъ населенія; устарѣлая и явно несправедливая система выборовъ въ прусскую палату депутатовъ давно уже осуждена всѣми прогрессивными партіями, и до послѣдняго времени наиболѣе многочисленный рабочій классъ даже совершенно устранялся отъ участія въ выборахъ въ эту палату, созданную преимущественно для землевладѣльцевъ, капиталистовъ и крупныхъ плательщиковъ податей; защитники интересовъ трудящагося населенія превращались поневолѣ въ мрачныхъ пессимистовъ, но изъ этого еще не слѣдовало, что они должны были бы „искать лучшую страну" и очистить мѣсто смиреннымъ поклонникамъ существующаго порядка вещей. Такъ же точно весьма вѣскія основанія для недовольства и пессимизма даются чрезмѣрнымъ господствомъ милитаризма, сосредоточеніемъ военной власти въ рукахъ привилегированнаго дворянства и всѣмъ сословнымъ строемъ прусской монархіи; люди мрачныхъ воззрѣній давно находятъ, что этотъ традиціонный строй подлежитъ полному преобразованію для пользы отечества, и, конечно, они не могутъ считать себя лишними въ своей странѣ только потому, что ихъ ненавидитъ и боится могущественное землевладѣльческое „юнкерство".

Среди газетной полемики, вызванной рѣчами Вильгельма II, обращаютъ на себя вниманіе критическія размышленія благонамѣреннѣйшаго нѣмецкаго органа, имѣющаго отчасти оффиціозный характеръ,—именно „Кёльнской Газеты". „Либеральные и національные круги въ Пруссіи и Германіи,—говоритъ газета, —всего менѣе желали бы за-

жимать ротъ монарху; ихъ политическія стремленія могутъ только выиграть отъ того, что носитель короны находится въ живомъ общеніи съ народомъ и публично высказываетъ свои мнѣнія. Однако, чѣмъ рѣзче выступаетъ оттѣнокъ программы въ заявленіяхъ императора, чѣмъ сильнѣе они вторгаются непосредственно въ текущіе партійные споры, тѣмъ болѣе они поддаются различнымъ и неправильнымъ толкованіямъ, и такъ какъ не принято, въ отвѣтъ на разнорѣчія въ общественномъ мнѣніи, оффиціально разъяснять и комментировать императорскія слова, то они рискуютъ въ концѣ концовъ усилить путаницу, которую они должны были устранить. Въ виду этой крайне нежелательной возможности, либералы, усматривающіе въ монархическомъ строѣ гарантію прочности и успѣшнаго развитія нашего государства, были бы виновны въ неисполненіи своего долга, еслибы упустили выразить съ полной ясностью и, по мѣрѣ надобности, съ подобающимъ почтеніемъ свое отношеніе къ подобнымъ рѣчамъ монарха, въ качествѣ вѣрноподданнѣйшей „оппозиціи его величества". Именно въ этихъ кругахъ теплый призывъ императора къ содѣйствію всѣхъ и каждаго, къ общему труду на пользу отечества, встрѣтитъ радостный откликъ; но разныя толкованія начнутся неизбѣжно, когда рѣчь зайдетъ о способахъ практическаго примѣненія указываемаго императоромъ способа борьбы съ невѣріемъ, при помощи совмѣстныхъ усилій всѣхъ вѣроисповѣданій. Это императорское слово объ объединеніи разныхъ исповѣданій для борьбы съ невѣріемъ напоминаетъ одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ недавняго съѣзда католиковъ въ Эссенѣ, гдѣ такое объединеніе выставлялось лозунгомъ будущей идеальной тактики ультрамонтанства. Еслибы приверженцы вѣроисповѣдной политики истолковали императорскую рѣчь въ томъ смыслѣ, что они призваны играть роль самостоятельной силы въ государствѣ, то мы заранѣе отвергаемъ такое толкованіе и будемъ возставать противъ него самымъ рѣшительнымъ образомъ, хотя бы оно прикрывалось императорскимъ щитомъ". Въ этомъ религіозномъ политиканствѣ, которое съ такимъ успѣхомъ воплощается католичествомъ, газета видитъ злѣйшаго врага современнаго государства: положительная попытка осуществить мысль, высказанную императоромъ, „открыла бы только дорогу для соціалъ-демократіи и революціи". Притомъ безвѣріе, зависящее отъ нравственнаго и умственнаго состоянія общества, не можетъ быть предметомъ политическихъ мѣропріятій, и искусственные вѣроисповѣдные союзы не внесутъ на этой почвѣ ничего другого, кромѣ раздраженія. „Kölnische Zeitung" протестуетъ также противъ пренебрежительнаго отношенія къ пессимистамъ. Если мрачные взгляды на современное положеніе дѣлъ приводятъ къ политическому бездѣйствію и равнодушію, то они несомнѣнно должны быть

сурово осуждаемы; „но—говоритъ далѣе газета—императоръ, очевидно, не имѣетъ достаточно данныхъ, чтобы правильно судить о силѣ и объемѣ пессимистическаго настроенія въ нашей странѣ“... „Еслибы сдѣланъ былъ практическій выводъ изъ его рѣзкихъ словъ, то могло бы случиться, что потокъ людей, уходящихъ изъ отечества, выросталъ бы и увеличивался бы безпредѣльно, и носитель короны, осматривая ряды оставшихся, долженъ былъ бы придти къ заключенію, что далеко не худшіе удалились для отысканія лучшей страны. Времена столь серьёзны, что мы позволяемъ себѣ апеллировать къ лучше освѣдомленному императору. Тѣ, которые призваны быть совѣтниками короны, несутъ на себѣ тяжелую отвѣтственность; пусть они прежде всего изслѣдуютъ причины мрачнаго недовольства, охватившаго нашъ народъ, и представятъ императору откровенно, безъ прикрасъ, результаты своего добросовѣстнаго изученія; пусть они также изъ своей среды удалятъ людей, „непригодныхъ къ работѣ“. Въ кругахъ пессимистовъ (Schwarzseher) господствуетъ убѣжденіе, что недугъ, разъѣдающій національную жизнь, дѣйствуетъ не только въ народѣ, что и правительство и система, управляющая нами, имѣютъ свою значительную долю участія въ распространеніи зла, и что настоятельно-нужныя разъясненія этого обстоятельства не докладываются императору. Императоръ призываетъ всѣхъ, въ томъ числѣ и правящихъ, къ общей работѣ: пусть же они идутъ впереди, пусть они предоставятъ городскому классу, служащему опорою монархіи въ Пруссіи, то положеніе въ государствѣ, которое принадлежитъ ему по праву и котораго онъ такъ давно и такъ тщетно домогается;—тогда и мрачный взглядъ на вещи въ верхнихъ и низшихъ слояхъ общества уступитъ мѣсто общему возбужденію и подъему всѣхъ силъ...“

Это не лишенное ядовитости обращеніе къ правящимъ, къ совѣтникамъ и приближеннымъ самого Вильгельма II,—какъ и вся вообще критика императорскихъ словъ въ „Kölnische Zeitung“,— показываетъ намъ наглядно ту степень свободы печати, и слѣдовательно политической свободы вообще, какою пользуются на практикѣ пруссаки и нѣмцы при всемъ несовершенствѣ или устарѣлости своихъ государственныхъ учрежденій и законовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ независимый и убѣжденный тонъ газеты почти оффиціозной, поддерживающей близкія связи съ министерствомъ и получающей обыкновенно свои „достовѣрныя“ свѣдѣнія и сообщенія изъ Берлина, характеризуетъ политическую добросовѣстность и гражданское мужество нѣмецкихъ умѣренно-либеральныхъ публицистовъ. Прусскіе національ-либералы никогда не отличались смѣлостью и самостоятельностью въ защитѣ своихъ идей; они считаются образцами скромности въ политикѣ, и тѣмъ большее впечатлѣніе производитъ твердый и ясный протестъ,

выражаемый отъ ихъ имени въ авторитетной „Кельнской Газетѣ" противъ отдѣльныхъ заявленій Вильгельма II. Съ точки зрѣнія нѣмецкихъ патріотовъ, вѣрноподданные граждане имѣютъ не только право, но и обязанность говорить правду своему монарху и бороться противъ такихъ его желаній или предположеній, которыя вытекаютъ изъ ошибочной или односторонней оцѣнки фактовъ и могутъ принести вредъ государству. Въ этомъ здравомъ пониманіи патріотическаго долга нѣмецкая „вѣрноподданнѣйшая оппозиція его величества" остается вполнѣ солидарною съ основными идеями короля-императора объ исключительномъ служеніи всѣхъ и каждаго общимъ интересамъ отечества.

Впрочемъ, въ данномъ случаѣ полемика касалась въ сущности не какихъ-нибудь практическихъ проектовъ или программъ, а только личныхъ мнѣній монарха по предметамъ довольно отвлеченнымъ; обѣ силезскія рѣчи не были даже напечатаны въ оффиціальномъ органѣ имперскаго правительства—„Reichsanzeiger", хотя и воспроизводились всѣми газетами по оффиціально провѣренному тексту берлинскаго телеграфнаго агентства. Оппозиціонная пресса находитъ неправильнымъ и незаконнымъ это уклоненіе правительства отъ оффиціальнаго обнародованія императорскихъ рѣчей, такъ какъ отсутствіе текста ихъ въ „Имперскомъ Указателѣ" дѣлаетъ невозможнымъ обсужденіе ихъ въ имперскомъ сеймѣ, въ силу установившейся парламентской практики; но жалобы оппозиціи на это обстоятельство едвали справедливы. Нужно ли желать, чтобы монархъ съ такимъ темпераментомъ, какъ Вильгельмъ II, воздерживался отъ публичнаго выраженія своихъ особыхъ взглядовъ, или чтобы всякіе взгляды, имъ высказываемые, имѣли оффиціальный авторитетъ и непремѣнно приводили къ извѣстнымъ практическимъ послѣдствіямъ? Казалось бы наоборотъ, что уклончивость правительства въ данномъ случаѣ представляетъ большія удобства для оппозиціи: пока императорскія слова не нашли себѣ мѣста въ оффиціальномъ органѣ имперіи, до тѣхъ поръ они никого ни къ чему не обязываютъ и подлежатъ свободной критикѣ, какъ чисто личныя мнѣнія, изъ которыхъ не слѣдуетъ дѣлать выводы о намѣреніяхъ и цѣляхъ государственной власти; само правительство можетъ игнорировать эти заявленія, какъ не входящія въ область практической политики, а прогрессивная печать можетъ доказывать ихъ ошибочность и несостоятельность—прежде чѣмъ они воплотились въ оффиціальные акты. При такой системѣ сохраняется свобода мнѣній монарха и гарантируется безвредность его ошибокъ или увлеченій для интересовъ страны.

Какую важную роль играетъ общественное мнѣніе въ Германіи въ вопросахъ практической политики, несмотря на формальную незави-

симость правительства отъ парламента,—можно видѣть изъ новѣйшихъ перемѣнъ въ управленіи колоніальнымъ вѣдомствомъ имперіи. Систематическія нападки газетъ на военно-бюрократическія особенности этого управленія побудили, наконецъ, государственную власть принять радикальную мѣру—поставить во главѣ колоніальнаго вѣдомства не сановника-бюрократа, а опытнаго и энергическаго коммерческаго дѣятеля, свободнаго отъ всякихъ служебно-канцелярскихъ традицій. Принцъ Гогенлоэ-Лангенбургъ, управлявшій этимъ самостоятельнымъ департаментомъ имперскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, долженъ былъ выйти въ отставку, и на его мѣсто назначенъ директоръ торгово-промышленнаго банка въ Берлинѣ, Бернгардъ Дернбургъ, сынъ извѣстнаго фельетониста „Berliner Tageblatt", Фридриха Дернбурга. Такое назначеніе простого коммерсанта-банкира на высокій правительственный постъ, съ присвоеніемъ ему званія „дѣйствительнаго тайнаго совѣтника" и титула „превосходительства", произвело необыкновенную сенсацію въ прусско-германскомъ чиновничьемъ мірѣ; оно сильно взволновало старыя консервативныя партіи,—не говоря уже о бюрократіи,—и встрѣчено было съ большимъ восторгомъ всею либеральною буржуазіею. Многимъ кажется, что это назначеніе предвѣщаетъ общую перемѣну въ системѣ выбора кандидатовъ на видныя правительственныя должности, и что предпріимчивые дѣловые люди, вродѣ Дернбурга, призваны обновить и оживить своимъ коммерческимъ духомъ обветшалыя формы администраціи. Такого рода ожиданія и предположенія, по всей вѣроятности, окажутся преувеличенными; тѣмъ болѣе, что событіе, давшее къ нимъ поводъ, не заключаетъ въ себѣ ничего особенно новаго съ точки зрѣнія общеизвѣстныхъ взглядовъ и симпатій Вильгельма II. Германскій императоръ всегда обнаруживалъ исключительное уваженіе и довѣріе къ крупнымъ торгово-промышленнымъ дѣльцамъ, какъ отечественнымъ, такъ и заграничнымъ; американскаго милліардера Пирпонта Моргана онъ принималъ какъ коронованную особу, и въ числѣ крупныхъ нѣмецкихъ предпринимателей-коммерсантовъ всегда бывало нѣсколько лицъ, считавшихся фаворитами и любимыми собесѣдниками монарха. Слабость къ финансовымъ и промышленнымъ тузамъ не свидѣтельствуетъ еще о готовности къ широкимъ демократическимъ реформамъ правительственнаго строя, и не съ этой стороны можно ожидать плодотворныхъ перемѣнъ, о которыхъ заговорили нѣмецкія газеты. Купецъ смѣнилъ принца въ качествѣ колоніальнаго директора просто потому, что потребовалось совершить въ этомъ вѣдомствѣ основательную чистку, какую способенъ былъ предпринять только ничѣмъ не стѣсненный организаторъ, привыкшій безконтрольно распоряжаться въ своей банкирской или торгово-промышленной конторѣ. Дѣйствовать

рѣшительно могутъ и военные, но они склонны заботиться больше о своихъ подчиненныхъ, чѣмъ о массѣ населенія, и часто обнаруживаютъ легкомысліе въ пониманіи хозяйственныхъ интересовъ, какъ это доказалъ въ послѣднее время прусскій министръ земледѣлія, генералъ Подбѣльскій. Газетная кампанія противъ этого генерала выдвинула вопросъ объ его отставкѣ, и очень можетъ быть, что и его преемникомъ явится какой-нибудь банкиръ, болѣе осторожный и компетентный въ экономическихъ вопросахъ. Въ Пруссіи никто уже не сомнѣвается въ правѣ печати безпощадно контролировать и преслѣдовать правительственныхъ дѣятелей, возбудившихъ противъ себя почему-либо недовѣріе или недовольство. О стѣсненіи прессы въ этомъ отношеніи нѣтъ и рѣчи, хотя газетныя обвиненія далеко не всегда основательны и нерѣдко принимаютъ оттѣнокъ настоящей травли. Никому не приходитъ въ голову ограждать министровъ отъ контроля и нападеній печати, ибо всѣ понимаютъ, что общественные интересы, представляемые печатью, неизмѣримо выше и важнѣе политической карьеры отдѣльныхъ сановниковъ и генераловъ.

Нѣмецкая соціалъ-демократическая партія имѣла свой обычный делегатскій съѣздъ въ Мангеймѣ, 23—29 сентября (нов. ст.), и эта „красная недѣля“ давала газетамъ богатый матеріалъ для разсужденій. Соціалистическій съѣздъ,—собраніе людей, неоднократно объявленныхъ врагами государства,—не нуждается ни въ чьемъ разрѣшеніи или дозволеніи; на этотъ разъ онъ собирался на территоріи великаго герцогства Баденскаго, но въ прошломъ году онъ происходилъ въ предѣлахъ Пруссіи, въ Іенѣ, и въ будущемъ году онъ также предполагается въ прусскихъ владѣніяхъ, въ Эссенѣ. Нѣмецкимъ бюрократамъ не приходится задумываться надъ вопросомъ, разрѣшить ли или не разрѣшить собраніе взрослыхъ гражданъ, причисляющихъ себя къ соціалистамъ; въ этомъ отношеніи они счастливѣе своихъ русскихъ коллегъ, для которыхъ даже невинный съѣздъ „кадетовъ“ остается предметомъ головоломныхъ заботъ и опасеній.

Первое собраніе соціалъ-демократовъ въ Мангеймѣ происходило въ роскошномъ городскомъ зданіи, гдѣ вслѣдъ затѣмъ предстояли празднества по случаю семейнаго велико-герцогскаго юбилея; для дальнѣйшихъ засѣданій отведено было помѣщеніе въ одномъ изъ городскихъ театровъ. Послѣ привѣтственной рѣчи мѣстнаго дѣятеля, члена имперскаго сейма и прусской палаты депутатовъ Дреесбаха, произнесъ вступительное слово знаменитый глава партіи, Бебель, которому сдѣлана была восторженная и продолжительная овація. Дѣловыя засѣданія начались 24 сентября подъ предсѣдательствомъ берлинскаго

депутата Зингера. Прежде всего сказано было нѣсколько трогательныхъ фразъ по адресу многочисленныхъ заграничныхъ представителей, прибывшихъ на съѣздъ, причемъ специально выражено сочувствіе русской делегаткѣ, госпожѣ Балабановой; отвѣчали Гюисмансъ изъ Брюсселя, Гюберъ изъ Вѣны, Рапопортъ изъ Парижа, и другіе. Съ напряженнымъ вниманіемъ выслушанъ былъ представитель польской соціалистической партіи, г. Роттеръ, который между прочимъ объяснилъ, что военное положеніе въ Царствѣ Польскомъ доставило революціонерамъ огромныя выгоды: оно способствовало организаціи городскихъ и сельскихъ массъ, обезпечило свободу подпольной печати и подготовило всеобщее вооруженіе рабочихъ. Предсѣдатель Зингеръ упомянулъ по этому поводу о заслугахъ г-жи Розы Люксенбургъ, пытавшейся лично оказать поддержку русско-польскимъ товарищамъ и поплатившейся за это продолжительнымъ арестомъ. Отъ имени русскихъ соціалистовъ говорила съ большимъ успѣхомъ г-жа Балабанова; краткими заявленіями еще двухъ делегатовъ закончилась эта международная часть программы съѣзда. Собраніе перешло къ весьма щекотливому и важному вопросу объ отношеніяхъ партіи къ профессіональнымъ рабочимъ союзамъ, имѣющимъ свою самостоятельную центральную организацію и располагающимъ огромными матеріальными средствами; члены рабочихъ союзовъ большею частью причисляются къ соціалъ-демократамъ и дѣйствуютъ за-одно съ ними на выборахъ, но не входятъ формально въ составъ партіи; этимъ создаются взаимныя неудовольствія и пререканія, принимающія иногда серьезный принципіальный характеръ. Такъ, на прошлогоднемъ партійномъ съѣздѣ въ Іенѣ принята была, по предложенію Бебеля, резолюція въ пользу массовой политической забастовки, какъ способа достиженія извѣстныхъ общихъ цѣлей рабочаго класса; между тѣмъ состоявшееся позднѣе совѣщаніе представителей рабочихъ союзовъ высказалось рѣшительно противъ забастовки, вслѣдствіе чего постановленіе партіи утратило всякое практическое значеніе,—ибо всѣхъ организованныхъ соціалъ-демократовъ числится въ Германіи менѣе 400 тысячъ, а членовъ рабочихъ союзовъ—приблизительно полтора милліона. Между обѣими организаціями начаты были переговоры о соглашеніи, для выработки плана совмѣстныхъ дѣйствій; ходъ этихъ переговоровъ былъ изложенъ въ особомъ протоколѣ, который долженъ былъ считаться секретнымъ, согласно прямо выраженному желанію генеральной коммиссіи рабочихъ союзовъ; однако протоколъ былъ все-таки напечатанъ комитетомъ соціалъ-демократической партіи, и представители послѣдней должны были публично сознаться въ некорректности своего поступка, хотя и пытались оправдать его разными тактическими соображеніями. Очевидно, нѣмецкая соціалъ-демократія, около

которой въ извѣстные моменты группируются всѣ наличныя силы рабочаго класса, не можетъ ничего предпринять безъ участія рабочихъ союзовъ; послѣдніе въ свою очередь охотно пользуются ея услугами и почерпаютъ въ ней нравственную силу во время избирательныхъ и иныхъ движеній, но не хотятъ подчиниться ея постоянному руководству, а заставить ихъ признать надъ собою авторитетъ партіи немыслимо. Обѣ организаціи стоятъ рядомъ, дополняя себя взаимно при обоюдномъ согласіи и обезсиливая другъ друга при конфликтѣ: одна богата духовными и умственными силами, а другая имѣетъ въ своемъ распоряженіи главныя рабочія массы и обширные матеріальные рессурсы. Сознаніе этого фактическаго превосходства профессіональныхъ рабочихъ союзовъ и безусловная необходимость достигнуть съ ними прочнаго соглашенія легли въ основу новаго проекта резолюціи, внесеннаго комитетомъ партіи по спорному вопросу о массовой забастовкѣ. Бебель вынужденъ былъ перетолковать и измѣнить свое прошлогоднее заключеніе такимъ образомъ, чтобы оно могло быть одобрено представителями генеральной коммиссіи рабочихъ союзовъ; представители послѣднихъ вносили еще дополнительныя поправки и давали вообще чувствовать, что рѣшающая сила—на ихъ сторонѣ.

Пренія о массовой забастовкѣ заняли полныхъ два дня; все утреннее засѣданіе 26-го сентября посвящено было замѣчательной рѣчи Бебеля, который подробно изложилъ спорные пункты и съ обычнымъ искусствомъ и остроуміемъ мотивировалъ свои новѣйшіе практическіе выводы, безъ ущерба для принципіальныхъ взглядовъ прошлогодняго съѣзда. Въ совѣщаніяхъ съ представителями рабочихъ союзовъ онъ признавалъ неосуществимость и нецѣлесообразность массовой забастовки при данныхъ условіяхъ, и этого мнѣнія онъ придерживается и теперь; однако въ принципѣ онъ стоитъ за массовую забастовку, какъ за сильнѣйшее оружіе въ защиту основныхъ правъ рабочаго класса, и онъ остается вѣрнымъ этому принципу. Въ Пруссіи массовая забастовка, по словамъ Бебеля, была бы обречена на полнѣйшую неудачу. „Противъ рабочихъ дѣйствуютъ здѣсь сплоченныя силы королевской власти, юнкерства и промышленныхъ хозяевъ. Всякая попытка насильственной забастовки была бы подавлена самымъ безпощаднымъ и грубымъ образомъ. При несовершенствѣ нашихъ организацій такая попытка была бы даже безсовѣстна, и мы не могли бы принять за нее отвѣтственность на себя. Бываютъ, конечно, такіе моменты въ жизни народовъ и націй, когда нужно рѣшиться на борьбу во что бы то ни стало, хотя бы угрожало пораженіе; но полководецъ, который безъ надобности поведетъ свою армію на вѣрную гибель, былъ бы признанъ сумасшедшимъ или достойнымъ разстрѣлянія по военному суду въ двадцать-четыре часа“. Впрочемъ, Бебель не думаетъ, чтобы

массовая забастовка непремѣнно сопровождалась кровопролитіемъ; нельзя вообще предвидѣть способы дѣйствія и шансы успѣха возмущенныхъ народныхъ массъ. „Революціи не создаются намѣренно,—продолжалъ ораторъ,—а являются только необходимыми послѣдствіями чрезмѣрнаго угнетенія сверху. О такихъ вещахъ вообще не философствуютъ и не дѣлаютъ постановленій на партійныхъ съѣздахъ. Одно только можно сказать несомнѣнно: еслибы предпринято было посягательство на право выборовъ въ имперскій сеймъ или на существующее, и безъ того ограниченное, право союзовъ, то вовсе не возникало бы вопроса, желаемъ ли мы, а мы должны были бы подняться. Свободу, которою мы обладаемъ, мы не дадимъ отнять у насъ,—въ противномъ случаѣ мы были бы жалкими, ничтожными людьми". Одинъ изъ делегатовъ предлагалъ постановить, что массовая забастовка должна быть объявлена, если Германія вмѣшается въ русскія дѣла для противодѣйствія революціи; но Бебель справедливо отвергаетъ эту резолюцію, какъ относящуюся къ такому событію, которое по существу совершенно немыслимо. Резолюція, предложенная Бебелемъ отъ имени комитета партіи, сводится къ признанію равноправности партійной организаціи и представительства рабочихъ союзовъ; для массовой забастовки, какъ и другихъ общихъ предпріятій для пользы рабочаго класса, требуется предварительное соглашеніе обѣихъ организацій. Смыслъ компромисса ясенъ: располагая только арміею въ 400 тысячъ человѣкъ, соціалъ-демократія не можетъ декретировать что-либо для двухъ или трехъ милліоновъ неподвластныхъ ей рабочихъ, изъ которыхъ большинство имѣетъ свои особыя организаціи въ видѣ рабочихъ союзовъ. Чтобы отстоять правоту своей партіи въ спорѣ съ профессіональными союзами и въ то же время не обидѣть этихъ могущественныхъ рабочихъ союзовъ, Бебель разсуждалъ очень дипломатично, и его тонкой игрѣ только отчасти мѣшали доктринерскія поправки Каутскаго и откровенныя возраженія главнаго противника и вмѣстѣ съ тѣмъ союзника, предсѣдателя генеральной коммиссіи рабочихъ союзовъ, Легина; но принципіальное соглашеніе было достигнуто, хотя прямолинейные соціалъ-демократы находили въ немъ слѣды непримиримыхъ внутреннихъ противорѣчій. Г-жа Роза Люксенбургъ никакъ не могла понять, какимъ образомъ провозглашеніе принципа массовой забастовки совмѣщается съ практическимъ его отрицаніемъ, и ея остроумныя критическія замѣчанія, направленныя противъ Легина и его единомышленниковъ, вызывали шумные апплодисменты. Послѣ очень долгихъ и запутанныхъ преній, въ которыхъ участвовало множество ораторовъ, предсѣдатель Зингеръ предложилъ высказаться сначала Легину, а потомъ Бебелю; но Легинъ считалъ за собою право послѣдняго слова и требовалъ, чтобы раньше гово-

рилъ Бебель, а когда въ этомъ ему было отказано, то онъ вовсе не пожелалъ говорить, и заключительное слово было предоставлено Бебелю. Въ концѣ этого засѣданія 27 сентября предсѣдатель Зингеръ привѣтствовалъ явившагося на съѣздъ г. Плеханова, причемъ рекомендовалъ его собранію какъ „русскаго Каутскаго"; это опредѣленіе, повидимому, понравилось публикѣ, такъ какъ оно встрѣчено было общимъ сочувственнымъ смѣхомъ. Голосованіе состоялось уже въ засѣданіи 28-го числа: резолюція Бебеля-Легина была принята большинствомъ 323 противъ 62 голосовъ. Затѣмъ Бебель предложилъ выразить сочувствіе русскому освободительному движенію, и послѣ этихъ общихъ, такъ сказать международныхъ вопросовъ, съѣздъ занялся болѣе спеціальными темами—о народномъ образованіи, о семейномъ воспитаніи и обученіи дѣтей, о желательныхъ реформахъ уголовнаго права и судопроизводства, объ организаціи молодежи для физическихъ упражненій, и т. п. Интересный докладъ г-жи Клары Цеткипъ о воспитаніи дѣтей былъ прерванъ непріятнымъ инцидентомъ: референтка внезапно почувствовала себя дурно и опустилась на стулъ въ полномъ обморокѣ; по этому поводу рѣшено было не обсуждать ея реферата, а образовать особую коммиссію для обсужденія затронутыхъ ею вопросовъ. На слѣдующій день, 29-го сентября, объявлено было объ окончаніи занятій съѣзда, и участники его разошлись при пѣніи рабочей марсельезы.

Существуютъ международные вопросы, незначительные сами по себѣ, но мучительные по своей безотрадной постановкѣ и по тому упорству, съ какимъ они искусственно, въ теченіе многихъ лѣтъ, ограждаются отъ правильнаго и разумнаго рѣшенія. Сколько разъ волновала умы въ Европѣ роковая судьба кандіотовъ, возстававшихъ противъ турецкаго гнета и опять подпадавшихъ подъ старое иго! Ни одна изъ областей Оттоманской имперіи не подвергалась такимъ жестокимъ испытаніямъ, какъ этотъ злополучный островъ: различныя части Турціи успѣли добиться національнаго освобожденія при содѣйствіи или безъ содѣйствія великихъ державъ, а Кандія, при всѣхъ своихъ кровавыхъ усиліяхъ, неизмѣнно оставалась въ томъ же печальномъ положеніи, которое почему-то настойчиво охранялось европейскою дипломатіею. Въ послѣдніе годы кандіоты, жаждущіе возсоединенія съ Греціею, имѣютъ противъ себя уже не Турцію, а только Европу, европейскихъ солдатъ и европейскіе броненосцы. Для Крита придумана была особая полу-автономія, съ греческимъ губернаторомъ, но безъ прямыхъ связей съ остальнымъ греческимъ народомъ, подъ номинальною властью турецкаго султана. Населеніе имѣетъ нѣчто

вродѣ выборнаго представительнаго собранія, которое однако ничего существеннаго постановлять не можетъ; во главѣ мѣстнаго правительства поставленъ былъ сынъ греческаго короля, но только съ тѣмъ, чтобы ни правительство, ни населеніе не смѣли мечтать о національномъ единствѣ съ Греціею.

Фальшивое положеніе королевича Георгія, находившагося съ одной стороны подъ неустаннымъ контролемъ иностранныхъ представителей, а съ другой—подъ тревожнымъ воздѣйствіемъ туземныхъ патріотовъ, сдѣлалось наконецъ невыносимымъ, и злосчастный губернаторъ долженъ былъ буквально бѣжать съ острова, гдѣ населеніе желало сохранить его во что бы то ни стало, даже съ употребленіемъ насилія. Королевичъ Георгій былъ для кандіотовъ символомъ возсоединенія съ Греціею, и жители держались за него только потому, что видѣли въ немъ залогъ будущей свободы; но играть роль безсильнаго заложника было слишкомъ трудно для живого человѣка, и онъ отрекся отъ своей миссіи, вопреки протестамъ населенія. На его мѣсто назначенъ теперь другой представитель греческой націи, бывшій министръ и извѣстный политическій дѣятель Заимисъ, а Кандія остается подъ прежнимъ уродливымъ режимомъ, которому нѣтъ опредѣленнаго названія. Кому нужны эти безконечные дипломатическіе опыты надъ кандіотами—неизвѣстно, и весь этотъ критскій вопросъ представляется намъ какою-то международно-психологическою загадкою.

Въ газетахъ сообщаются отъ времени до времени какія-то странныя свѣдѣнія о реформахъ въ Китаѣ и Персіи. Нѣсколько китайскихъ чиновниковъ послано было въ Европу для изученія вопроса объ усовершенствованіи государственнаго строя Небесной имперіи; они возвратились съ почтительнымъ докладомъ о томъ, что Китаю нужна конституція. Дворъ тотчасъ же усвоилъ эту интересную мысль и обнародовалъ императорскій декретъ о цѣломъ рядѣ будущихъ предварительныхъ преобразованій для подготовки китайцевъ къ новому конституціонному режиму. Вмѣстѣ съ тѣмъ опубликована подробная программа предстоящихъ работъ по всѣмъ отдѣламъ законодательства и управленія; множество столичныхъ и провинціальныхъ сановниковъ назначено для обсужденія различныхъ пунктовъ этой программы и для внесенія въ нее желательныхъ перемѣнъ. Манифестъ, составленный вдовствующею императрицею и изданный отъ имени императора,—по свидѣтельству пекинскаго корреспондента лондонскаго „Times"—написанъ въ отличномъ тонѣ и произвелъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Его величество серьезно обѣщаетъ ввести конституціонную правительственную систему, когда народъ окажется до-

статочно къ ней подготовленнымъ. „Съ самаго начала нашей династіи,—говорится въ этомъ знаменательномъ актѣ,—существовали мудрые императоры, которые издавали законы, соотвѣтствовавшіе условіямъ того времени. Нынѣ, когда Китай имѣетъ сношенія со всѣми націями, наши законы и наша политическая система устарѣли, и потому мы должны расширить наши знанія и выработать новый кодексъ законовъ: иначе мы будемъ недостойны довѣрія нашихъ предковъ и нашего народа". Императоръ приводитъ изъ доклада ѣздившихъ заграницу коммиссаровъ указаніе на то, что „причина слабости Китая заключается въ антагонизмѣ между правителями и управляемыми"; поэтому теперь явилась потребность пріучить народъ къ надлежащему пониманію его отношеній къ правительству, для того, чтобы сдѣлать возможнымъ установленіе конституціи. Необходимый для этого періодъ времени „будетъ зависѣть отъ скорости, съ какою нація будетъ идти впередъ по пути къ просвѣщенію".

Четырнадцать высшихъ должностныхъ лицъ Китая ежедневно собираются на совѣщанія съ упомянутыми выше императорскими коммиссарами, и результаты этихъ совѣщаній съ большимъ интересомъ ожидаются партіею „молодого Китая", жаждущею реформъ. Окончательное рѣшеніе предоставлено тремъ высокимъ сановникамъ—президенту „вай-ву-пу", страстному курильщику опіума и всегдашнему защитнику старыхъ административныхъ порядковъ, князю Чину,—восьмидесятилѣтнему Сунъ-кіа-наи, и министру Ху-хунъ-чи, очень часто удивлявшему иностранцевъ своимъ невѣжествомъ въ дѣлахъ внѣшней политики. Ни одинъ изъ этихъ высокихъ сановниковъ не обладаетъ элементарными свѣдѣніями, обязательными для всякаго образованнаго человѣка въ Европѣ; ни одинъ изъ нихъ, въ частности, не имѣлъ случая думать о крупныхъ государственныхъ преобразованіяхъ, но они все-таки знаютъ, что реформы нужны, ибо, съ одной стороны, многіе требуютъ ихъ, ссылаясь на примѣръ Японіи, а съ другой—противникамъ нововведеній грозятъ неожиданные взрывы, опасные для жизни. Поэтому, какъ предполагаетъ корреспондентъ газеты „Times", уступки духу времени будутъ сдѣланы и какія-нибудь реформы выработаются со временемъ, хотя сущность ихъ остается пока предметомъ неопредѣленныхъ догадокъ.

Еще болѣе оригинальны сообщенія о реформаторскомъ движеніи въ Персіи. Какъ только стало извѣстно, что шахъ рѣшилъ даровать своему народу конституцію, тотчасъ же всѣ обыватели Тегерана, считавшіеся приверженцами реформъ, бросили свои обычныя занятія и искали защиты подъ британскимъ флагомъ, собравшись огромною толпою въ обширномъ паркѣ посольства. Численность этой толпы, бѣжавшей въ ужасѣ отъ проекта персидской конституціи, доходила одно

время до 16.000 человѣкъ. Оказалось, что великій визирь грозилъ казнить или выслать изъ страны всѣхъ вольнодумцевъ, которые осмѣлятся отнестись одобрительно къ колебанію исконныхъ началъ персидскаго государственнаго строя, а народъ хорошо зналъ правительственные пріемы и обычаи всемогущаго правителя, распоряжавшагося въ странѣ отъ имени „царя царей". Впослѣдствіи, отчасти подъ вліяніемъ британскаго посольства, суровый великій визирь былъ смѣненъ; но преемникъ его также не допускалъ реформъ, предположенныхъ шахомъ, и внутренній кризисъ не разрѣшился даже формальнымъ указомъ о введеніи народнаго представительства. Обѣщаются или производятся какія-то конституціонныя реформы, а тѣмъ временемъ періодически повторяется бѣгство персидскихъ обывателей подъ сѣнь благодѣтельнаго британскаго флага. Почетная роль этого флага въ Персіи дѣлаетъ больше для укрѣпленія и распространенія авторитета британскаго имени въ странѣ, чѣмъ всѣ дипломатическія и финансовыя комбинаціи другихъ державъ, имѣющихъ или стремящихся имѣть торговые или иные интересы въ Персіи.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Georg Brandes. Henrik Ibsen. („Die Literatur“, Bard-Marquardt. Berlin. 1906).

Смерть Ибсена текущимъ лѣтомъ прибавила къ столь обширной литературѣ о великомъ норвежскомъ драматургѣ цѣлый рядъ очерковъ, посвященныхъ общей оцѣнкѣ его творчества. Новаго въ сущности отъ этихъ посмертныхъ очерковъ ожидать не приходится, такъ какъ литературная дѣятельность Ибсена закончилась уже за нѣсколько лѣтъ до его смерти, и послѣдніе годы его жизни ничего не прибавили къ итогу его произведеній. Ибсенъ—рѣдкій, быть можетъ единственный примѣръ писателя, знавшаго, что онъ пишетъ послѣднее произведеніе задолго до смерти. Свою послѣднюю драму, „Когда мы мертвые пробуждаемся“, онъ назвалъ эпилогомъ, такъ же твердо и методично завершивъ свою литературную дѣятельность, какъ твердо и методично онъ писалъ новую драму каждые два года. Послѣднія шесть лѣтъ жизни онъ былъ боленъ, и духовная смерть наступила задолго до физической.

Но хотя Ибсенъ былъ въ достаточной мѣрѣ изученъ и обсужденъ критикой всѣхъ странъ при жизни, все же только теперь можно безпристрастнѣе говорить о томъ, что̀ составляетъ главную силу Ибсена и въ чемъ наиболѣе сильно сказывается его вліяніе. Пока появлялись его новыя пьесы, Ибсенъ какъ-то гипнотизировалъ своимъ мрачнымъ голосомъ, который будто бы звалъ къ свободѣ, но въ то же время давилъ душу, раскрывая неумолимые желѣзные законы жизни. Только когда драмы его стали какъ бы входить въ составъ культурной жизни, можно было взглянуть на нихъ изнутри, отдѣлить въ нихъ геніальнаго художника отъ спорнаго мыслителя. И вотъ теперь, когда всѣ его драмы кристаллизовались въ сознаніи культурнаго человѣчества, можно поставить и болѣе или менѣе опредѣленно рѣшить вопросъ: чѣмъ великъ Ибсенъ?

Отвѣтъ намъ кажется яснымъ: Ибсенъ—геніальный художникъ. Будучи самъ выученикомъ старыхъ французскихъ мастеровъ сцены, онъ совершенно преобразовалъ технику театральнаго искусства. Онъ изгналъ всѣ эффекты, все „искусство подготовленія“, всю искусственность стараго театра—и драматическое искусство загорѣлось новой жизнью; все на сценѣ стало неожиданнымъ, простымъ и безъискусственнымъ, и въ то же время безконечно сложнымъ, внутренно необходимымъ и волшебно фантастичнымъ. Типы и характеры стараго театра

исчезли; явились люди, каждое лицо стало органически цѣльнымъ въ своей самобытности, возсозданное во всей своей обособленности, вплоть до своихъ причудъ. На сценѣ воцарилась дѣйствительность, и условность стараго театра отошла въ прошлое, была изобличена и уничтожена. И смѣнилъ ее Ибсенъ не реализмомъ, не правдой быта, а только своимъ даромъ синтеза, цѣлостностью своихъ твореній, внутренней закономѣрностью своихъ образовъ, индивидуальныхъ до странности, до дикости. И еще великъ художникъ-Ибсенъ атмосферой своихъ драмъ—духовной напряженностью дѣйствія: каждое житейское обстоятельство дѣлается у него глубокимъ переживаніемъ души, борющейся съ законами жизни. Умѣніе представить съ гипнотизирующей силой дуэль между волей и судьбой и составляетъ геніальность Ибсена. Мрачнымъ гипнозомъ вѣетъ отъ всѣхъ его драмъ, и онъ властно увлекаетъ за собой міръ въ подземелья духовной жизни, въ шахты, откуда онъ извлекаетъ благороднѣйшій металлъ—правду человѣческой души. Образъ рудокопа больше всего символизируетъ искусство Ибсена, и онъ самъ сливаетъ себя съ этимъ образомъ въ стихотвореніи „Bergmann“, изъ котораго Брандесъ приводитъ въ своей книгѣ два характернѣйшихъ для Ибсена стиха: „Путь открой, тяжелый молотъ,— мнѣ ты прямо въ сердце горъ“. Какая угодно изъ драмъ Ибсена можетъ служить нагляднымъ примѣромъ величія Ибсена какъ художника. Возьмемъ хотя бы „Росмерсхольмъ“. Трагическая героиня драмы съ ея чувственной волей такъ мощно противопоставлена во всей сложности своей индивидуальной жизни „воспитателю избранниковъ духа“ (Adelsmenschen), гипнозъ угрюмаго замка такъ сливается съ мрачной правдой душъ, живущихъ только въ своей истинѣ, что каждое внѣшнее обстоятельство какъ-то раскрывается само собой и обнаруживаетъ все, что въ немъ затаено. Безконечная масса подробностей, психологія, разработанная до того, что она стала какъ бы ясновидѣніемъ, полный реализмъ, т.-е. жизнь, взятая въ своихъ непосредственныхъ житейскихъ интересахъ, и все это преображенное въ мистерію, въ откровенія послѣдней правды душъ,—такой представляется эта трагедія, гдѣ воля жизни и законъ души изображены въ отчаянной, послѣдней борьбѣ. Каждый моментъ дѣйствія напряженъ до безконечной выразительности, и реальное теченіе жизни становится образомъ скрытой правды душъ. Гипнозъ охватываетъ зрителя съ перваго момента, когда раскрывается внутренняя исторія двухъ жизней, протекающихъ рядомъ въ кажущейся гармоніи—и во внутренней борьбѣ за преобладаніе каждая своей жизненной основы. И гипнозъ не оставляетъ зрителя до момента конечнаго торжества духа отрицанія и освобожденія.

За художникомъ Ибсеномъ есть Ибсенъ, волновавшій современные умы поднятыми имъ вопросами. Одно время онъ казался однимъ изъ не-

многихъ истинныхъ учителей жизни. Онъ поднялъ вопросъ, составляющій сущность современныхъ исканій и въ жизни, и въ творческой мысли —вопросъ о личности, противопоставленной законамъ общественности. А затѣмъ, углубляя внутренній смыслъ индивидуализма, онъ освѣтилъ трагическую борьбу между волей и законами духа. Выводомъ его проникновенія въ область индивидуальнаго творчества должно было быть ученіе о свободѣ. Ибсенъ долго казался пророкомъ новой свободы, разрушающей и условности стараго быта, и основы старой нравственности. Семья, буржуазная честность, любовь, материнство, все, что составляло устои стараго порядка, безпощадно обезцѣнивалось во имя новой свободы, достигаемой на разныхъ путяхъ: на пути эстетизма („Гедда Габлеръ"), самопознающей индивидуальности („Нора") и, главное, во имя побѣды очищающаго и возвышающаго духа надъ рабской волей страстей и инстинктовъ. Реалистъ Ибсенъ съ его мятежомъ противъ условностей стараго человѣчества доходитъ въ своихъ исканіяхъ свободы до высочайшаго идеализма, до славословія побѣды желаній надъ дѣйствительностью въ области свободы и радости духа, неосуществимой на землѣ. Лучшія двѣ драмы Ибсена—„Строитель Сольнесъ" и „Росмерсхольмъ", гдѣ облагораживающій духъ приводитъ просвѣтленную имъ волю къ невоплотимой на землѣ радости и свободѣ,—т.-е., къ подвигу, находящему исходъ въ смерти. Въ этихъ двухъ драмахъ освѣщены напряженнѣйшіе предѣлы исканій свободы, и другія пьесы— тоже мистеріи вѣчныхъ противорѣчій силы страстей и законовъ духа.

Но все же, хотя Ибсенъ освѣтилъ исканіе высшей свободы въ современной душѣ, учителемъ свободы его назвать нельзя. Въ его драмахъ чувствуются путы протестантской морали—хотя бы уже въ томъ, что аскетизмъ представляется у него всегда свѣтомъ, побѣждающимъ свободу страстей, и затѣмъ принципъ индивидуальной свободы и принципъ нивеллирующаго демократизма переплетаются у него въ странное противорѣчіе. Детерминистъ, написавшій „Призраки", провидитъ мистическую побѣду воли надъ дѣйствительностью въ „Сольнесѣ"; обличитель общественной несправедливости, въ то же время врагъ демократіи, разрушитель нравственныхъ устоевъ, идеализируетъ строгихъ судей нравственности, возвеличиваетъ Росмера, врага радости жизни, апостола отреченія. Всѣ эти противорѣчивыя идеи драмъ Ибсена художественно возсоздаютъ трагизмъ жизни, но идеала свободы въ нихъ Ибсенъ не создалъ, потому что, освѣщая всѣ святыни, которыми люди живы, онъ ни одну изъ нихъ не возводитъ въ правду жизни. Рядомъ съ свободой у Ибсена есть другой, казалось бы, еще болѣе опредѣленный идеалъ—правда. Главное—быть цѣльнымъ, не бояться глубочайшихъ обнаженій души, быть вѣрнымъ своей правдѣ, быть мученикомъ ея—таково, казалось бы, ученіе „Бранта" и дру-

тихъ героевъ Ибсена. Но и въ этомъ вопросѣ Ибсенъ не знаетъ твердыхъ рѣшеній. Онъ обличаетъ ложь, какъ жизненный кумиръ слабой толпы, въ „Дикой Уткѣ", но онъ рисуетъ цѣлый рядъ людей, которые создаютъ дѣйствительность въ воображеніи и не считаются съ объективной правдой, точно она ниже ихъ. Таковы всѣ его мечтатели и идеалисты—отъ Пэра Гинта до Сольнеса и Гильды.

Объясненіе этихъ идейныхъ противорѣчій—простое. Ибсенъ понялъ современную душу, угадалъ противорѣчія, составляющія ея трагическій законъ, и возсоздаетъ эту трагедію какъ великій художникъ. Но не нужно искать у него отвѣтовъ. Въ своихъ идейныхъ замыслахъ Ибсенъ не былъ творцомъ истинъ, руководящихъ жизнью.

Для характеристики Ибсена, какъ художника, очень интересенъ новѣйшій очеркъ Георга Брандеса, вышедшій черезъ мѣсяцъ послѣ смерти Ибсена въ серіи литературныхъ монографій, „Die Literatur". Брандесъ посвящаетъ свой очеркъ личности Ибсена и психологіи его творчества. Онъ болѣе чѣмъ кто-либо можетъ быть авторитетомъ въ этомъ отношеніи. Брандесъ зналъ Ибсена и былъ его другомъ болѣе тридцати-пяти лѣтъ, первый назвалъ его имя въ литературѣ, первый познакомилъ съ нимъ европейскую публику внѣ Скандинавіи и сталъ апостоломъ его литературной славы. Брандесъ упоминаетъ объ этомъ въ своемъ очеркѣ съ нѣкоторой—легко понятной—гордостью. Можетъ быть, главная заслуга Брандеса, какъ литературнаго критика, и заключается въ томъ, что онъ первый понялъ величіе двухъ людей, далеко не сразу признанныхъ, но зато завоевавшихъ потомъ всемірную славу—Ибсена и Нитцше. Брандесъ былъ другомъ обоихъ и указалъ культурному міру на ихъ духовную силу—не какъ единомышленникъ, не какъ соратникъ, а какъ объективный оцѣнщикъ ихъ таланта.

Въ теченіе столь многолѣтняго знакомства съ Ибсеномъ, Брандесъ имѣлъ возможность изучить его характеръ во множествѣ жизненныхъ случаевъ, и весь собранный имъ психологическій матеріалъ подтверждаетъ тоже, что Ибсенъ—художникъ, но не учитель, пришедшій съ новымъ откровеніемъ.

Главная черта характера Ибсена, которая выясняется въ характеристикѣ Брандеса--полное, доходящее до оригинальности и дикости отсутствіе добродушія. Онъ постоянно размышлялъ о жизни, но самъ дичился ея, былъ очень непріятенъ въ обращеніи, не улыбался. Брандесъ разсказываетъ рядъ анекдотовъ о его дикости. Ибсенъ никого не допускалъ къ себѣ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ знаменитъ. Брандесъ разсказываетъ съ юморомъ объ обѣдѣ, который онъ устроилъ Ибсену по просьбѣ небольшого кружка художниковъ и нѣсколькихъ дамъ, въ томъ числѣ одной извѣстной актрисы. Но уже съ первой рѣчи—Брандеса—Ибсенъ сталъ вставлять непріятныя замѣчанія. А когда потомъ

одинъ изъ гостей, по порученію актрисы и отъ ея имени, выразилъ благодарность Ибсену за созданныя имъ роли, Ибсенъ круто остановилъ его, сказавъ, что онъ создавалъ людей, а о роляхъ и актерахъ никогда не думалъ. Можно себѣ представить, какая установилась атмосфера на обѣдѣ послѣ рѣзкостей чествуемаго героя торжества. И одинъ только Ибсенъ не замѣтилъ настроенія сконфуженныхъ гостей—и потомъ благодарилъ Брандеса за удавшееся торжество. Самое характерное—именно то, что онъ не замѣтилъ, какое впечатлѣніе произвелъ на гостей. Ибсенъ, какъ много большихъ художниковъ, былъ въ житейскомъ смыслѣ эгоистъ: онъ не замѣчалъ окружающихъ, не питалъ никакихъ объективныхъ чувствъ. Субъективно онъ былъ въ высшей степени чутокъ къ дѣйствительности, все видѣлъ, угадывалъ, провидѣлъ и перевоплощалъ въ художественные образы. Но внѣ отношенія къ своему творчеству онъ не замѣчалъ людей и не любилъ ихъ. Ибсенъ жилъ безъ любви къ людямъ. Это ясно видно изъ всего, что до того извѣстно было объ Ибсенѣ,—и это подтверждается свидѣтелемъ его жизни, Брандесомъ. Фактъ этотъ знаменателенъ. Ибсена считали апостоломъ анархизма—мятежникомъ противъ устоевъ общества во имя свободнаго человѣчества, закономъ котораго будетъ не долгъ, а любовь. Но въ основѣ анархизма, какъ теоріи будущаго свѣтлаго царства добра, лежитъ любовь къ человѣчеству, вѣра въ творчество человѣчества въ области добра. Ибсенъ же идеализируетъ только тѣхъ, которые ставятъ желанія выше жизни и подрываютъ корни, связывающіе ихъ съ дѣйствительностью. Людей, коренящихся въ жизни, онъ осуждаетъ. И то, что въ своей собственной жизни онъ относился къ людямъ въ лучшемъ случаѣ равнодушно, а большей частью враждебно и злобно, соотвѣтствуетъ его литературному облику.

Брандесъ объясняетъ мизантропію Ибсена его озлобленіемъ, вызваннымъ отношеніемъ къ нему и его творчеству. Онъ не могъ простить своимъ соотечественникамъ долгаго непризнанія своихъ заслугъ. Но и это, конечно, только доказываетъ, до чего Ибсенъ былъ человѣкъ темперамента, а не мудрый искатель истины. Все въ немъ субъективно — все онъ освѣщаетъ изъ себя, своимъ отношеніемъ къ дѣйствительности.

Самое любопытное въ очеркѣ Брандеса — то, что онъ разсказываетъ о психологіи творчества Ибсена. Всѣ произведенія Ибсена связаны съ личными переживаніями, всѣ его образы—перевоплощенная дѣйствительность, и процессъ этого перевоплощенія крайне интересенъ. Данныя, которыя сообщаетъ Брандесъ, многое поясняютъ и разъясняютъ. Онъ разсказываетъ о томъ, какъ сильно отразилось въ творчествѣ Ибсена его соревнованіе съ Бьернсономъ. Изъ нихъ двухъ Бьернсонъ моложе, но онъ сразу пріобрѣлъ большую славу, и какъ

человѣкъ болѣе близкій къ уровню толпы, не пугающій своей обособленностью,—какъ Ибсенъ,—имѣлъ шумный успѣхъ. Угрюмый чародѣй Ибсенъ не находилъ отклика,—онъ всходилъ, по выраженію Брандеса, „какъ блѣдный мѣсяцъ при солнечномъ сіяніи славы Бьернсона“. Ибсенъ очень отъ этого страдалъ, очень озлобился,—но для литературы эти страданія были плодотворны; они непосредственно воплотились въ его творчествѣ. Отраженіемъ ихъ литературнаго соперничества были „Претенденты на престолъ“, гдѣ поднятъ вопросъ объ избранничествѣ, о вѣрѣ въ себя. Въ лицѣ неразмышляющаго, непосредственно творческаго Гакона представленъ Бьернсонъ, а въ болѣе глубокомъ искателѣ—Скуле, который вѣчно терзается сомнѣніями въ своемъ призваніи, Ибсенъ изобразилъ себя, сдѣлавъ все, чтобы возвысить высоту его требованій, глубину сомнѣній Скуле надъ легковѣсной самонадѣянностью Гакона. Ибсенъ прошелъ черезъ путь глубокихъ сомнѣній, закалился въ самоопредѣленіи; на слѣды этой внутренней борьбы Брандесъ указываетъ въ лирической поэзіи Ибсена. Этимъ онъ объясняетъ ожесточенность Ибсена противъ своего счастливаго соперника, которому и творчество, и слава давались такъ легко—именно потому, что онъ не творилъ на глубинѣ. Брандесъ указываетъ затѣмъ на дальнѣйшее проявленіе соперничества съ Бьернсономъ. Ибсенъ писалъ каррикатуры на него. Оказывается, что пустопорожній фразеръ Стинсгардъ въ „Союзѣ молодежи“ списанъ съ Бьернсона, и рѣчь Стинсгарда, выражающаго свою благодарность за общую любовь къ нему, готовый „просить у всѣхъ прощенія за то, что Богъ далъ ему настолько больше, чѣмъ всѣмъ другимъ“ —намекъ на Бьернсона въ молодости. Самъ Бьернсонъ такъ это и понялъ, и отвѣтилъ стихотвореніемъ, въ которомъ жаловался на предательство въ собственномъ лагерѣ. Отношенія между Бьернсономъ и Ибсеномъ перешли потомъ въ открытую вражду; Ибсенъ злобствовалъ по поводу „пангерманизма“ Бьернсона, хотя самъ потомъ питалъ нѣмецкія симпатіи. На фонѣ этихъ политическихъ разногласій съ Бьернсономъ была противоположность ихъ темпераментовъ, и, какъ свидѣтельствуетъ Брандесъ, чѣмъ жизнерадостнѣе и благодушнѣе дѣлался удачникъ Бьернсонъ, тѣмъ больше дичился и боялся свѣта, тѣмъ молчаливѣе и уединеннѣе становился Ибсенъ. Бьернсонъ всегда былъ патріотомъ, человѣкомъ партіи, всегда говорилъ: „мы“—Ибсенъ былъ самъ по себѣ, постоянно противопоставлялъ себя всѣмъ, вѣчно отстаивалъ свою личность отъ враждебной толпы. Эта психологія очень объясняетъ его философское отношеніе къ дѣйствительности. Онъ индивидуалистъ изъ самообороны, и въ дальнѣйшемъ его творчествѣ—послѣ „Kronprätendenten“—обозначается еще не разъ мотивъ самозащиты. Брандесъ видитъ его въ „Докторѣ Штокманѣ“, написанномъ послѣ омрачившаго его неуспѣха „Призраковъ“,

и грубыхъ нападокъ прессы на безнравственность драмы. Свою психологію, борьбу съ окружающимъ, Ибсенъ возсоздаетъ въ цѣломъ рядѣ драмъ, въ горькомъ самообличеніи Грегора Верле въ „Дикой уткѣ", въ „Габріэлѣ Боркманѣ", гдѣ герой ждетъ въ своемъ уединеніи, что къ нему вернутся, что его позовутъ и преклонятся передъ нимъ,— и еще болѣе въ его послѣдней драмѣ-эпилогѣ, „Когда мы мертвые пробуждаемся". Тамъ онъ опять поднимаетъ вопросъ о жизни и объ искусствѣ, объ искусствѣ, на алтарь котораго нужно сложить жизнь, отказавшись отъ ея радостей,—съ тѣмъ, чтобы въ концѣ опять очутиться на распутьи съ мучительнымъ вопросомъ въ душѣ: гдѣ правда? въ полнотѣ жизни или въ полнотѣ отрицанія? Кромѣ драмъ чисто субъективныхъ, и другія, возсоздающія психологію современности, основаны на фактическихъ данныхъ. Брандесъ отмѣчаетъ ихъ реальную подкладку, и показываетъ, какъ Ибсенъ слѣдилъ за развитіемъ наблюдаемыхъ имъ жизненныхъ фактовъ для того, чтобы отразить ихъ въ драмахъ. Вотъ для примѣра разсказанная Брандесомъ исторія Норы. Намекъ на Нору есть уже въ „Союзѣ молодежи", въ образѣ Зельмы, которая жалуется на то, что съ ней обращаются какъ съ куклой, слишкомъ оберегая ее отъ жизненныхъ заботъ. А затѣмъ Ибсенъ состоялъ въ перепискѣ съ одной дамой, которая жаловалась на тяжкія заботы, не объясняя ихъ причины. Ибсенъ по своей привычкѣ сталъ доискиваться, въ чемъ состоятъ эти заботы. Наконецъ, онъ догадался и сказалъ своей корреспонденткѣ, радуясь своей догадливости и совершенно равнодушный къ открытой имъ печальной правдѣ: „Я понялъ. Васъ мучатъ денежныя заботы". Такъ оно и оказалось: эта дама добыла себѣ деньги, давъ фальшивую подпись,—но не для того, чтобы спасти мужа, какъ Нора, а чтобы купить новую мебель. Мужъ узналъ, и былъ очень возмущенъ. Вотъ грубый фактъ, послужившій основой для Норы; интересно въ этомъ случаѣ то, какъ Ибсенъ работалъ надъ живымъ матеріаломъ, какъ онъ угадывалъ психологическіе законы, управляющіе внѣшними фактами,—и перевоплощалъ ихъ въ художественное цѣлое. Всѣ его образы имѣютъ прототипы въ жизни. Эйлертъ Левбергъ изъ „Гедды Габлеръ", геній, загубленный кутежами, созданъ изъ ряда отдѣльныхъ личныхъ наблюденій Ибсена надъ однимъ молодымъ датчаниномъ, къ которому онъ относился съ большой симпатіей. Разъ онъ получилъ въ Мюнхенѣ отъ него пакетъ, въ которомъ нашелъ свои старыя письма къ нему и подаренный имъ ему свой портретъ—безъ слова объясненія. Для него это превратилось въ психологическую загадку, и надъ разрѣшеніемъ ея онъ размышлялъ, пока не нашелъ рѣшенія, которое казалось ему логичнымъ. Онъ рѣшилъ, что молодой человѣкъ сошелъ съ ума и затѣмъ спуталъ его съ кѣмъ-нибудь другимъ—вѣроятно, съ любимой имъ дѣвушкой,—Ибсенъ зналъ,

что онъ былъ влюбленъ,—которая, поссорившись съ нимъ, потребовала обратно письма. Оказалось, что онъ почти угадалъ правду. Юноша съ ума не сошелъ, но сталъ пить, — и онъ дѣйствительно перепуталъ письма Ибсена съ письмами невѣсты, съ которой разошелся. Потомъ Ибсенъ узналъ, что этотъ молодой человѣкъ потерялъ въ пьяномъ видѣ рукопись своей книги. Эти факты создали образъ возлюбленнаго Гедды Габлеръ,—причемъ и всѣ остальные факты этой драмы тоже происходили въ разныхъ комбинаціяхъ въ дѣйствительности. И всегда, зная начало фактовъ, Ибсенъ предугадывалъ ихъ дальнѣйшее значеніе. Праобразъ Бранта—знаменитый датскій писатель, Серенъ Киргкегоръ, праобразъ Пэра Гинта—датчанинъ, котораго Ибсенъ зналъ на Капри, гдѣ онъ художественно лгалъ всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, изображая себя героемъ и потомкомъ знатнаго рода. Процессъ перевоплощенія фактовъ дѣйствительности въ драмахъ Ибсена—поразительно глубокій примѣръ проникновенія въ законы жизни, и тѣ факты, которые приводитъ Брандесъ—въ высшей степени интересны и характерны.

Очень любопытна въ книгѣ Брандеса разсказанная имъ исторія возникновенія „Строителя Сольнеса". Оказывается, что эта драма, гдѣ говорится о томъ, какъ юность постучалась въ дверь къ строителю, связана съ личнымъ переживаніемъ Ибсена уже на склонѣ лѣтъ. Въ 1889 году онъ провелъ лѣто въ Тиролѣ и познакомился съ молодой дѣвушкой изъ Вѣны. Ей было восемнадцать лѣтъ, ему — шестьдесятъ-одинъ. Послѣ этого они больше не видѣлись; онъ ей написалъ двѣнадцать писемъ, — и она была, какъ онъ написалъ ей на своей карточкѣ, „майскимъ солнцемъ его сентябрьскихъ дней". Въ послѣднемъ письмѣ къ ней—Ибсенъ намѣренно прекратилъ эту переписку— онъ писалъ, что лѣто въ Госенсасѣ было самымъ счастливымъ и прекраснымъ въ его жизни. Ее, эту дѣвушку, онъ звалъ „принцессой", и она послужила первообразомъ Гильды въ „Сольнесѣ". Драма эта, какъ Ибсенъ самъ говорилъ, написана con amore и возсоздаетъ его личную драму. Онъ написалъ въ альбомъ своей „принцессѣ": „Какое высокое горестное счастье—бороться за недосягаемое", и долго думалъ только о томъ, чтобы воплотить это стремленіе въ художественное произведеніе. Таковымъ и сталъ „Строитель Сольнесъ". Всѣ двѣнадцать писемъ Ибсена напечатаны теперь въ книжкѣ Брандеса. Въ печати на Брандеса нападали за то, что онъ предалъ гласности эту интимную переписку Ибсена. Но едвали его слѣдуетъ упрекать. Вся эта исторія послѣдней любви поэта очень красива и нѣжна въ своей тихости и смягчаетъ суровый образъ угрюмаго искателя свободы и правды внѣ общенія съ людьми—въ борьбѣ противъ человѣчества и человѣчнаго.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 октября 1906

Два террора.—Письмо А. И. Гучкова.—Торжество революціонныхъ элементовъ справа.—Исключеніе бывшихъ членовъ Думы изъ курскаго дворянскаго собранія.—Родительскіе комитеты въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.—Пріѣздъ англійской депутаціи.—Л. Е. Оболенскій †.

Кровавыя событія не прекращаются... Одна сторона бросаетъ бомбы и стрѣляетъ изъ браунинговъ. Съ другой стороны—вѣшаютъ и разстрѣливаютъ... Не прекращается и въ иныхъ формахъ грубѣйшее попраніе элементарныхъ основъ права съ обѣихъ сторонъ. Одни съ револьверами въ рукахъ „экспропріирують" государственную, общественную и частную собственность. Другіе—безъ суда и даже безъ предъявленія обвиненія лишаютъ свободы, ссылаютъ, казнятъ несовершеннолѣтнихъ и женщинъ—тѣхъ, кого по закону нельзя казнить, обстрѣливаютъ городскія улицы продольнымъ артиллерійскимъ огнемъ, подъ видомъ законодательныхъ нормъ устанавливаютъ правила съ очевиднымъ отрицаніемъ порядка ихъ разсмотрѣнія и изданія... По всей Россіи идетъ бой—бой не на животъ, а на смерть. Бой—междуусобный, партизанскій, въ которомъ сражающіеся не считаются ни съ чѣмъ, лишь бы больнѣе и сильнѣе поражать врага... Всѣ спрашиваютъ: гдѣ же правительство? Гдѣ законодательная власть государства? Гдѣ власть исполнительная?.. Почему правительство не останавливаетъ кровопролитія? Неужели оно не въ силахъ заставить обѣ стороны уважать законъ?.. Законодательная власть—„временно" упразднена, чтобы она не мѣшала успѣху боя. Исполнительная—обратила себя въ воюющую сторону... Не революціонные монархисты борются съ революціонными анархистами: борется само государство въ лицѣ единственно существующей теперь исполнительной власти...

„Пора—писала, съ мѣсяцъ тому назадъ, оффиціозная „Россія"—признать революціонеровъ воюющей стороной и во всѣхъ случаяхъ примѣнять къ нимъ законы военнаго времени во всей ихъ строгости. Пора реформировать наши мѣста заключенія, превративъ ихъ изъ мѣстъ увеселенія и спокойной жизни въ настоящія тюрьмы, хотя бы на англійскій манеръ, заковывая въ кандалы наиболѣе тяжелыхъ и безпокойныхъ преступниковъ. Пора бросить нашу лжегуманность во взглядахъ и обращеніи съ преступниками и вспомнить, что наказаніе, налагаемое закономъ, не есть шутка, что наказаніе есть положеніе,

къ которому преступникъ не скоро пожелалъ бы возвратиться"... Что̀ можетъ быть нелѣпѣе этой тирады, если въ нее вдуматься! Съ одной стороны, рекомендуется признать революціонеровъ „воюющей стороной", а съ другой — обратить лишеніе свободы въ причиненіе тѣлесныхъ и психическихъ мученій. Въ видѣ связи стоитъ примѣненіе законовъ военнаго времени „во всей ихъ строгости". Редакторы и вдохновители оффиціоза, очевидно, слыхали, что существуютъ строгіе законы военнаго времени, что тѣ, въ кого на войнѣ стрѣляютъ, называются „воюющей стороной" и что въ англійскихъ тюрьмахъ разрѣшается примѣнять наложеніе оковъ за опредѣленные случаи нарушенія тюремной дисциплины. Слыхали—и въ цѣляхъ борьбы съ революціей смѣшали все слышанное въ общую кашу. Они, конечно, сами никогда не сидѣли ни въ каторжныхъ, ни въ иныхъ тюрьмахъ, и въ кругъ ихъ служебныхъ обязанностей не входило читать Достоевскаго, Мельшина, Кеннана и другихъ авторовъ. Но отговариваться невѣдѣніемъ дѣйствующихъ законовъ имъ, во всякомъ случаѣ, еще менѣе приличествуетъ, чѣмъ гражданамъ, ибо на нихъ лежитъ обязанность посвящать досугъ чтенію свода законовъ. И если бы они эту обязанность исполняли, то знали бы, что наши „Уставъ о ссыльныхъ" и „Уставъ о содержащихся подъ стражей" отъ „лжегуманности во взглядахъ и въ обращеніи съ преступниками" очень и очень далеки и что въ ряду дисциплинарныхъ мѣръ для отбывающихъ заключеніе у насъ сохранены даже розги. Изъ приложенія къ ст. 23 второго тома Свода Законовъ и изъ Воинскаго Устава о наказаніяхъ они также могли бы почерпнуть совершенно, какъ оказывается, новую для нихъ истину, что „законы военнаго времени во всей ихъ строгости" могутъ и должны быть примѣняемы, прежде всего, къ совершающимъ правонарушенія чинамъ своего войска, затѣмъ—къ мѣстнымъ жителямъ, своимъ подданнымъ, нейтральнымъ и непріятельскимъ—словомъ, ко всѣмъ, кромѣ чиновъ непріятельской арміи, и именно потому, что они—воюющая сторона.

Мы не останавливались бы на словахъ „Россіи", еслибы дѣйствія правительственныхъ властей не показывали, что въ основѣ ихъ лежатъ тѣ же самыя мысли, и если не то же юридическое невѣжество, то одинаковая логическая ошибка въ отправномъ положеніи: революціонеры въ одно время и воюющая сторона, и преступники. Понятія эти взаимно исключаютъ другъ друга. Представителя воюющей стороны нельзя наказывать. Въ преступника нельзя стрѣлять. Боевая революціонная дружина, стрѣляющая съ баррикадъ, совершающая черезъ лѣсъ обходное движеніе, укрѣпившаяся въ домѣ и т. п., есть воюющая сторона, и бой съ такой дружиной составляетъ дѣйствіе цѣлесообразное и логичное. Революціонеръ же, бросающій бомбу или

убивающій городового изъ-за угла, или подготовляющій и организующій террористическій актъ, есть преступникъ. Государственныя мѣры противъ него—розыскъ, судъ, наказаніе. Типичнѣйшимъ выраженіемъ смѣшенія понятій: воюющій и преступникъ—служатъ вошедшіе въ обиходъ и какъ будто уже не рѣжущіе уха термины: „карательный военный отрядъ“ или „карательная военная экспедиція“. „Военный отрядъ“—значитъ отрядъ войска, назначеніе котораго вести военныя операціи противъ такой же силы, какъ и онъ. А „карательный“—значитъ наказывающій, т.-е. дѣйствующій во имя принадлежащаго ему права, лишь опирающагося на силу. Результатомъ такого смѣшенія является массовое убійство людей, въ данный моментъ не причиняющихъ вреда и лишенныхъ возможности его причинять—за то, что они прежде вредъ причиняли или чтобы впредь не могли его причинить,—сѣченіе взрослыхъ, стариковъ и дѣтей и уничтоженіе огнемъ имущества послѣ одержанія полной побѣды надъ „врагомъ“—согласно закону, предоставляющему на войнѣ уничтожать постройки, препятствующія обстрѣлу непріятельской позиціи... Въ 1900 г. „карательными экспедиціями“ Европа мстила Китаю за избіеніе христіанъ и за убійство германскаго посланника. Черезъ шесть лѣтъ Россія мститъ такими же экспедиціями своимъ подданнымъ...

Сплошной ужасъ событій притупилъ чувства. Но когда пройдетъ немного времени, то, возстановляя въ памяти такіе факты, какъ сѣдлецкій разгромъ, мы невольно будемъ спрашивать себя: неужели все это было?.. Кто-то совершилъ преступленіе: покушаясь на убійство, произвелъ выстрѣлъ въ военный патруль. Вмѣсто того, чтобы принять мѣры къ розыску неизвѣстнаго и къ послѣдующему сужденію и наказанію его, власть открыла военныя дѣйствія. Въ городѣ началась стрѣльба изъ ружей и изъ пушекъ... Жители прислали депутацію — просить пощады. Въ отвѣтъ — требованіе выдать виновныхъ, подъ угрозой продолженія стрѣльбы—пока требованіе не будетъ исполнено... „Бой“ прекратился черезъ два дня. На одной сторонѣ погибъ одинъ солдатъ. На другой—свыше ста человѣческихъ жертвъ, разрушены дома и разграблено имущество... Мы отнюдь не утверждаемъ, что грабили войска. Нѣтъ, въ городѣ всегда найдется достаточно грабителей, если власть перестанетъ быть властью и станетъ воюющей стороной... Всего замѣчательнѣе въ описаніяхъ того, что происходило въ Сѣдлецѣ, это переговоры начальства съ депутаціей отъ жителей. Требованіемъ выдать виновныхъ власть признала свое безсиліе осуществлять функціи управленія. Она этимъ самымъ сказала раввину и сопровождавшимъ его лицамъ, что функціи управленія въ данный моментъ принадлежатъ не ей, а имъ. А угрозою продолжать до выдачи преступниковъ военныя дѣйствія она противопоставила себя уже не

революціонерамъ, а всему населенію города. Депутація на такой отвѣтъ имѣла полное основаніе заявить: такъ и передайте управленіе въ наши руки, пусть органы розыска и обнаруженія преступниковъ дѣйствуютъ по нашимъ указаніямъ... Она, конечно, ничего подобнаго не заявила. Она молча удалилась... и городъ громился два дня...

Не менѣе характерно свидѣтельствуютъ о томъ, что правящая власть стала на скользкую почву признанія своего безсилія, приказы генералъ-губернаторовъ объ оштрафованіи цѣлыхъ волостей, или о закрытіи учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ, пока не прекратится бойкотъ тѣхъ заведеній, въ которыхъ преподаваніе ведется на русскомъ. А вотъ еще корреспонденція газеты „Сегодня" изъ Вендена:

„6-го августа, у Дростенгофской церкви, на глазахъ большой толпы народа, былъ убитъ урядникъ Рейнвальдъ. Убійца, угрожая револьверомъ, заставилъ молодого крестьянина Шульмейстера отвезти его на первой попавшейся лошади до ближайшаго лѣса, гдѣ благополучно скрылся. Явившаяся вскорѣ карательная экспедиція арестовала, по указанію мѣстнаго урядника и, какъ полагаютъ, помѣщиковъ, 49 лицъ, которымъ угрожала разстрѣломъ, если они до слѣдующаго утра не выдадутъ убійцу. Арестованные, даже подъ страхомъ смерти, не могли дать о немъ никакихъ свѣдѣній... 11-го августа у церкви были собраны всѣ мужчины волости въ возрастѣ отъ 14 до 80 лѣтъ, числомъ до 1.000 человѣкъ. Командиръ отряда объявилъ имъ, что за убійство Рейнвальда онъ велитъ разстрѣлять учителя Широна (мирнаго, стараго труженика), старика Шульмейстера и сына его, отвозившаго убійцу до лѣса; за слѣдующее подобное убійство будутъ казнены 9 латышей-революціонеровъ; если же въ дростенгофской волости случится еще третье политическое убійство, то разстрѣлу подвергнутся 27 латышей. Названныхъ трехъ лицъ поставили у вырытой ямы; грянулъ залпъ,—рухнули тѣла, застучали лопаты"...

Эта корреспонденція—едвали не самое ужасное изъ всего, что приходилось читать со времени объявленія безпощадной войны революціи. Она была перепечатана всѣми петербургскими газетами еще въ августѣ. Въ прошлой хроникѣ мы не рискнули ее привести: мы ждали опроверженія. Его не послѣдовало...

И въ такое время, при такихъ условіяхъ, завершается политическое воспитаніе русскаго общества! Годъ, минувшій послѣ манифеста 17-го октября, показалъ, насколько русское общество сильно въ критикѣ и въ отрицаніи, и насколько оно мало подготовлено къ твор-

честву—къ созидательной работѣ государственнаго правового и соціально-экономическаго обновленія. Въ творчествѣ тоже, конечно, нужна практика. А потому отсутствіе у насъ готовыхъ положительныхъ общественныхъ силъ въ моментъ возвѣщенія перелома было вполнѣ естественно. Но еще болѣе нужно для творчества сознаніе обязанности созидать—съ полной, ни на кого не перелагаемой отвѣтственностью за ближайшія слѣдствія и конечные результаты. Въ русскомъ же обществѣ, которое не только было въ теченіе вѣковъ устранено отъ активной государственной дѣятельности, но по отношенію къ которому власть являлась если не всегда врагомъ, то всегда стороннимъ опекуномъ, для развитія такого сознанія необходимо, чтобы оно познало дѣло государственнаго законодательства и управленія.

Этого познанія не дали томительные шесть мѣсяцевъ съ октября до созыва первой Думы и семьдесятъ-два дня думскихъ засѣданій. Лозунгъ гражданской свободы на началахъ конституціоннаго строя, съ которымъ выступило министерство графа Витте, скоро оказался пустымъ звукомъ. Реальнымъ его выраженіемъ явились военное положеніе, разнообразныя временныя правила, давшія вмѣсто формъ гражданской свободы одинъ сплошной рядъ ограниченій, замедленіе выборовъ, ссылки, аресты и разстрѣлы. Общество во-очію увидѣло, что законодательство и управленіе остались въ такихъ же чуждыхъ ему рукахъ, какъ были руки Плеве или Трепова. Оппозиціонно-отрицательное настроеніе продолжало расти и вылилось въ избраніи сплошь оппозиціонной Думы... Несмотря на всю свою оппозиціонность, члены Думы—по крайней мѣрѣ, большинство—пришли, однако, не для разрушенія только, т.-е. не для одной отмѣны законовъ, уничтоженія произвола и т. п., а главнымъ образомъ, для живой созидательной работы. Это они ясно выразили въ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь. Но сейчасъ же затѣмъ, послѣ памятнаго „безусловно недопустимо", Дума оказалась въ положеніи совѣщательнаго представительства. Она въ сущности ничего не рѣшала. Призванная по закону рѣшать, она фактически могла лишь требовать, осуждать,—не только не имѣя увѣренности, что каждое сказанное ею слово осуществится въ жизни, но, напротивъ, имѣя ежечасныя доказательства обратнаго.

Немного болѣе года назадъ, когда шелъ споръ, какому представительству быть въ Россіи — совѣщательному или рѣшающему, — мы писали, въ другомъ мѣстѣ: „Совѣтовать легко, рѣшать трудно. Что можетъ быть легче, какъ дать совѣтъ и, когда исполненіе обнаружитъ его ошибочность, успокоить совѣсть словами: рѣшеніе отъ меня не зависѣло, я только совѣтовалъ! Что можетъ быть тяжелѣе авторитетнаго рѣшенія по предмету, съ которымъ связаны интересы и судьба другого или другихъ?.. Совѣтующій категориченъ, сомнѣнія

его не мучаютъ. Ему всякое дѣло рисуется простымъ и яснымъ. Онъ недоумѣваетъ, что заставляетъ рѣшающаго колебаться. Рѣшающій, полный сознанія принимаемой на себя отвѣтственности, вдумчивъ, осторожень. Передъ его взоромъ сами собой встаютъ возможныя возраженія. Онъ силится охватить и оцѣнить вопросъ не съ казовой только стороны... Въ совмѣстной дѣятельности людей получаютъ особенно яркое выраженіе и сильныя, и слабыя стороны человѣческаго духа. Не составляетъ исключенія и отмѣчаемая черта. Напротивъ: она проявляется съ исключительной рѣзкостью. Одна и та же коллегія поразительно мѣняетъ свою физіономію, какъ только переходитъ отъ безотвѣтственнаго мнѣнія, ходатайства, указанія къ отвѣтственному рѣшенію. Сознаніе отвѣтственности—не внѣшней, проблематической и случайной, а внутренней, и неустранимой, и самой реальной—вотъ въ чемъ сила самостоятельныхъ общественныхъ организацій. Тѣ сужденія человѣка только цѣнны, которыя онъ произноситъ, стоя открыто передъ лицомъ неумолимыхъ судей—своей совѣсти и общественнаго мнѣнія,—когда нѣтъ щита, за который ему можно спрятаться".

Эта психологическая легкость совѣта и трудность рѣшенія, по нашему мнѣнію, самый сильный аргументъ противъ совѣщательнаго представительства. И близко наблюдая дѣятельность Государственной Думы, мы много разъ вспоминали слова,—казалось, къ Думѣ неприложимыя. Министръ финансовъ, требуя кредитовъ на продовольственную кампанію, заявлялъ, что необходимо ассигновать, притомъ немедленно, не менѣе 50 милліоновъ, и что найти эту сумму за счетъ сбереженій въ расходной смѣтѣ невозможно. Дума, не оспаривая исчисленія размѣровъ нужды, ассигновала всего пятнадцать милліоновъ, а на вторую половину заявленія своимъ рѣшеніемъ сказала:— А вы поищите! Развѣ это было по существу рѣшеніе? Развѣ такъ могли поступить народные представители, еслибы они фактически имѣли рѣшающій голосъ? О сотняхъ запросовъ, принимавшихся въ самой категоричной и рѣзкой формѣ на основаніи случайно полученныхъ и непровѣренныхъ извѣстій,—мы уже не говоримъ...

Послѣ роспуска Государственной Думы, первая попытка вывести общественное настроеніе изъ русла критики и отрицанія была сдѣлана графомъ П. А. Гейденомъ, Н. Н. Львовымъ и М. А. Стаховичемъ. Они готовы были принести исключительно большую жертву и войти въ составъ кабинета, распустившаго первыхъ избранниковъ народа. Попытка ихъ связать общество съ министерствомъ не удалась. Вторую сдѣлало само министерство—правительственнымъ сообщеніемъ отъ 24 августа. Третью—А. И. Гучковъ, открытымъ письмомъ на имя князя Е. Н. Трубецкого—письмомъ, которое получило такую широкую

извѣстность. Что и эту попытку постигнетъ неудача,—едвали могутъ быть сомнѣнія. Ея ближайшимъ слѣдствіемъ былъ расколъ между А. И. Гучковымъ и Д. Н. Шиповымъ.

Письмо А. И. Гучкова продиктовано самыми лучшими намѣреніями. Убѣжденный конституціоналистъ, патріотъ — правда, съ нѣсколько своебразной окраской—и вдумчивый человѣкъ, онъ видитъ всю глубину той пропасти, куда неудержимо толкаютъ Россію полная разобщенность между властью и населеніемъ. И онъ совершенно правъ, когда говоритъ, что и въ данный моментъ не отступилъ отъ принциповъ, высказывавшихся имъ ранѣе. Союзъ 17 октября сложился во время ноябрьскаго земскаго съѣзда прошлаго года. Большинство съѣзда, не питая довѣрія къ правительству, отказалось тогда слить свою работу съ его работой и рѣзко отмежеваться съ лѣвой стороны. Меньшинство же, съ А. И. Гучковымъ во главѣ, признавало, что основная задача минуты—„разобщить прогрессивное движеніе отъ революціоннаго". Большинство исходило изъ той мысли, что общій врагъ—бюрократическій строй, съ чиновничьимъ произволомъ и самовластіемъ—еще не побѣжденъ и оружія не сложилъ. Меньшинство—что актъ 17 октября безповоротно покончилъ съ прошлымъ. Большинство непосредственно вслѣдъ за съѣздомъ дало кадры конституціонно-демократической партіи—партіи по характеру преимущественно оппозиціонной. Меньшинство образовало союзъ 17-го октября—союзъ, главной отличительной чертой котораго стало отрицаніе революціи.

А. И. Гучковъ пишетъ: „Какъ это ни странно, но наши политическія группировки опредѣляются въ настоящій моментъ не столько внутреннимъ содержаніемъ партій, ихъ задачами и программами, сколько внѣшнимъ фактомъ того или иного отношенія къ революціи, къ революціонному способу борьбы, къ революціоннымъ организаціямъ". И далѣе: — „Если общество отречется отъ союза съ революціей, изолируетъ революцію, отниметъ у нея иллюзію общественныхъ симпатій, разсѣетъ миражъ возможнаго успѣха, то революція побѣждена. И чѣмъ раньше общество это сдѣлаетъ, тѣмъ меньше падетъ жертвъ съ той и съ другой стороны". Но что̀ разумѣетъ г. Гучковъ подъ отреченіемъ отъ революціи? Не замѣчая бездны противорѣчій, въ которыя онъ впадаетъ, онъ требуетъ отказа отъ союза съ „боевымъ обновленіемъ" (лозунгъ соціалистовъ-революціонеровъ: „въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое") для того, чтобы вступить въ союзъ, по мѣткому выраженію кн. Трубецкого, съ „обновленіемъ военнымъ". Принимая слова министерской программы, онъ закрываетъ глаза на дѣйствія правительства. Онъ не усматриваетъ „безвыходности положенія", которое создало для себя министерство приступомъ къ рѣшенію аграрнаго вопроса на основаніи принятія за авторитетное предуказаніе для бу-

дущей Думы своего собственнаго воззрѣнія на вопросъ, рѣзко противорѣчащаго волѣ народа. Наконецъ, онъ договаривается до оправданія военно-полевыхъ судовъ, не замѣчая, что эта организація, ничего не имѣя общаго съ государственно-судебной, есть въ сущности точное воспроизведеніе тѣхъ революціонныхъ трибуналовъ, которые тоже дѣйствуютъ на манеръ судовъ....

Для истиннаго конституціоналиста, какъ не можетъ быть союза съ красной революціей, такъ его не можетъ быть—съ революціей черной или бѣлой. „Я дѣйствительно—отвѣтилъ А. И. Гучкову князь Е. Н. Трубецкой—вынужденъ разсматривать правительство и крайнія партіи какъ равноправныя воюющія стороны. Я никогда не позволилъ бы себѣ сказать, что онѣ равноправны, если бы правительство стояло на почвѣ закона. Но мы уже видѣли, что оно опирается не на законъ, а на захватное право. Въ чемъ же разница между нимъ и революціонерами? И причемъ тутъ право, которое попирается обѣими сторонами!“...

Кровавыя событія даютъ торжество однимъ крайнимъ воззрѣніямъ. Крайнимъ—слѣва и справа. Чувство протеста противъ насилія и крови естественно заглушаетъ все остальное. На чью психику болѣе давятъ факты насилія террористовъ съ лѣвой стороны—тѣ передвигаются къ правому полюсу. На чью—факты насилія правительства, тѣ передвигаются къ лѣвому. Въ какой мѣрѣ усиливается идейное революціонное теченіе влѣво, непосредственно наблюдать сейчасъ нельзя: эта волна общественной мысли загнана въ подполье. Но за то шумно даетъ о себѣ знать революціонное теченіе вправо. Контръ-революція организуется, собираетъ силы и готовится къ выступленію.

Передъ нами № 231 газеты „Русское Знамя“—органа союза русскаго народа. Когда мы прочли этотъ листокъ, то помимо воли въ нашей памяти воскресли газеты, издававшіяся въ ноябрѣ прошлаго года, въ короткій періодъ существованія свободы печати. Тотъ же тонъ—чуждый сомнѣній и абсолютно-самоувѣренный. Та же рѣзкость и откровенность, чтобы не сказать болѣе, по адресу правительства. Одни заглавія статей чего стоятъ: „Издѣвательство надъ законопослушнымъ населеніемъ Россіи“, „Красная юстиція“, „Какъ министры помогаютъ революціонерамъ“. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что на ряду съ этими внѣшними признаками сходства не менѣе бросаются въ глаза и черты различія. Въ лѣвыхъ революціонныхъ газетахъ всегда сквозили широта теоретической мысли и опредѣленность идеаловъ и чувствовалась талантливость. Газета же г. Дубровина поражаетъ убожествомъ мысли и изложенія. Евреи и еврейство—на каждомъ шагу. Конституція отождествляется съ еврейскимъ

равноправіемъ. Министровъ газета безъ обиняковъ именуетъ „еврейскими лакеями“—и это не министровъ кабинета графа Витте, а нынѣшняго кабинета П. А. Столыпина. Газету возмущаетъ отсутствіе опроверженія слуховъ, что потерпѣвшіе отъ разгрома сѣдлецкіе евреи не будутъ преданы военно-полевому суду. Она называетъ такое отношеніе къ революціонерамъ „подлизываніемъ“ и пишетъ: „Подлизываніе къ революціонерамъ заходитъ такъ далеко, что не рѣшаются опровергнуть появившіяся въ заграничныхъ газетахъ извѣстія о томъ, что, по требованію Англіи и международныхъ банкировъ, первый министръ Столыпинъ предложилъ варшавскому генералъ-губернатору Скалону *не* предавать военно-полевому суду сѣдлецкихъ евреевъ, устроившихъ нападеніе на офицеровъ и на казармы русскихъ войскъ... Для кого же введены военно-полевые суды, ужъ не для устрашенія ли тѣхъ русскихъ людей, которые не согласны помириться съ введеніемъ въ Россіи конституціи и еврейскаго равноправія? Только русскихъ, вы, господа еврейскіе лакеи, не устрашите!“...

„Законопослушное населеніе“—по терминологіи автора передовой статьи, г. Булацеля—это тѣ, кто называетъ злодѣями членовъ бывшей Государственной Думы. „Издѣвательство“, по его мнѣнію, состоитъ въ привлеченіи къ судебной отвѣтственности предсѣдателя кіевскаго отдѣла союза русскихъ людей, г. Постнаго, „за телеграмму, въ которой онъ называетъ бывшихъ членовъ Думы злодѣями“. „Бога ради — восклицаетъ онъ — русскіе сановники, русскія женщины, придворныя дамы (?) и русскіе писатели, не продавшіе свою совѣсть и честь еврейско-масонскому заговору, спасите Постнаго отъ поруганія!“ Далѣе г. Булацель грозитъ: „Вѣдь терпѣніе русскихъ людей лопнуло, вѣдь кромѣ телеграммъ они и вся армія могутъ выразить свое негодованіе въ такой формѣ, которая поразитъ весь міръ“...

Кто же стоитъ за гг. Дубровинымъ, Постнымъ и Булацелемъ? Они стремятся къ тому, конечно, чтобы за ними стояло крестьянство. Пока что — этого нѣтъ. Но за ними уже стоятъ... губернаторы и архіереи. „Къ намъ, въ Калугу — пишетъ корреспондентъ „Рѣчи“ (№ 169), — пріѣзжалъ полковникъ князь Ширинскій-Шихматовъ. При участіи губернатора, архіерея и прочихъ властей, была сдѣлана попытка организовать союзъ русскаго народа, но попытка эта увѣнчалась успѣхомъ только съ пріѣздомъ „самого Дубровина“ и какого-то присяжнаго повѣреннаго. Въ городской думѣ состоялось два собранія союза. Первое собраніе было довольно многолюдно, былъ губернаторъ, архіерей и другіе. Были выписаны и крестьяне, но собраніе имъ не понравилось. Собраніе открылось молебномъ, затѣмъ говорили рѣчи о задачахъ союза“... Кто слѣдилъ за газетами въ послѣднее время, тотъ знаетъ, что отнюдь не въ одной Калугѣ отдѣлы „союза рус-

скаго народа“ возникли при непосредственномъ участіи архіереевъ, губернаторовъ и „прочихъ властей“. Да, вѣрными словами обмолвился въ своей статьѣ г. Булацель: „Въ настоящее время все такъ перепуталось, что чѣмъ невѣроятнѣе извѣстіе, тѣмъ оно правдоподобнѣе“...

Правительство, въ лицѣ органовъ центральной власти, еще не объединилось съ союзомъ русскаго народа. Ихъ еще разъединяетъ невозможность — по признанію правительственнаго сообщенія отъ 24-го августа—„пріостановить всѣ преобразованія, пріостановить всю жизнь страны и обратить всю мощь государства на одну борьбу съ крамолою, сосредоточившись на проявленіяхъ зла и не углубляясь въ его существо“. Въ частности, ихъ разъединяетъ еврейскій вопросъ, въ области котораго министерство, какъ видно изъ того же сообщенія, допускаетъ, что есть такія ограниченія, которыя „вселяютъ лишь раздраженіе“ и представляются „явно отжившими“. Эти послѣднія слова сообщенія, однако, какъ оказывается, отнюдь не могутъ служить неустранимымъ препятствіемъ для единенія органовъ центральной и губернской власти подъ флагомъ, выкинутымъ г. Дубровинымъ: отъ нихъ можно и отказаться. А общая фраза о невозможности пріостановить всю жизнь страны и т. д., такъ широка, что въ нее легко укладывается все, что угодно.

Что въ ограниченіяхъ для евреевъ болѣе отжило и вселяетъ лишь ненужное раздраженіе, какъ не закрытіе процентной нормой дверей учебныхъ заведеній? И министерство, съ нынѣшняго учебнаго года, если ограниченія этого не уничтожило, то значительно ослабило. Зорко слѣдящіе за евреями „истинно-русскіе“ люди вознегодовали и послали изъ Кишинева всеподданнѣйшую телеграмму съ жалобой на министра народнаго просвѣщенія. Черезъ день—министръ опубликовалъ не то оправданіе, не то извиненіе. Онъ объявилъ, что процентная норма пріема евреевъ въ среднія учебныя заведенія имъ оставлена безъ измѣненія, а въ отношеніи высшихъ—пріемъ евреевъ сообразованъ „съ усиленнымъ наплывомъ желающихъ получить высшее образованіе и съ единогласными заключеніями совѣщаній изъ выборныхъ отъ всѣхъ профессорскихъ коллегій, собиравшихся въ минувшемъ учебномъ году подъ предсѣдательствомъ *бывшаго* министра народнаго просвѣщенія“,—„въ виду исключительныхъ обстоятельствъ, вызванныхъ продолжительнымъ бездѣйствіемъ высшей школы“... Остроумно и зло вышутила это укрытіе „провинившагося“ министра за ширму заключеній совѣщаній и за спину предмѣстника газета „Переломъ“ (тоже пріостановлена на время дѣйствія положенія о чрезвычайной охранѣ!)...

Предыдущія строки были уже нами написаны, когда мы прочли въ „Странѣ“ (№ 167) бесѣду съ губернаторомъ одной изъ южныхъ губерній. Губернаторъ скорбитъ, что монархическія партіи во ввѣ-

ренной ему губерніи „крайне ничтожны и вліянія ихъ на населеніе равно нулю".—„Какія же средства придать бо́льшую силу монархическимъ партіямъ"?—спросилъ его интервьюеръ. Губернаторъ отвѣтилъ:—„Этотъ вопросъ, очевидно, свелъ васъ всѣхъ въ Петербургѣ съ ума! Къ какому начальству ни поѣду,—все одинъ и тотъ же вопросъ. Средство одно—разъ власть признаетъ себя слабой, чтобы убить революцію слѣва, не мѣшайте революціи справа. Это, и только это—дастъ могучую силу монархическимъ партіямъ, такъ какъ, увѣряю васъ, революціонеры пожинаютъ растерянность обывателей и, не имѣя серьезныхъ противниковъ въ лицѣ властей, связанныхъ по рукамъ и ногамъ (чѣмъ? не военно-полевыми ли судами?), безнаказанно творятъ безчинства... Разъ вы сами не умѣете раздѣлаться съ ними, такъ не мѣшайте тѣмъ, въ комъ оскорбленное чувство патріота и гражданина готово пренебречь опасностью, чтобы раздѣлаться съ врагами родины... Пока не поздно".

Агитація „союза русскаго народа" имѣетъ непосредственной цѣлью предстоящіе вторые выборы въ Государственную Думу. Преслѣдуя ту же цѣль, курское дворянство—а за нимъ, кажется, и бессарабское—прибѣгло къ пріему, который свидѣтельствуетъ о многомъ, но никакъ не о сохраненіи среди дворянъ, собравшихся въ Курскѣ на экстренное собраніе, традицій дворянскаго благородства. Курское собраніе постановило исключить изъ своей среды за подписаніе выборгскаго воззванія бывшихъ членовъ Думы: князя Петра Долгорукова и гг. Якушкина, фонъ-Рутцена и Ширкова. Фактъ—самъ по себѣ болѣе курьезный, нежели важный. Для освободительнаго движенія—это булавочный уколъ. Для исключенныхъ—не безчестье. И еслибы исключеніе состоялось не передъ выборами, то онъ не заслуживалъ бы особеннаго вниманія.

Нашъ законъ къ числу лицъ, устраняемыхъ отъ выборовъ, между прочимъ, относитъ: „лишенныхъ духовнаго сана или званія за пороки и исключенныхъ изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ". Такимъ образомъ, если рѣшеніе курскихъ дворянъ получитъ силу—для этого оно еще должно пройти черезъ собраніе предводителей и депутатовъ и затѣмъ черезъ очередное губернское дворянское собраніе,—то четверо бывшихъ членовъ Государственной Думы не будутъ имѣть возможности ни баллотировать при вторыхъ выборахъ, ни баллотироваться. „За что"?—спросятъ избиратели, которые дали имъ полномочія при первомъ избраніи безсословныхъ представителей народа.—За то, что они имѣли несчастіе быть внесенными въ дворянскія ро-

дословныя книги курской губерніи и за то, что они не угодили тѣмъ, кто навѣрное подавалъ голосъ противъ нихъ въ мартѣ, но остался въ меньшинствѣ. Они именно „не угодили"—и только. Право дворянъ на исключеніе изъ собраній обусловлено либо совершеніемъ преступнаго дѣянія, либо совершеніемъ безчестнаго поступка. Какъ извѣстно, противъ бывшихъ членовъ Государственной Думы, подписавшихъ выборгское воззваніе, имѣетъ быть возбуждено судебное преслѣдованіе, ибо прокуроръ петербургской судебной палаты усмотрѣлъ въ этомъ дѣйствіи признаки преступленія, предусмотрѣннаго ст. 129 уголовнаго уложенія. Но развѣ усмотрѣніе прокурора есть авторитетное признаніе преступности совершеннаго? Такимъ признаніемъ можетъ служить одинъ вступившій въ законную силу судебный приговоръ. И пока приговора не послѣдовало, фактъ подписанія выборгскаго воззванія есть голый фактъ, но не преступленіе. Ни конкретная, ни юридическая его природа не установлена. Дѣло еще можетъ быть прекращено. Судъ, наконецъ, можетъ вынести оправдательный вердиктъ. Что касается безчестности дѣйствія, выразившагося въ подписаніи воззванія, то какъ можно считать безчестнымъ открытое выраженіе мнѣнія, хотя бы по содержанію революціоннаго? Курскіе дворяне требуютъ, чтобы въ нарушеніе основныхъ законовъ было немедленно измѣнено положеніе о выборахъ въ Государственную Думу. Это требованіе несомнѣнно революціонное. Но мы никогда не позволили бы себѣ назвать ихъ безчестными людьми. Мы не позволили бы себѣ этого, даже еслибы курскіе дворяне потребовали перевѣшать всѣхъ, несогласно съ ними мыслящихъ. Вотъ, пользованіе лазейкой для устраненія отъ избирательныхъ урнъ опасныхъ конкуррентовъ— дѣло иного рода...

Законъ о правѣ дворянъ исключать изъ собраній давно себя пережилъ и оставался мертвой буквой. Помнится, въ 1904 г. его вспомнили было въ тверской губ. по поводу „страннаго" образа дѣйствій мѣстнаго дворянина, производившаго ревизію земства по порученію В. К. Плеве. Хотя сопоставленіе ревизіи съ послѣдовавшимъ затѣмъ закрытіемъ тверского губернскаго и новоторжскаго уѣзднаго земствъ, съ весьма грѣшившимъ противъ истины оффиціальнымъ изложеніемъ обстоятельствъ, вызвавшихъ принятіе „чрезвычайныхъ мѣръ", и съ высылкой изъ предѣловъ губерніи многихъ заслуженныхъ земскихъ дѣятелей—давало поводъ основательно кое въ чемъ усумниться, но и тогда этотъ законъ примѣненія не получилъ. Очевидно, какъ на мертвую букву, на него смотрѣли и составители положенія 6 августа 1905 г. Разъ же обнаружилась тенденція пользованія имъ въ избирательной кампаніи, то или онъ долженъ быть отмѣненъ, или должно быть отмѣнено основывающееся на немъ ограниченіе избирательнаго

права. Иначе можетъ оказаться, что въ однѣхъ губерніяхъ будутъ лишены права войти въ Думу второго созыва дворяне, подписавшіе выборгское воззваніе, въ другихъ—отказавшіеся его подписать, въ третьихъ — вообще излюбленные мѣстнымъ населеніемъ, какъ кандидаты.

Положеніе о выборахъ построено на началахъ безсословности. Какое дѣло крестьянамъ, мѣщанамъ и почетнымъ гражданамъ, что тотъ, кого они хотятъ выбрать, не раздѣляетъ политическихъ воззрѣній большинства мѣстныхъ дворянъ, составляющихъ въ общемъ числѣ избирателей ничтожное меньшинство!.. Отъ курской губерніи всего членовъ въ Государственной Думѣ было десять и, сверхъ того, одинъ отъ города Курска. Сколько изъ нихъ дали подписи подъ выборгское воззваніе, мы точно не знаемъ, но имѣемъ основаніе думать, что не только четыре исключенные изъ собранія дворянина. Допустимъ, что начатое судебное преслѣдованіе не повлечетъ обвинительнаго приговора и что разсмотрѣніе дѣла въ судебномъ порядкѣ не будетъ умышленно замедлено до окончанія выборовъ. Тогда подписавшіе воззваніе не-дворяне получатъ полную возможность вновь быть избранными. А дворяне—нѣтъ. Даже въ другихъ губерніяхъ, гдѣ у нихъ, быть можетъ, тоже имѣются цензы, они не будутъ обладать правомъ кандидатуры... Какъ прекратить дворянамъ, путемъ добровольнаго выхода изъ сословія, свою крѣпостную зависимость— законъ отвѣта не даетъ...

Вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ многими признается, что одной изъ главнѣйшихъ причинъ неудовлетворительнаго хода дѣла въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ является отсутствіе единенія между школой и семьей. Прошлогоднія забастовки вынудили нашихъ педагоговъ обратиться къ семьѣ со словомъ призыва для совмѣстной дѣятельности.

25 ноября 1905 г., министромъ народнаго просвѣщенія было сообщено въ среднія учебныя заведенія для исполненія удостоившееся Высочайшаго одобренія постановленіе совѣта министровъ, отъ 13-го ноября слѣдующаго содержанія: „Разрѣшить образованіе при каждомъ среднемъ учебномъ заведеніи совѣщаній родителей учениковъ всей школы и отдѣльныхъ ея классовъ, съ предоставленіемъ родителямъ права организаціи родительскаго комитета, въ составъ коего должны входить члены, избранные на одинъ годъ родителями учениковъ каждаго класса, а предсѣдателемъ его должно быть лицо, избранное общимъ собраніемъ родителей для предсѣдательствованія въ общихъ собраніяхъ и въ комитетѣ. Предсѣдателю родительскаго комитета должны быть предоставлены права, одинаковыя съ правами почетнаго

ученые, но и лица всѣхъ сословій, сочувствующія литературѣ и просвѣщенію; заявленія о желаніи вступить въ члены дѣлаются или Комитету (Фонтанка, 25), или одному изъ членовъ Фонда, который передаетъ это заявленіе Комитету; избраніе производится посредствомъ баллотировки въ одномъ изъ общихъ собраній, при чемъ лица женскаго пола принимаются безъ такой баллотировки, по одобренію Комитета. Размѣръ членскаго взноса—начиная отъ 10 р. въ годъ.

Предсѣдатель Комитета *П. Вейнбергъ.*

II. — Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Воззваніе Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай*, отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымокли поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ-милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ пищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы на топливо.* Ожидаются цынга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человѣкъ. *Нужна неотложная общественная помощь.* Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавшагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организацій. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые и новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организація С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо, въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертво-*

ванная копѣйка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожая. Спѣшите помогать, ибо опасность—въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность организаціи будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организація избрала *Исполнительный Комитетъ*: предсѣдатель прив.-доц. В. О. Губертъ, секретари: гражд. инж. С. В. Покровскій и д-ръ мед. Г. И. Дембо, казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровскій.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Синяго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ“ (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ“ (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями“ (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ“ (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи“ (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ“ (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ“ (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ“ (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ“ (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей“ (зданіе Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ нѣмецкихъ врачей“ (Моховая, 38); 12) въ „Политехническомъ Обществѣ“ (Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей“ (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ“ (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли“ (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей“ (Б. Конюшенная, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ“ (Англійскій пр., 45),

---

III.—Отъ Общества вспомоществованія студентамъ имп. университета св. Владиміра.

Общество вспомоществованія студентамъ Университета св. Владиміра, вступая въ 24-й годъ своей дѣятельности, крайне озабочено недостаточностью денежныхъ средствъ и связанной съ этимъ печальной необходимостью сократить до минимума размѣры выдаваемыхъ студентамъ пособій.

Сокращеніе средствъ Общества послѣдовало главнымъ образомъ вслѣдствіе непонятнаго отношенія къ нему бывшихъ воспитанниковъ кіевскаго университета св. Владиміра, воспользовавшихся въ свое время матеріальной поддержкой Общества.

Къ сожалѣнію, очень многіе изъ этихъ лицъ, будучи уже вполнѣ

матеріально обезпеченными, совершенно позабыли о своемъ долгѣ и тѣмъ заставляютъ Общество, въ настоящее, экономически тяжелое время, отказывать въ поддержкѣ ихъ младшимъ товарищамъ—питомцамъ родного имъ университета.

Состоящая при Обществѣ долговая коммиссія вполнѣ увѣрена, что должники Общества, прочтя настоящее письмо, откликнутся на этотъ товарищескій призывъ, если не немедленнымъ возвратомъ своихъ долговъ полностью, то въ крайнемъ случаѣ сообщеніемъ своихъ адресовъ и заявленіями о своемъ желаніи разсчитаться съ Обществомъ путемъ разсрочки платежа; но если бы эта надежда не осуществилась, то долговая коммиссія считаетъ своей обязанностью предупредить, что тогда она вынуждена будетъ прибѣгнуть къ крайнему средству моральнаго воздѣйствія, именно—*оглашенію въ печати соотвѣтствующихъ именъ съ полнымъ, по возможности, указаніемъ адресовъ и общественнаго положенія.*

Серьезность испытываемаго Обществомъ, вслѣдствіе неисправности его должниковъ, матеріальнаго затрудненія лучше всего доказывается слѣдующими цифрами:

По книгамъ Общества числится невозвращенныхъ долговъ на сумму около ста-семидесяти тысячъ (170.000) рублей, при чемъ около пятидесяти-семи тысячъ (57.000) рублей числится за лицами, адреса которыхъ остаются для Общества неизвѣстными, несмотря на всѣ его поиски.

Лицъ, интересующихся спискомъ неразысканныхъ пока должниковъ, просятъ письменно обращаться въ канцелярію Общества, для полученія соотвѣтственной книжки.

Деньги и письма на имя Общества вспомоществованія студентамъ университета св. Владиміра слѣдуетъ адресовать: *Кіевъ, Гимназическая, д. № 3.*

IV.—Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Маляревскаго и Е. П. Радина.

Учрежденіе имѣетъ цѣлью практически и научно содѣйствовать борьбѣ съ болѣзненностью и отсталостью въ дѣтскомъ развитіи.

Согласно съ указаніями и требованіями самой жизни, практическая дѣятельность учрежденія направлена къ тому, чтобы дѣти, по выходѣ изъ него, могли быть работоспособными членами семьи и общества, продолжать свое образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ или поддерживать себя физическимъ трудомъ.

Въ основѣ практической дѣятельности учрежденія положено всестороннее изслѣдованіе дѣтей, выясненіе причинъ отсталости и неуспѣшности, изученіе мѣръ борьбы съ этими явленіями, леченіе, примѣненіе спеціальныхъ методовъ воспитанія и обученія.

Учебно-воспитательныя и врачебныя мѣры соотвѣтствуютъ потребностямъ каждаго отдѣльнаго случая: 1) особые методы обученія умственно отсталыхъ — для развитія интеллектуальныхъ силъ и сообщенія необходимаго запаса знаній; 2) подготовка (по программамъ)

къ учебнымъ заведеніямъ дѣтей, оказавшихся способными къ продолженію образованія; 3) знакомство съ общепринятыми ремеслами и искусствами — для дѣтей, одаренныхъ частичными способностями; 4) лѣтомъ — занятія на воздухѣ по огородничеству, садоводству; 5) особый режимъ для воспитанія воли, самообладанія, способности къ труду запущенныхъ въ своемъ воспитаніи дѣтей; 6) врачебныя мѣры и медицинскій надзоръ, смотря по состоянію здоровья воспитанниковъ; гимнастика.

Согласно съ своей задачей, учрежденіе организуетъ амбулаторный пріемъ для изслѣдованія дѣтей и принимаетъ воспитанниковъ, какъ пансіонерами, такъ и приходящими.

Дѣти, поступающія въ учрежденіе, подраздѣляются — въ зависимости отъ индивидуальности и пола — на нѣсколько обособленныхъ отдѣленій и группъ.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 12 линія, д. 19; четвергъ и воскресенье 11—12 дня и 6—7 веч.

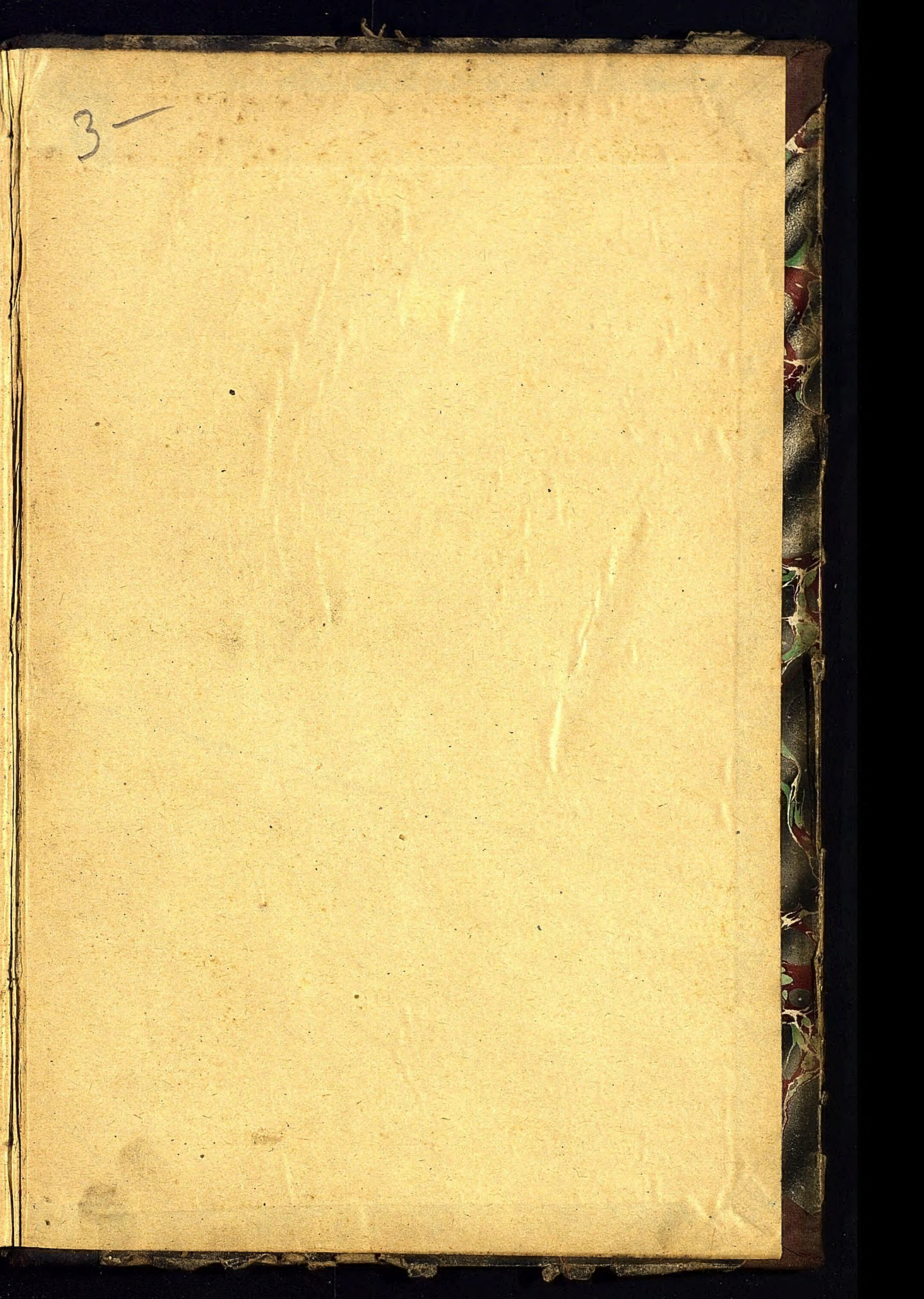
Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЯТАГО ТОМА

Сентябрь—Октябрь, 1906.

Книга девятая. — Сентябрь. стр.

Книга десятая. — Октябрь. стр.


3—

